МОЙ
ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ

АГАТА КРИСТИ

Мисс Марпл
Агата Кристи

Аннотация
Untitled
УБИЙСТВО В ДОМЕ ВИКАРИЯ
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18
ГЛАВА 19

ГЛАВА 20
ГЛАВА 21
ГЛАВА 22
ГЛАВА 23
ГЛАВА 24
ГЛАВА 25
ГЛАВА 26
ГЛАВА 27
ГЛАВА 28
ГЛАВА 29
ГЛАВА 30
ГЛАВА 31
ГЛАВА 32
ТРИНАДЦАТЬ ЗАГАДОЧНЫХ СЛУЧАЕВ
Глава 1. КЛУБ «ВТОРНИК»
Глава 2. СВЯТИЛИЩЕ АСТАРТЫ
Глава 3. ЗОЛОТЫЕ СЛИТКИ
Глава 4. КРОВЬ НА ПАНЕЛИ
Глава 5. МОТИВ И ВОЗМОЖНОСТЬ
Глава 6. ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ СВЯТОГО ПЕТРА
Глава 7. СИНЯЯ ГЕРАНЬ
Глава 8. КОМПАНЬОНКА
Глава 9. ЧЕТВЕРО ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ
Глава 10. ТРАГЕДИЯ ПОД РОЖДЕСТВО
Глава 11. ТРАВА СМЕРТИ
Глава 12. ПРОИСШЕСТВИЕ В БУНГАЛО

Глава 13. СМЕРТЬ МИСС РОУЗ ЭММОТ
ПРЕДИСЛОВИЕ
ТРУП В БИБЛИОТЕКЕ
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18

Аннотация

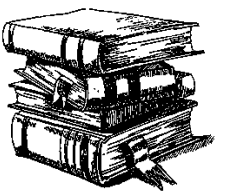
СОДЕРЖАНИЕ:

УБИЙСТВО В ДОМЕ ВИКАРИЯ. *Перевод М.Ковалевой*

ТРИНАДЦАТЬ ЗАГАДОЧНЫХ СЛУЧАЕВ. *Перевод Л.Девель*

ТРУП В БИБЛИОТЕКЕ. *Перевод Г.Костиной и Л.Обуховой*

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ



АГАТА КРИСТИ

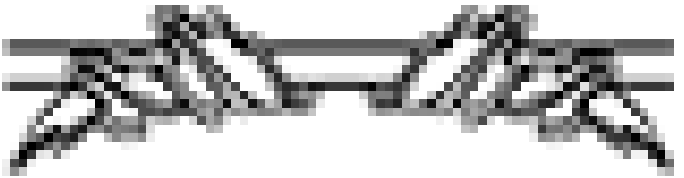
Agatha Christie

МИСС МАРПЛ

УБИЙСТВО В ДОМЕ ВИКАРИЯ

THE MURDER AT THE VICARAGE

УБИЙСТВО В ДОМЕ ВИКАРИЯ



Посвящается Розалинде

ГЛАВА 1

Немалого труда стоило мне выбрать день и час, с которого надо начать рассказ, но я наконец остановил свой выбор на одной из сред, когда мы собрались ко второму завтраку. Беседа в общем не касалась того, о чем я собираюсь рассказать, но все же в ней промелькнуло нечто, оказавшее влияние на последующие события.

Разделавшись с куском вареного мяса (надо сказать, на редкость жесткого), который мне пришлось разрезать как хозяину дома, я вернулся на свое место и с горячностью, отнюдь не приличествующей моему сану, заявил, что тот, кто убьет полковника Протеро, поистине облагодетельствует мир.

Мой юный племянник, Деннис, тут же выпалил:

— Тебе это припомнят, когда найдут старика плавающим в луже крови. Вот и Мэри покажет на тебя, верно, Мэри? Скажет на суде, как ты кровожадно размахивал кухонным ножом!

Мэри служит у нас временно, в надежде на лучшее положение и более солидный заработок, — она громко, официальным тоном объявила:

«Зелень» — и с воинственным видом брякнула треснутое блюдо под нос Деннису.

Моя жена сочувственно спросила:

— Он тебя очень замучил?

Я не сразу нашелся с ответом, поскольку Мэри вслед за зеленью сунула мне в лицо другое блюдо, с крайне непривлекательными непропеченными клецками.

— Благодарю вас, не надо, — сказал я, после чего она грохнула блюдо с клецками на стол и вылетела из комнаты.

— Какая я ужасная хозяйка — просто беда, — сказала моя жена, и мне послышались нотки искреннего раскаяния в ее голосе.

Я был с ней совершенно согласен. Жену мою зовут Гризельда — имя для жены священнослужителя в высшей степени подходящее[1]. Но на этом все подобающие ее положению качества и исчерпываются. Кротости в ней нет ни капли.

Я всегда придерживался мнения, что священнику лучше не жениться. И по сию пору остается тайной, как мне взбрело в голову умолять Гризельду выйти за меня замуж — всего через

---

[1] notes: 1

Г р и з е л ь д а — героиня средневековой легенды, с бесконечным терпением и кротостью переносившая все испытания, которым подвергал ее муж, проверяя ее любовь.

двадцать четыре часа после нашего знакомства. Как я полагал до того, женитьба — серьезнейший шаг, который требует длительного обдумывания и подготовки, и самое важное в браке — сходство вкусов и склонностей.

Гризельда моложе меня почти на двадцать лет. Она поразительно хороша собой и абсолютно неспособна серьезно относиться к чему бы то ни было. Она ничего не умеет толком делать, и жить с ней в одном доме — чистое мучение. Весь мой приход для нее что-то вроде цирка или зверинца, созданного ей на потеху. Я попытался сформировать ее ум, но потерпел полную неудачу. И все более и более убеждаюсь в том, что служителю церкви подобает жить в одиночестве. Я не раз намекал на это Гризельде, но она только заливалась смехом.

— Дорогая моя, — сказал я, — если бы ты хоть чуточку постаралась...

— Да я стараюсь, — откликнулась Гризельда. — Только, знаешь, мне кажется, что, чем больше я стараюсь, тем хуже получается. Ничего не поделаешь — я не создана для домашнего хозяйства. Я решила, что лучше бросить все на Мэри, примириться с неудобствами и питаться этой неудобоваримой гадостью.

— А о муже ты подумала, радость моя? — укорил я ее и добавил, следуя примеру лукавого, который цитировал Священное писание ради своих целей: — *Она устраивает все в доме своем...*

— Но ведь тебе сказочно повезло: тебя не бросили на растерзание львам, — живо перебила Гризельда. — А то еще и на костер мог бы угодить. Стоит ли поднимать шум из-за невкусной еды и невыметенной пыли с дохлыми осами! Расскажика мне лучше про полковника Протеро. У ранних христиан было одно преимущество — они не додумались еще завести у себя церковных старост.

— Надутый старый грубиян, — заметил Деннис. — Недаром первая жена от него сбежала.

— По-моему, ничего другого ей и не оставалось, — сказала моя жена.

— Гризельда! — строго оборвал ее я. — Я не потерплю, чтобы ты говорила подобные вещи.

— Ну, милый, — с нежностью сказала жена. — Расскажи мне про него. Из-за чего весь сыр-бор разгорелся? Может, из-за мистера Хоуза, из-за того, что он ежеминутно кланяется, кивает и крестится?

Хоуз — мой новый помощник. Он прослужил в нашем приходе чуть больше трех недель, придер-

живается правил Высокой Церкви[2] и постится по пятницам. А полковник Протеро — непримиримый противник всех и всяческих ритуалов.

— На этот раз — нет. Хотя походя он и об этом упомянул. Нет, все неприятности начались со злосчастной фунтовой бумажки миссис Прайс Ридли.

Миссис Прайс Ридли — достойный член нашей общины. Во время ранней обедни в годовщину смерти своего сына она положила в кружку для пожертвований фунтовую банкноту. Позже, читая вывешенную для сведения паствы справку о пожертвованиях, она была поражена в самое сердце тем, что самой крупной банкнотой значилась бумажка в десять шиллингов.

Она пожаловалась мне, и я вполне резонно заметил, что она, должно быть, запамятовала.

— Мы все уже не так молоды, — добавил я, стараясь как можно тактичнее уладить дело. — Годы берут свое, от этого не уйдешь.

Как ни странно, мои слова оказали противоположное действие. Она заявила, что творятся странные вещи, и она чрезвычайно удивлена,

---

[2] notes: 2

В ы с о к а я...Ц е р к о в ь — направление в англиканской церкви, придающее большое значение соблюдению ритуалов и авторитету духовенства.

что я этого не замечаю. После чего миссис Прайс Ридли, как я догадываюсь, явилась с жалобами к полковнику Протеро. Протеро из тех людей, которые обожают скандалить по любому поводу. Он и устроил скандал. К сожалению, для скандала он выбрал сре́ду. А я утром по средам даю уроки в церковной дневной школе, и это превращает меня в комок нервов... так что я до конца дня не могу прийти в себя.

— Что ж тут такого — надо же и ему хоть чем-то развлечься, — сказала моя жена с видом праведного и беспристрастного судьи. — Около него никто не увивается, называя его нашим дорогим викарием, и никто ему не дарит жутких расшитых туфель, а к Рождеству — теплых ночных носочков. И жена и дочь на дух его не переносят. Наверно, ему приятно хоть в чем-то почувствовать себя важной персоной.

— Но ведь для этого вовсе не обязательно оскорблять других, — не без горячности ответил я. — Мне кажется, он даже не понял, какие выводы можно сделать из его слов. Хочет проверить все церковные счета — на случай растрат. Растрат, так и сказал. Выходит, он думает, будто я прикарманиваю церковные средства!

— О тебе никто такого не подумает, мой род-

ной, — сказала Гризельда. — Ты настолько выше всех подозрений, что тебе просто грех не воспользоваться такой возможностью. Вот было бы здорово, если бы ты присвоил пожертвования на миссионерскую работу. Терпеть не могу миссионеров — я их всегда ненавидела.

Я уже хотел упрекнуть жену за нехристианские чувства, но тут Мэри внесла полусырой рисовый пудинг. Я попробовал слабо протестовать, но Гризельда заявила, что японцы всегда едят недоваренный рис и от этого у них так хорошо варят мозги.

— Попомни мои слова, — сказала она, — если бы ты всю неделю, до самого воскресенья, ел рисовый пудинг, ты произнес бы сногсшибательную проповедь, честное слово.

— Боже упаси, — содрогнувшись, ответил я. Затем продолжил: — Протеро зайдет завтра вечером, и мы вместе просмотрим все счета. А сегодня мне нужно закончить свою речь для МКАЦ[3]. Я тут искал цитату и так зачитался *«Реальностью»* каноника Ширли, что не успел написать все до конца. А ты сегодня что собираешься делать, Гризельда?

---

[3] notes: 3
М К А Ц — Мужская Конгрегация Англиканской Церкви.

— Исполнять свой долг, — сказала Гризельда. — Свой долг супруги пастыря. Чай со сплетнями в половине пятого.

— А кого ты пригласила?

Гризельда стала перечислять по пальцам, сияя напускной добродетелью:

— Миссис Прайс Ридли, мисс Везерби, мисс Хартнелл и это чудовище — мисс Марпл.

— А мне мисс Марпл даже нравится, — возразил я. — По крайней мере, она не лишена чувства юмора.

— Самая жуткая сплетница во всей деревне, — сказала Гризельда. — Всегда знает до мелочей все, что здесь творится, и всегда от всех ждет самого худшего.

Как я уже говорил, Гризельда гораздо моложе меня. В моем возрасте люди понимают, что самые худшие ожидания обычно оправдываются.

— Меня к чаю не жди, Гризельда! — заявил Деннис.

— Ах ты разбойник! — воскликнула Гризельда.

Деннис благоразумно спасся бегством, а мы с Гризельдой перешли ко мне в кабинет.

— Ума не приложу, кого бы еще позвать, — сказала она, усаживаясь на мой письменный стол. — Может, доктора Стоуна и мисс Крэм? И еще,

пожалуй, миссис Лестрейндж. Между прочим, я к ней вчера заходила и не застала ее. Да, миссис Лестрейндж надо непременно подать к чаю. Она такая таинственная — приехала, сняла дом в деревне и носа из него не кажет, а? Сразу приходят в голову детективы. Представляешь — *«Кто была эта таинственная дама с бледным и прекрасным лицом? Что таилось в ее прошлом? Никто не ведал. В ней было нечто роковое»*. По-моему, доктор Хейдок что-то про нее знает.

— Ты читаешь слишком много детективов, — кротко заметил я.

— А ты-то сам? — парировала она. — Я вчера весь дом перевернула, искала *«Пятно на лестнице»*, пока ты писал тут проповедь. Наконец прихожу спросить тебя, не попадалась ли тебе эта книга, и что я вижу?

У меня хватило совести покраснеть.

— Да я просто нечаянно на нее наткнулся. Потом какая-то фраза случайно попалась мне на глаза, и...

— Знаю я эти случайные фразы, — сказала Гризельда. И напыщенно произнесла, словно читая по книге: — *«И тут случилось нечто поразительное — Гризельда встала, прошла через всю комнату и нежно поцеловала своего пожилого*

мужа». Сказано — сделано.

— Это и вправду «нечто поразительное»? — спросил я ее.

— Ты еще спрашиваешь, — ответила Гризельда, — Ты хоть понимаешь, Лен, что я могла выйти замуж за министра, за баронета[4], за процветающего дельца, за трех младших офицеров и бездельника с изысканными манерами, а вместо этого выбрала тебя? Разве это не поразило тебя в самое сердце?

— Тогда — поразило, — признался я. — Я частенько задумывался, почему ты так поступила.

Гризельда залилась смехом.

— А потому, что почувствовала себя совершенно неотразимой, — прошептала она. — Остальные мои кавалеры считали, что я просто чудо, и, разумеется, для каждого из них я была бы отличной женой. Но для тебя я — воплощение всего, что ты не любишь и не одобряешь, и все же ты не мог передо мной устоять. Мое тщеславие просто не выдержало этого. Знаешь, куда приятнее, когда тебя втайне обожают, сознавая, что это грех, чем когда тобой гордятся и выставляют напоказ. Я доставляю тебе кучу неудобств, я непрерывно

---

[4] notes: 4

Б а р о н е т — в Англии носитель низшего наследственного дворянского титула.

тебя шокирую, и, несмотря ни на что, ты любишь меня до безумия. Ты меня любишь до безумия, а?

— Разумеется, я к тебе очень привязан, дорогая.

— Вот как! Лен, ты меня обожаешь. Помнишь, как я осталась в городе, а тебе послала телеграмму, и ты ее не получил, потому что сестра почтмейстерши разрешилась двойней и она забыла ее передать? Ты потерял голову, принялся звонить в Скотленд-Ярд и вообще устроил жуткий переполох.

Есть вещи, вспоминать о которых бывает весьма неприятно. В упомянутом случае я действительно вел себя довольно глупо. Я сказал:

— Извини, дорогая, но я хотел бы заняться своей речью для МКАЦ.

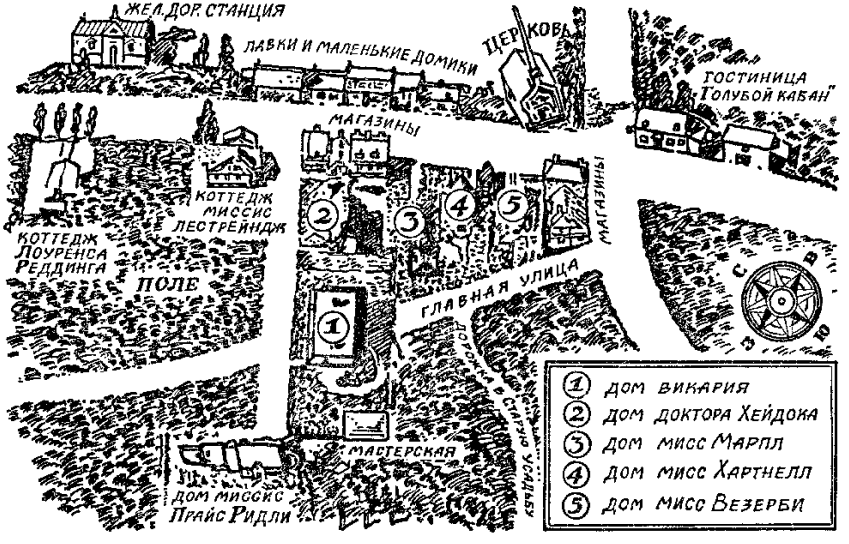
Гризельда страдальчески вздохнула, взъерошила, потом снова пригладила мои волосы и сказала:

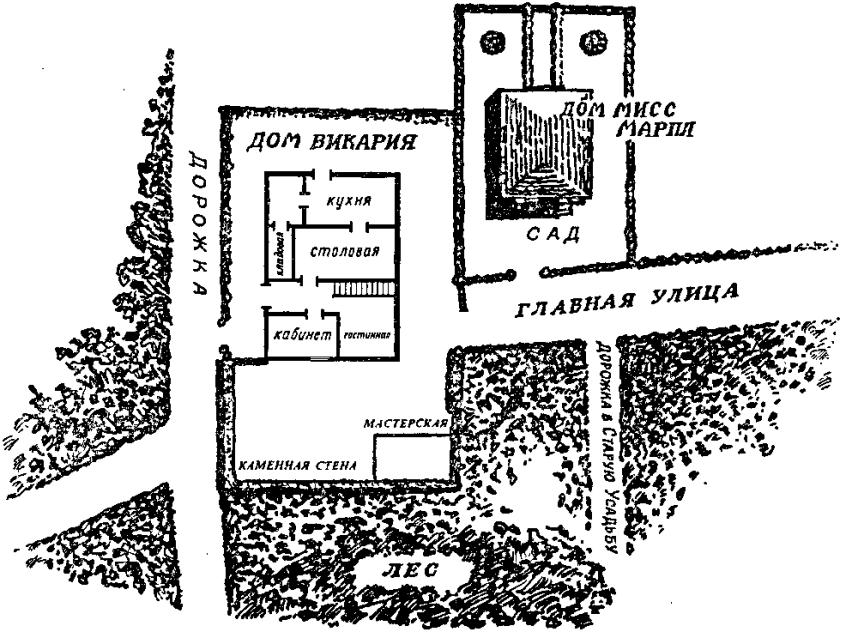
— Ты меня недостоин. Нет, правда! Закручу роман с художником. Клянусь, что закручу. Представляешь себе, какие сплетни пойдут по всему приходу?

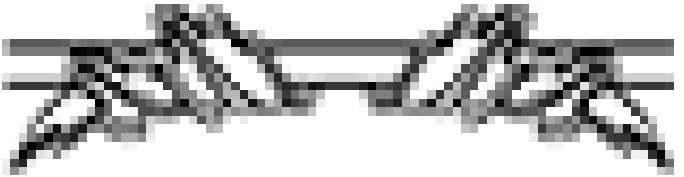
— Их и без того предостаточно, — мягко заметил я.

Гризельда расхохоталась, послала мне воздуш-

ный поцелуй и выпорхнула через застекленную дверь.


ЖЕЛ. ДОР. СТАНЦИЯ
ЛАВКИ И МАЛЕНЬКИЕ ДОМИКИ
ЦЕРКОВЬ
ГОСТИНИЦА "ГОЛУБОЙ КАБАН"
МАГАЗИНЫ
КОТТЕДЖ МИССИС ЛЕСТРЕЙНДЖ
КОТТЕДЖ ЛОУРЕНСА РЕДДИНГА
ПОЛЕ
МАГАЗИНЫ
ГЛАВНАЯ УЛИЦА
С В Е Р Н О
МАСТЕРСКАЯ
ДОМ МИССИС ПРАЙС РИДЛИ
1 ДОМ ВИКАРИЯ
2 ДОМ ДОКТОРА ХЕЙДОКА
3 ДОМ МИСС МАРПЛ
4 ДОМ МИСС ХАРТНЕЛЛ
5 ДОМ МИСС ВЕЗЕРБИ


ДОМ МИСС МАРПЛ
ДОМ ВИКАРИЯ
ДОРОЖКА
кухня
кладовая
столовая
кабинет
гостиная
САД
ГЛАВНАЯ УЛИЦА
ДОРОЖКА В СТАРУЮ УСАДЬБУ
МАСТЕРСКАЯ
КАМЕННАЯ СТЕНА
ЛЕС



ГЛАВА 2

Нет, с Гризельдой решительно нет никакого сладу! После ланча я встал из-за стола в прекрасном настроении, чувствуя, что готов написать действительно вдохновенное обращение к Мужской Конгрегации Англиканской Церкви. И вот никак не могу сосредоточиться и места себе не нахожу.

Когда я, успокоившись, собрался было приступить к работе, в кабинет словно ненароком забрела Летиция Протеро. Я не случайно употребил слово «забрела». Мне приходилось читать

романы, в которых молодые люди едва не лопаются от бьющей через край энергии — joie de vivre — волшебной жизнерадостной юности... Но мне лично почему-то попадаются молодые создания, скорее напоминающие бесплотные призраки.

В этот день Летиция особенно напоминала тень. Она очень хорошенькая девушка, высокая, светленькая, но какая-то неприкаянная. Она забрела ко мне, рассеянно стащила с головы желтый беретик и с отсутствующим видом пробормотала:

— А! Это вы...

От Старой Усадьбы идет тропа через лес, прямо к нашей садовой калитке, поэтому гости по большей части проходят в эту калитку и прямо к двери кабинета — дорогой в обход идти далеко — и только ради того, чтобы войти с парадного входа. Появление Летиции меня не удивило, но ее поведение вызвало легкую досаду.

Если ты идешь в дом священника, стоит ли удивляться, увидев самого священника?

Она вошла и упала, словно подкошенная, в одно из больших кресел. Подергала себя, непонятно для чего, за прядку волос, уставилась в потолок.

— А Денниса тут у вас нет?

— Я его не видел после ланча. По-моему, он со-

бирался идти играть в теннис на ваших кортах.

— А-а... — протянула Летиция. — Лучше бы он не ходил. Там ни души нету.

— Он сказал, что вы его пригласили.

— Может, и пригласила. Только в пятницу. А сегодня вторник.

— Среда, — сказал я.

— Ой! Кошмар. Значит, я в третий раз позабыла, что меня звали на ланч.

Впрочем, это ее не особенно беспокоило.

— А где Гризельда?

— Я думаю, вы найдете ее в мастерской в саду, она позирует Лоуренсу Реддингу.

— У нас тут из-за него такая склока разгорелась, — сказала Летиция. — Сами знаете, какой у меня папочка. Жуткий папочка.

— Какая скло... то есть о чем вы говорите? — спросил я.

— Да все из-за того, что он меня пишет. А папочка узнал. Интересно, почему это я не имею права позировать в купальном костюме? На пляже в нем быть можно, а на портрете нельзя?

Летиция помолчала, потом снова заговорила:

— Чепуха какая-то — отец, видите ли, отказывает молодому человеку от дома. Мы с Лоуренсом прямо обалдели. Я буду ходить сюда, к вам в ма-

стерскую, можно?

— Нельзя, дорогая моя, — сказал я. — Если ваш отец запретил — нельзя.

— Ох, боже ты мой, — вздохнула Летиция. — Вы все как сговорились, сил моих нет! Издергана. До предела. Если бы у меня были деньги, я бы сбежала, а без денег куда денешься? Если бы папочка, как порядочный человек, приказал долго жить, у меня бы все устроилось.

— Летиция, такие слова говорить не следует.

— А что? Если он не хочет, чтобы я ждала его смерти, пусть не жадничает, как последний скряга. Неудивительно, что мама от него ушла. Знаете, я много лет думала, что она умерла. А тот молодой человек, к которому она ушла, — он что, был симпатичный?

— Это случилось до того, как ваш отец приехал сюда.

— Интересно, как у нее все сложилось? Я уверена, что Анна вот-вот закрутит с кем-нибудь роман. Анна меня ненавидит — нет, обращается нормально, но — ненавидит. Стареет, и ей это не по вкусу. В таком возрасте и срываешься с цепи, сами знаете.

Хотел бы я знать — неужели Летиция собирается до вечера сидеть у меня в кабинете?

— Вам мои граммофонные пластинки не попадались? — спросила она.

— Нет.

— Вот тоска! Я их где-то забыла. И собака куда-то сбежала. Часики тоже, наручные — только они все равно не ходят. Ох, спать хочется! Не пойму отчего — я встала только в одиннадцать. Жизнь так изматывает, правда? Господи! Надо идти. В три часа мне покажут раскоп, который сделал доктор Стоун.

Я взглянул на часы и заметил, что уже без двадцати пяти четыре.

— Ой! Не может быть! Кошмар. Ждут ли они меня или уже ушли? Надо пойти, посмотреть...

Она встала и побрела из комнаты, бросив через плечо:

— Вы скажете Деннису, ладно?

Я механически ответил «Да», а когда понял, что не имею представления, что именно надо сказать Деннису, было уже поздно. Но, поразмыслив, я решил, что это, вероятно, не имело никакого значения. Я задумался о докторе Стоуне — это был знаменитый археолог, недавно он остановился в гостинице «Голубой Кабан» и начал раскопки на участке, входящем во владения полковника Протеро. Они с полковником уже несколько раз

спорили не на шутку. Забавно, что он пригласил Летицию посмотреть на раскопки.

А ведь Летиция Протеро довольно остра на язычок. Интересно, поладит ли она с секретаршей археолога, мисс Крэм. Мисс Крэм — пышущая здоровьем особа двадцати пяти лет, шумная, румяная, переполнена до краев молодой жизненной энергией, и рот у нее полон зубов — кажется, их там даже больше положенного.

В деревне мнения разделились: одни считают, что она такая же, как все, другие — что эта молодая особа строгих правил, которая намерена при первой же возможности сделаться миссис Стоун. Она полная противоположность Летиции.

Насколько я понимал, жизнь в Старой Усадьбе действительно текла не очень счастливо. Полковник Протеро женился второй раз лет пять тому назад. Вторая миссис Протеро отличалась замечательной, хотя несколько необычной красотой. Я и раньше догадывался, что у нее не очень хорошие отношения с падчерицей.

Меня прервали еще раз. На этот раз пришел мой помощник, Хоуз. Он хотел узнать подробности моего разговора с Протеро. Я сказал, что полковник посетовал на его «католические при-

страстия»[5], но что цель его визита была иная. Со своей стороны, я тоже выразил протест и недвусмысленно дал ему понять, что придется следовать моим указаниям. В общем, Хоуз принял мои замечания вполне мирно.

Когда он ушел, я стал переживать оттого, что не могу относиться к нему теплее. Я глубоко убежден, что истинному христианину не подобает испытывать такие безотчетные симпатии и антипатии к своим ближним.

Я вздохнул, заметив, что стрелки часов на письменном столе показывают без четверти пять, что на самом деле означало половину пятого, и прошел в гостиную.

Четыре моих прихожанки сидели там, держа в руках чашки с чаем. Гризельда восседала за чайным столом, стараясь держаться как можно естественнее в этом обществе, но сегодня это ей удавалось хуже, чем обычно.

Я всем по очереди пожал руки и сел между мисс Марпл и мисс Везерби.

Мисс Марпл — седовласая старая дама с необыкновенной приятностью в манерах, а мисс Везерби

---

[5] notes: 5

Имеется в виду страсть к обрядам, отличающая католическое направление в христианском вероучении, на которые тратятся довольно внушительные средства.

— неиссякаемый источник злословия. Мисс Марпл, безусловно, гораздо опаснее.

— Мы тут как раз говорили о докторе Стоуне и мисс Крэм, — сладким как мед голоском сказала Гризельда.

У меня в голове промелькнули дурацкие стишки, которые сочинил Деннис: «Мисс Крэм даст фору всем».

Меня обуревало невесть откуда накатившее желание произнести эту строчку вслух и посмотреть, что будет, но, к счастью, я совладал с собой.

Мисс Везерби выразительно сказала:

— Порядочные девушки так не поступают, — и неодобрительно поджала тонкие губы.

— Как не поступают? — спросил я.

— Не идут в секретарши к холостому мужчине, — сказала мисс Везерби замогильным голосом.

— О, дорогая моя, — сказала мисс Марпл. — По-моему, женатые куда хуже. Вспомните бедняжку Молли Картер.

— Конечно, женатые мужчины, вырвавшись из дома, ведут себя из рук вон плохо, — согласилась мисс Везерби.

— И даже когда живут дома, с женой, — негромко заметила мисс Марпл. — Помнится...

Я поспешил прервать эти небезопасные вос-

поминания.

— Помилуйте, — сказал я. — В наше время девушка вольна поступить на службу, как и мужчина.

— И выехать за город? И остановиться в той же гостинице? — сурово произнесла миссис Прайс Ридли.

Мисс Везерби шепнула мисс Марпл:

— Спальни на одном этаже...

Мисс Хартнелл, дама закаленная и жизнерадостная — бедняки боятся ее как огня, — заявила громогласно и энергично:

— Бедняга не успеет оглянуться, как его опутают по рукам и ногам. Он же простодушнее нерожденного дитяти, — это сразу видно.

Удивительно, куда нас иногда заводят привычные выражения! Ни одна из присутствующих дам и помыслить не могла о том, чтобы вслух упомянуть о каком-нибудь младенце, покуда он не заагукает в колыбельке, выставленный всем на обозрение.

— Позорище — иначе не скажешь, — продолжала мисс Хартнелл с присущей ей «тактичностью». — Он же на добрых двадцать пять лет старше ее!

Три женских голоса, наперебой, словно стараясь заглушить эту неловкую фразу, заговорили

хором и невпопад о пикнике для мальчиков из хора, о неприятном случае на последнем митинге матерей, о сквозняках в церкви. Мисс Марпл смотрела на Гризельду ласково сияющими глазами.

— А может, мисс Крэм просто нравится интересная работа? — сказала моя жена. — И доктор Стоун для нее всего лишь руководитель.

Ответом было полное молчание. Все четыре дамы были явно с ней не согласны. Тишину нарушила мисс Марпл; погладив Гризельду по руке, она сказала:

— Душечка, вы так молоды. Молодость так неопытна и доверчива!

Гризельда возмущенно отпарировала, что она вовсе не так уж неопытна и доверчива.

— Естественно, — продолжала мисс Марпл, пропустив возражения мимо ушей, — вы всегда думаете обо всех только самое хорошее.

— А вы действительно считаете, что она хочет выскочить замуж за этого лысого зануду?

— Насколько я понимаю, в средствах он не стеснен, — сказала мисс Марпл. — Разве что характер у него вспыльчивый. Вчера он повздорил с полковником Протеро.

Все дамы навострили уши.

— Полковник Протеро назвал его неучем.

— Полковник Протеро мог сказать такую чепуху, это в его духе, — заметила миссис Прайс Ридли.

— Совершенно в его духе, только я не уверена, что это такая уж чепуха, — сказала мисс Марпл. — Помните ту женщину, — вроде бы из общества социального обеспечения, — собрала пожертвования по подписке и как в воду канула. Оказалось, что она не имела к этому обществу никакого отношения. Мы все привыкли верить людям на слово — слишком уж мы доверчивы.

Вот уж не подумал бы, что мисс Марпл страдает доверчивостью.

— Там был еще какой-то шум из-за молодого человека, художника — мистера Реддинга, не так ли? — спросила мисс Везерби.

Мисс Марпл кивнула.

— Полковник Протеро отказал ему от дома. Кажется, он писал Летицию в купальном костюме.

— А я с самого начала видела, что между ними что-то есть, — сказала миссис Прайс Ридли. — Молодой человек слишком увивался вокруг нее. Жаль, что у девушки нет родной матери. Мачеха никогда ее не заменит.

— Я бы этого не сказала, — вмешалась мисс

Хартнелл. — Миссис Протеро старается как может.

— Девушки всегда себе на уме, — посетовала миссис Прайс Ридли.

— Настоящий роман, правда? — сказала сентиментальная мисс Везерби. — Он такой красивый!

— Но распущенный, — бросила мисс Хартнелл. — А чего еще ждать? Художник! Париж! Натурщицы! И... и всякое такое!

— Писал ее в купальном костюме, — заметила миссис Прайс Ридли. — Такая распущенность.

— Он и мой портрет пишет, — сказала Гризельда.

— Но ведь не в купальном костюме, душечка, — сказала мисс Марпл.

— Вы совершенно правы... зачем он вообще нужен... — заявила Гризельда.

— Шалунья! — сказала мисс Хартнелл, у которой хватило чувства юмора, чтобы понять шутку. Остальные дамы были слегка шокированы.

— Милая Летиция уже рассказала вам об этих неприятностях? — обратилась ко мне мисс Марпл.

— Мне?

— Ну да. Я видела, как она прошла садом и повернула к двери вашего кабинета.

От мисс Марпл ничто не укроется. Возделывание клумб — превосходная дымовая завеса, а привычка наблюдать за птичками в сильный бинокль оказывается как нельзя более кстати[6].

— Да, она об этом упомянула, — признался я.

— У мистера Хоуза был очень встревоженный вид, — добавила мисс Марпл. — Надеюсь, он не переутомился на работе.

— Ах! — живо воскликнула мисс Везерби. — Совсем из головы вылетело! У меня есть для вас новость. Я видела, как доктор Хейдок выходил из дома миссис Лестрейндж.

Все переглянулись.

— Может, ей нездоровилось, — сказала миссис Прайс Ридли.

— В таком случае — болезнь настигла ее внезапно, — сказала мисс Хартнелл. — Я видела, как она расхаживает по саду в три часа дня, и с виду — здоровехонька.

— Должно быть, они давно знакомы с доктором Хейдоком, — сказала миссис Прайс Ридли. — Само-то он об этом помалкивает.

— Да, любопытно, — сказала мисс Везерби. — Он об этом *ни словечка* не обронил.

---

[6] notes: 6

Наблюдение за жизнью птиц считается национальным увлечением англичан.

— Если хотите знать... — начала Гризельда тихим и таинственным голосом.

Все наклонились к ней, заинтригованные до крайности.

— Мне все *доподлинно* известно. Ее муж был миссионером. Жуткая история. *Его съели,* представляете себе? Буквально съели. А ее заставили стать главной женой их вождя. Доктор Хейдок спас ее — он там был, в экспедиции.

На некоторое время возникло всеобщее замешательство, а потом мисс Марпл сказала с упреком, но не сдержав ласковой улыбки: «Какая шалунья!» Она похлопала Гризельду по руке и наставительно заметила:

— Очень неразумно, моя душечка. Когда выдумываешь небылицы, люди непременно им верят. А это может вызвать осложнения.

В гостиной явно повеяло холодком. Две дамы встали и начали прощаться.

— Интересно, есть ли что-нибудь между Реддингом и Летицией Протеро, — сказала мисс Везерби. — Мне кажется это вполне вероятным. А как вам кажется, мисс Марпл?

Мисс Марпл призадумалась.

— Я бы этого не сказала. Только не Летиция. По-моему, тут замешано совсем иное лицо.

— Но полковник Протеро считает...

— Я всегда замечала, что он — человек недалекий, — сказала мисс Марпл. — Из тех упрямцев, которые если что заберут себе в голову, то нипочем от этого не отступятся. Помните Джо Бакнелла, прежнего хозяина «Голубого Кабана»? Сколько шуму было из-за того, что его дочка якобы встречалась с молодым Бейли. А на самом-то деле это была его жена, негодница этакая!

Говоря это, она смотрела прямо на Гризельду, и меня вдруг охватило возмущение, с которым я не сумел совладать.

— Вам не кажется, мисс Марпл, — сказал я, — что все мы слишком склонны злословить о ближних своих? Добродетель не мыслит злого, как вы знаете. Можно причинить неисчислимый вред, позволяя себе болтать глупости и распускать злостные сплетни.

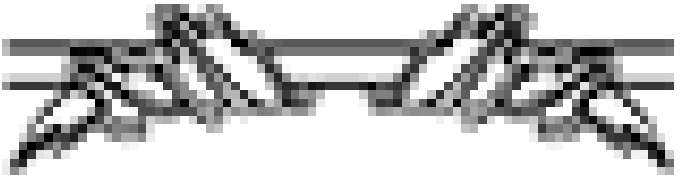
— Дорогой викарий, — ответила мисс Марпл. — Вы человек не от мира сего. Боюсь, что человеческая натура, за которой мне довелось наблюдать столь долгое время, не так совершенна, как хотелось бы. Конечно, праздная болтовня — это дело грешное и недоброе, но ведь она так часто оказывается правдой, не так ли?

Эта последняя, парфянская стрела попала в

цель[7].

[7] notes: 7

П а р ф я н с к а я...с т р е л а — враждебный выпад напоследок, перед уходом; по преданию, парфяне, жители древнего царства на юго-востоке Каспийского моря, симулируя отступление, заманивали врагов в ловушку и осыпали их стрелами.



ГЛАВА 3

— Гадкая старая сплетница! — сказала Гризельда, как только за ней затворилась дверь.

Она скорчила гримаску вслед уходящим гостьям, взглянула на меня и — рассмеялась.

— Лен, неужели ты и вправду думаешь, что у меня роман с Лоуренсом Реддингом?

— Что ты, милая, конечно нет!

— Но ты же подумал, что мисс Марпл намекает на это. И ринулся меня защищать — это было великолепно! Ты был похож на разъяренного тигра!

Я на минуту почувствовал себя крайне смущенным. Служителю англиканской церкви отнюдь не подобает подавать повод к тому, чтобы его сравнивали с разъяренным тигром.

— Я почувствовал, что в этом случае просто обязан выразить протест, — ответил я. — Но, Гризельда, мне бы хотелось, чтобы ты все же выбирала слова и думала, о чем говоришь.

— Это ты про историю с людоедами? — спросила она. — Или про то, что Лоуренс рисует меня нагишом? Знали бы они, что он пишет меня в теплом плаще с высоченным меховым воротником — в таком одеянии можно с чистой совестью идти в гости к самому папе римскому: не видно ни кусочка грешной плоти! Честно говоря, все у нас так чисто, что просто диву даешься. Лоуренс ни разу не попытался за мной поухаживать — никак не пойму, в чем тут дело.

— Он знал, что ты замужняя женщина, вот и...

— Лен, только не притворяйся, что ты только что вылез из Ноева ковчега! Ты отлично знаешь, что очаровательная молодая женщина, у которой пожилой муженек, для молодого человека просто дар небесный. Тут есть какая-то особая причина, а вовсе не недостаток привлекательности — чего-чего, а этого мне не занимать.

— Но разве ты хочешь, чтобы он соблазнил тебя?

— Н-н-нет, — сказала она, помедлив чуть дольше, чем мне бы хотелось.

— Если он влюблен в Летицию Протеро...

— Мисс Марпл в это не верит.

— Мисс Марпл могла и ошибиться.

— Она всегда права. Такие закоренелые старые сплетницы никогда не ошибаются. — Гризельда на минуту умолкла, потом спросила, взглянув на меня искоса: — Ты мне веришь, правда? То есть, что у нас с Лоуренсом ничего нет?

— Моя милая Гризельда, — ответил я. — Верю, как самому себе.

Моя жена подбежала и поцеловала меня.

— Если бы только ты не был таким простачком! Тебя же ничего не стоит обвести вокруг пальца! Ты готов поверить всему, что бы я ни сказала.

— А как же иначе? Только, милая, постарайся следить за тем, что ты говоришь, не давай воли своему язычку. У этих дам нет ни малейшего чувства юмора, помни об этом, — они все принимают всерьез.

— Я знаю, чего им не хватает, — сказала Гризельда. — Надо бы им самим обзавестись какими-нибудь грешками — тогда у них не останется

времени вынюхивать повсюду чужие.

С этими словами она вышла из комнаты, а я взглянул на часы и без промедления отправился с визитами, которые должен был нанести еще утром.

Вечерняя служба в среду, как всегда, собрала немного прихожан, но когда я, разоблачившись в ризнице, вышел в опустевшую церковь, то у одного из витражей приметил одинокую женскую фигуру. У нас замечательные старинные цветные витражи в окнах, да и сам храм заслуживает того, чтобы на него посмотреть. Заслышав мои шаги, женщина обернулась, и я узнал миссис Лестрейндж.

Мы оба молчали, пока я не сказал:

— Надеюсь, вам понравилась наша церковь.

— Я любовалась витражом, — ответила она.

Она говорила приятным, низким, хорошо поставленным голосом, четко произнося слова.

— Очень жаль, что я вчера не застала вашу жену, — добавила она.

Мы еще несколько минут поговорили о нашей церкви. Было очевидно, что она — человек высокой культуры, знакомый с историей церкви и церковной архитектурой. Мы вместе вышли и пошли по дороге, которая проходила мимо ее

коттеджа и вела к моему дому. Когда мы подошли к ее калитке, она приветливо сказала:

— Не хотите ли зайти? Мне интересно, что вы скажете о том, как я все здесь устроила.

Я принял приглашение. Коттедж «Маленькая калитка» принадлежал раньше полковнику, служившему в Индии, и я поневоле почувствовал облегчение, увидев, что медные столики и бирманские идолы исчезли. Теперь домик был обставлен просто, но с самым изысканным вкусом. В нем воцарился дух гармонии и покоя.

Но я никак не мог взять в толк, что привело такую женщину, как миссис Лестрейндж, в Сент-Мэри-Мид. Этот вопрос с каждым днем мучил меня все больше. Она была светской женщиной до мозга костей и тем не менее решилась похоронить себя в нашей деревенской глуши.

При ясном свете, озарявшем гостиную, я смог впервые рассмотреть ее как следует.

Она была очень высокого роста. Волосы золотистые, с рыжеватым оттенком. Брови и ресницы темные — то ли от природы, то ли подкрашены — об этом мне трудно судить. Если она и подкрашивала их слегка, как мне показалось, то делала это артистически. В ее лице, когда оно было спокойно, было что-то от сфинкса, а глаза у нее были

совершенно необыкновенные, я ни у кого таких не видел — они казались почти золотыми.

Одета она была безукоризненно и держалась с непринужденностью, обнаруживавшей отличное воспитание, но все же в ней сквозило что-то, не совпадавшее с этим образом, и это меня смущало. Сразу чувствовалось, что она окружена тайной. Мне вспомнилось слово, которое сказала Гризельда: *роковая.* Глупость, конечно, — и все же — так ли уж это глупо? Мне пришла в голову непрошеная мысль: «Эта женщина ни перед чем не остановится».

Мы беседовали о самых обычных вещах — о картинах, книгах, старых соборах. Но я никак не мог отделаться от ощущения, что миссис Лестрейндж хотела сказать мне что-то еще — не то, о чем мы говорили.

Несколько раз я ловил ее взгляд, устремленный на меня со странной робостью, как будто она никак не могла собраться с духом и решиться на что-то. Она старалась вести беседу только на отвлеченные темы. Ни разу не упомянула мужа, друзей или родных. Но из ее глаз ни на минуту не исчезало странное выражение, словно мольба о помощи. Казалось, ее глаза вопрошают: «Можно ли вам все сказать? Я так этого хочу. Неужели вы

не поможете мне?»

Но это выражение постепенно угасло — быть может, я просто вообразил себе все это. Я почувствовал, что мной начинают тяготиться. Встал и распрощался. Выходя из комнаты, я оглянулся и поймал ее пристальный, недоуменный, мучительный взгляд. Повинуясь внезапному наитию, я вернулся:

— Если я могу вам чем-то помочь...

Она нерешительно проговорила:

— Вы очень добры...

Мы оба смолкли. Потом она сказала:

— Я сама не знаю. Это очень сложно. Нет, я думаю, что мне уже никто не поможет. Но благодарю вас за участие.

Видимо, она приняла окончательное решение, и мне оставалось только одно — уйти. Но, уходя, я не мог отделаться от сомнений. Здесь, в Сент-Мэри-Мид, мы не привыкли к роковым тайнам.

В подтверждение тому я подвергся нападению, едва успел затворить калитку. Мисс Хартнелл умеет мастерски налетать на вас и отрезать все пути к отступлению.

— Я вас видела! — возопила она с тяжеловесной игривостью. — И я просто вне себя от любопытства. Теперь-то вы нам все откроете!

— О чем это?

— О загадочной особе! Она вдова, или у нее есть муж?

— Простите, ничего не могу сказать. Она мне не говорила.

— Что за странность! Она непременно должна была об этом упомянуть, хотя бы ненароком. Можно подумать, будто что-то заставляет ее молчать, вам не кажется?

— Честно говоря, нет.

— Ах! Милая мисс Марпл верно сказала, что вы человек не от мира сего, дорогой викарий. Скажите, а с доктором Хейдоком она давно знакома?

— Она об этом не говорила, ничего не могу сказать.

— Вот как? А о чем же вы вообще разговаривали, если не секрет?

— О картинах, музыке, книгах, — честно перечислил я.

Мисс Хартнелл, для которой любой разговор ограничивается перемыванием чужих косточек, взглянула на меня подозрительно и недоверчиво. Пока она собиралась с мыслями, я воспользовался этой паузой, пожелал ей доброй ночи и быстро зашагал прочь.

Я навестил прихожан в деревне и вернулся

домой через садовую калитку, пробравшись мимо опасной засады, которая могла поджидать меня в саду мисс Марпл, хотя и не представлял себе, как до нее могли бы дойти новости о моем посещении миссис Лестрейндж — это было выше человеческих возможностей.

Запирая калитку, я подумал, что надо бы заглянуть в сарайчик, который использовал молодой Лоуренс Реддинг за неимением мастерской, и поглядеть своими глазами на портрет Гризельды.

Я и представить себе не мог, что в мастерской кто-то есть. Оттуда не доносилось ни звука, а мои шаги заглушала трава.

Я открыл дверь и застыл на пороге, совершенно огорошенный. В мастерской оказались двое: мужчина, обняв женщину, страстно ее целовал.

Эти двое были художник Лоуренс Реддинг и миссис Протеро.

Я поспешно отступил и скрылся в своем кабинете. Там я уселся в кресло, вытащил свою трубку и принялся обдумывать увиденное. Это открытие поразило меня как гром с ясного неба. Особенно после сегодняшнего разговора с Летицией: я был в полной уверенности, что между ней и молодым человеком зародились какие-то отношения. Более того, я был убежден, что она и сама так

думает. И я готов был дать голову на отсечение, что она не догадывается о чувствах художника к ее мачехе.

Пренеприятнейший переплет! Я поневоле отдал должное мисс Марпл. Она-то не дала себя провести и достаточно точно представляла истинное положение вещей. Я абсолютно неверно истолковал красноречивый взгляд, который она бросила на Гризельду.

Мне самому и в голову бы не пришло подозревать миссис Протеро. Было в ней что-то от жены Цезаря, которая выше подозрений[8], — спокойная, очень замкнутая. В такой женщине ни за что не заподозришь склонности к сильным чувствам.

Когда мои размышления дошли до этого места, в дверь кабинета постучали. Я встал и подошел к двери. За ней стояла миссис Протеро. Я отворил дверь, и она вошла, не дожидаясь приглашения. Миссис Протеро прошла через комнату и без сил опустилась на диван: ей явно не хватало воздуха.

---

[8] notes: 8

Пословица «Жена Цезаря должна быть выше подозрений» восходит к фразе, приписываемой римскому политическому деятелю, полководцу и писателю Гаю Юлию Цезарю (100–44 до н.э.), который развелся со своей женой Помпейей, оказавшейся замешанной в скандале.

Было такое впечатление, что передо мной сидел совершенно незнакомый мне человек. Спокойная, замкнутая женщина исчезла. На ее месте было загнанное, задыхающееся существо. Впервые я оценил ее красоту.

Она была шатенка, с бледным лицом и очень глубоко посаженными серыми глазами. Сейчас она раскраснелась, грудь ее вздымалась. Казалось, статуя внезапно стала живой женщиной. Я даже заморгал от этого превращения, как от яркого света.

— Я решила, что мне лучше к вам зайти, — сказала она. — Вы... вы сейчас видели?

Я кивнул. Она сказала тихо и спокойно:

— Мы любим друг друга...

Даже сейчас, в минуту растерянности и отчаяния, она не смогла сдержать легкую улыбку. Улыбку женщины, которая видит нечто чудесное, преисполненное красоты.

Я молча ждал, и она поспешила спросить:

— Должно быть, вам это кажется страшным грехом?

— Как вы думаете, миссис Протеро, разве может быть иначе?

— Нет-нет, я другого и не ждала.

Я продолжал, стараясь говорить как можно

мягче:

— Вы замужняя женщина...

Она прервала меня.

— О! Я знаю, знаю. Неужели вы думаете, что я не говорила себе это сотни раз! Я же совсем не безнравственная женщина, нет. И у нас все не так — не так, как вы могли бы подумать.

— Рад это слышать, — строго сказал я.

Она спросила с некоторой опаской:

— Вы собираетесь сказать моему мужу?

Я довольно сухо ответил:

— Почему-то принято считать, что служитель церкви не способен вести себя как джентльмен. Это не соответствует истине.

Она поблагодарила меня взглядом.

— Я так несчастна. О, я бесконечно несчастна! Я так больше жить не могу. Просто не могу! И я не знаю, что мне делать. — Голос ее зазвенел, словно она боролась с истерикой. — Вы себе не представляете, как я живу. С Люциусом я была несчастна, с самого начала. Ни одна женщина не может быть счастливой с таким человеком. Я хочу, чтобы он умер... Это ужасно, но я желаю ему смерти... Я в полном отчаянии... Говорю вам, я готова на все...

Она вздрогнула и посмотрела в сторону двери.

— Что это? Мне показалось, или там кто-то есть? Наверно, это Лоуренс.

Я прошел к двери, которую, как оказалось, позабыл затворить. Вышел, выглянул в сад, но там никого не было. Но я был почти уверен, что тоже слышал чьи-то шаги. Хотя, может быть, она мне это внушила.

Когда я вошел в кабинет, она сидела наклонившись вперед и уронив голову на руки. Это было воплощение отчаяния и безнадежности. Она еще раз повторила:

— Я не знаю, что мне делать. Что делать?

Я подошел и сел рядом. Я говорил то, что мне подсказывал долг, и пытался произносить эти слова убедительно, но все время чувствовал, что моя совесть нечиста: я же сам этим утром объявил своим домашним, что мир станет лучше без полковника Протеро.

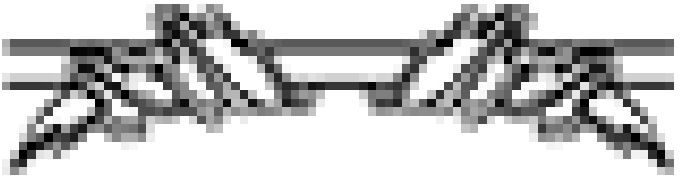
Но я больше всего настаивал на том, чтобы она не принимала поспешных решений. Оставить дом, оставить мужа — это слишком серьезный шаг.

Едва ли мне тогда удалось ее убедить. Я прожил достаточно долго и знал, что уговаривать влюбленных практически бессмысленно, но думаю, что мои увещевания хоть немного ее утешили и

приободрили.

Собравшись уходить, она поблагодарила меня и пообещала подумать над моими словами.

И все же после ее ухода я чувствовал большое беспокойство. Я понял, что до сих пор совершенно не знал характера Анны Протеро. Теперь я видел воочию женщину, доведенную до крайности; такие, как правило, не знают удержу, когда ими владеет сильное чувство. А она была отчаянно, безумно влюблена в Лоуренса Реддинга, который на несколько лет моложе ее. Мне это не нравилось.



ГЛАВА 4

У меня совершенно вылетело из головы, что мы пригласили к обеду Лоуренса Реддинга. Когда вечером Гризельда прибежала и отчитала меня за то, что до обеда всего две минуты, а я не готов, я, по правде сказать, сильно растерялся.

— Я думаю, все пройдет хорошо, — сказала Гризельда мне вслед, когда я поднимался наверх. — Я подумала над тем, что ты сказал за завтраком, и постаралась сочинить что-нибудь вкусненькое.

Кстати, позволю себе заметить, что наша вечерняя трапеза подтвердила самым наглядным

образом печальное открытие Гризельды: когда она старается заниматься хозяйством, все действительно идет гораздо хуже. Меню было составлено роскошное, и Мэри, казалось, получала какое-то нездоровое удовольствие, со злостной изобретательностью чередуя полусырые блюда с безбожно пережаренными. Правда, Гризельда заказала устрицы, которые, как могло показаться, находятся вне досягаемости любой неумехи — ведь их подают сырыми, — но их нам тоже не довелось отведать, потому что в доме не оказалось никакого прибора, чтобы их открыть, — и мы заметили это упущение только в ту минуту, когда настала пора попробовать устриц.

Я был почти уверен, что Лоуренс Реддинг не явится к обеду. Нет ничего легче, чем прислать отказ с подобающими извинениями.

Однако он явился без опоздания, и мы вчетвером сели за стол.

Спору нет — Лоуренс Реддинг чрезвычайно привлекателен. Ему, насколько я могу судить, около тридцати. Волосы у него темные, а глаза ярко-синие, сверкающие так, что иногда просто оторопь берет. Он из тех молодых людей, у которых всякое дело спорится. В спортивных играх он всегда среди первых, отменный стрелок, обладает

незаурядными актерскими способностями, да еще и первоклассный рассказчик. Он сразу становится душой любого общества. Мне кажется, в его жилах есть ирландская кровь. И он совершенно не похож на типичного художника. Но, как я понимаю, художник он тоже изысканный, модернист. Сам я в живописи смыслю мало.

Вполне естественно, что в этот вечер он казался несколько distrait[9]. Но в общем вел себя вполне непринужденно. Не думаю, чтобы Гризельда или Деннис заметили что-нибудь. Я и сам бы, пожалуй, ничего не заметил, если бы не знал о случившемся.

Гризельда и Деннис веселились вовсю — шутки по поводу доктора Стоуна и мисс Крэм так и сыпались — что поделаешь, это же Местная Сплетня! И вдруг я подумал, что Деннис по возрасту гораздо ближе к Гризельде, чем я, и у меня больно сжалось сердце. Меня он зовет дядя Лен, а ее просто Гризельда. Я почему-то почувствовал себя очень одиноким.

Наверно, меня расстроила миссис Протеро, подумал я. Предаваться столь безотрадным размышлениям вовсе не в моем характере.

---

[9] notes: 9
Рассеян *(фр.)*.

Гризельда и Деннис порой заходили довольно далеко в своих остротах, но у меня не хватало духу сделать им замечание. И без того, к сожалению, одно только присутствие священника обычно оказывает на окружающих угнетающее воздействие.

Лоуренс болтал и веселился с ними как ни в чем не бывало. И все же я заметил, что он то и дело поглядывает в мою сторону, поэтому совсем не удивился, когда после обеда он незаметно устроил так, что мы оказались одни в моем кабинете.

Как только мы остались с глазу на глаз, он совершенно переменился.

— Вы застали нас врасплох, сэр, и все поняли. Что вы намерены предпринять?

С Реддингом я мог говорить более откровенно, чем с миссис Протеро. Я высказал ему все напрямик. Он выслушал меня внимательно.

— Само собой, вы не могли сказать ничего другого, — сказал он. — Вы же священник, не в обиду будь сказано. По правде говоря, я с вами даже готов согласиться. Но у нас с Анной совсем не обычные отношения.

Я ответил, что подобными фразами люди оправдывались еще на заре человечества, и на его губах появилась странная полуулыбка.

— Хотите сказать, что каждый считает свой случай единственным в своем роде? Может быть, так оно и есть. Но вы должны мне поверить только в одном.

Он начал доказывать мне, что между ними «нет ничего недозволенного». По его словам, Анна — одна из самых преданных и верных женщин на всем белом свете. И что с ними будет, он просто не знает.

— Если бы все это было написано в романе, — сумрачно сказал он, — старик умер бы, а для остальных это было бы счастливым избавлением. Туда ему и дорога.

Я ответил строгим упреком.

— Да нет, я вовсе не собираюсь воткнуть ему нож в спину, хотя любому, кто это сделает, я принес бы глубокую благодарность. Ни одна живая душа не скажет о нем доброго слова. Право, не понимаю, как это первая миссис Протеро его не прикончила. Я ее один раз видел, много лет назад, и мне показалось, что она вполне на это способна. Она из тех сдержанных женщин, которые способны на все. Протеро повсюду бахвалится, затевает скандалы, скуп как черт, а характер у него отвратительный, хуже некуда. Вы представить себе не можете, что Анне пришлось от него вытерпеть.

Не будь я нищ как церковная крыса, я бы увез ее не задумываясь.

Я призвал на помощь все свое красноречие. Я упрашивал его покинуть Сент-Мэри-Мид. Оставаясь здесь, он причинил бы Анне Протеро еще больше горя, чем и без того выпало ей на долю. Люди станут болтать, дело дойдет до полковника Протеро — и для нее настанут поистине черные дни.

Лоуренс возразил мне:

— Никто ничего не знает, кроме вас, падре.

— Дорогой юноша, вы недооцениваете рвение наших доморощенных детективов. В Сент-Мэри-Мид всем известны самые интимные отношения между людьми. Во всей Англии ни один сыщик не сравнится с незамужней дамой неопределенного возраста, у которой бездна свободного времени.

Он спокойно сказал, что с этим все в порядке. Все думают, что он неравнодушен к Летиции.

— А вам не приходило в голову, — спросил я, — что и сама Летиция может так подумать?

Он искренне удивился. Летиция, по его словам, на него даже внимания не обращает. Он был в этом твердо уверен.

— Странная девушка, — сказал он. — Кажется, что она все время во сне или в трансе, но я-то

думаю, что за всем этим кроется вполне практичный ум. По-моему, напускная мечтательность и рассеянность — только маска. Летиция отлично знает, что делает. И есть в ней какая-то непонятная мстительность, что ли. Ненавидит почему-то Анну. Просто видеть ее не может. А ведь Анна всю жизнь вела себя с ней как истинный ангел.

Последние его слова я, разумеется, не принял всерьез. Влюбленному молодому человеку его возлюбленная всегда кажется истинным ангелом. Однако, насколько я мог судить, Анна действительно всегда была добра и справедлива к падчерице. Меня поразило, с какой неприязнью и горечью говорила о ней Летиция сегодня.

На этом нам пришлось прервать разговор — Гризельда и Деннис влетели в кабинет и заявили, что очень нехорошо с моей стороны делать из Лоуренса скучного старика.

— Ох, ну и тоска! — сказала Гризельда, бросаясь в кресло. — Хоть бы случилось что-нибудь интересное! Убийство или грабеж на худой конец!

— По-моему, тут и грабить-то некого, — сказал Лоуренс, подлаживаясь под ее настроение. — Разве что пойти стащить у мисс Хартнелл вставные челюсти?

— Как они жутко щелкают! — сказала Гризель-

да. — А вот насчет того, что некого грабить, вы ошибаетесь. В Старой Усадьбе есть потрясающее старинное серебро. Прибор для специй и чаша Карла Второго[10] — и еще много редкостей. Все это стоит не одну тысячу фунтов, я уверена.

— А старик возьмет да подстрелит тебя из своего армейского пистолета! — вставил Деннис. — И сделает это с превеликим удовольствием. Он бы тут всех перестрелял, за милую душу!

— Вот еще! Мы бы ворвались и приставили ему дуло к виску! — отвечала Гризельда. — У кого нам найти пистолет?

— У меня есть пистолет, системы «маузер», — сказал Лоуренс.

— Правда? Как здорово! А как он к вам попал?

— Сувенир военных лет, — коротко ответил Лоуренс.

— Старик Протеро сегодня хвастался своим серебром перед доктором Стоуном, — сообщил Деннис. — Старина Стоун делал вид, что в полном восторге от этих финтифлюшек.

— А я думала, они повздорили из-за раскопа, — сказала Гризельда

---

[10] notes: 10

К а р л II (1630–1685), — король Англии, Шотландии и Ирландии, отец которого Карл I был казнен в эпоху гражданской войны; после смерти Кромвеля в 1660 году, был объявлен королем Великобритании.

— Да нет, они договорились в конце концов, — сказал Деннис. — Никак не пойму, чего ради люди роются в этих раскопах.

— А мне непонятно, что за птица этот Стоун, — сказал Лоуренс. — Сдается мне, что он чересчур рассеянный. Иногда я готов поклясться, что для него собственная специальность — темный лес и он в археологии ни черта не смыслит.

— Виной всему любовь, — подхватил Деннис. — О Глэдис прекрасная Крэм, приятна ужасно ты всем! В зубах белоснежных твоих предел наслаждений земных. И там, в «Кабане Голубом», где спишь ты невиннейшим сном...

— Достаточно, Деннис, — сказал я.

— Однако мне пора, — сказал Лоуренс Реддинг. — Большое спасибо за приятнейший вечер, миссис Клемент.

Гризельда с Деннисом пошли его проводить. Деннис вернулся в кабинет один. Видимо, что-то сильно рассердило мальчика — он принялся слоняться по кабинету, хмурясь и время от времени награждая пинками ни в чем не повинную мебель.

Наша мебель находится в столь бедственном состоянии, что ей вряд ли можно нанести дальнейший ущерб, но я все же счел себя обязанным

вступиться за нее.

— Прости, — буркнул Деннис.

Он с минуту помолчал, а потом вдруг взорвался:

— Черт бы побрал эти подлые, гнусные сплетни!

Я был слегка удивлен.

— В чем дело? — спросил я его.

— Не знаю, стоит ли тебе говорить.

Я удивился еще больше.

— Такая жуткая низость, — заговорил Деннис. — Ходят тут и болтают всякие гадости. Вернее, даже не болтают. Намекают. Нет, будь я проклят, — извини, пожалуйста, — если я смогу тебе сказать! Слишком гнусная гадость, честное слово.

Я смотрел на него с интересом, но ни о чем не расспрашивал. Стоило, однако, над этим призадуматься — Деннису вообще-то не свойственно принимать что-либо близко к сердце.

В эту минуту вошла Гризельда.

— Только что звонила мисс Везерби, — сказала она. — Миссис Лестрейндж ушла из дому в четверть девятого и до сих пор не вернулась. И никто не знает, куда она пошла.

— А почему они должны это знать?

— У доктора Хейдока ее нет. Мисс Везерби зна-

ет точно — она созвонилась с мисс Хартнелл, которая живет в соседнем доме и непременно увидела бы ее.

— Для меня остается тайной, — сказал я, — как у нас тут люди успевают поесть. Должно быть, едят стоя, только бы не пропустить что-нибудь.

— Это еще не все, — доложила Гризельда, сияя от радости. — Они уже произвели разведку в «Голубом Кабане». Доктор Стоун и мисс Крэм занимают смежные спальни, но, — она подняла указательный палец и помахала им, — *двери между ними нет!*

— Представляю себе всеобщее разочарование, — заметил я.

Гризельда расхохоталась.

Четверг начался с неприятностей. Две почтенные пожилые дамы из моего прихода решили обсудить убранство храма и поссорились. Мне пришлось выступить арбитром в их споре. Они буквально тряслись от ярости. Не будь все это столь тягостно, я не без интереса наблюдал бы это явление природы.

Затем пришлось сделать выговор двум мальчуганам из хора за то, что они непрерывно сосали леденцы во время богослужения, но я поймал себя на том, что делаю это без должной убеди-

тельности, и мне стало как-то неловко.

Потом пришлось уговаривать нашего органиста, который на что-то разобиделся — он у нас обидчив до крайности.

К тому же в четыре часа беднейшие из прихожан подняли форменный бунт против мисс Хартнелл, которая прибежала ко мне, задыхаясь от возмущения.

Я как раз шел домой, когда мне повстречался полковник Протеро. Он был в отменном настроении — как мировой судья он только что осудил троих браконьеров.

— В наше время нужно только одно — твердость! Для острастки! Этот негодяй, Арчер, вчера вышел из тюрьмы и обещает свести со мной счеты, мне уже доложили. Наглый бандит. Есть такое присловье: кому грозят смертью, тот проживет долго. Я ему покажу счеты — пусть только тронет моих фазанов! Распустились! Мы стали чересчур мягкотелы, вот что! По мне, так надо каждому показать, чего он стоит. И вечно они просят пожалеть жену и малых ребятишек, эти бандиты. Чушь собачья! Чепуха! Каждый должен отвечать за свои делишки, и нечего хныкать про жену и детишек! Для меня все равны! Кто бы ты ни был: доктор, законник, священник, брако-

ньер, пьяный бродяга, — попался на темном деле — отвечай по закону! Уверен, что тут вы со мной согласны.

— Вы забываете, — сказал я, — что мое призвание обязывает меня ставить превыше всех одну добродетель — милосердие.

— Я человек справедливый. Это все знают.

Я не отвечал, и он сердито спросил:

— Почему вы молчите? Выкладывайте, что у вас на уме!

Я немного помедлил, потом решил высказаться.

— Я подумал о том, — сказал я, — что, когда настанет мой час, мне будет очень грустно, если единственным доводом в мое оправдание будет то, что я был справедлив. Ведь тогда и ко мне отнесутся только справедливо...

— Ба! Чего нам не хватает — это боевого духа в христианстве. Я свой долг всегда выполнял неукоснительно. Ладно, хватит об этом. Я зайду сегодня вечером, как договорено. Давайте отложим с шести на четверть седьмого, если не возражаете. Мне надо повидать кое-кого тут, в деревне.

— Мне вполне удобно и в четверть седьмого.

Полковник зашагал прочь, размахивая палкой.

Я обернулся и столкнулся нос к носу с Хоузом. Я собирался как можно мягче указать ему на некоторые упущения в порученных делах, но, увидев его бледное, напряженное лицо, решил, что он заболел.

Я так ему и сказал, но он стал уверять меня, хотя и без особой горячности, что совершенно здоров. Потом все же признался, что чувствует себя неважно, и с готовностью последовал моему совету пойти домой и лечь в постель.

Я наспех проглотил ланч и пошел навестить некоторых прихожан. Гризельда уехала в Лондон — по четвергам билет на поезд стоит дешевле.

Вернулся я примерно без четверти четыре, собираясь набросать план воскресной проповеди, но Мэри сказала, что мистер Реддинг ожидает меня в кабинете.

Когда я вошел, он расхаживал взад-вперед, лицо у него было озабоченное. Он был бледен и как-то осунулся.

Услышав мои шаги, он резко обернулся.

— Послушайте, сэр. Я думал о том, что вы мне сказали вчера. Всю ночь не спал. Вы правы. Я должен бежать отсюда.

— Дорогой мой мальчик! — сказал я.

— И то, что вы про Анну сказали, — чистая

правда. Если я здесь останусь, ей несдобровать. Она — она слишком хорошая, ей это не подходит. Я вижу, что должен уйти. Я и так уже причинил ей много зла, да простит меня бог.

— По-моему, вы приняли единственно возможное решение, — сказал я. — Понимаю, как вам было тяжело, но в конце концов все к лучшему.

Такие слова легко говорить только тому, кто понятия не имеет, о чем идет речь, вот что было написано у него на лице.

— Вы позаботитесь об Анне? Ей необходим друг.

— Можете быть спокойны — сделаю все, что в моих силах.

— Благодарю вас, сэр! — Лоуренс крепко пожал мне руку. — Вы славный, падре. Сегодня вечером я в последний раз с ней повидаюсь, чтобы попрощаться, а завтра, может, соберусь и исчезну. Не стоит продлевать агонию. Спасибо, что позволили мне работать в вашем сарайчике. Жаль, что я не успел закончить портрет миссис Клемент.

— Об этом можете не беспокоиться, мой дорогой мальчик. Прощайте, и да благословит вас бог!

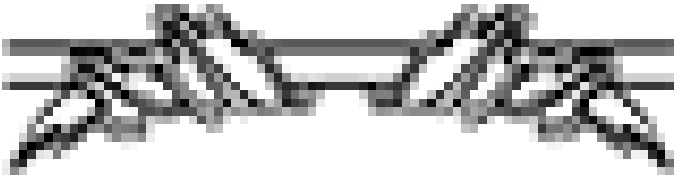
Когда он ушел, я попытался сосредоточиться на проповеди, но у меня ничего не получалось. Мои мысли все время возвращались к Лоуренсу

и Анне Протеро.

Я выпил чашку довольно невкусного, холодного черного чая, а в половине шестого зазвонил телефон. Мне сообщили, что мистер Эбботт с Нижней Фермы умирает, и меня просят немедленно прийти.

Я тут же позвонил в Старую Усадьбу — до Нижней Фермы добрых две мили, так что я никак не смогу быть дома к четверти седьмого. Искусством ездить на велосипеде я так и не овладел...

Но мне ответили, что полковник Протеро только сейчас уехал на автомобиле, и я отправился в путь, наказав Мэри передать ему, что меня срочно вызвали, но я попытаюсь вернуться в половине седьмого или немного позже.



ГЛАВА 5

Когда я подошел к калитке нашего сада, время близилось к семи. Но не успел я ее открыть, как она распахнулась, и передо мной предстал Лоуренс Реддинг. Увидев меня, он окаменел, и я был поражен, взглянув на него. Он был похож на человека, находящегося на грани безумия. Глаза его вперились в меня со странным выражением; бледный как смерть, он весь дрожал.

Я было подумал, что он выпил лишнего, но тут же отогнал эту мысль прочь.

— Добрый вечер! — сказал я. — Вы снова хотели

меня видеть? К сожалению, я отлучался. Пойдемте со мной. Мне надо обсудить кое-какие дела с Протеро, но это ненадолго.

— Протеро, — повторил он. Потом вдруг засмеялся. — Вы договорились с Протеро? Вы его увидите, даю слово. О, господи, — вы его увидите.

Я смотрел на него, ничего не понимая. Инстинктивно я протянул к нему руку. Он резко отшатнулся.

— Нет! — Он почти сорвался на крик. — Мне надо идти — подумать. Я должен все обдумать!

Он бросился бежать к деревне и вскоре скрылся из виду, а я глядел ему вслед, вновь задавая себе вопрос, не пьян ли он.

Наконец я опомнился и пошел домой. Парадная дверь у нас никогда не запирается, но я все же позвонил. Мэри открыла дверь, вытирая руки передником.

— Наконец-то пришли, — приветствовала она меня.

— Полковник Протеро здесь? — спросил я.

— В кабинете дожидается. Сидит с четверти седьмого.

— А мистер Реддинг тоже заходил?

— Несколько минут, как зашел. Вас спрашивал.

Я сказала, что вы с минуты на минуту вернетесь, а полковник ждет в кабинете, тогда он говорит: я тоже подожду, и пошел туда. Он и сейчас там.

— Да нет, — заметил я. — Я только что встретил его, он пошел в деревню.

— Не слыхала, как он вышел. И двух минут не пробыл. А хозяйка еще из города не вернулась.

Я рассеянно кивнул. Мэри вернулась в свои владения, на кухню, а я прошел по коридору и отворил дверь кабинета.

После темного коридора свет вечернего солнца заставил меня зажмурить глаза. Я сделал несколько шагов вперед и прирос к месту.

Несколько мгновений я не мог осмыслить то, что видели мои глаза.

Полковник Протеро лежал грудью на письменном столе, в пугающей, неестественной позе. Около его головы по столу расползлось пятно какой-то темной жидкости, которая тихо капала на пол с жутким мерным звуком.

Я собрался с духом и подошел к нему. Дотронулся — кожа холодная. Поднял его руку — она безжизненно упала. Полковник был мертв — убит выстрелом в голову.

Я кликнул Мэри. Приказал ей бежать со всех ног за доктором Хейдоком, он живет на углу, рукой

подать. Я сказал ей, что произошло несчастье.

Потом вернулся в кабинет (для удобства читателей приводим план кабинета[11]), закрыл дверь и стал ждать доктора.

К счастью, Мэри застала его дома. Хейдок — славный человек, высокий, статный, с честным, немного суровым лицом.

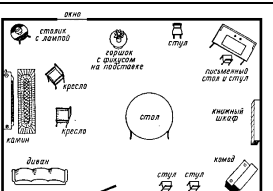
Когда я молча показал ему на то, что было в глубине кабинета, он удивленно поднял брови. Но, как истинный врач, сумел скрыть свои чувства. Он склонился над мертвым и быстро его осмотрел. Потом, выпрямившись, взглянул на меня.

— Ну, что? — спросил я.

— Мертв, можете не сомневаться. И не меньше, чем полчаса, судя по всему.

— Самоубийство?

[11] notes: 11


окно
столик с лампой
горшок с цветком на подставке
стул
письменный стол и стул
кресло
камин
кресло
стол
книжный шкаф
диван
камод
стул
стул
двери

— Исключено. Взгляните сами на рану. А если он застрелился, — где тогда оружие?

Действительно, ничего похожего на пистолет в комнате не было.

— Не стоит тут ничего трогать, — сказал Хейдок. — Надо скорей позвонить в полицию.

Он поднял трубку. Сообщив как можно лаконичнее все обстоятельства, подошел к креслу, на котором я сидел.

— Да, дело дрянь. Как вы его нашли?

Я рассказал.

— Это... Это убийство? — спросил я упавшим голосом.

— Похоже на то. Ничего другого и не придумаешь. Странно, однако. Ума не приложу, кто это поднял руку на несчастного старика. Знаю, знаю, что его у нас тут недолюбливали, но ведь за это, как правило, не убивают. Не повезло бедняге.

— Есть еще одно странное обстоятельство, — сказал я. — Мне сегодня позвонили, вызвали к умирающему. А когда я туда явился, все ужасно удивились. Больному стало гораздо лучше, чем в предыдущие дни, а жена его категорически утверждала, что и не думала мне звонить.

Хейдок нахмурил брови.

— Это подозрительно, весьма подозрительно.

Вас просто убрали с дороги. А где ваша жена?

— Уехала в Лондон, на целый день.

— А прислуга?

— Она была в кухне, на другой стороне дома.

— Тогда она вряд ли слышала, что происходило. Да, отвратительная история. А кто знал, что Протеро будет здесь вечером?

— Он сам об этом объявил во всеуслышание.

— Хотите сказать, что об этом знала вся деревня? Да они бы и так до всего дознались. Кто, по-вашему, мог затаить на него зло?

Передо мной встало смертельно бледное лицо Лоуренса Реддинга с застывшим взглядом полубезумных глаз. Но от необходимости отвечать я был избавлен — в коридоре послышались шаги.

— Полиция, — сказал мой друг, поднимаясь.

Наша полиция явилась в лице констебля[12] Хёрста, сохранявшего внушительный, хотя и несколько встревоженный вид.

— Добрый вечер, джентльмены, — приветствовал он нас. — Инспектор будет здесь незамедлительно. А пока я выполню его указания. Насколько я понял, полковника Протеро нашли убитым в доме священника.

---

[12] notes: 12

К о н с т е б л ь — низший полицейский чин, за которым следует чин сержанта полиции, затем — инспектора полиции.

Он замолчал и устремил на меня холодный и подозрительный взгляд, который я постарался встретить с подобающим случаю видом удрученной невинности.

Хёрст прошагал к письменному столу и объявил:

— До прихода инспектора ни к чему не прикасаться!

Констебль извлек записную книжку, послюнил карандаш и вопросительно воззрился на нас.

Я повторил рассказ о том, как нашел покойного. Записав мои показания, что заняло немало времени, он обратился к доктору:

— Доктор Хейдок, что, по вашему мнению, послужило причиной смерти?

— Выстрел в голову с близкого расстояния.

— А из какого оружия?

— Точно сказать не могу, пока не извлекут пулю. Но похоже, что это будет пуля из пистолета малого калибра, скажем, маузера-25.

Я вздрогнул, вспомнив, что накануне вечером Лоуренс признался, что у него есть такой револьвер. Полицейский тут же уставился на меня холодными рыбьими глазами.

— Вы что-то сказали, сэр?

Я замотал головой. Какие бы подозрения я ни

питал, это были всего лишь подозрения, и я имел право умолчать о них.

— А когда, по вашему мнению, произошло это несчастье?

Доктор помедлил с минуту. Потом сказал:

— Он мертв примерно с полчаса. Могу с уверенностью сказать, что не дольше.

Хёрст повернулся ко мне:

— А служанка что-нибудь слышала?

— Насколько я знаю, она ничего не слышала, — сказал я. — Лучше вам самому у нее спросить.

Но тут явился инспектор Слэк — приехал на машине из городка Мач Бенэм, что в двух милях от нас.

Единственное, что я могу сказать про инспектора Слэка — так это то, что никогда человек не прилагал столько усилий, чтобы стать полной противоположностью собственному имени[13]. Этот черноволосый смуглый полицейский был непоседлив и нахрапист. Его черные глазки так повсюду и шарили. Вел он себя крайне грубо и заносчиво.

На наши приветствия он ответил коротким кивком, выхватил у своего подчиненного запис-

---

[13] notes: 13

С л э к *(англ.)* — своеобразное «говорящее» имя: означает «вялый, расхлябанный».

ную книжку, полистал, бросил ему вполголоса несколько коротких фраз и подскочил к мертвому телу.

— Конечно, все тут залапали и переворошили, — буркнул он.

— Я ни к чему не прикасался, — сказал Хейдок.

— И я тоже, — сказал я.

Инспектор несколько минут был поглощен делом: рассматривал лежавшие на столе вещи и лужу крови.

— Ага! — торжествующе воскликнул он. — Вот то, что нам нужно. Когда он упал, часы опрокинулись. Мы знаем время совершения преступления. Двадцать две минуты седьмого. Как вы там сказали, доктор, когда наступила смерть?

— Я сказал — с полчаса назад, но...

Инспектор посмотрел на свои часы.

— Пять минут восьмого. Мне доложили минут десять назад, без пяти семь. Труп нашли примерно без четверти семь. Как я понял, вас вызвали немедленно. Скажем, вы освидетельствовали его без десяти... Да, время сходится, минута в минуту.

— Я не могу утверждать категорически, — сказал Хейдок. — Время определяется примерно в этих границах.

— Неплохо, сэр, совсем недурно.

Я не раз и не два пытался вставить свое слово:

— Часы у нас знаете ли...

— Прошу прощенья, сэр, если мне что понадобится узнать, я задам вам вопрос. Времени в обрез. Я требую абсолютной тишины.

— Да, но я только хотел сказать...

— Абсолютной тишины! — повторил инспектор, буравя меня бешеным взглядом. Я решил повиноваться.

Он все еще шарил взглядом по столу.

— Зачем это он сюда уселся? — проворчал он. — Хотел записку оставить — эге! А это что такое?

Он с видом победителя поднял вверх листок бумаги. Слэк был так доволен собой, что даже позволил нам приблизиться и взглянуть на листок из своих рук.

Это был лист моей писчей бумаги, и сверху стояло время: «18:20».

«Дорогой Клемент, – *стояло в записке.*
– Простите, ждать больше не могу, но я обязан...»

Слово обрывалось росчерком, там, где перо сорвалось.

— Яснее ясного, — раздувшись от гордости,

возвестил инспектор Слэк. — Он усаживается, начинает писать, а убийца потихоньку проникает в окно, подкрадывается и стреляет. Ну, чего вы еще хотите?

— Я просто хотел сказать... — начал я.

— Будьте любезны, посторонитесь, сэр. Я хочу посмотреть, нет ли следов.

Он опустился на четвереньки и двинулся к открытому окну.

— Я считаю своим долгом заявить... — настойчиво продолжал я.

Инспектор поднялся в полный рост. Он заговорил спокойно, но жестко:

— Этим мы займемся потом. Буду очень обязан, джентльмены, если вы освободите помещение. Прошу на выход, будьте так добры!

Мы позволили выставить себя из комнаты, как малых детей.

Казалось, прошли часы — а было всего четверть восьмого.

— Вот так, — сказал Хейдок. — Ничего не попишешь. Когда я понадоблюсь этому самовлюбленному ослу, можете прислать его ко мне в приемную. Всего хорошего.

— Хозяйка приехала, — объявила Мэри, на минуту возникнув из кухни. Глаза у нее были

совершенно круглые и шалые. — Минут пять, как пришла.

Я нашел Гризельду в гостиной. Вид у нее был утомленный, но взволнованный.

Она внимательно выслушала все, что я ей рассказал.

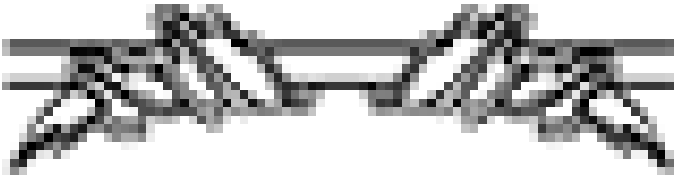
— На записке сверху помечено «18:20», — сказал я в заключение. — А часы свалились и остановились в восемнадцать двадцать две.

— Да, — сказала Гризельда. — А ты ему разве не сказал, что эти часы всегда поставлены на четверть часа вперед?

— Нет, — ответил я. — Не удалось. Он мне рта не дал раскрыть. Я старался, честное слово.

Гризельда хмурилась, явно чем-то озадаченная.

— Послушай, Лен, — сказала она, — тогда это все вообще уму непостижимо! Ведь когда эти часы показывали двадцать минут седьмого, на самом-то деле было всего шесть часов пять минут, а в это время полковник Протеро еще и в дом не входил, понимаешь?



ГЛАВА 6

Мы некоторое время ломали голову над этой загадкой, но так ни к чему и не пришли. Гризельда сказала, что я должен сделать еще одну попытку сообщить об этом инспектору Слэку, но я проявил несговорчивость, которая заслуживает скорее названия «ослиное упрямство».

Инспектор Слэк вел себя чудовищно грубо без всякого повода. Я предвкушал ту минуту, когда, к его вящему посрамлению, выступлю со своим важным сообщением. Пожалуй, я замечу с мягкой укоризной:

«Если бы вы тогда соблаговолили меня выслушать, инспектор Слэк...»

Я все же надеялся, что он хотя бы поговорит со мной, прежде чем покинуть мой дом, но, к нашему удивлению, мы узнали от Мэри, что он уже ушел, закрыв на ключ двери кабинета и приказав, чтобы никто не смел туда входить.

Гризельда предложила пойти в Старую Усадьбу.

— Какой это будет ужас для Анны Протеро — полиция и все такое прочее, — сказала она. — Может быть, я смогу ей хоть чем-то помочь.

Я одобрил ее намерения, и Гризельда отправилась в путь, с наказом, чтобы она мне непременно позвонила, если потребуется моя помощь или если кто-нибудь будет нуждаться в утешении — Анна или Летиция.

Я тут же принялся звонить учителям воскресной школы, которые должны были прийти в 19:45, — каждую неделю по средам они собирались у меня для подготовки к занятиям. При сложившихся обстоятельствах я счел за лучшее отложить встречу.

Следующим действующим лицом, появившимся на сцене, был Деннис, возвратившийся после игры в теннис. Судя по всему, убийство, проис-

шедшее в нашем доме, доставило ему громадное удовольствие.

— Вот это повезло! — радовался он. — Убийца среди нас! Всю жизнь мечтал участвовать в расследовании убийства. А почему полиция заперла кабинет? Ключи от других дверей не подойдут, а?

Я наотрез отказался от подобных экспериментов. Деннис надулся. Вытянув из меня все до малейших подробностей, он отправился в сад на поиски следов, заметив на прощанье, что нам еще повезло — ухлопали всего-навсего старика Протеро, которого и так никто терпеть не мог.

Меня покоробила его бессердечная веселость, но я рассудил, что не стоит так строго спрашивать с мальчика. Деннис был в том возрасте, когда детективы любят больше всего на свете, так что он, обнаружив настоящую детективную историю, да еще и мертвое тело в придачу прямо, так сказать, на пороге своего дома, должен быть на седьмом небе от счастья, как и положено нормальному молодому человеку. В шестнадцать лет мало задумываются о смерти.

Гризельда вернулась примерно через час. Она повидалась с Анной Протеро и пришла, как раз когда инспектор сообщал ей о случившемся.

Узнав, что миссис Протеро рассталась со своим мужем в деревне примерно без четверти шесть и ей нечего добавить по этому поводу, он распрощался, но сказал, что завтра зайдет поговорить обстоятельнее.

— По-своему он был очень внимателен. — Гризельда была вынуждена это признать.

— А как перенесла эту весть миссис Протеро?

— Как сказать, — она была очень спокойна — но ведь она всегда такая.

— Да, — сказал я. — Я не могу представить себе Анну Протеро в истерике.

— Конечно, для нее это страшный удар. Это было заметно. Она меня поблагодарила за то, что я пришла, но сказала, что ни в какой помощи не нуждается.

— А как Летиция?

— Ее не было — играла где-то в теннис. До сих пор не вернулась.

После небольшой паузы Гризельда сказала:

— Знаешь, Лен, она вела себя странно, очень, очень странно.

— Шок, — предположил я.

— Да, конечно, ты прав... И все же... — Гризельда задумчиво нахмурила брови. — Что-то не то, понимаешь? Она была не подавлена, не огорчена, а

перепугана до смерти.

— Перепугана?

— Да, и изо всех сил старалась это скрыть, понимаешь? Не хотела выдавать себя. И в глазах такое странное выражение — настороженность. Я подумала, а вдруг она знает, кто его убил? Она то и дело спрашивала, кого они подозревают.

— Вот как? — задумчиво сказал я.

— Да. Конечно, Анна умеет держать себя в руках, но видно было, что она ужасно встревожена. Гораздо больше, чем я от нее ожидала: в конце концов, она не была к нему так уж привязана. Я бы сказала, скорее, что она его вовсе не любила, если уж на то пошло.

— Подчас смерть меняет чувства к человеку, — заметил я.

— Разве что так...

Влетел Деннис, вне себя от радости — он нашел на клумбе чей-то след. Он был в полной уверенности, что полиция пропустила эту главнейшую улику, которая откроет тайну убийцы.

Ночь я провел неспокойно. Деннис вскочил ни свет ни заря и удрал из дому не дожидаясь завтрака, чтобы, как он сказал, «быть в курсе».

Тем не менее не он, а Мэри принесла нам в то утро самую сенсационную новость.

Как только мы сели завтракать, она ворвалась в комнату — глаза горят, щеки пылают, и со свойственной ей бесцеремонностью изрекла:

— Слыхали что-нибудь подобное? Мне сейчас булочник сказал. Они арестовали молодого мистера Реддинга!

— Арестовали Лоуренса? — Гризельда не верила своим ушам. — Не может быть! Опять какая-нибудь идиотская ошибка.

— А вот и не ошибка, мэм, — заявила Мэри с тайным злорадством. — Мистер Реддинг сам туда пошел, да и признался во всем как на духу. На ночь глядя, в последнюю минуту. Входит, бросает на стол пистолет и говорит: «Это сделал я», так и сказал. И все тут.

Она победоносно взглянула на нас, энергично тряхнула головой и удалилась, довольная произведенным впечатлением. Мы с Гризельдой молча смотрели друг на друга.

— Да нет, этого не может быть! — сказала Гризельда. — *Не может быть!*

Заметив, что я промолчал, она сказала:

— Лен, неужели ты думаешь, что это *правда?*

Я не находил слов. Сидел и молчал, а мысли вихрем носились у меня в голове.

— Он сошел с ума, — сказала Гризельда. — Буй-

ное помешательство. Может, они просто вместе рассматривали пистолет, а он вдруг выстрелил, а?

— Это маловероятно.

— Я уверена, что это несчастный случай. Ведь нет ни малейшего намека на мотив преступления. С какой стати Лоуренс стал бы убивать полковника Протеро?

Я мог бы дать вполне определенный ответ на этот вопрос, но мне хотелось уберечь Анну Протеро, насколько это возможно. Пока оставалась еще надежда не впутывать ее имя в это дело.

— Вспомни, они перед этим поссорились.

— А, из-за Летиции и ее купальника. Да это же пустяк! Даже если они с Летицией были тайно обручены — это, знаешь ли, вовсе не причина убивать ее родного отца!

— Мы не знаем истинных обстоятельств дела, Гризельда.

— Значит, ты этому *веришь*, Лен! Как ты можешь! Говорю тебе, я совершенно уверена, что Лоуренс ни волоска у него на голове не тронул!

— А ты вспомни — я встретил его у самой калитки. У него был совершенно безумный вид.

— Да, знаю, но... Господи! Это невозможно!

— Не забывай про часы, — сказал я. — Тогда все

становится ясно. Лоуренс мог перевести их назад, на восемнадцать двадцать, чтобы обеспечить себе алиби. Ты же знаешь, как инспектор Слэк попался на эту удочку.

— Ты ошибаешься, Лен. Лоуренс знал, что часы переставлены. «Чтобы наш падре никуда не опаздывал», — он всегда так говорил. Лоуренс никогда бы не стал переставлять их обратно на восемнадцать двадцать две. Он бы поставил стрелки на более вероятное время — без четверти семь, например.

— Он мог и не знать, когда Протеро пришел в дом. Мог и просто забыть, что часы переставлены.

Гризельда не сдавалась.

— Нет уж, коли дело доходит до убийства, всегда ужасно стараешься вспомнить каждую мелочь.

— Откуда тебе знать, дорогая моя, — мягко заметил я. — Ты никогда никого не убивала.

Не успела Гризельда ответить, как на скатерть легла чья-то тень, и мы услышали негромкий, очень приятный голос:

— Надеюсь, я не помешала? Простите меня, ради бога. Но при столь печальных обстоятельствах, весьма печальных обстоятельствах...

Это была наша соседка, мисс Марпл. Мы веж-

ливо ответили, что она нисколько не помешала, и она, приняв наше приглашение, переступила через порожек двери; я пододвинул ей стул. Она была настолько взволнована, что даже слегка порозовела.

— Ужасно, не правда ли? Бедный полковник Протеро! Человек он был не такой уж симпатичный и душой общества его никак не назовешь, но все равно это очень, очень грустно. И убит прямо здесь, у вас в кабинете, как мне сказали?

Я ответил утвердительно.

— Но ведь нашего дорогого викария в тот час не было дома? — продолжала допрос мисс Марпл, обращаясь к Гризельде.

Я объяснил, почему меня не было.

— А мистер Деннис сегодня не завтракает с вами? — спросила мисс Марпл, оглядевшись.

— Деннис вообразил себя великим сыщиком, — сказала Гризельда. — Чуть не сошел с ума от радости, когда обнаружил какой-то след на клумбе. Наверно, понесся в полицию с этой потрясающей вестью.

— Боже, боже! — воскликнула мисс Марпл. — Какой переполох, подумайте. И мистер Деннис уверен, что знает убийцу. Впрочем, каждый из нас считает, что знает виновника преступления.

— Вам кажется, что это настолько очевидно?

— Нет, моя душечка, я вовсе не думаю этого. Я хотела сказать, что каждый из нас думает о разных людях. Оттого-то так важно иметь *улики.* Взять хоть бы меня — *я совершенно уверена,* что знаю, кто это сделал. Но, должна признаться, у меня нет ни одной самой ничтожной улики. И я знаю, что в таких случаях нужна исключительная осмотрительность — всякое необдуманное слово может быть сочтено клеветой, а это ведь подсудное дело, не так ли? Я решила вести себя как можно более *осторожно* с инспектором Слэком. Он велел мне передать, что зайдет сегодня утром, но только что звонил и сказал, что надобность в этом отпала.

— Должно быть, после ареста надобность и вправду отпала, — заметил я.

— После ареста? — Мисс Марпл наклонилась вперед, и щеки у нее от волнения зарделись. — Про арест я ничего не знала!

Неслыханное дело, чтобы мисс Марпл не знала того, что известно нам. Я к этому не привык и нисколько не сомневался, что она в курсе самых свежих событий.

— Боюсь, что мы говорили о разных вещах, — сказал я. — Да, они взяли под арест молодого

Лоуренса Реддинга.

— Лоуренса Реддинга? — казалось, мисс Марпл не может прийти в себя от удивления. — Ни за что бы не подумала!..

Гризельда живо подхватила:

— А я и теперь не думаю! Не верю, и все, хотя он сам признался.

— Признался? — повторила мисс Марпл. — Вы сказали, что он сам признался? Ах, теперь я вижу, что ничего не понимала, вот беда...

— Мне все кажется, что произошел какой-то несчастный случай, — сказала Гризельда. — А тебе, Лен? После того, как он сам пришел в полицию и признался, я это почувствовала.

— Он сам явился в полицию, вот как?

— Да.

— Ох, — сказала мисс Марпл, переводя дыхание. — Как я рада, как я рада!

Я взглянул на нее, не скрывая удивления.

— Мне кажется, это говорит об искреннем раскаянии, — сказал я.

— Раскаяние? — Мисс Марпл была поражена. — Только не говорите, дорогой мой викарий, что вы верите в его виновность!

Настала моя очередь окаменеть от удивления.

— А как же, если он сам признался...

— Конечно, это лучшее доказательство его невиновности, не так ли? Ясно, что он полковника не убивал.

— Только не мне, — сказал я. — Может быть, я туповат, но мне абсолютно неясно. Если человек не совершал убийства, не вижу никакой причины, которая могла бы заставить его взять вину на себя.

— О, что вы! Разумеется, причина есть, — сказала мисс Марпл. — Естественно. Причина всегда есть, не правда ли? А молодые люди — это такие горячие головы, и частенько готовы поверить в самое дурное.

Она обратилась к Гризельде:

— А вы согласны со мной, душечка?

— Я... Я не знаю, — призналась Гризельда. — Прямо не знаю, что и подумать. Нет никакой причины, чтобы Лоуренс вел себя как полный идиот.

— Если бы ты видела его лицо прошлым вечером... — начал я.

— Расскажите мне, — попросила мисс Марпл.

Я рассказал о своем вчерашнем возвращении домой, и она выслушала меня с глубоким вниманием. Когда я кончил рассказ, она заговорила сама:

— Признаюсь, я частенько по глупости воспринимаю все не так, как следовало бы, но на этот раз я вас совсем не поняла. Мне кажется, что если уж молодой человек задумал такое черное дело — отнять жизнь у своего ближнего, то после этого он не станет приходить в безумное отчаяние. Это было бы заранее обдуманное, хладнокровное преступление. Убийца мог бы нервничать и совершить какой-нибудь мелкий промах, но не думаю, что он пришел бы в такое неистовство, как вы описали. Нелегко вообразить себя на месте другого человека, но я не представляю, что могла бы настолько потерять власть над собой.

— Мы не знаем всех обстоятельств, — возразил я. — Если они поссорились и Лоуренс выстрелил под влиянием приступа ненависти, то после он мог прийти в ужас от того, что натворил. Признаюсь, мне хотелось бы так думать.

— Знаю, дорогой мистер Клемент. Мы хотели бы все видеть в определенном свете. Но ведь приходится соглашаться с фактами, каковы бы они ни были, правда? А мне кажется, что факты никак нельзя подогнать под ваше объяснение. Прислуга ясно показала, что мистер Реддинг пробыл в доме минуту-две, а этого, конечно, недостаточно для такой ссоры, какую вы себе представили. Кроме

того, как я поняла, полковнику выстрелили в голову, когда он писал записку, — по крайней мере, так говорит моя служанка.

— Совершенно верно, — сказала Гризельда. — Очевидно, он писал записку, чтобы сообщить, что он больше не может ждать. Записка была помечена временем «18:20», а часы упали и остановились в двадцать две минуты седьмого, это ужасно странно, мы с Леном ничего не можем понять!

Она пояснила, что часы у нас всегда поставлены на четверть часа вперед.

— Интересно, — заметила мисс Марпл. — Очень, очень интересно. Но записка, на мой взгляд, куда интереснее. Я бы сказала...

Она замолчала и оглянулась. За окном стояла Летиция Протеро. Она вошла, слегка кивнув и пробормотав себе под нос: «Доброе утро».

Потом она упала в кресло и сказала несколько более оживленно, чем это было у нее в обычае:

— Говорят, они арестовали Лоуренса.

— Да, — сказала Гризельда. — Мы все в полном шоке.

— Вот уж не ожидала, что кто-то убьет отца, — сказала Летиция. Она явно гордилась тем, что не проявляет ни горя, ни вообще намека на

какие-то человеческие чувства. — Конечно, руки чесались у многих. Иногда я сама была готова его прикончить.

— Хочешь чего-нибудь выпить или поесть, Летиция? — спросила Гризельда.

— Нет, спасибо. Я забрела просто так — поискать свой беретик, такой смешной, маленький, желтенький. Мне казалось, я забыла его вчера в кабинете.

— Значит, там он и лежит, — сказала Гризельда. — Мэри никогда и ничего не убирает.

— Пойду поищу, — сказала Летиция, пытаясь подняться. — Простите, что причиняю лишнее беспокойство, но мне совершенно нечего надеть на голову — все растеряла.

— Боюсь, что сейчас вам туда не попасть, — сказал я. — Инспектор Слэк запер кабинет на ключ.

— Вот зануда! А через окно туда пролезть нельзя?

— Нет, к сожалению. Заперто изнутри. Однако, Летиция, мне кажется, при сложившихся обстоятельствах вам желтый берет не так уж и нужен.

— Вы имеете в виду траур и прочую ерунду? И не подумаю надевать траур. По-моему, жутко допотопный обычай. Какая досада, что Лоуренсу так не повезло. Ужасно досадно.

Она встала, но не двигалась с места, рассеянно хмурясь.

— Наверно, это из-за меня и купального костюма. Такая глупость, сил нет.

Гризельда открыла было рот, чтобы что-то сказать, но по какой-то необъяснимой причине промолчала.

Странная улыбка тронула губы Летиции.

— Пожалуй, — сказала она как бы себе самой, очень тихо, — пойду домой и скажу Анне, что Лоуренса арестовали.

И она вышла. Гризельда обернулась к мисс Марпл.

— Почему вы наступили мне на ногу?

Старая дама улыбнулась.

— Мне показалось, что вы собираетесь что-то сказать, душечка. Знаете, подчас гораздо лучше наблюдать, как все будет развиваться само собой. Можете мне поверить, это дитя совсем не так уж витает в облаках, как старается показать. У нее в голове есть четкий замысел, и она знает, что делает.

Мэри громко постучала в дверь и тут же влетела в столовую.

— Что такое? — спросила Гризельда. — И, Мэри, запомните, пожалуйста, что стучать не надо. Я

вам сто раз говорила.

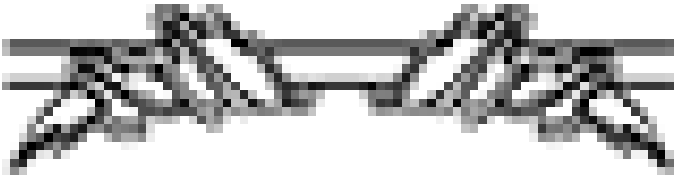
— Мало ли, может, вы заняты, — отпарировала Мэри. — Полковник Мельчетт. Хочет видеть хозяина.

Полковник Мельчетт — начальник полиции в нашем графстве. Я встал не мешкая.

— Я думала, не годится оставлять его в холле, и пустила его в гостиную, — сообщила Мэри. — Со стола убрать?

— Нет еще, — сказала Гризельда. — Я позвоню.

Она снова обернулась к мисс Марпл, а я вышел из комнаты.



ГЛАВА 7

Полковник Мельчетт — живой маленький человек, и у него странная привычка внезапно и неожиданно фыркать носом. У него рыжие волосы и пытливые ярко-голубые глаза.

— Доброе утро, викарий, — сказал он. — Пренеприятное дело, а? Бедняга Протеро. Не подумайте, что он мне нравился. Вовсе нет. По правде говоря, никто его не любил. Да и для вас куча неприятностей, верно? Надеюсь, ваша хозяюшка держится молодцом?

Я сказал, что Гризельда восприняла все, как

подобает.

— Вот и ладно. Когда такое случается в твоем кабинете, радости мало. Реддинг меня удивил, доложу я вам, — позволить себе такое в чужом доме! Совершенно не подумал о чувствах других людей!

Меня вдруг охватило непреодолимое желание расхохотаться, но полковник Мельчетт, как видно, не находил ничего смешного в том, что убийца обязан щадить чувства окружающих, и я сдержался.

— Честно скажу, меня порядком удивило известие, что этот малый просто взял да и явился с повинной, — продолжал полковник Мельчетт, плюхаясь в кресло.

— А как это было? Когда?

— Вчера вечером. Часов около десяти. Влетает, бросает на стол пистолет и заявляет: «Это я убил». Без околичностей.

— А как он объясняет содеянное?

— Да никак. Конечно, мы его предупредили, чем чревата дача ложных показаний. А он смеется, и все тут. Говорит, зашел сюда повидаться с вами. Видит полковника. Они повздорили, и он его пристрелил. О чем был спор, не говорит. Слушайте, Клемент, — это останется между нами,

— вы об этом хоть что-нибудь знаете? До меня доходили слухи, что его выставили из дома, и прочее в этом роде. Что у них там — дочку он соблазнил или еще что? Мы не хотим втягивать в это дело девушку, пока возможно, ради ее и общего блага. Весь сыр-бор из-за этого загорелся?

— Нет, — сказал я. — Можете поверить мне на слово, дело отнюдь не в этом, но в настоящее время я больше ничего сказать не могу.

Он кивнул и вскочил.

— Рад это слышать. А то люди бог весть что болтают. Слишком много бабья в наших местах. Ну, мне пора. Надо повидать Хейдока. Его куда-то вызвали, но он должен вернуться. Признаюсь по чести, жалко мне этого Реддинга. Всегда считал его славным малым. Может, они придумают ему какие-то оправдания. Последствия войны, контузия, что-нибудь в этом роде. Особенно если не откопают какой-нибудь подходящий мотив для преступления. Ну, я пошел. Хотите со мной?

Я сказал, что пойду с удовольствием, и мы вышли вдвоем.

Хейдок живет в соседнем доме. Слуга сказал, что доктор только сейчас вернулся, и провел нас в столовую. Хейдок сидел за столом, а перед ним аппетитно пускала парок яичница с беконом. Он

приветливо кивнул нам.

— Простите, но пришлось ехать. Роды принимал. Почти всю ночь провозился с вашим делом. Достал для вас пулю.

Он толкнул по столу в нашу сторону маленькую коробочку. Мельчетт рассмотрел пулю.

— Ноль двадцать пять?

Хейдок кивнул.

— Технические подробности попридержу до расследования, — сказал он. — Вам нужно знать только одно: смерть была практически мгновенной. Этот молодой идиот сказал, ради чего он это сделал? Кстати, меня поразило, что ни одна живая душа не слышала выстрела.

— Да, — сказал Мельчетт. — Удивительно.

— Окно кухни выходит на другую сторону, — объяснил я. — Когда закрыты все двери — и в кабинете, и в буфетной, и в кухне, вряд ли что-нибудь можно услышать, а наша служанка была одна в доме.

— Гм-м... — сказал Мельчетт. — Все равно, странно это. Интересно, не слышала ли чего старушка — как ее звать — а, мисс Марпл. Окно в кабинете было открыто.

— Возможно, она и слышала, — сказал Хейдок.

— Не думаю, — сказал я. — Она только что у нас

была и ничего об этом не сказала, а я уверен, что она упомянула бы о том, что слышала.

— А может, она и слышала, да не придала этому значения — подумала, что у машины выхлоп не в порядке.

Я заметил, что в это утро Хейдок был настроен куда более добродушно и жизнерадостно, чем вчера. Он был похож на человека, который изо всех сил старается скрыть обуревающую его радость.

— А что, если там был глушитель? — добавил он. — Не исключено. Тогда никто ничего бы и не услышал.

Мельчетт замотал головой.

— Слэк ничего такого не нашел, потом спросил Реддинга напрямик, Реддинг поначалу вообще не мог взять в толк, о чем речь, а когда понял, категорически заявил, что ничем таким не пользовался. Я думаю, можно ему поверить на слово.

— Да, конечно. Бедняга.

— Юный идиот, черт бы его побрал! — взорвался полковник Мельчетт. — Прошу прощенья, Клемент. Но ведь иначе его не назовешь. Как-то не могу думать о нем как об убийце.

— Мотив какой? — спросил Хейдок, одним глотком допивая кофе и вставая из-за стола.

— Он говорит, что они поссорились, он вспылил и не помнит, как застрелил полковника.

— Хочет вытянуть на непреднамеренное убийство, э? — Доктор потряс головой. — Ничего не выйдет. Он подкрался сзади, когда старик писал письмо, и выстрелил ему в затылок. Ссорой тут и не пахнет.

— Да у них и времени на ссору не было, — вмешался я, припомнив слова мисс Марпл. — Подкрасться, застрелить полковника, переставить часы назад на восемнадцать двадцать и убраться подобру-поздорову, да у него едва хватило бы времени на все это. Я никогда не забуду, какое у него было лицо, когда я встретил его за калиткой, и как он сказал: «Вы его увидите, даю слово. О! Вы его увидите!» Уже одно это должно было возбудить мои подозрения, навести на мысль о том, что случилось за несколько минут до нашей встречи.

Хейдок уставился на меня удивленным взглядом.

— То есть как это «за несколько минут до встречи»? Когда же, по-вашему, Реддинг его застрелил?

— За несколько минут до моего прихода.

Доктор покачал головой.

— Невозможно. Исключено. Он уже был мертв задолго до этого.

— Но, дорогой вы мой, — воскликнул полковник Мельчетт, — вы же сами сказали, что полчаса — только приблизительный срок.

— Полчаса, тридцать пять минут, двадцать пять минут, даже двадцать — это в пределах вероятности, но меньше — ни в коем случае. Ведь тогда тело было бы еще теплое, когда я подоспел.

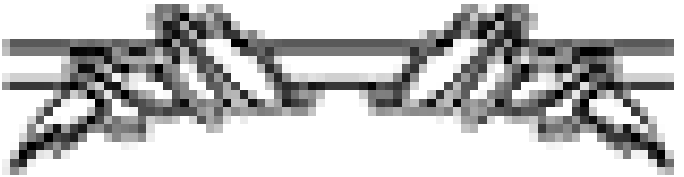
Мы молча смотрели друг на друга. Лицо Хейдока внезапно переменилось. Стало серым, на глазах постарело. Эта перемена меня поразила.

— Да вы послушайте, Хейдок, — полковник первым обрел дар речи. — Если Реддинг застрелил его в четверть восьмого...

Хейдок вскочил.

— Я вам сказал, что это невозможно, — проревел он. — Если Реддинг утверждает, что застрелил Протеро в четверть восьмого, значит, Реддинг лжет. Пропади оно все пропадом — я врач, говорю вам, мне лучше знать! Кровь уже начала свертываться.

— Если Реддинг лжет... — начал было полковник Мельчетт, потом смолк и потряс головой. — Пожалуй, надо пойти в полицейский участок, поговорить с ним самим, — сказал он.



ГЛАВА 8

По дороге в участок мы почти не разговаривали. Хейдок слегка отстал и сказал мне вполголоса:

— Знаете, не нравится мне все это. Не нравится. Мы все чего-то тут не понимаем.

У него был крайне озабоченный, встревоженный вид.

Инспектор Слэк был на месте, и мы уже вскоре встретились с Лоуренсом Реддингом.

Его бледное лицо выглядело усталым, но он был совершенно спокоен, поразительно спокоен, сказал бы я, при сложившихся обстоятельствах.

Мельчетт же хмыкал и фыркал, явно нервничая.

— Слушайте, Реддинг, — начал он, — мне известны показания, которые вы давали инспектору Слэку. Вы утверждаете, что пришли в дом викария примерно без четверти семь, встретили Протеро, поссорились с ним, застрелили его и ушли. Протокол я вам не читаю, но это главное.

— Да.

— Я собираюсь задать вам несколько вопросов. Вас уже уведомили, что вы можете не отвечать на них, если не сочтете нужным. Ваш адвокат...

Лоуренс не дал ему договорить.

— Мне нечего скрывать. Я убил Протеро.

— А! Ладно! — И Мельчетт громко фыркнул. — А как у вас оказался с собой пистолет?

— Он был у меня в кармане, — ответил Лоуренс, слегка помявшись.

— И вы взяли его с собой, когда шли к священнику?

— Да.

— Зачем?

— Я всегда держу его при себе.

Он снова слегка замешкался с ответом, и я окончательно уверился, что он говорит неправду.

— А зачем вы перевели часы назад?

— Часы? — Лоуренс явно не знал, что сказать.

— Ну да, стрелки показывали восемнадцать двадцать две.

Его лицо внезапно исказилось от страха.

— А, да — конечно. Я — я их перевел.

Хейдок неожиданно бросил ему в лицо:

— Куда вы стреляли?

— В полковника Протеро.

— Я спрашиваю, в какую часть тела?

— А! Я, кажется, в голову. Да, я стрелял в голову.

— Вы что, не помните?

— Вам все и так известно, зачем вы спрашиваете?

Это была слабая, неловкая попытка вывернуться. Снаружи послышался какой-то шум. Вошел констебль с запиской. Он был без шлема.

— Письмо викарию. Написано — срочно.

Я вскрыл конверт и прочел:

> «Прошу вас, умоляю, приходите ко мне. Я не знаю, что мне делать. Я должна кому-то признаться. Пожалуйста, приходите немедленно и приведите с собой кого хотите.
>
> ***Анна Протеро».***

Я бросил на Мельчетта красноречивый взгляд.

Он понял намек. Мы вышли все вместе. Я бросил взгляд через плечо и мельком увидел лицо Лоуренса Реддинга. Глаза его были прикованы к листку бумаги, который я держал в руке, с выражением такого мучительного отчаяния и страдания, какое мне едва ли когда приходилось видеть на человеческом лице.

Я вспомнил, как Анна Протеро, сидя передо мной на диване, сказала: «Я готова на все», и на душе у меня стало невыразимо тяжко. Я вдруг увидел причину героического самооговора Лоуренса Реддинга. Мельчетт разговаривал со Слэком.

— Выяснили, чем Реддинг занимался в течение дня? Есть основания полагать, что он убил Протеро раньше, чем он говорит. Разберитесь и доложите.

Он обернулся ко мне, и я молча протянул ему письмо Анны Протеро. Он пробежал его и удивленно надул губы. Потом пристально взглянул на меня.

— Вы на это намекали утром?

— Да. Тогда я не был уверен, должен ли я все рассказать. Теперь я считаю это своим долгом.

И я рассказал ему о том, что видел в тот вечер в «мастерской».

Полковник обменялся несколькими словами с

инспектором, и мы отправились в Старую Усадьбу. Доктор Хейдок пошел вместе с нами.

Дверь отворил безукоризненный дворецкий — с приличествующей обстоятельствам торжественностью в каждом движении.

— Доброе утро, — сказал Мельчетт. — Будьте добры, попросите горничную миссис Протеро доложить о нас, а потом возвращайтесь сюда, я вам задам несколько вопросов.

Дворецкий поспешно удалился, но вскоре вернулся и доложил, что поручение выполнено.

— А теперь поговорим про вчерашний день, — сказал Мельчетт. — Ваш хозяин был дома во время ланча?

— Да, сэр.

— И настроение у него было обычное?

— Насколько я мог заметить, да, сэр.

— А потом что было?

— После ланча миссис Протеро пошла к себе прилечь, а полковник ушел к себе в кабинет. Мисс Протеро уехала играть в теннис, на спортивной машине. Полковник и миссис Протеро пили чай в гостиной, в половине пятого. Шоферу было приказано подать машину в пять тридцать, они собирались ехать в деревню. Как только они уехали, позвонил мистер Клемент, — поклон в мою

сторону, — и я сказал ему, что они уже уехали.

— Гм-м... — протянул полковник Мельчетт. — Когда мистер Реддинг был здесь в последний раз?

— Во вторник днем, сэр.

— Насколько мне известно, они немного не поладили?

— Должно быть, так, сэр. Мне было приказано впредь не принимать мистера Реддинга.

— А вы сами слышали, как они ссорились? — напрямик спросил полковник Мельчетт.

— У полковника Протеро был очень звучный голос, сэр, особенно когда он сердился. Я поневоле слышал кое-что, когда он повышал голос.

— Достаточно, чтобы понять, о чем идет спор?

— Я понял, сэр, что речь идет о портрете, который писал мистер Реддинг, о портрете мисс Летиции.

Фырканье Мельчетта прозвучало как рычанье.

— Вы видели мистера Реддинга перед уходом?

— Да, сэр, я его провожал.

— Он был очень сердит?

— Да нет, сэр, если позволите, я бы сказал, что он скорее выглядел довольным.

— Так вчера он сюда не заходил?

— Нет, сэр.

— А еще кто-нибудь заходил?

— Вчера — никто, сэр.

— А позавчера?

— Во второй половине дня приходил мистер Деннис Клемент. И доктор Стоун пробыл здесь некоторое время. А вечером заходила дама.

— Дама? — Мельчетт искренне удивился. — Кто такая?

Дворецкий не смог припомнить ее имя. Дама была незнакомая, он никогда раньше ее не видел. Она, конечно, назвала себя, и он ей сказал, что сейчас все обедают, тогда она согласилась подождать. И он проводил ее в малую гостиную.

Она спрашивала полковника Протеро, а не миссис Протеро. Он доложил полковнику, и тот прошел в малую гостиную, как только отобедали.

Сколько дама пробыла? Пожалуй, с полчаса. Полковник сам проводил ее из дому. А! Наконец-то, он вспомнил ее имя. Эта дама назвалась миссис Лестрейндж.

Этого никто не ожидал.

— Любопытно, — сказал Мельчетт. — Весьма, весьма любопытно.

Но больше мы ничего сказать не успели — нам доложили, что миссис Протеро готова нас при-

нять.

Анна лежала в постели. Лицо у нее было бледное, а глаза лихорадочно блестели. Выражение ее лица меня поразило — суровое, решительное. Она обратилась ко мне.

— Благодарю вас за то, что вы пришли, — сказала она. — Я вижу, вы правильно поняли мою просьбу привести с собой кого вы захотите. — Она замолчала.

— Самое лучшее — разом со всем покончить, верно? — продолжала она. Ее губы тронула странная, жалкая полуулыбка. — Должно быть, я обязана заявить об этом вам, полковник Мельчетт. Видите ли, это я убила своего мужа.

Полковник Мельчетт заговорил с необычной мягкостью:

— Дорогая моя миссис Протеро...

— Нет! Это чистая правда. Простите за такую прямолинейность, но я совершенно не способна устраивать истерики по какому бы то ни было поводу. Я долго ненавидела его, а вчера убила.

Она откинулась на подушки и закрыла глаза.

— Вот и все. Полагаю, вы арестуете меня и заберете с собой. Я встану и оденусь, как только соберусь с силами. А сейчас мне нехорошо.

— Вам известно, миссис Протеро, что мистер

Лоуренс Реддинг уже признался в совершении этого преступления?

Анна открыла глаза и оживленно закивала.

— Знаю. Глупый мальчишка. Он очень влюблен в меня, вы знаете? Ужасно благородный поступок — и ужасная глупость.

— Он знал, что преступление совершили вы?

— Да.

— Откуда он это узнал?

Она замялась.

— Вы сами ему сказали?

Она все еще медлила с ответом. Казалось, она не знает, какой ответ выбрать.

— Да, я ему сказала...

Она нервно передернула плечами.

— Вы не могли бы оставить меня теперь одну? Я же вам все сказала. Я не желаю больше об этом говорить.

— А где вы достали пистолет, миссис Протеро?

— Пистолет? О, это пистолет мужа. Я взяла его из ящика ночного столика.

— Понятно. И взяли с собой в дом священника?

— Да. Я знала, что муж должен быть там.

— Когда это было?

— Должно быть, после шести — четверть или двадцать минут седьмого — примерно в это

время.

— Вы взяли пистолет, намереваясь застрелить своего мужа?

— Нет, нет, я... я взяла его для себя.

— Понятно. Но вы пошли к священнику?

— Да. Я прошла к окну. Голосов не было слышно. Я заглянула в кабинет. Увидела мужа. Что-то меня подтолкнуло, и я выстрелила.

— Дальше?

— Дальше? О! Потом я ушла.

— И рассказали мистеру Реддингу, что вы сделали?

Я заметил, что она снова помедлила, прежде чем ответить.

— Да.

— Кто-нибудь видел, как вы шли туда или обратно?

— Нет, то есть да. Старая мисс Марпл. Я с ней поговорила несколько минут. Она была в своем садике.

Она беспокойно заметалась на подушках.

— Неужели этого мало? Я вам сказала все. Зачем вы меня мучаете?

Доктор Хейдок подошел к постели, взял ее руку пощупать пульс.

Он знаком подозвал Мельчетта.

— Я с ней побуду, — сказал он шепотом, — пока вы там все приготовите. Ее нельзя оставлять. Может что-нибудь над собой сделать.

Мельчетт кивнул.

Мы вышли из комнаты и спустились вниз. Я заметил, что из соседней комнаты вышел худой бледный человек. Повинуясь непонятному импульсу, я снова взошел на лестницу.

— Вы — камердинер полковника Протеро?

Человек удивился:

— Да, сэр.

— Вы не знаете, ваш хозяин нигде не прятал пистолет?

— Нет, я об этом ничего не знаю.

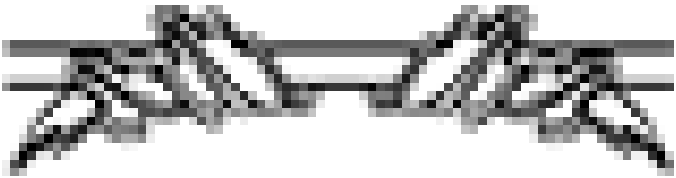
— Может быть, в одном из ящиков ночного столика? Подумайте, друг мой.

— Только не в ящиках, точно вам говорю. Я бы видел, непременно. Как же иначе?

Я поспешил спуститься вниз и присоединиться к остальным.

Миссис Протеро солгала про пистолет.

Зачем?



ГЛАВА 9

Полковник Мельчетт сообщил о случившемся в полицейский участок, а затем сказал, что собирается нанести визит мисс Марпл.

— Пожалуй, лучше будет, если вы пойдете со мной, викарий, — добавил он. — Не хочу сеять панику среди вашей паствы. Так что вы уж поддержите меня, пожалуйста, — в вашем присутствии все обойдется без истерики.

Я улыбнулся. Невзирая на свой хрупкий вид, мисс Марпл вполне способна устоять перед натиском любого полисмена, будь то рядовой или

сам начальник полиции.

— А что она за птица? — спросил полковник, позвонив у ее дверей. — Можно верить всему, что она говорит? Или наоборот?

Я немного подумал.

— По-моему, ей вполне можно доверять, — осторожно сказал я. — Во всяком случае, пока она рассказывает о том, что видела собственными глазами. Вот когда речь пойдет о том, что она думает, — это уже другое дело. Воображение у нее на редкость богатое, и она неукоснительно думает обо всех самое худшее.

— Значит, типичная старая дева, — засмеялся Мельчетт. — Ну, эту породу мне пора бы знать. Только вспомнишь здешние чаепития — дрожь берет!

Миниатюрная горничная открыла дверь и провела нас в гостиную.

— Мебели многовато, — заметил полковник Мельчетт, оглядывая комнату. — Но вещи, безусловно, отменные. Комната настоящей леди, да, Клемент?

Я выразил согласие, в эту минуту дверь отворилась, и перед нами предстала мисс Марпл.

— Глубоко сожалею, мисс Марпл, что пришлось вас побеспокоить, — с прямотой старого вояки

заявил полковник, как только я его представил, — он полагал, это импонирует пожилым дамам. — При исполнении долга, сами понимаете.

— Ну что вы, что вы, — сказала мисс Марпл. — Конечно, понимаю. Не хотите ли присесть? Не выпьете ли стаканчик шерри-бренди? Домашний! Я сама делала, по рецепту моей бабушки.

— Премного благодарен, мисс Марпл. Вы очень добры. Но я, пожалуй, откажусь. Ни капли до ланча — вот мой девиз. Так вот, я хотел поговорить с вами об этом печальном случае — очень печальный случай. Конечно, мы все очень огорчены. Видите ли, благодаря расположению вашего дома и сада вы могли заметить прошлым вечером что-то важное для нас.

— Представьте себе, я и вправду была в своем садике с пяти часов, весь вечер, и, само собой, оттуда все видно, то есть просто невозможно не видеть, что творится в соседнем доме.

— Насколько я понимаю, мисс Марпл, вчера вечером мимо вас проходила миссис Протеро?

— Да, проходила. Я ее окликнула, и она похвалила мои розы.

— Вы можете сказать, когда примерно это было?

— Я бы сказала, минуту или две спустя после

четверти седьмого. Церковные часы только отзвонили четверть.

— Прекрасно. А что было потом?

— Потом миссис Протеро сказала, что хочет зайти в дом викария за мужем, чтобы вместе возвратиться домой. Она пришла по аллее, видите ли, и прошла к дому священника через заднюю калитку, садом.

— Она пришла по алее?

— Да, я вам сейчас покажу.

Мисс Марпл с завидным энтузиазмом провела нас в сад и показала на аллею, которая проходила позади садика.

— Вот та дорожка, напротив, с перелазом, ведет в Старую Усадьбу, — пояснила она. — По этой дорожке они должны были возвращаться домой. А миссис Протеро пришла из деревни.

— Замечательно, замечательно, — сказал полковник Мельчетт. — И она прошла дальше, к дому викария?

— Да, я видела, как она завернула за угол дома. Должно быть, полковника там еще не было, потому что она вышла обратно почти сразу и пошла через лужайку к мастерской — вон к тому домику. Викарий разрешил мистеру Реддингу пользоваться им как мастерской.

— Ясно. А выстрела вы не слышали, мисс Марпл?

— Нет, тогда я ничего не слышала, — сказала мисс Марпл.

— Но вы все же слышали выстрел?

— Да, мне показалось, что в лесу кто-то стрелял. Но это было целых пять, а то и десять минут спустя, и притом в лесу, как я уже сказала. Не может быть, не может быть, чтобы...

Она умолкла, побледнев от волнения.

— Да! Да, об этом мы еще поговорим, — сказал полковник Мельчетт. — Прошу вас, продолжайте. Миссис Протеро прошла в мастерскую, так?

— Да, она вошла туда. Вскоре по аллее со стороны деревни пришел мистер Реддинг. Он подошел к калитке, оглянулся...

— И увидел вас, мисс Марпл.

— Признаться, меня он не видал, — сказала мисс Марпл, слегка зардевшись. — Я, видите ли, как раз в эту минуту наклонилась — надо было выполоть эти противные одуванчики, понимаете? Никакого сладу с ними! А он прошел в калитку и дальше, к мастерской.

— Он не подходил к дому?

— Нет-нет, он напрямик пошел к мастерской. Миссис Протеро встретила его на пороге, и они

оба скрылись внутри.

Здесь мисс Марпл сделала исключительно красноречивую паузу.

— Возможно, она ему позировала? — предположил я.

— Возможно, — сказала мисс Марпл.

— И они вышли — когда?

— Минут через десять.

— И это было примерно в...

— Церковные часы отзвонили полчаса. Они вышли через калитку и пошли по аллее, и как раз в эту минуту доктор Стоун появился со стороны Старой Усадьбы, перелез через изгородь и присоединился к ним. Все вместе они пошли по направлению к деревне. А в конце аллеи, как мне показалось, хотя я не вполне уверена, к ним присоединилась и мисс Крэм. Я подумала, что это мисс Крэм — уж очень на ней была короткая юбочка.

— У вас отличное зрение, мисс Марпл — разглядеть все на таком расстоянии!

— Я наблюдала за птичкой, — сказала мисс Марпл. — Кажется, это был королек. Хохлатый. Просто прелесть, такой шустрый! Я как раз смотрела в бинокль, вот почему я и увидела мисс Крэм (если это была мисс Крэм, а я в этом почти

уверена), когда она к ним подошла.

— Вот как! Ну что ж, вполне вероятно, — сказал полковник Мельчетт. — А теперь, мисс Марпл, скажите — я полагаюсь на вашу отменную наблюдательность, — не заметили ли вы, какие лица были у миссис Протеро и мистера Реддинга, когда они прошли мимо вас по аллее?

— Они улыбались и болтали, — сказала мисс Марпл. — Казалось, они очень счастливы быть вместе, — вы понимаете, что я хочу сказать.

— И они не были расстроенными или встревоженными?

— Что вы! Совсем напротив.

— Чертовски странно, — сказал полковник. — Во всем этом есть что-то чертовски странное.

Внезапно мисс Марпл задала вопрос, который застал нас врасплох, так что у нас буквально перехватило дыхание.

— А что, теперь миссис Протеро говорит, что это она убила? — спросила она очень спокойно.

— Святые угодники! — воскликнул полковник. — Вы-то как догадались, мисс Марпл?

— Да так, мне почему-то казалось, что это вполне возможно, — ответила мисс Марпл. — По-моему, милочка Летиция того же мнения. Она ведь очень смышленая девушка. Хотя боюсь, не

слишком щепетильная. Значит, Анна Протеро говорит, что убила своего мужа. Так, так. Едва ли это правда. Нет, я просто уверена, что это неправда. Анна Протеро — не такая женщина. Хотя ни в ком нельзя быть абсолютно уверенным, не так ли? По крайней мере, этому меня научила жизнь. А когда она его застрелила, по ее словам?

— В восемнадцать двадцать. После того, как поговорила с вами. Сразу.

Мисс Марпл медленно, с глубоким сожалением покачала головой. Мне показалось, что сожаление касалось нас, двух взрослых мужчин, которые по глупости попались на удочку. По крайней мере, так мне показалось.

— А из чего она его застрелила?

— Из пистолета.

— А где она его взяла?

— Принесла с собой.

— Вот этого как раз она и не могла сделать, — заявила мисс Марпл с неожиданной уверенностью. — Готова дать присягу. У нее с собой ничего не было.

— Вы могли не заметить.

— Я непременно заметила бы.

— А если он был у нее в сумочке?

— Никакой сумочки у нее не было.

— Хорошо — она могла его спрятать... э-э... в одежде.

Мисс Марпл бросила на него взгляд, полный жалости и укоризны.

— Дорогой полковник Мельчетт, вы же знаете нынешних молодых женщин. Совершенно не стыдятся показывать себя в том виде, как их сотворил Господь. Ей было негде спрятать даже носовой платочек.

Мельчетт не сдавался.

— Но согласитесь, что все сходится, — сказал он. — Время, опрокинутые часы — на них было восемнадцать двадцать две...

Мисс Марпл обернулась ко мне.

— Неужели вы еще не сказали ему про эти часы?

— Что такое, Клемент?

Я ему сказал. Он очень рассердился.

— Какого... Почему это вы ни слова не сказали Слэку вчера вечером?

— А он мне не дал ни слова вымолвить, вот почему, — отпарировал я.

— Чушь! Надо было быть понастойчивей!

— Вероятно, инспектор Слэк ведет себя с вами несколько иначе, чем со мной, — сказал я. — Мне он не дал ни малейшей возможности настаивать

на чем бы то ни было.

— Совершенно небывалое дело, — сказал Мельчетт. — Если еще кто-нибудь явится и взвалит на себя это убийство, я отправлюсь прямехонько в сумасшедший дом.

— Если мне будет дозволено высказать одно предположение... — еле слышно произнесла мисс Марпл.

— Прошу!

— Если бы вы сообщили мистеру Реддингу о том, что сделала миссис Протеро, и потом убедили его, что и вправду верите, будто это она... А потом пошли бы к миссис Протеро и сказали бы ей, что с мистером Реддингом все в порядке, — знаете, они оба могли бы сказать вам правду. А правда всегда пригодится, хотя, мне кажется, они и сами-то не много знают, бедняжки.

— Ладно, все это очень хорошо, но ведь эти двое — единственные люди, у которых был мотив для убийства Протеро.

— О, этого я бы не сказала, полковник Мельчетт, — возразила мисс Марпл.

— Что вы? Вы можете назвать еще кого-нибудь?

— Безусловно. Ну что же. — Она принялась считать на пальцах. — Раз, два, три, четыре, пять,

шесть, да и еще, вполне вероятно, седьмой. Я могу назвать, по крайней мере, семерых, которым было бы очень на руку убрать с дороги полковника Протеро.

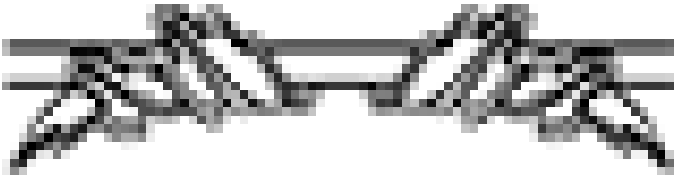
Огорошенный полковник не верил своим ушам.

— Семь человек? В Сент-Мэри-Мид?

Мисс Марпл живо кивнула.

— Прошу заметить, что я не называю имен, — сказала она. — Этого делать нельзя. Но боюсь, что в мире слишком много зла. Только откуда такому славному, честному и прямодушному солдату, как вы, полковник Мельчетт, знать о подобных вещах?

Мне показалось, что полковника вот-вот хватит удар.



ГЛАВА 10

Как только мы вышли из дома мисс Марпл, полковник высказался на ее счет далеко не лестным образом.

— Кажется, эта высохшая старая дева и вправду воображает, что ей все известно. Да она же всю жизнь из этой деревушки носу не высовывала! Многовато на себя берет! Что она может знать о жизни?

Я кротко возразил, что если мисс Марпл практически ничего не знает о Жизни с большой буквы, то о жизни в Сент-Мэри-Мид она знает все

досконально.

Мельчетт неохотно согласился со мной. Она все-таки очень ценный свидетель, особенно в отношении миссис Протеро.

— Я полагаю, можно не сомневаться в том, что она сказала?

— Если мисс Марпл сказала, что пистолета у нее с собой не было, значит, так оно и есть, — сказал я. — Если была бы малейшая возможность его пронести, от мисс Марпл это бы не укрылось, глаз у нее острый.

— Что верно, то верно. Пойдемте-ка, осмотрим мастерскую.

Так называемая мастерская — всего-навсего сарайчик с верхним светом. Окон там нет, войти и выйти можно только в дверь. Убедившись в этом, Мельчетт объявил мне, что придет к нам в дом вместе с инспектором.

— А сейчас я иду в полицейский участок.

Я вошел домой через парадную дверь и услышал чьи-то голоса. Открыл дверь в гостиную.

На диване рядом с Гризельдой, оживленно болтая, сидела мисс Глэдис Крэм. Ее ноги, обтянутые необыкновенно блестящими розовыми чулками, были скрещены, так что я не мог не заметить, что на ней розовые в полосочку шелковые пан-

талончики.

— Привет, Лен, — сказала Гризельда.

— Доброе утро, мистер Клемент, — сказала мисс Крэм. — Представьте себе, я просто в ужас пришла, когда услыхала про полковника! Бедный старый джентльмен!

— Мисс Крэм, — сказала моя жена, — была настолько добра, что предложила помочь нам в работе с «Примерными детьми». Ты помнишь, мы приглашали добровольных помощников в прошлое воскресенье?

Это я прекрасно помнил и был уверен (как и Гризельда — я догадался по ее тону), что вступить в ряды добровольцев мисс Крэм и в голову бы не пришло, если бы не сенсационные события, приключившиеся в нашем доме.

— Я только сию минуту говорила миссис Клемент, — продолжала мисс Крэм, — я прямо-таки была ошарашена. Убийство, говорю? В этой захудалой, сонной деревушке — ведь она сонная, вы должны это признать, даже музейчика нету, не говоря уж о кино! А потом узнала, что это полковник Протеро, я ушам своим не поверила! Мне почему-то казалось, что таких людей не убивают.

Не знаю, какими свойствами, по мнению мисс

Крэм, должен обладать человек, дабы его прикончили. Никогда не думал, что жертва убийства принадлежит к какой-то особой породе. Однако в ее ветреной белокурой головке имеются на этот счет вполне определенные идеи.

— Вот почему, — объяснила Гризельда, — мисс Крэм и забежала узнать все подробности.

Я было испугался, что такая прямота обидит юную леди, но она только откинула голову и оглушительно расхохоталась, показывая весь набор зубов, которым располагала.

— Ну да, каюсь! А вам палец в рот не клади, миссис Клемент, а? Но ведь это совершенно естественно — в таком деле каждому хочется выведать всю подноготную. Я и вправду хочу помочь вам с детишками, пожалуйста, сколько угодно. До чего же интересно, сил моих нет! Я прямо подыхала тут со скуки. Что и говорить, скука тут смертная. Не подумайте, что у меня работа плохая — работа приличная, и платят хорошо, а доктор Стоун всегда себя держит как настоящий джентльмен. Но ведь надо же девушке немного поразвлечься после работы, а тут не с кем слова сказать, кроме вас, миссис Клемент, — сплошные старые ведьмы!

— А Летиция Протеро?

Глэдис Крэм тряхнула головой.

— Что вы, разве она станет водиться с такими, как я? Жуткая задавака, считает себя выше всех в графстве, так боится себя уронить, что и не взглянет на девушку, которая сама зарабатывает на жизнь. А я, кстати, слыхала, как она говорила, что собирается поступить на работу. Да кто ее возьмет, хотела бы я знать? Недели не пройдет, как ее выгонят. Разве что манекенщицей — там только и надо, что вырядиться в пух и прах да расхаживать взад-вперед дурацкой походочкой. Это, пожалуй, у нее получится.

— Из нее вышла бы прекрасная манекенщица, — сказала Гризельда. — У нее прелестная фигурка. (Да, в Гризельде не найти ни малейшего сходства с ведьмой.) А когда она говорила, что хочет поступать на работу?

Мисс Крэм на минуту была обескуражена, но мгновенно пришла в себя и со свойственной ей ловкостью вышла из положения.

— Можно подумать, что я сплетничаю, верно? — сказала она. — Но она это сказала, честное слово. Должно быть, дома ей несладко живется. Чтобы я согласилась жить в одном доме с мачехой — нет уж, извините! Да я бы этого ни минуты не вытерпела!

— Ну вы, вы у нас такая энергичная, независимая, — серьезно сказала Гризельда, и я посмотрел на нее не без подозрения.

Мисс Крэм была явно польщена.

— Вот именно. Прямо вылитый мой портрет. Я слушаюсь, слушаюсь, но могу и взбрыкнуть. Так мне гадалка сказала, недавно. Нет уж. Я не из тех, кто стерпит любую обиду и даже не пикнет. Я и доктору Стоуну сразу же сказала, что у меня должны быть выходные дни, как положено. Эти ученые джентльмены думают, что девушка — все равно что машина, включил, и можно ее не замечать, как будто ее здесь и нет.

— А как вам работается с доктором Стоуном? Он приятный человек? Должно быть, очень интересная работа, для тех, кто увлечен археологией.

— Я в этой науке не очень-то много смыслю, — призналась девушка. — Мне все же кажется, что вытаскивать на свет божий людей, которые давно умерли — сотни лет пролежали в земле, — как-то нескромно, вроде как совать нос не в свое дело. А как по-вашему? А вот доктор Стоун так прямо с головой ушел в работу, поесть забывает, он бы голодный ходил, если бы не я.

— А он и сегодня с утра на раскопе? — спросила Гризельда.

Мисс Крэм покачала головой.

— Не с той ноги встал, — пояснила она. — Нет настроения работать. А это значит, что у крошки Глэдис выдался свободный денек.

— Жаль его, — сказал я.

— Да нет, пустяки. Не бойтесь, второго покойника не будет. Вы лучше все мне расскажите, мистер Клемент. Мне сказали, что вы целое утро провели с полицией. Что они думают?

— Как вам сказать, — медленно произнес я. — Пока не все еще ясно.

— Ага! — воскликнула мисс Крэм. — Выходит, они не верят, что это мистер Реддинг. Такой красивый, правда? Прямо как из кино. Такая ослепительная улыбка, когда он с тобой здоровается. Я не поверила своим ушам, когда узнала, что его арестовали. Хотя про этих деревенских полисменов все говорят, что они ужасные дураки.

— На этот раз вряд ли их можно в чем-то обвинить, — сказал я. — Мистер Реддинг сам явился с повинной.

— Как? — Девушка была явно ошеломлена. — Ну, надо же быть таким простофилей. Уж я-то не побежала бы с повинной, если бы убила кого-нибудь. Я думала, Лоуренс Реддинг будет вести себя умнее. Надо же так свалять дурака! А с какой

стати он убил Протеро? Он признался? Просто повздорили, да?

— Пока еще нет окончательной уверенности в том, что это он его убил, — сказал я.

— Да как же так, мистер Клемент! Ведь он сам сказал, ему-то лучше знать!

— Разумеется, — согласился я. — Но полицию не вполне устраивает то, что он рассказывает.

— С чего бы он стал говорить, что убил, если он не убивал?

Я предпочел не распространяться по этому поводу. Поэтому высказался довольно туманно:

— Я слышал всякий раз, когда совершено сенсационное убийство, полиция получает уйму писем от людей, которые признаются в этом убийстве.

— Чокнутые, не иначе! — только и сказала мисс Крэм голосом, полным недоумения и презрения. — Ну ладно, — добавила она, вздыхая. — Пожалуй, мне пора бежать. — Она встала. — Пойду сообщу доктору Стоуну, что мистер Реддинг сам признался в убийстве.

— А ему что, интересно? — спросила Гризельда.

Мисс Крэм недоуменно наморщила лоб.

— Странный он какой-то. Ничего у него не поймешь. Весь закопался в прошлое. Ему в сто

раз интереснее разглядывать жуткий бронзовый нож, выкопанный из груды земли, чем посмотреть на нож, которым Криппен разрезал на куски собственную жену, ну если бы ему его показали.

— Что ж, — сказал я. — Должен признаться, я тоже предпочел бы увидеть жуткий бронзовый нож.

Во взгляде мисс Крэм промелькнуло непонимание и легкое презрение. Потом, не один раз попрощавшись, она наконец удалилась.

— Не такая уж она плохая, знаешь, — сказала Гризельда, когда дверь за ней закрылась. — Ужасно вульгарна, конечно, но в таких больших бесцеремонных девушках есть даже что-то симпатичное. Они очень добродушные. Как ты думаешь, зачем она приходила?

— Из любопытства.

— Да, наверное. Ну, Лен, а теперь рассказывай все-все. Я умираю от нетерпения.

Я уселся и честно пересказал все, что произошло этим утром. Гризельда то и дело перебивала меня, не в силах совладать с удивлением и любопытством.

— Так, значит, Лоуренс с самого начала увивался за Анной, а вовсе не за Летицией. Какие же мы тут слепцы! А ведь именно на это намекала мисс

Марпл вчера вечером, тебе не кажется?

— Да, — ответил я, отводя взгляд.

Вошла Мэри.

— Там пришли какие-то двое, говорят — из газеты. Пускать или нет?

— Ни в коем случае, — сказал я. — Отошлите их к инспектору Слэку, в полицейский участок.

Мэри кивнула и собралась идти.

— А когда вы от них избавитесь, приходите сюда, — сказал я. — Я хочу вас кое о чем спросить.

Мэри снова кивнула.

Вернулась она через несколько минут.

— Никак от них не отвяжешься, — сказала она. — Еле отбилась, такие настырные. Слыханное ли дело — им говоришь — нельзя, а они лезут.

— Боюсь, что они нас не оставят в покое, — сказал я. — Так вот, Мэри, о чем я хотел вас спросить: вы точно уверены, что вчера вечером не слышали выстрела?

— Выстрела, которым его убили? Само собой не слышала. А услышала бы, так пошла бы поглядеть, что там стряслось.

— Да, но... — Я вспомнил утверждение мисс Марпл, что она слышала выстрел в лесу. Я решил изменить форму вопроса. — А больше вы никаких выстрелов не слышали? Например, где-то в

глубине леса.

— А, это дело другое. — Девушка замолчала. — Теперь, как подумаешь, был выстрел, был. Не выстрелы, а один-единственный. Какой-то чудной, вроде взорвалось что.

— Вот именно, — сказал я. — А когда это было?

— Когда?

— Ну да, в котором часу?

— Уж этого я вам никак не скажу. Знаю только, что после чая прошло много времени.

— А немного точнее вы не могли бы вспомнить?..

— Нет, не могу. Я ведь без дела не сижу, кручусь по хозяйству день-деньской. Некогда мне на часы глазеть. Да и толку от этого мало — будильник каждый день отстает на три четверти часа, то его подвести надо, то завести — я никогда и не знаю, который час.

Теперь я понял, почему нам никогда не подают еду в назначенное время. Иногда обед сильно запаздывает, зато завтрак подают на удивление рано.

— Это было задолго до того, как пришел мистер Реддинг?

— Да нет, незадолго. Минут десять, самое большее пятнадцать.

Я кивнул, довольный ответом.

— Все? — спросила Мэри. — А то у меня мясо в духовке, а рис небось уже весь выкипел.

— Хорошо. Можете идти.

Она вышла, а я обратился к Гризельде:

— По-видимому, нет никакой возможности заставить ее говорить «сэр» или «мэм»?

— Я ей говорила. Она никак не может запомнить. Не забывай, она попала к нам совсем неотесанной девчонкой.

— Это я отлично помню, — сказал я. — Но неотесанные предметы не должны же вечно оставаться в первозданном состоянии. Мне кажется, можно было бы хоть немного научить ее готовить.

— Знаешь, я с тобой не согласна, — сказала Гризельда. — Ведь мы платим прислуге сущие гроши. Стоит нам ее немного подучить, она тут же от нас уйдет. Само собой. К тем, кто может себе позволить платить побольше. Но пока Мэри не умеет готовить и пока у нее такие жуткие манеры — можем спать спокойно, никто ее у нас не переманит.

Я понял, что моя жена ведет хозяйство вовсе не абы как. Оказывается, у нее имеется вполне обдуманный метод. Хотя стоит ли вообще держать прислугу, которая не умеет готовить и чуть

ли вам не в лицо швыряет то тарелки, то всякие дерзости. Об этом можно было бы поспорить.

— Кроме того, — продолжала Гризельда, — сейчас ей надо прощать любые грубости. И нельзя ждать, чтобы она особенно горевала о смерти полковника Протеро — ведь он засадил за решетку ее молодого человека.

— Как, разве он посадил в тюрьму ее парня?

— Ну да, за браконьерство. Да ты его знаешь — Арчер. Мэри гуляла с ним два года.

— Этого я не знал.

— Лен, милый, ты никогда ничего не знаешь.

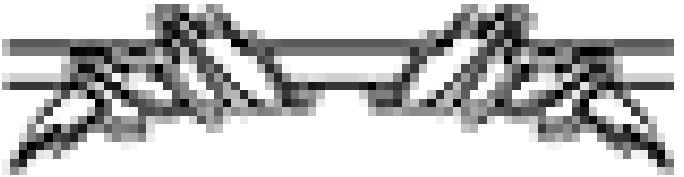
— Вот что странно, — сказал я. — Все твердят, что выстрел донесся из лесу.

— А по-моему, ничего странного, — сказала Гризельда. — Понимаешь, в лесу то и дело стреляют. Поэтому, естественно, когда слышишь выстрел, думаешь, что опять стреляют в лесу. Может быть, он кажется только чуть громче, чем обычно. Конечно, если находишься в соседней комнате, сразу поймешь, что стреляли в доме, но ведь Мэри была в кухне, там окно выходит на другую сторону, тебе бы тоже в голову не пришло, что стреляют в доме.

Дверь снова отворилась.

— Там к вам опять полковник Мельчетт, — ска-

зала Мэри. — И с ним этот инспектор, велели передать, что будут рады, если вы к ним выйдете. Они в кабинете.



ГЛАВА 11

С первого взгляда я заметил, что полковник Мельчетт и инспектор Слэк не сходятся в мнениях относительно этого дела. Мельчетт раскраснелся от возмущения, а у инспектора вид был мрачный и надутый.

— Как ни прискорбно, — сказал Мельчетт, — но я должен сказать, что инспектор Слэк не согласен со мной. Он считает, что Реддинг на самом деле виновен.

— Если он не виноват, то с какой стати он идет и заявляет, что он — убийца? — скептически

спросил Слэк.

— Миссис Протеро поступила точно таким же образом, как вы помните, Слэк.

— Это другое дело. Она — женщина, а женщины вечно делают глупости. Я ни на минуту не поверил, что она это сделала. Услыхала, что его арестовали, и сочинила историю. Мне к этим играм не привыкать. Не поверите, какие идиотские фокусы выкидывали женщины на моем веку. Но Реддинг же не баба. У него голова на плечах, и коль скоро он признаётся, значит, он и виноват. И пистолет его собственный, тут уж ничего не попишешь. А теперь, когда это дельце с миссис Протеро выяснилось, мы и мотив знаем. Поначалу это было слабое местечко, а теперь-то мы доподлинно знаем — дальше все пойдет как по маслу.

— Вы полагаете, что он мог застрелить полковника раньше — скажем, в половине седьмого?

— Нет, не мог.

— Вы проверили, когда и где он был?

Инспектор кивнул.

— Был в деревне, в «Голубом Кабане», в десять минут седьмого. Оттуда прошел по аллее, задами, где, по вашим словам, старушка-соседка его видела, по-моему, от нее мало что укроется, а потом

встретился, как было условлено, с миссис Протеро в мастерской, что в саду. Они вышли вместе чуть позже половины седьмого, пошли по аллее в деревню, и к ним присоединился доктор Стоун. Он это подтвердил, я с ним говорил. Все они стояли и разговаривали перед почтой, недолго, потом миссис Протеро зашла к мисс Хартнелл одолжить журнал по садоводству. Это тоже проверено. Я к ней заходил. Миссис Протеро сидела у нее почти до семи часов, а потом вдруг забеспокоилась: дескать, как поздно, ей давно уже пора домой.

— А как она себя держала?

— По словам мисс Хартнелл, очень мило и вполне непринужденно. Настроение у нее было веселое, мисс Хартнелл абсолютно уверена, что ее ничто не беспокоило.

— Так. Продолжайте.

— Реддинг пошел с доктором Стоуном в «Голубой Кабан», и они выпили вместе. Расстались без двадцати семь. Реддинг, явно спеша, пошел по деревенской улице и свернул к дому священника. Его многие видели.

— На этот раз он не пошел задами? — заметил полковник.

— Нет, вошел с парадного хода, спросил, дома ли викарий, узнал, что его дожидается полковник

Протеро, вошел в кабинет, пристрелил его, точь-в-точь как он сам говорит. Все сходится, нечего больше и копаться в этом деле.

Мельчетт покачал головой.

— Показания доктора. От этого никуда не денешься. Протеро был убит не позже половины седьмого.

— Уж эти мне доктора! — презрительно процедил сквозь зубы инспектор Слэк. — Нашли кому верить — доктору. Выдерут у вас все зубы до единого, — теперешние доктора все такие, — а потом: ах, извините, у вас, оказывается, был аппендицит! Доктора называются!

— Дело тут не в диагнозе. Доктор Хейдок с самого начала абсолютно уверен, в какое время было совершено преступление. Против медицинского освидетельствования возражать не приходится, Слэк.

— Я тоже могу засвидетельствовать, по мере сил, — сказал я, внезапно вспомнив одно обстоятельство. — Я дотронулся до тела, оно было совсем холодное. Могу в этом присягнуть.

— Вот видите, Слэк? — сказал Мельчетт.

— Да вижу, вижу! А жаль — красивое было бы дельце. Мистер Реддинг сам просится на виселицу, так сказать.

— А вот это само по себе кажется мне не вполне естественным, — заметил полковник Мельчетт.

— Ну, знаете, о вкусах не спорят, — сказал инспектор. — После войны у многих джентльменов мозги набекрень. Значит, придется опять начинать все сначала, как я понимаю. — Он обратился ко мне: — Ума не приложу, с какой стати вы так старались ввести меня в заблуждение с этими часами, сэр. Квалифицируется как учинение помех правосудию, вот что.

— Я три раза пытался вам об этом сказать, — отпарировал я. — И каждый раз вы затыкали мне рот и наотрез отказывались выслушать.

— Словесные увертки, вот как это называется, сэр. Прекрасно могли мне сказать, при желании. Записка подтверждала показание часов, тютелька в тютельку. А теперь, если верить вам, часы врали. Никогда ничего подобного не видел. Чего ради надо переводить часы на пятнадцать минут вперед?

— Того ради, что так проще не опаздывать, — сказал я.

— Мне кажется, не стоит больше об этом рассуждать, инспектор, — тактично вмешался полковник Мельчетт. — Теперь нам нужно главное — вытянуть правду из мистера Реддинга и

миссис Протеро. Я позвонил Хейдоку, просил его зайти за миссис Протеро и проводить ее сюда. Они будут здесь через четверть часа. Следовало бы пригласить сюда и Реддинга, заблаговременно.

— Свяжусь с участком, — бросил инспектор Слэк, хватая телефонную трубку.

— Так. А теперь займемся вплотную осмотром кабинета. — И он бросил на меня многозначительный взгляд.

— Может быть, я вам мешаю? — простодушно спросил я.

Инспектор незамедлительно распахнул двери. Мельчетт крикнул мне вслед:

— Приходите, когда явится Реддинг, прошу вас, викарий. Вы его друг и обладаете достаточным авторитетом, чтобы убедить его сказать все как на духу.

Я застал жену и мисс Марпл за конфиденциальной беседой.

— Мы перебирали все возможности, — сказала Гризельда. — Вот хорошо было бы, мисс Марпл, если бы вы распутали это дело; помните, как вы угадали, куда девалась баночка в четверть пинты[14] с очищенными креветками, что пропала у

---

[14] notes: 14

П и н т а — мера вместимости жидкостей и сыпучих тел, равная 0,57 литра.

мисс Везерби? И все потому, что это напомнило вам совсем другой случай — с мешком угля.

— Вы смеетесь, душечка, — сказала мисс Марпл, — а ведь это не такой уж плохой способ добраться до истины. На самом-то деле это интуиция, как нынче говорят, как будто это бог весть какое чудо! Интуиция — это как привычка читать слова, не складывая их по буковкам. Дитя этого не умеет — у него слишком мало опыта. Но взрослый человек узнает слово с первого взгляда, потому что видел его сотни раз. Вы понимаете, что я хочу сказать, викарий?

— Да, — задумчиво протянул я. — Мне кажется, я уловил смысл. Вы хотите сказать, что, если одно событие напоминает вам какое-то другое событие, значит, это явление одного порядка.

— Совершенно верно.

— А о чем же, позвольте узнать, напоминает вам убийство полковника Протеро?

Мисс Марпл вздохнула.

— В том-то вся трудность, что на ум приходят сразу столько похожих случаев. Например, был такой майор Харгрейвз, церковный староста, человек весьма уважаемый и достойный. И все это время он, оказалось, жил на два дома — содержал бывшую горничную, вы только подумайте!

И пятеро ребятишек — целых пятеро, — это был ужасный удар для его жены и дочери.

Я попытался вообразить полковника Протеро в роли тайного грешника, но это было выше моих сил.

— Или взять еще случай с прачечной, — продолжала мисс Марпл. — Мисс Хартнелл такая неосмотрительная — забыла в блузке с оборками опаловую брошку, да так и отослала в прачечную. А женщина, которая ее взяла, вовсе не была воровкой, ей эта брошка была ни к чему. Она просто спрятала брошку в доме у другой женщины и донесла в полицию, что эта особа ее украла. Все по злобе, только бы насолить человеку. Ненависть — поразительный мотив. Разумеется, в этом был замешан мужчина. Как всегда.

На этот раз я не сумел разглядеть ни малейшего, даже отдаленного сходства с нашим делом.

— А то еще дочка бедняги Элвелла — такое прелестное, эфирное создание — пыталась задушить своего меньшого братца. И случай с деньгами, которые собрали на пикник для мальчиков из хора (это еще до вас было, викарий), — их взял органист, просто взял. Жена его запуталась в долгах, как ни печально. Да, этот случай приводит на память столько других — слишком много,

слишком. До правды докопаться очень трудно.

— Мне бы хотелось узнать, — сказал я, — кто эти семь человек, которых вы подозреваете?

— Семь человек, которых я подозреваю?

— Вы сказали, что можете назвать семь человек, которые... в общем, которые будут рады смерти полковника Протеро.

— Да что вы? Ах да, припоминаю.

— И это правда?

— О, разумеется, чистая правда. Но мне не пристало называть имена. Вы сами легко можете их назвать. Я в этом совершенно уверена.

— Уверяю вас, что я о них понятия не имею. Разве что Летиция Протеро — только потому, что она, вероятно, получит наследство после смерти отца. Но подозревать ее в этом нелепо, а кроме нее, мне вообще никто не приходит на ум.

— А вам, душечка? — спросила мисс Марпл, обращаясь к Гризельде. К моему удивлению, моя жена покраснела. В глазах у нее появился подозрительный блеск, очень похожий на блеск слез. Она сжала обе руки в кулачки.

— О! — возмущенно вскричала она. — Люди так отвратительны! Ужасно! Что они болтают! Какие низости они могут выдумать...

Я смотрел на нее с интересом. Подобные вспыш-

ки совершенно не в характере Гризельды. Она поймала мой взгляд и попыталась улыбнуться.

— Не смотри на меня так, будто я диковинная букашка, которую ты никогда не видел, Лен. Давайте не будем попусту горячиться и отвлекаться от темы, ладно? Я не верю, что виноват Лоуренс или Анна, а о Летиции вообще речи быть не может. Нужно найти хоть какую-нибудь улику, которая наведет нас на след.

— Конечно, записка очень странная, — сказала мисс Марпл. — Помните, я еще утром сказала, что меня поразило некоторое несоответствие.

— Насколько я понимаю, записка с замечательной точностью указывает время совершения преступления, — сказал я. — Но ведь это вряд ли возможно? Миссис Протеро только что вышла из кабинета. Она едва ли успела даже дойти до мастерской. Я могу представить только одно объяснение — убийца, должно быть, посмотрел на свои часы, а они сильно отставали. Это единственное, что приходит мне в голову.

— А у меня другая мысль, — сказала Гризельда. — Что, если часы уже были переведены назад — нет, это то же самое — какая я бестолочь!

— Когда я уходил, они не были переведены, помню, я посмотрел на свои карманные часы. Но

ты права — к нашей теме это никакого отношения не имеет.

— А вы как думаете, мисс Марпл? — спросила Гризельда.

— Милочка, признаюсь, что я думала вовсе не об этом. Мне показалось очень любопытным с самого начала то, что было написано в записке.

— А я этого не нахожу, — заметил я. — Полковник Протеро просто написал, что больше не может ждать...

— В *двадцать минут седьмого?* — возразила мисс Марпл. — Ваша служанка Мэри предупредила его, что вы вернетесь не раньше половины седьмого, и он как будто согласился подождать. И вот в двадцать минут седьмого он садится и пишет, что «больше ждать не может».

Я во все глаза смотрел на старую даму, проникаясь все большим уважением к остроте ее ума. Она с необычайной проницательностью обратила внимание на то, что все мы проглядели. Это и вправду было странно, чрезвычайно странно.

— Да, — сказал я, — но если бы сверху не было проставлено время...

Мисс Марпл кивнула.

— Вот-вот, — сказала мисс Марпл, — если бы там не стояло время!

Я попробовал припомнить то, что видел своими глазами: лист почтовой бумаги с неровными строчками, а сверху аккуратно выведено «18:20». Несомненно, эти цифры были совсем не похожи на остальные каракули. Я ахнул.

— А что, если никакого времени там не было обозначено? — сказал я. — Предположим, полковнику Протеро где-то около шести тридцати надоело ждать, и он сел писать записку. И пока он сидел за столом и писал, кто-то проник через окно и...

— Или вошел в дверь, — перебила Гризельда.

— Он бы услышал скрип двери и поднял голову.

— Полковник Протеро был глуховат, как вы, должно быть, помните, — сказала мисс Марпл.

— Да, вы правы. Он все равно не услышал бы. Но не важно, как убийца проник в комнату, — он подкрался к полковнику Протеро и застрелил его. Потом увидел записку и часы, и у него родилась идея. Он написал сверху на письме «18:20», а часы перевел на восемнадцать двадцать две. Это была остроумная мысль. Он создал себе, по крайней мере так он полагал, железное алиби.

— И нам только осталось отыскать человека, — подхватила Гризельда, — у которого железное

алиби на восемнадцать двадцать, и никакого алиби на... да, это не так уж просто. Нельзя же узнать точное время.

— Но мы можем определить его в довольно узких рамках, — сказал я. — Хейдок считает, что восемнадцать тридцать — это верхний предел, самое позднее время. Пожалуй, можно даже продлить до восемнадцати тридцати пяти. Исходя из наших с вами рассуждений, Протеро никак не мог проявить нетерпение до восемнадцати тридцати. Так что мы можем довольно точно определить время, когда было совершено убийство.

— Помните, я слышала выстрел? Да, все как будто сходится. А мне-то даже в голову не пришло. Какая досада! И все же, когда я стараюсь припомнить, мне кажется, что выстрел был какой-то не совсем обыкновенный. Не такой, как те выстрелы, что слышишь обычно.

— Громче? — подсказал я.

Нет, мисс Марпл полагала, что дело не в громкости. Собственно говоря, она затруднялась сказать, что в нем было необыкновенного, но настаивала на том, что выстрел был не похож на привычные выстрелы в лесу.

Я мог бы подумать, что она просто выдает желаемое за действительное, если бы она только что

не развернула перед нами такую четкую картину, не обнаружила такой свежий взгляд на вещи, что я поневоле не мог не восхититься ее умом и дальновидностью.

Она встала, пробормотав, что ей давно пора идти, но не могла воспротивиться искушению обсудить все с милой Гризельдой. Я проводил ее к стене, разделявшей наши владения, закрыл за ней калитку и вернулся. Гризельда явно что-то старательно обдумывала.

— Все еще пытаешься решить тайну записки? — спросил я.

— Нет.

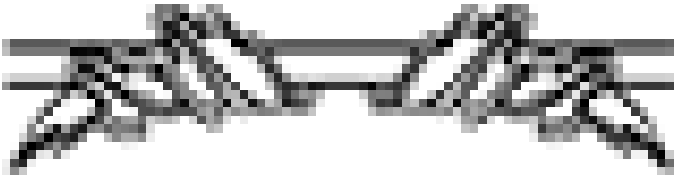
Она внезапно вздрогнула и раздраженно передернула плечами.

— Лен, я тут думала, думала... Кто-то смертельно ненавидит Анну Протеро.

— Ненавидит?

— Ну да! Неужели ты не понимаешь? Против Лоуренса нет ни одной достоверной улики — все показания против него косвенные, случайные, как говорится. Ему вдруг взбрело в голову зайти сюда, иначе никто бы и не подумал, что он замешан в преступлении. Но Анна — это другое дело. Представь себе: кому-то известно, что она была здесь точно в восемнадцать двадцать, ведь

и часы, и время в письме — все прямо указывает на нее. Мне кажется, часы переставили совсем не ради алиби, по-моему, дело не так уж просто — кто-то хотел свалить всю вину на нее. Если бы мисс Марпл не сказала, что у Анны с собой не было пистолета, и не заметила, что она только заглянула сюда и сразу же пошла в мастерскую, — подумай, если бы не мисс Марпл... — Она снова вздрогнула. — Лен, я чувствую, что кто-то страшно ненавидит Анну Протеро. И мне — мне это не нравится.



ГЛАВА 12

Меня позвали в кабинет, когда явился Лоуренс Реддинг. Вид у него был измученный и затравленный. Полковник Мельчетт встретил его приветливо, почти сердечно.

— Мы хотим задать вам несколько вопросов — прямо тут, на месте, — сказал он.

Лоуренс недоверчиво усмехнулся.

— Кажется, французский метод? Реконструкция преступления?

— Мой милый мальчик, — сказал полковник Мельчетт. — Не надо с нами разговаривать в

таком тоне. Вам известно, что другое лицо призналось в совершении преступления, которое вы хотели взять на себя?

Эти слова ошеломили Лоуренса, как молниеносный, сокрушительный удар.

— Д-д-другое лицо?.. — еле выговорил он. — Кто? Кто?

— Миссис Протеро, — сказал полковник Мельчетт, не спуская глаз с его лица.

— Чушь! Она тут ни при чем. Она на это не способна. Невозможно!

Мельчетт перебил его:

— Вам покажется странным, но мы ей не поверили. Могу добавить, что и вашим рассказам мы не верим. Доктор Хейдок со всей ответственностью утверждает, что убийство не могло быть совершено в то время, которое вы называете.

— Доктор Хейдок так считает?

— Да, так что, хотите вы этого или нет, вас это оправдывает.

Лоуренс все еще сомневался.

— Вы не обманываете меня — насчет миссис Протеро? Вы и правду ее не подозреваете?

— Даю слово чести, — сказал полковник Мельчетт.

Лоуренс облегченно перевел дух.

— Какой же я дурак, — сказал он. — Классический дурак. Как я мог хоть на минуту подумать, что она способна...

— Расскажите-ка нам все по порядку, — предложил начальник полиции.

— Да тут и рассказывать почти что нечего. Я... Я встретился с миссис Протеро в тот вечер... — Он замялся.

— Об этом мы знаем, — сказал Мельчетт. — Вы, наверное, думали, что ваши чувства к миссис Протеро — глубочайшая тайна, а на самом деле все давно знали и судачили об этом. Не важно — теперь это выйдет наружу, ничего не поделаешь.

— Ну что ж, если так... Надо думать, вы правы. Я обещал викарию, — он бросил взгляд в мою сторону, — уехать, да, убраться отсюда. Я встретился с миссис Протеро в тот вечер в мастерской, в четверть седьмого. Я ей сказал о своем решении. И она согласилась, что это — единственный выход. Мы попрощались навсегда, вышли из мастерской, и к нам почти сразу подошел доктор Стоун. Анна взяла себя в руки и держалась совершенно спокойно. Но у меня не хватило сил. Я пошел со Стоуном в «Голубой Кабан» и выпил немного. Потом я пошел домой, но, дойдя до угла, передумал и решил зайти повидать викария. Я чувствовал

потребность с кем-то поговорить, отвести душу.

Служанка открыла двери и сказала, что викария нет, но он скоро будет, а полковник Протеро уже дожидается в кабинете. Понимаете, было неловко сразу уходить — как будто я его избегаю. Я сказал, что тоже подожду, и пошел в кабинет.

Он замолчал.

— Дальше? — сказал полковник Мельчетт.

— Протеро сидел у письменного стола в той позе, в которой вы его нашли. Я подошел, дотронулся до него. Он был мертв. Тогда я взглянул вниз и увидел, что рядом на полу валяется револьвер. Я его поднял и *сразу узнал собственный револьвер.*

Я остолбенел. Мой пистолет! Внезапно я понял, все понял. Анна тайком взяла у меня револьвер, для себя, понимаете, если жизнь станет для нее невыносимой. Может быть, он был у нее с собой в этот вечер. После того, как мы расстались в деревне, она, должно быть, вернулась и... Господи! Я, видно, совсем свихнулся, что позволил себе такое подумать. Но я так и подумал. Я сунул револьвер в карман и вышел. И за воротами наткнулся на самого викария. Он сказал что-то приветливое, нормальное, про то, что должен увидеться с Протеро. На меня вдруг накатил

приступ смеха. Он был такой спокойный, ни о чем не подозревал, а я весь взвинченный — вот так встреча! Помню, я выкрикнул какую-то чепуху и увидел, как он переменился в лице. Мне кажется, я был близок к безумию. Я пошел куда глаза глядят, ходил, ходил и больше выдержать не мог. Если Анна совершила страшное дело, то я несу за это ответственность, по чести и совести. Я пошел и признался.

Когда он кончил рассказ, воцарилось молчание. Затем полковник сказал деловым тоном:

— Я хотел бы задать вам еще несколько вопросов. Первое: вы трогали или перемещали тело каким бы то ни было образом?

— Нет, я к нему не прикасался. И без того было видно, что он мертв.

— Вы видели записку, отчасти скрытую телом полковника, на столе?

— Нет.

— Вы производили какие-либо манипуляции с часами?

— Я к ним даже не притрагивался. Вспоминаю, что видел на столе опрокинутые часы, но я их не трогал.

— Теперь касательно вашего револьвера. Когда вы видели его в последний раз?

Лоуренс задумался.

— Трудно точно сказать.

— Где вы его держали?

— А! В куче всякого хлама у себя в гостиной. На полке книжного шкафа.

— Вы оставляли его без присмотра, на видном месте?

— Да. Честно говоря, он у меня вообще из головы вылетел. Просто валялся, и все.

— Значит, любой ваш посетитель мог его видеть?

— Да.

— И вы не помните, когда видели его в последний раз?

Лоуренс нахмурился, силясь вспомнить.

— Я почти уверен, что он был на месте позавчера. Помню, я его отодвинул, когда доставал старую трубку. Думаю, это было позавчера или днем раньше.

— Кто в последние дни бывал у вас в доме?

— Ох, да куча народу! Вечно кто-то забегает, убегает. Третьего дня у меня было что-то вроде званого чаепития. Летиция Протеро, Деннис и вся их компания. Порой и милые старушки-говорушки меня навещают.

— Вы запираете коттедж, когда уходите?

— Нет, с какой стати? Грабить у меня нечего. Здесь никто двери не запирает.

— А кто помогает вам по хозяйству?

— Старушка миссис Арчер заходит по утрам «убраться», как здесь говорят.

— Как вы думаете, может она вспомнить, когда пистолет был на месте в последний раз?

— Понятия не имею. Возможно. Но, сдается мне, в число ее достоинств не входит привычка аккуратно вытирать пыль.

— Выходит — почти любой мог взять это оружие?

— Выходит, так.

Дверь отворилась, и вошла Анна Протеро в сопровождении доктора Хейдока.

Увидев Лоуренса, она вздрогнула. А он нерешительно шагнул ей навстречу.

— Простите меня, Анна, — сказал он. — Чудовищно, что я смел подумать...

— Я... — Она заколебалась, потом умоляюще взглянула на полковника Мельчетта. — То, что сказал мне доктор Хейдок, — правда?

— Что мистер Реддинг находится вне подозрения? Да. А что вы на это скажете, миссис Протеро? Зачем вы вводили нас в заблуждение?

Она ответила смущенной улыбкой.

— Наверно, вы считаете, что я вела себя ужасно?

— Как вам сказать, очень неразумно, скорее. Но с этим покончено. Я хочу слышать правду, миссис Протеро, чистую правду.

Она торжественно склонила голову.

— Я вам все скажу. Догадываюсь, что вы знаете, знаете обо всем.

— Да.

— Я должна была в этот вечер встретиться с Лоуренсом — с мистером Реддингом — в мастерской. В четверть седьмого. Мы с мужем поехали в деревню вместе. Мне надо было кое-что купить. Когда мы расставались, он вскользь заметил, что идет повидать священника. Лоуренса предупредить я не могла и очень волновалась. В общем, было очень неловко встречаться с ним в саду, когда мой муж находится в доме.

Щеки ее вспыхнули, когда она говорила эти слова. Это была трудная для нее минута.

— Я подумала, что мой муж там долго не задержится. Решила узнать и прошла аллеей к задней калитке, оттуда в сад. Я очень надеялась, что меня никто не заметит, но мисс Марпл, разумеется, оказалась в своем садике! Она окликнула меня, мы немного поговорили, и я ей сказала, что хочу

зайти за мужем. Надо же было что-то сказать. Не знаю, поверила ли она мне. Вид у нее был какой-то странный. Когда я с ней распрощалась, то пошла прямо к дому, завернула за угол и прошла к двери кабинета. Я прокралась очень тихо, ожидая услышать голоса. Но, к моему удивлению, все было тихо. Я заглянула в окно, увидела, что в комнате никого нет, и побежала через лужайку к мастерской. Лоуренс пришел сразу же следом за мной.

— Вы говорите, что в комнате никого не было, миссис Протеро?

— Да, моего мужа там не было.

— Поразительно.

— Вы хотите сказать, мэм, что его не видели? — спросил инспектор.

— Нет, не видела.

Инспектор Слэк что-то шепнул начальнику полиции. Тот кивнул.

— Если вам не трудно, миссис Протеро, покажите нам, как именно это было?

— Охотно.

Она встала, инспектор Слэк распахнул перед ней створки двери, она вышла из дома и завернула налево, за угол.

Инспектор Слэк повелительным жестом при-

казал мне сесть за письменный стол.

Мне стало как-то не по себе. Но я, разумеется, повиновался и сел к столу.

Вскоре я услышал снаружи шаги, они на минуту стихли, потом стали удаляться. Инспектор Слэк дал мне понять, что я могу вернуться обратно к камину. Миссис Протеро вошла в кабинет.

— Вы в точности повторили все, как было тогда? — спросил полковник Мельчетт.

— По-моему, в точности.

— Тогда скажите нам, миссис Протеро, где был викарий, когда вы сейчас сюда заглянули?

— Викарий? Боюсь, я не заметила. Я его не видела.

Инспектор Слэк кивнул.

— Вот так же вы и мужа своего не видели. Он был за выступом, у письменного стола.

— О! — Она смолкла. Внезапно глаза у нее расширились от ужаса. — Не может быть! Неужели здесь — здесь...

— Да, миссис Протеро. Это произошло, когда он сидел за столом.

— О, боже! — Ее охватила дрожь.

Слэк продолжал допрос.

— Миссис Протеро, было ли вам известно, что у мистера Реддинга есть пистолет?

— Да. Он мне как-то раз обмолвился.

— Вы когда-либо брали у него этот пистолет?

Она замотала головой:

— Нет.

— Вам было известно, где он его держит?

— Не уверена. А, да, кажется, я видела его на полке, в шкафу. Он ведь там был, Лоуренс?

— Когда вы в последний раз посещали коттедж, миссис Протеро?

— О, недели три назад. Мы с мужем пили там чай.

— И больше вы там не бывали?

— Нет. Я никогда туда не ходила. Видите ли, по деревне могли пойти разговоры.

— Не сомневаюсь, — сухо заметил полковник Мельчетт. — А где же вы обычно виделись с мистером Реддингом, разрешите спросить?

— Он приходил к нам, в Усадьбу. Он писал портрет Летиции. Мы часто после этого встречались в лесу.

Полковник Мельчетт кивнул.

— Может быть, хватит? — Голос у нее внезапно зазвучал глухо. — Ужасно говорить с вами об этом. Ведь ничего плохого в этом не было. Не было ничего. Мы хотели быть друзьями. Но не любить друг друга мы не могли.

Она бросила умоляющий взгляд на доктора Хейдока, и этот добряк, как истый рыцарь, пришел ей на помощь. Он шагнул вперед.

— Я считаю, Мельчетт, — сказал он, — что на этот раз с миссис Протеро вполне достаточно. Она перенесла тяжкий удар, и даже не один.

Начальник полиции кивнул.

— Да мне больше и нечего у вас спрашивать, миссис Протеро, — сказал он. — Благодарю за откровенные ответы.

— Значит, значит, мне можно идти?

— Ваша жена дома? — спросил меня Хейдок. — Мне кажется, миссис Протеро была бы рада с ней повидаться.

— Да, — ответил я. — Гризельда дома. Она, должно быть, в гостиной.

Анна Протеро и Хейдок вышли из комнаты, а за ними и Лоуренс Реддинг.

Полковник Мельчетт, поджав губы, вертел в руках нож для разрезывания книг. Слэк уставился на записку. Тогда-то я и изложил им версию мисс Марпл. Слэк еще пристальнее всмотрелся в записку.

— Честное слово, — сказал он, — а старушка-то, ей-богу, права. Смотрите-ка, сэр, видите, цифры написаны другими чернилами! Провалиться мне

на этом месте, если это не самопишущая ручка!

Надо признаться, мы все пришли в волнение.

— Вы, конечно, проверили записку на отпечатки пальцев? — спросил начальник полиции.

— И что бы вы думали, полковник? Никаких отпечатков, чисто. На пистолете пальчики Лоуренса Реддинга. Может, там и было что другое, пока он не вздумал с ним дурачиться и таскать с собой в кармане, вот там никаких следов и не осталось.

— Поначалу улики складывались не в пользу миссис Протеро, — задумчиво заговорил полковник. — Ее дело куда серьезнее, чем дело Реддинга. Правда, старушка Марпл показывает, что пистолета при ней не было, но эти престарелые дамы частенько ошибаются.

Я промолчал, но с ним не согласился. Я был совершенно уверен, что у миссис Протеро револьвера не было, коль скоро мисс Марпл это утверждает. Мисс Марпл не из тех «престарелых дам», которые ошибаются. Она каким-то непостижимым образом всегда оказывается права. Подчас даже оторопь берет.

— Одно никак не могу понять — почему никто не слышал выстрела. Если там кто-то выстрелил, хоть один человек *должен был* услышать

выстрел. Откуда он послышался — это другой вопрос. Слэк, советую вам расспросить прислугу.

Инспектор Слэк с готовностью бросился к двери.

— Я бы на вашем месте не стал ее спрашивать, слышала ли она выстрел в доме, — сказал я. — Если вы спросите, она просто ответит «нет». Назовите это «выстрелом в лесу». Это единственная возможность заставить ее признать, что она вообще слышала выстрел.

— Я сам знаю, как с ними управляться, — бросил инспектор Слэк, скрываясь за дверью.

— Мисс Марпл говорит, что слышала выстрел позже, — сказал полковник Мельчетт задумчиво. — Надо выяснить, может ли она назвать точное время. Конечно, это мог быть просто случайный выстрел, не имеющий никакого отношения к делу.

— Вполне возможно, — согласился я.

Полковник несколько раз прошелся по комнате.

— А знаете, Клемент, — неожиданно сказал он. — Я чувствую, что это куда более запутанное и сложное дело, чем всем нам казалось поначалу. Пропади оно пропадом, только мне кажется, за всем этим что-то кроется. — Он фыркнул. — Что-

то, нам не известное. Мы толком еще и не начали, Клемент. Верьте мне на слово, все еще впереди. Все эти улики — часы, записка, пистолет — не складываются друг с другом, как ни крути.

Я покачал головой. В этом я был с ним согласен.

— Но я докопаюсь до истины. И нечего вызывать Скотленд-Ярд. Слэк — отличный сыщик. Ему палец в рот не клади. Он вроде хорька. Разнюхает правду, как только возьмет след. Он уже решил несколько сложных дел, а это будет его триумф. Кое-кто на моем месте передал бы дело в Скотленд-Ярд. Только не я. Мы тут сами разберемся, в Дауншире.

— Нимало в этом не сомневаюсь, — поддержал его я.

Я постарался вложить в свои слова как можно больше энтузиазма, но инспектор Слэк стал мне настолько антипатичен, что его возможная победа меня вовсе не радовала. Слэк-триумфатор, подумалось мне, будет куда отвратительнее Слэка озадаченного.

— А кто живет по соседству? — вдруг спросил полковник.

— Вы хотите сказать, ближе к перекрестку? Миссис Прайс Ридли.

— Зайдем к ней, когда Слэк кончит допрос вашей прислуги. Может быть, она все же что-то слышала. Она у вас, часом, не туга на ухо, с ней все в порядке?

— Я бы сказал, что слух у нее на редкость острый. Я сужу по тому количеству сплетен, которые она распускает, уверяя, что «услышала по чистой случайности».

— Это как раз то, что нам нужно. А, вот и Слэк.

У инспектора был вид жертвы уличной потасовки.

— Фью! — выдохнул он. — Ну и дикарка она у вас, сэр.

— Мэри от природы обладает сильным характером, — ответил я.

— Полицию на дух не переносит, — пояснил инспектор. — Я ее предупреждал — старался, как мог, внушить ей страх перед законом, но все впустую. Я ей слово — она мне десять.

— Бойкая девушка, — сказал я, чувствуя зарождающуюся симпатию к Мэри.

— Но я ее все же расколол. Она слышала выстрел — один-единственный. И это было спустя целую вечность после прихода полковника. Точное время из нее вытянуть не удалось, но мы наконец добились толку с помощью... чего бы

вы думали... рыбы. Рыба опоздала, и она задала перцу парнишке-посыльному, когда он наконец появился, а он сказал в свое оправдание, что всего-то половина седьмого, чуть больше, и как раз после нагоняя она и слышала выстрел. Само собой, никакой точности тут нет, но все же дает примерное представление.

— Гм-м, — сказал Мельчетт.

— Вряд ли миссис Протеро все-таки в это замешана, — сказал Слэк с явным сожалением в голосе. — Во-первых, у нее не хватило бы времени, а во-вторых, женщины боятся связываться с огнестрельным оружием. Мышьяк для них — самое милое дело. А жаль! — И он вздохнул.

Мельчетт сказал, что собирается к миссис Прайс Ридли, и Слэк одобрил его решение.

— Можно и мне пойти с вами? — спросил я. — Это становится интересным.

Я получил разрешение, и мы пошли вместе. Не успели мы выйти из наших ворот, как услышали громкое «Эй!» — мой племянник, Деннис, сломя голову несся к нам со стороны деревни.

— Слушайте, — сказал он инспектору, — выяснили про след, который я вам разыскал?

— Садовник, — лаконично ответил Слэк.

— А вам не кажется, что кто-то взял и надел

сапоги садовника?

— Нет, не кажется, — отрезал Слэк.

Это могло бы обескуражить любого, только не Денниса. Денниса обескуражить не так-то просто.

Он держал в поднятой руке две сгоревшие спички.

— Вот — нашел у самых ворот.

— Благодарю, — сказал Слэк и сунул спички в карман.

Казалось, наш разговор зашел в тупик.

— Вы, случайно, не арестовали дядю Лена? — ехидно спросил Деннис.

— С чего бы это? — сказал Слэк.

— А против него уйма улик, — заявил Деннис. — Вы сами спросите, у Мэри. За день до убийства он желал полковнику перейти в лучший мир. Помнишь, дядя Лен?

— Э-э... — начал я.

Инспектор Слэк медленно перевел на меня взгляд, в котором затеплилось подозрение, и я почувствовал, как мне стало вдруг жарко. Деннис бывает совершенно невыносим. Надо бы ему знать, что полицейские в подавляющем большинстве начисто лишены чувства юмора.

— Не болтай глупостей, Деннис, — сердито

сказал я.

Невинное дитя широко раскрыло удивленные глаза.

— Послушайте, я же пошутил, — сказал он. — Дядя Лен просто сказал, что тот, кто убьет полковника Протеро, облагодетельствует мир.

— А! — сказал инспектор Слэк. — Теперь понятно, про что говорила служанка.

У прислуги, как правило, чувство юмора — такая же редкость, как и у полиции. Про себя я ругал Денниса на чем свет стоит — зачем было вообще об этом вспоминать? Эти слова и история с часами — да инспектор возьмет меня на заметку до конца жизни!

— Пошли, Клемент, — сказал полковник Мельчетт.

— Куда вы идете? А мне можно с вами? — засуетился Деннис.

— Тебе нельзя! — рявкнул я.

Он стоял, обиженно глядя нам вслед. Мы подошли к безукоризненной двери дома миссис Прайс Ридли, и инспектор стал стучать и трезвонить, как и положено служителю закона, — это все, что я могу позволить себе заметить. На звонок вышла хорошенькая горничная.

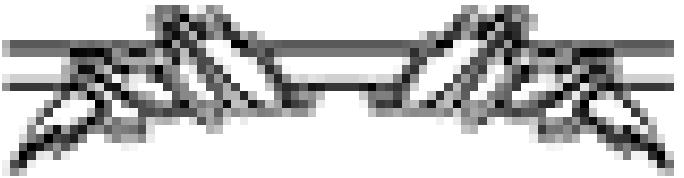
— Миссис Прайс Ридли у себя? — спросил Мель-

четт.

— Нет, сэр. — Горничная помолчала и сказала: — Она недавно ушла в полицейский участок.

Вот уж чего мы никак не ожидали! Когда мы шли обратно, Мельчетт взял меня за локоть и сказал вполголоса:

— Если и она пошла сдаваться с повинной, я окончательно рехнусь.



ГЛАВА 13

Мне как-то не верилось, что миссис Прайс Ридли обуревали столь драматические намерения, но все же я не мог не задать себе вопрос: зачем она все-таки отправилась в полицейский участок? Может быть, у нее была действительно важная информация или, по крайней мере, что-то казалось ей важным? Как бы то ни было, нам предстояло узнать это в ближайшее время.

Мы застали миссис Прайс Ридли уже в участке: она с неимоверной скорострельностью вела словесную атаку на сильно растерявшегося де-

журного констебля. Я с первого взгляда понял, что она возмущена до крайности — бант на ее шляпке весьма красноречиво трясся. Миссис Прайс Ридли носит, насколько я понимаю, головной убор, называемый «шляпка для почтенной матери семейства», — фирменный товар, выпускаемый в соседнем городке Мач Бенэм. Эта шляпка изящно балансирует на бастионе из волос, хотя и несколько перегружена пышными шелковыми бантами. Когда Гризельда хочет меня напугать, она грозится купить «шляпку для почтенной матери семейства».

Когда мы вошли, миссис Прайс Ридли прервала свою горячую речь.

— Миссис Прайс Ридли? — осведомился полковник Мельчетт, приподнимая шляпу.

— Позвольте представить вам полковника Мельчетта, миссис Прайс Ридли, — сказал я. — Полковник Мельчетт — начальник полиции нашего графства.

Миссис Прайс Ридли окинула меня ледяным взглядом, но на долю полковника у нее все же нашлось нечто вроде благосклонной улыбки.

— Мы только что заходили к вам домой, миссис Прайс Ридли, — пояснил полковник, — и узнали, что вы уже опередили нас.

Миссис Прайс Ридли окончательно растаяла.

— А! Я рада, что на этот случай *наконец* обратили внимание, — заметила она. — Хулиганство, вот как это называется. Форменное хулиганство.

Спору нет, убийство — весьма прискорбный случай, но я бы не стал называть его хулиганством. Полковнику Мельчетту, насколько я заметил, термин тоже показался не совсем подходящим.

— Вы можете сообщить нам что-нибудь относящееся к делу? — спросил он.

— Сами должны знать. Это обязанность полиции. За что мы платим налоги, я вас спрашиваю?

Каждый раз поневоле задаешь себе вопрос — сколько раз в год мы слышим эту фразу?

— Мы делаем все, что можем, миссис Прайс Ридли, — сказал начальник полиции.

— Да ведь ваш дежурный ничего об этом не знал, пока я сама ему не сказала! — воскликнула возмущенная дама.

Мы все взглянули на дежурного констебля.

— Леди сообщила о телефонном звонке. Ее оскорбили. Как я понял, это случай оскорбления в грубых нецензурных выражениях.

— О! Понимаю. — Хмурое лицо полковника просветлело. — Мы говорили о совершенно раз-

ных вещах. Вы пришли сюда принести жалобу, не так ли?

Мельчетт — человек, умудренный опытом. Он знает, что единственный способ обращения с разгневанной дамой средних лет — это выслушать ее до конца. Когда она выскажет все, что хотела сказать, появится хотя бы небольшая вероятность, что она услышит и то, что вы ей скажете.

Речь миссис Прайс Ридли снова полилась неудержимым потоком.

— Как можно допускать подобное хулиганство? Его надо пресекать! Звонить даме домой и оскорблять ее, да, оскорблять! Я не привыкла терпеть такие оскорбления. После войны нравственность так упала, все распустились — аморальность! Говорят что попало, носят что попало...

— Согласен, — поспешно ввернул полковник Мельчетт. — Расскажите, что именно произошло?

Миссис Прайс Ридли сделала глубокий вдох и снова заговорила:

— Мне позвонили...

— Когда?

— Вчера днем — точнее, ближе к вечеру. Около половины седьмого. Я подошла к телефону, ни о чем не подозревая. И на меня тут же посыпались

грязные оскорбления, угрозы...

— А в каких словах это выражалось?

Миссис Прайс Ридли слегка порозовела.

— Я отказываюсь их повторять.

— В нецензурных выражениях, — сообщил констебль, слегка приглушая свой рокочущий бас.

— Вы услышали площадную брань?

— Смотря что называть площадной бранью.

— А вы поняли, о чем идет речь? — спросил я.

— Разумеется, поняла.

— Значит, никакой грубой брани не было, — сказал я.

Миссис Прайс Ридли подозрительно взглянула на меня.

— Утонченная леди, естественно, не может быть знакома с грубой бранью, — пояснил я.

— Да нет, никаких дурных слов не было, — сказала миссис Прайс Ридли. — Вначале я даже попалась на удочку. Приняла за обычный разговор. Потом это... э-э... лицо перешло к личным оскорблениям.

— Оскорблениям?

— Да, это были ужасные оскорбления. Я так перепугалась!

— Угрожали вам, да?

— Да. А я не привыкла, чтобы мне угрожали.

— А чем они вам угрожали? Речь шла о телесных повреждениях?

— Этого бы я не сказала.

— Боюсь, миссис Прайс Ридли, что вам придется быть несколько более откровенной. Чем именно вам угрожали?

Миссис Прайс Ридли явно не хотелось отвечать на этот вопрос.

— Точно не могу вспомнить. Я так переволновалась. Но под конец, когда я была уже совсем вне себя, этот *негодяй* расхохотался.

— Голос был мужской или женский?

— Голос дегенерата, — авторитетно заявила миссис Прайс Ридли. — Неестественный, я бы сказала. То грубый, то писклявый. Очень *странный* голос.

— Наверно, обычный розыгрыш, — утешил ее полковник.

— Если и так, то преступный розыгрыш — у меня мог случиться разрыв сердца!

— Мы постараемся все выяснить, — сказал полковник. — Верно, инспектор? Проверьте, откуда звонили. Вы не могли бы сказать нам более определенно, что он говорил, миссис Прайс Ридли?

В глубине души миссис Прайс Ридли началась жестокая борьба. Скрытность боролась с мсти-

тельностью. Мстительность возобладала.

— Конечно, это должно остаться между нами, — начала она.

— Разумеется!

— Это существо сказало — я вряд ли смогу повторить эти слова...

— Ничего, ничего, — ободряюще вставил полковник Мельчетт.

– *«Вы зловредная старая сплетница!»* Я, полковник Мельчетт! Я — «старая сплетница»! *«Но на этот раз вы зашли чересчур далеко. Скотленд-Ярд вас притянет к суду за клевету».*

— Понимаю, как вы разволновались, — заметил полковник Мельчетт, покусывая усы, чтобы скрыть улыбку.

– *«Попридержите язык, а то вам будет худо, и очень худо».* Не могу вам передать, с какой угрозой это было сказано. Я еле выговорила — «Кто вы?», вот так, и голос ответил: *«Мститель».* Я слабо вскрикнула. Слово прозвучало так жутко. А потом — потом оно засмеялось! Засмеялось! Это я точно слышала. И все. Я слышала, как оно повесило трубку. Конечно, я тут же позвонила на коммутатор, узнать, откуда звонили, а они сказали, что понятия не имеют. Вы же знаете, какие там барышни. Ужасающе грубые и черствые.

— О да, — сказал я.

— Я просто лишилась сил, — продолжала миссис Прайс Ридли. — Нервы были так взвинчены, что, когда в лесу раздался выстрел, я буквально подскочила на полметра, уверяю вас. Можете себе представить!

— Выстрел в лесу? — насторожился инспектор Слэк.

— Я была в таком состоянии, что он мне показался выстрелом из пушки. О, воскликнула я и без сил упала на софу. Клара была вынуждена принести мне стаканчик терносливовой наливки.

— Ужасно, — сказал Мельчетт. — Ужасно. Для вас это было тяжкое испытание. Выстрел был очень громкий, как вы сказали? Как будто стреляли поблизости?

— Мне это показалось, у меня нервы не выдержали.

— Конечно. Я понимаю. А в какое время вы слышали выстрел? Нам нужно знать, чтобы проследить, кто звонил.

— Примерно в половине седьмого.

— А более точно вы не могли бы сказать?

— Видите ли, маленькие часы у меня на камине только что отзвонили половину часа, и я сказала себе: «Эти часы опять спешат». (Часы и вправду

убегают.) Я посмотрела на свои часики, и на них было всего десять минут седьмого, но, когда я поднесла их к уху, оказалось, что они стоят. Тут я подумала: «Что ж, если эти часы спешат, я через минуту-другую услышу звон на церковной колокольне». Но тут, как назло, зазвонил телефон, и у меня все из головы вылетело. — Она замолчала, еле переводя дух.

— Что ж, это достаточно точно, — сказал полковник Мельчетт. — Мы все для вас сделаем, миссис Прайс Ридли.

— Вы просто считайте это глупой шуткой и больше не тревожьтесь, миссис Прайс Ридли, — добавил я.

Она холодно посмотрела на меня. Я понял, что происшествие с фунтовой бумажкой еще не позабыто.

— Диковинные вещи творятся у нас в деревне последнее время, — сказала она, обращаясь к Мельчетту. — Диковинные вещи, иначе не скажешь. Полковник Протеро собирался ими заняться, и что же с ним сделали, с бедняжкой? Может, настал и мой черед?

И она удалилась, недовольно покачивая головой. Мельчетт пробормотал себе под нос: «Увы, едва ли». Потом вопросительно взглянул на ин-

спектора Слэка.

Славный служака медленно наклонил голову.

— Похоже, все сходится, сэр. Выстрел слышали трое. Остается узнать, кто стрелял. Возня с делом мистера Реддинга порядком нас задержала. Но у нас есть кое-какие зацепки. Пока я считал мистера Реддинга виновным, я их игнорировал. Теперь все переменилось. И первое, чем я займусь, — это телефонный звонок.

— К миссис Прайс Ридли?

Инспектор ухмыльнулся.

— Да нет, хотя придется взять и его на заметку, а то старушенция от нас не отвяжется. Я говорю про ложный звонок, которым вызвали викария.

— Да, — сказал Мельчетт. — Это очень важно.

— А потом мы выясним, что делал каждый из них между шестью и семью часами. Я хочу сказать, опросим всех в Старой Усадьбе, да и в деревне тоже придется почти всех допросить.

Я не сдержал вздоха:

— Вы на диво энергичны, инспектор Слэк.

— Мой девиз: работа, работа и еще раз работа! С вас, пожалуй, и начнем, мистер Клемент. Расскажите, что вы делали.

— Охотно. Мне позвонили около половины шестого.

— Голос мужской или женский?

— Женский. По крайней мере, мне так показалось. Но я, само собой, был в полной уверенности, что говорит миссис Эбботт.

— Но голоса ее вы не узнали?

— Этого я утверждать не берусь. Я вообще не обратил внимания на голос, как-то не задумывался над этим.

— И вы тотчас вышли? Пешком? У вас что, нет велосипеда?

— Нет.

— Понятно. Значит, пешком. И много это заняло?

— До фермы две мили без малого, какой дорогой ни пойдешь.

— Через лес Старой Усадьбы все же короче, не так ли?

— Вы правы. Но дорога плохая. Я шел туда и обратно тропинкой через поля.

— Той самой, что подходит к калитке вашего сада?

— Да.

— А миссис Клемент?

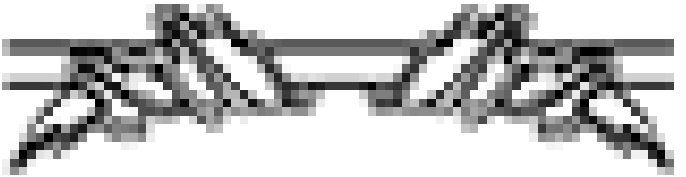
— Жена была в Лондоне. Вернулась на поезде в восемнадцать пятьдесят.

— Верно. Служанка ее видела. Ну, с вашим до-

мом все ясно. Надо побывать в Старой Усадьбе. Потом хочу допросить миссис Лестрейндж. Она ходила к Протеро накануне убийства — что-то тут нечисто. Да, в этом деле много странностей.

Я согласился.

Бросив взгляд на часы, я увидел, что пора ко второму завтраку. Я пригласил Мельчетта закусить чем бог послал, но он отговорился тем, что ему надо непременно быть в «Голубом Кабане». Там кормят отменно — у них всегда подадут и жаркое, и гарнир из овощей. Я подумал, что он сделал правильный выбор. После разговоров с полицией Мэри, вероятно, не в самом благодушном настроении.



ГЛАВА 14

По дороге домой я попался мисс Хартнелл, и она не отпускала меня минут десять, если не больше, гулким басом обличая расточительность и неблагодарность бедняков. Камнем преткновения, насколько я понял, было то, что беднота не желала пускать на порог мисс Хартнелл. Я был всецело на их стороне. Мое общественное положение лишает меня возможности выразить свои симпатии или антипатии в столь недвусмысленной форме, как эти простые люди.

Я умиротворил ее, как сумел, и спасся бег-

ством.

На углу, где я должен был свернуть к своему дому, меня обогнал Хейдок на машине.

— Я только что отвез миссис Протеро домой, — крикнул он.

Он ждал меня у ворот своего дома.

— Загляните на минутку, — сказал он.

Я не возражал.

— Поразительная история, — сказал он, бросая шляпу на стул и отворяя дверь в свою приемную.

Он уселся в потертое кожаное кресло и уставился неподвижным взглядом в стенку напротив. Хейдок был явно ошеломлен, сбит с толку.

Я сообщил ему, что нам удалось установить время, когда был произведен выстрел. Он рассеянно выслушал известие.

— Это окончательно исключает вину Анны Протеро, — сказал он. — Что же, я рад, что эти двое тут ни при чем. Они оба мне нравятся.

Я верил ему и все же не мог не задать себе вопрос: если, по его же словам, оба они ему нравились, почему он так помрачнел, узнав, что они невиновны? Только сегодня утром он был похож на человека, у которого с души свалился камень, а теперь сидел передо мной растерянный, в глубоком расстройстве.

И все же я знал, что он говорит правду. Ему нравились оба — и Анна Протеро, и Лоуренс Реддинг. В чем же дело, откуда эта сумрачная сосредоточенность? Он сделал над собой усилие, чтобы встать.

— Я хотел поговорить с вами о Хоузе. Весь этот переполох заставил меня позабыть про него.

— Он серьезно болен?

— Да нет, ничего серьезного у него нет. Вы, конечно, знаете, что он переболел энцефалитом, или сонной болезнью, как это обычно называют?

— Нет, — ответил я, крайне удивленный. — Понятия не имел. Он мне ни слова про это не говорил. А когда он болел?

— Примерно с год назад. Он выздоровел, в общем, насколько можно выздороветь при такой болезни. Болезнь особая — после нее бывают поразительные остаточные явления, она отражается на психике, на моральном облике. Характер может измениться до неузнаваемости.

Он долго молчал, потом продолжал:

— Сейчас мы с ужасом думаем о тех временах, когда жгли на кострах ведьм. Мне кажется, что настанут дни, когда мы содрогнемся при одной мысли о том, что мы когда-то вешали преступ-

ников.

— Вы против высшей меры наказания?

— Дело даже не в этом. — Он умолк. — Знаете, — медленно произнес он наконец, — моя профессия все же лучше вашей.

— Почему?

— Потому что вам приходится очень часто судить, кто прав, кто виноват, а я вообще не уверен, что можно об этом судить. А если все это целиком зависит от желез внутренней секреции? Слишком активна одна железа, слишком мало развита другая — и вот перед вами убийца, вор, рецидивист. Клемент, я убежден, что настанет время, когда мы с ужасом и отвращением будем вспоминать долгие века, когда мы позволяли себе упиваться так называемыми справедливыми мерами наказания за преступления, и поймем, что осуждали и наказывали людей больных, которые были не в силах справиться с болезнью, бедолаги! Ведь не вешают же того, кто болен туберкулезом!

— Он не представляет опасности для окружающих.

— Нет, в определенном смысле он опасен. Он может заразить других. Ладно, возьмем, к примеру, несчастного, который воображает, что он

китайский император. Вы же не обвиняете его в злом умысле. Я согласен, что общество нуждается в защите. Поместите этих людей куда-нибудь, где они никому не причинят вреда, даже устраните их безболезненным путем, да, я готов согласиться на крайние меры, но только не называйте это наказанием. Не убивайте позором их семьи — невинных людей.

Я с интересом смотрел на него.

— Я никогда раньше не слышал от вас таких речей.

— А я не привык рассуждать о своих теориях на людях. Сегодня я сел на своего конька. Вы разумный человек, Клемент, а не о всяком священнике это можно сказать. Вы, безусловно, не согласитесь, что такого понятия, как «грех», вообще не должно существовать, но хотя бы сможете допустить мысль об этом — вы человек широких взглядов.

— Это подрывает самую основу общепринятого мировоззрения, — сказал я.

— А как же иначе — ведь мы набиты предрассудками, чванством и ханжеством и обожаем судить о том, чего не понимаем. Я искренне считаю, что преступнику нужен врач, а не полиция и не священник. А в будущем, надеюсь, преступ-

лений вообще не будет.

— Вы могли бы их лечить?

— Мы вылечили бы их. Какая удивительная мысль! Вы когда-нибудь интересовались статистикой преступности? Нет? Очень немногие ею интересуются. А я ее изучал. Вас поразило бы количество несовершеннолетних преступников — опять дело в железах, понимаете? Юный Нил, убийца из Оксфордшира, убил пятерых маленьких девочек, прежде чем его задержали. Хороший мальчик, никогда никаких проступков за ним не водилось. Лили Роуз, девчушка из Корнуэлла, убила своего дядю за то, что он не разрешал ей объедаться конфетами. Ударила его молотком для разбивания угля, когда он спал. Ее отослали домой, и она через две недели убила свою старшую сестру из-за какой-то пустяковой обиды. Конечно, их не приговаривали к повешению. Отослали в исправительные заведения. Может, они с возрастом исправились, а может, и нет. Девочка, во всяком случае, вызывает у меня сомнение. Ничем не интересуется, обожает смотреть, как режут свиней. Вы знаете, на какой возраст падает максимум самоубийств? На пятнадцать — шестнадцать лет. От самоубийства до убийства не так уж далеко. Но ведь это не моральный порок, а

физический.

— Страшно слушать, что вы говорите!

— Нет — просто это для вас внове. Приходится смотреть прямо в лицо новым, непривычным истинам. И соответственно менять свои понятия. Однако порой это сильно осложняет жизнь.

Он сидел, сурово нахмурясь, словно придавленный необъяснимой усталостью.

— Хейдок, — сказал я, — если бы вы подозревали, если бы знали, что некто совершил убийство, вы предали бы этого человека в руки закона или постарались бы выгородить его?

Воздействие этого вопроса превзошло мои ожидания. Хейдок вспылил и бросил мне подозрительно и сердито:

— Почему вы это спросили, Клемент? Что у вас на уме? Выкладывайте начистоту.

— Признаюсь, я ничего определенного не имел в виду, — смущенно ответил я. — Но ведь мы сейчас только об убийстве и говорим. Я просто хотел узнать, как бы вы отнеслись к этому, если бы случайно угадали правду, вот и все.

Его гнев улегся. Он снова устремил взгляд прямо перед собой, как будто старался прочесть ответ на мучительную загадку, рожденную его собственным мозгом.

— Если бы я подозревал — если бы знал — я исполнил бы свой долг, Клемент. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Вопрос только в том, что бы вы сочли своим долгом?

Он взглянул мне в глаза, но я не смог ничего прочесть в его взгляде.

— Этот вопрос встает перед каждым человеком рано или поздно, Клемент. И каждый принимает решение лично.

— Значит, вы не знаете?

— Не знаю...

Я счел за благо переменить тему.

— Мой племянник — вот кто получает от всего этого бездну удовольствия, — заметил я. — Все забросил, рыскает в поисках следов и окурков.

Хейдок улыбнулся.

— Сколько ему лет?

— Шестнадцать исполнилось. В этом возрасте трагедии всерьез не воспринимаются. В голове только Шерлок Холмс да Арсен Люпен.

Хейдок задумчиво сказал:

— Красивый малый. А что вы с ним собираетесь делать дальше?

— Университет, боюсь, мне не по карману. Сам он хочет пойти в торговый флот. В военные моря-

ки его не взяли.

— Да, жизнь там не сахар, но ведь он мог выбрать и похуже. Да, это еще не самое плохое.

— Мне пора бежать, — воскликнул я, бросив взгляд на часы. — Я почти на полчаса опаздываю к ланчу!

Когда я пришел, мое семейство как раз усаживалось за стол. Они потребовали полного отчета о том, чем я занимался утром, и я все им доложил, чувствуя, однако, что мой рассказ звучит как-то неинтересно, буднично.

Деннису, правда, очень понравился пассаж про телефонный звонок к миссис Прайс Ридли, и, когда я описывал нервное потрясение, которое потребовало успокоительного в виде терносливовой наливки, он так и покатывался со смеху.

— Так ей и надо, старой греховоднице, — заявил он. — Самая заядлая сплетница в округе. Жаль, что не мне пришло в голову позвонить ей и напугать до полусмерти. Слышь, дядя Лен, а не вкатить ли ей вторую дозу, как ты думаешь?

Я поспешно стал его убеждать даже и не думать об этом. Нет ничего опаснее, чем благие намерения молодежи, которая проявляет сочувствие и искренне старается помочь вам.

Настроение Денниса вдруг резко переменилось.

Он нахмурился и напустил на себя вид светского льва.

— Я почти все утро провел с Летицией, — сказал он. — Знаешь, Гризельда, она и вправду очень огорчена. Не хочет показывать виду, конечно. Но она очень огорчена.

— Хотелось бы верить, — сказала Гризельда, тряхнув головкой.

Гризельда не особенно любит Летицию Протеро.

— По-моему, ты несправедлива к Летиции, вот что.

— Ты так думаешь? — сказала Гризельда.

— Сейчас почти никто не носит траур.

Гризельда промолчала, и я тоже. Деннис не унимался:

— Она почти ни с кем не может поделиться, но со мной-то она говорила. Эта история ее жутко взволновала, и она считает, что надо что-то предпринимать.

— Она скоро убедится, — сказал я, — что инспектор Слэк разделяет ее мнение. Он сегодня собирается зайти в Старую Усадьбу, вполне вероятно, что от усердия в поисках истины он сделает жизнь тех, кто там живет, совершенно невыносимой.

— А как ты думаешь, в чем истина, Лен? — внезапно спросила моя жена.

— Трудно сказать, дорогая моя. Сейчас я вообще не знаю, что и думать.

— Ты, кажется, говорил, что инспектор собирается проследить, откуда тебе звонили, когда вызвали к Эбботтам?

— Да.

— А он сумеет? Ведь это очень трудно сделать, да?

— По-моему, вовсе не трудно. На центральном коммутаторе отмечают все звонки.

— О! — И моя жена надолго задумалась.

— Дядя Лен, — сказал мой племянник, — с чего это ты так набросился на меня сегодня утром, когда я пошутил, что ты, мол, хотел, чтобы полковника Протеро кто-то прикончил?

— А потому, — сказал я, — что всему свое время. У инспектора Слэка чувство юмора отсутствует. Он принял твои слова за чистую монету, он может подвергнуть Мэри перекрестному допросу и выправить ордер на мой арест.

— Он что, не понимает, когда его разыгрывают?

— Нет, — сказал я. — Не понимает. Он добился своего теперешнего положения неустанным тру-

дом и служебным рвением. У него не оставалось времени на маленькие радости.

— Он тебе нравится, дядя Лен?

— Нет, — сказал я. — Отнюдь. Я его терпеть не могу. Но не сомневаюсь, что в своей профессии он достиг многого.

— Как ты думаешь, он докопается, кто убил старика Протеро?

— Если не докопается, — сказал я, — то вовсе не от недостатка усердия.

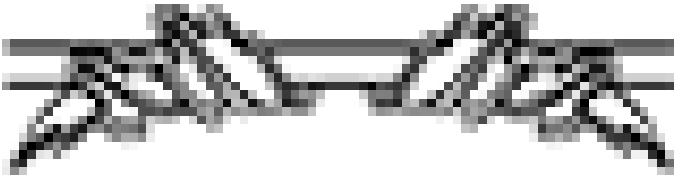
В дверях возникла Мэри и объявила:

— Там мистер Хоуз вас спрашивает. Я его провела в гостиную. Вам записка. Ждут ответа. Можно словами.

Я развернул записку и прочел:

> «Дорогой мистер Клемент, я буду очень благодарна вам, если вы зайдете ко мне, как только сможете. Я в большом затруднении, и мне необходим ваш совет.
>
> Искренне ваша
>
> ***Эстелла Лестрейндж».***

— Передайте, что я буду через полчаса, — сказал я Мэри. Потом пошел в гостиную, к Хоузу.



ГЛАВА 15

Я очень огорчился, увидев, в каком он состоянии. Руки у него тряслись, лицо нервно подергивалось. Судя по всему, ему полагалось лежать в постели — так я ему и сказал. Он настойчиво доказывал, что чувствует себя совершенно здоровым.

— Уверяю вас, сэр, я никогда не чувствовал себя лучше. Никогда в жизни.

Это так разительно противоречило действительности, что я не нашелся, что ответить. Нельзя не почувствовать уважения к человеку, который

героически сопротивляется болезни, но Хоуз зашел слишком далеко.

— Я пришел выразить вам свое глубокое сочувствие относительно событий, имевших место в вашем доме.

— Да, — ответил я, — приятного в этом мало.

— Ужасно, ужасно. Кажется, они освободили мистера Реддинга из-под ареста?

— Да. Произошла ошибка. Он, э-э, довольно необдуманно оговорил себя.

— И полиция окончательно уверилась в его невиновности?

— Безусловно.

— Могу ли я спросить — почему? Разве... то есть... Подозрение пало на кого-то другого?

Мне никогда бы и в голову не пришло, что Хоуз может так заинтересоваться перипетиями расследования убийства. Может быть, причина в том, что сие произошло в доме священника. Он выпытывал подробности, как заправский газетчик.

— Не думаю, чтобы инспектор Слэк посвящал меня во все свои соображения. Насколько мне известно, конкретно он пока не подозревает никого. Он занят расследованием.

— Да, да, разумеется. Но вы могли бы вообра-

зить, что кто-то способен на такое черное дело?

Я покачал головой.

— Полковник Протеро не пользовался особой любовью, я знаю. Но убийство! Для убийства нужны очень серьезные основания.

— Надо полагать, — сказал я.

— А у кого могли быть настолько серьезные основания? Полиция знает?

— Не могу сказать.

— У него могли быть враги, если подумать. Чем больше я размышляю над этим, тем более убеждаюсь, что у такого человека обязательно должны быть враги — у него была репутация сурового судьи.

— Думаю, могли.

— Вы еще сомневаетесь, сэр. Разве вы не помните? Он еще вчера утром говорил вам об угрозах этого самого Арчера.

— Да, теперь я припоминаю, — сказал я. — Разумеется, помню. Вы как раз стояли совсем рядом с нами.

— Да, и я слышал его слова. Невозможно не подслушать — такой уж у него был голос. Очень громкий голос. Я помню, что на меня произвели большое впечатление ваши слова. Вы ему сказали, что, когда настанет его час, к нему могут тоже

проявить справедливость вместо милосердия.

— Разве я так сказал? — спросил я, нахмурившись. Сам я помнил собственные слова несколько иначе.

— Вы сказали это так внушительно, сэр. Я был потрясен. Справедливость может быть ужасной. И подумать только: бедного полковника так скоро постигла смерть. Поневоле поверишь в предчувствия.

— Никакого предчувствия у меня не было, — отрезал я. Мне очень не по душе склонность Хоуза к мистицизму. В нем есть что-то от духовидца.

— А вы сообщили полиции про этого Арчера, сэр?

— Мне о нем ничего не известно.

— Я имел в виду то, что вам сказал полковник Протеро, что Арчер ему угрожает. Это вы им передали?

— Нет, — медленно произнес я. — Не передал.

— Но ведь вы собираетесь это сделать?

Я не отвечал. Вызывать гонения на человека, который уже пострадал от рук закона и правопорядка, — это мне не по душе. Я не заступаюсь за Арчера. Он закоренелый браконьер — один из тех развеселых бездельников, которые водятся в любом приходе. Но что бы он там ни сказанул

сгоряча, когда его посадили, это еще не значило, что, выйдя из тюрьмы, он все еще будет лелеять планы мести.

— Вы слышали наш разговор, — сказал я наконец. — Если вы считаете своим долгом сообщить полиции, можете это сделать.

— Лучше, если вы это сделаете сами.

— Возможно, но, по правде говоря, я этого делать не собираюсь. Не хотелось бы помогать затягивать петлю на шее невиновного.

— Но если это он застрелил полковника Протеро...

— Вот именно, *если!* Против него нет никаких улик или показаний.

— Он угрожал.

— Если говорить начистоту, угрожал не он, а полковник Протеро. Полковник Протеро грозился показать Арчеру, чего стоят его разговоры о мести. Он попадется еще раз на браконьерстве.

— Мне непонятно ваше отношение, сэр.

— Вот как? — устало сказал я. — Вы человек молодой. Вы ревностно боретесь за справедливость. Когда доживете до моего возраста, вы и сами будете снисходительнее и предпочтете толковать сомнения в пользу обвиняемого.

— Дело не в том — то есть...

Он замолк, и я посмотрел на него не без удивления.

— Вы сами — вы никого не подозреваете — не предполагаете, кто убийца, я хотел спросить?

— Боже упаси, нет.

— А о причинах убийства?.. — настаивал Хоуз.

— Ничего не знаю. А вы?

— Я? Что вы, нет. Просто полюбопытствовал. Может быть, полковник Протеро поделился с вами — упомянул — в частной беседе...

— Его «частная беседа»! То, что он сказал, от слова до слова слышала вчера утром вся улица.

— Да, да, вы правы. Так вы не думаете про Арчера?

— Полиция вскорости будет знать про Арчера все, что нужно, — сказал я. — Если бы я собственными ушами слышал, как он угрожает полковнику Протеро, это было бы другое дело. Но можете быть уверены, что, если он и вправду угрожал полковнику расправой, его слышало полдеревни, и до полиции это дойдет своим чередом. Но вы, естественно, вольны поступать по собственному разумению.

Однако Хоуз с непонятным упорством отказывался предпринимать что-либо лично.

Во всем его поведении проглядывала неесте-

ственная нервозность. Я вспомнил, что говорил Хейдок о его болезни. Очевидно, этим все и объяснялось.

Он нехотя распрощался со мной, как будто хотел еще что-то сказать, но не знал, как к этому подступиться.

Я договорился с ним, что он возьмет на себя службу для Союза матерей, а заодно и собрание Гостей округа по окончании службы. У меня на вторую половину дня были свои планы.

Хоуз ушел, а я, выбросив из головы и его, и его горести, решил, что пора идти к миссис Лестрейндж.

На столике в холле лежали нераспечатанные газеты: *«Гардиан»* и *«Церковный вестник»*.

По дороге я вспомнил, что миссис Лестрейндж встречалась с полковником Протеро вечером накануне убийства. Вполне возможно, что в их разговоре проскользнуло что-нибудь, указывающее на личность убийцы.

Меня сразу же проводили в маленькую гостиную, и миссис Лестрейндж поднялась мне навстречу. Я еще раз почувствовал ту чудодейственную атмосферу, какую умела создать вокруг себя эта женщина. На ней было платье из совершенно черной, без блеска, материи, под-

черкивавшей необычайную белизну ее кожи. В ее лице была какая-то странная мертвенность. Только глаза сверкали огнем, были полны жизни. Сегодня в ее взгляде я уловил настороженность. И все — никаких признаков беспокойства я больше не заметил.

— Вы очень добры, мистер Клемент, — сказала она, пожимая мне руку. — Спасибо, что пришли. Я хотела все вам сказать еще тогда. Потом передумала. И напрасно.

— Я как-то говорил вам — я готов помочь вам всем, чем могу.

— Да, я помню. И мне кажется, это не пустые слова. За всю мою жизнь очень немногие, мистер Клемент, искренне предлагали мне свою помощь.

— В это трудно поверить, миссис Лестрейндж.

— Тем не менее это правда. Большинство людей — большинство мужчин, по крайней мере, — преследуют свои собственные цели. — В ее голосе прозвучала горечь.

Я промолчал, и она продолжила:

— Прошу вас, присядьте.

Я повиновался, она села на стул напротив. Немного помедлив, она заговорила — неторопливо и вдумчиво, словно тщательно взвешивая каждое

слово.

— Я попала в очень необычное положение и хотела бы с вами посоветоваться. Я хотела бы спросить у вас, как мне быть дальше. Что прошло, то прошло — тут ничего уже не изменишь. Вы понимаете меня?

Я не успел ответить — горничная, которая мне открывала, распахнула дверь и испуганно пролепетала:

— О, простите, мэм, там пришел инспектор полиции, он сказал, что ему нужно с вами поговорить, простите!

Наступило молчание. Миссис Лестрейндж нимало не изменилась в лице. Только медленно прикрыла и снова открыла глаза. Мне показалось, что она преодолела легкий спазм в горле, но голос у нее был все тот же — чистый, спокойный:

— Проведите его сюда, Хильда.

Я собрался было уходить, но она повелительным жестом остановила меня.

— Если бы вы остались — я была бы вам очень признательна.

Я снова сел, пробормотав:

— Разумеется, как вам угодно.

Тут в комнату беглым строевым шагом ворвался Слэк.

— Добрый день, мадам.

— Добрый день, инспектор.

В эту минуту инспектор заметил меня и скорчил злую гримасу. Можно не сомневаться — добрых чувств ко мне Слэк не питал.

— Надеюсь, вы не возражаете против присутствия викария?

Очевидно, Слэку было неловко сказать, что он возражает.

— Н-н-ет, — проворчал он. — Хотя лучше бы, конечно...

Миссис Лестрейндж намеком пренебрегла.

— Чем могу быть полезна, инспектор? — спросила она.

— А вот чем, мадам. Я расследую дело об убийстве полковника Протеро. Мне поручено собрать все сведения.

Миссис Лестрейндж кивнула.

— Это чистая формальность, но я обязан всех об этом спросить: где вы были вчера между шестью и семью часами вечера? Чистая формальность, как вы понимаете.

— Вы хотите знать, где я была вчера вечером между шестью и семью часами?

— Так точно, мадам.

— Попробую вспомнить. — Она немного пораз-

мыслила. — Я была здесь. В этом доме.

— А! — Я видел, как блеснули глаза инспектора. — А ваша служанка — у вас, кажется, одна служанка — она может подтвердить ваши показания?

— Нет, у Хильды был свободный вечер.

— Понятно.

— Так что, к сожалению, вам придется поверить мне на слово, — любезно сказала миссис Лестрейндж.

— Вы с полной ответственностью утверждаете, что были дома весь вечер?

— Вы сказали «между шестью и семью», инспектор. Несколько раньше я выходила прогуляться. Когда я вернулась, еще не было пяти.

— Значит, если некая дама — к примеру, мисс Хартнелл — определенно заявляет, что зашла сюда около шести, позвонила, но, так никого и не дождавшись, вынуждена была уйти, вы скажете, что она ошибается, э?

— О нет. — Миссис Лестрейндж покачала головой.

— Однако...

— Если горничная дома, она может сказать, что вас нет. А когда остаешься одна и тебе не хочется принимать визитеров — что ж, остается только терпеть, пока они трезвонят в дверь.

Инспектор Слэк слегка смешался.

— Старые дамы нагоняют на меня ужасную скуку, — сказала миссис Лестрейндж. — А мисс Хартнелл в этом смысле не имеет себе равных. Она позвонила раз шесть, прежде чем соблаговолила уйти.

Она одарила инспектора Слэка прелестной улыбкой.

Инспектор переменил тему.

— А если кто-нибудь сказал, что видел вас около этого времени...

— Но ведь меня никто не видел, не правда ли? — Она мгновенно нащупала слабое звено. — Меня никто не видел, потому что я была дома.

— Вы совершенно правы, мадам.

Инспектор пододвинул свой стул чуть ближе.

— Теперь вот что, миссис Лестрейндж: мне известно, что вы нанесли визит полковнику Протеро накануне убийства, поздно вечером.

Миссис Лестрейндж спокойно подтвердила:

— Да, это так.

— Можете ли вы сказать мне, о чем вы говорили?

— Беседа касалась личных дел, инспектор.

— К сожалению, я вынужден просить вас уточнить, о чем именно шел разговор.

— Я не могу выполнить вашу просьбу, но я уверяю вас, этот разговор не имел никакого отношения к преступлению.

— Не думаю, что вы можете судить об этом вполне компетентно.

— Тем не менее вам придется поверить мне на слово.

— Получается, что я во всем должен верить вам на слово.

— Кажется, вы правы, — согласилась она с той же улыбкой, с тем же спокойствием.

Инспектор Слэк сделался красным как рак.

— Дело очень серьезное, миссис Лестрейндж. Мне нужна правда... — Он грохнул кулаком по столу. — И я намерен ее узнать.

Миссис Лестрейндж не произнесла ни слова.

— Разве вы не видите, мадам, что ставите себя в весьма сомнительное положение?

Миссис Лестрейндж по-прежнему не удостоила его ответом.

— Вы будете обязаны дать показания на следствии.

— Да.

Вот и все, чего он добился. Равнодушного и сухого «да». Инспектор изменил тактику.

— Вы были знакомы с полковником Протеро?

— Да, я была с ним знакома.

— Близко знакомы?

— Я не виделась с ним много лет, — ответила она после небольшой паузы.

— Были ли вы знакомы с миссис Протеро?

— Нет.

— Вы извините меня, но время для визита выбрано довольно странное.

— Я думаю иначе.

— Что вы хотите сказать?

— Мне хотелось видеть только полковника Протеро. Я не хотела встречаться с миссис Протеро или с мисс Протеро. И я сочла это время наиболее удобным для моих намерений.

— Почему вы не хотели видеть ни миссис Протеро, ни мисс Протеро?

— А это уж мое дело, инспектор.

— Значит, вы отказываетесь от дальнейших показаний?

— Категорически.

Инспектор Слэк вскочил.

— Если вы не поостережетесь, мадам, то можете поставить себя в скверное положение. Это все выглядит очень подозрительно — весьма подозрительно.

Она рассмеялась. Мне следовало пояснить ин-

спектору Слэку, что такую женщину напугать не очень-то просто.

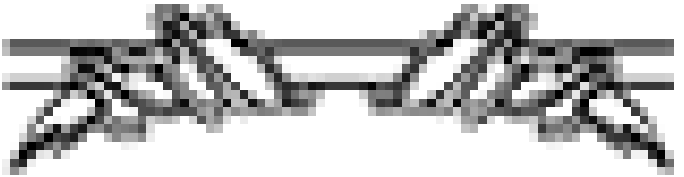
— Ну, ладно, — сказал он, стараясь отступить без ущерба для собственного достоинства, — только потом не говорите, что я вас не предостерег. Доброго вечера, мадам, но помните: мы все равно добьемся правды.

Он удалился. Миссис Лестрейндж поднялась и протянула мне руку.

— Я хочу попрощаться с вами — да, так будет лучше. Видите ли, теперь советоваться поздно. Я сделала выбор.

Она повторила с какой-то безнадежностью в голосе:

— Я сделала свой выбор.



ГЛАВА 16

На пороге дома я столкнулся с Хейдоком. Он бросил неприязненный взгляд вслед Слэку, как раз выходившему из калитки, и резко спросил:

— Он ее допрашивал?

— Да.

— Надеюсь, он был вежлив?

По моему мнению, вежливость — искусство, которому инспектор Слэк научиться так и не сумел, хотя сам он, видимо, считал свои манеры безупречными. Однако мне не хотелось еще больше расстраивать Хейдока. Он и без этого выглядел

озабоченным и удрученным. Поэтому я сказал, что инспектор держался вполне прилично.

Кивнув, Хейдок прошел в дом, а я пошел вперед по деревенской улице и вскоре нагнал инспектора. Подозреваю, что он нарочно замедлял шаг. Какую бы антипатию он ко мне ни испытывал, он не из тех, кто допустит, чтобы симпатии и антипатии мешали ему раздобыть нужную информацию.

— Вы что-нибудь знаете об этой даме? — напрямик спросил он меня.

Я ответил, что совершенно ничего не знаю.

— Она вам не говорила, почему сюда переехала?

— Нет.

— И однако же, вы к ней ходите?

— Посещение прихожан входит в мои обязанности, — ответил я, не упоминая о том, что за мной посылали.

— Хм... Пожалуй... — Некоторое время он что-то обдумывал, а потом заговорил снова, не устояв перед искушением продолжить не увенчавшийся успехом разговор в доме миссис Лестрейндж. — Темное дельце, как я погляжу.

— Вы так думаете?

— Ну да, типичное «вымогательство». Довольно

забавно, если вспомнить, какая репутация была у этого полковника Протеро. Но ведь верить нельзя никому.

Церковный староста, который ведет двойную жизнь. Не он первый, не он последний.

У меня в голове промелькнуло смутное воспоминание о высказывании мисс Марпл по тому же поводу.

— Неужели вы всерьез так думаете?

— Так уж выходит, все факты налицо, сэр. С чего бы такой изящной и нарядной леди забираться в эту забытую богом дыру? С чего это она отправляется к нему в гости в такое время, когда с визитами не ходят? Странно! А почему она не желает видеть ни миссис Протеро, ни мисс Протеро? Да уж, все сходится. Она не спешит признаваться, ведь вымогательство — уголовно наказуемое деяние. Но мы из нее правду вытряхнем. Судя по тому что нам известно, ее показания будут очень интересны. Если у полковника Протеро был какой-то темный секретик в жизни — что-нибудь постыдное — тогда, сами понимаете, перед нами открываются широкие возможности.

Это я хорошо понимал.

— Я пытался вытянуть что-нибудь из дворецкого. Мог же он подслушать, о чем говорили

полковник Протеро и Лестрейндж. За дворецкими это водится. Но он клятвенно уверяет, что даже понятия не имеет, о чем они говорили. Кстати, из-за визита этой леди он потерял работу: полковник на него набросился чуть не с кулаками за то, что он посмел ее впустить. Дворецкий в ответ пригрозил, что уйдет. Говорит, этот дом все равно был ему не по душе и он собирался уходить в любом случае.

— Вот как?

— Вот вам, кстати, и еще один человек, который мог затаить зло на полковника.

— Но вы же не подозреваете этого человека всерьез — как его фамилия, кстати?

— Фамилия его Ривз, я и не говорил, что подозреваю его. Просто верить никому нельзя, вот это точно. Мне его манеры не нравятся — уж больно он елейный, скользкий, как угорь.

Интересно, что сказал бы Ривз о манерах инспектора Слэка?

— Теперь, пожалуй, самое время допросить шофера.

— В таком случае, — сказал я, — нельзя ли мне подъехать с вами на машине? Мне нужно поговорить с миссис Протеро.

— О чем это?

— О предстоящих похоронах.

— А! — Инспектор Слэк едва заметно смутился. — Следствие состоится завтра, в субботу.

— Именно так. Похороны, вероятно, будут назначены на вторник.

Казалось, инспектор Слэк слегка устыдился своей грубости. Он попытался ее загладить, предложив мне присутствовать при допросе шофера, Мэннинга.

Мэннинг славный малый, ему не больше двадцати шести. Инспектор явно нагонял на него страх.

— Ну вот что, парень, — сказал Слэк, — мне нужно у тебя кое-что узнать.

— Да, сэр, — пролепетал шофер. — Как угодно, сэр.

Если бы убийство было делом его рук, он вряд ли выглядел бы более потерянным и перепуганным.

— Ты возил своего хозяина в деревню вчера днем?

— Да, сэр.

— В котором часу?

— В пять тридцать.

— Миссис Протеро была с вами?

— Да, сэр.

— По дороге нигде не останавливались?

— Нет, сэр.

— А что вы делали в деревне?

— Полковник вышел и сказал, что машина ему больше не понадобится. Он пойдет домой пешком. Миссис Протеро поехала за покупками. Свертки уложили в машину. Она сказала, что я больше не нужен, и я поехал домой.

— А она осталась в деревне?

— Да, сэр.

— Который был час?

— Четверть седьмого, сэр. Точно четверть седьмого.

— А где ты ее оставил?

— Возле церкви, сэр.

— Полковник говорил, куда собирается, или нет?

— Он сказал, что надо повидать ветеринара... насчет одной из лошадей.

— Ясно. И ты приехал сюда, прямиком?

— Да, сэр.

— В Старой Усадьбе два въезда — Южный и Северный. Как я понимаю, в деревню ты выезжал через Южные ворота?

— Да, сэр, как всегда.

— А обратно — тем же путем?

— Да, сэр.

— Гм-м... Ну ладно, пока достаточно. А! Вот и мисс Протеро.

Летиция шла к нам медленно, словно нехотя.

— Я беру «фиат», Мэннинг, — сказала она. — Заведите мотор, пожалуйста.

— Сию минуту, мисс.

Он подошел к двухместной спортивной машине и поднял капот.

— Можно вас на минуту, мисс Протеро? — сказал Слэк. — Мне необходимо знать, кто где был вчера во второй половине дня. Простая формальность, не обижайтесь.

Летиция смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Да я сроду не смотрю на часы!

— Насколько я знаю, вчера вы ушли из дому вскоре после ланча?

Она кивнула.

— А куда, разрешите узнать?

— Играть в теннис.

— С кем?

— С семьей Хартли Напье.

— Из Мач Бенэма?

— Да.

— А когда вы вернулись?

— Не знаю. Я же вам сказала, что никогда не смотрю на часы.

— Вы вернулись, — сказал я, — около половины восьмого.

— А, верно, — сказала Летиция. — Прямо в разгар представления. Анна в истерике, а Гризельда ее утешает.

— Благодарю вас, мисс, — сказал инспектор. — Это все, что я хотел узнать.

— Только-то? — сказала Летиция. — Вы меня разочаровали.

Она пошла от нас к «фиату».

Инспектор украдкой дотронулся до своего лба и шепотом спросил:

— Что, малость не в себе?

— Ничего подобного, — сказал я. — Но ей нравится такой казаться.

— Ладно. Пойду допрошу прислугу.

Заставить себя полюбить инспектора Слэка — свыше сил человеческих, но его кипучей энергией нельзя не восхищаться.

Мы расстались, и я спросил у Ривза, где я могу найти миссис Протеро.

— Она прилегла отдохнуть, сэр.

— Тогда я не стану ее беспокоить.

— Может, вы подождете, сэр, я знаю, миссис

Протеро хотела обязательно с вами повидаться. Она сама сказала, за ланчем.

Он провел меня в гостиную, включил свет — занавески были опущены.

— Какие печальные события, — сказал я.

— Да, сэр. — Голос дворецкого звучал холодно, хотя и почтительно.

Я взглянул на него. Какие чувства кипят под этой маской вежливого равнодушия? Может быть, он знает что-то, но не говорит? Трудно найти что-либо более неестественное для человека, чем маска вышколенного слуги.

— Еще что-нибудь угодно, сэр?

Мне почудилось, что за этим привычным выражением таится хорошо скрытая тревога.

— Нет, ничего, — ответил я.

Мне не пришлось долго ждать — Анна Протеро вышла ко мне очень скоро. Мы поговорили о некоторых делах, а потом она воскликнула:

— Какой чудный, добрый человек доктор Хейдок!

— Лучший из всех, кого я знаю.

— Он был поразительно добр ко мне. Но у него всегда такой грустный вид — вам не кажется?

Мне как-то не приходило в голову называть Хейдока грустным. Я немного подумал.

— Нет, не замечал, — сказал я.

— И я тоже, до сегодняшнего дня.

— Порой наши личные горести обостряют наше зрение, — сказал я.

— Как это верно. — Она помолчала и сказала: — Мистер Клемент, одного я *никак* не могу понять. Если мужа застрелили сразу же после моего ухода, то почему я не слышала выстрела?

— Полиция полагает, что выстрел был сделан позже.

— А как же записка — там стоит «18:20»?

— Возможно, эти цифры приписаны другой рукой — рукой убийцы.

Кровь отхлынула от ее щек.

— Какой ужас!

— А вам не бросилось в глаза, что цифры написаны не его почерком?

— Да там вообще не его почерк!

Это была правда. Неразборчивые каракули в записке ничем не напоминали четкий почерк Протеро.

— Вы уверены, что они не подозревают Лоуренса?

— По-моему, с него сняты все подозрения.

— Но, мистер Клемент, кто же это сделал? Люциус не вызывал у людей симпатии — я знаю, но

и настоящих врагов у него не было, мне кажется. То есть — заклятых врагов.

Я покачал головой:

— Сие покрыто тайной.

Я снова вспомнил о семи подозреваемых, которых не захотела назвать мисс Марпл. Хотелось бы знать, кто они...

Распрощавшись с Анной, я приступил к выполнению своего замысла.

Я пошел домой по тропинке. Дойдя до перелаза, я немного вернулся назад, до места, где растительность казалась мне слегка помятой, свернул с тропинки и углубился в кусты. Лес здесь был густой, с кустарником, ветви которого переплетались внизу. Я пробивался сквозь заросли с некоторым усилием, как вдруг услышал, что недалеко от меня еще кто-то пробирается через кустарник. Я остановился в нерешительности, и передо мной возник Лоуренс Реддинг. Он тащил увесистый валун.

Должно быть, вид у меня был удивленный — Лоуренс вдруг разразился смехом.

— Да нет, — сказал он. — Это не улика, а нечто вроде мирного подношения.

— Мирное подношение?

— Ну да, назовем это началом мирных перего-

воров. Мне нужен предлог, чтобы зайти к вашей соседке, мисс Марпл, и мне подсказали, что лучше всего преподнести ей камень или обломок скалы для ее японского садика.

— Это верно, — согласился я. — А что вам понадобилось от почтенной леди?

— Вот что. Если вчера вечером можно было что-нибудь увидеть, мисс Марпл это наверняка видела. Я даже не говорю о чем-то, непременно связанном с убийством, то есть связанным с ее точки зрения. Я имею в виду просто что-то из ряда вон выходящее, диковинное, какую-нибудь мелочь, которая поможет нам разгадать загадку. Что-то такое, о чем она даже не сочла нужным сообщить полиции.

— Такое очень может быть, мне кажется.

— Во всяком случае, игра стоит свеч. Клемент, я собираюсь разобраться в этом деле до конца. Хотя бы ради Анны. А на Слэка я не очень надеюсь, конечно, он из кожи вон лезет, но усердие никогда не заменит ума.

— Насколько я понял, передо мной излюбленный герой приключенческих историй — сыщик-любитель, — сказал я. — Не уверен, что в реальной жизни они и впрямь оказываются удачливей профессионалов.

Он пристально взглянул на меня и внезапно расхохотался.

— А вы-то что делаете в лесу, падре?

Признаюсь, я покраснел.

— Наверно, то же, что и я, могу поклясться. У нас с вами явилась одна и та же мысль, правда? *Как убийца пробрался в кабинет?* Первый путь — по аллее и в калитку, второй — через парадную дверь, третий — есть какой-нибудь третий путь, а? Я решил расследовать, нет ли следов и сломанных кустов поблизости от стены вашего сада.

— И мне пришло в голову то же самое, — сознался я.

— Однако я не успел приступить к делу, — продолжал Лоуренс. — Так как решил, что надо бы сначала повидать мисс Марпл, убедиться, что никто не проходил по аллее вчера вечером, пока мы были в мастерской.

Я замотал головой.

— Она настаивала на том, что никто не проходил.

— Ну да, никто — никто из тех, кого она считает кем-то. Звучит как дикий бред, но вы меня понимаете. Мог же там быть кто-то вроде почтальона, или молочника, или рассыльного от мясника — кто-то, чье присутствие настолько

привычно, что вы об этом не считаете нужным даже упоминать.

— Вы начитались Честертона[15], — заметил я.

Лоуренс не отпирался.

— Вам не кажется, что в этом что-то есть?

— Все может быть, — согласился я.

И мы без промедления отправились к мисс Марпл. Она работала в своем садике и окликнула нас, когда мы перебирались через перелаз.

— Что я говорил? — шепнул Лоуренс. — Она видит все и вся.

Она приняла нас очень приветливо и очень обрадовалась громадному валуну, который Лоуренс торжественно ей преподнес.

— Вы так заботливы, мистер Реддинг. Необыкновенно заботливы.

Лоуренс, ободренный похвалой, приступил к расспросам. Мисс Марпл выслушала его со вниманием.

— Да-да, я понимаю, что вы хотите сказать, и вы совершенно правы — об этих встречах никто никогда не упоминает или не считает их достойными упоминания. Но я вас уверяю, что ничего подобного не было. Ничего подобного.

---

[15] notes: 15

Ч е с т е р т о н Кит Гильберт (1874–1936) — английский писатель и мыслитель, автор циклов рассказов о сыщике-священнике отце Брауне.

— Вы уверены, мисс Марпл?

— Совершенно уверена.

— А может, вы видели кого-нибудь, кто шел в тот вечер по тропинке в лес? — спросил я. — Или выходил из лесу?

— О! Да, множество народу. Доктор Стоун и мисс Крэм пошли той дорогой — им так ближе всего до раскопа. Это было после двух. Доктор Стоун потом вернулся тем же путем — вы это сами знаете, мистер Реддинг, он ведь подошел к вам и миссис Протеро.

— Кстати, — вспомнил вдруг я. — Выстрел — тот, что вы слышали, мисс Марпл. Мистер Реддинг и миссис Протеро должны были тоже его слышать.

Я вопросительно взглянул на Лоуренса.

— Да, — сказал он, хмурясь. — Мне кажется, я слышал какие-то выстрелы. Кажется, был один или два.

— Я слышала только один, — заметила мисс Марпл.

— Мне было не до того, и я не обратил внимания, — сказал Лоуренс. — Проклятье, если бы я мог вспомнить! Если бы я знал! Вы понимаете, я был так поглощен, так...

Он смутился и умолк. Я тактично кашлянул. Мисс Марпл, радея о благопристойности, пере-

менила тему.

— Инспектор Слэк пытался выяснить, слышала я выстрел после того, как мистер Реддинг и миссис Протеро вышли из мастерской, или до того. Мне пришлось признаться, что я определенно сказать не могу, но мне кажется — и тем больше, чем больше я об этом думаю, — что это было после.

— Тогда это, по крайней мере, оправдывает знаменитого доктора Стоуна, — сказал Лоуренс с глубоким вздохом. — Хотя не было ни малейшего повода подозревать его в убийстве бедняги Протеро.

— Ах, — откликнулась мисс Марпл. — Мне всегда казалось, что было бы благоразумнее подозревать каждого — совсем немного, чуть-чуть. Я всегда говорю — ничего нельзя знать заранее, не правда ли?

Мисс Марпл оставалась верна себе. Я спросил Лоуренса, согласен ли он с ее мнением относительно выстрела.

— Ничего не могу сказать, хоть убейте. Понимаете, был просто какой-то привычный звук. Я бы скорее сказал, что он прозвучал, когда мы еще были в мастерской. Стены заглушили его — и мы не обратили на него внимания.

Тому были иные причины, кроме глухих стен, заметил я про себя.

— Я спрошу Анну, — сказал Лоуренс. — Она может вспомнить. Да, кстати, мне кажется, есть еще одно загадочное происшествие, нуждающееся в объяснении. Миссис Лестрейндж, эта Таинственная Незнакомка в Сент-Мэри-Мид, нанесла визит старику Протеро в среду вечером после обеда. И похоже, никто не знает, в чем там было дело. Старик Протеро не заикнулся об этом ни жене, ни Летиции.

— Быть может, наш викарий знает, — сказала мисс Марпл.

Ну как эта женщина проведала, что я сегодня днем заходил к миссис Лестрейндж? Как она обо всем дознается, ума не приложу! В этом есть что-то мистическое. Просто ужас берет.

Я покачал головой и сказал, что ничего не знаю.

— А что думает инспектор Слэк? — спросила мисс Марпл.

— Он приложил все усилия, чтобы запугать дворецкого, но дворецкий оказался, как видно, не слишком любопытен и не подслушивал под дверью. Так что никто ничего не знает, увы.

— А мне казалось, что кто-нибудь должен был

услышать, хотя бы случайно, — сказала мисс Марпл. — Понимаете, кто-нибудь, всегда *слышит*, не так ли? Мне кажется, мистер Реддинг может что-нибудь разузнать.

— Но миссис Протеро тоже ничего не знает.

— А я и не говорю про Анну Протеро, — парировала мисс Марпл. — Я говорю про служанок, про женскую часть прислуги. Они ни за что не станут откровенничать с полицией. Но привлекательный молодой человек — прошу меня извинить, мистер Реддинг, — да еще после того, как его несправедливо заподозрили, — о! Я не сомневаюсь, что ему они тотчас все выложат.

— Пойду и попытаю счастья сегодня же, — с жаром заявил Лоуренс. — Благодарю за идею, мисс Марпл. Пойду туда сразу же — сразу же после того, как мы с викарием довершим одно маленькое общее дельце.

Я тоже подумал, что пора заняться «дельцем». Я попрощался с мисс Марпл, и мы с Лоуренсом снова пошли в лес.

Сначала мы прошли по тропе до того места, где явно кто-то протоптал след вправо от дорожки. Лоуренс сказал, что он уже шел по этому следу и ничего не обнаружил, но, добавил он, можно еще раз проверить. Может быть, он чего-то не

заметил.

Однако он был прав. Через десять — двенадцать ярдов было уже не видно ни сломанных веток, ни сбитой листвы. Именно с этого места Лоуренс вернулся на тропу раньше, когда мы повстречались.

Мы снова вышли на тропу и прошли дальше, до того места, где кусты были чуть примяты — почти незаметно для глаза. На этот раз след оказался куда интереснее. Он извивался, неуклонно ведя к стене моего сада. Наконец мы вышли к стене — там, где кусты подступали к ней вплотную. Стена была высокая. Верх ее венчало весьма сомнительное украшение — куски битых бутылок, так что, если бы кто-то приставлял к стене лестницу, следы обязательно сохранились бы не только на земле, но и наверху.

Мы медленно пробирались вдоль стены, когда до наших ушей донесся треск сломанной ветки. Я поспешил вперед, прорываясь сквозь густые заросли кустарника, и нос к носу столкнулся с инспектором Слэком.

— Так, это вы, — сказал он. — И мистер Реддинг. Позвольте спросить, что это вы, джентльмены, тут делаете?

Мы были слегка обескуражены и во всем признались.

— Ах вот оно что, — сказал инспектор. — А ведь, оказывается, мы не такие идиоты, как о нас думают — мне пришла в голову та же мысль. Я здесь уже больше часа. Хотите знать мое мнение?

— Да, — кротко ответил я.

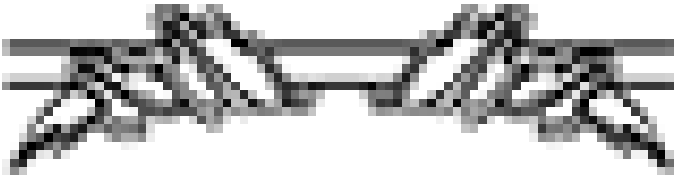
— Кто бы там ни убил полковника Протеро, он прокрался не отсюда! Ни одного следа ни с этой стороны, ни с той. Тот, кто убил полковника Протеро, вошел с парадного хода. И другого пути нет.

— Невозможно! — воскликнул я.

— Почему это невозможно? У вас дверь всегда нараспашку. Любой может войти при желании. Из кухни ничего не видать. Они знали, что вас удалось убрать с дороги, знали, что миссис Клемент уехала в Лондон, знали, что мистер Деннис приглашен играть в теннис. Это же проще, чем дважды два четыре. И не было никакой необходимости разгуливать по деревне. Прямо против ворот вашего сада проходит дорожка, по ней можно повернуть вот в этот самый лес и выйти где вам заблагорассудится. И все пойдет как по маслу — если только миссис Прайс Ридли в эту самую минуту не выйдет из своей калитки. И ни к чему по стенам лазать. Тем более, что из окон верхнего этажа в доме миссис Прайс Ридли

просматривается почти вся стена. Нет, вы уж мне поверьте, они прошли только так, и не иначе.

Приходилось согласиться — очевидно, он был прав.



ГЛАВА 17

На следующее утро инспектор Слэк зашел повидать меня. Мне кажется, что он наконец-то сменил гнев на милость. Может быть, со временем он позабудет даже историю с часами.

— Знаете, сэр, — начал он вместо приветствия, — а я проследил, откуда вам звонили.

— Что вы? — живо отозвался я.

— Загадочный звоночек. Звонили из домика привратника, что у Северных ворот Старой Усадьбы. А домик-то сейчас пустует — старого сторожа проводили на пенсию, новый еще не въехал.

Удобное, тихое местечко — окно сзади было открыто. На самом аппарате ни одного отпечатка — вытерли начисто. Наводит на подозрения.

— Что вы хотите сказать?

— А то, что звонили вам нарочно, чтобы убрать подальше от дома. Следовательно, убийство было обдумано заранее. Будь это просто дурацкий розыгрыш, никто не стал бы стирать отпечатки пальцев.

— Да. Логично.

— Отсюда следует и то, что убийца был хорошо знаком со Старой Усадьбой и ее окрестностями. Звонила вам не миссис Протеро. Я вызнал все ее маршруты в этот день до последней минутки. Полдюжины слуг готовы присягнуть, что она была дома до половины шестого. Шофер подал автомобиль и отвез их с полковником в деревню. Полковник зашел в ветеринару Квинтону поговорить об одной из лошадей. Миссис Протеро заказала кое-что у бакалейщика и в рыбной лавке, а оттуда задами пошла к аллее, где мисс Марпл ее и увидела. Все лавочники, как один, говорят, что при ней даже сумочки не было. Старушенция-то была права.

— Как всегда, — смиренно заметил я.

— А мисс Протеро в семнадцать тридцать была

в Мач Бенэме.

— Совершенно верно, — сказал я. — Мой племянник тоже там был.

— Значит, с ней все нормально. Прислуга тоже вне подозрений. Конечно, взвинчена, перепугана, но другого и ждать не приходится, а? Само собой, я не спускаю глаз с дворецкого — приспичило ему вдруг уходить, и вообще... Но мне сдается, что он ничего не знает.

— Мне кажется, ваша работа принесла в основном отрицательные результаты, инспектор.

— Это еще как сказать, сэр. Обнаружилась одна интересная деталь — и совершенно неожиданно, доложу я вам.

— Да?

— Помните, какую сцену закатила миссис Прайс Ридли, ваша соседка, вчера с утра пораньше? По поводу телефонного звонка?

— Да, — сказал я.

— Мы проследили, откуда звонили, просто чтобы ее утихомирить, так вот вы нипочем не угадаете, откуда был звонок.

— Из переговорного пункта? — спросил я наугад.

— Нет, мистер Клемент. Ей звонили из коттеджа мистера Лоуренса Реддинга.

— Что? — воскликнул я, пораженный.

— Любопытно, да? Сам мистер Реддинг тут ни при чем. Он в это время — в восемнадцать тридцать — направлялся с доктором Стоуном к «Голубому Кабану», на виду у всей деревни. Такой вот факт. Наводит на размышления, да? Некто вошел в пустой коттедж и позвонил по телефону — кто это был? Два подозрительных телефонных звонка в один день. Думается, что между ними должна быть связь. Провалиться мне на этом месте — звонил один и тот же человек.

— Но с какой целью?

— А вот это нам и надо выяснить. Второй звонок кажется довольно бессмысленным, но в то же время... Улавливаете связь? Звонили от мистера Реддинга. Пистолет мистера Реддинга. Все как нарочно наводит на мистера Реддинга.

— Было бы более логично, если бы *первый* звонок был сделан из его дома, — возразил я.

— Ага! Но я это хорошенько обдумал. Что делал мистер Реддинг почти каждый день? Отправлялся в Старую Усадьбу и писал мисс Протеро. От своего коттеджа он ехал на мотоцикле через Северные ворота. Теперь понимаете, почему звонили оттуда? *Убийца не знал, что мистер Реддинг больше не ездит в Старую Усадьбу.*

Я немного поразмыслил, стараясь уложить в голове доводы инспектора. Они показались мне вполне логичными, а выводы — бесспорными.

— А на трубке телефона мистера Реддинга были отпечатки пальцев? — спросил я.

— Не было, — с досадой ответил инспектор. — Эта чертова перечница, что убирает у него, успела все стереть вместе с пылью. — Он помолчал, все больше распаляясь злобой. — Старая дура, что с нее возьмешь. Не может вспомнить, когда в последний раз видела револьвер. Может, он лежал себе на месте утром в день убийства, а может, и нет. Она «не знает, ей-богу, не знает». Все они одинаковы! Говорил с доктором Стоуном, скорее для проформы, — продолжал он. — Он был сама любезность — дальше некуда. Они с мисс Крэм пошли на свой раскоп или на раскопки, как оно там называется, примерно в половине третьего и провели там почти весь день. Доктор Стоун вернулся один, а она пришла попозже. Он говорит, что выстрела не слышал, однако жалуется на свою рассеянность. Но все это подтверждает наши выводы.

— Дело за малым, — сказал я. — Вы не поймали убийцу.

— Гм-м, — откликнулся инспектор. — Вы слы-

шали по телефону женский голос. И миссис Прайс Ридли, возможно, тоже слышала женский голос. Если бы выстрел не прозвучал сразу же после звонка, уж я бы знал, где искать.

— Где?

— А! Вот этого я вам и не скажу, сэр, — так будет лучше.

Я без малейшего зазрения совести предложил выпить по стаканчику старого портвейна. У меня есть в запасе отличный марочный портвейн. В одиннадцать часов утра не принято пить портвейн, но я полагал, что для инспектора Слэка это значения не имеет. Конечно, это истинное кощунство и варварство по отношению к марочному портвейну, но тут уж не приходилось особенно щепетильничать.

«Усидев» второй стакан, инспектор Слэк оттаял и разоткровенничался. Славное все-таки винцо.

— Не то чтобы я вам не доверял, сэр, — пояснил он. — Вы же будете держать язык за зубами? Не станете трезвонить по всему приходу?

Я торжественно ему это обещал.

— Раз уж все это произошло у вас в доме, вам вроде бы положено знать, верно?

— Я с вами совершенно согласен, — сказал я.

— Так вот, сэр, что вы скажете про даму, ко-

торая навещала полковника Протеро вечером накануне убийства?

— Миссис Лестрейндж! — вырвалось у меня; я так удивился, что не умерил своего голоса.

Инспектор укоризненно взглянул на меня.

— Потише, сэр. Она самая, миссис Лестрейндж, я к ней давно приглядываюсь. Помните, я вам говорил — вымогательство.

— Едва ли оно могло стать причиной убийства. Это же глупо — убивать курицу, несущую золотые яйца. Я говорю, исходя исключительно из вашего предположения. Я лично ни на минуту этого не допускаю.

Инспектор фамильярно подмигнул мне.

— Ага! За таких, как она, джентльмены всегда стоят горой. А вы послушайте, сэр. Предположим, в прошлом исправно тянула денежки со старого джентльмена. Через несколько лет она его выслеживает и снова берется за старое дело. Однако за это время кое-что переменилось. Закон теперь другой. Все преимущества тем, кто подает в суд на вымогателя, им гарантируется, что их имя не попадет в печать. Предположим, что полковник Протеро взбеленился и заявил, что подаст на нее в суд. Она попадает в переплет. Теперь за вымогательство пощады не жди. Отольются кошке

мышкины слезки. И ей ничего не остается, как отделаться от него, да побыстрей.

Я молчал. Приходилось признать, что гипотеза, выдвинутая инспектором, была вполне допустима. На мой взгляд, только одно делало ее абсолютно неприемлемой — личные качества миссис Лестрейндж.

— Не могу согласиться с вами, инспектор, — сказал я. — Мне кажется, миссис Лестрейндж не способна заниматься вымогательством. И пусть это прозвучит старомодно, но она — настоящая леди.

Он поглядел на меня с нескрываемой жалостью.

— А, ладно, сэр, — сказал он снисходительно, — вы лицо духовное. Вы представления не имеете о том, что творится на свете. Леди, скажете тоже! Да знали бы вы о ваших согражданах то, что я знаю, вы бы рот раскрыли от изумления.

— Я говорю не о положении в обществе. Я даже готов допустить, что миссис Лестрейндж не принадлежит к светскому кругу. Но я говорю не об этом, а о личной утонченности и благородстве.

— Вы на нее смотрите другими глазами, сэр. Я — дело другое: конечно, я тоже мужчина, но при этом я офицер полиции. Со мной всякие фокусы с

личной утонченностью не пройдут! Помилуйте, да эта ваша леди из тех, кто сунет вам нож под ребро и бровью не поведет!

Как ни странно, мне гораздо легче было представить себе миссис Лестрейндж убийцей, чем вымогательницей.

— Но, само собой, она не могла одновременно звонить своей настырной соседке и убивать полковника Протеро, — продолжал инспектор.

Промолвив эти слова, инспектор вдруг с размаху, хлопнул себя по ляжке.

— Ясно! — воскликнул он. — Вот в чем цель телефонного звонка. Вроде *алиби.* Знала, что мы его свяжем с первым. Нет, я это так не оставлю. Может, она подкупила какого-нибудь деревенского парнишку, чтобы позвонил вместо нее. Он-то ни за что не догадался бы, что помогает убийце.

Инспектор вскочил и поспешно удалился.

— Мисс Марпл хочет тебя видеть, — сказала Гризельда, заглядывая в комнату. — Прислала совершенно неразборчивую записку — буковки как паутинка и сплошь подчеркнутые слова. Я даже прочесть толком не могу. Видимо, она не может выйти из дома. Беги поскорей, повидайся с ней и разузнай, что творится. Я бы и сама с тобой пошла, но с минуты на минуту нагрянут

мои старушки. Не выношу я старушек! Вечно жалуются на больные ноги и норовят еще сунуть их тебе под нос! Нам еще повезло, что на сегодня назначили следствие! Тебе не придется смотреть крикетный матч в Юношеском клубе.

Я поспешил к мисс Марпл, перебирая в уме возможные причины столь срочного вызова.

Мисс Марпл встретила меня в большом волнении, которое, мне кажется, можно было даже назвать паникой. Она вся раскраснелась и впопыхах выражала свои мысли несколько бессвязно.

— Племянник! — объяснила она. — Родной племянник, Реймонд Вест, литератор. Приезжает сегодня. Как снег на голову. И за всем я должна следить сама! Разве служанка может хорошенько выбить постель, а к тому же придется готовить что-нибудь мясное к обеду. Джентльменам нужна такая уйма мяса, не правда ли? И выпивка. Непременно должны быть в доме выпивка и сифон.

— Если я могу чем-нибудь помочь... — начал я.

— О! Вы так добры! Я не к тому. Времени предостаточно, честно говоря. Трубку и табак он привозит с собой — прекрасно, я рада, признаюсь вам. Рада — ведь не придется гадать, какие сигареты ему покупать. А с другой стороны, очень печально, что запах потом не выветривается из

гардин целыми неделями. Конечно, я открываю окна и вытряхиваю их каждое утро. Реймонд встает очень поздно — наверно, все писатели этим грешат. Он пишет очень умные книжки, хотя, я думаю, люди вовсе не такие несимпатичные, как в его книгах. Умные молодые люди так мало знают жизнь, правда?

— Не хотите ли пообедать с нами, когда он приедет? — спросил я, все еще не понимая, зачем меня сюда вызвали.

— О! Нет, благодарю вас, — ответила мисс Марпл. — Вы очень добры, — добавила она.

— Вы хотели меня видеть, — наконец не выдержал я.

— О! Конечно! Я так переполошилась, что у меня все из головы вылетело. — Она внезапно побежала к двери и окликнула служанку: — Эмили! Эмили! Не те простыни! С оборочками и вензелями — и не держите так близко к огню!

Она прикрыла дверь и на цыпочках вернулась ко мне.

— Дело в том, что вчера вечером случилось нечто интересное, — объяснила она. — Мне показалось, что вы захотите об этом узнать, хотя в тот момент я ничего не поняла. Вчера ночью мне не спалось — обдумывала это печальное событие. Я

встала и выглянула в окно. Как вы думаете, что я увидела?

Я вопросительно смотрел на нее.

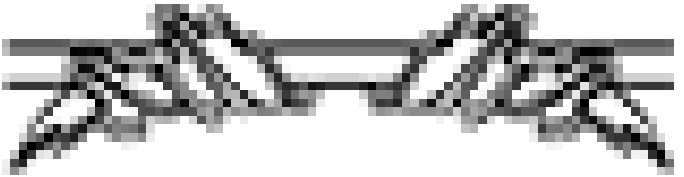
— Глэдис Крэм, — сказала мисс Марпл очень веско. — Представьте себе — она шла в лес с чемоданом!

— С чемоданом?

— Где это слыхано? Чего ради она в полночь шла в лес с чемоданом? Понимаете, — сказала мисс Марпл, — я не стану утверждать, что это связано с убийством. Но это Странное Дело! А именно сейчас мы все понимаем, что обращать внимание на Странные Дела — наш долг.

— Уму непостижимо, — сказал я. — Может быть, она решила, э-э, переночевать у раскопа, как вы полагаете?

— Нет, ночевать она там не собиралась, — сказала мисс Марпл. — Потому что вскоре она возвратилась, и чемодана при ней не было.



ГЛАВА 18

Итак, был субботний день. Следствие началось в два часа пополудни в «Голубом Кабане». Едва ли следует упоминать о том, что вся округа была в сильнейшем волнении. В Сент-Мэри-Мид убийств не случалось лет пятнадцать, если не больше. А тут еще убийство такой колоритной личности, да к тому же в доме священника, — воистину пиршество для истосковавшихся по сенсациям деревенских жителей; подобные развлечения на их долю выпадают чрезвычайно редко.

До меня доносились обрывки разговоров, едва

ли предназначенные для моих ушей.

— Вон викарий. Уж очень он сегодня бледный, а? Как знать, может, и он к этому руку приложил. Кто, как не он, — в своем-то доме...

— Постыдитесь, Мэри Адамс! Он же в это время ходил к Генри Эбботту!

— Мало ли что! Все говорят, что они с полковником не поладили. А вон и Мэри Хилл. Ишь как нос задирает, а все потому, что она у них в прислугах. Ш-ш-ш! Следователь!

Коронером был назначен доктор Робертс из соседнего городка Мач Бенэм. Он откашлялся, поправил очки и напустил на себя важный вид.

Излагать все показания подробно не имеет смысла. Лоуренс Реддинг рассказал, как он обнаружил труп и опознал пистолет, подтвердив, что оружие принадлежит ему. Насколько он может вспомнить, в последний раз он видел его во вторник, за два дня до убийства. Держал он его на полке в коттедже, который никогда не запирался.

Миссис Протеро показала, что видела своего мужа примерно без четверти шесть, когда они расстались на главной улице в деревне. Она пошла в дом священника примерно в четверть седьмого, по аллее, через садовую калитку. Она

не слышала голосов в кабинете и подумала, что там никого нет; вполне возможно, что ее муж сидел у письменного стола, но и в этом случае она не могла бы его видеть. Насколько она может судить, он был в добром здравии и обычном настроении. Она не знает ни одного личного врага, который мог бы злоумышлять против него.

После нее давал показания я; я рассказал о назначенном свидании с Протеро и о том, как меня вызвали к Эбботту. Я изложил обстоятельства, при которых нашел мертвое тело, и сказал, что тут же вызвал доктора Хейдока.

— Сколько человек, мистер Клемент, знали о том, что полковник Протеро собирается вечером нанести вам визит?

— Великое множество, должен сказать. Знали моя жена, мой племянник, и сам полковник упомянул об этом утром, когда мы с ним встретились в деревне. Многие могли слышать, мне кажется, поневоле, так как полковник был глуховат и говорил очень громко.

— Значит, это было общеизвестно? Об этом мог знать любой из здешних жителей?

Я ответил утвердительно.

За мной настала очередь Хейдока. Это был очень важный свидетель. Он подробно и про-

фессионально описал положение и состояние тела и нанесенные повреждения. По его мнению, покойный был убит в интервале от 18:20 до 18:30, никак не позже 18:35. Это граница возможного, категорически настаивал он. О самоубийстве речи быть не может, расположение пулевого отверстия исключает такую возможность.

Инспектор Слэк говорил скупо и кратко. Он рассказал, как был вызван, и описал обстановку, при которой нашел тело. Представил незаконченную записку и отметил, что время на ней проставлено: 18:20. Упомянул о настольных часах. Подразумевалось, что время смерти — 18:22. Позднее Анна Протеро мне сказала, что ей посоветовали показать время своего прихода несколько ранее 18:20.

Следующим свидетелем — и довольно непокладистым — была наша служанка Мэри. Ничего она не слыхала и слышать не хочет. Как будто джентльменов, навещавших викария, каждый раз расстреливали в упор. Ничего подобного. У нее своей работы выше головы. Полковник Протеро пришел точно в четверть седьмого. С чего это она станет смотреть на часы? Слышала звон с церковной колокольни, как раз когда провела полковника в кабинет. Выстрела не слышала.

А был бы выстрел, так она уж услышала бы. Конечно, она знает, что выстрел должен был быть, раз джентльмена застрелили на месте, но так уж оно вышло. Она никакого выстрела не слышала, и все тут.

Следователь не настаивал больше. Я догадался, что он и полковник Мельчетт договорились обо всем заранее.

Миссис Лестрейндж была вызвана на следствие повесткой; но было представлено медицинское свидетельство за подписью доктора Хейдока, что она по состоянию здоровья присутствовать не может.

Остался еще один свидетель, точнее свидетельница, — старушка с трясущейся головой. Та самая, которая, по выражению Слэка, «убиралась» у Лоуренса Реддинга.

Миссис Арчер был предъявлен пистолет, и она опознала его как тот самый, что она видела в гостиной у мистера Реддинга: «Он у него валялся на полке, в шкафу». В последний раз она видела оружие в день убийства. Да, ответила миссис Арчер на дальнейшие расспросы, она совершенно уверена, что пистолет был на месте во время ланча в четверг — без четверти час, когда она уходила.

Вспомнив, что мне говорил инспектор, я немно-

го удивился. Как бы она ни путалась, когда он ее допрашивал, на следствии она говорила с полной уверенностью.

Следователь сделал краткие, но весьма убедительные выводы, в основном по отсутствию улик. Вердикт был вынесен без промедления: «Преднамеренное убийство неизвестным лицом или группой лиц».

Выходя из комнаты, я обратил внимание на небольшую группу бойких молодых людей с блестящими пытливыми глазами, чем-то похожих друг на друга. Нескольких я узнал — это они осаждали мой дом последние дни. Я тут же ретировался обратно в недра «Голубого Кабана» и, на свое счастье, лицом к лицу столкнулся с археологом, доктором Стоуном. Я без церемоний уцепился за него.

— Газетчики! — шепнул я отрывисто, но выразительно. — Не могли бы вы избавить меня от их когтей?

— Охотно, мистер Клемент! Пойдемте со мной наверх.

Он провел меня по узкой лестнице в свою гостиную, где сидела мисс Крэм, с пулеметной скоростью тарахтевшая на пишущей машинке. Она встретила меня ослепительной улыбкой и

тут же воспользовалась возможностью прервать работу.

— Жуть, правда? — сказала она. — То есть жутко — не знать, кто убийца. А следствие — какой в нем толк? Тоска и преснятина, вот как это называется. Ни капельки пикантности, ну ни капельки.

— Значит, вы там присутствовали, мисс Крэм?

— Присутствовала, можете быть уверены. А вы меня и не заметили — вот это да! Надо же — не заметить меня! Я и обидеться могу, имейте в виду. Джентльмен, даже если он священник, должен иметь зоркие глаза.

— А вы тоже там были? — спросил я доктора Стоуна, пытаясь уклониться от кокетливого поддразнивания. Юные особы типа мисс Крэм всегда вызывают у меня чувство неловкости.

— Нет. Каюсь. Меня нисколько не интересуют подобные вещи. Я из тех чудаков, которые ничего не замечают, кроме собственного хобби.

— Должно быть, хобби весьма интересное, — сказал я.

— Вы, очевидно, имеете об этом некоторое представление?

Я был вынужден признаться, что ни малейшего представления об археологии не имею.

Да, доктор Стоун был не из тех, кого может

охладить признание в невежестве. Можно было подумать, что я признался в том, что моя единственная отрада — копаться в земле. Он нырнул в свою стихию, взлетая на волнах собственного красноречия. Продольные разрезы, круговые раскопки, каменный век, бронзовый век, гробницы и кромлехи[16] — все это лилось из его уст бурным потоком. Мне оставалось только кивать головой, сохраняя умный вид, — последнее, боюсь, мне плохо удавалось. Доктор Стоун несся на всех парусах. Это был маленький человечек. Голова круглая, совершенно лысая, лицо круглое и румяное, глаза так и сияли за толстыми линзами очков. Мне не случалось встречать человека, который впадал бы в такое неистовство без всякой видимой причины. Он перебрал все доводы за и против своей излюбленной теории — кстати сказать, я так и не понял, в чем она заключается!

Он долго и подробно распространялся о своих спорах с полковником Протеро.

— Самовлюбленный невежда, — в пылу увлечения воскликнул он. — Да, я знаю, он мертв, а

---

[16] notes: 16

К р о м л е х и — ритуальные сооружения, использовались вероятнее всего, для погребальных церемоний, относятся главным образом к эпохе бронзового века и представляют собой огромные, отдельно стоящие камни, образующие концентрические окружности вокруг площадки в центре.

о мертвых плохого не говорят. Но даже смерть не влияет на факты. Самовлюбленный невежда — это точная характеристика. Только потому, что он просмотрел пару книжонок, он осмеливался спорить на равных с человеком, который всю жизнь посвятил этой теме. Мистер Клемент, я отдал этой работе всю свою жизнь. Всю свою жизнь я...

Он брызгал слюной от возбуждения. Глэдис Крэм вернула его к земным делам одной короткой фразой.

— Смотрите, как бы вам не опоздать на поезд, — спокойно заметила она.

— О! — Маленький человечек запнулся на полуслове и вытащил из кармана часы. — Ну и ну! Без четверти! Быть не может!

— Как начинаете говорить, так все на свете забываете. Что бы с вами стало, если бы я за вами не присматривала, — не представляю!

— Вы правы, моя прелесть, совершенно правы. — Он нежно потрепал ее по плечу. — Золото, а не девушка, мистер Клемент. Никогда ничего не забывает. Мне сказочно повезло, что я ее нашел.

— Ох! Да будет вам, доктор Стоун, — ответила юная леди. — Вы меня вконец разбалуете!

Я не мог не признаться себе, что мнение второй

группы — той, что предсказывает законный брак между доктором Стоуном и мисс Крэм, — получает в моем лице поддержку, подкрепленную личными впечатлениями. Мне подумалось, что мисс Крэм по-своему очень умная молодая женщина.

— Поторапливайтесь, а то опоздаете, — сказала мисс Крэм.

— Да, мне пора, решительно пора.

Он скрылся в соседней комнате и вышел с чемоданом в руках.

— Вы уезжаете? — спросил я, несколько удивленный.

— Хочу съездить в город на пару деньков, — ответил он. — Завтра надо повидать старушку-мать, а в понедельник — поговорить с моими поверенными. Вернусь во вторник. К слову сказать, я надеюсь, смерть полковника Протеро ничего не изменит в наших делах. Я имею в виду раскоп. Миссис Протеро не станет возражать, если мы продолжим работу?

— Я полагаю, что не станет.

Его слова заставили меня задуматься над тем, кто станет распоряжаться в Старой Усадьбе. Вполне возможно, что Протеро завещал ее Летиции. Я подумал, что было бы интересно озна-

комиться с завещанием Протеро.

— Уж если что и переворачивает все в доме вверх дном, так это смерть, — заметила мисс Крэм с мрачным удовлетворением. — Рассказать — не поверите, какие жуткие склоки иногда поднимаются.

— Ну, мне пора, мне пора. — Доктор Стоун тщетно пытался удержать в руках одновременно чемодан, большой плед и громадный зонтик. Я бросился на помощь. Он запротестовал:

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь. Я прекрасно справлюсь сам. Внизу мне, конечно, кто-нибудь поможет.

Но внизу не обнаружилось ни коридорного, ни «кого-нибудь» вообще. Я думаю, они угощались за счет представителей прессы. Время бежало, и мы вдвоем поспешили на вокзал; доктор Стоун нес чемодан, а я — плед и зонтик. Пыхтя и отдуваясь, доктор Стоун отрывисто бросал рубленые фразы:

— Вы очень добры, неловко вас затруднять... Только бы не опоздать на поезд. Глэдис славная девушка — просто чудесная девушка — ангельский характер — боюсь, дома не все гладко, — душа детская — совершенно детская. Уверяю вас, несмотря на разницу в возрасте, у нас много общего...

Поворачивая к вокзалу, мы увидели коттедж Лоуренса Реддинга. Он находится на отлете, рядом домов нет. Я заметил, что два щеголеватых молодых человека стоят на крыльце, а два других заглядывают в окна. У прессы выдался горячий денек.

— Славный малый этот молодой Реддинг, — заметил я, чтобы услышать мнение своего спутника.

Доктор в это время окончательно запыхался и едва мог говорить, он бросил одно слово, которое я не расслышал.

— Опасный, — выдохнул он, когда я переспросил.

— Опасный?

— Очень опасный. Неопытные девушки — откуда им знать — попадаются на удочку, такие субъекты вечно увиваются вокруг женщин... Добра не ждите.

Из этих слов я сделал вывод: единственный молодой мужчина в деревне не остался не замеченным прекрасной Глэдис.

— Боже! — воскликнул доктор Стоун. — Мой поезд!

Мы уже были невдалеке от вокзала и сделали последний рывок. Поезд в город стоял на станции,

а лондонский как раз подходил.

В дверях кассы мы столкнулись с довольно изысканным молодым человеком, и я узнал племянника мисс Марпл, только что прибывшего к нам. Я полагаю, что этому молодому человеку не очень нравится, когда с ним кто-то сталкивается в дверях. Он гордится своим самообладанием и невозмутимостью, а попробуйте остаться невозмутимым, когда на вас кто-то вульгарнейшим образом натыкается в дверях. Я на ходу извинился, и мы протиснулись. Доктор Стоун вскочил на подножку, а я передал ему его вещи, и поезд, норовисто дернувшись, неохотно пополз вперед.

Я помахал ему вслед и повернулся. Реймонд Вест уже ушел, но наш местный аптекарь, гордо носящий имя Херувим, тоже направлялся в деревню. Я пошел с ним рядом.

— Чуть было не упустили, — заметил он. — Ну, скажите, мистер Клемент, как прошло следствие?

Я сообщил ему вердикт.

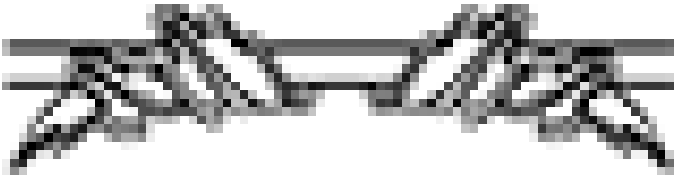
— А! Вот оно как. Так я и думал. А куда спешил доктор Стоун?

Я передал ему то, что сам слышал от доктора Стоуна.

— Еще повезло, что поспел на поезд. Хотя на

нашей дороге точности не дождешься. Говорю вам, мистер Клемент, — вопиющее безобразие! Мой поезд опоздал на десять минут. И это в субботу, когда и движения никакого нет. А в среду — нет, в четверг, — да, точно в четверг, помню, это было в день убийства, потому что я собирался написать жалобу в правление железнодорожной компании — в самых сильных выражениях — из-за убийства все из головы вылетело, так вот, в четверг это и было. Я был на собрании Общества фармакологов. Как вы думаете, на сколько опоздал поезд «18:50»? *На полчаса.* Целых полчаса! Ну, что вы на это скажете? Десять минут — это еще куда ни шло. Если поезд прибывает в семь двадцать, то домой раньше половины восьмого не попадешь. Вот я и говорю: к чему тогда называть этот поезд — «18:50»?

— Совершенно верно, — сказал я и, не желая дальше выслушивать этот возмущенный монолог, воспользовался случаем и ускользнул поговорить с Лоуренсом Реддингом, который как раз шел нам навстречу по другой стороне улицы.



ГЛАВА 19

— Очень рад вас видеть, — сказал Лоуренс. — Милости прошу ко мне.

Мы свернули к низенькой деревенской калитке, прошли по дорожке к двери, которую он отпер, вынув ключ из кармана.

— Вы стали запирать дверь, — заметил я.

— Да. — Он невесело рассмеялся. — Что толку запирать конюшню, когда коня свели, верно? Похоже на то. Знаете ли, падре, — он придержал дверь, пропуская меня вперед, — во всей этой истории есть что-то, что мне сильно не нравится.

Слишком смахивает на — как бы это сказать — на семейное дело. Кто-то знал все про мой пистолет. А это значит, что убийца — кто бы он ни был — заходил ко мне в дом, может, мы с ним даже пили вместе.

— Это вовсе не обязательно, — возразил я. — Вся деревня Сент-Мэри-Мид может в точности знать, где вы держите свою зубную щетку и каким порошком чистите зубы.

— А что в этом интересного?

— Не знаю, — сказал я. — Их интересует все. Стоит вам переменить крем для бритья, и это станет темой для пересудов.

— Должно быть, они просто задыхаются без новостей.

— Ваша правда. Здесь никогда не случается ничего интересного.

— Ну что ж. Зато теперь у них интересного с лихвой.

Я согласился.

— А кто им выбалтывает все секреты? Про крем для бритья и прочие подробности.

— Должно быть, старая миссис Арчер.

— Старая карга? Да она вообще полоумная, я давно заметил.

— Всего лишь уловка, камуфляж для бедняков,

— объяснил ему я. — Они прячутся за маской идиотизма. Стоит присмотреться, и окажется, что старушка не глупее нас с вами. Кстати, она с уверенностью утверждает, что пистолет лежал на своем месте еще в полдень в четверг. Отчего она вдруг обрела такую уверенность?

— Хотел бы я знать!

— А как вы считаете, она правду говорит?

— Не имею ни малейшего понятия. Я же не делаю полную инвентаризацию своего имущества каждый божий день!

Я обвел взглядом тесную комнату. На полках и на столе громоздились самые разные вещи. Лоуренс спокойно жил среди такого артистического беспорядка, который меня свел бы с ума, и очень скоро.

— Иногда не так-то просто отыскать нужную вещь, — сказал он, поймав мой взгляд. — А если посмотреть с другой стороны — все под рукой, ничего не запрятано.

— Да, ничего не запрятано, — сказал я. — Может, было бы все-таки лучше, если бы пистолет был запрятан подальше.

— Знаете, а я ждал, что следователь тоже скажет что-нибудь такое. Эти следователи — настоящие ослы. Думал, он выразит мне порицание, или как

там это называется.

— Кстати, — спросил я, — а он был заряжен?

Лоуренс покачал головой.

— Я все же не настолько беспечен. Он не был заряжен, но рядом лежала коробка с патронами.

— Как оказалось, все шесть гнезд были заряжены и произведен единственный выстрел.

Лоуренс кивнул.

— Кто же это сделал? Все как будто уладилось, сэр, но ведь, если не найдут настоящего убийцу, меня будут считать преступником до самой моей смерти.

— Не надо так говорить, мой мальчик.

— Но ведь я прав.

Он погрузился в молчание, задумчиво нахмурившись. Наконец он встал и сказал:

— Не забыть бы рассказать вам, чего я достиг вчера вечером. Знаете, старая мисс Марпл кое в чем разбирается.

— И, насколько я понимаю, именно поэтому не пользуется всеобщей симпатией.

Лоуренс продолжал свой рассказ.

По совету мисс Марпл он отправился в Старую Усадьбу. Там он с помощью Анны побеседовал с горничной. Анна просто сказала:

— Роза, мистер Реддинг хочет задать вам

несколько вопросов.

И вышла из комнаты.

Лоуренс слегка нервничал. Роза, хорошенькая девушка двадцати пяти лет, смотрела ему в глаза простодушным взглядом, который его немного смущал.

— Это — это касается смерти полковника Протеро.

— Слушаю, сэр.

— Мне совершенно необходимо, понимаете ли, выяснить всю правду.

— Да, сэр.

— Я чувствую, что, может быть... что кто-нибудь мог... что по случайности...

Тут Лоуренс понял, что отнюдь не выглядит героем, и про себя стал от всей души проклинать и мисс Марпл, и ее предположения.

— Короче — не могли бы вы мне помочь?

— Да, сэр?

Роза по-прежнему держалась, как образцово вышколенная горничная, вежливая, готовая услужить, но совершенно равнодушная.

— Черт побери, — сказал Лоуренс, — неужели вы не обсуждали это дело у себя, в комнате для прислуги?

Это неожиданное нападение немного расше-

велило Розу. Ее безукоризненное самообладание поколебалось.

— В комнате для прислуги, сэр?

— Ну, в комнате экономки, в каморке у лакея, где угодно, где вы собираетесь поболтать. Есть же у вас *такое* место.

Роза чуть не захихикала, и Лоуренс приободрился.

— Послушайте, Роза, вы чертовски славная девушка. Я уверен, что вы поймете мои чувства. Мне не хочется болтаться в петле. Я не убивал вашего хозяина, а многие думают, что я — убийца. Пожалуйста, помогите мне, если можете.

Могу себе представить, что в эту минуту Лоуренс был неотразим. Красивая голова откинута назад, в синих, как небо, глазах мольба. Роза растаяла и капитулировала.

— О, сэр — честное слово — мы все хотели бы вам помочь. Никто из нас не думает на вас, сэр. Честное слово, никто!

— Это я знаю, дорогая моя девочка, но ведь вы — не полиция.

— Полиция! — Роза встряхнула головкой. — Одно вам скажу, сэр, — всем нам не по душе этот инспектор. Слэк, так его кажется, зовут. Тоже мне полиция!

— И все-таки у полиции все козыри в руках. Ну, Роза, ты сказала, что готова мне помочь. Мне все время кажется, что мы еще далеко не все знаем. Например, про ту даму, которая была у полковника Протеро вечером накануне убийства.

— Миссис Лестрейндж?

— Вот-вот, миссис Лестрейндж. Я думаю, что в этом посещении кроется какая-то тайна.

— Да, сэр, мы все так думаем.

— Правда?

— Приходит вот так, без предупреждения. Спрашивает полковника. Само собой, мы только об этом и говорили, и никто у нас здесь ничего о ней не знает. И миссис Симмонс — это наша экономка, сэр, — она прямо говорит, что будто эта женщина не из порядочных. Но когда я услышала, что сказала Глэдди, я прямо не знала, что и подумать.

— А что сказала Глэдди?

— Ой! Ничего, сэр. Просто — болтала, как все, сами знаете.

Лоуренс внимательно смотрел на нее. Он чувствовал, что она что-то скрывает.

— Трудно себе представить, о чем она говорила с полковником Протеро.

— Да, сэр.

— Сдается мне, ты кое-что знаешь, Роза?

— Я? Да бог с вами, сэр. Честное благородное слово! Откуда мне знать?

— Послушай меня, Роза. Ты сама сказала, что поможешь мне. Если ты случайно слышала что-нибудь — хоть одно словцо — может, это показалось пустяком, но хоть что-нибудь... Я буду тебе благодарен до самой смерти. В конце концов, кто угодно мог случайно — чисто *случайно* — что-нибудь подслушать.

— Я ничего не подслушивала, сэр, ей-богу, не подслушивала! Как можно?

— Значит, кто-то другой подслушал, — не давал ей опомниться Лоуренс.

— Прямо не знаю, сэр...

— Прошу, скажи мне, Роза.

— Не знаю, что скажет Глэдди, прямо не знаю.

— Она разрешила бы сказать мне. А кто это — Глэдди?

— Наша судомойка, сэр. Понимаете, она только вышла поговорить с приятелем, и ей надо было пройти как раз под окном — под окном кабинета, — где был хозяин и эта дама. А он, конечно, говорил во весь голос — наш хозяин всегда говорил очень громко. И, само собой, ей это показалось любопытным, то есть...

— Само собой, естественно, — подхватил Ло-

уренс. — Тут уж ничего не поделаешь — любой стал бы слушать.

— Но, конечно, она никому не сказала, только мне. И мы с ней обе решили, что это странное дело. Но Глэдди ничего сказать не могла, потому что знали, что она вышла поговорить с дружком, а уж тут... тут ей влетело бы от миссис Пратт — это повариха, сэр. Но я уверена, что вам она бы все рассказала, с охотой, сэр.

— А что? Может, мне пойти на кухню, поговорить с ней?

При одной мысли об этом Роза пришла в ужас.

— О! Нет, сэр, никак нельзя! Глэдди у нас и без того пугливая.

Наконец дело было улажено — после долгого обсуждения особо щекотливых моментов. Было назначено подпольное свидание в саду, где кусты погуще.

Здесь Лоуренс и повстречался с пугливой Глэдди, которая, по его словам, смахивала скорее на трясущегося кролика, чем на человеческое существо. Минут десять он потратил на то, чтобы слегка ее успокоить, — Глэдис же дрожала и уверяла, что она ни за что на свете, что как же можно, и что она не ожидала, что Роза ее выдаст, что она никому не желала зла, ей-богу, не жела-

ла, и что ей несдобровать, если дойдет до самой миссис Пратт.

Лоуренс ее успокаивал, умасливал, уговаривал; наконец Глэдис решилась говорить.

— Если вы обещаете, что дальше не пойдет, сэр.

— Само собой, я никому не скажу.

— И меня за это не притянут к ответу в суде?

— Ну что ты!

— А хозяйке не скажете?

— Ни под каким видом.

— А если дойдет до миссис Пратт...

— Ни в коем случае. Ну, говори же, Глэдис.

— А вы уверены, что можно?

— Можно, уверен. Когда-нибудь ты сама будешь рада, что спасла меня от петли.

Глэдис негромко взвизгнула.

— Ой! Да что вы, сэр, боже упаси! Да ведь я слышала совсем мало и по чистой случайности, вы понимаете...

— Понимаю.

— Хозяин-то, он сердился, ясное дело. «Через столько лет» — так и говорит, — «вы осмелились сюда прийти — это неслыханное оскорбление». Что леди говорила, мне было не слыхать, но он на это сказал: «Я отказываюсь наотрез, катего-

рически» — все я не запомнила, но они так уж ругались, она у него что-то просит, а он — ни в какую. «Позор, что вы сюда явились» — вот что он еще говорил, и: «Вы не смеете с ней видеться, я вам запрещаю», — тут я и навострила уши. Похоже, что леди собиралась кое-что порассказать миссис Протеро, а он боялся, как бы чего не вышло. Я себе и говорю: «Подумать только! Вот тебе и хозяин. Такой придира. А сам-то, может, коли во всем разобраться, сам-то он не больно хорош. Подумать только», — говорю. «Все мужчины одинаковы», — так я и сказала своему дружку после того. Он не соглашался, ни за что. Спорил, да еще как. Но он тоже сказал, что удивляется полковнику Протеро — он у нас и церковный староста, и с кружки глаз не спускает, и в воскресной школе уроки дает. «Это самое плохое и есть», — я ему говорю. Сколько раз мне матушка говаривала, что в тихом омуте черти водятся.

Глэдди умолкла, запыхавшись, и Лоуренс попытался тактично вернуть ее к началу разговора.

— А еще что ты слышала?

— Да всего ведь и не упомнишь, сэр. Все одно и то же. Раз или два он сказал: «Не верю». Вот так: «Мало ли что Хейдок говорит, а я не верю».

— Так он и сказал: «Мало ли что Хейдок гово-

рит»?

— Да, так и сказал. И еще сказал, что все это — сговор.

— А ты совсем не слышала, что говорила леди?

— Только в самом конце. Наверное, она встала и подошла поближе к окну. И я слышала, что она сказала. У меня вся кровь застыла, ей-богу. Никогда этого не забуду. *«Может быть, в этот час, завтра вечером, Вас уже не будет в живых»* — вот что она сказала. С такой злобой. Я как только услышала про убийство, так и сказала Розе: «Вот! Что я тебе говорила?»

Лоуренс задумался. Он пытался сообразить, насколько можно верить рассказу Глэдис. Она не врала, но он подозревал, что рассказ был сильно приукрашен и отшлифован после убийства. Особенно он сомневался в том, что она точно передала последнюю фразу. Он опасался, что своим появлением на свет эта фраза обязана совершившемуся убийству.

Он поблагодарил Глэдис, поблагодарил ее как положено, уверил, что никто не расскажет о ее проступках миссис Пратт, и покинул Старую Усадьбу. Ему было над чем поразмыслить.

Ясно было одно: беседа полковника Протеро с миссис Лестрейндж носила отнюдь не мирный

характер, и он боялся, что об этом узнает его жена.

Я вспомнил о церковном старосте, про которого рассказывала мисс Марпл, — о его двойной жизни. Неужели и тут нечто подобное?

Мне очень хотелось знать, при чем тут Хейдок? Он избавил миссис Лестрейндж от необходимости давать показания на следствии. Он сделал все, от него зависящее, чтобы защитить ее от полиции.

Насколько далеко мог он зайти в своем стремлении ее выгородить?

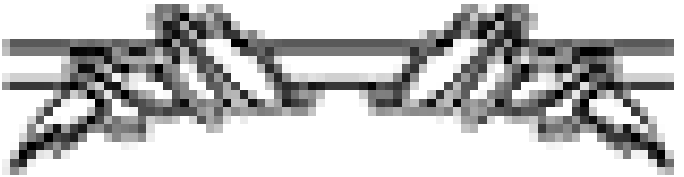
Предположим, он подозревал в ней убийцу. Стал бы он, несмотря на это, защищать ее до конца?

Эта необыкновенная женщина обладала поразительным, неотразимым обаянием. Я сам всеми силами противился даже мысли о том, что она могла совершить преступление.

Сердце говорило мне: «Она на это не способна!»

А бесенок в моем мозгу возражал: «Ну да, и только потому, что она на редкость красивая и привлекательная женщина!»

Как сказала бы мисс Марпл, такова уж человеческая натура.



ГЛАВА 20

Возвратившись домой, я угодил в эпицентр домашней трагедии.

Гризельда выбежала в холл со слезами на глазах, увлекла меня в гостиную и сказала:

— Она уходит.

— Кто уходит?

— Мэри. Она уже предупредила.

Честно говоря, я не видел в этом сообщении ничего ужасного.

— Что ж, — сказал я, — придется нанять другую прислугу.

По-моему, это был совершенно естественный ход мыслей. Когда одна прислуга уходит, вы нанимаете другую. Я не понимал, почему Гризельда смотрит на меня так укоризненно.

— Лен, ты — бессердечное существо. Тебе *все равно.*

Вот этого я бы не сказал. Напротив, я чувствовал, что сердце мое встрепенулось от радости при мысли о том, что кончится эра подгорелых пудингов и недоваренных овощей.

— Мне придется искать девушку, пока ее еще найдешь, а потом надо будет ее еще вышколить, — сказала Гризельда, и в ее голосе слышалась острая жалость к своей горькой участи.

— А разве Мэри вышколена? — спросил я.

— Ну конечно!

— Тогда, наверное, — предположил я, — кто-нибудь услышал, как она все время вежливо говорит «сэр» или «мадам», и тут же решил похитить у нас сей образец для всех служанок. Мне только остается сказать, что их ждет разочарование.

— Да не в том дело, — сказала Гризельда. — Никому она пока не нужна. И никто ее у нас никогда не переманит, не беспокойся. Дело в ее оскорбленных чувствах. Она очень близко приняла к сердцу, когда Летиция Протеро сказала, что она

плохо вытирает пыль.

Гризельда часто поражает меня неожиданными заявлениями, но это оказалось настолько неожиданным, что я даже усомнился в его истинности. Никто на свете не заставит меня поверить, что Летиция Протеро снизошла до того, чтобы входить в наши домашние дела и попрекать нашу служанку за неряшливость. Это было совершенно не в духе Летиции, так я и сказал Гризельде.

— Не усматриваю ни малейшей связи между Летицией Протеро и нашей пылью, — сказал я.

— И я тоже, — сказала моя жена. — Это вопиющая нелепость. Пожалуйста, поговори с Мэри сам. Она на кухне.

Мне вовсе не хотелось беседовать с Мэри на эту тему, но Гризельда — она удивительно энергична и порывиста — буквально втолкнула меня в кухню, прежде чем я успел взбунтоваться.

Мэри чистила картофель над раковиной.

— Э-э... добрый день, — неуверенно сказал я.

Мэри взглянула на меня и фыркнула носом, иного ответа я от нее не дождался.

— Миссис Клемент сказала мне, что вы выразили желание нас покинуть.

На это обращение Мэри соблаговолила ответить.

— Бывает такое, — сказала она угрюмо, — чего порядочная девушка нипочем не потерпит.

— Не скажете ли вы мне, что, собственно, вас так огорчило?

— Дело нехитрое, — скажу в двух словах. (Должен заметить, что она сильно недооценила свои возможности.) Шляются тут разные, вынюхивают за моей спиной. Всюду суют свой нос. Да какое ей дело, когда я мету или пыль вытираю? Раз вы и хозяйка довольны, пусть другие-прочие не лезут. Коли я вам угодила, тут и говорить больше не о чем, я так считаю.

Что касается меня, то мне Мэри никак не могла угодить. Признаюсь, я вижу в мечтах комнату, которую аккуратно прибирают каждое утро — стирают всюду пыль, ставят вещи на место... У Мэри свой метод — смахнуть пыль на самых видных местах, например на столе, — и мне он кажется крайне несовершенным. Однако в тот момент я понимал, что не время обсуждать второстепенные вопросы.

— И на следствие меня вытащили, да? Выставили перед двенадцатью мужчинами такую порядочную девушку, как я! А поди догадайся, какие вопросы они вздумают задавать! Я вам одно скажу. Я никогда не жила в доме, где произошло

смертоубийство, и впредь не собираюсь.

— Надеюсь, вам и не придется, — сказал я. — По закону вероятностей, это вряд ли повторится.

— Мне законы ни к чему. Это *он* был мировым судьей. Сколько хороших людей засадил за решетку только за то, что они несчастного кролика словят себе на обед, не то что он, — фазаны и прочая живность, — палит из ружья потехи ради! Мало того, не успели его похоронить, как эта его дочка заявляется сюда и говорит, что я не умею свою работу справлять!

— Вы хотите сказать, что мисс Протеро была здесь?

— Была! Прихожу из «Голубого Кабана» и вижу — здесь. В кабинете вашем. И говорит: «Ой! — так она говорит. — Я ищу мой маленький желтенький беретик — шляпку такую, желтую. Я вчера ее тут позабыла». — «Вот что, — я ей говорю, — никакой такой шляпки я в глаза не видела. Ее тут не было, когда я убиралась утром в четверг», — говорю, — а она опять: «Ой! — говорит, — я полагаю, что вы ее не заметили. Вы ведь тут на скорую руку убираете, верно?» И проводит пальцем по каминной доске и сует его себе под нос. Как будто у меня было время снимать все безделушки, а потом ставить обратно — это в то

самое утро, а полиция отперла кабинет только к ночи. «Раз хозяин с хозяйкой мною довольны, тут и говорить больше не о чем, мисс», — говорю. А она как засмеется: «Ой! А вы уверены, что они довольны?» — говорит. С тем и ушла.

— Теперь понятно, — сказал я.

— Вот видите! Разве я бесчувственная какая? Да я, честное слово, готова себе пальцы до кости стереть, только бы вы с хозяйкой были довольны. А когда она задумает приготовить какое-нибудь новомодное блюдо, я всегда стараюсь ей угодить.

— Я знаю, вы стараетесь, — успокоил ее я.

— Но она, видно, что-то слышала, а то бы не стала такое говорить. А коли я вам не угодила, уж лучше мне уйти. Вовсе не потому, что я ей верю, этой мисс Протеро. В Усадьбе ее не очень-то любят, скажу я вам. Чтобы сказать «пожалуйста» или «спасибо» — это нет, а вещи направо-налево раскидывать — это сколько угодно. Не стала бы я и внимания обращать на эту мисс Летицию Протеро, а вот мистер Деннис по ней сохнет. Это она умеет — обвести молодого джентльмена вокруг пальца, она такая.

Увлекшись своими обличениями, Мэри выковыривала глазки из картофеля так энергично, что они летали по кухне, стуча, как частый град.

Один из них попал мне прямо в глаз, и это вызвало небольшую паузу.

— Вам не кажется, — сказал я, прижимая платок к глазу, — что вы слишком близко к сердцу принимаете совсем безобидные слова? Видите ли, Мэри, хозяйка будет очень огорчена, если вы от нас уйдете.

— Против хозяйки я ничего не имею, и против вас тоже, сэр, если уж на то пошло.

— Ну вот и хорошо. Сознайтесь, что вы вспылили из-за пустяков, а?

Мэри зашмыгала носом.

— Я была прямо сама не своя после следствия, и вообще... Не бесчувственная же я, на самом деле. Но хозяйку обижать я не стану.

— Значит, все в порядке, — сказал я.

Я вышел из кухни. Гризельда и Деннис поджидали меня в холле.

— Ну как? — воскликнула Гризельда.

— Она остается, — сказал я со вздохом.

— Лен, — сказала моя жена, — ты *такой* умница!

Я в душе никак не мог с ней согласиться. Разве умные люди так поступают... Я твердо уверен, что на всем белом свете не сыщешь служанки хуже Мэри. Я прекрасно понимал, что любая перемена

была бы переменой к лучшему.

Но мне было приятно порадовать Гризельду. Я подробно изложил обстоятельства, разобидевшие Мэри.

— Похоже на Летицию, — сказал Деннис. — Она и не могла оставить свой желтый беретик здесь в среду. Она в нем пришла на теннис в четверг.

— С нее станется, — заметил я.

— Никогда не помнит, куда что бросила, — сказал Деннис с совершенно необоснованной, на мой взгляд, нежностью, словно тут было чем гордиться. — Теряет с дюжину вещей каждый день.

— Необычайно привлекательная черта, — произнес я.

Но Деннис не заметил никакого сарказма.

— Да, она *очень* привлекательна, — сказал он, глубоко вздохнув. — Ей все время делают предложения, она сама мне сказала.

— Если это происходит здесь, предложения незаконные — у нас нет ни одного неженатого мужчины, — сказал я.

— А доктор Стоун? — сказала Гризельда, глаза у нее так и искрились лукавством.

— Верно — он приглашал ее позавчера посмотреть на раскопки, — сказал я.

— Как же иначе? — сказала Гризельда. — Она

очень привлекательная, Лен. Даже лысые археологи это чувствуют.

— Жутко сексапильная, — изрек Деннис с видом знатока.

Однако Лоуренс Реддинг явно устоял перед очарованием Летиции. Гризельда и этому нашла очень убедительное объяснение и с уверенностью в своей правоте изложила его нам.

— У Лоуренса у самого сексапильности — хоть отбавляй. Таким мужчинам обычно нравятся — как бы это сказать — квакерши, понимаете? Замкнутые скромницы. Таких женщин все почему-то считают холодными. Мне кажется, единственная женщина, которая могла пленить и удержать Лоуренса, — это Анна Протеро. Я уверена, что они никогда друг другу не наскучат. И все-таки он сделал одну глупость, по-моему. Понимаете — он как-то воспользовался чувствами Летиции. Не думаю, чтобы он догадывался о них — ему это и в голову не пришло, он иногда проявляет скромность, но я чувствую, что она в него влюблена.

— Она терпеть его не может, — с непререкаемым апломбом заявил Деннис. — Сама мне сказала.

Никогда не слышал такого сочувственного мол-

чания, каким Гризельда ответила на эти слова.

Я пошел к себе в кабинет. Меня до сих пор охватывал озноб, когда я переступал его порог. Необходимо было преодолеть это ощущение. Я знал, что если я не справлюсь с собой, то уже никогда не смогу пользоваться кабинетом. Погруженный в раздумья, я медленно подошел к письменному столу. Вот здесь сидел Протеро — румяный, энергичный, самодовольный — и вот здесь, в короткий миг, его поразили насмерть. Преступник стоял вот здесь, на том месте, где сейчас стою я.

Итак, Протеро больше нет...

Вот и перо, которое он держал в руке.

На полу темноватое пятно: ковер отослали в чистку, но кровь пропитала доски пола.

Меня пробрала дрожь.

— Нет, не могу оставаться в этой комнате, — сказал я вслух. — Не могу здесь быть.

Вдруг мне в глаза бросилось небольшое ярко-голубое пятнышко. Я наклонился. Под столом лежала какая-то вещица. Я ее поднял.

Положив эту вещицу на ладонь, я осторожно ее разглядывал. Вошла Гризельда.

— Забыла тебе сказать, Лен. Мисс Марпл приглашает нас зайти сегодня вечером, после обеда.

Поразвлечь племянника. Она опасается, что ему тут скучно. Я обещала, что мы придем.

— Прекрасно, милая.

— Что это ты рассматриваешь?

— Ничего.

Я сжал пальцы в кулак, посмотрел на жену и сказал:

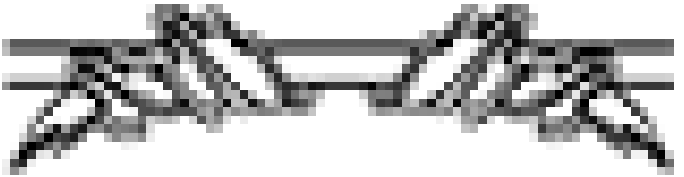
— Если уж и ты не сумеешь развеселить мистера Реймонда Веста, значит, ему угодить невозможно.

Моя жена сказала: «Как тебе не стыдно, Лен», и покраснела.

Она ушла, и я снова разжал пальцы.

У меня на ладони лежала сережка с голубой бирюзой, окруженной мелким жемчугом.

Драгоценность была необычная, довольно приметная, и я помнил совершенно точно, где видел ее в последний раз.



ГЛАВА 21

Не стану утверждать, что когда-либо испытывал особую симпатию к мистеру Реймонду Весту. Я знаю, что его считают прекрасным прозаиком, а стихи принесли ему широкую известность. У него в стихах нет ни одной заглавной буквы; как я понимаю, это основной признак авангардизма. Все его романы о пренеприятных людях, влачащих неимоверно жалкое существование.

Он по-своему, несколько покровительственно, любит «тетю Джейн», которую часто прямо в глаза зовет «Пережиток».

Она слушает его разглагольствования с весьма лестным вниманием, и, хотя у нее в глазах иногда мелькает насмешливый огонек, я уверен, что он никогда этого не замечает.

С решительностью, которая могла бы польстить самолюбию, он обратил все свое внимание на Гризельду. Они обсудили современные пьесы, потом заговорили о современных вкусах в декоративном искусстве. Хотя Гризельда притворно посмеивается над Реймондом Вестом, мне кажется, что она поддается чарам его красноречия.

Я беседовал с мисс Марпл (о чем-то совсем скучном), и до меня не один раз доносилась фраза: «Вы похоронили себя в этой глуши».

Наконец этот рефрен начал действовать мне на нервы. У меня внезапно вырвалось:

— Вы считаете, что мы здесь безнадежно отстали от жизни.

Реймонд Вест взмахнул рукой с зажатой в пальцах сигаретой.

— Я считаю Сент-Мэри-Мид, — многозначительно отчеканил он, — лужей со стоячей водой.

Он взглянул на всех вызывающе, ожидая возражений, но никто не возмутился; мне кажется, это его разочаровало.

— Сравнение не очень удачное, милый Рей-

монд, — живо отозвалась мисс Марпл. — Мне кажется, если посмотреть в микроскоп на каплю воды из стоячей лужи, жизнь там, наоборот, так и кипит.

— Конечно, там кишит всякая мелочь, — сказал литератор.

— Но ведь это тоже жизнь, в принципе мало отличающаяся от всякой другой, — сказала мисс Марпл.

— Вы равняете себя с инфузорией из стоячей лужи, тетя Джейн?

— Мой милый, это же основная мысль твоего последнего романа, я запомнила.

Остроумные молодые люди обычно не любят, когда их собственные изречения обращают против них. Реймонд Вест не был исключением из этого правила.

— Я говорил совсем не о том, — отрезал он.

— Жизнь в общем везде одинакова, — продолжала мисс Марпл своим негромким, спокойным голосом. — Человек рождается, потом растет, взрослеет, сталкивается с другими людьми, обкатывается, как галька, потом женится, появляются новые дети...

— А финал один — смерть, — подхватил Реймонд Вест. — И не всегда имеется свидетельство

о смерти. Порой умирают заживо.

— Раз уж мы заговорили о смерти, — сказала Гризельда. — Вы знаете, что у нас здесь произошло убийство?

Реймонд Вест взмахнул сигаретой, отметая убийство одним жестом.

— Убийство — это так грубо, — сказал он. — Меня это не интересует.

Я ни на минуту не поверил его словам. Как говорят, весь мир любит любовь; переиначьте эту пословицу применительно к убийству, и она станет еще более правдивой. Это истинная правда: ни один человек не останется равнодушным к убийству. Люди простые, как я и Гризельда, откровенно в этом признаются, а такие, как Реймонд Вест, непременно должны поломаться, напустить на себя притворную скуку, хотя бы на первые пять минут.

Однако мисс Марпл выдала племянника, заметив:

— Мы с Реймондом во время обеда только об этом и говорили.

— Я всегда интересуюсь местными новостями, — поспешил вмешаться Реймонд. Он одарил мисс Марпл ласковой, снисходительной улыбкой.

— А у вас есть своя версия, мистер Вест? — спро-

сила Гризельда.

— Если рассуждать логически, — сказал Реймонд Уст, в который раз помахивая своей сигаретой, — Протеро мог убить только один человек.

К его удовольствию, мы замерли, ловя каждое слово.

— Кто? — спросила Гризельда.

— Викарий, — ответил Реймонд, обличающе нацелив на меня палец.

Я опешил.

— Само собой, я знаю, что вы его не убивали, — успокоил он меня. — Жизнь никогда не соответствует идеалу. Подумайте, какая блестящая драма, как это естественно: церковный староста злодейски убит в кабинете викария самим викарием. Что за прелесть!

— А по каким мотивам? — спросил я.

— О, это самое интересное. — Он выпрямился на стуле, позабыв про сигарету, и она погасла. — Я бы сказал — комплекс неполноценности. Возможно, слишком много подавленной агрессивности. Я бы с удовольствием написал об этом роман. Можно здорово закрутить интригу. Неделю за неделей, год за годом он видит своего недруга то в ризнице, то на пикниках для мальчиков из хора, собирающего пожертвования в церкви, несущего

их к алтарю. Не перестает ненавидеть этого человека и каждый раз подавляет ненависть. Это не подобает христианину, и он не станет лелеять ненависть в сердце. А она грызет и терзает его втайне, и в один прекрасный день...

Он сделал выразительный жест.

Гризельда повернулась ко мне:

— Ты когда-нибудь чувствовал что-то подобное, Лен?

— Никогда, — честно ответил я.

— И все же я слышала, что вы не так давно желали его смерти, — заметила мисс Марпл.

(Деннис — негодный мальчишка! Конечно, я сам виноват — не стоило мне говорить подобные вещи.)

— Каюсь, не сдержался, — признался я. — Порой говоришь несусветные глупости, но в то утро он меня довел до белого каления, честное слово.

— Какая жалость, — сказал Реймонд Вест. — Понимаете ли, если бы ваше подсознание жаждало его смерти, оно бы не допустило, чтобы вы высказались вслух.

Он вздохнул.

— Моя версия рухнула. Скорее всего, это самое прозаическое убийство — месть браконьера или что-нибудь в этом роде.

— Ко мне сегодня заходила мисс Крэм, — сказала мисс Марпл. — Я повстречала ее в деревне и спросила, не хочет ли она посмотреть на мой садик.

— Она так любит садоводство? — спросила Гризельда.

— Вовсе нет, — отвечала мисс Марпл, едва заметно подмигивая. — Но это прекрасный предлог для разговора, вам не кажется?

— А какого вы о ней мнения? — спросила Гризельда. — Я думаю, она не такая уж плохая.

— Она много мне порассказала, — заметила мисс Марпл. — О себе, о своей семье. Кажется, они все умерли в Индии. Грустно, знаете ли. Кстати, эти выходные она проведет в Старой Усадьбе.

— Что?

— Да-да, кажется, миссис Протеро ее пригласила или она сама напросилась, не знаю, каким образом это устроилось. Нужно сделать какую-то секретарскую работу, там накопилась целая куча писем. Это для нее большая удача. Доктор Стоун в отъезде, и девушке нечем заняться. Раскоп был преинтересный, правда?

— Стоун? — повторил Реймонд. — Археолог?

— Да, он производит раскопки. Во владениях Протеро.

— Замечательный человек. Влюблен в свою профессию, — сказал Реймонд. — Мы познакомились недавно на званом обеде, с ним необыкновенно интересно говорить. Надо будет зайти к нему, повидаться.

— К сожалению, — сказал я, — он только что уехал в Лондон на все выходные. Постойте, да вы с ним столкнулись сегодня днем на вокзале.

— Я столкнулся с вами. А при вас был какой-то коротышка в очках.

— Ну да — доктор Стоун.

— Помилуйте, дорогой мой, — это был вовсе не Стоун.

— Как не Стоун?

— Не археолог, во всяком случае. Я его прекрасно знаю. Этот тип вовсе не Стоун — ни малейшего сходства.

Мы уставились друг на друга. Я, в частности, уставился на мисс Марпл.

— Чрезвычайно странно, — сказал я.

— Чемодан, — сказала мисс Марпл.

— Но зачем? — сказала Гризельда.

— Совсем как в той истории — человек ходил по домам, выдавая себя за инспектора газовой компании, — сказала, ни к кому не обращаясь, мисс Марпл. — Немалый улов он унес, немалый.

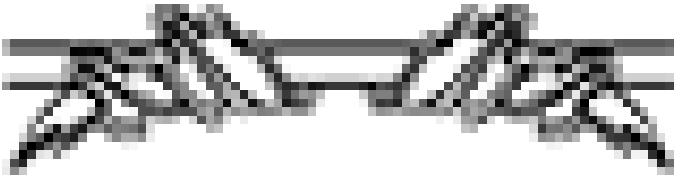
— Самозванец, — произнес Реймонд Вест. — Это уже интересно.

— Замешан ли он в убийстве — вот в чем вопрос, — сказала Гризельда.

— Вовсе не обязательно, — сказал я. — Однако... — И я взглянул на мисс Марпл.

— Это Странное Дело, — сказала она. — Еще одно Странное Дело.

— Да, — сказал я, вставая. — И мне кажется, что об этом надо немедленно поставить в известность инспектора полиции.



ГЛАВА 22

Как только я дозвонился до инспектора Слэка, мне тут же были даны короткие, категорические приказания. Ничто не должно «просочиться». Главное — не спугнуть мисс Крэм. Тем временем будут организованы поиски чемодана в районе раскопа.

Мы с Гризельдой вернулись домой, взволнованные новыми открытиями. В присутствии Денниса мы не могли поговорить — мы честно обещали инспектору Слэку не проронить ни словечка кому бы то ни было.

Но Деннису было не до нас — у него были свои заботы. Он вошел ко мне в кабинет и принялся слоняться, шаркая ногами, вертеть в руках что попало, и вообще вид у него был крайне растерянный и смущенный.

— В чем дело, Деннис? — наконец не выдержал я.

— Дядя Лен, я не хочу идти во флот.

Я удивился. Казалось, что мальчик твердо выбрал будущую профессию.

— Ведь ты об этом так мечтал.

— Да, а теперь передумал.

— Что же ты собираешься делать?

— Хочу стать финансистом.

Я удивился еще больше.

— Как финансистом?

— Обыкновенно. Хочу работать в городе, в Сити.

— Послушай, милый мой мальчик, я уверен, что эта жизнь не для тебя. Даже если я устрою тебя на работу в банк...

Деннис сказал, что он думал не об этом. В банке ему делать нечего. Я спросил, что он конкретно имел в виду, и, разумеется, он сам не знал, чего хочет, как я и догадывался.

В его понимании «стать финансистом» значило

побыстрее разбогатеть; с юношеским оптимизмом он считал, что это дело верное, достаточно «работать в Сити». Я попытался рассеять его заблуждения, стараясь не обидеть его.

— А что навело тебя на эти мысли? — спросил я. — Ты был вполне доволен перспективой служить в торговом флоте.

— Верно, дядя Лен, только я подумал... Когда придет время жениться, понимаешь, чтобы жениться на хорошей девушке, надо быть богатым.

— Твоя теория не подтверждается фактами, — заметил я.

— Знаю. Но я говорю о настоящей хорошей девушке. Из хорошей семьи. Она к этому привыкла.

Несмотря на туманные выражения, я понимал, кого он имеет в виду.

— Но ведь не все девушки похожи на Летицию Протеро, — сказал я ласково.

Он все равно вспылил.

— Ты к ней ужасно несправедлив. Тебе она не нравится. И Гризельде тоже. Она называет ее занудой!

Со своей, чисто женской, точки зрения Гризельда совершенно права. Летиция и вправду нагоняет на человека скуку. Но мне было вполне

понятно, почему это слово задело Денниса.

— Почему люди не могут понять, пожалеть! Даже Хартли Напье, и те на нее напустились — в такое тяжелое время! Подумаешь — ну, ушла она с их дурацкой теннисной игры чуть пораньше. Обязана она, что ли, торчать там, если ей надоело? По-моему, еще много чести, что она вообще туда пошла.

— В самом деле большая честь, — сказал я, но Деннис не заподозрил сарказма. Он весь кипел от обиды за Летицию.

— А на самом деле она такая чуткая. Суди сам — она меня заставила там остаться. Само собой, я тоже собрался уходить. Но она об этом и слышать не хотела. Сказала, что Хартли Напье ужасно обидятся. И я остался еще минут на пятнадцать, ради нее.

У молодежи какие-то странные представления о чуткости.

— А теперь, как мне сказали, Сюзанна Хартли Напье всем говорит, что Летиция жутко невоспитанная.

— На твоем месте я бы не обращал на это внимания, — сказал я.

— Тебе легко говорить, а я...

Голос у него прервался от волнения.

— Я... Я ради нее готов на все.

— Очень немногие из нас могут сделать хоть что-то для другого человека. Как бы мы ни старались, это не в наших силах.

— Лучше бы мне умереть, — сказал Деннис.

Бедный малый! Эта полудетская любовь всегда протекает как острое заболевание. Я не позволил себе сказать ни одной банальной и поучительной фразы, которые так и просятся на язык, — это только разобидело бы его вконец. Я просто пожелал ему спокойной ночи, и мы разошлись.

Наутро у меня была с восьми часов служба, а вернувшись, я увидел Гризельду за столом, накрытым для завтрака, в руках она держала письмо. Письмо было от Анны Протеро.

> «Дорогая Гризельда, если вы с викарием сможете зайти сегодня к ланчу, я буду очень признательна. Произошло нечто чрезвычайно странное, и я хотела бы посоветоваться с мистером Клементом.
>
> Пожалуйста, не упоминайте об этом, когда будете у нас, – я никому ничего не сказала.

С любовью, искренне ваша,

Анна Протеро».

— Непременно надо пойти, — сказала Гризельда.

Я согласился.

— Интересно, что там произошло?

Мне тоже было интересно.

— Знаешь, — сказал я Гризельде, — у меня такое чувство, что это дело затянется надолго.

— Ты хочешь сказать — пока не арестуют настоящего убийцу?

— Нет, — ответил я. — Я имел в виду другое. Видишь ли, в этом деле столько разветвлений, столько подводных течений, о которых мы и не догадываемся. Нужно выяснить множество загадочных обстоятельств, прежде чем мы доберемся до сути дела.

— Понимаю, ты говоришь о тех обстоятельствах, которые сами по себе ничего не значат, но мешают и путаются под ногами?

— Пожалуй, ты довольно точно истолковала мои слова.

— А по-моему, мы устраиваем много шуму из ничего, — сказал Деннис, намазывая хлеб повидлом. — Ведь это здорово, что старик Протеро

отправился к праотцам. Никто его не любил. Пусть у полиции голова болит — это их дело, пусть и суетятся. Я лично надеюсь, что они никогда не изловят убийцу. Еще не хватало, чтобы Слэк получил повышение и ходил надутый от важности, как индюк, воображая, что он великий сыщик.

Признаюсь, что я не настолько чужд простым человеческим чувствам, чтобы не разделять его мнения по поводу Слэка. Человеку, который всегда и повсюду, словно нарочно, восстанавливает людей против себя, не приходится ждать от них хорошего отношения.

— Доктор Хейдок со мной согласен, — продолжал Деннис, — Он ни за что не выдал бы убийцу властям. Он мне так и сказал.

Вот в этом, мне кажется, опасная черта воззрений Хейдока. Сами по себе его взгляды, возможно, заслуживают уважения — не мне судить, — но на молодой неокрепший ум они могут оказать действие, совершенно неожиданное для самого Хейдока.

Гризельда выглянула в окно и сообщила, что в саду у нас репортеры.

— Наверное, опять фотографируют окна кабинета, — сказала она со вздохом.

Нам пришлось немало претерпеть от подобных нашествий. Поначалу — жители деревни, полные праздного любопытства, ни один из них не преминул постоять и поглазеть разинув рот. Потом пошла в наступление армия газетчиков, вооруженная фотоаппаратами, а за ними — опять зеваки: поглазеть теперь уже на газетчиков. В конце концов пришлось поставить на страже у окон кабинета констебля из Мач Бенэма.

— Хорошо, что похороны состоятся завтра утром, — сказал я. — После этого все страсти улягутся, я уверен.

Когда мы подошли к Старой Усадьбе, нас уже подстерегали несколько репортеров. Они засыпали меня самыми разнообразными вопросами, на которые я давал неизменный ответ (мы решили, что это наилучший выход) — а именно: «Мне нечего сказать».

Дворецкий проводил нас в гостиную, где оказалась единственная гостья — мисс Крэм, которая явно была в превосходном настроении.

— Вот вам и сюрприз, а? — заговорила она, пожимая нам руки. — Мне бы такое и в голову не пришло, но миссис Протеро ужасно добрая, правда? Конечно, не очень-то прилично, когда молодая девушка остается в «Голубом Кабане»

одна-одинешенька, это все скажут, — репортеры так и шныряют, и вообще мало ли что. Ну, само собой, я тут без дела не сижу, в такое время секретарша нужна до зарезу, а мисс Протеро и пальчиком не шевельнет, верно?

Я заметил, что старая вражда к Летиции Протеро не угасла, и это меня позабавило, зато девушка стала горячей защитницей Анны. Однако я сомневался, что ее рассказ соответствует истине. По ее словам, приглашение исходило от Анны, но мне хотелось бы знать, так ли это на самом деле. Девушка могла сама прозрачно намекнуть Анне, что ей не вполне удобно оставаться одной в «Голубом Кабане». Как бы то ни было, без всякого предубеждения, я все же полагал, что мисс Крэм вполне может выдать желаемое за действительное.

В эту минуту вошла Анна Протеро.

Она была одета в простое черное платье. В руке у нее была воскресная газета, которую она и протянула мне с грустным видом.

— Мне никогда в жизни не приходилось сталкиваться с подобными вещами. Отвратительно, да? Я этого репортера видела мельком, на следствии. Я только сказала, что ужасно расстроена и не могу ничего сообщить, а потом он сказал,

что я, должно быть, очень хочу найти убийцу мужа, и я ответила: «Да». Спросил, подозреваю ли я кого-нибудь, я сказала: «Нет». А не думаю ли я, что преступление совершено кем-то из местных жителей? Я сказала, что это очевидно. Вот и все. А теперь посмотрите, что тут написано!

Посередине страницы красовалась фотография, сделанная добрых десять лет назад, — бог знает, откуда они ее выкопали. Громадными буквами был набран заголовок:

«ВДОВА ДАЛА ОБЕТ, ЧТО НЕ УСПОКОИТСЯ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ВЫСЛЕДИТ УБИЙЦУ МУЖА».

«Миссис Протеро, вдова убитого, уверена, что убийцу надо искать среди местных жителей. У нее есть подозрения, но пока она их не высказывает. Она заявила, что убита горем, но повторила многократно, что намерена выследить убийцу».

— Да разве я могла такое сказать? — спросила Анна.

— Могло быть куда хуже, смею заметить, — сказал я, возвращая ей газету.

— Нахалы, вот они кто, — сказала мисс Крэм,

— Посмотрела бы я, как им удалось бы сорвать что-нибудь с меня!

Глаза у Гризельды блеснули, и я догадался, что это заявление она восприняла буквально, на что мисс Крэм, конечно, не рассчитывала.

Было объявлено, что второй завтрак подан, и мы перешли в столовую. Летиция явилась с большим опозданием, проплыла к свободному месту и села, улыбнувшись Гризельде и кивнув мне. Я смотрел на нее очень внимательно — у меня были на то свои причины, — но она, казалось, по-прежнему витала в облаках. Удивительно хорошенькая — это я должен признать по чести и справедливости. Она так и не надела траур, но бледно-зеленое платье выгодно подчеркивало в ее облике всю прелесть пастельных тонов.

Когда мы выпили кофе, Анна спокойно сказала:

— Мне нужно поговорить с викарием. Мы пойдем в мою гостиную, наверх.

Наконец-то мне предстояло узнать, почему нас сюда пригласили. Я встал и последовал за ней вверх по лестнице. У дверей комнаты она задержалась. Я хотел заговорить, но она остановила меня жестом. Послушала, устремив глаза вниз, что творится в холле.

— Хорошо. Они уходят в сад. Нет, нам не сюда. Пройдемте на самый верх.

К моему удивлению, она повела меня по коридору в самый конец крыла. Оттуда на верхний этаж вела деревянная лесенка из отдельных дощатых ступенек, она поднялась по ней, я — следом. Мы оказались в пыльном, обшитом досками закутке. Анна отворила дверь и провела меня на громадный сумрачный чердак, который явно служил свалкой для всякой рухляди. Там были сундуки, ломаная мебель, несколько старых картин, наваленных как попало, и прочий хлам, который годами накапливается в кладовках.

Я не сумел скрыть своего удивления, и она слабо улыбнулась.

— Сейчас я вам все объясню. Я стала очень плохо спать. Прошлой ночью — нет, скорее сегодня утром, часа в три, я услышала, что кто-то ходит по дому. Я прислушалась, немного погодя встала и вышла из комнаты. Тут я поняла, что звуки доносятся не снизу, а сверху. Я подошла к этой лесенке. Мне опять показалось, что я слышу шорох. Я спросила: «Кто там?» Но ответа не было, и оттуда не донеслось больше ни звука; я решила, что у меня просто нервы шалят, вернулась и легла.

И все же сегодня, рано утром, я поднялась сюда

из чистого любопытства. И нашла здесь вот что!

Она наклонилась к картине, которая была прислонена к стене, оборотной стороной к нам, и повернула ее лицом.

Я ахнул от неожиданности. Это был портрет, писанный маслом, но лицо было исполосовано и искромсано до полной неузнаваемости. Мало того, разрезы и царапины были совсем свежие.

— Поразительно, — сказал я.

— И вы поражены, да? А как вы думаете, в чем дело?

Я покачал головой.

— В этом есть какой-то дикий вандализм, — сказал я. — И это меня тревожит. Как будто кто-то выместил на портрете зло в припадке бешеной ярости.

— И я так подумала.

— Чей это портрет?

— Не имею представления. Я его ни разу не видела. Весь этот хлам уже был сложен на чердаке, когда я вышла за Люциуса и приехала сюда. Я сюда никогда не ходила и даже не вспоминала про этот чердак.

— Поразительно, — повторил я.

Я наклонился, перебирая остальные картины. Там, как и следовало ожидать, было несколько

посредственных пейзажей, несколько олеографий[17] и две-три репродукции в дешевых рамках.

Ничто не могло навести нас на след. В углу стоял старинный кованый сундук, из тех, что называются «ковчегами», на нем инициалы Е.П. Я поднял крышку. Сундук был пуст. На чердаке больше ничего интересного не было.

— Да, совершенно необычное происшествие, — сказал я. — И такое бессмысленное.

— Да, — сказала Анна. — Но я немного напугана.

Рассматривать было больше нечего. Мы спустились в ее гостиную. Она плотно затворила дверь.

— Как вы считаете, мне нужно что-то предпринять? Сообщить в полицию?

Я не знал, что ей ответить:

— Признаться, трудно сразу сказать, связано ли это...

— С убийством, — подхватила Анна. — Понимаю. Конечно, трудно. Судя по всему, никакого отношения к убийству это не имеет.

— Да, — сказал я. — Но это еще одно «странное

---

[17] notes: 17

О л е о г р а ф и я — особый способ снятия копий с картин, написанных масляными красками, дающий отпечаток, более близкий к оригиналу, а также копия картины, полученная таким способом.

дело».

Мы оба молчали, глубоко задумавшись.

— Могу ли я спросить, какие у вас планы? — наконец сказал я.

Она подняла голову.

— Я собираюсь прожить здесь полгода, не меньше, — в ее словах прозвучал вызов. — Не потому, что мне хочется. Я в ужасе от одной мысли, что придется здесь оставаться. Но мне кажется, это единственный выход. А иначе люди начнут говорить, что я сбежала, что у меня совесть нечиста.

— Ну что вы!

— Нет, я их знаю. Особенно после того... — Она замолкла, потом продолжала: — Через полгода я выйду замуж за Лоуренса. — Она взглянула мне прямо в глаза. — Так мы решили. Дольше мы ждать не собираемся.

— Я так и думал, — сказал я.

Внезапно она разрыдалась и закрыла лицо руками.

— Если бы вы только знали, как я вам благодарна, если бы вы знали! Мы с ним уже распрощались — он готов был уехать. Мне... мне так страшно думать о смерти Люциуса. Если бы мы собирались уехать вдвоем, и тут он умер бы — сейчас я была бы в отчаянии. Но вы заставили обоих нас

опомниться, удержаться от греха. Вот за что я вас и благодарю.

— Возблагодарим Господа, — сказал я торжественно.

— Но это ничего не значит. — Она выпрямилась. — Пока убийцу не найдут, все будут думать, что это Лоуренс, — о да! Непременно будут! Особенно когда он на мне женится.

— Дорогая моя, показания доктора Хейдока совершенно ясно доказывают...

— Какое людям дело до показаний? Они про это ничего не знают. И медицинские свидетельства никогда не убеждают никого из посторонних. Вот еще одна причина, заставляющая меня остаться. Мистер Клемент, *я должна узнать правду.*

Когда она говорила это, глаза ее горели огнем. Она добавила:

— Поэтому я и пригласила эту девицу.

— Мисс Крэм?

— Да.

— Значит, вы все-таки сами ее пригласили. Я правильно понял, что это ваша инициатива?

— Целиком и полностью. Да, конечно, она немного похныкала. На следствии — она была уже там, когда я пришла. Но я пригласила ее сюда специально.

— Неужели вы думаете, — воскликнул я, — что эта глупенькая девушка имеет отношение к убийству?

— Нет ничего проще, чем представиться дурочкой. Легче легкого.

— Значит, вы все же думаете...

— Нет. Честное слово, я ее не подозреваю. Мне просто кажется, что она что-то знает. Хотелось разузнать о ней побольше.

— Ив первую же ночь, когда она здесь оказалась, был изуродован портрет, — задумчиво сказал я.

— Вам кажется, это она? Зачем? По-моему, это совершенно нелепо и невозможно.

— Нелепо и невозможно было убить вашего мужа у меня в кабинете, — с горечью возразил я. — Однако кто-то это сделал.

— Знаю. — Она положила ладонь на мою руку, — Как это ужасно для вас. Я очень вас понимаю, хотя мало об этом говорю.

Я вынул из кармана сережку с голубой бирюзой и протянул ей.

— Это, кажется, ваша?

— О! Да. — Она с радостной улыбкой протянула руку. — Где вы ее подобрали?

Я не спешил класть украшение в ее раскрытую

ладонь.

— Если вы не возражаете, — сказал я, — я бы еще немного подержал ее у себя.

— Пожалуйста! — Она глядела на меня удивленно и пытливо. Но я не стал ничего объяснять.

Я спросил, как ее денежные дела.

— Вопрос нескромный, — сказал я, — но, поверьте, я не хотел бы, чтобы вы поняли его не так.

— Почему нескромный. Вы и Гризельда — мои лучшие друзья в этих местах. Еще я питаю слабость к этой смешной мисс Марпл. Люциус был довольно богат, должна вам сказать. Он разделил состояние поровну между мной и Летицией. Старая Усадьба остается мне, но Летиция имеет право выбрать мебель, чтобы обставить небольшой домик, на покупку которого ей оставлена отдельная сумма, чтобы все было по справедливости.

— А вы знаете что-нибудь о ее планах на жизнь?

Анна с шутливой гримаской сказала:

— Мне она о них не сообщала. Я думаю, что она уедет отсюда очень скоро. Она меня не любит и никогда не любила. Должно быть, это моя вина, хотя я изо всех сил старалась держать себя достойно. Просто любая девочка восстает против молодой мачехи, мне кажется.

— А вам она нравится? — спросил я напрямик.

Она ответила не сразу, и я еще раз убедился, что Анна Протеро — человек честный и прямой.

— Вначале нравилась, — сказала она. — Она была такая хорошенькая девчушка. А теперь нет, теперь нет. Сама не знаю, в чем дело. Может быть, из-за того, что она меня не любит. Видите ли — я люблю, когда меня любят.

— Как и все мы, — сказал я, и Анна Протеро улыбнулась.

Мне оставалось выполнить еще одно дело, а именно — поговорить с Летицией Протеро. Это трудностей не представляло — я нашел ее в одиночестве в гостиной. Гризельда и Глэдис Крэм вышли погулять в сад.

Я вошел и закрыл за собой дверь.

— Летиция, — сказал я. — Мне нужно с вами кое о чем поговорить.

— Да?

Я заранее обдумал, что буду говорить. Я протянул ей на ладони бирюзовую сережку и спокойно спросил:

— Зачем вы подбросили это в мой кабинет?

Я заметил, что она на мгновенье напряглась, но это было одно мгновенье. Она так быстро оправилась, что я не решился бы присягнуть в том,

что видел собственными глазами это секундное замешательство. Она сказала небрежно:

— Я ничего не подбрасывала в ваш кабинет. Это не моя сережка. Сережка Анны.

— Это мне известно, — сказал я.

— Тогда при чем тут я? Не понимаю! Анна ее обронила, и все.

— Миссис Протеро была в моем кабинете только один раз после убийства, и она была в трауре. Вряд ли она могла надеть голубые серьги.

— В таком случае, — сказала Летиция, — она обронила ее раньше. — И добавила: — Это вполне логично.

— Весьма логично, — откликнулся я. — Я думаю, вы припомните, когда ваша мачеха надевала их в последний раз?

— О! — Она смотрела растерянным, доверчивым взглядом прямо мне в глаза. — А разве это так важно?

— Все может быть, — сказал я.

— Попытаюсь вспомнить. — Она сидела, сдвинув брови. Никогда еще Летиция Протеро не казалась мне такой очаровательной.

— О! Да, — вдруг сказала она. — Они были на ней в четверг, я вспомнила.

— Четверг, — раздельно произнес я, — это

день убийства. Миссис Протеро была в тот день в мастерской, в саду, но, если вы помните, она показала, что стояла снаружи, у окна, не заходя в комнату.

— А где вы нашли серьгу?

— Она закатилась под стол.

— Тогда, судя по всему, получается, — безмятежно сказала Летиция, — что она говорила неправду, да?

— Вы хотите сказать, что она вошла в кабинет и стояла у самого стола?

— А разве не так?

Она смотрела на меня чистыми, прозрачными глазами.

— Если хотите знать, — невозмутимо продолжала она, — я никогда не верила, что она говорит правду.

— Но я *точно знаю,* что *вы* говорите неправду.

— Это почему?

Она явно встревожилась.

— А потому, — сказал я. — Что я видел эту сережку собственными глазами в пятницу утром, когда приходил сюда с полковником Мельчеттом. Она лежала рядом со второй на туалетном столике у вашей мачехи. Я даже подержал их в руках.

— О-о! — Она смешалась, потом вдруг пере-

гнулась через ручку кресла и разрыдалась. Ее подстриженные светлые волосы почти касались пола. Поза была странная — удивительно красивая, полная по-детски необузданного отчаяния.

Я дал ей немного выплакаться, потом очень ласково спросил:

— Летиция, зачем вы это сделали?

— Что?

Она вскочила, резким взмахом головы откинув волосы назад. Она была ужасно перепугана.

— Что вы такое говорите?

— Из-за чего вы это сделали? Из ревности? Из ненависти к Анне?

— О да! — Она снова откинула волосы с лица и внезапно совершенно овладела собой. — Да, можете назвать это ревностью. Я Анну всегда ненавидела — с того самого дня, как она приехала сюда. Строила из себя королеву. Я забросила эту чертову штуку под стол. Я хотела, чтобы у нее были неприятности. И были бы, если бы не вы, — как вас угораздило трогать чужие вещи на туалетном столике! И вообще, духовному лицу не подобает быть на побегушках у полиции!

Она так по-детски обрушила на меня свой гнев, что я не обратил на ее слова никакого внимания. В эту минуту она и вправду выглядела несчаст-

ным, обиженным ребенком.

Едва ли ее ребяческая попытка насолить Анне заслуживала серьезного внимания. Так я ей и сказал, добавив, что верну сережку хозяйке и ни словом не упомяну, где я ее нашел. Девушка, казалось, была тронута.

— Вы очень славный, — сказала она.

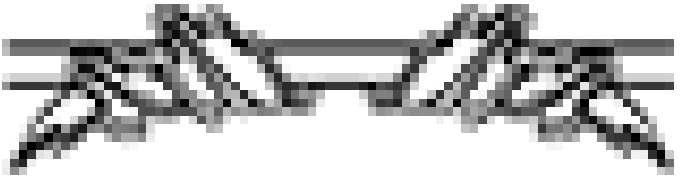
А потом, помолчав, добавила, отвернув лицо и с трудом подбирая слова:

— Знаете, мистер Клемент, я бы на вашем месте отослала Денниса отсюда, и поскорее.

— Денниса? — Я поднял брови удивленно и слегка насмешливо.

— Я думаю, так будет лучше. — И она смущенно продолжала: — Мне жалко Денниса. Я и не знала, что он... в общем, мне очень жаль.

Больше мы об этом не говорили.



ГЛАВА 23

На обратном пути я предложил Гризельде сделать небольшой крюк и заглянуть на раскоп. Мне не терпелось узнать, занялась ли этим делом полиция, и если они там побывали, то до чего успели докопаться. У Гризельды, однако, оказалась уйма дел дома, и мне пришлось совершить эту экспедицию в одиночестве.

Операцию возглавлял инспектор Хёрст.

— Пока ничего не нашли, сэр, — доложил он. — Но по всем показаниям это самое лучшее место для *cache.*

На минуту я опешил, введенный в заблуждение его произношением — он произнес cache как «кэч», — но почти мгновенно сообразил, что он имел в виду[18].

— Сами понимаете, сэр, куда еще могла идти эта молодая особа, раз она шла по тропинке в лес? Либо в сторону Старой Усадьбы, либо — сюда, больше некуда.

— Я полагаю, — сказал я, — что инспектор Слэк счел ниже своего достоинства просто спросить об этом молодую леди?

— Боится спугнуть, — сказал Хёрст. — Может, она напишет доктору Стоуну или он ей — для нас всякая мелочь сгодится. А если она почует, что мы идем по следу, прикусит язычок, и пиши пропало.

Признаюсь, я сильно сомневался в том, что мисс Крэм способна «прикусить язычок» в каком бы то ни было смысле. Я не в силах был представить ее молчащей — ее образ всегда связывается у меня с неудержимым словоизвержением.

— Раз человек оказался самозванцем, положено выяснить, почему он присвоил себе чужое имя,

---

[18] notes: 18

Английское слово со значением «тайник», заимствованное из французского языка, произносится как «кэш», тогда как «кэч» — это «ловушка, загвоздка».

— поучительно сказал констебль Хёрст.

— Само собой, — согласился я.

— А ответ зарыт в этих раскопках, а иначе — к чему он их затеял?

— Просто *raison d'être*[19] для того, чтобы пошарить вокруг, — сказал я, но на этот раз у констебля не хватило познаний во французском языке. Он сквитался со мной за это, холодно отрезав:

— Это непрофессиональная точка зрения.

— Во всяком случае, чемодана вы не нашли, — сказал я.

— Найдем, сэр. Можете не сомневаться.

— Я в этом не уверен, — сказал я. — Я об этом думал. Мисс Марпл говорила, что девушка очень скоро вышла — но без него. В таком случае она не успела бы дойти сюда и обратно.

— Нечего обращать внимание на старушечью болтовню. Стоит этим почтенным дамам увидеть что-то интересное, как они про все забывают — ждут, что произойдет дальше, и совершенно забывают о времени. И вообще, какая женщина имеет понятие о времени!

Я часто задумывался над всеобщей склонностью к поспешным обобщениям. Обобщения

---

[19] notes: 19
Повод *(фр.)*.

почти никогда не содержат истины и обычно отличаются крайней неточностью. Сам-то я не в ладах со временем (поэтому и приходится ставить часы вперед), но мисс Марпл, на мой взгляд, прекрасно чувствует время. Часы у нее всегда идут минута в минуту, и она известна своей неизменной пунктуальностью.

Тем не менее спорить с констеблем Хёрстом я не стал. Пожелав ему удачи, я распрощался с ним и пошел домой.

Я уже подходил к дому, когда меня осенила одна идея. Она возникла без видимого повода, просто у меня в голове вдруг вспыхнула возможная отгадка.

Вы, наверное, помните, что в первый раз, когда я обследовал тропинку, на другой день после убийства, я заметил место, где кусты были слегка примяты. Очевидно, их потревожил Лоуренс, которого я застал за тем же занятием, по крайней мере, тогда я в этом не сомневался.

Но я вспомнил, что мы с ним позже наткнулись на другой малозаметный след, который, как оказалось, проложил наш инспектор. Обдумывая все это после, я отчетливо вспомнил, что первый след (Лоуренса) был гораздо заметнее второго, как будто там прошел не один, а несколько чело-

век. Я подумал, что Лоуренс обратил внимание на это место именно потому, что там уже кто-то прошел. А если это был след доктора Стоуна или мисс Крэм?

Я даже вспомнил, — если надо мной не сыграло шутку мое собственное воображение, — что на сломанных ветках было несколько увядших листков, а это значило, что они были сломаны задолго до нашего появления.

Я как раз приближался к этому месту. Узнать его было нетрудно, и я снова углубился в заросли. На этот раз я приметил несколько свежесломанных веток. Значит, кто-то проходил здесь после нас с Лоуренсом.

Я вскоре добрался до места, где повстречал Лоуренса. Но едва заметный след вел дальше, и я тоже пошел дальше. Внезапно передо мной открылась небольшая полянка, по которой явно кто-то недавно ходил. Я говорю «полянка», потому что густой кустарник в этом месте отступил, но ветви деревьев сплетались над головой, и всю полянку можно было пересечь за несколько шагов.

По другую сторону кустарник снова смыкался стеной, и я видел, что сквозь него никто еще не прокладывал себе дорогу. Но все же одно место

показалось мне подозрительным.

Я прошел вперед, встал на колени и развел кусты в обе стороны. Передо мной, в награду за мое терпение, блеснула лакированная коричневая плоскость. В радостном волнении я просунул руку глубже и не без труда извлек из кустов небольшой коричневый чемоданчик.

Я испустил вопль торжества. Я своего добился! Что ж, пусть констебль Хёрст облил меня ледяным презрением — я все-таки оказался прав, мои рассуждения оправдали себя. Передо мной, без сомнения, был чемодан, который несла мисс Крэм. Я потрогал замок — он был заперт.

Поднявшись на ноги, я заметил на земле маленький буроватый кристалл. Почти автоматически я поднял его и сунул в карман.

Затем, крепко взяв за ручку обретенный чемоданчик, я пошел обратно к тропе.

Когда я занес ногу над перелазом, выходившим к аллее, я услышал рядом взволнованный голос:

— О! Мистер Клемент! Вы его нашли! Какой же вы молодец!

Отметив про себя, что в искусстве все видеть, никому не попадаясь на глаза, мисс Марпл не имеет себе равных, я поставил чемодан на разделявшую нас ограду.

— Он самый, — сказала мисс Марпл. — Я его сразу узнала.

Мне показалось, что она слегка преувеличивает. Таких дешевых лакированных чемоданчиков тысячи, и они абсолютно неотличимы друг от друга. Никто не может опознать подобный чемоданчик, да еще видевши его мельком, издали и при лунном свете. Но я понимал, что вся история с чемоданчиком — личный триумф мисс Марпл, а победителей не судят, и ей можно простить это безобидное маленькое преувеличение.

— Я думаю, он заперт, мистер Клемент?

— Да. Я сейчас отнесу его в полицейский участок.

— А вы не считаете, что сначала лучше позвонить?

Ну конечно, лучше было позвонить. Прошествовать по всей деревне с чемоданом в руке — это совсем нежелательная сенсация, способная вызвать лишь брожение умов.

Я отворил калитку и вошел в дом. В полной безопасности — из гостиной с закрытой дверью — я позвонил и сообщил о находке.

Инспектор Слэк ответил, что мигом подскочит — лично.

Он явился в самом сварливом состоянии духа.

— Значит, мы-таки его раскопали, а? — выпалил он. — Не следовало бы вам, сэр, запираться. Если у вас есть основание предполагать, что вы знаете о местонахождении данного предмета, полагается доложить об этом кому следует.

— Да это была чистая случайность, — сказал я. — Неведомо откуда у меня вдруг возникла идея.

— Хороша сказочка, да верится с трудом, — сказал инспектор Слэк. — Почти три четверти мили пробирались лесом, вышли точно на место и прибрали его к рукам.

Я мог бы изложить инспектору Слэку шаг за шагом те рассуждения, которые привели меня на нужное место, но он в кратчайшее время добился обычного результата — вывел меня из себя. Я промолчал.

— Ну, — сказал инспектор Слэк, глядя на чемодан с неприязнью и притворным безразличием, — пожалуй, можно взглянуть, что там внутри, раз уж на то пошло.

Он прихватил с собой связку ключей и проволоку. Замок был самый простенький. Через две секунды чемодан открылся.

Не знаю, что мы ожидали там увидеть — что-нибудь сенсационное, должно быть. Но первое, что нам бросилось в глаза, был засаленный шер-

стяной шарф. Инспектор вытащил его. За ним последовало сильно поношенное пальто, некогда темно-синего цвета. Далее была извлечена клетчатая кепка.

— Ну и тряпье, — заметил инспектор.

Там еще оставалась пара стоптанных, сбитых башмаков. На самом дне лежал сверток, завернутый в газету.

— Крахмальная рубашка, не иначе, — язвительно проронил инспектор, разрывая газету.

Тут он ахнул от неожиданности.

Ибо в свертке оказалось несколько простеньких вещиц из чистого серебра и круглая чаша из того же металла.

Мисс Марпл пронзительно вскрикнула, узнав их.

— Прибор для пряностей! — воскликнула она. — Прибор для пряностей полковника Протеро и чаша Карла Второго. Ну кто бы мог подумать!

Инспектор стал красным как рак.

— Значит, вот в чем было дело, — пробормотал он себе под нос. — Грабеж. Но чего-то я тут не понимаю. Никто не заявлял о пропаже.

— Возможно, пропажа еще не обнаружена, — предположил я. — Не думаю, чтобы эти вещи все время были в ходу, слишком уж большая

ценность. Возможно, полковник Протеро держал их в запертом сейфе.

— Надо это выяснить, — сказал инспектор, — Я немедленно иду в Старую Усадьбу. Теперь понятно, почему доктор Стоун отсюда смылся. Убийство, переполох, расследование — он и струсил, что мы докопаемся до его делишек. Его имущество запросто могли подвергнуть обыску. Он велел девушке спрятать вещи в лесу, и вместе с ними — одежду, чтобы переодеться. Он собирался вернуться тайком и забрать добычу, а она оставалась здесь для отвода глаз. Что ж, это, пожалуй, к лучшему. Отводит от него подозрение в убийстве. В этом он не замешан. У него была своя игра.

Он побросал вещи в чемодан и удалился, отказавшись от предложенного мисс Марпл стаканчика хереса.

— Ну вот, одна тайна разгадана, — сказал я со вздохом облегчения. — В этом Слэк совершенно прав: к убийству Стоун не имел никакого отношения. Все объясняется наилучшим образом.

— На первый взгляд, может быть, и так, — сказала мисс Марпл. — Хотя никогда нельзя быть в полной уверенности, не правда ли?

— Полное отсутствие мотивов преступления,

— напомнил я ей. — Он получил то, что хотел, и уже собирался уходить подобру-поздорову.

— Да...

Было очевидно, что у нее что-то на уме, и я глядел на нее не без любопытства. Мисс Марпл поспешила ответить на мой молчаливый вопрос; она говорила с живостью, словно оправдываясь:

— Конечно, я *ничего* не понимаю. Я такая бестолковая. Я только хотела узнать... кажется, это серебро — большая ценность, или я ошибаюсь?

— Такая чаша продавалась недавно больше чем за тысячу фунтов, насколько я помню.

— То есть — ценность не только в самом металле, да?

— Отнюдь — они имеют ценность для коллекционеров, для знатоков.

— Так я и думала. Сразу такие вещи продать не удастся, и, даже если удастся найти покупателя, дело надо держать в тайне. Я хочу только сказать, что, если бы о краже стало известно и поднялся бы большой шум — вещи вообще нельзя было бы продать.

— Я не совсем понимаю, что вы хотите сказать, — признался я.

— Я знаю, что ничего не умею толком объяснить. — Она еще больше разволновалась,

чувствуя себя виноватой. — Но мне кажется, что такие вещи нельзя просто украсть. Есть только один способ — заменить их копиями. Тогда кража некоторое время не будет раскрыта.

— Весьма хитроумная идея, — сказал я.

— Это единственный правильный способ, верно? А ежели так, то вы совершенно правы — как только подмена удалась, нет никакого резона убивать полковника Протеро — скорее наоборот.

— Бесспорно, — сказал я. — Я так и говорил.

— Да, только мне показалось... конечно, откуда мне знать... полковник Протеро всегда сообщал заранее, что собирается сделать, а порой и вовсе до дела не доходило, но он сам сказал...

— Что?

— Что собирается оценить все эти вещи, вызвать оценщика из Лондона. Для завещания — нет, это когда человек умирает... ах да, для страховки. Кто-то ему посоветовал непременно их оценить. Он очень много говорил, как, мол, важно это сделать. Конечно, я не знаю, договорился ли он с оценщиком, но если он успел...

— Понимаю, — сказал я.

— Разумеется, как только эксперт увидел бы серебро, он бы узнал подделку, а тут и полковник Протеро вспомнил бы, что показывал вещи док-

тору Стоуну, — как знать, может быть, тогда же он их и подменил, ловкость рук — кажется, так это называется? И вот все его хитрости пошли бы прахом.

— Я понимаю вашу мысль, — сказал я. — По-моему, надо выяснить все сейчас же.

Я еще раз подошел к телефону. Через несколько минут меня соединили со Старой Усадьбой, и я мог поговорить с Анной Протеро.

— Нет, ничего особенного. Инспектор еще не прибыл? А! Значит, он скоро будет. Миссис Протеро, вы не могли бы сказать мне, производилась ли когда-либо оценка имущества в Старой Усадьбе? Что вы сказали?

Я выслушал ее ответ, точный и ясный. Поблагодарив, я повесил трубку и обернулся к мисс Марпл.

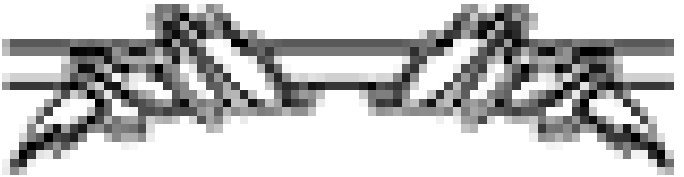
— Все теперь ясно. Полковник Протеро вызвал оценщика на понедельник — то есть на завтра — для оценки имущества. Из-за смерти полковника все пришлось отложить.

— Значит, мотив для преступления *был,* — мягко заметила мисс Марпл.

— Мотив, предположим, был. А что еще? Вы запамятовали. Когда прозвучал выстрел, доктор Стоун только встретился с Лоуренсом и Анной

или перебирался через перелаз.

— Да, — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Значит, он вне подозрений.



ГЛАВА 24

Я возвратился домой — в кабинете меня уже поджидал Хоуз. Он нервно шагал взад-вперед по комнате, а когда я вошел, вздрогнул, как подстреленный.

— Прошу прощенья, — сказал он, отирая пот со лба. — Последнее время нервы у меня никуда не годятся.

— Дорогой друг, — сказал я, — вам непременно нужно уехать, переменить обстановку. Иначе вы тут у нас совсем расклеитесь, нельзя же так.

— Я не могу покинуть свой пост. Нет, на это я

ни за что не пойду.

— Да это же ничего общего не имеет с дезертирством! Вы больны. Я уверен, что Хейдок меня поддержит.

— Хейдок? Хейдок! Разве это врач? Деревенский лекарь, невежда.

— Мне кажется, вы к нему несправедливы. Он всегда считался замечательным профессионалом.

— Да? Возможно. Не спорю. Но мне он не по душе. Однако я пришел совсем не за этим. Я пришел спросить, не сможете ли вы сегодня вечером произнести проповедь вместо меня. Будьте так добры, — я... я сегодня не смогу говорить, честное слово.

— Безусловно! Я и службу за вас отслужу.

— Нет, нет. Я хочу служить сам. Я себя прекрасно чувствую. Просто при одной мысли, что нужно подняться на кафедру, и все глаза будут устремлены прямо на меня...

Он закрыл глаза и сглотнул, словно у него комок застрял в горле.

Мне было совершенно ясно, что с Хоузом творится что-то неладное. Должно быть, он угадал мои мысли — открыв глаза, он поспешил сказать:

— Со мной все в порядке. Только вот головные боли чудовищные, настоящая пытка. Простите, вы не могли бы дать мне стакан воды?

— Сейчас, — сказал я.

Я сам пошел и налил воды из-под крана. Звонить прислуге в нашем доме — занятие совершенно безнадежное.

Я принес ему воду, он поблагодарил меня. Потом вынул из кармана маленькую картонную коробочку, достал оттуда капсулу из папиросной бумаги и проглотил ее, запив водой.

— Порошки от головной боли, — пояснил он.

Вдруг меня осенило, — а что, если Хоуз сделался наркоманом? Это объяснило бы многие странности в его поведении.

— Я надеюсь, вы не слишком ими увлекаетесь, — сказал я.

— Нет, что вы, нет. Доктор Хейдок меня предостерег. Но порошки просто чудодейственные. Снимают боль как рукой.

И впрямь, он на глазах успокоился, овладел собой.

Он поднялся.

— Значит, вы возьмете на себя вечернюю проповедь! Это будет истинное благодеяние, сэр.

— Тут и говорить не о чем. Но я непременно

хочу снять с вас и службу. Отправляйтесь домой и отдохните. И не возражайте. Ни слова — все решено.

Он снова стал меня благодарить. Потом сказал, избегая моего взгляда, уставившись в окно за моей спиной:

— Вы сегодня были в Старой Усадьбе, правда, сэр?

— Да.

— Простите меня — но... за вами посылали?

Я удивленно взглянул на него, и он залился краской.

— Прошу прощенья, сэр. Я просто подумал, что выяснилось что-нибудь еще, и миссис Протеро послала за вами. Что-нибудь новое...

В мои намерения вовсе не входило удовлетворение любопытства Хоуза.

— Она хотела обсудить со мной предстоящие похороны и еще какие-то мелочи, — сказал я.

— А! Понимаю.

Я молчал. Он стал переминаться с ноги на ногу и наконец сказал:

— Вчера вечером ко мне заходил мистер Реддинг. Я никак не пойму, что ему было нужно.

— А он сам разве не сказал?

— Он только сказал, что забежал на огонек. Ска-

зал, что вечером ему одиноко. Никогда прежде он этого не делал.

— Что ж, его считают интересным собеседником, — сказал я с улыбкой.

— Зачем ему понадобилось приходить ко мне? Мне это не нравится. — В его голосе послышались истерические нотки. — Он сказал, что зайдет еще. Что все это значит? Что ему взбрело в голову, как вы думаете? — Хоуз почти кричал.

— А почему вам кажется, что у него были какие-то тайные цели? — спросил я.

— Мне это не нравится, — упрямо повторил Хоуз. — С *ним* мне делить нечего, я его никогда не трогал. Я никогда не верил, что *он* виноват, даже когда он сам себя оговорил, я заявил во всеуслышание, что это невероятно. Если уж подозревать кого-то, то скорее Арчера, а его я никогда не подозревал. Арчер — другое дело — негодяй, безбожник. Пьяница и бандит.

— Вам не кажется, что вы слишком к нему суровы? — спросил я. — Ведь, по сути дела, мы о нем почти ничего не знаем.

— Браконьер, только что из тюрьмы. Он на все способен.

— Неужели вы думаете, что он застрелил полковника Протеро? — полюбопытствовал я.

У Хоуза укоренилась привычка никогда не отвечать прямо да или нет. В последние дни я несколько раз ловил его на этом.

— Разве вам не кажется, сэр, что это единственный возможный ответ?

— Насколько мне известно, — сказал я, — против него нет ни одной, даже самой малой, улики.

— А угрозы? — живо возразил Хоуз. — Вы забыли — он грозился отомстить.

Мне до смерти надоело слушать про угрозы Арчера. Насколько я понимаю, их попросту никто не слышал, прямых свидетельств нет, одни слухи.

— Он собирался свести счеты с полковником Протеро. Напился для храбрости и застрелил его.

— Это чистейшие домыслы, — сказал я.

— Но вы признаете, что это вполне вероятно?

— Нет, не признаю.

— Но все-таки он имел такую возможность?

— Возможность — да.

Хоуз бросил на меня косой взгляд.

— А почему вы считаете, что это маловероятно?

— А потому, — сказал я, — что Арчеру и в голову бы не пришло стрелять из револьвера. Не то оружие.

Хоуза, кажется, озадачили мои доводы. Он явно

ожидал возражений иного рода.

— И вы всерьез думаете, что это реальное подтверждение невиновности Арчера? — спросил он неуверенно.

— На мой взгляд, это полностью исключает виновность Арчера, — сказал я.

Убедившись в том, что я твердо держусь своего мнения, Хоуз больше не спорил. Он еще раз поблагодарил меня и ушел.

Я проводил его до входной двери и на столике в холле заметил четыре письма. В них было что-то общее. Почерк, почти несомненно, женский. Одинаковая надпись. «С посыльным, срочно». Единственное различие, которое мне бросилось в глаза, — то, что одно было гораздо грязнее остальных.

Это сходство на минуту заставило меня испытать забавное ощущение, что у меня двоится, нет, четверится в глазах.

Мэри вышла из кухни и увидела, как я с изумлением рассматриваю эти записки.

— Принесли после ланча, — сообщила она, не дожидаясь расспросов. — Кроме одного. Одно я вынула из ящика.

Я кивнул, собрал письма и понес их к себе в кабинет.

В первом из них было написано:

«Дорогой мистер Клемент, до меня дошли некоторые сведения, которые я хотела бы сообщить вам. Это касается смерти бедного полковника Протеро. Я была бы очень благодарна за совет – обращаться ли мне в полицию или нет. После безвременной кончины моего дорогого супруга я так боюсь всякой суеты. Не могли бы вы зайти ко мне сегодня днем на несколько минут?

Искренне ваша,

Марта Прайс Ридли».

Я открыл второе письмо:

«Дорогой мистер Клемент, я в такой тревоге – у меня от волнения все в голове перепуталось, прямо не знаю, как быть. Я услышала нечто очень важное, так мне кажется. Но при одной мысли, что придется иметь дело с полицией, я прихожу в *ужас*. Я в полном отчаянии и растерянности. Не сочтите за труд, дорогой викарий, заглянуть ко мне на минутку и разрешить все мои сомнения и затруднения.

Вы для всех нас такой чудесный утешитель в горестях!

Извините за беспокойство.

Искренне ваша,

Каролина Везерби».

Я почувствовал, что содержание третьего письма могу, пожалуй, угадать, не читая.

«Дорогой мистер Клемент, до меня дошло нечто чрезвычайно важное. Я считаю, что вы должны узнать об этом первый. Зайдите ко мне сегодня в любое время. Я буду ждать».

Это воинственное послание было подписано: *«Аманда Хартнелл».*

Я вскрыл четвертое письмо. По милости судьбы, я получал очень мало анонимных писем. Я думаю, что анонимное письмо — самое низкое и жестокое оружие. То, что я держал в руках, не было исключением. Несмотря на старания выдать его за послание малограмотного человека, отдельные фразы заставили меня в этом усомниться.

«Дорогой викарий, я думаю, вам нада знать, што творится. Вашу леди видели, как она выходила из дома мистера Реддинга, украдкой. Сами понимаете, в чем тут дело. Между ними што-то есть. Думаю, вам нада знать.

Друг».

У меня вырвался негромкий возглас отвращения, я скомкал бумагу и швырнул ее в камин. В эту минуту вошла Гризельда.

— Что это ты выбрасываешь с таким презрением? — спросила она.

— Грязь, — сказал я.

Я вынул спичку из кармана, чиркнул и наклонился к каминной решетке. Но Гризельда меня опередила. Она наклонилась, подняла скомканную бумажку и разгладила ее, прежде чем я успел ей помешать.

Она прочла, вскрикнула и гадливо отбросила ее мне обратно, отвернув лицо. Я снова чиркнул спичкой и стал следить, как бумага горела.

Гризельда отошла от меня. Она стояла у окна и смотрела в сад.

— Лен, — сказала она не оборачиваясь.

— Да, милая.

— Я хочу тебе что-то сказать. Не мешай, я так хочу. Пожалуйста! Когда Лоуренс Реддинг сюда приехал, я сделала вид, что мы с ним едва знакомы. И ты мне поверил. А это неправда. Я... в общем, я его давно знала. Честно говоря, еще до того, как я встретилась с тобой... и даже была в него влюблена. Мне кажется, в Лоуренса почти все влюбляются. И я — было время, когда я вела себя как дурочка. Не подумай, что я писала ему компрометирующие письма или делала глупости, как в романах. Но я была к нему очень неравнодушна.

— Почему же ты мне не сказала? — спросил я.

— Ну! Потому! Сама не знаю... из-за того, что ты иногда бываешь такой глупый, прямо на себя не похож. Подумаешь, раз ты меня намного старше — это не значит, что я должна... что мне должны нравиться другие мужчины. Я подумала, что ты начнешь мучиться, раздумывать, — проще было скрыть от тебя эту дружбу с Лоуренсом.

— Ты очень ловко умеешь скрывать, — сказал я, вспоминая, что она говорила мне в этой самой комнате на прошлой неделе и какая искренность звучала в ее голосе.

— Правда, мне всегда удавалось скрывать, что хочу. Мне это даже нравится.

Она сказала это с детским удовольствием.

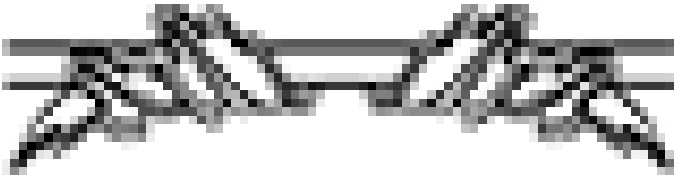
— Я тебе говорю чистую правду. Про Анну я не догадывалась и ломала голову, почему это Лоуренс так изменился — совсем, понимаешь, совсем не обращает на меня внимания. Я к этому не привыкла.

Молчание.

— Ты все понял, Лен? — с беспокойством спросила Гризельда.

— Да, — ответил я. — Понял.

В чем я совсем не уверен.



ГЛАВА 25

Оказалось довольно трудно загладить впечатление от анонимного письма. Дегтем поневоле замараешься.

Но я собрал остальные три письма, взглянул на часы и отправился в путь.

Было бы очень интересно угадать, что именно «дошло» до всех трех дам одновременно. Я решил, что новость у всех одна и та же. Но мне пришлось вскоре убедиться в том, что логика моя хромает.

Не стану делать вид, что главная цель — мои визиты — помешала мне зайти в полицейский

участок. Ноги сами принесли меня туда. Мне не терпелось узнать, вернулся ли инспектор Слэк из Старой Усадьбы. Оказалось, он уже вернулся, и, кроме того, с ним вместе пришла и мисс Крэм. Прекрасная Глэдис восседала на стуле в полицейском участке и норовила всех заставить плясать под свою дудку. Она категорически утверждала, что никакого чемодана ни в какой лес не носила.

— Я виновата, что одна из здешних старых сплетниц всю ночь торчит у окна? Делать ей нечего, а вы и рады все свалить на меня. Она уже один раз обозналась — говорит, что видела меня в конце аллеи, в день убийства, но, если она обозналась среди бела дня, разве ночью, при луне, она бы меня узнала? Злые языки у здешних старух, злые! Мелют что попало. А я-то сплю себе в своей постели, ничего ведать не ведаю. Постыдились бы все вы нападать на невинную девушку!

— А если хозяйка «Голубого Кабана» признает, что чемоданчик ваш, мисс Крэм?

— Что бы она ни признала, все неправда. На нем моего имени нет. Да почти у всех такие чемоданы, если хотите знать. А бедного доктора Стоуна — как можно его обвинять в краже! Да у

него после имени целая куча всяких букв![20]

— Значит, вы отказываетесь давать объяснения, мисс Крэм?

— Что значит отказываюсь? Просто вы ошиблись, и все. Вы с вашими старушками Марпл, которые везде нос суют. Больше вы из меня ни слова не вытянете, только в присутствии моего адвоката. И я сию минуту отсюда ухожу, если вы меня не посадите под арест, конечно.

Вместо ответа инспектор встал и распахнул перед ней дверь. Встряхнув головкой, мисс Крэм вышла на улицу.

— Уперлась, и все тут, — сказал Слэк, возвращаясь к столу. — Отрицает все начисто. Само собой, старушка могла и обознаться. Суд присяжных нипочем не поверит, что можно кого-то узнать с такого расстояния в лунную ночь. Говорю же, старушка вполне могла обознаться.

— Могла, — сказал я. — Но я не думаю, что она ошиблась. Мисс Марпл всегда бывает права. За это ее и недолюбливают.

Инспектор ухмыльнулся.

— Вот и Хёрст то же самое говорит. Ох уж эти

---

[20] notes: 20

Согласно существующей в англоязычных странах традиции ученая степень, звание и членство ученого в различных научных обществах указываются с помощью сокращений после его имени.

мне деревушки!

— А что с серебром, инспектор?

— Тут, похоже, все довольно просто. Ясно, что один из гарнитуров — подделка. В Мач Бенэме есть один знаток, специалист по старинному серебру. Я ему позвонил и послал за ним машину. Скоро узнаем, где настоящее, где подделка. То ли кража уже совершена, то ли имело место покушение на кражу. Вообще-то это не очень важно с нашей точки зрения, понимаете? Кража — пустяк по сравнению с убийством. А эта парочка в убийстве не замешана. Мы можем выйти на него через девушку, потому я ее сразу и отпустил.

— А я как раз об этом думал, — сказал я.

— Жаль все-таки, что мистер Реддинг сорвался с крючка. Не каждый день встречаешь человека, который на все готов, чтобы сделать тебе одолжение.

— Да уж, это большая редкость, — сказал я с легкой улыбкой.

— Все беды от женщин, — наставительно сказал инспектор.

Он вздохнул и продолжал, к моему удивлению:

— Конечно, у нас есть еще Арчер.

— А! — сказал я. — Вы и о нем подумали?

— Само собой, сэр, в первую очередь. Я не

нуждаюсь в том, чтобы меня наводили на след анонимками.

— Анонимками? — резко перебил его я. — Значит, вы получили анонимное письмо?

— Ничего особенного, сэр. Мы их получаем по дюжине в день, самое малое. Да-да, нам напомнили про Арчера. Как будто полиция не справится без них! Арчер с самого начала был на подозрении. Одна загвоздка — у него есть алиби. Пустое дело, но все же так просто от этого не отделаешься.

— То есть как пустое дело? Что вы хотите сказать?

— Видите ли, получается, что он весь день провел с двумя своими дружками. Как я и сказал, дело пустое, для нас это ничего не значит. Такие ребята, как Арчер и его дружки, присягнут в чем угодно. Таким верить не приходится. *Мы - то* знаем. Но публика не знает, а присяжных выбирают из публики, к сожалению. Они ничего не знают и верят любому, кто дает показания. Арчер, само собой, будет божиться и клясться до посинения, что он тут ни при чем.

— Далеко ему до мистера Реддинга, верно? — улыбнулся я.

— Небо и земля, — с готовностью подхватил

инспектор.

— Вполне естественно, мне кажется, бороться за свою жизнь, — задумчиво произнес я.

— Знали бы вы, сколько убийц разгуливает на свободе по милости добросердечных присяжных, — мрачно сказал инспектор, — вы бы поразились.

— А вы и вправду думаете, что это сделал Арчер?

Мне с самого начала бросилась в глаза одна странность — инспектор Слэк ни разу не высказал свои собственные предположения относительно убийцы. Похоже, единственное, что его интересовало — насколько легко или трудно притянуть к ответу того или иного подозреваемого.

— Да, не мешало бы знать поточнее, — сказал он. — Хотя бы отпечаток пальца или след от ботинка, а может, кто-нибудь видел, как он шлялся поблизости в час убийства. Пока таких улик нет, брать его под арест рискованно. Видели его возле дома мистера Реддинга раз или два, но он говорит, что заходил поболтать со своей мамашей. Она очень порядочная женщина. Нет, я в общем и целом склоняюсь к тому, что убийство совершила та леди. Только бы раздобыть доказательства шантажа, но в этом преступлении вообще ни-

каких доказательств нет! Версии, версии — и только. Какая жалость, что с вами по соседству нет еще одной одинокой старой дамы, мистер Клемент. Бьюсь об заклад, уж она бы ничего не пропустила.

Его слова напомнили мне о предстоящих визитах, и я откланялся. Это был, кажется, единственный случай, когда я застал инспектора в благодушном настроении.

Сначала я зашел к мисс Хартнелл. Очевидно, она поджидала меня у окна — я даже не успел позвонить, как она открыла дверь дома, крепко схватила меня за руку и повлекла за собой.

— Спасибо, что пришли. Сюда. Тут нам не помешают.

Мы вошли в крошечную комнатку, размером с клетку для кур. Мисс Хартнелл захлопнула дверь и с видом заговорщицы указала мне на один из трех стульев. Я видел, что она наслаждается таинственностью обстановки.

— Ходить вокруг да около не в моих привычках, — сказала она своим жизнерадостным голосом, слегка приглушив его ради серьезности событий. — Сами знаете, как быстро разносятся вести в нашей деревушке.

— К несчастью, знаю, — ответил я.

— Я с вами согласна. Я сама ненавижу сплетни. Но ничего не попишешь. Я сочла своим долгом сообщить полиции, что я заходила к миссис Лестрейндж вечером в день убийства, и ее не было дома. Никакой благодарности я не жду, я всегда выполняю свой долг, не рассчитывая на благодарность. Вокруг сплошная неблагодарность, такова жизнь. Да только вчера эта бесстыдница миссис Бейкер...

— Да, да, — поспешил я вмешаться в надежде избежать обычных излияний. — Печально, очень печально... Но вы говорили, что...

— Эти низшие классы не умеют ценить истинных людей, — сказала мисс Хартнелл. — Я, когда навещаю их, всегда отыщу что сказать для их же пользы. И хоть бы раз поблагодарили...

— Вы говорили, что сообщили инспектору о вашем визите к миссис Лестрейндж, — подсказал ей я.

— Вот именно, и, кстати сказать, он меня тоже не поблагодарил. Сказал, что сам все спросит, когда сочтет нужным, — может быть, я не совсем точна, но смысл именно таков. Нынче в полиции служат люди не чета прежним.

— Вполне вероятно, — сказал я. — Но вы хотели еще что-то сказать?

— Я решила, что ноги́ моей больше не будет у этого отвратительного инспектора. В конце концов, и духовное лицо может оказаться джентльменом — хотя бы в виде исключения, — добавила она.

Я понял, что попал в число немногих избранных.

— Если я могу вам чем-нибудь помочь... — начал я.

— Чувство долга — вот что мною руководит, — заявила мисс Хартнелл и захлопнула рот, как капкан. — Мне совсем не хочется это все говорить. Душа не лежит. Но долг есть долг.

Я ждал.

— Мне дали понять, — продолжала мисс Хартнелл, понемногу багровея, — что миссис Лестрейндж рассказывает, будто она была все время дома, что она не открывала дверь потому... в общем, не хотела открывать. Какое жеманство! Я заходила выполнить свой долг, а со мной так обходятся!

— Она была нездорова, — мягко заметил я.

— Ах, нездорова! Не смешите меня. Вы и впрямь не от мира сего, мистер Клемент. Эта женщина здоровее нас с вами. Так больна, что не в силах прийти на следствие! Справка от доктора Хей-

дока! Да она вертит им как хочет — это всем известно. Так о чем это я?..

Я не сумел ответить. Очень трудно уследить, когда мисс Хартнелл переходит от изложения фактов к поношению ближних.

— А! Я говорила, что была у нее в тот вечер. Так вот, плюньте в глаза тому, кто скажет, что она была дома. Ничего подобного. Я-то знаю.

— Как вы могли это узнать?

Мисс Хартнелл покраснела еще гуще. Если бы не ее воинственный пыл, можно было бы сказать, что она смутилась.

— Я стучала, я звонила, — стала объяснять она. — Два раза. Или даже три. Потом мне вдруг пришло в голову, что звонок испорчен.

Я с удовлетворением заметил, что она не могла смотреть мне в глаза, произнося эти слова. Все наши дома построены одним подрядчиком, и звонки он ставит такие, что их отлично слышно всякому, кто стоит на половике перед входной дверью. Мисс Хартнелл не хуже меня знала об этом, но, как я понимаю, требовалось соблюсти приличия.

— Да? — негромко сказал я.

— Мне не хотелось совать свою карточку в почтовый ящик. Это так невежливо, а я — какая бы я

ни была — невежливой быть не хочу.

Она высказала эту замечательную мысль не дрогнув.

— Вот я и подумала — обойду дом, постучу в окно, — продолжала она, уже не краснея. — Я обошла дом вокруг, заглядывала во все окна: в доме не было ни души!

Я прекрасно понимал ее. Воспользовавшись тем, что в доме никого не было, мисс Хартнелл дала полную волю своему любопытству и пошла в обход, обыскала сад и заглянула в каждое окно, стараясь разглядеть по мере возможности, что там внутри. Она решила рассказать все мне, уповая на то, что я проявлю больше понимания и сочувствия, чем полицейский инспектор. Предполагается, что духовный пастырь, по крайней мере, толкует спорные случаи в пользу своих прихожан.

Я не высказал никакого мнения. Я только спросил:

— А в котором часу это было, мисс Хартнелл?

— Если память мне не изменяет, — сказала мисс Хартнелл, — около шести. Я пошла прямо домой, пришла минут в десять седьмого, около половины седьмого пришла миссис Протеро, доктор Стоун и мистер Реддинг остались ждать

снаружи — мы с ней говорили про луковицы. А в это время бедняга полковник лежал убитый. Как печален этот мир!

— Порой он достаточно неприятен, — сказал я.

Я встал.

— Это все, что вы хотели мне сказать?

— Просто подумала — это может пригодиться.

— Может, — согласился я.

Не вступая в дальнейшие обсуждения, что немало разочаровало мисс Хартнелл, я распрощался.

Мисс Везерби, к которой я зашел после мисс Хартнелл, встретила меня в некотором волнении.

— Дорогой викарий! Как вы добры, право! Вы уже пили чай? Правда не хотите? Дать вам подушечку под спину? Как это трогательно! Вы пришли, как только я вас позвала. Вы себя не жалеете ради ближних.

Пришлось выслушать еще много чего в этом же роде, но наконец мы все же подошли к главной теме.

— Поймите, пожалуйста, что у меня сведения из самых надежных источников.

В Сент-Мэри-Мид самым надежным источником всегда является чужая прислуга.

— Вы не можете мне сказать, от кого вы это слышали?

— Я дала слово, дорогой мистер Клемент. А честное слово для меня святыня.

Она приняла чрезвычайно серьезный вид.

— Давайте скажем, что мне начирикала птичка, ладно? Так будет спокойнее, не правда ли?

Мне очень хотелось сказать: «Чертовски глупо!» Жаль, что я удержался. Хотелось бы посмотреть, как это подействует на мисс Везерби.

— Так вот, эта маленькая птичка сказала мне, что она видела одну даму, которую я называть не стану.

— Стало быть, видела еще одну птичку? — поинтересовался я.

К превеликому моему удивлению, мисс Везерби покатилась со смеху и игриво хлопнула меня по руке со словами:

— О, викарий, можно ли так шутить?

Немного успокоившись, она продолжала:

— Одну даму; и как вы думаете, куда эта дама направлялась? Она повернула по дороге к вашему дому, но сначала она самым странным образом оглянулась по сторонам — как я полагаю, чтобы убедиться, что ее не видит никто из знакомых.

— А первая птичка? — спросил я.

— Она как раз была в рыбной лавке — в комнате над лавкой, собственно говоря.

Я понятия не имею, куда ходят служанки в свои выходные дни. Но твердо знаю, куда они ни за что носу не высунут — на свежий воздух.

— И это было, — продолжала мисс Везерби, наклоняясь вперед с таинственным видом, — как раз около шести часов.

— А какой это был день?

Мисс Везерби коротко вскрикнула:

— День убийства, разумеется, неужели я не сказала?

— Я так и предполагал, — сказал я. — Имя этой дамы...

— Начинается на «Л», — подхватила мисс Везерби, энергично кивая.

Поняв, что информация, которую мне собиралась передать мисс Везерби, исчерпана, я встал.

— Но вы не допустите, чтобы меня допрашивала полиция? — жалобно сказала мисс Везерби, сжимая мою руку обеими руками. — Я не выношу, совершенно не выношу толпу. А стоять перед судом!..

— В особых случаях, — сказал я, — они разрешают свидетелю сидеть.

И ускользнул.

Оставалось повидать еще миссис Прайс Ридли. Эта леди сразу же поставила меня на подобающее мне место.

— Я не желаю быть замешанной в какие бы то ни было дела с полицией, — сказала она сурово, холодно пожимая мне руку. — Но вы должны понять, что, столкнувшись с обстоятельством, которое требует объяснений, я вынуждена была обратиться к официальному лицу.

— Это касается миссис Лестрейндж? — спросил я.

— С чего вы взяли? — холодно отпарировала она.

Я понял, что попал впросак.

— Все очень просто, — продолжала она. — Моя служанка, Клара, стояла у калитки, она спустилась на несколько минут, как *она* утверждает, глотнуть свежего воздуха. Верить ей, конечно, нельзя. Скорее всего, она высматривала посыльного из рыбной лавки — язык не поворачивается звать его мальчиком на побегушках — дерзкий нахал, думает, что, если ему стукнуло семнадцать, он может заигрывать со всеми девушками подряд. Ну, как бы то ни было, стоит она у калитки и вдруг слышит — кто-то чихнул.

— Так, так, — сказал я, ожидая продолжения.

— Вот и все. Я вам говорю: она услышала, как кто-то чихнул. И не вздумайте мне толковать, что я не так уж молода и мне могло послышаться — это слышала Клара, а ей всего девятнадцать.

— Но почему бы ей не услышать, как кто-то чихнул?

Миссис Прайс Ридли окинула меня взглядом, полным нескрываемой жалости к моим убогим умственным способностям.

— Она слышала этот звук в день убийства — и в то время, когда у вас в доме никого не было. Ясно, что убийца затаился в кустах, выжидая удобную минуту. Вам нужно найти человека с насморком!

— Или с сенной лихорадкой, — подхватил я. — Но, если уж на то пошло, миссис Прайс Ридли, тайна разрешается очень просто. Наша служанка, Мэри, сильно простужена. Признаюсь, последнее время нам действует на нервы ее шмыганье носом. Наверно, она и чихнула, а ваша служанка услышала.

— Чихал мужчина, — не терпящим возражений тоном сказала миссис Прайс Ридли. — И от нашей калитки нельзя услышать, как ваша прислуга чихает у себя на кухне.

— И еще от вашей калитки не услышишь, если

чихнут в моем кабинете, — сказал я. — По крайней мере, я так думаю.

— Я же сказала, что мужчина мог скрываться в кустах, — повторила миссис Прайс Ридли. — Не сомневаюсь — когда Клара ушла, он проник через парадную дверь.

— Это, конечно, вполне возможно, — сказал я.

Я старался, чтобы мой голос не звучал снисходительно, но, как видно, мало в этом преуспел — миссис Прайс Ридли ни с того ни с сего обожгла меня негодующим взглядом.

— Я привыкла, что меня никто не слушает, и все же я скажу: когда теннисную ракетку швыряют на траву без чехла, она потом никуда не годится. А теннисные ракетки нынче дороги.

Я не видел ни повода, ни смысла в этом внезапном нападении с тыла. Оно застало меня врасплох.

— Может быть, вы со мной не согласны? — сурово спросила миссис Прайс Ридли.

— О, что вы — совершенно согласен.

— Очень рада. Так вот, это все, что я хотела сказать. И я умываю руки.

Она откинулась в кресле и закрыла глаза, как человек, утомленный мирской суетой. Я поблагодарил ее и попрощался.

У входной двери я рискнул спросить Клару о том, что рассказала ее хозяйка.

— Чистая правда, сэр, я слышала — кто-то ка-ак чихнет! И это чиханье было не простое, нет, не простое.

Все, связанное с убийством, не простое, а особенное. И выстрел был какой-то особенный. И чихнул кто-то как-то необыкновенно. Думаю, это было фирменное чиханье, специально для убийц. Я спросил девушку, когда это было, но она определенно сказать не могла — кажется, где-то между четвертью седьмого и половиной. Во всяком случае, «до того, как хозяйке позвонили по телефону и ей стало плохо».

Я спросил, слышала ли она какой-нибудь выстрел. Она сказала, что стрельба поднялась — просто жуть! После этого доверять ее показаниям не приходилось.

Я подошел почти к самой калитке нашего сада, но решил навестить сначала своего друга.

Взглянув на часы, я увидел, что как раз поспею до вечерней службы. Я пошел по дороге к дому Хейдока. Он встретил меня на пороге.

Я снова заметил, какой у него измученный, изможденный вид. Последние события состарили его до неузнаваемости.

— Рад вас видеть, — сказал он. — Какие новости?

Я рассказал ему про Стоуна.

— Вор высокого класса, — заметил он. — Да, это многое объясняет. Он читал кое-что, но в разговорах со мной иногда ошибался. А Протеро, как видно, сразу его раскусил. Помните, как они поссорились? А девушка — как по-вашему, она в этом тоже замешана?

— По этому поводу определенного мнения нет, — сказал я. — Я лично считаю, что она тут ни при чем. Она на редкость глупа, — добавил я.

— Ну нет! Я бы не сказал. Она себе на уме, эта мисс Глэдис Крэм. Исключительно здоровый экземпляр. Вряд ли станет докучать представителям медицины вроде меня.

Я сказал ему, что меня очень беспокоит Хоуз, и я хотел бы, чтобы он уехал, переменил обстановку, отдохнул как следует.

Я заметил, что после моих слов доктор как бы замкнулся. Ответ его прозвучал не совсем искренне.

— Да, — уклончиво протянул он. — Думаю, это будет самое для него лучшее. Бедняга. Бедняга.

— А мне казалось, что он вам несимпатичен, — сказал я.

— В общем-то, конечно. Но мне жаль многих людей, которым я не симпатизирую. — Помолчав, он добавил: — Мне даже Протеро жалко. Бедный малый — никто его не любил. Самовлюбленный эгоист и упрямец. Малоприятное сочетание. И он всегда был таким, даже в молодости.

— А я и не знал, что вы с ним были знакомы.

— Да, был. Когда мы жили в Вестморленде[21], я там неподалеку практиковал. Много воды утекло. Почти двадцать лет прошло...

Я вздохнул. Двадцать лет назад Гризельде было пять годиков. Странная штука время...

— Вы больше ничего не хотели мне сказать, Клемент?

Я вздрогнул и поднял глаза. Хейдок внимательно смотрел на меня.

— Есть еще что-то, да? — спросил он.

Я кивнул головой.

Когда я шел сюда, я не был уверен, стоит ли говорить, но теперь решился. Хейдок мне очень по душе. Прекрасный человек, во всех отношениях. То, что я был готов сообщить, могло ему пригодиться.

Я передал ему разговоры с мисс Хартнелл и

---

[21] notes: 21

В е с т м о р л е н д — графство на северо-западе Англии.

мисс Везерби.

Выслушав меня, он надолго погрузился в молчание.

— Это правда, Клемент, — сказал он наконец. — Я старался оградить миссис Лестрейндж от всяких огорчений, насколько это в моих силах. Ведь она старый мой друг. Но это не единственная причина. Медицинская справка, которую я ей дал, вовсе не подтасовка, хотя все вы воспринимаете ее именно таковой.

Он опять замолчал, потом торжественно произнес:

— Это должно остаться между нами, Клемент. Миссис Лестрейндж обречена.

— Что?

— Она умирает. Ей осталось жить, по моим соображениям, месяц, не больше. Теперь вас не удивляет, что я хочу избавить ее от назойливых, мучительных допросов?

Он продолжал:

— Когда она свернула на эту дорогу в тот вечер, она шла сюда — в мой дом.

— Вы об этом никому не сказали.

— Не хотел пересудов. С шести до семи у меня приема нет, и это все знают. Но я даю вам слово, что она была здесь.

— Но, когда я за вами пришел, ее здесь не было. Помните, когда мы нашли убитого.

— Не было. — Он сильно смутился. — Она уже ушла — у нее была назначена встреча.

— Где была назначена встреча? У нее в доме?

— Не знаю, Клемент. Слово чести, не знаю.

Я ему верил, но...

— А что, если повесят невиновного? — сказал я.

— Нет, — возразил он. — Никого не повесят за убийство полковника Протеро. Поверьте мне.

Как раз это мне и не удавалось. Но все же он говорил с такой убежденностью...

— Никого не повесят, — повторил он.

— А тот малый, Арчер...

Он раздраженно отмахнулся.

— Да у него не хватило бы ума стереть отпечатки с рукоятки.

— Может статься, — сказал я неуверенно.

Тут я вдруг вспомнил о маленьком коричневом кристалле, который нашел в лесу, вынул его из кармана и протянул Хейдоку — не знает ли он, что это такое?

— Гм-мм. — Он немного замялся. — С виду похоже на пикриновую кислоту. Где вы его подобрали?

— А это, — ответил я, — секрет Шерлока Холмса.

Он улыбнулся.

— А что это такое — пикриновая кислота?

— Взрывчатое вещество.

— Это я знаю, но, мне кажется, у нее есть и другое применение?

Он кивнул.

— В медицине — применяется в примочках от ожогов. Прекрасно помогает.

Я протянул руку, и он как-то неохотно вернул мне кристалл.

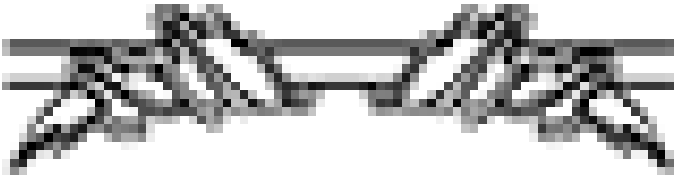
— Может быть, этот кристаллик ничего не значит, — сказал я. — Но я нашел его в довольно неожиданном месте.

— И не хотите сказать где?

Я уперся, совершенно по-детски.

У него свои тайны. Что ж, пусть и у меня будет тайна.

Я все-таки немного обиделся, что он от меня что-то скрывает.



ГЛАВА 26

В тот вечер я взошел на кафедру в странном настроении.

Церковь была полна народу. Вряд ли такое необычное стечение верующих можно было объяснить желанием послушать проповедь Хоуза. Хоуз — нудный догматик[22]. А если они успели проведать, что я буду говорить вместо Хоуза, это тоже не могло их привлечь. Мои ученые про-

[22] notes: 22

Д о г м а т и к — человек, не способный к критическому мышлению, принимающий те или иные положения как непреложную истину, не нуждающуюся в доказательстве.

поведи не менее нудны. Боюсь, что приписать эту многолюдность религиозному рвению тоже нельзя.

Я решил, что все пришли поглядеть, кто еще будет в церкви, и, возможно, немного посплетничать после службы.

Среди прихожан оказался Хейдок, что было у него не в обычае, и Лоуренс Реддинг. К своему удивлению, я увидел рядом с Лоуренсом Хоуза, лицо у него было бледное, напряженное. Была здесь и Анна Протеро — она всегда посещает вечернюю службу по воскресеньям, но на этот раз я не ожидал ее увидеть. Гораздо более меня удивило присутствие Летиции. Воскресных утренних служб она не пропускала, полковник Протеро вменял это в обязанность домашним, но на вечерней службе я видел Летицию впервые.

Пришла и Глэдис Крэм, она выглядела вызывающе юной и пышущей здоровьем рядом с высохшими старыми девами; и, как мне показалось, в темном углу, куда она проскользнула перед самым началом, сидела миссис Лестрейндж.

Стоит ли упоминать, что миссис Прайс Ридли, мисс Хартнелл, мисс Везерби и мисс Марпл присутствовали в полном составе. Вся деревня, как один человек, явилась в церковь. Не припомню

такого собрания в нашем приходе.

Толпа обладает странным свойством. В тот вечер атмосфера явно была насыщена магнетизмом, и первым это почувствовал я.

Как правило, я готовлюсь к проповеди заблаговременно. Я готовлю свои проповеди с превеликой тщательностью и ответственностью, но, увы, никто лучше меня не видит их недостатков.

В тот вечер по воле обстоятельств пришлось проповедовать ex tempore[23], и, когда я взглянул на море поднятых ко мне лиц, мой мозг захлестнуло безумие. Во мне ничего не осталось от служителя Божьего. Я превратился в актера. Передо мной была публика, и я жаждал власти над чувствами публики, более того — я чувствовал, что эта власть в моих руках.

Мне не пристало гордиться тем, что я сделал в тот вечер. Я всегда был серьезным противником эмоций, всяких сектантских радений. Но в этот вечер я сыграл роль неистового, красноречивого проповедника.

Я очень четко произнес евангельскую тему проповеди:

«Я пришел не праведников, но грешников при-

---

[23] notes: 23
Без подготовки *(лат.)*.

звать к раскаянию»[24].

Дважды повторил эти слова и услышал собственный голос, сильный, звучный, абсолютно не похожий на голос Леонарда Клемента.

Я увидел, как Гризельда в первом ряду подняла удивленный взгляд, и Деннис последовал ее примеру.

На минуту я задержал дыхание, а потом дал себе волю.

Все собравшиеся в тот вечер в церкви были и без того взвинчены, готовы к взрыву эмоций — было легко сыграть на их чувствах. И я играл. Я призвал грешников к раскаянию. Я взвинтил себя до какого-то дикого экстаза. Я то и дело выбрасывал вперед руку с указующим на грешника перстом и каждый раз сопровождал обличающий жест словами:

— Я обращаюсь к *тебе!*

И каждый раз в ответ на эти слова с разных сторон до меня доносился общий вздох, почти рыдание.

Чувства толпы — это нечто необъяснимое и

---

[24] notes: 24

Основой проповеди в англиканской церкви часто служит созвучное моменту положение Священного Писания, которое развивается и аргументируется в проповеди; в данном случае взята цитата из Евангелия от Матфея, IX:13.

ужасное.

Я закончил проповедь прекрасными, грозными словами, быть может, самыми грозными словами в Библии:

«Если в эту ночь душу твою возьмут от тебя...»[25]

Это было недолговечное, странное вдохновение. Домой я вернулся прежним, бесцветным и неприметным человеком. Гризельда меня ждала. Она была немного бледна. Она взяла меня под руку.

— Лен, — сказала она, — ты сегодня был такой... беспощадный. Мне это не понравилось. Я никогда раньше не слышала такой проповеди.

— И думаю, что больше никогда и не услышишь, — сказал я, в изнеможении добираясь до дивана. Я чувствовал себя совершенно измученным.

— Что с тобой стряслось?

— На меня накатило безумие.

— О! А ничего такого, особенного, не было?

— Что значит — «ничего особенного»?

— Просто спросила, и все. Ты человек непредсказуемый, Лен. Мне всегда кажется, что я тебя

---

[25] notes: 25
Цитата из Евангелия от Луки, XII:20.

совсем не знаю.

Мы сели за стол. Ужин был холодный ввиду отсутствия Мэри.

— Тебе письмо в холле лежит, — сказала Гризельда. — Деннис, принеси, пожалуйста.

Деннис, не проронивший ни слова за весь вечер, молча пошел за письмом.

Я взглянул на письмо и невольно застонал. В левом верхнем углу было написано *«С посыльным. Срочно».*

— Это, несомненно, от мисс Марпл, — сказал я. — Больше не от кого.

Мое предположение оправдалось.

> «Дорогой мистер Клемент, – мне очень хотелось бы поговорить с вами о нескольких мелочах, которые пришли мне в голову. Мне кажется, все мы должны по мере сил помочь в расследовании этой печальной тайны. Я подойду, с вашего разрешения, около половины десятого и стукну в окошко кабинета. Не будет ли милая Гризельда так добра – пусть забежит к нам и поможет моему племяннику скоротать вечер. Разумеется, мы будем рады и мистеру Деннису, если он захочет

прийти. Если не будет другого ответа, я дождусь их и приду к вам в назначенное время.

Искренне ваша,

Джейн Марпл».

Я протянул письмо Гризельде.

— Ой, мы непременно пойдем, — весело воскликнула она. — Стаканчик-другой домашней наливки — как раз то, что нужно человеку в воскресный вечерок. По-моему, Мэри сегодня приготовила особенно удручающее бланманже[26]. От него у нас такое похоронное настроение.

Деннис встретил приглашение далеко не так восторженно.

— Вам-то хорошо, — проворчал он. — Рассуждаете обо всех этих высоких материях, о книгах, об искусстве. А я сижу развесив уши и чувствую себя круглым идиотом.

— Это тебе полезно, — как ни в чем не бывало откликнулась Гризельда. — Чтобы ты помнил свое место. А вообще, по-моему, мистер Реймонд Вест вовсе не такой уж всезнайка, он больше представляется.

---

[26] notes: 26

Б л а н м а н ж е *(фр.)* — желе из сливок, миндаля, сахара и желатина.

— Всезнаек среди нас нет, — сказал я.

Мне не терпелось узнать, что именно хочет сказать мне мисс Марпл. Из всех дам моего прихода она, безусловно, самая проницательная. Мало того, что она видит и слышит практически все, что творится вокруг, — она еще умеет дать удивительно точное и убедительное истолкование фактам, которые привлекли ее внимание.

Если бы я когда-либо решил вступить на стезю преступления, то больше всего опасался бы мисс Марпл.

«Спасательно-развлекательная экспедиция к племяннику» — так ее назвала Гризельда — отправилась в поход в начале десятого, а я в ожидании мисс Марпл развлекался тем, что составлял нечто вроде описи фактов, связанных с преступлением. Я расположил их в более или менее хронологическом порядке. Человеком пунктуальным меня не назовешь, но я люблю аккуратность, и мне нравится записывать все в надлежащем порядке.

Точно в половине десятого в окно тихонько постучали, я встал и впустил в кабинет мисс Марпл.

На голову и плечи у нее была накинута тончайшая, пушистая шотландская шаль, и от этого

она казалась старенькой и хрупкой. Она вошла и сразу же начала говорить, торопясь и слегка запыхавшись от волнения:

— Вы так добры, что позволили мне зайти... Душечка Гризельда — сама доброта... Реймонд от нее без ума, всегда говорит о ней: прелестная головка Грёза...[27] Можно присесть сюда? Это не ваше кресло? О, благодарю вас... Нет, что вы, не надо скамеечки для ног.

Я повесил шотландскую шаль на спинку стула, потом подошел и сел в кресло напротив своей гостьи. Мы сидели и глядели друг на друга; на лице мисс Марпл заиграла лукавая улыбка.

— Вот вы сейчас сидите и думаете — отчего я во все это вмешиваюсь? Наверно, вам кажется, что это не женского ума дело. Нет-нет, прошу вас, позвольте мне объяснить все самой.

Она на минуту умолкла, и щеки ее начали медленно заливаться нежным румянцем.

— Видите ли, — наконец начала она, — когда живешь совсем одна в таком заброшенном уголке, поневоле приходится искать себе хобби. Ну, разумеется, есть и вязание, и Образцовые

---

[27] notes: 27

Г р ё з Жан-Батист (1725–1805) — французский живописец, испытавший влияние идей сентиментализма и писавший прелестные идеализированные женские и детские головки.

Дети, и благотворительность, можно и пейзажи рисовать, но у меня одно хобби с давних пор: Человеческая Натура. Такое разнообразие, так невероятно увлекательно! И как-то само собой получается, что когда человек живет в глухой деревушке, где нет никаких развлечений, у него возникает масса возможностей стать настоящим знатоком, если так можно сказать. Начинаешь классифицировать людей — словно они птицы или цветы: такой-то класс, такой-то род, такой-то вид. Разумеется, порой можно и ошибиться, но со временем ошибаешься все реже. Знаете ли, привыкаешь себя проверять на практике. Например, берешь мелкую загадку — помните, милая Гризельда так смеялась над историей с полупинтой креветок? Эту мелочь и тайной не назовешь, и тем не менее она абсолютно неразрешима, если не найти верный ключ. Или вот еще случай с подменой микстуры от кашля и с зонтиком жены мясника — он тут как бы и ни при чем, если не предположить, что бакалейщик и жена аптекаря ведут себя совершенно неподобающим образом; конечно, так оно и оказалось. Это так увлекательно, когда поразмыслишь над чем-нибудь, а потом убеждаешься в своей правоте.

— А вы всегда оказываетесь правы, мне кажет-

ся, — улыбнулся я.

— В том-то и дело, что из-за этого становишься чуточку самоуверенной, — созналась мисс Марпл. — Но мне так хотелось проверить, смогу ли я так же разгадать настоящую, серьезную тайну? То есть сумею ли я в ней разобраться? Рассуждая логически, это совершенно тот же процесс. В конце концов, маленькая действующая модель торпеды — практически мало отличается от настоящей торпеды.

— Вы считаете, что все дело в подобии, а размеры относительны? — медленно проговорил я. — Должно быть, это так, признаю, это логично. Но я не уверен, что теория всегда подтверждается практикой.

— Уверяю вас, это одно и то же, — сказала мисс Марпл. — Видите ли, все можно свести к общему знаменателю, кажется, мы так это называли в школе? Во-первых, деньги, затем привлекательность... мм...м для людей, противоположного пола и, конечно, разные странности — людей со странностями такое множество, не правда ли? Признаться, когда узнаешь человека получше, непременно углядишь в нем какую-то странность. Нормальные люди иногда такое выкинут, что и не придумаешь, а ненормальные часто

ведут себя очень разумно. Понимаете, единственный выход — сравнивать людей с другими, которых вы знаете или знали раньше. Вы бы очень удивились, если бы я вам сказала, что всех людей можно отнести к немногим определенным типам.

— Вы меня пугаете, — сказал я. — Я себя чувствую как под микроскопом.

— Вы, конечно, понимаете, что у меня и в мыслях не было говорить об этом ни с полковником Мельчеттом — он такой властный, ни с бедняжкой инспектором Слэком — он ведь точь-в-точь как молоденькая продавщица в обувной лавке, которая хочет непременно заставить вас купить лакированные лодочки, потому что у нее есть как раз ваш размер, и слышать не хочет, что вам нужны простые опойковые туфли[28].

Честно говоря, это блестящая характеристика Слэка.

— Но вы, мистер Клемент, знаете о преступлении не меньше инспектора Слэка, я уверена. И я подумала, что если мы с вами станем работать вместе...

— Как знать, — сказал я. — Должно быть, каж-

---

[28] notes: 28
О п о й к о в ы е...т у ф л и — туфли из кожи молодого теленка.

дый человек в глубине души воображает себя Шерлоком Холмсом.

Потом я рассказал ей про три письма, полученные сегодня. Рассказал и о том, как Анна нашла портрет, изуродованный до неузнаваемости ножом. Описал и поведение мисс Крэм в полицейском участке, упомянул и о том, как Хейдок определил подобранный мною кристалл.

— А так как я его нашел, то мне и хотелось бы, чтобы он имел решающее значение, — сказал я в заключение. — Но, всего вероятнее, этот кристалл вообще не имеет отношения к нашему делу.

— А я за эти дни прочла кучу американских детективов — брала в библиотеке, — сказала мисс Марпл. — Может пригодиться для дела.

— Там ничего нет про пикриновую кислоту?

— Боюсь, что нет. Однако я где-то читала, что одного человека отравили, растирая его вместо лекарства пикриновой кислотой на ланолине.

— Но у нас тут никого не отравляли, так что это не подходит, — сказал я.

Потом взял со стола и подал ей свой небольшой реестр.

— Вот моя попытка восстановить некоторые факты, привести их в порядок, — сказал я.

«ОПИСЬ ФАКТОВ

Четверг, 21 сего месяца.

12:30 – полковник Протеро переносит время своего визита с 18:00 часов на 18:15. Весьма возможно, что это слышала вся деревня.

12:45 – пистолет в последний раз видели лежащим на своем месте (несколько сомнительно, так как ранее миссис Арчер утверждала, что этого не помнит).

17:30 (примерно) – полковник и миссис Протеро выезжают из дому в деревню на машине.

17:30 – ложный вызов к умирающему, звонили из привратницкой у Северных ворот.

18:15 (или раньше на одну-две минуты) – полковник Протеро зашел в мой кабинет, куда его проводила Мэри.

18:20 – миссис Протеро проходит аллеей со стороны сада к окну кабинета. Она не видела полковника Протеро.

18:29 – звонок из коттеджа Лоуренса Реддинга к миссис Прайс Ридли (по данным с телефонной станции).

18:30–18:35 – слышен выстрел (если считать, что время телефонного звонка

было указано точно). По показаниям Лоуренса Реддинга, Анны Протеро и доктора Стоуна, выстрел был слышен раньше, но весьма вероятно, что права миссис П.Р.

18:45 – Лоуренс Реддинг приходит в мой дом и обнаруживает труп.

18:48 – я встречаюсь с Лоуренсом Реддингом.

18:49 – я обнаруживаю труп.

18:55 – Хейдок осматривает труп.

Примечание. Никакого алиби на время с 18:30 до 18:35 нет у двух лиц – у мисс Крэм и миссис Лестрейндж. Мисс Крэм говорит, что была на раскопках, но свидетелей нет. Однако подозрение с нее может быть снято, так как она явно не связана с этим делом. Миссис Лестрейндж вышла от доктора Хейдока в самом начале седьмого, так как торопилась на свидание. Где и с кем было назначено свидание? Едва ли с полковником Протеро, так как он в это время должен был быть у меня. Миссис Лестрейндж могла быть поблизости от места преступления в указанное время, но у нее вряд ли имелись какие-либо мотивы для убийства. Она ничего

не выиграла с его смертью, а версия инспектора – вымогательство – мне кажется неприемлемой. Миссис Лестрейндж не такой человек. Также маловероятно, что она могла получить доступ к пистолету Лоуренса Реддинга».

— Очень четко, — сказала мисс Марпл, одобрительно кивая головой. — Джентльмены всегда все записывают с отменной точностью.

— А вы согласны с тем, что я написал? — спросил я.

— О да, вы так прекрасно все расписали.

Тогда я задал ей вопрос, который мне давно не терпелось задать.

— Мисс Марпл, — сказал я. — Кого вы подозреваете? Вы как-то говорили, что подозреваете семерых.

— Да, как будто, — рассеянно сказала мисс Марпл. — Но, мне кажется, мы с вами подозреваем разных людей. Собственно говоря, так оно и есть.

Но она не стала спрашивать, кого подозреваю я.

— Все дело в том, — сказала она, — что необходимо подыскать объяснение для всего слу-

чившегося. Каждую мелочь нужно истолковать и объяснить. И если у вас есть версия, которая включает в себя все факты без исключения, — значит, вы правы. Но это неимоверно сложно. Если бы не эта записка...

— Записка? — удивился я.

— Да, вы же помните, я вам говорила. Записка мне не дает покоя с самого начала. Что-то в ней не так.

— Но ведь теперь все совершенно ясно, — сказал я. — Записка была написана в восемнадцать тридцать пять, а сверху другой рукой, рукой убийцы, приписано 18:20. Я думаю, что с этим все ясно.

— Пусть так, — сказала мисс Марпл. — И все же записка меня беспокоит.

— Почему?

— Послушайте. — Мисс Марпл с живостью наклонилась ко мне поближе. — Миссис Протеро, как я вам уже говорила, прошла мимо моего сада, и она прошла к окну кабинета, заглянула внутрь и не увидела полковника Протеро.

— Потому что он сидел за столом и писал, — сказал я.

— Вот тут-то и не сходится! Это было в двадцать минут седьмого. Мы с вами говорили, что он не

мог сесть и написать, что до половины седьмого он ждать не может, зачем же ему тогда было усаживаться за стол?

— Об этом я и не подумал, — задумчиво сказал я.

— Давайте-ка еще раз во всем разберемся, мой дорогой мистер Клемент. Миссис Протеро подходит к окну, и ей кажется, что в комнате никого нет, и она действительно так подумала, иначе она ни за что бы не пошла в мастерскую к мистеру Реддингу. Это было бы очень неосторожно. В комнате должно быть совершенно тихо, чтобы она решила, что там никого нет. Это можно объяснить одной из трех причин.

— Вы хотите сказать...

— Первая возможная причина — полковник Протеро был уже мертв, но в этом я сомневаюсь. Во-первых, пяти минут не прошло, как он туда вошел, и она или я — мы непременно услышали бы выстрел, а во-вторых, опять же неясно, как он оказался сидящим за письменным столом. Вторая возможная причина — он уже сидел за столом и писал записку, но тогда записка должна была быть совсем о другом. Он не мог писать, что ему некогда ждать. А третья...

— Да? — сказал я.

— Третья причина — в комнате и вправду никого не было, и миссис Протеро была права.

— Вы хотите сказать, что он прошел в кабинет, потом куда-то вышел и вернулся позже?

— Да.

— Но зачем ему это понадобилось?

Мисс Марпл слегка развела руками, выражая недоумение.

— Тогда на все это надо смотреть с совершенно иной точки зрения, — сказал я.

— Нам так часто приходится менять точку зрения на многие вещи. Верно?

Я не отвечал. Я тщательно обдумывал три варианта, которые предложила мисс Марпл.

Старая леди вздохнула и встала.

— Мне пора домой. Я так рада, что нам удалось с вами чуточку поболтать, хотя мы немногого добились, да?

— Сказать по совести, — заметил я, подавая ей шаль, — вся эта история для меня — темный лес.

— Что вы! Этого я бы не сказала. Мне думается, что одна версия подходит. То есть если допустить некое совпадение... а мне кажется, такое допущение позволительно. Только одно, не более, иначе было бы слишком.

— Вы это серьезно говорите? Про версию? —

спросил я, глядя ей в глаза.

— Должна признаться, что в моей теории не все гладко — есть один факт, который я не могу объяснить. О! Вот если бы записка была совсем другая...

Она вздохнула и покачала головой. Уже выходя, она машинально протянула руку и пощупала цветок, стоявший на высокой подставке; вид у растения был унылый и неухоженный.

— Вы знаете, мистер Клемент, его надо почаще поливать. Бедняжка, он просто сохнет! Скажите вашей служанке, чтобы поливала его каждый день. Я думаю, это входит в круг ее обязанностей.

— В той же мере, как и все остальные домашние дела, — сказал я.

— Немного не хватает выучки, да? — спросила мисс Марпл.

— О да, — сказал я. — Гризельда же и слушать не хочет о том, чтобы ее рассчитать. Она уверена, что служанка остается у нас только потому, что ее никто другой не возьмет. Правда, не далее как вчера Мэри стращала нас, что уйдет.

— Вот как? А мне всегда казалось, что она очень привязана к вам обоим.

— Я этого как-то не замечал, — сказал я. — Кстати, ее обидела Летиция Протеро. Мэри вернулась

со следствия в расстроенных чувствах, а Летиция уже была здесь, и они... в общем, они повздорили.

— О! — воскликнула мисс Марпл. Она уже было переступила через порог, но внезапно застыла на месте, и лицо у нее изменилось, на нем мелькнула целая череда сменяющих друг друга выражений. Я был удивлен.

— О, боже ты мой, — пробормотала она себе под нос. — Какая же я *глупая.* Так вот в чем дело. Вполне, вполне возможно, с самого начала.

— Простите?

Она подняла ко мне встревоженное лицо.

— Нет, ничего. Просто мне пришла в голову мысль. Я, пожалуй, пойду домой и хорошенько все обдумаю. Знаете ли, я, кажется, была удивительно недогадлива, даже самой не верится.

— И мне не верится, — галантно сказал я.

Я проводил ее через сад.

— А вы не могли бы поделиться со мной этой внезапной догадкой? — спросил я.

— Пока не хотелось бы. А вдруг я все же ошибаюсь. Впрочем, не думаю. А вот и моя калитка. Большое вам спасибо. Прошу вас, не провожайте меня дальше.

— Записка по-прежнему остается камнем

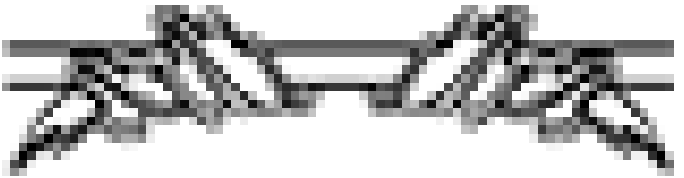
преткновения? — спросил я когда она, войдя в калитку, закрывала за собой задвижку.

Она посмотрела на меня, словно не понимая.

— Записка? А! Ну, разумеется, это была не та записка. Я и не думала, что она настоящая. Доброй ночи, мистер Клемент.

Она быстрым шагом пошла по тропинке к дому, а я глядел ей вслед, словно прикованный к месту.

Я терялся в догадках.



ГЛАВА 27

Гризельда и Деннис еще не вернулись. Я подумал, что надо было мне проводить мисс Марпл и заодно позвать их домой — это было бы вполне естественно. Но мы с ней были так поглощены обсуждением всех возможных перипетий тайны убийства, что забыли о существовании всех остальных.

Я стоял в холле раздумывая — не пойти ли мне за ними, но тут раздался звонок.

Я вернулся к двери. Заметив, что в почтовом ящике лежит письмо, я решил, что звонил поч-

тальон, и вынул письмо из ящика. Но снова раздался звонок, и я, впопыхах сунув письмо в карман, открыл дверь.

За дверью стоял полковник Мельчетт.

— Привет, Клемент. Еду домой из города, на машине. Решил проведать. Не дадите ли чего-нибудь выпить?

— Конечно, я очень рад. С превеликим удовольствием! — сказал я. — Прошу ко мне.

Он снял кожаное пальто и прошел со мной в кабинет. Я достал виски, содовую и два бокала. Мельчетт стоял у камина, широко расставив ноги, и поглаживал стриженные щеточкой усы.

— У меня для вас есть кое-что новенькое, Клемент. Вы такого еще и не слыхивали. Но с этим можно повременить. Как дела тут, у вас? Еще какая-нибудь старая леди взяла след?

— Ничего плохого в этом не вижу, — сказал я. — Во всяком случае, одна из них считает, что идет по горячему следу.

— Наша приятельница мисс Марпл? Да?

— Наша приятельница мисс Марпл.

— Такие особы всегда считают, что знают все лучше других, — сказал полковник Мельчетт.

Он с явным удовольствием потягивал виски с содовой.

— Быть может, с моей стороны нескромно задавать вопросы, — сказал я, — но надеюсь, что кто-нибудь допросил парнишку из рыбной лавки. Я хочу сказать, что, если убийца вышел через парадную дверь, малый, возможно, видел его.

— Слэк его допросил, можете не сомневаться, — сказал Мельчетт. — Но парень говорит, что никого не встречал. Что в принципе и понятно. Убийца не станет лезть на глаза. Скажем, у ваших ворот можно и в кустах переждать. Посыльный заходил к вам, к Хейдоку и к миссис Прайс Ридли. От него схорониться ничего не стоило.

— Да, — сказал я. — Вы правы.

— А с другой стороны, — продолжал Мельчетт, — если все же это дело рук негодяя Арчера и юный Фред Джексон видел здесь его, он едва ли проговорился бы. Арчер его двоюродный брат.

— Вы всерьез подозреваете Арчера?

— Понимаете ли, старик Протеро его на дух не переносил. И тот был не прочь с ним расквитаться. А снисходительностью старик похвастаться не мог.

— Да, — сказал я. — Человек он был жесткий и непримиримый.

— Я всегда говорю: живите и давайте жить другим, — сказал Мельчетт. — Конечно, закон есть

закон, но никому не повредит хоть малая доля человечности. Протеро не знал снисхождения.

— Он этим гордился, — сказал я.

Мы помолчали, потом я спросил:

— А что это за удивительная новость, которую вы мне обещали?

— Да уж, куда удивительнее. Помните ту незаконченную записку, которую Протеро писал, когда его убили?

— Да.

— Мы ее отдали на экспертизу, чтобы убедиться, что «18:20» было приписано другой рукой. Само собой, послали образцы почерка Протеро. Хотите знать заключение? *Эту записку Протеро вообще не писал.*

— Значит, это подделка?

— Вот именно. «18:20» действительно написано другой рукой, но они в этом не уверены. Эта отметка сделана другими чернилами, но сама записка — подделка. Протеро ее не писал.

— Они в этом уверены?

— Настолько, насколько могут быть уверены эксперты. Вы же знаете, что такое эксперт! Ох! Но в этом они уверены как будто.

— Потрясающе, — сказал я.

Затем память вдруг преподнесла мне сюрприз.

— Послушайте, — сказал я. — Я помню, что миссис Протеро сразу сказала, что почерк совсем не похож на почерк ее мужа, но я не обратил на это внимания.

— Вот как?

— Я решил, что это обычная женская глупость. Тогда единственным бесспорным во всем деле была именно записка.

Мы смотрели друг на друга.

— Любопытно, — сказал я. — Мисс Марпл только нынче вечером говорила, что записка не настоящая.

— Шустрая старушенция. Можно подумать, что она собственными руками совершила убийство — слишком много знает, а?

Тут зазвонил телефон. В телефонном звонке есть что-то до странности одушевленное. На этот раз он звонил отчаянно, с какой-то мрачной, трагической настойчивостью.

Я подошел и взял трубку.

— Викарий слушает, — сказал я. — Кто это?

Странный, сдавленный и визгливо-истерический голос раздался в трубке.

– *Я хочу покаяться,* — возопил он. — *Боже мой, я хочу покаяться!*

— Алло, — сказал я. — Алло! Послушайте, вы ме-

ня разъединили. С какого номера мне звонили?

Тягучий голос ответил, что не знает. И лениво добавил, что просит извинить за беспокойство.

Я положил трубку и обернулся к Мельчетту.

— Вы как-то сказали, что рехнетесь, если еще кто-нибудь признается в убийстве?

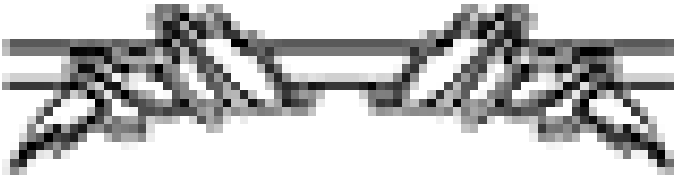
— Ну и что?

— Да вот еще кто-то хочет покаяться. А коммутатор нас разъединил.

Мельчетт бросился к телефону и схватил трубку.

— Я им сейчас кое-что скажу!

— Скажите, — согласился я. — Возможно, это на них подействует. Желаю удачи. А я ухожу. Мне кажется, я узнал этот голос.



ГЛАВА 28

Я быстро шел по улице. Было одиннадцать часов, в воскресный вечер в это время деревня Сент-Мэри-Мид уже словно вымирает. Однако, увидев свет в окне второго этажа в одном из домов, я понял, что Хоуз еще не ложился, и решил зайти. Я остановился и позвонил в дверь.

Долгое время никто не открывал, наконец домоправительница Хоуза, миссис Сэдлер, медленно и с трудом отодвинула два засова, сняла цепь и повернула ключ в дверях, после чего подозрительно выглянула в щелку.

— Да это викарий! — удивленно воскликнула она.

— Добрый вечер, — сказал я. — Я хотел повидать мистера Хоуза. Я увидел в окне свет, должно быть, он еще не спит.

— Может, и не спит. Я к нему не заходила, только ужин подала. Вечер у него выдался тихий — никто не навещал, да и сам он никуда не ходил.

Я кивнул, прошел мимо нее и поднялся по лестнице. У Хоуза и спальня и гостиная на втором этаже.

Я прошел в гостиную. Хоуз лежал на низком кресле-диване. Он спал. Мои шаги его не разбудили. Рядом с ним стояла пустая коробочка из-под порошков и стакан, до половины налитый водой.

На полу, возле его левой ноги, валялся исписанный, смятый в комок лист бумаги. Я поднял его и разгладил. Начал читать:

«Мой дорогой Клемент...»

Я дочитал письмо до конца, невольно вскрикнул и спрятал его в карман. Потом склонился над Хоузом, вглядываясь в его лицо.

Затем я протянул руку к телефону, стоявшему

у него под рукой, и назвал свой номер. Мельчетт, как видно, все еще пытался выяснить, откуда был тот звонок, — телефон был занят. Я попросил соединить меня, как только номер освободится, и положил трубку.

Я сунул руку в карман — хотел еще раз посмотреть на письмо. Вместе с ним из кармана выпало другое письмо — то, что я вынул из почтового ящика и позабыл прочесть.

Почерк на нем был до отвращения знакомый. Тот самый почерк, которым было написано анонимное письмо, подброшенное сегодня днем.

Я вскрыл письмо.

Прочитал его, потом еще раз, но не смог понять, о чем оно.

Я начал читать в третий раз, когда зазвонил телефон. Словно во сне я взял трубку и сказал: «Алло?»

— Алло!

— Это вы, Мельчетт?

— Я, а вы-то где? Я проследил, откуда звонили. Номер...

— Я знаю номер.

— А! Отлично. Вы оттуда говорите?

— Да.

— Что там насчет признания?

— Я его получил.

— Вы что, поймали убийцу?

Я пережил сильнейшее искушение в жизни. Я посмотрел на Хоуза. Посмотрел на измятое письмо. Бросил взгляд на каракули анонимки. Потом на пустую аптечную коробочку с фамилией Херувим на крышке. И вспомнил одну случайную беседу.

Я сделал титаническое усилие.

— Я, я не знаю, — сказал я. — Будет лучше, если вы сами придете.

И дал ему адрес.

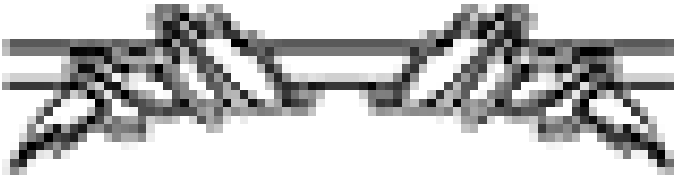
Потом сел в кресло напротив кресла Хоуза и стал думать.

На все размышления у меня было ровно две минуты.

Через две минуты Мельчетт будет здесь.

Я взял анонимное письмо и перечитал его в третий раз.

Потом закрыл глаза и задумался...



ГЛАВА 29

Сколько я так просидел, не знаю, — должно быть, прошло всего несколько минут. Но мне показалось, что миновала целая вечность, когда я услышал скрип двери, обернулся и увидел входящего в комнату Мельчетта.

Он пристально вгляделся в спящего Хоуза, потом обратился ко мне:

— Что тут происходит, Клемент? В чем дело?

Я взял одно из двух писем, которые держал в руке, и дал ему.

Он прочел его вслух, приглушив голос:

«Мой дорогой Клемент, мне необходимо сообщить вам нечто крайне неприятное. Поэтому я предпочел написать. Позже мы можем об этом поговорить. Дело касается недавних пропаж. Неприятно об этом говорить, но я нашел виновника, и ни о каких сомнениях не может быть речи. Как бы ни было тяжко обвинять священнослужителя, церковного пастыря, я выполняю свой долг, с болью, но неукоснительно. Пусть это послужит примером и...»

Мельчетт вопросительно взглянул па меня. После этих слов в письме стоял непонятный росчерк, на этом месте смерть остановила руку писавшего.

Мельчетт с шумом вдохнул воздух, посмотрел на Хоуза.

— Так вот в чем разгадка! И раскаяние заставило его признаться!

— В последние дни он был сам не свой, — сказал я.

Внезапно Мельчетт вскрикнул и в два шага оказался возле спящего. Он взял его за плечо и потряс, сначала легонько, потом все сильней и

резче.

— Да он не спит! Он наглотался лекарств! Это еще что?

Его взгляд упал на пустую аптечную коробочку. Он поднял ее.

— Неужели он...

— Я думаю, да, — сказал я. — Он мне показывал эти порошки. Сказал, что его предупреждали не принимать большими дозами. Для него это был единственный выход. Бедняга. Может быть, наилучший выход. Не нам его судить.

Но Мельчетт был прежде всего начальником полиции графства. Те доводы, которые мог принять во внимание я, для него ничего не значили. Он поймал убийцу, а убийцу было положено судить и повесить.

Он тут же ринулся к телефону и стал нетерпеливо стучать по рычажку, пока не получил ответа. Он назвал номер Хейдока. Затем на минуту стало тихо — он ждал, когда снимут трубку, не сводя глаз с простертой в кресле фигуры.

— Алло-алло-алло, приемная доктора Хейдока? Скажите доктору, пусть немедленно идет на Хайстрит. Мы у мистера Хоуза. Срочно!.. Да что там у вас? А какой это номер? Прошу прощенья.

Он стукнул по рычажку, вспыхнув от возму-

щения.

— Не тот номер, не тот номер, вечно у них не те номера! А речь идет о человеческой жизни! Алло!!! Вы дали мне не тот номер! Да, не теряйте времени, дайте *три-девять*, а не три-пять!

Еще одна напряженная пауза, на этот раз короче первой.

— Алло, это вы, Хейдок? Говорит Мельчетт. Приходите на Хай-стрит, 19, сейчас же, прошу вас. Хоуз наглотался каких-то порошков. Спешите, дорога каждая минута.

Он бросил трубку и зашагал взад-вперед по комнате.

— Как вы не догадались сразу же вызвать доктора, Клемент, просто уму непостижимо. Сидите здесь и считаете ворон!

На мое счастье, Мельчетту столь же непостижимо и то, что у других могут быть иные соображения и намерения, чем у него лично. Я промолчал, и он продолжал:

— Где вы нашли это письмо?

— Валялось скомканное на полу — видно, выпало у него из рук.

— Поразительное дело — старая дева как в воду глядела — мы ведь и вправду нашли не ту записку. Как она умудрилась это сообразить! Но

этот тоже хорош — не порвал ее, не сжег — просто осел! Только подумайте, держать при себе самую неопровержимую улику из всех мыслимых улик!

— Человеческая натура соткана из противоречий.

— А если бы не это, нам бы ни одного убийцу поймать не пришлось. Рано или поздно они обязательно сморозят какую-нибудь глупость! У вас очень подавленный вид, Клемент. Должно быть, это для вас ужасный удар?

— Верно. Я говорил, что Хоуз последнее время был какой-то странный, но я себе и представить не мог...

— А кто мог? Ага, похоже, машина. — Он подошел к окну, поднял штору и выглянул на улицу. — Точно. Хейдок.

Через минуту доктор вошел в комнату.

Мельчетт объяснил ему все в нескольких словах.

Хейдок никогда не выдавал своих чувств. Он только вскинул брови, кивнул и подошел к пациенту. Пощупал пульс, приподнял веко, внимательно вгляделся в глаз.

Потом обернулся к Мельчетту.

— Вам нужно спасти его для виселицы? Дело

зашло довольно далеко, если хотите знать. Его жизнь на волоске. Не знаю, сумею ли привести его в себя.

— Делайте все, что в ваших силах.

— Хорошо.

Он порылся в своем саквояже, вынул шприц, сделал инъекцию в руку Хоуза. Потом выпрямился.

— Лучше будет доставить его в Мач Бенэм в больницу. Помогите перенести его в машину.

Мы оба бросились помогать. Усаживаясь за руль, Хейдок бросил через плечо последнюю фразу:

— Кстати, повесить его вам все равно не удастся, Мельчетт, имейте в виду.

— Вы считаете, что он не выкарабкается?

— Это уж как получится. Я не об этом. Просто, даже если он выживет, понимаете, бедняга не может отвечать за свои действия. Я дам медицинское свидетельство.

— Что он хотел сказать? — спросил Мельчетт, когда мы снова поднимались по лестнице.

Я объяснил, что Хоуз страдал энцефалитом.

— Сонной болезнью, что ли? В наше время обязательно найдется уважительная причина для всякого грязного дела. Верно?

— Наука многое нам объясняет.

— К черту науку! Прошу прощенья, Клемент, но меня прямо воротит от всех этих слюней и соплей — нечего миндальничать! Я человек простой. Ладно, пора заняться осмотром комнаты.

Но в эту минуту нам помешали — и это было совершенно неожиданное и поразительное явление. Дверь отворилась, и в комнату вошла мисс Марпл.

Она порозовела от смущения, понимая, в какое недоумение повергла нас обоих. Говорила она взволнованно, словно оправдываясь:

— Простите, простите меня, ради бога, — так вторгаться! Добрый вечер, полковник Мельчетт. Я еще раз прошу меня извинить, но я узнала, что мистер Хоуз занемог, и решила, что надо зайти, спросить, не нужна ли моя помощь.

Она замолчала. Полковник Мельчетт глядел на нее довольно неблагосклонно.

— Вы очень добры, мисс Марпл, — сухо ответил он. — Не стоило беспокоиться. А как вы узнали, кстати?

Я сам ждал минуты, чтобы задать тот же вопрос.

— По телефону, — объяснила мисс Марпл. — На телефонной станции постоянно путают номера,

верно? Вы сначала говорили со мной, а думали, что это доктор Хейдок. Мой номер три-пять.

— Так вот в чем дело! — воскликнул я.

— И вот, — продолжала она, — я решила зайти, узнать, не надо ли помочь.

— Вы очень добры, — сказал Мельчетт еще более сухо. — Ничего не нужно. Хейдок увез его в больницу.

— Прямо в больницу? Как я рада это слышать! У меня камень с души свалился. Там он будет в полной безопасности. Когда вы сказали, что ничего не нужно, вы ведь не хотели сказать, что ему уже ничем не поможешь? Да? Неужели вы считаете, что он не выживет?

— Ничего нельзя предсказать, — заметил я.

Мисс Марпл уже углядела картонную коробочку.

— Я думаю, он принял большую дозу? — сказала она.

Я уверен, что Мельчетт предпочел бы все от нее утаить. Может быть, и я бы так поступил при иных обстоятельствах. Но в моей памяти слишком свежа была беседа с мисс Марпл, и я поступил вразрез с его принципами, хотя, признаюсь, ее мгновенное появление и нескрываемое любопытство вызвали у меня несколько неприятное

чувство.

— Посмотрите-ка вот на это, — сказал я, протягивая ей незаконченное письмо Протеро.

Она взяла его и прочла, не выказывая ни малейшего удивления.

— Вы нечто подобное предвидели, не правда ли? — спросил я.

— Да-да, разумеется. Можно ли мне спросить, мистер Клемент, что привело вас сюда именно сегодня? Это мне не совсем понятно. Вы и полковник Мельчетт — этого я никак не ожидала.

Я объяснил, что звонили по телефону, и мне показалось, что я узнал голос Хоуза. Мисс Марпл задумчиво кивнула.

— Очень интересно. Счастливый случай, если можно так сказать. Да, ведь вы пришли сюда вовремя, как раз вовремя.

— Что значит, — вовремя? Вы так считаете? — с горечью спросил я.

Мисс Марпл искренне удивилась.

— Конечно, вы же спасли жизнь мистера Хоуза.

— А вам не кажется, — сказал я, — что лучше было бы ему не выздоравливать? Лучше и для него, и для всех остальных. Теперь мы знаем правду, и...

Я замолк на полуслове — мисс Марпл кивала головой что-то уж слишком энергично, — я даже забыл, о чем хотел говорить.

— Вот именно! — сказала она. — Вот именно! Как раз то, что он хотел вам внушить! Что вы знаете всю правду и что для всех было бы лучше так, как оно вышло. О да, все сходится наилучшим образом: письмо, и отравление порошками, и настроение бедного мистера Хоуза, и его исповедь... Все сходится, но все это *неправда!*

Мы молча смотрели на нее.

— Вот почему я так рада, что мистер Хоуз в безопасности — в больнице, там до него никто не доберется. Если он выздоровеет, он вам сам расскажет всю правду.

— Правду?

— Да! Что он не тронул и волоска на голове полковника Протеро.

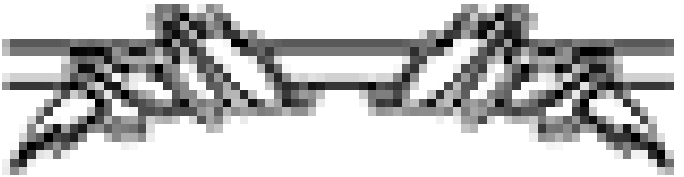
— А телефонный звонок? — возразил я. — Письмо, отравление порошками. Все яснее ясного.

— Он и хотел, чтобы вы так думали. Он очень хитрый. Сохранить письмо и подбросить его в удобную минуту — это требует большой хитрости.

— Кто это «он»? — сказал я.

— Убийца, — ответила мисс Марпл. И невозму-

тимо добавила: — Мистер Лоуренс Реддинг...



ГЛАВА 30

Мы смотрели на нее в полном изумлении. Я думаю, в тот момент оба мы искренне считали, что она не в своем уме. Обвинение звучало в высшей степени неправдоподобно.

Полковник Мельчетт опомнился первым. Он заговорил ласково, с какой-то жалостливой снисходительностью.

— Побойтесь бога, мисс Марпл, — сказал он, — Молодой Реддинг вне всякого подозрения.

— Естественно, — сказала мисс Марпл. — Он об этом позаботился.

— Наоборот, — сухо возразил полковник Мельчетт. — Он сделал все от него зависящее, чтобы его обвинили в убийстве.

— Да, — сказала мисс Марпл. — Он нас всех провел, и меня точно так же, как и других. Может быть, вы припомните, дорогой мистер Клемент, как я была поражена, когда услышала, что мистер Реддинг признался. У меня в голове все перевернулось, и я решила, что он не виноват, хотя до тех пор я не сомневалась, что он преступник.

— Значит, вы подозревали Лоуренса Реддинга?

— В книгах преступником всегда оказывается тот, кого меньше всех подозревают, я знаю. Только это правило вовсе не годится для реальной жизни. Чаще всего именно то, что бросается в глаза, и есть правда. Я всегда хорошо относилась к миссис Протеро, но это не помешало мне заметить, что она полностью попала под влияние мистера Реддинга и готова исполнить все, что он велит, а он, разумеется, не из тех молодых людей, которые мечтают сбежать с чужой женой, у которой нет ни гроша за душой. С его точки зрения, полковник Протеро был помехой, которую следовало устранить, и он его устранил. У некоторых молодых людей нет *никаких* моральных устоев.

Полковник Мельчетт давно уже нетерпеливо

фыркал. Теперь он рванулся в бой.

— Неслыханная чепуха от начала до конца! Нам известно все, что делал Реддинг до без десяти семь, а Хейдок ясно сказал, что в это время полковник Протеро был еще жив. Вы, кажется, думаете, что знаете все лучше врача! А может, вы считаете, что Хейдок солгал — бог весть зачем?

— Я считаю, что доктор Хейдок сказал чистую правду. Он очень порядочный человек. Дело в том, что полковника Протеро застрелила миссис Протеро, а вовсе не мистер Реддинг.

Мы снова онемели. Мисс Марпл поправила кружевное жабо, спустила с плеч пушистую воздушную шаль и начала читать нам лекцию в самых благопристойных подобающих для старой девы тонах, мягко и совершенно естественно сообщая самые поразительные вещи.

— До этого времени я не считала себя вправе говорить. Если вам кажется, что вы все точно знаете, — это еще не доказательство. И пока вы не найдете объяснения для всех фактов до единого (как я уже говорила сегодня вечером дорогому мистеру Клементу), нельзя с уверенностью выдвигать свою версию. А у меня не хватало всего одного факта, только одно и оставалось объяснить, — и вот, совершенно внезапно, когда

я выходила из кабинета мистера Клемента, я заметила фикус в горшке возле окна — в нем-то и была разгадка! Ясно как божий день!

— Спятила, — шепнул мне полковник Мельчетт. — Окончательно спятила.

Но мисс Марпл, как ни в чем не бывало, продолжала свой рассказ мелодичным голосом истинной леди, сияя безмятежной благожелательностью к нам.

— Мне было очень прискорбно поверить в это, очень прискорбно. Видите ли, они оба мне так нравились. Но вы же знаете, что такое человеческая натура. Должна вам сказать, что, когда они, друг за дружкой, оговорили себя самым глупым образом, у меня прямо камень с души свалился. Я обрадовалась своей ошибке. И я стала размышлять: у кого еще был мотив для устранения полковника Протеро.

— Семеро подозреваемых! — пробормотал я себе под нос.

Она одарила меня улыбкой.

— Вот именно. Этот Арчер — весьма сомнительно, но если он напьется — можно ли за него поручиться? Алкоголь ударяет в голову. И, само собой, ваша Мэри. Она очень давно встречается с Арчером, а характер у нее престранный. И

мотив и возможность — ведь она была в доме одна-одинешенька! Старая миссис Арчер могла с легкостью похитить пистолет у мистера Реддинга и отдать ему или ей. Потом, конечно, Летиция — ей нужна и свобода и деньги, чтобы жить в свое удовольствие. Я знаю множество случаев, когда самые прелестные, неземные девушки выказывали полное отсутствие щепетильности, хотя, конечно, джентльмены ни за что не согласятся в это поверить.

Я виновато моргнул.

— Потом еще теннисная ракетка, — продолжала мисс Марпл.

— Теннисная ракетка?

— Ну да, та самая, что попалась на глаза Кларе, служанке миссис Прайс Ридли, валялась на траве у ваших ворот. А это говорит о том, что мистер Деннис ушел с теннисной игры раньше, чем получается по его словам. Мальчики в шестнадцать лет такие уязвимые и неуравновешенные! Каков бы ни был мотив — ради Летиции или ради вас — он мог на это пойти. И наконец, бедняжка мистер Хоуз и вы сами, но альтернативно, как выражаются юристы.

— Я? — вскричал я с живейшим удивлением.

— Да, конечно. Вы уж простите великодушно

— я в это ни минуты не верила, но был разговор об исчезающих церковных сборах. Один из вас — либо вы, либо мистер Хоуз, — наверно, был виноват, и миссис Прайс Ридли повсюду намекала, что это дело ваших рук, главным образом на основании того, что вы так резко протестовали против всяких расследований. Разумеется, я-то была уверена с самого начала, что это мистер Хоуз, он очень напомнил мне того несчастного органиста, о котором я вам рассказывала, но все же никогда нельзя быть *уверенной...*

— Зная человеческую натуру, — мрачно изрек я.

— Вот именно. Ну, и кроме того, естественно, остается еще душечка Гризельда.

— Миссис Клемент абсолютно ни при чем, — оборвал ее полковник Мельчетт. — Она вернулась поездом в восемнадцать пятьдесят.

– *Это она так говорит*, — отпарировала мисс Марпл. — Никогда нельзя верить людям на слово. В этот вечер поезд в восемнадцать пятьдесят опоздал на полчаса. Но я своими собственными глазами видела ее в четверть седьмого, она шла в сторону Старой Усадьбы. Следовательно, она приехала раньше, на другом поезде. Собственно говоря, ее видели, но вы, должно быть, об этом

знаете?

Она испытующе посмотрела на меня.

Повинуясь необъяснимому магнетизму ее взгляда, я протянул ей последнее анонимное письмо, то самое, которое прочел незадолго до нашего разговора. Там было подробно изложено, как Гризельду видели выходящей из коттеджа Лоуренса Реддинга в двадцать минут седьмого, в тот роковой день.

Ни тогда, ни после я не проронил ни слова об ужасном подозрении, в некий момент пронзившем мне душу. Это представилось мне как страшный сон, как наваждение, — былая близость между Лоуренсом и Гризельдой, которая стала известна Протеро, его угроза довести все до моего сведения, — и Гризельда в отчаянии похищает револьвер и заставляет его замолчать навсегда. Как я уже сказал — это было наваждение, кошмарный сон, на несколько бесконечных минут приобретший все признаки жуткой реальности.

Не знаю, подозревала ли это мисс Марпл. Вполне возможно. От нее ничто не укроется.

Она отдала мне письмо, коротко кивнув головой.

— Вся деревня об этом судачила, — сказала она.

— И вправду, выглядело это довольно подозрительно. Особенно когда миссис Арчер показала под присягой, что пистолет был на своем месте, когда она уходила в полдень.

Она на минуту умолкла, затем продолжала:

— Но я непозволительно отвлеклась от главного! Я вот что хотела — я считаю это своим долгом — изложить вам мое объяснение происшедшего. Если вы мне не поверите, я буду утешаться тем, что сделала все, что в моих силах. И без того мое желание — прежде совершенно увериться, а потом говорить, — едва не стоило жизни бедному мистеру Хоузу.

Она снова замолчала, а когда заговорила снова, ее голос звучал иначе — тверже, решительней. Больше не казалось, что она оправдывается или извиняется.

— Вот мое объяснение всего происшедшего. К четвергу преступление было полностью обдумано, до мельчайших подробностей. Сначала Лоуренс Реддинг зашел к викарию, зная, что не застанет его дома. Он принес пистолет, который спрятал в горшок с фикусом, на подставке возле окна. Когда вернулся викарий, Лоуренс Реддинг объяснил свое присутствие тем, что он решился уехать отсюда. В пять тридцать Лоуренс Реддинг

позвонил викарию из дома привратника, что у Северных ворот, подражая женскому голосу (вы помните, что он одаренный актер).

Миссис Протеро с мужем только что выехали в деревню. И одна прелюбопытная деталь (хотя никому не пришло в голову этим заинтересоваться) — миссис Протеро не взяла с собой сумочку. Это совершенно *необычный* для женщины поступок. Почти точно в двадцать минут седьмого она проходит мимо моего садика и останавливается поговорить со мной, чтобы я могла хорошенько рассмотреть, что оружия при ней не было и что она ведет себя нормально, как всегда. Они, видите ли, знали, что я человек наблюдательный. Она скрылась за углом дома и прошла к двери кабинета. Бедный полковник сидел за столом и писал вам письмо. Он глуховат — это всем известно. Она вынимает пистолет из горшка — он у нее под рукой, как задумано, — подходит к нему сзади, стреляет в затылок, бросает пистолет на пол, молнией вылетает из дома и бежит к мастерской. Любой будет готов присягнуть, что на это у нее хватило бы времени!

— А выстрел? — придирчиво спросил полковник. — Вы же не слышали выстрела?

— Насколько мне известно, существует при-

способление, которое называется глушитель Максима. Я читала о нем в детективных романах. Я подумала, что «чиханье», которое слышала Клара, служанка, и был тот самый выстрел. Но это не важно. Миссис Протеро встречается у мастерской с мистером Реддингом. Они входят туда вместе, но, такова уж человеческая натура! — боюсь, они упустили из виду, что я не уйду из сада, пока они не выйдут оттуда!

Мисс Марпл, так весело признававшая собственные слабости, окончательно завоевала мое сердце.

— Когда они вышли, они вели себя естественно, даже весело. Вот тут они и совершили просчет, учитывая обстоятельства. Ведь если они и вправду распрощались навсегда, как они утверждают, у них был бы совсем другой вид. Но в этом, видите ли, было слабое место их заговора. Они просто не смели выглядеть встревоженными или огорченными. А на следующие десять минут они старательно обеспечили себе алиби. Так это, кажется, называется? Наконец, мистер Реддинг идет в ваш дом и выбегает оттуда вам навстречу. Вероятно, он увидел вас на тропинке издалека, и неплохо подсчитал, сколько времени в его распоряжении. Он поднимает пистолет и глушитель,

оставляет на столе поддельное письмо с указанием времени, написанным другим почерком и другими чернилами. Когда подделка будет раскрыта, ее истолкуют как неумелую попытку бросить тень на Анну Протеро.

Но, подбрасывая письмо, он находит другое, написанное самим полковником Протеро, — полная для него неожиданность. Будучи чрезвычайно умным молодым человеком, он понимает, что письмо ему может пригодиться, и берет его с собой. Он переводит стрелки настольных часов на время, указанное в записке, — прекрасно зная, что часы всегда поставлены на пятнадцать минут вперед. Замысел тот же — изобразить еще одну попытку очернить миссис Протеро. Затем он уходит, встречает вас у калитки и играет роль человека, близкого к помешательству. Как я уже говорила, он и вправду очень умен. Что станет делать убийца, только что совершивший преступление? Разумеется, он постарается держаться как можно более естественно. Значит, мистер Реддинг будет вести себя совсем иначе. Он выбрасывает глушитель, он отправляется прямиком в полицейский участок с пистолетом, в подтверждение шитого белыми нитками самооговора, и все мы попадаемся на удочку!

В изложении мисс Марпл было что-то завораживающее. Она говорила с такой уверенностью, что оба мы чувствовали — преступление было совершено именно так, а не иначе.

— А выстрел, который донесся из лесу? — спросил я. — Это и есть то случайное совпадение, о котором вы упоминали раньше?

— О, что вы, нет! — Мисс Марпл решительно помотала головой. — *Это* было вовсе не случайное совпадение, ничего похожего. Было совершенно необходимо, чтобы люди слышали выстрел, иначе трудно было бы отвести подозрения от миссис Протеро. Как мистер Реддинг это подстроил, мне не совсем ясно. Но я поняла, что пикриновая кислота взрывается, когда на нее падает что-то тяжелое, а вы ведь припоминаете, дорогой викарий, что встретили мистера Реддинга с большим камнем в руках как раз в том самом месте, где потом подобрали кристалл. Джентльмены выдумывают такие хитроумные приспособления — подвесить камень над кристаллами, подвести бикфордов шнур, или запал, если я не спутала, в общем, нечто, что будет тлеть минут двадцать, так что взрыв прозвучит примерно в 18:30, когда они с миссис Протеро выйдут из мастерской и будут у всех на виду. Надежное приспособление

— на этом месте потом окажется большой булыжник, и больше ничего! Но он позаботился и камень убрать, когда вы на него вышли.

— Я думаю, вы правы, — воскликнул я, вспомнив, как вздрогнул от неожиданности Лоуренс Реддинг, увидев меня перед собой. Тогда я ничего не заподозрил, но теперь...

Мисс Марпл, казалось, читала мои мысли — она многозначительно кивнула.

— Да, — сказала она, — для него это была пренеприятная встреча, в самый неподходящий момент. Но он отлично вывернулся — сделал вид, что несет мне камень для японского садика. Только вот... — Мисс Марпл вдруг заговорила с особенным нажимом: — *Камень был совершенно неподходящий для моего японского садика.* И это навело меня на след!

Полковник Мельчетт, просидевший все это время словно в трансе, проявил признаки жизни. Фыркнув раз-другой носом и растерянно высморкавшись, он заявил:

— Ну, я вам скажу! Это уж, честное слово...

На более определенное высказывание он не отважился. Мне кажется, что и его, как и меня, подавила логическая безупречность умозаключений мисс Марпл. Но в данный момент он не

хотел в этом признаваться.

Напротив, он протянул руку, схватил скомканное письмо и рявкнул:

— Ладно, это сойдет. А что вы скажете про Хоуза? Этот тип позвонил и сам признался!

— Да, это был перст божий. Несомненно, влияние проповеди викария. Знаете, мистер Клемент, вы произнесли замечательную проповедь. Она глубоко повлияла на мистера Хоуза, я думаю. Он больше не мог этого выносить, он жаждал признаться в злоупотреблении церковными сборами.

— Что?

— Конечно, и это, по воле провидения, спасло ему жизнь. (Я искренне надеюсь и уповаю, что его жизнь спасена. Доктор Хейдок — замечательный врач.) Насколько я понимаю, мистер Реддинг сохранил письмо (дело рискованное, но я думаю, что он спрятал его в надежном месте) и постарался выяснить, к кому оно относится. Вскоре он уверился, что это мистер Хоуз. Я слышала, что он вчера вечером вернулся с мистером Хоузом к нему домой и провел здесь весь вечер. Я подозреваю, что он подменил коробочку с лекарством мистера Хоуза, а письмо спрятал в карман его халата. Бедный молодой человек в полном неве-

дении проглотит смертельный порошок, а после его смерти найдут письмо, и все непременно решат, что он застрелил полковника Протеро и покончил с собой в приступе раскаяния. Мне кажется, что мистер Хоуз нашел письмо сегодня после того, как проглотил яд. В его болезненном состоянии ему причудилось, что это нечто сверхъестественное — да еще после проповеди викария, — и он почувствовал, что должен во всем признаться.

— Ну и ну! — сказал полковник Мельчетт. — Честное слово!.. *Абсолютно* невероятно! Я не верю ни одному слову!

Ему никогда еще не случалось высказываться столь неубедительно. Видимо, он и сам это понял, поэтому задал еще один вопрос:

— А вы можете объяснить другой звонок по телефону, из коттеджа мистера Реддинга к миссис Прайс Ридли?

— А! — сказала мисс Марпл. — Это я и называю совпадением. Этот звонок подстроила душечка Гризельда, я думаю, не обошлось тут и без мистера Денниса. Они проведали, какие слухи миссис Прайс Ридли распускает про викария, и задумали таким образом (конечно, это ребячество) заставить ее замолчать. А совпадение в том, что звонок

раздался точно в тот же момент, что и выстрел в лесу. Это и навело всех на мысль, что между ними есть какая-то связь.

Я вдруг вспомнил, как все, слышавшие выстрел, говорили, что он «не такой, как обычные выстрелы». И они были правы. Однако как трудно было объяснить, чем именно он отличался от других выстрелов.

Полковник Мельчетт откашлялся.

— Ваше объяснение выглядит довольно убедительно, мисс Марпл, — сказал он. — Но разрешите мне указать вам на то, что у вас нет никаких улик.

— Знаю, — сказала мисс Марпл. — Но все же вы мне верите, не правда ли?

После затянувшейся паузы полковник нехотя признал:

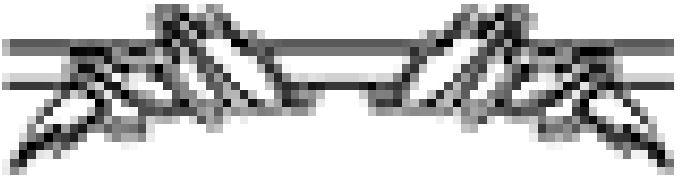
— Да, верю. Пропади оно все пропадом, только так это и могло произойти. Но нет ни малейшей улики — ни тени улик!

Мисс Марпл негромко кашлянула.

— Поэтому я и подумала, что при подобных обстоятельствах...

— Да?

— Позволительно будет поставить маленькую ловушку.



ГЛАВА 31

Мы с полковником озадаченно на нее воззрились.

— Ловушку? Какую еще ловушку?

Мисс Марпл помялась, как бы в нерешительности, но было совершенно ясно, что у нее готов тщательно разработанный план.

— Скажем, мистеру Реддингу кто-то звонит по телефону и предупреждает его.

Полковник Мельчетт улыбнулся.

— «Все пропало! Бегите!» Старый трюк, мисс Марпл. Нет, я не говорю, что он так уж плох.

Иногда срабатывает. Но наш мистер Реддинг — слишком шустрая птичка, чтобы попасть в такой силок.

— Тут нужно что-нибудь особенное, я понимаю, — сказала мисс Марпл. — Я бы предложила — это мое предположение, не больше, — предостеречь его должен человек, известный своими неординарными взглядами на подобные дела. Доктор Хейдок иногда высказывал такие воззрения, что люди могли подумать, будто он и на убийство смотрит с какой-то особой точки зрения. Если бы он намекнул, что кто-то, миссис Сэдлер или кто-нибудь из ее детишек, своими глазами видел, как он подменил коробочку с порошками, тогда, естественно, если мистер Реддинг ни в чем не виноват, он пропустит это мимо ушей, но если...

— Но если нет...

— Он может тогда и сорваться, сделать какую-нибудь глупость.

— И сам попадется нам в руки. Возможно. Очень хорошо придумано, мисс Марпл. А Хейдок пойдет на это? Вы сами сказали, что его воззрения...

Мисс Марпл оживленно перебила его.

— О! Его воззрения — это все теории! А практика совсем другое дело, верно? А вот и он, кстати, можете сами у него спросить.

Хейдок, как мне показалось, удивился, застав мисс Марпл в нашем обществе. У него был усталый, замученный вид.

— Пронесло, — сказал он. — Я уж и не чаял его выцарапать. Но он выкарабкается. Долг врача — спасать своего пациента, и я его спас, но я был бы рад не меньше, если бы мне это не удалось.

— Вы перемените мнение, — сказал полковник Мельчетт, — когда услышите, что мы вам расскажем.

Коротко и лаконично он изложил доктору версию мисс Марпл, и последнее ее предложение — чтобы он помог устроить преступнику «ловушку».

Тут нам представился исключительный случай увидеть своими глазами, что именно имела в виду мисс Марпл, утверждая, что теории несколько отличаются от того, что можно ждать в реальной жизни.

Воззрения Хейдока, судя по всему, мгновенно и резко переменились. Мне кажется, он был бы рад видеть голову Лоуренса Реддинга на блюде, как

царь Ирод[29]. И мне кажется, вовсе не убийство полковника Протеро заставило его жаждать крови, а покушение на несчастного Хоуза

— Каков негодяй! — бушевал Хейдок. — Каков негодяй! И кого — бедолагу Хоуза! У него мать и сестра. Клеймо — мать и сестра убийцы! — осталось бы на них до конца жизни, а на какую душевную пытку он бы их обрек! Какая трусливая, гнусная тварь!

Хотите видеть безудержную, первозданную ярость в чистом виде, пожалуйста, стоит только довести до белого каления убежденного гуманиста.

— Если это правда, — добавил он, — можете на меня рассчитывать. Этого типа надо стереть с лица земли. Тронуть беззащитное существо, беднягу Хоуза!..

Все неудачники могут всегда рассчитывать на сочувствие доктора Хейдока.

Он с увлечением принялся обсуждать детали операции с Мельчеттом. Мисс Марпл встала, собираясь уходить. Я вызвался ее проводить.

---

[29] notes: 29

И р о д — Ирод Антипа, правитель Галилеи (4 до н.э. — 39 н.э.), вступивший в преступную связь с женой своего брата Иродиадой и приказавший, уступая ее настояниям, казнить Иоанна Крестителя, предшественника и провозвестника Христа; ср. Евангелие от Матфея, XIV:1–12, Евангелие от Марка, VI:14–29, Евангелие от Луки, IX:7–9.

— Вы так добры, мистер Клемент, — сказала мисс Марпл, когда мы шли по опустевшей улице. — Боже, уже за полночь! Надеюсь, Реймонд лег спать, не дожидаясь меня.

— Ему бы следовало за вами зайти, — заметил я.

— А он и не знает, где я, — призналась мисс Марпл.

Я вдруг улыбнулся, вспомнив тонкий психологический анализ преступления, сделанный Реймондом Вестом.

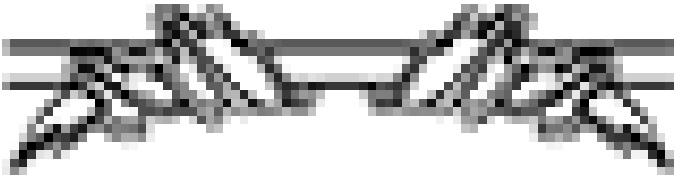
— Если ваша версия подтвердится — я-то в этом ни на минуту не сомневаюсь, — сказал я, — вы обставите племянника на сто очков.

Мисс Марпл тоже улыбнулась — и это была снисходительная улыбка.

— Я запомнила одно присловье своей двоюродной бабушки Фанни. Мне тогда было шестнадцать, и оно казалось мне ужасно глупым.

— Да? — заинтересовался я.

— Бабушка любила повторять: «Молодым кажется, что старики глупы, но старики-то *знают*, что глупы — молодые!»



ГЛАВА 32

Рассказать осталось совсем немного. План мисс Марпл полностью себя оправдал. Так как именно Лоуренс Реддинг пытался убить Хоуза, намек на то, что есть свидетель, который видел, как он подменил лекарство, заставил его «сделать глупость». Нечистая совесть не дает покоя.

Конечно, положение его было не из легких. Первым его побуждением, я думаю, было бежать куда глаза глядят. Но ведь он не мог бросить соучастницу. Он не посмел исчезнуть, не переговорив с ней, а ждать до утра не рискнул. Той же ночью

он проник в Старую Усадьбу, а за ним следом два самых надежных подчиненных полковника Мельчетта. Он бросил горсть гравия в окно Анны Протеро, разбудил ее и отчаянным шепотом вызвал вниз, поговорить. Несомненно, снаружи они чувствовали себя в большей безопасности, чем в доме, — Летиция могла проснуться. Летицию они не разбудили, зато двое полицейских подслушали весь разговор, от начала до конца. Никаких сомнений не оставалось. Мисс Марпл оказалась права во всем, до мелочей.

Суд над Лоуренсом Реддингом и Анной Протеро — достояние гласности. Я не намерен повторять отчеты прессы. Замечу только, что большие почести выпали на долю инспектора Слэка, благодаря служебному рвению и уму которого преступники были переданы в руки правосудия. Естественно, об участии мисс Марпл нигде не упомянуто. Да она сама пришла бы в ужас при одной мысли об этом.

Летиция зашла ко мне перед самым судом. Она вплыла в дверь моего кабинета, как всегда, похожая на бесплотную тень. Она сказала, что с самого начала была уверена в виновности мачехи. Под предлогом поисков желтого беретика она хотела обыскать кабинет получше — надеялась, что ей

удастся обнаружить что-нибудь, укрывшееся от глаз полиции.

— Знаете, — протянула она своим отрешенным голоском, — они же не могли ее так ненавидеть, как я. А ненависть очень помогает.

Она ничего не нашла, но зато подбросила под стол сережку Анны.

— Раз я *знала,* что она убийца, то какая разница. А в том, *что убила она,* у меня сомнений не было.

Я незаметно вздохнул. Летиция никогда не научится понимать некоторые вещи. В каком-то отношении она поражена моральным дальтонизмом.

— Какие у вас планы, Летиция? — спросил я.

— Когда все будет позади, я уеду за границу. — Она помолчала и добавила: — Я еду за границу со своей матерью.

Я взглянул на нее, не веря своим ушам.

Она кивнула.

— Неужели вы не догадывались? Миссис Лестрейндж — моя мать. Она при смерти, знаете? Она хотела со мной повидаться и приехала сюда под вымышленным именем. Ей помогал доктор Хейдок. Он очень старый друг — когда-то был в нее по уши влюблен, — видно невооруженным

глазом! Он к ней неравнодушен. Мужчины всегда сходили с ума по маме, я знаю. Она и сейчас ужасно привлекательна. Во всяком случае, доктор Хейдок ею очарован и во всем помогал ей. Свое настоящее имя она скрыла — люди обо всем болтают и сплетничают, противно! Она тогда пошла к отцу, сказала, что умирает и очень хочет меня повидать. А отец вел себя как скотина. Сказал, что она потеряла все родительские права и что я думаю, будто она умерла. Как бы не так, меня не проведешь! Такие, как отец, никогда дальше своего носа не видят!

Но мама сдаваться не собиралась, она у меня с характером. Она просто считала, что приличнее обратиться сперва к отцу, а когда он ей так нагрубил, послала мне записочку, мы договорились, что я уйду с тенниса пораньше и встречусь с ней в конце тропинки, в четверть седьмого. Мы просто встретились на минутку и условились, когда встретимся снова. Расстались до половины седьмого. А потом я была в кошмарном состоянии — боялась, что ее обвинят в убийстве отца. Уж у нее-то *была* причина его ненавидеть. Поэтому я и добралась до ее портрета — там, на чердаке — и изрезала его. Полиция могла разнюхать про портрет и узнать ее — вот чего я боялась. И док-

тор Хейдок тоже перетрусил. Мне даже казалось, что он иногда всерьез думает, что она и есть убийца! Мама такая отчаянная. Она не думает о последствиях.

Она на минуту замолчала.

— Вот что странно... Мы с ней действительно родные. А отец мне был как неродной. Но мама... ладно, я еду с ней за границу, это решено. Я буду рядом с ней до... до конца.

Она встала, и я взял ее руку в свои.

— Да благословит Господь вас обеих, — сказал я. — Я уверен, что в один прекрасный день вас ждет большое счастье, Летиция.

— Пора бы, — сказала она, пытаясь засмеяться. — До сих пор оно меня не очень-то баловало, а? Да ну, в конце концов, это не важно. Прощайте, мистер Клемент. Вы всегда ко мне хорошо относились, вы ужасно добрый, и Гризельда тоже.

Гризельда!

Пришлось рассказать ей начистоту, как ужасно огорчило меня анонимное письмо; сначала она рассмеялась, а потом с самым серьезным видом меня отчитала.

— Тем более, — сказала она в заключение, — что я собираюсь в будущем стать скромной и богобо-

язненной — в точности, как отцы-пилигримы[30].

Я никак не мог представить себе Гризельду в роли отца-пилигрима.

Она продолжала:

— Понимаешь, Лен, в мою жизнь скоро войдет что-то новое, и я стану более спокойной, уравновешенной. В твою жизнь оно тоже войдет, только тебе оно принесет радость, молодость, во всяком случае, я на это надеюсь! И ты не будешь то и дело называть меня «дорогое дитя», когда у нас будет настоящий ребенок, мой и твой. Знаешь, Лен, я решила, что пора мне стать настоящей «женой и матерью» (как пишется в книгах), и домашним хозяйством тоже займусь всерьез. Я уже купила три книжки: две — *«Домоводство»* и одну — *«Материнская любовь»,* — и если уж это не сделает меня идеальной, я не знаю, что еще для этого нужно! Книжки потешные, я смеялась до колик, нет, написаны они всерьез, ну ты сам понимаешь. Смешнее всего про воспитание молодого поколения.

— А ты случайно не купила книгу *«Как надо*

---

[30] notes: 30

О т ц ы - п и л и г р и м ы — пуритане, переселившиеся в 1620 году из Англии в Северную Америку и основавшие там на территории Новой Англии первые колонии; отличались особой строгостью нравов, отрицали церковную иерархию, роскошь в богослужении и т.д.

обращаться с мужем», признавайся? — спросил я с опаской и привлек ее к себе.

— Мне она ни к чему, — отвечала Гризельда. — Я образцовая жена. Я люблю тебя всем сердцем. Что тебе еще нужно?

— Ничего, — сказал я.

— Ты не мог бы сказать, ну хоть один-единственный разок, что безумно меня любишь, а?

— Гризельда, — сказал я, — я тебя обожаю! Я тебя боготворю! Я люблю тебя безумно, безнадежно и страстно, да простит мне бог!

Моя жена глубоко и удовлетворенно вздохнула. Вдруг она выскользнула из моих объятий.

— Вот досада! Сюда идет мисс Марпл. Ни словечка ей, слышишь! Не хватало мне только, чтобы мне подсовывали подушки под спину и настаивали, чтобы я держала ноги повыше! Скажи, что я ушла играть в гольф. Это собьет ее со следа, и это чистая правда — я забыла там свой желтый свитер, а он мне нужен.

Мисс Марпл подошла к окну, смущенно остановилась поодаль и спросила, может ли она видеть Гризельду.

— Гризельда, — сказал я, — ушла на поле для гольфа.

В глазах мисс Марпл вспыхнула тревога.

— О! Но, согласитесь, — это крайне неосторожно в ее положении.

И она залилась самым милым, старомодным, стародевически стыдливым румянцем, как и подобает настоящей леди.

Чтобы скрыть минутное замешательство, мы торопливо заговорили о деле Протеро, вспомнили «доктора Стоуна», который оказался вором и мошенником, известным под многими именами и кличками. С мисс Крэм, кстати, было полностью снято обвинение в соучастии. Она после долгого запирательства призналась в том, что отнесла чемодан в лес, но сделала это по доверчивости — доктор Стоун ее уверил, что опасается соперничающих с ним археологов — от них всего можно ожидать, даже открытого грабежа ради того, чтобы дискредитировать его теорию. Судя по всему, девушка приняла эти россказни за чистую монету. А теперь, как поговаривают в деревне, она отправилась на поиски какого-нибудь неподдельного пожилого холостяка, которому нужна секретарша.

Пока мы болтали, меня грызла одна мысль: как мисс Марпл ухитрилась докопаться до нашего самого нового секрета? Но вскоре мисс Марпл, в свойственной ей тактичной манере, сама дала

мне это понять.

— Я надеюсь, душечка Гризельда воздерживается от крайностей, — тихо сказала она, выдержав пристойную паузу. — Я вчера была в книжной лавке в Мач Бенэме...

Бедняжка Гризельда — книга *«Материнская любовь»* выдала ее с головой!

— Знаете, мисс Марпл, — сказал я внезапно. — Я все думаю: если бы вы совершили убийство, сумел ли бы кто-нибудь его раскрыть?

— Какие у вас ужасные мысли! — воскликнула глубоко шокированная мисс Марпл. — Надеюсь, я никогда не пойду на такой смертный грех!

— Но ведь такова человеческая натура, — процитировал я.

Мисс Марпл оценила шутку и рассмеялась мелодичным, лукавым смехом.

— Какой вы шутник, мистер Клемент! — Она встала. — Хотя, вполне естественно, настроение у вас должно быть отличное.

У двери в сад остановилась.

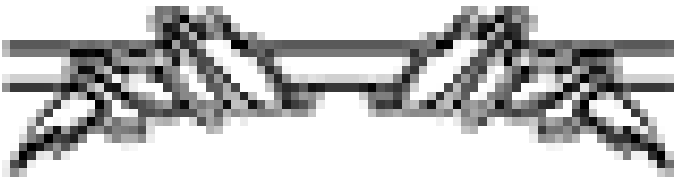
— Передайте нежный привет моей милой Гризельде и скажите ей, что я умею хранить тайны.

Честное слово, наша мисс Марпл — просто прелесть...

ТРИНАДЦАТЬ ЗАГАДОЧНЫХ СЛУЧАЕВ

THE THIRTEEN PROBLEMS

ТРИНАДЦАТЬ ЗАГАДОЧНЫХ СЛУЧАЕВ



Посвящается Леонарду и Катерине Вулли

Глава 1

КЛУБ «ВТОРНИК»

— Да, загадочные случаи!.. — Реймонд Вест выпустил изо рта облачко дыма и, любуясь им, медленно с удовольствием повторил: — Загадочные случаи...

С чувством исполненного долга он посмотрел по сторонам. Широкие черные балки, пересекающие потолок комнаты, и добротная старинная мебель создавали атмосферу старины. Все это импонировало вкусам Реймонда Веста. Он был писателем. Дом своей тетки Джейн Марпл он всегда считал достойным обрамлением собственной персоны. Он взглянул в сторону камина, возле которого в большом кресле сидела хозяйка дома. На ней было черное муаровое платье со множеством складок по талии. Брабантские кружева каскадом спадали с груди. На руках — черные кружевные митенки[31]. Черная шляпка подчеркивала белоснежность волос. Она вязала что-то белое, мягкое, пушистое. Ее словно выцветшие

---

[31] notes: 31
М и т е н к и — женские перчатки без пальцев.

голубые глаза — кроткие и добрые — изучали племянника и его гостей.

Сначала она взглянула на улыбающегося Реймонда, потом на брюнетку с короткой стрижкой — Джойс Ламприер, художницу с необычными, не то светло-карими, не то зелеными, глазами. Затем она посмотрела на холеного, умудренного жизненным опытом сэра Генри Клитеринга. В комнате были еще двое: доктор Пендер, пожилой приходский священник, и мистер Петерик, высохший маленький человек, который никогда не снимал пенсне, однако всегда смотрел поверх стекол. Мисс Марпл еще раз обвела всех взглядом и с милой улыбкой принялась за свое вязанье.

Мистер Петерик слегка откашлялся — обычно этим он предварял все свои высказывания — и обратился к Реймонду:

— Как вы сказали, Реймонд? Загадочные случаи? Какие же случаи вы имеете в виду?

— Да никакие, — вмешалась Джойс Ламприер. — Просто Реймонду нравится звучание этих слов, ему доставляет удовольствие произносить их.

Реймонд с упреком посмотрел на нее. Она откинула назад голову и засмеялась. Мисс Марпл снисходительно улыбнулась.

— Сама наша жизнь — загадочный случай, — глубокомысленно произнес священник.

Реймонд выпрямился.

— Вы меня неправильно поняли, — сказал он. — Я имею в виду вполне определенные случаи, в которых никто не смог разобраться, то есть события имели место, но объяснить их так и не смогли.

— Знаю, что ты хочешь сказать, дорогой, — заговорила мисс Марпл. — Вот, например, вчера с миссис Каррутерс произошло нечто очень странное. Она купила в лавке Эллиота две банки маринованных креветок, потом зашла еще в два магазина и, придя домой, обнаружила, что креветок в сумке нет. Она вернулась в два последних магазина, но креветки словно сквозь землю провалились.

— Очень подозрительная история, — серьезно заметил сэр Генри.

— Тут могут быть, конечно, различные объяснения, — сказала мисс Марпл, и щеки у нее слегка порозовели. — Например, кто-то их...

— Милая тетя, — прервал ее Реймонд. — Речь не о будничных провинциальных историях. Происходят убийства, пропадают люди, и сэр Генри, если бы пожелал, мог бы рассказать нам немало

подобных случаев.

— Я никогда не говорю о работе, — спокойно сказал сэр Генри. — Не в моих правилах говорить о работе.

Сэр Генри до недавнего времени был комиссаром Скотленд-Ярда.

— Я полагаю, многие из них полицией так и не раскрыты, — заметила Джойс Ламприер.

— Ну, мне кажется, это же общеизвестный факт, — сказал мистер Петерик.

— Интересно, — продолжал Реймонд, — кому лучше всего удается раскрывать преступления? Мне всегда представлялось, что полицейские страдают отсутствием воображения.

— Это точка зрения непрофессионала, — сухо сказал сэр Генри.

— Что касается психологии и воображения, то тут уж дело писателя... — улыбнулась Джойс и с иронией поклонилась Реймонду, но он оставался серьезным.

— Литературный труд дает возможность взглянуть на человека изнутри, — торжественно произнес он, — дает возможность уловить такие мотивы, мимо которых прошел бы обычный человек.

— Знаю, дорогой, что твои книжки очень ум-

ны, — сказала мисс Марпл. — Но вообще люди не столь приятны, как ты их себе представляешь.

— Милая тетя, — мягко возразил Реймонд. — У каждого свои взгляды. Боже меня упаси подвергать их сомнениям.

— Я имею в виду, — насупив брови и считая петли, сказала мисс Марпл, — что многие люди кажутся мне ни плохими, ни хорошими, а, знаешь ли, просто глупыми.

Мистер Петерик снова откашлялся.

— По-моему, Реймонд, вы придаете слишком большое значение воображению, — заявил он. — Для нас, юристов, воображение слишком опасно. Оно может чересчур далеко завести. Факты, прежде всего объективные факты, — это единственный способ добиться успеха.

— Ба! — воскликнула Джойс, тряхнув головой. — Здесь я с вами не согласна. Я женщина, а у женщин есть интуиция, в которой отказано мужчинам. К тому же я еще и художница и замечаю вещи, которых вы не видите. Кроме того, как художник, я отлично разбираюсь в человеческой природе. Я знаю изнанку жизни так, как, возможно, не знает ее даже присутствующая здесь мисс Марпл.

— Я думаю, это не так, милая моя, — сказала

мисс Марпл. — В провинции иногда случаются очень огорчительные вещи.

— Сейчас в моде подсмеиваться над священниками, — заметил доктор Пендер. — Но приходится выслушивать от людей разное, и нам известны такие стороны человеческого характера, которые для других — книга за семью печатями.

— Итак, — сказала Джойс, — наше собрание, оказывается, достаточно компетентно. Почему бы нам не основать клуб? Сегодня какой день? Вторник? Давайте же собираться раз в неделю, по вторникам, у мисс Марпл. Вечерний клуб «Вторник»! И каждый будет предлагать для обсуждения какую-нибудь загадку, загадочную историю, на которую он сам знает ответ. Сколько же нас тут? О, пятеро. Надо бы еще хотя бы одного![32]

— Вы забыли обо мне, милая, — широко улыбнулась мисс Марпл.

Джойс немного растерялась, но быстро нашлась:

— Это замечательно, мисс Марпл. Мне как-то в голову не пришло, что это вас может заинте-

---

[32] notes: 32

Дань исторической приверженности англичан к числу «шесть» — полдюжины. До 1971 года существовала даже монета шестипенсовик, звенья бойскаутов состоят из шести человек и т.д., и т.п. Отсюда и шесть — минимальное число членов клуба.

ресовать.

— Это же очень увлекательно, — сказала мисс Марпл. — Особенно в компании таких умных джентльменов. Боюсь, что я не обладаю достаточным интеллектом, но все же годы, проведенные в Сент-Мэри-Мид, позволили мне составить некоторое представление о человеческой природе.

— Несомненно, ваше участие будет весьма ценным, — уважительно заметил сэр Генри.

— Кому же начинать? — спросила Джойс.

— По счастью, среди нас столь достойный человек, как сэр Генри, — сказал доктор Пендер. — Какие же могут быть сомнения?.. — Он оставил фразу незаконченной, многозначительно поклонившись бывшему комиссару.

Сэр Генри помолчал, глубоко вздохнул, закинул ногу на ногу и начал:

— Пожалуй, нелегко подобрать случай, который представил бы для вас интерес. Но вот припоминаю один, который, по-моему, подойдет. Может быть, вам попадалось сообщение об этом деле в газетах год назад. О нем писали как о нераскрытом. Но так случилось, что несколько дней назад объяснение попало ко мне в руки. Факты очень просты. Трое сели поужинать. Среди прочего были поданы консервированные омары.

Позднее все трое почувствовали себя плохо. Вызвали врача. Двое поправились, третий умер.

— Ого! — воскликнул Реймонд.

— Как я сказал, факты просты, — продолжал сэр Генри. — Смерть наступила в результате отравления птомаином — так было записано в свидетельстве о смерти, — и тело было предано земле. Но история на этом не кончается.

— Поползли слухи, не так ли? — сказала мисс Марпл. — Обыкновенно всегда так бывает.

— Теперь опишу вам участников этой драмы. Супружеская пара — скажем, мистер и миссис Джонс. Компаньонка жены, назовем ее мисс Кларк. Мистер Джонс — коммивояжер фармацевтической фирмы. Интересный мужчина лет пятидесяти. Его жена — ничем не примечательная женщина лет сорока пяти. Ее приятельница мисс Кларк — жизнерадостная женщина под шестьдесят. Ничего особенного в них не было.

Осложнения возникли неожиданным образом. Накануне злополучного ужина мистеру Джонсу пришлось ночевать в одной из гостиниц в Бирмингеме. Промокательная бумага на пресс-папье в его номере была совершенно новой, и на следующий день горничная от нечего делать принялась с помощью зеркала читать отпечатав-

шиеся на ней слова. Несколько дней спустя, когда сообщение о смерти миссис Джонс появилось в газетах, горничная рассказала своим подругам о том, что ей удалось прочитать:

> «Полностью зависим от своей жены... когда она умрет, я буду... сотни и тысячи...»

Вы, может быть, помните, что незадолго до того нашумело дело о жене, отравленной мужем. Много ли было нужно, чтобы расшевелить воображение горничных? Мистер Джонс задумал избавиться от жены и заполучить сотни тысяч фунтов! Оказалось, что у одной из горничных были родственники в городке, где жили Джонсы. Она написала им о возникших подозрениях. Те сообщили ей, что мистер Джонс проявлял внимание к дочери местного врача, молодой тридцатитрехлетней женщине. Начал разгораться скандал. Поступила петиция министру внутренних дел. В Скотленд-Ярд посыпались анонимные письма с обвинениями Джонса в убийстве жены. Мы ни минуты не сомневались, что это всего лишь деревенские сплетни, но тем не менее с молчаливого общего согласия провели эксгумацию трупа. Это был один из случаев общего и, пожалуй, ни

на чем не основанного предубеждения. Но оно на удивление оправдалось. Повторная экспертиза установила, что причиной смерти явилось отравление мышьяком. Скотленд-Ярду пришлось потрудиться, чтобы выяснить, откуда мог взяться этот мышьяк.

— О! — воскликнула Джойс. — Интересно. Это то, что надо.

— Естественно, подозрение падало на супруга. Ему была выгодна смерть жены: он получил хотя и не сотни тысяч, но все же солидную сумму — восемь тысяч фунтов. У него не было своего состояния, но он отличался экстравагантным вкусом и был неравнодушен к дамскому обществу. Мы осторожно выяснили, насколько обоснованны слухи о флирте Джонса с дочерью врача. Оказалось, что их дружба прекратилась месяца за два до смерти миссис Джонс. Сам врач, человек весьма уважаемый, был смущен результатами повторного вскрытия. Ведь тогда его вызвали около полуночи, и он видел, как страдали все трое. Он понял, что состояние миссис Джонс критическое, и велел принести из его кабинета опиум для успокоения болей. Однако спасти миссис Джонс не удалось. Но у врача и мысли не было, что совершено преступление. Он был убеж-

ден, что причиной смерти была разновидность ботулизма. На ужин, кроме омаров, подавали салат, бисквитное пирожное с кремом, хлеб и сыр. Правда, к приходу врача от омаров ничего не осталось и консервная банка была выброшена. Он расспрашивал служанку — Глэдис Линч. Та не переставая плакала и повторяла, что консервы не казались испорченными.

Таковы факты, которыми мы располагали. Если Джонс и дал жене яд, то вряд ли сделал это во время ужина, потому что все трое ели одно и то же. И еще одна деталь: он вернулся из Бирмингема перед самым ужином, стол уже был накрыт, и у него не было возможности заранее подложить что-либо в пищу.

— А компаньонка? — спросила Джойс. — Эта жизнерадостная особа?

— Мисс Кларк мы не забыли, — закивал сэр Генри. — Уверяю вас. Но у нее не было мотива для преступления. Миссис Джонс ей ничего не завещала, поэтому со смертью своей благодетельницы ей опять было бы нужно как-то пристраиваться.

— Да, пожалуй, это оставляло мисс Кларк вне подозрений, — задумчиво сказала Джойс.

— Вскоре один из моих помощников докопался

до нового факта, — продолжал сэр Генри. — После ужина мистер Джонс пошел на кухню и велел приготовить рисовый отвар для жены, которая плохо себя почувствовала. Он сам отнес ей этот отвар в спальню. Казалось, это можно было бы считать уликой.

Мистер Петерик одобрительно кивнул.

— Налицо мотив, — загнул он один палец. — Удобный случай, — загнул второй. — Легкий доступ к ядам: служащему фармацевтической фирмы нетрудно добыть яд.

— И человек сомнительной морали, — добавил священник.

Реймонд Вест взглянул на сэра Генри:

— Почему же вы его сразу не арестовали?

Сэр Генри чуть заметно улыбнулся:

— Тут нас постигла неудача. До сих пор все шло гладко, а тут вдруг неожиданность. Джонс не был арестован, потому что мисс Кларк показала на допросе, что отвар выпила не миссис Джонс, а она сама.

Мисс Кларк, как обычно, зашла вечером в спальню миссис Джонс. Та сидела в кровати, а чашка с отваром стояла около нее. «Я неважно себя чувствую, — сказала она. — Напрасно на ночь ела омаров. Попросила Альберта принести чашку

отвара, а вот теперь расхотелось». «А жаль, — ответила мисс Кларк. — Отвар такой хороший, без комков. Глэдис хорошая кухарка, теперь мало кто умеет так готовить отвар. Я и сама не прочь отведать его, мне так хочется есть».

— Я должен пояснить, — сказал сэр Генри, — мисс Кларк очень беспокоила ее полнота, и она сидела, как теперь говорят, на голодной диете. «Ну так и пей его, — сказала ей миссис Джонс. — Если господь сотворил тебя полной, так и будь такой. Пей — это тебе не повредит». Тут мисс Кларк и приговорила всю чашку. Это разбивало нашу версию о муже в пух и прах. К тому же Джонс дал вполне удовлетворительное объяснение фразам на промокательной бумаге. Он сказал, что писал брату в Австралию ответ на его просьбу дать взаймы денег. В письме он напомнил брату, что полностью зависит от жены и сможет помочь ему только после ее смерти. Он писал, что сотни и тысячи людей находятся в таком же положении.

— Значит, версия полностью отпала? — спросил мистер Пендер.

— Да, версия рухнула, — подтвердил сэр Генри.

Наступило молчание.

— И это все? — наконец спросила Джойс.

— Год назад расследование на этом закончилось. Лишь сейчас Скотленд-Ярд получил разгадку этой истории, и через два-три дня об этом, наверное, можно будет прочитать в газетах.

— Разгадку этой истории... — медленно повторила Джойс. — Давайте минут пять поразмышляем, а потом выскажемся.

Реймонд Вест кивнул и засек на своих часах время.

Пять минут истекло, он взглянул на доктора Пендера:

— Может быть, вы начнете?

— Должен признаться, затрудняюсь, — ответил Пендер. — Думаю, супруг все же дал жене яд, но вот как он это сделал — ума не приложу.

— А вы, Джойс?

— Компаньонка! — решительно заявила Джойс. — Все это — компаньонка! Откуда нам знать, какие у нее мотивы? Толстая, некрасивая, немолодая — это еще не значит, что она не могла влюбиться в Джонса. Она, конечно, могла возненавидеть миссис Джонс и по каким-то другим причинам. Подумайте только, что значит быть компаньонкой: все время лебезить, не противоречить, где-то смолчать, сдержать обиду. Однажды она не выдержала и убила ее. Она, вероятно,

положила мышьяк в чашку с отваром и солгала, что сама выпила его.

— Мистер Петерик?

— Трудно сказать. Располагая такими фактами, не знаю, что и думать. — Адвокат профессиональным жестом соединил кончики пальцев обеих рук.

— Но вам следует высказаться, мистер Петерик, — сказала Джойс. — Вы не должны скрывать своего мнения. Таковы правила игры.

— Мне нечего возразить против фактов, — сказал адвокат. — Но, вспоминая множество аналогичных случаев, я думаю, что это все-таки муж. А мисс Кларк выгородила его по тем или иным причинам. Между ними могла существовать какая-либо договоренность. Возможно, он понимал, что его заподозрят, а она, видя перед собой в будущем одну лишь нищету, согласилась сказать на допросе, что она выпила отвар. Впрочем, за это ей могла быть обещана определенная сумма. Если так, то это чрезвычайно редкий случай. Чрезвычайно редкий.

— Не согласен ни с кем из вас, — сказал Реймонд. — Вы забыли о весьма важном обстоятельстве. А дочь врача? Я хочу дать вам мое решение. Все трое почувствовали себя плохо. Послали за

доктором. Он нашел, что миссис Джонс, которая съела большую порцию, страдает сильнее других. Он посылает, как вы нам сказали, за таблеткой опиума. Врач не сам идет, а посылает. И кто же дает посланному лекарство? Ясно — его дочь. Весьма вероятно, что она сама и готовит его. Она любит Джонса, и в этот момент в ней пробуждаются все худшие инстинкты. Она понимает, что средство обеспечить ему свободу в ее руках. Таблетки, которые она посылает, — это чистый мышьяк. Вот мое мнение.

— Ну, теперь вы, сэр Генри, — с воодушевлением произнесла Джойс.

— Минутку, — сказал сэр Генри. — Мы еще не выслушали мисс Марпл.

Мисс Марпл печально покачала головой.

— Очень грустная история, — сказала она. — Она заставила меня вспомнить о мистере Харгрейвзе. Его жена ни о чем и не подозревала, пока он не умер. А тогда выяснилось, что он завещал все состояние женщине, с которой жил долгие годы и от которой имел пятерых детей. В свое время она служила у них горничной. После того как ее рассчитали, мистер Харгрейвз снял ей дом... Разумеется, это не помешало ему остаться церковным настоятелем и одним из уважаемых

людей в городке...

— Милая тетушка, я не вижу никакой связи с покойным мистером Харгрейвзом, — прервал ее Реймонд.

— Факты удивительно схожи, — спокойно продолжала мисс Марпл. — Предполагаю, что бедная девушка во всем созналась...

— Какая девушка? — не понял Реймонд.

— Бедная Глэдис Линч, разумеется. Надеюсь, что Джонса повесят за то, что он сделал из бедняжки убийцу, но, к сожалению, ее тоже повесят. — Мисс Марпл повернулась к сэру Генри: — Я ведь права, не так ли? Все совершенно ясно. Нельзя не обратить внимание на слова «сотни и тысячи» в письме[33].

— Что же тут может быть общего?! — воскликнул Реймонд.

— Обычно кухарки посыпают этим цветным горошком пирожные с кремом. Услышав о пирожных, я связала это со словами «сотни и тысячи» в письме Джонса. Мышьяк был именно в них. Джонс оставил его девушке и заставил посыпать пирожные.

— Этого не может быть! — воскликнула

---

[33] notes: 33

«Сотни и тысячи» — так называется в Англии разноцветный сахарный горошек для украшения тортов и пирожных.

Джойс. — Ведь все ели пирожные.

— О, вы не совсем правы, — возразила мисс Марпл. — Компаньонка на диете. Человек, который хочет похудеть, никогда не ест сладкого. А Джонс, он просто стряхнул горошек и ел пирожное. Все было задумано и исполнено очень умно; но крайне жестоко.

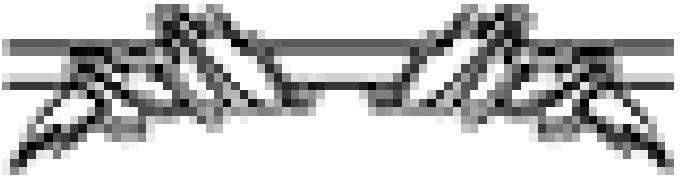
Все с нетерпением посмотрели на сэра Генри.

— Мисс Марпл попала в самую точку, — медленно начал он. — Глэдис забеременела от Джонса, и он решил устранить жену, чтобы беспрепятственно жениться на девушке. Он подделал «сотни и тысячи» и дал Глэдис, чтобы она украсила пирожные. Глэдис Линч скончалась неделю назад. Умирая, она во всем призналась.

— Великолепно, тетушка! — воскликнул Реймонд и поднялся с места. — Один — ноль в вашу пользу. Просто вообразить себе не могу, как это вы во всем разобрались.

— О, милый, вы даже не представляете себе, сколько я повидала в жизни, — сказала мисс Марпл. — Такие люди, как Джонс, жестоки и беспощадны. Как только я услышала, что в доме была хорошенькая девушка, то сразу поняла, что Джонс ее в покое не оставит. Все это так удручает, что и говорить об этом больше не хочется. Не

могу вам передать, каким это было в свое время ударом для миссис Харгрейвз. И все девять дней в городке не смолкали пересуды.



Глава 2

СВЯТИЛИЩЕ АСТАРТЫ

— А теперь, доктор Пендер, что вы расскажете нам?

Старый священник смущенно улыбнулся.

— У меня жизнь прошла тихо, — сказал он. — В ней не было ничего особенного. Пожалуй, только однажды в молодости я был свидетелем трагического случая.

— О! — подзадорила его Джойс Ламприер.

— Он запомнился мне на всю жизнь, — продол-

жил священник. — Врезался в память, и мне не надо особенно напрягаться, чтобы вновь почувствовать охватившие меня трепет и ужас при виде человека, смертельно раненного непонятным оружием.

— Вы заставляете меня содрогнуться! — воскликнул сэр Генри.

— Я сам, как вы выразились, содрогнулся от этого. С тех пор я никогда не смеялся над теми, кто серьезно относится к разного рода суевериям. Существуют места, пользующиеся дурной или доброй славой, и иногда они дают о себе знать.

— Вот «Лиственницы», например, очень несчастливый дом, — заметила мисс Марпл. — Старый мистер Смитерс потерял все свое состояние и был вынужден покинуть его. Потом дом купили Карслейки — через некоторое время Джонни Карслейк упал с лестницы и сломал себе ногу, а миссис Карслейк захворала, и ей пришлось поехать на юг Франции поправлять здоровье. А сейчас его купил Берденс, и я слыхала, что бедному мистеру Берденсу нужно срочно оперироваться.

— Я думаю, тут и слухи играют немалую роль, — заговорил Петерик.

— Мне известны два «призрака», которые

представлены вполне конкретными людьми, — заметил, усмехнувшись, сэр Генри.

— Я думаю, — сказал Реймонд, — нам надо дать возможность доктору Пендеру продолжить рассказ.

Джойс поднялась и выключила обе лампы, комната теперь освещалась только мерцающим светом камина.

— Атмосфера создана, — сказала она, — можно продолжать.

Доктор Пендер улыбнулся ей и, устроившись на стуле поудобнее, приступил к своему рассказу:

— Не знаю, известно ли кому-нибудь хоть что-то о Дартмуре. Место, о котором идет речь, находится на подступах к Дартмуру. Там продавалось имение. Несмотря на то что поместье было превосходное и окрестные пейзажи удивительно живописны, покупатель не находился несколько лет. В конце концов его купил человек по фамилии Хейдон, сэр Ричард Хейдон. Я знал его по колледжу, и, хотя на несколько лет потерял из виду, старые приятельские отношения сохранились, и я с удовольствием принял приглашение приехать к нему в «Тихую рощу» — так называлось его приобретение.

Собралось не очень много народу. Сам Ричард

Хейдон, его двоюродный брат Эллиот Хейдон, леди Маннеринг с бледной, довольно невзрачной дочкой по имени Виолетта, капитан Роджерс с женой — заядлые лошадники с загорелыми лицами, для них лошади и охота были единственным смыслом жизни. Кроме того, был молодой доктор Саймондс и была мисс Диана Эшли. Я знал немного о последней. Ее фотографии часто встречались в светской хронике. Внешность ее, без сомнения, производила впечатление. Она была темноволосая, высокая, кожа у нее была матовая, слегка смуглая, а узковатые темные раскосые глаза придавали ее облику особую, восточную изысканность. Голос у нее был необыкновенно глубокий, грудной и звучал словно колокол.

Я сразу понял, что мой приятель, Ричард Хейдон, сильно ею увлечен, и догадался, что все затеяно исключительно ради нее. В отношении ее чувств у меня не сложилось четкого представления. Мисс Эшли не была постоянна в своих симпатиях. Один день она разговаривала только с Ричардом, а всех остальных не замечала, на другой день проявляла расположение к его двоюродному брату Эллиоту и, казалось, едва ли замечала, что существует еще такой человек, как Ричард, а затем начинала одаривать самыми

многообещающими улыбками скромного и незаметного доктора Саймондса.

На следующее утро после моего приезда хозяин показал нам все поместье. Само здание было ничем не примечательно: добротный, прочный дом из девонширского гранита. Построен на века, любая непогода для него нипочем. Самый обычный, но удобный. Из его окон открывался вид на Мур[34], на далеко простирающиеся возвышенности, заканчивающиеся разрушенными непогодой скалистыми вершинами.

На ближайшем склоне виднелись следы минувшего каменного века — круги от фундамента жилищ. На соседней возвышенности находился курган, где недавно велись раскопки и была обнаружена кое-какая бронзовая утварь. Хейдон проявлял некоторый интерес к археологическим находкам и очень увлеченно, с пафосом рассказывал нам об этом. Здесь были найдены останки пещерных людей эпохи неолита, памятники друидов, следы пребывания римлян и даже древних финикийцев.

«Но вот это место, пожалуй, самое интересное, — сказал Хейдон. — Вы знаете, что оно

---

[34] notes: 34
М у р — река, впадает в залив Лайм.

называется «Тихая роща». И довольно нетрудно догадаться о происхождении этого названия. Вот эта, — он показал рукой, — часть местности была довольно голой: скалы, вереск да папоротник, но примерно в ста ярдах от дома была посажена густая роща. Она дошла до нас из глубины веков. Деревья погибали и вновь высаживались, и поэтому она сохранилась такой, как была раньше, может быть, даже во времена финикийских поселенцев. Пойдемте взглянем на нее».

Все последовали за ним. Когда мы вошли в рощу, я ощутил какую-то необычную подавленность. Я думаю, что так подействовала тишина. Казалось, и птиц на деревьях нет. Невольно мне стало страшно. Я увидел, что Хейдон улыбается и смотрит на меня с любопытством.

«Вызывает это место какое-то ощущение, Пендер? — спросил он. — Чего-то враждебного? Или какой-то тревоги?»

«Мне здесь не нравится», — спокойно заявил я.

«И неудивительно. Это место было оплотом одного из древних врагов вашей веры. Это роща

Астарты»[35].

«Астарты?»

«Астарты, или Ашерат, — это уж как вам больше нравится ее называть. Финикийскому имени я предпочитаю Астарту. Мне кажется, у нас в стране известна одна роща Астарты — на севере, на Уолле. У меня нет доказательств, но мне бы очень хотелось считать, что здесь у нас настоящая, подлинная роща Астарты. Что здесь, среди деревьев, совершались священные обряды».

«Священные обряды... — негромко повторила Диана Эшли с мечтательным и отсутствующим видом. — Интересно, как это было?»

«Наверняка что-нибудь неприличное, — сказал капитан Роджерс, не к месту рассмеявшись. — Сплошной разврат, представляю себе».

Хейдон не обратил на него никакого внимания.

«В центре рощи, должно быть, стоял храм, — сказал он. — До храмов я еще не дошел, но позволил себе маленькую безделицу».

---

[35] notes: 35

А с т а р т а — греческое наименование главной финикийской богини Ашторет (Ашерат). Почиталась как богиня плодородия, материнства и любви, а также как богиня прибывающей луны. Изображалась в виде обнаженной женщины с коровьими рогами на голове, с руками, прижатыми к груди или к бедрам, а иногда в одеянии, с короной на голове и с тамбурином.

В этот момент мы вышли на небольшую поляну. На ней было установлено нечто отдаленно напоминающее беседку из камня. Диана Эшли вопросительно посмотрела на Хейдона.

«У меня это называется святилище, — сказал он. — Это святилище Астарты».

И мы направились туда. Внутри на грубом черном столбе была установлена необычная маленькая скульптура, изображающая женщину с рогатым полумесяцем на голове, сидящую на льве.

«Астарта финикийская, — пояснил Хейдон. — Богиня луны».

«Богиня луны! — воскликнула Диана. — А давайте устроим сегодня вечером дикий загул. Маскарад! Выйдем сюда при лунном свете и совершим обряд Астарты».

Меня неожиданно передернуло, и Эллиот, двоюродный брат Ричарда, тут же обернулся.

«Вам это все не нравится, да, святой отец?» — спросил он.

«Да, — ответил я с достоинством, — не нравится».

Он посмотрел на меня с любопытством: «Но это

же только дурачество. Дик[36] не может знать, священная эта роща на самом деле или нет. Это просто выдумки, ему нравится так думать. И даже если бы...»

«Если бы?»

«Ну, — он принужденно засмеялся, — вы же не верите во всякое такое, правда? Вы ведь священник».

«Почему это если я священник, то не должен верить в это?»

«Но к таким вещам никто всерьез не относится».

«Не уверен. Я знаю одно: по натуре я человек не очень впечатлительный, но стоило мне зайти в рощу, как у меня возникло необычное ощущение, ощущение опасности, предчувствие несчастья».

Эллиот неловко оглянулся.

«Да, — сказал он. — Действительно, что-то не то. Я знаю, понимаю, что вы имеете в виду, но мне кажется, что это лишь игра нашего воображения. А что вы скажете, Саймондс?»

Доктор помолчал с минуту. Затем невозмутимо ответил:

«Мне здесь не нравится. Объяснить почему

---

[36] notes: 36
Д и к — уменьшительное от Ричарда.

— не могу. Но все равно мне здесь не нравится».

В этот момент ко мне подошла Виолетта Маннеринг.

«Мне здесь неприятно! — закричала она. — Неприятно! Прошу вас, уйдемте отсюда».

Мы пошли обратно. Только Диана Эшли замешкалась. Я оглянулся: она стояла перед святилищем и внимательно разглядывала скульптуру внутри его.

День был прекрасный, необычно жаркий, и предложение Дианы Эшли было единодушно принято. И тут началась подготовка: как всегда, перешептывание и смех, как всегда, костюмы изготавливались втайне, и вот, когда все заявились на обед, началось настоящее веселье. Роджерс с женой были пещерными людьми эпохи неолита (это объяснило исчезновение ковриков от камина). Ричард Хейдон назвался финикийским моряком, а его двоюродный брат был главарем бандитов, доктор Саймондс — шеф-поваром, леди Маннеринг — сестрой милосердия, а ее дочка — пленницей-черкешенкой. Я сам нарядился чересчур тепло — монахом. Диана Эшли вышла последней и несколько разочаровала нас всех. Она просто завернулась в черное бесформенное домино.

«Незнакомка, — кокетливо провозгласила Диана, — вот кто я. А теперь, ради бога, давайте обедать».

После обеда мы вышли на улицу. Стоял прекрасный вечер, теплый, спокойный, тихий. Всходила луна.

Мы прогуливались и болтали, время шло быстро. Наверное, только через час мы обнаружили, что с нами нет Дианы.

«Разумеется, она не пошла спать», — сказал Ричард Хейдон.

«Я видела, как она около четверти часа назад пошла в том направлении», — Виолетта Маннеринг показала в сторону рощи, которая при лунном свете выглядела черной и мрачной.

«Интересно, что она задумала? — сказал Ричард Хейдон. — Какие-нибудь проделки, клянусь. Пойдемте посмотрим».

Заинтригованные тем, что задумала мисс Эшли, мы поспешили за ним. Однако мне очень не хотелось заходить в эту темную, не предвещавшую ничего хорошего рощу. Казалось, нечто сильнее меня удерживает, заставляет не идти туда. У меня возникло совершенно определенное убеждение, что это место особенно опасное. Я думаю, что не я один почувствовал то же самое, но как-то

неудобно было в этом признаваться. Деревья стояли настолько плотно, что лунный свет почти не проникал сквозь них. Вокруг слышались тихие звуки, шепот, вздохи. Было крайне жутко, и, не сговариваясь, мы держались все вместе.

Мы вышли на открытую поляну посреди рощи и остановились как вкопанные в изумлении: на пороге святилища стояла чья-то фигура, полностью укутанная в прозрачный газ, рогатый полумесяц поблескивал в темной массе ее волос.

«Бог мой!» — сказал Ричард Хейдон, и пот заблестел у него на лбу.

Но Виолетта Маннеринг оказалась наблюдательнее.

«Так это же Диана! — воскликнула она. — Что это с ней случилось? Ой, она на себя не похожа!»

Фигура в дверном проеме подняла руки, ступила вперед и заговорила монотонным голосом: «Я жрица Астарты. Осторожно, ко мне не приближаться — в моих руках смерть».

«Не надо, дорогая, — стала умолять ее леди Маннеринг. — Нам страшно, на самом деле страшно».

Ричард кинулся к ней.

«Бог мой, Диана! — закричал он. — Ты великолепна!»

Действительно, как сказала Виолетта, Диана была совсем другой. В ее глазах появился какой-то жестокий блеск, на губах — незнакомая улыбка, я такой у нее не видел.

«Осторожно! — крикнула она. — Не приближайтесь к богине. Если прикоснетесь ко мне — смерть!»

«Ты великолепна, Диана! — закричал Хейдон. — Но, пожалуйста, прекрати. Мне что-то это совсем не нравится».

Он пошел к ней, и она вскинула руку в его направлении.

«Стой! — крикнула она. — Еще шаг — и я убью тебя магией Астарты».

Ричард Хейдон посмеялся и пошел еще быстрее, как вдруг случилась странная вещь. Он замер на мгновение, затем как будто оступился и упал. Он лежал ничком и не собирался подниматься.

Тут раздался истерический хохот Дианы. Его жуткое звучание нарушило безмолвие поляны.

С проклятиями Эллиот кинулся вперед.

«Это невыносимо, — кричал он, — поднимайся, Дик, поднимайся, дружище!»

Но Ричард Хейдон продолжал лежать. Эллиот Хейдон подбежал к нему, опустился перед ним на колени и осторожно перевернул его. Он скло-

нился над Ричардом и всмотрелся ему в лицо. Потом резко поднялся на ноги и встал, слегка покачиваясь.

«Доктор, — позвал он. — Доктор, ради бога, сюда. Я... я думаю, он мертв».

Саймондс бросился вперед, а Эллиот размеренными шагами вернулся к нам. Он стал как-то странно рассматривать свои руки.

В этот момент раздался дикий вопль Дианы.

«Это я его убила! — закричала она. — Боже мой! Я не хотела, но я убила его!»

И, потеряв сознание, она упала в траву.

«Давайте же скорее выбираться из этого страшного места! — закричала миссис Роджерс. — С нами тут бог знает что может произойти! Какой ужас!»

Эллиот крепко сжал мне плечо.

«Это невозможно, — отчетливо прошептал он. — Я вам говорю, этого не может быть. Человека нельзя так убить. Это... это противоестественно».

Я попытался его успокоить.

«Это можно как-то объяснить, — сказал я. — Вероятно, у вашего брата было слабое сердце, а об этом не знали. Испуг, потрясение».

«Вы меня не понимаете, — перебил он меня, протянул свои руки, и я увидел на них красные

пятна. — Дик умер не от потрясения, его закололи в сердце, а оружия нет».

Я с сомнением пристально посмотрел на него. В этот момент Саймондс, осмотрев тело, поднялся и подошел к нам. Он был бледен и весь дрожал.

«Мы что, с ума все сошли? — произнес он. — Что это за место? Почему тут происходят такие вещи?»

«Значит, это правда?» — спросил я.

Он кивнул:

«Рана такая, как будто ее нанесли длинным тонким кинжалом, но кинжала там нет».

Мы посмотрели друг на друга.

«Этого не может быть, — горячился Эллиот Хейдон. — Он, наверное, упал. Должно быть, валяется где-то на земле. Давайте посмотрим».

Мы безрезультатно обыскали все вокруг. Виолетта Маннеринг вдруг заявила:

«Диана что-то держала в руках. Что-то вроде кинжала. Я видела. Видела, как он сверкнул, когда она им грозила».

«Ричард не приблизился к ней и на три ярда», — возразил Эллиот Хейдон, покачав головой.

Леди Маннеринг склонилась над распростертой на земле девушкой.

«У нее в руках сейчас ничего нет, — заявила

она. — И на земле ничего не видно. Ты не ошибаешься, что видела его, Виолетта? Я не видела».

Доктор Саймондс подошел к мисс Эшли. Доктор Пендер, извинившись, прервал рассказ и огляделся.

— Теперь благодаря огромному количеству детективов, — сказал он, — мы все хорошо знаем, что тело надо оставлять там, где его обнаружили. Каждый уличный мальчишка теперь это знает.

Но мы в то время таких вещей не знали и отнесли тело Ричарда Хейдона в его гранитный дом и положили на кровать. Дворецкого отправили на велосипеде за двенадцать миль вызвать полицию.

Затем Эллиот отвел меня в сторону.

«Послушайте, — сказал он. — Я вернусь в рощу. Необходимо отыскать оружие».

«Если оно вообще было», — засомневался я.

Он крепко схватил мою руку и сильно встряхнул.

«Вбили себе всякие предрассудки в голову. Вы что, думаете, он умер от сверхъестественной силы? Так я пойду и разберусь во всем».

Я был решительно против этого и пытался разубедить его, но безрезультатно. Одна мысль о густой роще наводила на меня ужас. У меня воз-

никло предчувствие, что надвигается еще одно несчастье. Но Эллиот упрямствовал. Он, я думаю, сам боялся, но не хотел признаваться в этом. Он ушел как следует вооруженный и настроенный добраться до сути загадки.

Ночь была отвратительная, никто и не пытался заснуть. Приехала полиция. Они отнеслись ко всему с откровенным недоверием и проявили сильное желание устроить допрос мисс Эшли. Но тут им пришлось иметь дело с доктором Саймондсом, который был категорически против. Мисс Эшли вышла из состояния обморока, или транса, и он дал ей сильное снотворное. До наступления дня ее ни в коем случае нельзя было тревожить.

Только к семи часам утра все хватились Эллиота Хейдона, и тут вдруг Саймондс спросил меня, где он. Я объяснил, что сделал Эллиот, и это еще больше расстроило Саймондса.

«К чему он туда пошел? Это... это напрасный риск».

«Вы же не хотите сказать, что и с ним что-то случилось?»

«Надеюсь, нет. Я думаю, святой отец, нам лучше пойти посмотреть».

Мне понадобилось собрать все свое мужество,

чтобы отважиться на это. Мы отправились вдвоем и еще раз зашли в эту проклятую рощу. Мы кричали, но никто не отзывался. Через некоторое время мы вышли на поляну. В раннем утреннем свете она была тусклая, призрачная. Саймондс сжал мою руку, и у меня вырвался сдавленный крик. Минувшей ночью при лунном свете мы видели здесь тело человека, лежащего ничком. Сейчас на том же самом месте лежал Эллиот Хейдон.

«Боже мой! — вырвалось у Саймондса. — И его тоже!»

Эллиот Хейдон был без сознания, но слабо дышал. На этот раз причина трагедии была ясна. Длинное тонкое оружие осталось в ране.

«В плечо попало, не в сердце. Повезло, — прокомментировал доктор. — Бог знает, что и думать. Во всяком случае, он жив и сможет нам рассказать, что произошло».

Но этого-то как раз Эллиот Хейдон и не смог сделать. Его рассказ был крайне туманным. Он безуспешно пытался разыскать кинжал и наконец, прекратив поиски, остановился у святилища. К этому моменту он все больше и больше убеждался в том, что кто-то следит за ним из-за деревьев. Он противился этому ощущению, но

не мог от него избавиться. Он говорил, что подул холодный странный ветер, который, казалось, шел не из-за деревьев, а изнутри святилища. Эллиот заглянул вовнутрь. Увидел маленькую фигуру богини и почувствовал, что происходит нечто странное, возможно, это был оптический обман. Фигура как будто стала расти. Потом его что-то ткнуло — он воспринял это как удар в лоб — и сбило с ног. При падении он почувствовал острую, жгучую боль в левом плече.

Кинжал на этот раз был идентифицирован. Он был найден при раскопках кургана, и купил его Ричард Хейдон. Где он хранился, в доме или в святилище, никто не знал.

Полиция считала — и разубедить ее не удалось, — что мисс Эшли умышленно заколола Ричарда. Но, учитывая единодушные свидетельства, что она не приближалась к нему ближе чем на три ярда, у полиции не было никаких оснований надеяться на поддержку обвинения против нее. Таким образом, дело как было, так и осталось загадкой.

Воцарилось молчание.

— Возразить вроде нечего, — нарушила молчание Джойс Ламприер. — Все это настолько жутко, уму непостижимо. У вас-то самого есть объясне-

ние, доктор Пендер?

— Есть, — кивнул старик. — Есть объяснение, то есть не совсем объяснение. Все же кое-что остается непонятным.

— Я бывала на спиритических сеансах, — сказала Джойс. — Так что вы можете говорить что угодно, но там происходят очень странные вещи. Я полагаю, что все объясняется особым гипнозом. Девушка, возможно, и на самом деле превратилась в жрицу Астарты и так или иначе заколола его. Может быть, она метнула кинжал.

— Или это был дротик, — предположил Реймонд Вест. — В конце концов, лунный свет обманчив. У нее могло быть в руках копье, которым она заколола его на расстоянии, и, кроме того, не исключен массовый гипноз. Я имею в виду, что вы были готовы к мысли о присутствии сверхъестественной силы и поэтому ничего другого не увидели.

— В мюзик-холле я видел немало удивительных трюков с оружием и с ножами, — заговорил сэр Генри. — Я считаю, что человек прятался в чаще и оттуда мог довольно метко бросить нож или кинжал, при условии, конечно, что он профессионал. Признаю, это кажется довольно надуманным, но представляется единственной реальной версией.

Вы помните, у второго было вполне отчетливое впечатление, что в роще кто-то следил за ним? В том, что мисс Маннеринг утверждает, будто мисс Эшли держала в руках кинжал, а другие не подтверждают этого, нет ничего удивительного. Будь у вас такой же опыт, как у меня, вы бы знали, что показания пятерых человек об одном и том же могут невероятно отличаться друг от друга.

Мистер Петерик кашлянул:

— Но во всех этих версиях мы упускаем из виду один существенный факт, — заметил он. — Куда же девалось оружие? Мисс Эшли вряд ли могла незаметно убрать вонзившийся дротик или копье, ведь она стояла посреди открытого пространства. Если кинжал метнул скрывшийся убийца, то он бы остался в ране. Я думаю, надо отбросить надуманные версии и строго придерживаться фактов.

— И о чем же говорят факты?

— Ну... одно представляется совершенно ясным. Рядом с человеком, когда ему был нанесен удар, никого не было. Таким образом, единственный, кто мог заколоть его, — это был он сам. Налицо самоубийство.

— Но с какой же стати ему было совершать самоубийство? — скептически спросил Реймонд

Вест.

Адвокат откашлялся.

— Ах, об этом опять-таки можно только догадываться, — сказал он. — Догадки в настоящий момент меня не интересуют. Мне кажется, если исключить сверхъестественную силу — во что я ни на миг не поверю, — это единственно возможное объяснение случившемуся. Он сам себя заколол и, когда падал, взмахом руки выдернул кинжал из раны и отбросил его в деревья. Я думаю, это хотя и маловероятно, но возможно.

— Я предпочитаю не говорить, что нет сомнений, — вступила в беседу мисс Марпл. — Все это приводит меня в сильное замешательство. Но невероятные вещи все-таки случаются. В прошлом году на приеме у леди Шарпли, в саду, мужчина, игравший в часовой гольф[37], споткнулся, зацепившись за цифру, потерял сознание и не приходил в себя в течение пяти минут.

— Но, дорогая тетя, — мягко заметил Реймонд, — его ведь не закололи, верно?

— Конечно нет, дорогой, — ответила мисс

---

[37] notes: 37

Ч а с о в о й...г о л ь ф — малый гольф на площадке с разметкой, напоминающей часовой циферблат с двенадцатью цифрами; игроки переходят с цифры на цифру и поочередно загоняют мяч в лунку в центре площадки.

Марпл. — К этому я и веду. Нет сомнений, сэра Ричарда могли заколоть одним-единственным способом, но мне бы хотелось узнать, обо что он споткнулся. Возможно, о корни дерева. Он засмотрелся на девушку, а при лунном свете немудрено споткнуться обо что угодно.

— Вы говорите, что существует только один способ, которым могли убить сэра Ричарда, мисс Марпл? — сказал священник, с любопытством поглядывая на нее.

— Печальная история, я предпочитаю не думать об этом. Он был правша или я ошибаюсь? Я имею в виду, что, для того чтобы нанести себе удар в левое плечо, он должен был быть правшой. Я всегда так жалела беднягу Джека Бейнса во время войны! Он прострелил себе ногу после ожесточенного сражения у Арраса. Он мне рассказывал об этом, когда я приходила навещать его в госпиталь. Как он потом стыдился! Не думаю, что этот несчастный Эллиот Хейдон много выиграл от своего злодеяния.

— Эллиот Хейдон? — поразился Реймонд. — Вы думаете, это он?

— Не понимаю, а кто же еще это мог сделать? — слегка приподнимая брови, удивилась мисс Марпл. — Разумеется, в том случае, если, как

мудро выразился мистер Петерик, смотреть на факты и не принимать всерьез всяких там языческих богинь, в которых нет ничего хорошего. Эллиот подошел к нему и перевернул. Для того чтобы совершить преступление, ему надо было повернуться к вам спиной, чтобы достать кинжал из-за пояса. Помнится, в молодости я танцевала с мужчиной, одетым главарем бандитов. У него было пять видов ножей и кинжалов, не передать, до чего неудобно было с ним танцевать.

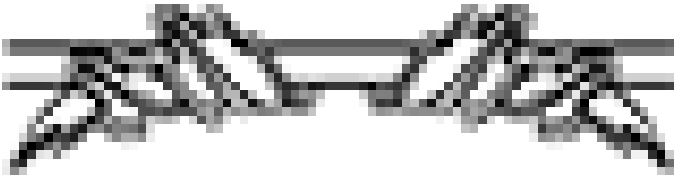
Все взгляды устремились на доктора Пендера.

— Я узнал правду, — сказал он, — пять лет спустя после трагедии. Мне пришло письмо от Эллиота Хейдона. Оказывается, он догадывался, что я его подозревал. Он написал, что это было внезапным искушением. Он тоже любил Диану Эшли, но был всего лишь обыкновенным адвокатом. Устраняя Ричарда со своего пути, наследуя его титул и недвижимость, он надеялся на блестящую перспективу. Кинжал он вынул из-за пояса, когда склонился над братом. Он и задуматься не успел. Просто вонзил его и вложил в ножны. Себе он нанес рану позднее, чтобы отвести подозрения. Он писал мне накануне отъезда в экспедицию на Северный полюс на случай, как он выразился, если не вернется. Не думаю, чтобы он собирался

возвращаться, и знаю, что, как заметила мисс Марпл, его преступление ничего ему не дало. «Пять лет, — писал он, — я живу в аду. Я надеюсь, что смогу искупить свою вину хотя бы достойной смертью». Наступила тишина.

— И он погиб достойно, — сказал сэр Генри. — Вы изменили имена в своем рассказе, доктор Пендер, но я, кажется, догадался, кого вы имели в виду.

— Как я и говорил, — продолжил священник, — не думаю, что это исчерпывающее объяснение. Я по-прежнему считаю, что роща оказывала зловещее воздействие, которое руководило поведением Эллиота Хейдона. До сих пор не могу вспоминать о святилище Астарты без содрогания.



Глава 3

ЗОЛОТЫЕ СЛИТКИ

— Не знаю, подойдет ли история, которую я хочу рассказать, — начал Реймонд Вест. — У меня нет для нее объяснения, однако обстоятельства дела настолько интересны, что мне хочется изложить ее в порядке постановки проблемы. Возможно, рассуждая логически, мы вместе в ней как-то разберемся.

Эти события происходили два года назад, когда я поехал на Троицу в Корнуолл с человеком по

имени Джон Ньюман.

— В Корнуолл? — резко переспросила Джойс Ламприер.

— Да. А что?

— Нет, ничего. У меня история тоже про Корнуолл, о рыбацкой деревушке под названием Рэтхол. Неужели и вы о том же самом?

— Нет. У меня деревня называется Полперран. Она на западном побережье Корнуолла, там очень дикая скалистая местность. Мы с Джоном были представлены друг другу за несколько недель до поездки, и я нашел его чрезвычайно интересным человеком. Умный, независимый, с воображением. Благодаря своему последнему увлечению он арендовал Пол-Хаус. Прекрасно разбирался во времени Елизаветы, ярко и наглядно описывал мне передвижение испанской Армады[38]. И с таким энтузиазмом, будто бы он сам был тому свидетелем. Что это, перевоплощение? Непонятно. Совершенно непонятно.

— Не преувеличивай, дорогой Реймонд, — ласково пожурила его мисс Марпл.

— Какие преувеличения? — слегка раздражен-

---

[38] notes: 38

Непобедимая...армада — военный флот, направленный в 1588 году испанским королем Филиппом II против Англии и потерпевший поражение.

но отозвался Реймонд Вест. — Этот Ньюман в самом деле был одержимым, поэтому он и оказался мне интересен. Ну как полезное ископаемое, что ли. Оказывается, некое судно, принадлежащее Армаде, у которого на борту находились несметные богатства — золото из испанских владений, — потерпело крушение неподалеку от побережья Корнуолла, на известных своей коварностью Змеиных скалах. На протяжении ряда лет, говорил мне Ньюман, предпринимались попытки поднять корабль и достать ценности. Полагаю, подобные истории не новость, хотя количество мифических кораблей с сокровищами значительно превышает их действительное число. Образовалась одна компания, но обанкротилась, и Ньюману удалось купить права на все эти дела — или как это там называется? — за бесценок. Он всем этим очень проникся. По его словам, дело было только за новейшей научной аппаратурой. Золото *там,* и у него не было ни тени сомнений в том, что его можно достать.

Когда я слушал его, мне подумалось, насколько же часто вот так получается. Богатый человек, такой, как Ньюман, преуспевает без каких-либо особых усилий, и, по всей вероятности, денежное выражение его будущей находки почти не

имеет для него значения. Должен сказать, что его азарт заразил меня. Я видел, как гонимый штормом галеон прибивает к берегу, треплет, разбивает о чернеющие скалы. «Галеон» — это звучит романтично. А слова «испанское золото» завораживают и школьника, и взрослого. К тому же в то время я работал над романом, некоторые эпизоды которого относились к XVI веку, и меня радовала перспектива заполучить драгоценный местный колорит от хозяина Пол-Хауса.

Я отправился в пятницу утром с Паддингтонского вокзала в приподнятом настроении от предвкушения предстоящих радостей. Вагон был пуст, лишь один человек в противоположном конце сидел ко мне лицом. Высокий, с солдатской выправкой. Я не мог избавиться от впечатления, что где-то раньше видел его. В конце концов я вспомнил. Моим попутчиком был инспектор Бадгворт. Я сталкивался с ним, когда делал серию статей об исчезновении Эверсона.

Я напомнил ему о себе, и вскоре мы уже мило беседовали. Когда я сообщил ему, что еду в Полперран, выяснилось удивительное совпадение: он тоже направлялся туда. Я не хотел показаться назойливым и не стал расспрашивать о целях его вояжа, а заговорил о собственной поездке,

упомянув об испанском галеоне, потерпевшем крушение. К моему удивлению, инспектору было о нем все известно.

«Это «Хуан Фернандес», — сказал он. — Ваш знакомый не первый гробит деньги на то, чтобы достать оттуда золото. Романтические выдумки».

«А может быть, вообще вся история выдумка? — спросил я. — И никакого корабля здесь нет?»

«О, сомнений нет, корабль затонул, — отвечал инспектор, — как и многие другие. Вы бы удивились, если бы знали, сколько крушений произошло в этой части побережья. Полгода назад именно здесь затонул «Отранто» — это и привело меня сюда».

«Помню, я читал об этом, — заговорил я, — надеюсь, никто не погиб?»

«Никто не погиб, но кое-что погибло. Не все знают, а ведь на борту «Отранто» был слиток золота».

«Да?» — заинтересовался я.

«Естественно, мы привлекли водолазов, но *золото ушло, мистер Вест».*

«Ушло? — изумился я. — Как оно могло уйти?»

«В том-то и дело, — сказал инспектор. — Пробоина достигла особой кладовой. Водолазы без труда пробрались туда, но там ничего не было.

Вопрос в том, украли золото до крушения или после? Было ли оно вообще на корабле?»

«Любопытный случай».

«Очень любопытный случай, если поразмыслить, что такое слиток. Ведь это не бриллиантовое ожерелье, которое можно сунуть в карман. Если представить, насколько он велик и тяжел, так все покажется абсолютно невозможным. Может, фокус-покус устроили до отправки судна, ну а если нет, то, должно быть, золото сумели изъять за эти полгода. Я еду туда для того, чтобы разобраться».

Ньюман встречал меня на вокзале. Он извинился, что приехал за мной на сельском грузовичке из имения, а не на автомобиле. Машину понадобилось подремонтировать, и ее отогнали в Труро.

Я сел рядом с ним, и мы аккуратно вырулили по узким улочкам из деревни. Поехали вверх по крутому склону, потом немного по очень извилистой дороге и наконец достигли ворот с гранитными столбами — Пол-Хаус.

Место было великолепное: крутой обрыв, дивный вид на море. Старому зданию было лет триста или четыреста, к нему было пристроено современное крыло. За ним шли сельскохозяйственные угодья в семь или восемь акров.

«Добро пожаловать в Пол-Хаус, — приветствовал меня Ньюман, приглашая в дом, — под знак золотого галеона». И он показал туда, где над дверью в передней висела прекрасная копия испанского галеона с полными парусами.

Мой первый вечер был наиболее замечательным и поучительным. Хозяин показывал мне старые рукописи с «Хуана Фернандеса», карты с отмеченным на них пунктиром местоположением корабля, схемы подводной аппаратуры, и это, можно сказать, уже окончательно и бесповоротно заинтриговало меня.

Я рассказал ему о встрече с инспектором Бадгвортом, чем он очень заинтересовался.

«Странные люди здесь, на побережье, — задумчиво произнес он. — Контрабанда и ожидание кораблекрушения у них в крови. Когда корабль идет на дно у их берега, они расценивают его не иначе как свою законную добычу. Есть тут один, я вас с ним познакомлю. Интересный экземпляр».

Утро на следующий день стояло ясное. Ньюман отвез меня в Полперран и познакомил со своим водолазом. Его звали Хиггинс. Это был угрюмый человек с невыразительным лицом, его участие в разговоре в основном сводилось к междометиям.

После того как они переговорили между собой

по сугубо техническим вопросам, мы отправились в «Три якоря». Большая кружка пива до некоторой степени развязала язык этой заслуживающей внимания личности.

«Детектив прибыл из Лондона, — пробурчал он. — Твердят, что на судне, которое затонуло тут в ноябре, была пропасть золота. Да, но ведь оно не первое тут потонуло и не последнее».

«Правильно! Правильно! — вмешался хозяин «Трех якорей». — Ваша правда, Билл Хиггинс».

«Вот так вот, мистер Келвин», — подтвердил Хиггинс.

Я с некоторым любопытством посмотрел на хозяина. Это был заметный человек — смуглый, черноволосый, на удивление широкоплечий. Глаза налиты кровью. И еще одна особенность: он все время избегал вашего взгляда. Я заподозрил, что именно о нем Ньюман говорил как об интересном экземпляре.

«Мы не желаем, чтобы чужаки совали нос к нам на побережье», — довольно агрессивно заявил он.

«Вы имеете в виду полицию?» — улыбнулся Ньюман.

«Имею в виду полицию *и всех прочих*, — многозначительно заявил Келвин, — понимаете,

мистер?»

«Послушайте, Ньюман, а ведь это прозвучало угрозой», — сказал я, когда мы поднимались в гору, домой.

Он засмеялся:

«Глупости, я здесь никому ничего плохого не делал».

Я с сомнением покачал головой. В Келвине было что-то злобное, темное. Чувствовалось, что помыслы могут завести его бог знает куда.

Думаю, что именно с этого момента мною овладело беспокойство. Первую ночь я проспал вполне нормально, но на следующую ночь сон у меня был тревожный и прерывистый. Наступило воскресенье, мрачное, угрюмое. Небо покрылось тучами, слышались раскаты грома. Я никогда не умел скрывать своих переживаний, и Ньюман заметил, что у меня испортилось настроение.

«Что с вами, Вест? Вы сегодня комок нервов».

«Не знаю, — признался я, — у меня дурное предчувствие».

«Погода такая».

«Да, наверно».

Больше я ничего не сказал. Днем мы выехали на моторной лодке Ньюмана, но разошелся настолько сильный дождь, что мы рады были скорее

вернуться домой и переодеться во все сухое.

А вечером мое беспокойство усилилось. За окном бушевал шторм. К десяти буря утихла. Ньюман выглянул в окно.

«Проясняется, — отметил он. — Не удивлюсь, если через полчаса будет прекрасная погода. Тогда пойду прогуляться».

«А меня ужасно клонит в сон. — Я зевнул. — Не выспался. Думаю лечь сегодня пораньше».

Так я и сделал. В предыдущую ночь я не выспался, а в эту ночь забылся тяжелым сном. Я все еще находился под гнетом острого предчувствия беды, меня одолевали кошмары. Страшные пучины, громадные пропасти, я блуждаю над ними и знаю: оступись я — и смерть. Я проснулся, когда стрелки часов показывали восемь. Голова невыносимо болела, ужас ночных кошмаров еще преследовал меня. Чувство это было настолько сильным, что, открыв окно, я отпрянул назад от нового страха: первое, что я увидел, был человек, копающий могилу.

Понадобилось минуты две, чтобы я взял себя в руки, только тогда я разобрался, что могильщик — это садовник Ньюмана и что «могила» эта предназначается для трех кустов роз, которые лежали на земле в ожидании, когда их заботливо

посадят в землю.

Садовник взглянул наверх, увидел меня и приподнял шляпу:

«Доброго утра, сэр. Замечательное утро, сэр».

«Кажется, да», — задумчиво отозвался я.

Однако, как и сказал садовник, утро действительно было замечательное. Солнце светило ярко, небо было голубое, безоблачное, и это предвещало чудесную погоду на целый день.

Насвистывая, я спустился к завтраку. У Ньюмана в доме не было прислуги. Две сестры среднего возраста, жившие на ферме неподалеку, ежедневно приходили удовлетворять его скромные запросы. Вот и сейчас, когда я входил в комнату, одна из них ставила на стол кофейник.

«С добрым утром, Элизабет, — поздоровался я. — Мистер Ньюман еще не появлялся?»

«Он, должно быть, ушел рано утром, сэр, — ответила она. — Когда мы пришли, его не было».

Мое беспокойство возобновилось. Оба предыдущих утра Ньюман спускался к завтраку довольно поздно, и я представить себе не мог, чтобы он рано поднялся. Движимый тревожными мыслями, я помчался к нему в спальню. Там никого не было, постель была не тронута. Беглый осмотр комнаты натолкнул меня еще на одну мысль:

если Ньюман ушел прогуляться, то он, должно быть, ушел в том же, в чем был вечером, — одежды в комнате не было.

Теперь я был уверен, что мое предчувствие беды оправдалось. Ньюман, как и говорил, ушел на вечернюю прогулку. И по какой-то причине не вернулся. Почему? Что с ним случилось? Не упал ли с обрыва? Надо немедленно отправляться на поиски.

Через несколько часов я собрал большую группу помощников, и мы вместе начали розыск по всем направлениям вдоль обрыва и на скалах внизу. Но никаких следов Ньюмана не обнаружили.

В конце концов, отчаявшись, я отыскал инспектора Бадгворта. Он помрачнел.

«Я думаю, это дело нечистое, — проговорил он. — Здесь есть несколько подозрительных субъектов. Вы видели Келвина, хозяина «Трех якорей»?»

Я ответил, что знаю такого.

«А вам известно, что он отбыл срок четыре года назад? Оскорбление действием».

«Меня это не удивляет».

«По-моему, все тут думают, что ваш приятель слишком любит соваться не в свои дела. Надеюсь,

что до серьезного дело не дошло».

Розыск продолжился с удвоенным рвением. Только к концу дня наши усилия были вознаграждены. Мы обнаружили Ньюмана в глубокой канаве в дальней части его собственного имения. Он был крепко-накрепко связан по рукам и ногам, а в рот его был запихан носовой платок.

Он совсем обессилел, но, когда ему растерли запястья и лодыжки и дали сделать хороший глоток виски, смог рассказать, что с ним произошло.

Погода прояснилась, и около одиннадцати часов вечера он вышел прогуляться. Он прошел некоторое расстояние вдоль обрыва и вышел на место, из-за большого количества пещер известное как Убежище Контрабандистов. Там он заметил, как несколько человек что-то выгружают из маленькой лодки, и спустился взглянуть, в чем дело. По-видимому, это был тяжелый груз, его несли в одну из самых дальних пещер.

Ньюман заинтересовался. Оставаясь незамеченным, он подошел к ним поближе. Вдруг его кто-то увидел, и поднялась тревога. Тут же два огромных моряка схватили его и избили до потери сознания. Когда Ньюман пришел в себя, то обнаружил, что лежит в машине, которая движется, подпрыгивая на многочисленных ухабах

и рытвинах, насколько он мог догадаться, по дороге от побережья в деревню. К его великому удивлению, автомобиль свернул в ворота его собственного дома. Здесь, пошептавшись друг с другом, его наконец вытащили и бросили в глубокую канаву, где его вряд ли могли скоро найти. Потом грузовик укатил. Ему показалось, что они выехали в другие ворота, на четверть мили ближе к деревне. Он не мог описать нападавших, понял только, что это были моряки и по речи — корнуоллцы.

Инспектор Бадгворт встрепенулся.

«Будьте уверены, тут-то они и запрятали золото! — воскликнул он. — Достали со дна морского и держали где-то в укромной пещере. Все знают, что мы обыскали все пещеры в Убежище Контрабандистов и теперь переходим на другое место. Очевидно, ночью они переносили свое добро в ту пещеру, где мы уже были. Они были уверены, что мы не полезем туда еще раз. К сожалению, в их распоряжении было по крайней мере часов восемнадцать и они могли спокойно распорядиться имуществом. Раз в ту ночь их застал мистер Ньюман, то вряд ли мы теперь найдем здесь что-нибудь».

Инспектор поспешил на поиски. Он нашел

неопровержимое свидетельство того, что слиток спрятали и, как предполагалось, снова забрали. Никаких данных о его новом местонахождении не было.

Впрочем, одно подозрение было, и инспектор сам навел меня на него следующим утром.

«По этой дороге мало ездят на автомобилях, — сказал он, — поэтому в нескольких местах мы обнаружили очень четкие следы шин. На одной из шин отстает треугольный кусочек и оставляет характерную отметину. Видно, как они заезжали в ворота, и заметен слабый след выезда из других ворот. Так что нет никаких сомнений — это та машина, которая нам нужна. Вот только зачем они выехали из дальних ворот? Мне кажется, это совершенно ясно: грузовик из деревни. Мало у кого в деревне есть собственные грузовики. У двоих, ну, может быть, у троих. У Келвина, хозяина «Трех якорей», есть».

«Келвин кто по профессии?» — спросил Ньюман.

«Странно, что вы меня об этом спрашиваете, мистер Ньюман. В молодости Келвин работал водолазом».

Мы с Ньюманом переглянулись. Головоломка, казалось, сама собой мало-помалу разрешалась.

«Вы не опознали Келвина среди тех людей на пляже?» — спросил инспектор.

Ньюман покачал головой:

«Боюсь, не смогу ответить на этот вопрос. У меня и времени-то не было, я ведь и понять ничего не успел».

Инспектор любезно разрешил пойти с ним до «Трех якорей». Гараж находился на боковой улице. Главный вход был заперт, но, повернув в переулок, мы обнаружили маленькую дверь, которая не была закрыта. Поверхностного осмотра шин инспектору было достаточно.

«Вот, клянусь Юпитером! — возликовал он. — Вот она, собственной персоной на заднем левом колесе. Итак, мистер Келвин, теперь, я думаю, вы не выкрутитесь».

Реймонд Вест смолк.

— Ну? — не терпелось Джойс. — Пока мне непонятно, что здесь загадочного, — вот если не нашли золота...

— Естественно, не нашли, — нарушил Реймонд молчание. — И Келвина не обличили: думаю, он оказался им не по зубам. Но как он это все устроил — не представляю. Естественно, на основании улик — отметины на шине — его арестовали. Но произошла неожиданная осечка. Прямо напро-

тив въезда в гараж находился коттедж, который на лето был снят одной дамой-художницей.

— Ох уж эти дамы-художницы! — рассмеялась Джойс.

— Да, действительно, «уж эти дамы-художницы»! Так вот, кстати, она уже несколько недель болела и поэтому к ней приходили две сиделки. Та, которая была в ночную смену, пододвинула кресло к окну. Шторы были подняты, и она заявила, что не могла не увидеть, если бы автомобиль выехал из гаража. Она поклялась, что он не выезжал из гаража в ту ночь.

— Что из этого, — невозмутимо фыркнула Джойс. — Да сиделка заснула. Они всегда спят.

— Э, такое, как известно, случается, — рассудил мистер Петерик, — но мне кажется, что мы подходим к фактам, не поразмыслив над ними как следует. До того как принимать к сведению показания медицинской сестры, мы должны как следует убедиться в ее добросовестности. Что это за алиби, которое возникает с такой подозрительной быстротой? Оно кажется сомнительным.

— Имеются также показания художницы, — продолжал Реймонд. — Она свидетельствовала, что испытывала сильные боли и не спала почти всю ночь. Она бы обязательно услыхала грузовик,

так как он необычайно шумит, а ночью после бури было очень тихо.

— М-да, — хмыкнул священник. — Это, несомненно, дополнительное свидетельство. А у самого-то Келвина есть алиби?

— Он говорил, что находился дома и лег спать в десять вечера, но подтвердить это никто не мог.

— Сиделка спала, — снова вмешалась Джойс, — и больная вместе с ней тоже. Больные всегда думают, что ночами не смыкают глаз.

Реймонд Вест вопросительно посмотрел на доктора Пендера.

— Знаете, я сочувствую этому Келвину, — сказал тот. — Мне кажется, это как раз тот случай, когда «дурная слава по дорожке бежит»: Келвин был в заключении. Кроме отметины на шине, которая, без сомнения, слишком примечательна, чтобы быть простым совпадением, за исключением его несчастливого прошлого, против него ничего нет.

— Ну а вы, сэр Генри?

Сэр Генри покачал головой.

— Как всегда, — засмеялся он, — мне кое-что известно по данному делу. Так что, очевидно, пока не следует высказываться.

— Так, идем дальше — тетя Джейн, неужели

вам нечего сказать?

— Минутку, дорогой, — пробормотала мисс Марпл, — собьюсь со счета. Две с накидом, три лицевые, одну снимаем, две с накидом — так, все. Что ты говоришь, дорогой?

— Твое мнение?

— Тебе мое мнение не понравится, дорогой. Молодежь не любит этого, я заметила. Лучше ничего не говорить.

— Глупости, тетя Джейн, выкладывайте.

— Изволь, дорогой Реймонд. — Мисс Марпл отложила вязанье и взглянула на племянника. — Я считаю, что следует быть более разборчивым в выборе знакомых. Ты такой доверчивый, дорогой, так легко поддаешься обману. Полагаю, это из-за того, что ты писатель и излишне впечатлителен. Что за история с испанским галеоном! Будь ты постарше да знай жизнь получше, ты бы сразу насторожился. К тому же человека ты знал без году неделю.

Сэр Генри вдруг разразился неудержимым хохотом и шлепнул себя по колену.

— Вот так вот, Реймонд, — поддразнил он. — Мисс Марпл, вы замечательный человек. Ваш знакомый Ньюман, мой мальчик, на самом деле носит другое имя. В настоящий момент он не в

Корнуолле, а в Девоншире, в Дартмуре, точнее, в Принстаунской тюрьме. Мы взяли его не по делу о краже слитка, а за ограбление кладовой одного лондонского банка. Затем занялись другими его делами и обнаружили большую часть украденного золота, оно было зарыто в саду Пол-Хауса. Неплохо было придумано. По всему побережью Корнуолла рассказывают истории про крушения галеонов, полных золота. Это объясняло появление водолаза, объяснило бы потом и золото. Но нужен был козел отпущения. Келвин идеально подходил на эту роль. Ньюман разыграл свою маленькую комедию очень хорошо, и наш друг, Реймонд, как известный писатель, выступил в роли безупречного свидетеля.

— А отметина на шине? — возразила Джойс.

— Ох, я сразу поняла, дорогая, хотя ничего и не смыслю в моторах, — начала мисс Марпл. — Люди меняют колеса, вы знаете, я часто такое наблюдала, и, конечно, они могли снять колесо с грузовика Келвина, вытащить его через маленькую дверь в переулок и надеть на грузовик мистера Ньюмана. Выехать на грузовике через одни ворота на пляж, погрузить на него золото и привезти через другие ворота. Потом они, должно быть, вернули колесо назад и снова поставили на

грузовик мистера Келвина, а в это время кто-то связывал мистера Ньюмана в канаве. Не слишком-то приятно это было для него, и, вероятно, его искали дольше, чем он ожидал. Я полагаю, что человек, который считался садовником, и занимался этим делом.

— Почему вы говорите «считался садовником», тетя Джейн? — спросил с любопытством Реймонд.

— Как же он мог быть на самом деле садовником! — возмутилась мисс Марпл. — Садовники не работают в Духов понедельник[39]. Это всем известно.

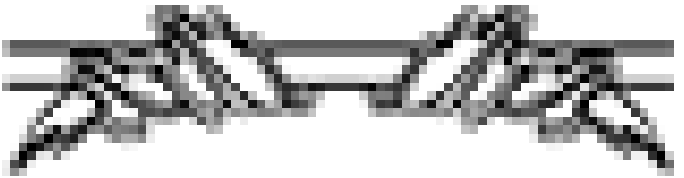
Она улыбнулась и свернула вязанье.

— Именно эта мелочь и навела меня на верный след, — объяснила она и взглянула на Реймонда. — Когда будешь иметь свой дом, дорогой мой, и у тебя будет собственный сад, будешь знать и такие тонкости.

---

[39] notes: 39

Д у х о в...п о н е д е л ь н и к — первый понедельник после Духова дня, отмечается Англиканской церковью, до 60-х годов был нерабочим днем.



Глава 4

КРОВЬ НА ПАНЕЛИ

— Вот любопытно, — сказала Джойс Ламприер, — не очень-то хочется рассказывать эту историю. Произошла она давно, точнее, пять лет назад. И до сих пор меня преследует. Улыбаюсь безмятежно, а в глубине души все еще таится ужас. И странное дело, в этюде, который я тогда написала, отразилось это состояние. Когда вы видите его в первый раз, перед вами просто набросок крутой корнуоллской улочки. Но если

смотреть на него достаточно долго, то появляется в нем что-то зловещее. Никогда не выставляю его на продажу и сама никогда не смотрю на него. Я держу его в мастерской подальше от глаз.

Местечко называлось Рэтхол. Это такая маленькая странная корнуоллская рыбачья деревушка, очень живописная, даже, может быть, слишком живописная. Уж очень сильна в ней атмосфера патриархального корнуоллского Чайного дома. Там сохранились мастерские, где коротко стриженные девушки в блузах пишут красками на пергаменте девизы. Мило, отдает стариной, но так неказисто.

— Знаю, знаю, — сказал Реймонд Вест, тяжело вздыхая. — По-моему, сущее бедствие для автомобилей. Туда ведут плохие и узкие дороги, да и в самой-то этой живописной деревушке ездить опасно.

Джойс кивнула.

— Действительно, дорога в Рэтхол узкая, крутая, прямо как стенка дома. Но продолжаю. Я приехала в Корнуолл на две недели порисовать. В Рэтхоле есть старая гостиница «Полхарвит Армс». Считается, что это единственный дом, уцелевший после обстрела испанцами в тысяча пятьсот каком-то году.

— Не было обстрела, — сказал Реймонд Вест, хмуря брови. — Будьте поаккуратнее с историческими событиями, Джойс.

— Неужели? Во всяком случае, они установили пушки где-то на побережье и стреляли, и дома рухнули. Впрочем, дело не в этом. Гостиница — замечательное старинное здание с портиком на четырех колоннах. Я выбрала подходящее место и уже принялась было за работу, как показалась машина. Медленно петляя по холму, она спускалась вниз. И конечно же, она обязательно должна была остановиться у гостиницы, где мне ее больше всего недоставало. Вышли двое — мужчина и женщина. Я их как следует не рассмотрела. На ней были льняное розовато-лиловое платье и такая же шляпа. Мужчина вскоре возвратился и, к моему великому удовольствию, отогнал машину на набережную. Он прошел мимо меня обратно к гостинице. В это время еще одна противная машина, петляя, спустилась с холма. В ней была женщина в ярчайшем ситцевом платье, я такого никогда не видела, все такими алыми цветами, а на голове огромная соломенная шляпа — кубинская, что ли? — и тоже яркая, алого цвета. Женщина не остановилась перед гостиницей, а проехала по улице немного дальше. Когда она

вышла из машины, мужчина удивленно воскликнул:

«Кэрол, скажите на милость! Надо же встретиться в такой дали! Столько лет не виделись! Да, я здесь с Марджери. Это моя жена. Ты должна с ней познакомиться».

Они пошли бок о бок по направлению к гостинице. Я увидела, как другая женщина вышла из дверей и пошла им навстречу.

Я успела мельком взглянуть на женщину по имени Кэрол, когда она проходила мимо. Напудренный добела подбородок и ярко накрашенные губы, я подумала — просто подумала, — так ли уж Марджери будет рада этому знакомству. Я не видела Марджери вблизи, но издали она производила впечатление чопорной и не слишком модной женщины.

Разумеется, это не мое дело, но, знаете, иногда встречаешься со странными вещами, и потом невозможно удержаться, чтобы не порассуждать об этом. Они остановились недалеко от меня, и я невольно слышала кое-что из их разговора. Мужчина — оказалось, его зовут Деннис — предлагал взять лодку и прогуляться вдоль побережья. По его словам, в миле отсюда находилась известная пещера, которую стоило осмотреть. Кэрол тоже

хотела осмотреть пещеру, но она предлагала отправиться туда пешком через скалы. Она сказала, что терпеть не может лодок. В конце концов они остановились на том, что Кэрол пойдет берегом по тропинке через скалы, а Деннис и Марджери возьмут лодку и прогуляются вкруговую.

Разговор о купании и у меня вызвал желание освежиться. Утро выдалось на редкость жаркое, работа у меня шла неважно. К тому же я решила, что полуденное солнце будет более эффектно. Так что я собралась и отправилась на небольшой пляж, который облюбовала в противоположном от пещеры направлении. Превосходно выкупалась, позавтракала консервированным языком и двумя помидорами и к полудню возвратилась, полная сил, чтобы продолжить работу.

Казалось, весь Рэтхол спит. Я не ошиблась: полуденное солнце сделало предметы более выразительными. «Полхарвит Армс» была центром моего этюда. Косые солнечные лучи освещали площадку перед гостиницей, создавая весьма любопытный эффект. Я поняла, что купальщики благополучно возвратились, потому что два купальных костюма, один алого, а другой синего цвета, сушились на балконе.

У меня не удавался эскиз, на мгновение я на-

клонилась кое-что подправить. Когда я снова подняла голову, то увидела как из-под земли появившегося человека. Он стоял, прислонясь к одной из колонн гостиницы. Он был одет по-морскому, и я решила — рыбак. У него была большая темная борода, и если бы мне потребовался натурщик для свирепого испанского шкипера, то лучшего не представить. Я принялась работать в лихорадочной спешке, пока он не двинулся с места, хотя, судя по его виду, он готов был подпирать колонну вплоть до скончания века.

Когда он все же отошел от колонны, я, к счастью, уже запечатлела то, что хотела. Он подошел ко мне и заговорил. О, что он мне наговорил!

«Рэтхол, — сказал он, — был весьма замечательным местом».

Мне это уже было известно, но, скажи я ему об этом, меня бы это не спасло. Он поведал историю обстрела — я хочу сказать, разрушения — деревни, сообщил о том, что хозяин «Полхарвит Армс» был убит последним — заколот шпагой офицера-испанца на пороге собственного дома, — и о том, как кровь его брызнула на плиты панели и никто в течение столетий не смог смыть этих кровяных пятен.

Рассказ очень соответствовал тяжелой, наве-

вающей дремоту атмосфере дня. Голос у него был вкрадчивый, и тем не менее в рассказе содержался какой-то пугающий подтекст. Манеры заискивающие, хотя в то же время угадывалось, что он был жесток. Он заставил меня отчетливо представить все ужасы инквизиции и жестокостей, совершенных испанцами.

Он рассказывал, а я продолжала писать, как вдруг поняла, что, увлеченная его рассказом, я изобразила то, чего не было. На белой плите тротуара перед входом в гостиницу в ярких лучах солнца у меня отчетливо выделялись пятна крови. Казалось невероятным, что голова могла сыграть такую шутку с руками, но когда я взглянула еще раз на площадку перед гостиницей, то поразилась еще больше. Моя рука просто написала то, что увидели глаза, — капли крови на белой плите тротуара.

С минуту мой взгляд был прикован к этому месту. Потом я закрыла глаза и сказала себе: «Не будь же такой глупой, не может там быть никакой крови». Но когда я снова открыла глаза, пятна крови никуда не исчезли.

Мне стало не по себе, и я прервала поток красноречия рыбака.

«Послушайте, — сказала я, — у меня не очень

хорошее зрение. Это что там на панели, пятна крови?»

Он посмотрел на меня снисходительно-добродушно.

«В наши дни, леди, уже нет никаких пятен. То, о чем я вам рассказал, было почти пятьсот лет назад».

«Конечно, конечно, — сказала я, — но сейчас на панели...» И замолчала. *Я поняла, я осознала,* что он не увидит того, что вижу я. Я поднялась и трясущимися руками стала собирать свои вещи.

Пока я занималась этим, в дверях гостиницы появился молодой мужчина, приехавший утром на машине. Он растерянно смотрел по сторонам. На балкон вышла его жена и сняла купальные костюмы. Он направился было к машине, но вдруг повернул назад и, перейдя улицу, обратился к рыбаку:

«Скажи, дружище, ты не видел, вернулась ли леди, что приехала на второй машине?»

«Дама в платье с цветами? Нет, сэр, не видел. А вот утром она пошла через скалы к пещере».

«Знаю, знаю. Мы вместе там купались. А потом она пошла пешком назад, и с тех пор я ее не видел. Не может же она так долго возвращаться. Скалы здесь не опасны?»

«Это, сэр, зависит от того, где идти. Лучше всего взять человека, знающего эти места».

Он явно имел в виду себя и принялся было развивать эту тему, но молодой человек бесцеремонно оборвал его и помчался к гостинице.

«Марджери! — крикнул он жене на балконе. — Кэрол еще не вернулась. Странно, правда?»

Я не слышала ответа Марджери, а ее муж продолжал:

«Но мы не можем больше ждать. Нам надо поскорее попасть в Пенритар. Ты готова? Я сейчас подгоню машину».

Он подогнал машину, и они уехали. А мне не давала покоя мысль, действительно ли я видела кровь или это была игра моего воображения. И как только они уехали, я подошла к гостинице и тщательно осмотрела тротуар. Конечно, никаких пятен крови не было. Никаких, все это было плодом моей возбужденной фантазии. Хотя почему-то мне все это показалось еще более странным. И тут я услышала голос рыбака.

«Леди, вы действительно видели здесь кровь?» — спросил он, с любопытством глядя на меня.

Я кивнула.

«Очень странно, очень странно. У нас здесь существует поверье, леди: если кто-нибудь увидит

здесь кровь...»

Он остановился.

«И что тогда?» — спросила я.

«Говорят, — продолжал он своим вкрадчивым голосом с корнуоллскими интонациями, но свободно и хорошо владея речью без местного акцента и корнуоллских оборотов, — говорят, что если кто-нибудь увидит здесь кровь, то в течение суток произойдет убийство. Кто-то умрет».

Какой ужас! Я почувствовала, как по спине у меня побежали мурашки.

Он продолжал объяснение:

«В церкви, леди, есть интересная доска о смерти...»

«Спасибо. Довольно», — решительно сказала я, резко повернулась и пошла по улице к коттеджу, где снимала комнату. Не успела я дойти, как увидела, что вдали по тропинке через скалы идет женщина — Кэрол. Она торопилась. На фоне серых камней она казалась каким-то ядовито-красным цветком. Ее шляпа была цвета крови... Я одернула себя: что это такое, всюду мне мерещится кровь.

Затем я услышала шум ее машины. Интересно, подумала я, она тоже направляется в Пенритар? Но она поехала налево, в противоположном на-

правлении. Я видела, как машина взбиралась по холму и исчезла. Почему-то я с облегчением вздохнула. И Рэтхол, казалось, снова погрузился в крепкий сон.

— Если это все, — сказал Реймонд Вест, когда Джойс остановилась, — то я сразу скажу свое мнение: это объясняется несварением желудка, пятна перед глазами — после приема пищи.

— Нет, не все, — сказала Джойс. — Послушайте продолжение. Через два дня я прочитала в газете заметку под заголовком *«Трагедия на берегу моря»*. В ней говорилось, что миссис Дейкр, жена капитана Денниса Дейкра, утонула во время купания неподалеку от бухты Ландир. Они с мужем проживали там в гостинице. Они собрались идти купаться. Но тут поднялся холодный ветер. Капитан Дейкр заявил, что для купания слишком свежо, и отправился с несколькими постояльцами играть в гольф неподалеку. Однако миссис Дейкр сказала, что ей не холодно, и пошла в бухточку одна. Так как она долго не возвращалась, муж забеспокоился и отправился с приятелями на пляж. Они нашли ее одежду у камня, но не обнаружили никаких следов несчастной леди.

Спустя почти неделю было обнаружено ее тело — его выбросило на берег на некотором расстo-

янии от места происшествия. На голове была глубокая рана, полученная ею до наступления смерти: по официальной версии, она нырнула и стукнулась головой о камень. Насколько я могу судить, смерть ее наступила как раз через сутки после того, как я увидела кровь на панели.

— Я протестую, — сказал сэр Генри. — Это не загадочный случай, а сплошная мистика. Мисс Ламприер, очевидно, медиум.

Мистер Петерик, как всегда, сначала кашлянул.

— Одна вещь меня как-то настораживает, — сказал он, — это рана на голове. Я полагаю, не следует исключать возможности неблаговидного поступка. Но я вижу, у нас нет данных, на которые можно было бы опереться. Галлюцинация, или видение, мисс Ламприер, несомненно, явление интересное, но мне не совсем ясно, на чем, по ее мнению, мы будем строить рассуждения.

— Несварение желудка и совпадение, — сказал Реймонд. — Так или иначе, а ведь даже неизвестно, с теми ли людьми это связано. К тому же это проклятие, или как его там, наверное, относится только к местным жителям.

— У меня ощущение, что морской волк имеет отношение к этой истории, — сказал сэр Генри. —

Но я согласен с мистером Петериком, что мисс Ламприер дала нам очень мало деталей.

Джойс повернулась к доктору Пендеру, который, кивнув ей, с улыбкой сказал:

— Рассказ очень интересный, но я присоединяюсь к сэру Генри и мистеру Петерику, — данных, чтобы сделать какие-то выводы, слишком мало.

Тогда Джойс с надеждой посмотрела на мисс Марпл, и та в ответ улыбнулась ей.

— Я тоже, дорогая Джойс, считаю, что вы не совсем правы, — сказала она. — Конечно, я — это другое дело. Я имею в виду то, что мы, женщины, больше внимания обращаем на одежду. И поэтому я считаю, что не совсем честно предлагать решение этой проблемы мужчинам. А все дело, я думаю, в быстром переодевании. Ах, какая мерзкая женщина! И еще более мерзок мужчина.

Джойс с удивлением посмотрела на мисс Марпл.

— Тетушка Джейн, простите, мисс Марпл, — поправилась она, — мне кажется, я даже уверена, что вы все знаете.

— Конечно, милая, — сказала мисс Марпл. — Мне, сидя здесь, в спокойной обстановке, гораздо легче, чем было тогда тебе, разобраться во всем. А будучи художником, ты еще и очень впечат-

лительна, ведь верно? Сидя в этой комнате с вязаньем в руках, имеешь дело только с фактами. Кровь на тротуар попала с купального костюма, висевшего на балконе. А поскольку он был красного цвета, то преступники и не заметили, что он был в крови. Бедняжка, ведь она была так молода!

— Простите, мисс Марпл, — прервал ее сэр Генри. — Знаете ли, я в недоумении. Мисс Ламприер, по всей видимости, понятен предмет разговора, но мы, мужчины, пока что в абсолютном неведении.

— Теперь я расскажу вам конец истории, — сказала Джойс. — Это было год спустя. Я была в небольшом курортном городке на восточном побережье и писала этюды. И вдруг чувствую, что такое уже происходило на моих глазах раньше. Мужчина и женщина на тротуаре передо мной встречают женщину в ситцевом ярко-красном, или даже пунцовом, платье: «Кэрол, скажите на милость! Надо же встретиться через столько лет! Ты не знакома с моей женой? Джоан, это моя старинная приятельница мисс Хардинг».

Мужчину я сразу же узнала. Это был тот самый Деннис, которого я видела в Рэтхоле. Жена была другая, то есть вместо Марджери — Джоан, но

женщина такого же типа: молодая, тоже скромно одетая, ничем не примечательная. Мне показалось, что я схожу с ума. Они заговорили о купании. Я скажу вам, что я сделала. Я отправилась прямехонько в полицейский участок. Я опасалась, что меня примут за сумасшедшую, но мне было не до того. К счастью, все обошлось благополучно. Там уже был человек из Скотленд-Ярда, он приехал как раз по этому делу. Ох, до чего же неприятно рассказывать об этом — оказывается, Деннис Дейкр уже был на подозрении у полиции. Деннис Дейкр было одним из его вымышленных имен — он пользовался разными именами в зависимости от обстоятельств. Знакомился с тихими, скромными девушками, у которых почти не было родственников или друзей, женился на них, страховал их жизнь на большие суммы, а потом — ах, какой ужас! Женщина по имени Кэрол была его настоящей женой. Они всегда действовали по одному и тому же плану. Благодаря этому полиция и вышла на него — страховые компании заподозрили неладное. Он обычно приезжал в какое-нибудь тихое местечко со своей новой женой, потом появлялась вторая женщина, и они вместе отправлялись купаться. Потом жену убивали, Кэрол надевала ее платье и возвращалась в нем

в лодке. Потом они уезжали куда-нибудь из этого места, не забыв поспрашивать, не возвращалась ли Кэрол. Как только они выезжали из деревни, Кэрол снова быстро переодевалась в свое приметное, огненно-красное цветастое платье, наносила свой яркий грим, возвращалась пешком обратно и уезжала на автомобиле. Они знали направление течения и соответственно выбирали место мнимой гибели намеченной жертвы. Потом Кэрол отправлялась на пустынный пляж, оставляла одежду убитой у какого-нибудь камня, уходила в своем цветастом ситцевом платье и спокойно дожидалась, пока муж присоединится к ней.

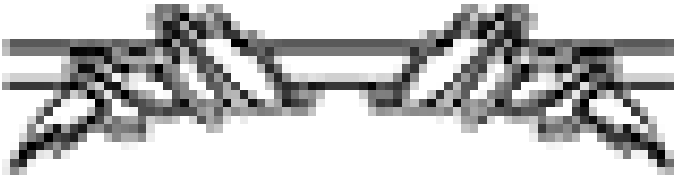
Я думаю, когда они убивали Марджери, кровь попала на купальный костюм Кэрол, а поскольку он был красный, они ее, как говорит мисс Марпл, не заметили. Ну а когда купальник развесили на балконе, кровь и накапала. Ух! — Она содрогнулась. — До сих пор у меня это перед глазами.

— Совершенно верно, — сказал сэр Генри. — Теперь я припоминаю. Настоящее имя преступника было Деннис. Я просто забыл, что одной из его вымышленных фамилий была Дейкр. Это была очень ловкая пара. Мне всегда казалось невероятным, что никто не замечает подмены человека.

Но думаю, что мисс Марпл права — одежда запоминается легче, чем лица. И преступники пользовались этим настолько тонко, что, хотя мы и подозревали Денниса, уличить его было нелегко.

— Тетушка Джейн, как это так вам удается? — спросил Реймонд, глядя на мисс Марпл.

— Я все больше и больше убеждаюсь, что на свете всюду происходит одно и то же, — сказала мисс Марпл. — Была, знаете ли, такая миссис Грин, так она похоронила пятерых детей, и все они были застрахованы. Так что, естественно, возникают подозрения. — Она покачала головой. — В деревенской жизни так много зла. Надеюсь, вам, мои дорогие молодые люди, не придется узнать, как много зла в этом мире.



Глава 5

МОТИВ И ВОЗМОЖНОСТЬ

Мистер Петерик откашлялся гораздо многозначительнее, чем обычно.

— Опасаюсь, что после потрясающих рассказов, которые мы услышали, моя незамысловатая история покажется вам совсем пустяковой, — извиняющимся тоном произнес он. — В ней нет кровопролития, но мне она кажется интересной и очень остроумной. К счастью, я знаю, в чем ее загадка.

— Уж не юридическая ли казуистика? — спросила Джойс Ламприер. — Я имею в виду статьи закона, дело «Барнаби против Скиннера» в 1881 году и тому подобное.

Мистер Петерик, сияя улыбкой, понимающе посмотрел на нее поверх пенсне:

— Нет, нет, моя дорогая юная леди. Вам не следует опасаться на этот счет. История, которую я собираюсь рассказать, проста и незатейлива, в ней может разобраться любой.

— Так никаких юридических ухищрений? — погрозила ему спицей мисс Марпл.

— Конечно, конечно, — заверил мистер Петерик.

— Ну ладно, я в этом не уверена, но готова послушать.

— История касается моего бывшего клиента. Я буду называть его мистер Клоуд — Саймон Клоуд. Это был весьма состоятельный человек, и жил он в большом доме неподалеку отсюда. Его единственный сын погиб на войне. Остался ребенок — маленькая девочка. Ее мать умерла при родах, и после смерти отца девчушка стала жить у деда, который сразу к ней сильно привязался. Маленькая Крис могла делать со своим дедушкой все, что угодно. Я никогда не встречал человека, более

занятого ребенком, чем он. Не могу передать вам его горе и отчаяние, когда девочка в возрасте одиннадцати лет заболела воспалением легких и умерла.

Бедный Саймон Клоуд был безутешен. К тому же вскоре еще один из его братьев скончался. Дети брата оказались в весьма стесненных обстоятельствах. Саймон Клоуд великодушно предоставил им свой дом. И вот у него поселились две девушки — Грейс и Мэри — и юноша — Джордж. Старик был добр к детям брата, но никогда не проявлял к ним такой любви и привязанности, как к своей маленькой внучке. Для Джорджа в банке неподалеку нашлась работа. Грейс вышла замуж за молодого способного ученого-химика по имени Филипп Гаррод. Мэри была незаметной, замкнутой девушкой, она осталась жить в доме и заботилась о своем дяде. Я полагаю, она любила его в свойственной ей сдержанной манере. Судя по всему, все шло мирно. Замечу, что после смерти маленькой Кристобель Саймон Клоуд пришел ко мне и поручил составить новое завещание. По этому завещанию его состояние, очень значительное, делилось между племянником и племянницами: каждому по трети.

Шло время. Однажды, случайно повстречав-

шись с Джорджем Клоудом, я поинтересовался о дяде, которого некоторое время не видел. К моему удивлению, Джордж помрачнел.

«Очень бы хотелось, чтобы вы как-то повлияли на дядю Саймона, — удрученно сказал он. Выражение его честного, не блещущего красотой лица свидетельствовало о тревоге и замешательстве. — С этими спиритическими сеансами все хуже и хуже».

«Что за спиритические сеансы?» — удивился я.

Тогда Джордж рассказал мне, что мистер Клоуд заинтересовался этим занятием, начал входить во вкус и тут случайно познакомился с медиумом, американкой, некоей Эвридикой Спрагг. Джордж охарактеризовал ее как мошенницу, возымевшую над Саймоном Клоудом огромную власть. Она практически постоянно находилась в доме и проводила массу сеансов, во время которых перед безумствующим от любви к внучке дедом представал дух маленькой Крис.

Скажу вам прямо, я не отношусь к числу тех, кто не приемлет спиритизм. Как вам уже говорил, я доверяюсь фактам и думаю, что если подходить к этому беспристрастно и взвесить факты в пользу спиритизма, то выяснится много такого, что нельзя отнести на счет мошенничества и чему

нельзя просто не придавать значения. Поэтому я верю и не верю.

Однако, с другой стороны, спиритизм легко становится объектом надувательства и жульничества. Из того, что мне рассказал Джордж Клоуд об этой Эвридике Спрагг, я понял, что Саймон Клоуд попал в плохие руки и что миссис Спрагг, вероятнее всего, мошенница высшей марки. Старик, будучи в практических делах человеком проницательным, мог быть запросто обведен вокруг пальца там, где дело касалось его любви к покойной внучке.

Чем дольше я обдумывал ситуацию, тем мне все больше становилось не по себе. Я любил молодых Клоудов, Мэри и Джорджа, и понимал, что эта миссис Спрагг и ее влияние на их дядю в будущем могут привести к неприятности.

Я нашел предлог и зашел к Саймону Клоуду. Я понял, что миссис Спрагг обосновалась в доме как почетный и близкий гость. Достаточно было взглянуть на нее, чтобы мои опасения подтвердились. Это была крепкая женщина среднего возраста, вызывающе одетая. Она оперировала лицемерными фразами о «наших возлюбленных, которые отошли в мир иной» и другими вещами подобного рода.

Ее муж, мистер Абсалом Спрагг, худой, высокий мужчина с меланхоличным выражением лица и каким-то скрытым взглядом, также обитал в доме. Я пригласил к себе Саймона Клоуда и тактично поинтересовался о его новых знакомых. Он был полон энтузиазма. Эвридика Спрагг — замечательная женщина! Она ниспослана ему богом в ответ на его мольбы! Деньги ее ничуть не волнуют, ей доставляет радость помочь страждущему сердцу, у нее просто материнские чувства к маленькой Крис, и он готов относиться к ней как к дочери. Затем он стал описывать мне некоторые подробности: как он слышал голосок Крис, как ей хорошо, как она счастлива быть вместе с мамой и папой. Все эти сентиментальности, насколько я помню Кристобель, были ей совершенно не свойственны. По словам Саймона, девочка упорно утверждала, что «мама и папа любят дорогую миссис Спрагг».

«Ну, — прервался он, — вы, конечно, смеетесь надо мной, Петерик».

«Нет, не смеюсь. Отнюдь. Есть люди, занимающиеся этим предметом, свидетельства которых я бы не колеблясь принял и оказал бы доверие и уважение любому рекомендованному ими медиуму. Я полагаю, у этой миссис Спрагг хорошие

рекомендации?»

Саймон разразился потоком восторгов по поводу миссис Спрагг. Она ниспослана богом. Он повстречал ее на водах, где провел летом два месяца. Случайная встреча, и такой удивительный результат!

Я ушел очень недовольным. Мои худшие опасения подтвердились. К тому же я не видел выхода из этой ситуации. Все же, как следует поразмыслив, я написал Филиппу Гарроду, который, как я только что упоминал, женился на старшей Клоуд — Грейс. Я крайне сдержанно обрисовал ему ситуацию. Я указал на опасность того, что подобная женщина может оказать решающее воздействие на старика. И я предложил поискать возможность ввести мистера Клоуда в контакт с какими-то достойными уважения медиумами. Я считал, что устроить это не составит Филиппу Гарроду труда.

Гаррод действовал быстро. Он понял то, чего не понял я, — здоровье Саймона Клоуда было в очень опасном состоянии. И, как человек практичный, он не имел желания допустить, чтобы его жену, ее сестру и ее брата лишили наследства, которое по праву принадлежало им. Он появился на следующей неделе и привел с собой в качестве гостя

известного профессора Лонгмана. Лонгман был первоклассным ученым, и его причастность к спиритизму вызывала почтительное отношение к последнему. Блестящий ученый, он и человеком был чрезвычайно прямым и честным.

Результат визита был крайне неудачен. Оказалось, что Лонгман во время своего пребывания в доме не сказал ничего определенного. Было проведено два сеанса, при каких условиях — я не знаю. Находясь в доме, Лонгман уклонялся от разговоров, но после ухода он написал Филиппу Гарроду письмо. В нем он признавал, что не сумел уличить миссис Спрагг в мошенничестве, тем не менее, по его личному впечатлению, явления были ненастоящими. Он писал, что если мистер Гаррод сочтет уместным, то может показать это письмо своему дяде, а также предложил свести мистера Клоуда с абсолютно честным медиумом.

Филипп Гаррод отнес письмо дяде, но результат оказался не таким, как он ожидал. Старик пришел в неописуемый гнев. Все это интриги, позорящие миссис Спрагг! Это клевета и оскорбление святой! Она уже говорила ему о том, как ей ужасно завидуют. Он заметил, что даже Лонгман был вынужден признать, что не обнаружил мошенничества. Эвридика Спрагг пришла к нему

в трудный час его жизни, поддержала его, и он будет защищать ее, даже если бы это привело к ссоре со всеми членами семьи. Она значит для него больше, чем кто бы то ни был в мире.

Филипп Гаррод был выпровожен из дома безо всяких церемоний. Приступ сильного гнева подорвал здоровье Клоуда. Его состояние заметно ухудшилось. Он практически слег, и уже не было сомнений в том, что он так и останется прикованным к постели, пока смерть не облегчит его страдания.

Через два дня после ухода Филиппа я получил срочный вызов от Саймона Клоуда и спешно отправился к нему. Клоуд лежал в постели и даже на мой неискушенный взгляд выглядел очень больным. Дыхание у него было прерывистым.

«Мне осталось жить совсем немного, — произнес он. — Не спорьте со мной, Петерик. Я чувствую это. Но перед тем как умру, я собираюсь выполнить свой долг перед единственным человеческим существом, которое сделало для меня больше, чем кто-либо в мире. Я хочу написать новое завещание».

«Как только вы мне поручите это, я сразу же составлю документ и вышлю вам», — ответил я.

«Так не пойдет, дорогой мой, — прохрипел

он. — Ведь я могу и до утра не дожить. Я написал вот здесь, чего хочу. — Клоуд пошарил у себя под подушкой. — А вы скажите мне, все ли тут верно».

Он достал лист бумаги с какими-то небрежными каракулями. Все было вполне просто и ясно. Он оставлял по пять тысяч фунтов племянницам и племяннику, а все остальное состояние полностью вверял Эвридике Спрагг «с благодарностью и восхищением».

Мне это было не по нраву, но что же поделаешь. О сумасшествии не могло быть и речи: голова у старика работала не хуже, чем у других.

Клоуд позвонил служанкам. Тут же явились горничная Эмма Гонт — женщина средних лет, которая много лет проработала в доме и теперь самоотверженно ухаживала за Клоудом, — и кухарка Люси Дэвид — светловолосая миловидная женщина лет тридцати. Саймон Клоуд в упор взглянул на них из-под кустистых бровей.

«Я хочу, чтобы вы засвидетельствовали мое завещание. Эмма, передай мне авторучку. Не с этой стороны, — раздраженно заворчал он. — Ты что, не знаешь, что она в правом ящике?»

«Нет, она как раз здесь, сэр», — сказала Эмма и протянула ручку.

«Значит, в прошлый раз ты ее не туда положила, — пробурчал старик. — Терпеть не могу, когда вещи не кладут на место».

Продолжая ворчать, он взял у нее ручку и переписал подправленный мной черновик на новый лист бумаги. Потом расписался. Эмма Гонт и кухарка Люси Дэвид тоже поставили свои подписи. Я сложил завещание и положил его в продолговатый голубой конверт. Как вам известно, оно обязательно должно было быть написано на обыкновенном листе бумаги.

Только служанки собрались выходить из комнаты, как Клоуд с перекошенным от удушья лицом откинулся на подушки. Встревоженный, я наклонился к нему, а Эмма Гонт тут же вернулась. Однако старику полегчало, и он слабо улыбнулся:

«Все в порядке, Петерик, не беспокойтесь. Во всяком случае, теперь я умру с легким сердцем, ведь я сделал, что хотел».

Эмма вопрошающе взглянула на меня, можно ли ей идти. Я кивнул, и она пошла, но вдруг остановилась и подняла голубой конверт, который я от волнения выронил. Она подала его мне в руки, я сунул конверт в карман пальто, и она ушла.

«Вам все это не по нутру, Петерик, — заговорил

Саймон Клоуд. — Но вы, как и все, небеспристрастны».

«Дело не в пристрастности, — возразил я. — Вполне возможно, что миссис Спрагг именно тот человек, за которого себя выдает. Я бы не стал возражать, если бы вы оставили ей какую-то небольшую долю в знак благодарности, но, говоря откровенно, Клоуд, лишать наследства свою плоть и кровь в пользу чужого человека — неправильно».

С этими словами я повернулся и ушел. Я сделал все, что мог, высказав свое отрицательное отношение.

Мэри Клоуд встретила меня в холле.

«Выпейте чаю на дорогу. Проходите сюда». И она повела меня в гостиную.

В камине горел огонь, комната выглядела уютно и приветливо. Мэри помогла мне снять пальто. Вошел ее брат — Джордж. Он взял пальто, положил на стул в дальнем конце комнаты и вернулся к камину, где был накрыт стол для чая. Во время чаепития возник какой-то вопрос насчет имения. В свое время Саймон Клоуд сказал, что не хочет им заниматься и предоставляет все решать Джорджу. Джорджа очень беспокоило такое доверие его персоне. По моему предложению, мы

после чая прошли в кабинет, и я познакомился с соответствующими бумагами. Мэри Клоуд при сем присутствовала.

Через четверть часа я собрался уходить и пошел в гостиную за пальто. В комнате была миссис Спрагг. Она стояла на коленях возле стула с пальто. Казалось, она делает что-то совершенно ненужное с кретоновым ковром. Увидев нас, она, сильно раскрасневшись, поднялась.

«Этот ковер не укладывается как следует, — пожаловалась она. — Подумать только! Хотелось получше подогнать».

Я взял пальто, оделся. И только тут заметил, что конверт с завещанием выпал из кармана и валяется на полу. Я снова положил его в карман, попрощался и ушел.

Дальше опишу свои действия подробно. Вернувшись к себе в офис, я снял пальто и достал завещание из кармана. Я стоял у стола, держал документ в руке, когда вошел служащий. Кто-то желал говорить со мной по телефону, а мой аппарат на столе не работал. Вместе со служащим я вышел в приемную и пробыл там минут пять, разговаривая по телефону.

Когда я закончил, ко мне опять обратился служащий:

«Мистер Спрагг хочет видеть вас, сэр. Я провел его к вам в офис».

Я отправился к себе. Мистер Спрагг сидел у стола. Он поднялся и с несколько излишним рвением поприветствовал меня. Затем он приступил к длинной сбивчивой речи. По-видимому, это была попытка оправдать себя и свою жену. Он опасается, что люди говорят, и т.д., и т.д. Все знают, что его жена с детства отличалась чутким сердцем и добрыми помыслами, и т.п., и т.п. Боюсь, я с ним не слишком церемонился. Я думаю, в конце концов он понял, что визит его неуместен, и, как-то неожиданно завершив беседу, он ушел. Тогда-то я вспомнил, что оставил завещание на столе. Я взял его, заклеил конверт и убрал в сейф.

И вот я перехожу к сути истории. Два месяца спустя мистер Саймон Клоуд умер. Не буду вдаваться в подробности. Просто констатирую факты. *Когда я вскрыл конверт с завещанием, там оказался чистый лист бумаги.*

Он сделал паузу, окинул взглядом внимательные лица и с явным удовольствием улыбнулся:

— Вы, конечно, понимаете, о чем речь? Два месяца запечатанный конверт лежал в моем сейфе. К нему никто не имел доступа. С тех пор как завещание подписали и до того момента,

когда я спрятал его в сейф, прошло слишком мало времени. Итак, кто же все-таки успел, у кого была возможность и в чьих интересах было это сделать?

Напомню основные моменты: завещание подписано мистером Клоудом и положено мною в конверт — пока все хорошо. Затем оно было положено мною в карман пальто. Пальто с меня сняла Мэри и отдала Джорджу. Пальто было передано ему на моих глазах. Пока я находился в кабинете, у миссис Эвридики Спрагг было достаточно времени, чтобы вытащить конверт из кармана и познакомиться с его содержанием. По-видимому, то, что конверт оказался на полу, а не в кармане, свидетельствует о том, что она именно так и поступила. И тут мы оказываемся перед любопытным фактом: у нее была *возможность* заменить завещание чистой бумагой, но не было *мотива.* Завещание было в ее пользу. Заменяя его пустым листком бумаги, она лишала себя наследства, которое так жаждала получить. То же относится и к мистеру Спраггу. У него также была возможность. На две или три минуты он оставался один на один с этим документом у меня в офисе. Но опять-таки он ничего от этого не выигрывал. Итак, перед нами интересная задача: два

человека, которые имели *возможность* вложить чистый лист бумаги, не имели *мотива* для этого, и двое, у которых был *мотив,* не имели *возможности.* Между прочим, не будем исключать из подозреваемых Эмму Гонт. Она души не чаяла в молодых хозяевах и не переносила Спраггов. Я не сомневаюсь, что она попыталась бы совершить подлог, если бы задумала. Но на самом деле она отдала конверт, подняв его с пола. Несомненно, у нее не было возможности открыть конверт. Она не могла ловким движением рук подменить его другим конвертом, потому что конверт, о котором идет речь, был принесен в дом мною и вряд ли у кого-нибудь нашелся бы такой второй.

Он огляделся, одарив собравшихся улыбкой:

— Вот моя маленькая загадка. Надеюсь, я изложил все ясно. Было бы интересно услышать ваше мнение.

Ко всеобщему удивлению, мисс Марпл не смогла удержаться от смеха. По-видимому, ее тут что-то очень позабавило.

— Что с вами, тетя Джейн? Может быть, и нам можно посмеяться? — спросил Реймонд.

— Я вспомнила маленького Томми Саймондса, этого озорного мальчишку, но, надо сказать, иногда страшно уморительного. У детей с такими

невинными мордашками вечно что-нибудь происходит. На той неделе в воскресной школе он вдруг спрашивает учительницу: «Как правильно сказать: желток в яйцах белый или желтки в яйце белые?» И мисс Дерстон принялась объяснять, что принято говорить: желтки в яйцах белые или желток в яйце белый. А этот озорник и говорит: «А я бы сказал, что желток в яйце желтый!» Ну как не озорник! И старо как мир, я это еще с детства знаю.

— Смешно, конечно, дорогая тетя Джейн, — смягчился Реймонд, — но ведь это не имеет отношения к интересной истории, которую рассказал мистер Петерик.

— Как же не имеет! — возразила мисс Марпл. — Тут же подвох. И история мистера Петерика тоже с подвохом. Вполне в духе адвоката! Ах, старина! — И она, посмотрев на него, с укоризной покачала головой.

— Удивительно, вы в самом деле все поняли? — оживившись, спросил адвокат.

Мисс Марпл написала несколько слов на клочке бумаги, сложила и передала ему.

Мистер Петерик развернул записку, прочел и взглянул на пожилую даму с восхищением.

— Друг мой, — сказал он, — существует ли для

вас что-нибудь неразрешимое?

— Мне с детства такое известно, — ответила мисс Марпл. — Я сама подобные штуки устраивала.

— Что-то никак не сообразить, — сказал сэр Генри. — Чувствую, что тут у мистера Петерика какой-то хитроумный юридический фокус.

— Ну что вы, — возразил мистер Петерик. — Что вы. Все совершенно просто. Не стоит так прислушиваться к мисс Марпл. У нее свой взгляд на вещи.

— Нам надо добраться до истины, — принялся рассуждать Реймонд Вест. — Конечно, все выглядит довольно просто. По сути дела, пять человек притрагивались к конверту. Ясное дело, Спрагги могли сунуть свой нос, но в то же время очевидно, что они этого не делали. Остаются трое. Тут представляется прекрасная возможность проделать то, что делают фокусники у вас на глазах. Мне кажется, что бумагу мог изъять и подменить Джордж Клоуд в тот момент, когда он нес пальто в дальний конец комнаты.

— А я считаю, что это девица, — заявила Джойс. — Я думаю, что горничная побежала и рассказала ей все, а та достала другой голубой конверт и просто подменила их.

Сэр Генри покачал головой.

— Я с вами обоими не согласен, — медленно начал он. — Такие вещи только для фокусников, и делаются они на сцене или в романах, но в реальной жизни, в особенности под пристальным взглядом такого человека, как мой друг мистер Петерик, мне кажется, осуществить их невозможно. Но у меня есть одна версия — версия, но отнюдь не больше. Мы знаем, что незадолго до этого в доме побывал профессор Лонгман и притом не сказал почти ничего определенного. Логично предположить, что Спрагги были озабочены последствиями его визита. Если Саймон Клоуд не посвящал их в свои дела, что вполне вероятно, они могли думать, что Клоуд послал за мистером Петериком совсем из других соображений. Возможно, они считали, что мистер Клоуд еще раньше успел составить завещание в пользу Эвридики Спрагг и теперь в результате открытий профессора Лонгмана или же напоминаний Филиппа Гаррода о правах плоти и крови он послал за мистером Петериком, чтобы срочно устранить ее от наследования. В этом случае предположим, что миссис Спрагг решилась осуществить подмену. Она и делает это, но в самый неподходящий момент входит мистер Петерик. У нее даже нет

времени прочитать документ, и она поспешно уничтожает его, бросив в огонь.

Джойс решительно покачала головой:

— Она бы никогда в жизни не сожгла его, не прочитав.

— Объяснение не очень убедительное, — признал сэр Генри.

— Не могу утверждать, что у меня сложилось какое-то определенное мнение, — сказал доктор Пендер. — Думаю, что подмену могли осуществить либо миссис Спрагг, либо ее муж. Мотивом, возможно, послужило то, о чем сказал сэр Генри. Если бы миссис Спрагг прочла завещание после ухода мистера Петерика, то оказалась бы в затруднительном положении: ведь признаться в своем поступке она не могла. Правда, она бы могла положить завещание в бумаги мистера Клоуда в надежде на то, что его обнаружат после смерти наследователя. Но его почему-то не нашли. Вполне *вероятно,* что Эмма Гонт наткнулась на завещание и из преданности хозяевам умышленно уничтожила его.

— Я считаю, что объяснение доктора Пендера самое правдоподобное, — возвестила Джойс. — Не так ли, мистер Петерик?

Адвокат покачал головой:

— Продолжу с того, на чем остановился. Я был огорошен, как и все вы, я был в полном недоумении. Не думаю, что я когда-нибудь добрался бы до истины, скорее всего — нет, но меня просветили. Это тоже было тонко сделано.

Приблизительно месяц спустя я пошел пообедать с Филиппом Гарродом. Мы разговорились, и уже после обеда он упомянул о любопытном случае, который привлек его внимание.

«Мне хотелось бы рассказать вам о нем, Петерик, конфиденциально, конечно».

«Разумеется», — ответил я.

«Один мой приятель, у которого имелись виды на наследство от родственника, был сильно опечален тем, что, как выяснилось, родственник этот вознамерился завещать имущество совершенно недостойной особе. Боюсь, мой приятель был не очень щепетилен в выборе средств. В доме была девушка, преданная интересам тех, кого я называю законной стороной. Он дал ей ручку, заправленную соответствующим образом. Девушка должна была положить ее в ящик письменного стола в комнате хозяина, но не в тот ящик, где обычно лежала ручка. И когда хозяину понадобилось бы засвидетельствовать подпись на каком-либо документе и он бы попросил ручку,

то она должна была подать ему ручку-двойник. Вот и все, что нужно было сделать. Никакой другой информации он ей не давал. Девушка была преданным человеком и в точности выполнила его указания».

Он прервал рассказ и произнес:

«Надеюсь, я вас не утомляю, Петерик?»

«Напротив, — отозвался я. — Вы меня очень заинтересовали».

Мы встретились взглядами.

«Вы моего приятеля, конечно, не знаете?»

«Конечно нет», — ответил я.

«Тогда все в порядке», — успокоился Филипп Гаррод.

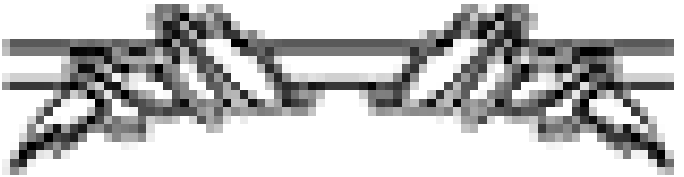
Петерик выдержал паузу и потом сказал с улыбкой:

— Вам ясно, в чем дело? Ручка была заправлена так называемыми исчезающими чернилами — водным раствором крахмала с добавлением нескольких капель йода. Получается насыщенная черно-синяя жидкость, но написанное исчезает через четыре-пять дней.

Мисс Марпл усмехнулась.

— Исчезающие чернила, — подтвердила она. — Известное дело. Сколько развлекалась ими, когда была девочкой. — И она с улыбкой посмотрела на

всех, а мистеру Петерику погрозила пальцем. — Все же это подвох, мистер Петерик, — сказала она. — Впрочем, как раз в духе адвокатов.



Глава 6

ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ СВЯТОГО ПЕТРА

— Теперь ваш черед, тетя Джейн, — сказал Реймонд Вест.

— Да, тетя Джейн, мы ждем от вас чего-нибудь такого особенного.

— Ну вот, смеетесь надо мной, дорогие мои, — посетовала мисс Марпл. — Вы думаете, раз я прожила всю жизнь в глуши, то вряд ли расскажу что-нибудь интересное.

— Боже избави, чтобы я считал жизнь в деревне

безмятежной и небогатой событиями, — запальчиво возразил Реймонд. — После того, что мы от вас услышали, кажется, во всем мире царит спокойствие по сравнению с Сент-Мэри-Мид.

— Человеческая натура, дорогой, в сущности, везде одинакова, — заметила мисс Марпл. — Только в деревне есть возможность внимательнее наблюдать за ней.

— Вы неподражаемы, тетя Джейн! — воскликнула Джойс. — Надеюсь, вы не против, что я вас так называю? Не знаю даже почему.

— Так уж и не знаешь, милая? — покачала головой мисс Марпл. Она с лукавой улыбкой взглянула на девушку, заставив ее покраснеть.

Реймонд Вест засуетился и смущенно прокашлялся. Мисс Марпл посмотрела на обоих, снова улыбнулась и опять сосредоточилась на своем вязании:

— Конечно, жизнь моя, можно сказать, небогата событиями. Но я приобрела некоторый опыт в разрешении возникающих иногда различных загадок. Некоторые из них были поистине хитроумны. Рассказывать о них не имеет смысла, потому что они связаны со столь незначительными событиями, что вам было бы просто неинтересно. Вот, например, кто сделал дырку в

кошелке миссис Джонс? Или почему миссис Симс только один раз надела свою новую шубу? Но для того, кто исследует человеческую природу, это очень любопытные факты. Постойте, припоминаю кое-что для вас интересное: случай с мужем моей племянницы, бедняжки Мейбл...

Произошло это лет десять-пятнадцать назад. Событие это, к счастью, уже в прошлом, с ним покончено, все забыли о нем. У людей короткая память — счастливое обстоятельство, всегда думаю я.

Мисс Марпл прервалась и забормотала себе под нос:

— Надо просчитать этот ряд. Раз, два, три, четыре, пять, потом три накида. Правильно. Итак, на чем я остановилась? Ах да, бедняжка Мейбл...

Мейбл — моя племянница. Замечательная была девушка. В самом деле очень хорошая девушка, только чуть, что называется, *того.* Любила разыгрывать маленькие трагедии и в расстроенных чувствах могла наговорить больше, чем бы хотелось. Она вышла замуж за некоего мистера Денмана, когда ей было двадцать два года. Боюсь, этот брак не был особенно счастливым. Я все надеялась, что их знакомство кончится ничем, поскольку мистер Денман отличался очень

тяжелым характером. Он был не из тех людей, кто бы терпимо относился к слабостям Мейбл. К тому же мне стало известно, что в его роду были душевнобольные. Но девицы тогда были такими же упрямыми, как и сейчас, и такими, наверное, будут всегда. И Мейбл вышла за него замуж.

Я редко виделась с ней после свадьбы. Раза два она была у меня в гостях. Супруги приглашали меня к себе много раз, но, по правде говоря, я не люблю ночевать в чужом доме, и у меня всегда находились какие-нибудь отговорки. Десять лет они прожили вместе, и вдруг мистер Денман внезапно умер. Детей они не имели, и все его деньги остались Мейбл. Я, конечно, написала ей и готова была навестить ее, но она в ответ прислала мне вполне благоразумное письмо, и я сделала вывод, что вдова отнюдь не убита горем. Я подумала: ничего удивительного, ведь мне было известно, что последнее время они не ладили. Не прошло и трех месяцев, как я получила от Мейбл прямо-таки истерическое письмо. Она умоляла меня приехать, писала, что обстоятельства складываются все хуже и хуже и что она так долго не выдержит.

И вот, — продолжала мисс Марпл, — я определила любимую Клару в пансион, отправила столовое серебро и кружку короля Карла в банк

и двинулась в путь. Мейбл я нашла в отчаянном состоянии. Дом «Долина мирт» был довольно большой и прилично обставлен. Имелась кухарка, горничная, а кроме того, еще и медицинская сестра, ухаживающая за старшим Денманом, отцом мужа Мейбл, у которого, как говорится, были «не все дома». Обычно он вел себя тихо, прилично, но временами вытворял невообразимое. Я ведь говорила, что в семье были психически больные.

Я была потрясена, увидев, как изменилась Мейбл. Она стала какой-то издерганной, сплошной комок нервов; я даже не решилась прямо спросить у нее, что случилось. Пришлось действовать исподволь. Я стала расспрашивать ее о знакомых, о которых она всегда писала мне в письмах. Спросила о Галлахерах. К моему удивлению, Мейбл сказала, что вряд ли теперь будет с ними встречаться. Я назвала еще некоторых других ее знакомых — ответ тот же. Тогда я стала увещевать ее, что нечего, мол, капризничать, запираться ото всех и погружаться в мрачные мысли, что особенно глупо порывать с друзьями. Вот тут ее и прорвало, и правда вышла наружу.

«Это не я, это всё они! Тут ни один человек теперь не желает со мной разговаривать! Когда я иду по Хай-стрит, все сворачивают в сторону,

чтобы не встретиться со мной. Я словно прокаженная. Это ужасно, я не могу больше этого вынести! Придется продать дом и уехать за границу. Но с какой стати мне уезжать из такого дома? Я ведь ничего плохого никому не сделала».

Я была так расстроена, что не передать. Я в то время вязала шарф старой миссис Хей и от волнения потеряла две петли, потом долго не могла их отыскать.

«Мейбл, дитя мое, ты меня поражаешь. В чем же причина всего этого?» — спросила я.

Мейбл и в детстве была страшно упрямой. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить ее все-таки ответить на мой вопрос. Она принялась твердить о злых языках, о людях, у которых в жизни нет ничего, кроме сплетен, и которые забивают другим головы всякой чепухой.

«Это мне понятно, — сказала я. — Но, очевидно, с тобой связана какая-то история. Что за история, ты должна знать не хуже других. И ты мне ее расскажешь».

«Это так страшно», — простонала Мейбл.

«Конечно, страшно, — согласилась я. — Но что бы ты ни рассказала мне, это не удивит и не испугает меня. Теперь, может быть, признаешься, что о тебе говорят?»

Вот тут-то все и выяснилось.

По-видимому, смерть Джеффри Денмана, поскольку она произошла внезапно, вызвала различные толки. А если сказать короче, напрямик, как я потребовала от нее, люди говорили, что она отравила мужа.

Я полагаю, вам известно, что нет ничего более страшного, чем такие разговоры, и с ними всего трудней бороться. Когда люди говорят всякое у вас за спиной, вы не можете ни отрицать ничего, ни опровергнуть, а слухи нарастают и нарастают, и невозможно их пресечь. Я знала наверняка: Мейбл не способна на преступление. Но, рассуждала я, опостылевший дом, разбитая жизнь — не слишком ли это дорогая плата за какую-то, быть может, и совершенную ею глупость?

«Нет дыма без огня, — настаивала я. — Ты должна мне сказать, с чего все началось. Должно же было быть что-то?»

Мейбл была очень растеряна и только бормотала, что ничего, ничего не было, за исключением, впрочем, того, что Джеффри умер совершенно неожиданно. Вроде был абсолютно здоров еще за ужином, а ночью ему вдруг стало плохо. Вызвали доктора. Тот уже ничего не мог сделать. Муж скончался через несколько минут после

прибытия врача. Решили, что смерть наступила в результате отравления грибами.

«Так, — не отступала я, — полагаю, что внезапная смерть могла дать повод для сплетен. Но, без сомнения, были, наверное, еще какие-нибудь дополнительные факты. Ты ссорилась с Джеффри или было у вас что-нибудь в этом роде?»

Она призналась, что у них была ссора накануне, утром за завтраком.

«И слуги, наверное, слышали?» — спросила я.

«Их не было в комнате».

«Но, милая моя, — заметила я, — вероятно, они были недалеко от дверей».

Я же прекрасно знала, как хорошо слышен пронзительный истерический голос Мейбл. Да и Джеффри Денман тоже, когда сердился, повышал тон.

«Из-за чего вы поссорились?» — допытывалась я.

«А, обычное дело. Все одно и то же изо дня в день. Из-за какой-то мелочи началось. А когда Джеффри стал невыносим и начал говорить разные гадости, я высказала все, что о нем думала».

«Значит, ругались как следует?»

«Это не моя вина...» — отвечала племянница.

«Дитя мое, — продолжала я, — чья это была

вина, значения не имеет. Не об этом речь. В таких местечках, как ваше, личные дела каждого в той или иной степени становятся достоянием окружающих. Вы с мужем все время ссорились. Однажды утром вы повздорили особенно сильно, и ночью — эта внезапная загадочная смерть... Это все или было еще что-нибудь?»

«Я не знаю, что вы имеете в виду под «еще что-нибудь», — пробурчала Мейбл.

«Только то, что сказала, милочка. Если ты наделала каких-то глупостей, ради бога, не скрывай. Я постараюсь сделать все, что смогу, чтобы помочь тебе».

«Мне никто и ничто не может помочь, — обреченно произнесла Мейбл. — Только смерть».

«Доверься немного больше провидению, милая, — сказала я. — Теперь я знаю совершенно точно, что ты еще кое-что от меня скрываешь».

Мне было хорошо известно, что даже в детстве она всегда что-нибудь недоговаривала. Потребовалось время, но в конце концов я узнала все. Оказывается, она ходила утром в аптеку и купила мышьяк. Ей пришлось, конечно, расписаться за него. Естественно, аптекарь не молчал об этом.

«Кто ваш врач?» — спросила я.

«Доктор Роулинсон».

Мейбл показала мне его на следующий день. У меня слишком богатый жизненный опыт, чтобы верить в непогрешимость врачей. Часть из них — люди сведущие, а часть — нет. Почти всегда даже лучшие из них не знают, чем вы больны. Сама я избегаю врачей и их лекарств.

Я сочла, что надо действовать. Надела шляпку и пошла к доктору Роулинсону. Он оказался именно таким, каким я его себе представляла, — милым стариком, доброжелательным, рассеянным, до жалости близоруким, туговатым на ухо и в то же время в высшей степени обидчивым. Он почувствовал себя на коне, когда я упомянула о смерти Джеффри Денмана, и долго говорил о различных видах грибов, съедобных и ядовитых. Он сказал, что расспрашивал кухарку и та призналась, что один или два гриба показались ей тогда «немного подозрительными», но раз уж они из лавки, решила она, то должны быть хорошими. Но чем больше она о них потом думала, тем больше грибы представлялись ей необычными.

«Сначала это были грибы как грибы, а потом стали оранжевыми в красную крапинку. Чего только эта публика не припомнит, если постарается», — подумала я.

Денман, когда к нему явился врач, совсем не

мог говорить. Он не мог глотать и скончался через несколько минут. Доктор, по-видимому, не сомневался в своем заключении. Но было ли это упрямство или истинное убеждение, сказать трудно.

Я немедленно отправилась домой и спросила Мейбл напрямик, для чего она купила мышьяк.

«У тебя же должна была быть какая-то цель», — сказала я.

Мейбл разрыдалась:

«Я хотела покончить с собой. Я была так несчастна».

«Мышьяк у тебя сохранился?» — допытывалась я.

«Нет, я его выбросила».

Я сидела и вновь и вновь все мысленно прокручивала.

«Что произошло, когда ему стало плохо? Он позвал тебя?»

«Нет. — Мейбл покачала головой. — Он стал сильно звонить. Наконец Дороти, горничная, которая живет в доме, услыхала и разбудила кухарку. Обе они явились к Джеффри. Дороти увидела его и испугалась. Речь бессвязная, бредит. Она оставила с ним кухарку и прибежала ко мне. Конечно, я сразу поняла, что с мужем

что-то необычное. К несчастью, Брюстер, которая ухаживает за старым Денманом, в ту ночь отсутствовала, так что некому было посоветовать, что делать. Я послала Дороти за врачом, а сама с кухаркой осталась при нем, но через несколько минут я уже не выдержала: это было так страшно. Я убежала к себе в комнату и заперла дверь».

«Какая ты эгоистка, какая жестокая, — не сдержалась я. — Наверняка твое поведение сыграло в дальнейшем свою роль, можешь в этом не сомневаться. Кухарка, конечно, повсюду об этом растрезвонила. Ну и ну, плохи дела».

Потом я поговорила с прислугой. Кухарка принялась было рассказывать о грибах, но я ее остановила. Мне надоели эти грибы. Я обстоятельно расспросила обеих о состоянии их хозяина в ту ночь. Обе в один голос утверждали, что у него, по-видимому, были сильнейшие боли, что он не мог глотать, пытался говорить что-то сдавленным голосом, но нес какую-то чушь, ничего осмысленного.

«Что же это была за чушь?» — поинтересовалась я.

«О какой-то рыбе, верно?» — обратилась кухарка к Дороти.

Та подтвердила:

«Да, все говорил: выпила рыба, выпила рыба, словом, глупости всякие. Я сразу поняла, что он, бедный, не в своем уме».

Действительно, в его словах, кажется, не было никакого смысла. Я закончила расспрашивать их. Оставалась еще Брюстер, и я отправилась к ней. Это оказалась изможденная женщина лет под пятьдесят.

«Жаль, меня не было в ту ночь, — сокрушалась она. — Видно, ему никто не пытался помочь, пока не пришел врач».

«Я допускаю, что Джеффри бредил, — с сомнением сказала я. — Но это же не симптом отравления птомаином, не так ли?»

«Как сказать», — заметила Брюстер.

Я поинтересовалась, как чувствует себя ее пациент.

Она покачала головой:

«Довольно скверно».

«Слабость?»

«Нет, физически он достаточно крепок. Только вот зрение очень падает. Он может пережить всех нас, но болезнь мозга прогрессирует. Я уже говорила с мистером и миссис Денман, что старика следует направить в институт, но миссис Денман и слышать об этом не хочет».

Замечу, что Мейбл всегда была добрая душа.

Итак, факт оставался фактом. Я обдумала случившееся и решила, что должно быть сделано еще одно дело. Учитывая распространяющиеся сплетни, надо обратиться за разрешением на эксгумацию тела, чтобы произвести надлежащее post-mortem, то есть вскрытие трупа, и тогда злые языки утихомирятся.

Мейбл, конечно, подняла шумиху, главным образом из сентиментальных соображений — трогать умершего с места его упокоения и прочее, и прочее. Но я настояла.

Тут я не буду вдаваться в детали. Мы добились соответствующего разрешения. Вскрытие, или как там еще это называется, было проведено, но результат не был таким определенным, как бы нам хотелось. Никаких признаков мышьяка. Это было в нашу пользу. Дословно в акте стояло: *«Не обнаружено никаких доказательств причины смерти».*

Как вы понимаете, такое заключение не вывело нас из затруднения. Люди продолжали судачить о редких ядах, присутствие которых невозможно обнаружить, и о прочем вздоре из той же оперы. Я повидалась с патологоанатомом, который производил вскрытие, и задала ему несколько

вопросов. И хотя он всеми силами пытался уйти от ответов, мне все же удалось выяснить его мнение: крайне маловероятно, что причиной смерти оказались ядовитые грибы. Тут у меня возникла мысль, и я спросила его, а какой яд мог бы привести к подобному исходу. Он пустился в длинные объяснения, которые, признаюсь, я пропустила мимо ушей. Но подытожил он так: «Смерть могла быть следствием действия какого-либо сильного растительного алкалоида».

А я подумала: если душевная болезнь в скрытой форме была в крови Джеффри Денмана, разве он не мог совершить самоубийство? Он занимался когда-то медициной и имел хорошее представление о ядах и их действии.

Я не считала, что мой вывод верен, но это было единственное, что мне тогда пришло в голову, а я уже начинала выходить из себя.

И должна признаться — полагаю, молодым людям это покажется смешным, — когда я по-настоящему в тяжелой ситуации, я твержу себе под нос маленькое заклинание, где бы ни находилась, на улице ли, на рынке. И это всегда приводит к успеху. Возможно, по вашему мнению, я говорю о какой-то чепухе, совершенно не связанной с предметом. Но это не так. Текст заклинания висел

у меня над кроватью, еще когда я была маленькой: *«Ищите и обрящете».* В то утро, о котором я рассказываю, я шла по Хай-стрит и не переставая твердила эти святые слова. Я даже на какой-то момент закрыла глаза. А когда открыла, что, вы думаете, я прежде всего увидела?

Пять лиц с различной степенью интереса обратились к мисс Марпл. Можно было, однако, с уверенностью утверждать, что никто не нашел правильного ответа на вопрос.

— Я увидела, — с особой выразительностью произнесла мисс Марпл, — *витрину рыбной лавки,* и в ней только одно — груду *свежей пикши*[40].

— Бог ты мой! — воскликнул Реймонд Вест. — В ответ на святые слова — свежая пикша.

— Да, Реймонд, — строго проговорила мисс Марпл. — И не богохульствуй по этому поводу. Рука господа вездесуща. Первое, что мне бросилось в глаза, — черные пятнышки — отпечатки пальцев святого Петра. Знаете, существует такая легенда о пальцах святого Петра. И это все поставило на свои места. Мне недоставало слова, истинного слова святого Петра. Я соединила вместе две вещи — слово и рыбу.

---

[40] notes: 40

П и к ш а — разновидность трески с характерными пятнами на коже.

Сэр Генри как-то торопливо высморкался. Джойс закусила губу.

— Что же мне это дало? Ведь и кухарка, и горничная упоминали о пьющей рыбе, о которой говорил умирающий. И я была теперь убеждена, абсолютно убеждена, что решение загадки кроется в этих словах. Я вернулась домой, полная решимости добраться до сути.

Мисс Марпл сделала паузу.

— Вам никогда не приходило в голову, — продолжала старая дама, — сколь многое можно обнаружить в так называемом контексте? В Дартмуре есть местечко под названием Грей-Везерс. Если вы заговорите с местным крестьянином и произнесете эти слова, он, скорее всего, решит, что вы говорите о местных каменных кругах, хотя вы, может быть, имеете в виду погоду. В то же время, если вы имеете в виду каменные круги, человек приезжий, услышав не полностью ваш разговор, может подумать, что вы имеете в виду погоду[41]. Так вот, пересказывая разговор, мы не повторяем в точности услышанные слова, а чаще

---

[41] notes: 41

В данном случае речь о словах, которые имеют несколько различное написание и значение, но произносятся одинаково. Так, «Gray Wethers» — место, близ которого находятся остатки предполагаемого древнего храма друидов в виде каменных кругов, и «grey weathers» — буквально «серые погоды», то есть мрачные пасмурные погоды.

всего заменяем их другими, которые, с нашей точки зрения, означают то же самое.

Я решила встретиться с кухаркой и с Дороти, с каждой в отдельности. Я спросила кухарку, ручается ли она, что ее хозяин действительно говорил: «выпила рыба». Та нисколько в этом не сомневалась.

«Он говорил именно эти слова, — добивалась я, — или называл какую-то определенную рыбу?»

«Да, — подтвердила кухарка, — называл какую-то рыбу, а вот какую, сейчас и не вспомнить. Выпила... ну как же это? Словом, рыба, которую у нас принято есть. Окунь или щука?.. Нет, с какой-то другой буквы».

Дороти тоже припомнила, что хозяин говорил о какой-то определенной рыбе.

«Какая-то съедобная рыба была, — сказала она. — А вот почему «пила»?»

«Так он сказал «пила» или «выпила»?»

«Мне кажется, он сказал «пила». Нет, впрочем, не могу быть вполне уверена, так трудно припомнить слова в точности, правда же, мисс, особенно если они бессмысленны. Но вот все-таки припоминаю, что «пила», именно «пила». А название рыбы начиналось с буквы «к», но не камбала, нет,

и не кета...»

— Дальше произошло такое, чем я даже горжусь, — сказала мисс Марпл. — Я ведь совершенно не разбираюсь в лекарствах. Неприятные, опасные снадобья. У меня есть старый, еще от бабушки, рецепт приготовления чая из пижмы, и это получше всех ваших лекарств. Но я знала, что в доме имеется несколько книг по медицине, и в одной из них был указатель лекарств. Понимаете ли, моя мысль состояла в том, что Джеффри принял какой-то яд и пытался произнести его название.

Я просмотрела список на букву «в», потом на букву «к». Ничего, что бы имело сколько-нибудь похожее звучание. Принялась за «п» и почти сразу же нашла... Что бы вы думали? — Она оглядела всех, предвкушая момент триумфа. — Пилокарпин! Неужели вы бы поняли человека, почти неспособного что-либо произнести и силящегося сказать это слово? Как бы оно прозвучало для кухарки, которая никогда его не слышала? Не восприняла бы она его как сочетание слов «пила» и «карп», как вы считаете?

— Ей-богу, здорово! — выдохнул сэр Генри.

— Никогда бы до таких тонкостей не добрался, — признался доктор Пендер.

— Чрезвычайно интересно, — заметил мистер Петерик. — В самом деле.

— Я быстро раскрыла страницу, указанную в содержании, — продолжала мисс Марпл. — Прочитала все о пилокарпине, о его воздействии на глаза и на другие органы, что, казалось бы, не имело никакого отношения к данному случаю... Наконец дошла до фразы, представившейся мне очень важной: *«используется как противоядие при отравлении атропином».*

Не могу вам передать, как меня тут осенило. Я никогда не считала, что Джеффри Денман способен на самоубийство. И моя новая идея не была очередной версией. Я знала наверняка, что это единственно возможное решение загадки. Все обстоятельства оказались в логической связи.

— Я даже не собираюсь строить догадок, — сказал Реймонд. — Рассказывайте дальше, тетя Джейн, что вам стало так поразительно ясно?

— Я, конечно, ничего не понимаю в медицине, — повторила мисс Марпл, — но я, по счастью, знала о действии сульфат-атропина. Врач прописывал его мне, когда у меня падало зрение. Я немедленно направилась наверх в комнату к старому мистеру Денману и не стала церемониться.

«Мистер Денман, — прямо приступила я, — мне все известно. Зачем вы отравили сына?»

Он с минуту всматривался в меня. По-своему это был довольно интересный пожилой мужчина. И вдруг он разразился смехом. Злобным смехом. Нечто подобное мне довелось слышать лишь однажды, когда несчастная миссис Джонс помутилась рассудком.

«Да, — подтвердил он. — Я разделался с Джеффри. Я был слишком добр к Джеффри. Вот он и пытался меня выставить, не так ли? Запереть в сумасшедший дом! Я слышал, как они это обсуждали. Мейбл хорошая. Мейбл за меня, но я знал, что ей не устоять перед Джеффри. В конце концов он бы сделал так, как считал нужным, как всегда делал. Но я расправился с ним, расправился со своим добрым, преданным сыном. Ха-ха! Я пробрался вниз ночью. Это было очень легко. Брюстер не было. Мой милый сыночек спал; у кровати стоял стакан с водой: он всегда просыпался среди ночи и пил. Я вылил воду — ха-ха! — и опрокинул пузырек с каплями в стакан. Он, думаю, проснется и хватанет их, еще не разобрав, что это. Их было со столовую ложку — вполне достаточно. Он и выпил! А утром приходят сюда и преподносят мне это. Чутко так. Боялись, что я

расстроюсь. Ха! Ха! Ха! Ха!»

— Вот так, — заключила мисс Марпл. — Тут истории конец. Разумеется, несчастного старика поместили в сумасшедший дом. Он и в самом деле не ведал, что творит. Правда вышла наружу. Всем было неловко перед Мейбл из-за неоправданных подозрений, не знали, как с ней помириться. Но если бы Джеффри не понял, что за вещество он проглотил, и не попытался бы созвать всех, чтобы безотлагательно заполучить противоядие, смерть его так и осталась бы загадкой. По-моему, существуют вполне определенные признаки отравления атропином — расширенные зрачки и так далее; но, конечно, как я говорила, доктор Роулинсон был очень близорук. Бедный старик. В той самой медицинской книжке, которую я продолжаю читать, есть некоторые места чрезвычайно интересные; даются признаки отравления птомаином и атропином, и они несходны. Но, уверяю вас, теперь всегда, когда вижу свежую пикшу, непременно вспоминаю о пальцах святого Петра.

Наступила очень длинная пауза.

— Дорогой друг, — прервал молчание мистер Петерик. — Мой дорогой друг, вы действительно поразительный человек.

— Я буду рекомендовать вас, мисс Марпл, Скотленд-Ярду в качестве консультанта, — заверил сэр Генри.

— Но как бы там ни было, тетя, одного обстоятельства вы не знаете, — сказал Реймонд.

— Знаю, дорогой, — невозмутимо возразила мисс Марпл. — Это произошло как раз перед обедом, ведь верно? Когда вы с Джойс пошли полюбоваться закатом. Это излюбленное место. Около изгороди из жасмина. Именно там молочник спросил у Энни разрешения на оглашение их имен в церкви[42].

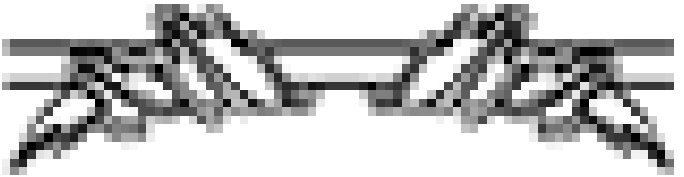
— Черт возьми! — с досадой воскликнул Реймонд. — Тетя Джейн, вы так убьете всю романтику. Я и Джойс не молочник и не Энни.

— Вот тут-то ты ошибаешься, мой милый, — улыбнулась мисс Марпл. — Все на самом деле удивительно похожи. Но, может быть, к счастью, не понимают этого.

---

[42] notes: 42

В Англии имена вступающих в брак по обычаю трижды оглашаются в церкви, чтобы выяснить, нет ли препятствий к заключению брака.



Глава 7

СИНЯЯ ГЕРАНЬ

— Когда я был в этих местах в прошлом году... — начал было сэр Генри Клитеринг и умолк.

Хозяйка, миссис Бантри, посмотрела на него с любопытством. Экс-комиссар Скотленд-Ярда гостил у своих старых друзей — полковника Бантри и его жены, которые жили неподалеку от Сент-Мэри-Мид. Миссис Бантри только что спросила у сэра Генри, кого пригласить шестым сегодня вечером на обед.

— Итак? — произнесла миссис Бантри, ожидая продолжения. — Где вы были в прошлом году?..

— Скажите, знаете ли вы некую мисс Марпл? — спросил сэр Генри.

Миссис Бантри удивилась. Этого она никак не ожидала.

— Знаю ли я мисс Марпл? Кто же ее не знает! Типичная старая дева. Правда, довольно симпатичная, но... безнадежно старомодная. Вы хотите сказать, что ее следует пригласить на обед?

— Вы удивлены?

— Надо признаться, да. Никогда бы не подумала, что вы... Но, может быть, этому есть объяснение?

— Объяснение очень простое. Когда я был здесь в прошлом году, мы взяли за обыкновение обсуждать разные загадочные случаи. Нас было пятеро или шестеро. Писатель Реймонд Вест затеял все это. Каждый рассказывал какую-нибудь историю-загадку, отгадку на которую знал он один. Решили посостязаться в дедуктивных умозаключениях, посмотреть, кто ближе всех окажется к истине.

— И что же?

— Мы и не предполагали, что мисс Марпл пожелает принять участие в этой забаве. Но произошло неожиданное. Почтенная дама перещеголяла нас всех!

— Да что вы!

— Чистая правда. Без всяких усилий, уверяю вас.

— Не может быть. Мисс Марпл ведь почти не выезжала из Сент-Мэри-Мид.

— Зато, по ее словам, у нее были неограниченные возможности наблюдать человеческую природу как бы под микроскопом.

— Да, возможно, в этом что-то есть, — согласилась миссис Бантри. — Но я считаю, что у нас тут нет настоящих злодеев. Я думаю, не испытать ли ее после обеда на истории с привидением Артура. Я была бы очень благодарна ей, если бы она разгадала ее.

— Я не знал, что Артур верит в потусторонние силы!

— Ой! Он не верит. Именно поэтому он и озабочен. А произошло это с одним из его друзей — Джорджем Притчардом, самой прозаической личностью. Либо эта необыкновенная история — правда, либо...

— Либо что?

Миссис Бантри не ответила. Спустя минуту она сказала ни с того ни с сего:

— Вы знаете, я люблю Джорджа. Его все любят. Невозможно поверить, что он... но бывает же, что

люди совершают из ряда вон выходящие вещи.

Сэр Генри кивнул. Он лучше, чем миссис Бантри, знал «из ряда вон выходящие вещи».

И вот вечером миссис Бантри окинула взглядом собравшихся за столом. Хозяйка остановила свой взгляд на пожилой даме, сидящей по правую руку от ее мужа. На мисс Марпл были черные кружевные митенки, на плечи изящно наброшено fichu[43] из старинных кружев, кружевная наколка венчала ее белоснежные волосы. Она оживленно беседовала с пожилым доктором Ллойдом о работном доме[44] и о не внушающей доверия местной медицинской сестре, особе весьма небрежной.

Миссис Бантри засомневалась: уж не пошутил ли сэр Генри? Но в этом, кажется, не было никакого смысла. Неужели то, что он рассказал о мисс Марпл, правда?

Затем ее взгляд остановился на муже, который завел разговор о лошадях с Джейн Хельер — попу-

---

[43] notes: 43

Род шейного платка, косынки *(фр.)*.

[44] notes: 44

Р а б о т н ы е...д о м а — благотворительные учреждения для оказания помощи нуждающимся. Они должны были работать и жить в них, подчиняясь заведенным порядкам. В своем первоначальном виде прекратили существование в конце XIX века; в настоящее время так называют дома инвалидов с ограниченной трудоспособностью.

лярной актрисой. Джейн, в жизни более красивая (если только это возможно), чем на сцене, шептала время от времени: «В самом деле? Надо же! Как замечательно!» Она ничегошеньки не знала о лошадях и еще меньше интересовалась ими.

— Артур, — обратилась к мужу миссис Бантри. — Ты доведешь бедняжку Джейн до изнеможения. Оставь лошадей в покое, лучше расскажи ей историю о привидении. Ну знаешь... о Джордже Притчарде.

— Э-э, Долли... Я думаю...

— Сэр Генри тоже хочет послушать. Я ему кое-что шепнула сегодня утром.

— О, пожалуйста! — сказала Джейн. — Я люблю истории о привидениях.

— Ну... — замешкался полковник Бантри. — Я, собственно, никогда особенно не верил в сверхъестественное, но тут... Никто из вас, вероятно, не знает Джорджа Притчарда. Это замечательный человек. Его жена — она, бедняжка, умерла уже — устроила ему в свое время нелегкую жизнь. Она была из тех полуинвалидов — хотя, я полагаю, она действительно была больным человеком, — которые используют свое положение на всю катушку. Капризная, требовательная, безрассудная, она жаловалась на свою участь с утра до

вечера и считала, что Джордж должен постоянно быть в ее полном распоряжении. Что он ни делал — все было плохо... Я совершенно убежден, что всякий на его месте давно бы шарахнул ее обухом по голове. Разве не так, Долли?

— Отвратительная она была особа, — подтвердила миссис Бантри. — Если бы Джордж Притчард размозжил ей голову, любая женщина, будучи судьей, полностью бы его оправдала.

— Я в точности не знаю, как это все началось: Джордж в детали не вдавался. Как я понял, миссис Притчард всегда питала слабость ко всякого рода ясновидцам, прорицателям и гадалкам. Джордж ей не препятствовал. Раз это было для нее утешением, то и слава богу. Но сам он не проявлял восторга по этому поводу, что являлось еще одной причиной для обид.

Медицинские сестры в доме не задерживались. Миссис Притчард увольняла их очень быстро. Правда, одна молодая сестра чрезвычайно серьезно относилась к разным пророческим фокусам, и некоторое время миссис Притчард ее очень любила. Потом неожиданно стала и ею недовольна. Она потребовала другую сестру, которая служила у нее раньше, пожилую женщину, опытную в обращении с неуравновешенными пациентами.

Сестра Коплинг, по мнению Джорджа, была из тех женщин, с которыми можно поладить. Она справлялась со вспышками раздражения и нервных бурь совершенно невозмутимо.

Второй завтрак — ланч — всегда подавался миссис Притчард наверх, и обычно во время него Джордж и сестра Коплинг договаривались о второй половине дня. Строго говоря, сестра была свободна от двух до четырех, но «в виде одолжения» она иногда уходила и после чая, если Джордж хотел быть свободным днем. А в этот раз она сказала, что едет повидать родственницу в Голдерс-Грин и может немного задержаться. Джордж расстроился, потому что он договорился сыграть партию в гольф.

Сестра Коплинг успокоила его:

«Сегодня здесь без нас обойдутся, мистер Притчард. У миссис Притчард будет гораздо более интересная компания, чем наша».

«Кто же это?..»

«Зарида, медиум, предсказательница будущего...»

«Опять новая?»

«О да. Я полагаю, моя предшественница, сестра Карстерс, порекомендовала. Миссис Притчард еще ее не видела. Она просила меня написать ей

и назначить свидание на сегодня».

«Ну, во всяком случае, я поиграю в гольф», — сказал Джордж и ушел с самыми добрыми чувствами по отношению к прорицательнице Зариде.

Вернувшись домой, он нашел миссис Притчард в состоянии крайнего возбуждения. Она, как обычно, лежала на кушетке и часто подносила к носу флакон с нюхательной солью.

«Джордж! — воскликнула она. — Что я говорила тебе о нашем доме?! Едва я переступила порог, я сразу почувствовала, что здесь что-то не так! Разве я тебе этого не говорила?»

«Что-то не припоминаю».

«Ты никогда не помнишь того, что связано со мной. Все вы, мужчины, крайне бессердечны, но ты, ты еще более, чем все».

«Успокойся, Мэри, дорогая, ты несправедлива».

«Так вот, то, что я тебе говорила давно, эта женщина почувствовала сразу! Она... она даже так и отпрянула... если ты понимаешь, что я имею в виду... Она вошла в дверь и сказала: «Здесь есть зло. Зло и опасность. Я чувствую это».

«Ну, ты не зря потратила деньги сегодня», — некстати улыбнулся Джордж.

Жена закрыла глаза и сильно потянула носом

из флакона.

«Как ты меня ненавидишь! Ты будешь торжествовать, когда я умру».

Джордж запротестовал, а через минуту она продолжила:

«Можешь смеяться, но я расскажу тебе все. Этот дом, безусловно, опасен для меня, так сказала эта женщина».

Доброе расположение Джорджа к Зариде моментально пропало. Он знал, что жена, несомненно, способна настоять на переезде в другой дом.

«Что еще сказала женщина?» — спросил он.

«Она не могла много говорить, она была так расстроена. Но кое-что все-таки сказала. У меня в стакане стояли фиалки. Она показала на них и закричала: «Уберите их прочь! Никаких синих цветов! Чтобы у вас никогда не было синих цветов! *Помните, синие цветы для вас — смерть!»* Ты же знаешь, — добавила миссис Притчард, — что я не люблю синий цвет. У меня какое-то предубеждение против него».

Джордж был достаточно благоразумен и не стал настаивать, что никогда не слышал этого от нее. Он спросил, что представляла собой эта таинственная Зарида. Миссис Притчард с удо-

вольствием принялась за описание:

«Густые черные волосы, собранные двумя узлами над ушами, полузакрытые глаза, черные круги вокруг них, рот и подбородок скрыты черной вуалью. Речь протяжная, с заметным иностранным акцентом, по-моему, испанским».

«Собственно, все как и полагается в таких случаях», — бодро сказал Джордж.

Миссис Притчард немедленно закрыла глаза.

«Я чувствую себя совершенно больной, — сказала она. — Вызови сиделку. Твоя бессердечность расстраивает меня, это тебе великолепно известно».

Спустя два дня сестра Коплинг пришла к Джорджу с печальным лицом.

«Не пройдете ли вы к миссис Притчард? Она получила письмо, которое ее очень расстроило».

Он поднялся к жене.

«Прочти», — сказала она и протянула ему письмо. Джордж прочел. Оно было написано большими черными буквами на сильно надушенной бумаге.

> «Я познала будущее. Предупреждаю вас, пока не поздно. Остерегайтесь полной луны. Синяя примула – предупреждение,

синяя роза – опасность, синяя герань – смерть...»

Джордж было рассмеялся, но осекся, поймав взгляд сестры и ее быстрый протестующий жест. Он довольно неуклюже сказал:

«Эта женщина хочет тебя запугать, Мэри. Во всяком случае, ни синих примул, ни синих гераней не бывает».

Но миссис Притчард стала плакать и причитать, дни, мол, ее сочтены. Сиделка вышла с Джорджем на лестницу.

«Все это глупость несусветная!» — вырвалось у него.

«Я тоже так думаю».

Что-то в тоне сестры поразило его, и он пристально посмотрел на нее.

«В самом деле? Вы же не верите...»

«Нет, нет, мистер Притчард. Я не верю в предсказания. Это глупости. Но вот какой смысл в этом? Прорицатели обычно этим зарабатывают. А тут женщина запугивает миссис Притчард без всякой выгоды для себя. Я не могу понять, в чем дело. Есть еще один момент...»

«Да?»

«Миссис Притчард говорит, что в Зариде ей

что-то знакомо».

«Да ну?»

«Словом, мне это не нравится, мистер Притчард, вот и все».

«Не думал, что вы столь суеверны».

«Я не суеверна, но чувствую, когда что-то не так».

Минуло четыре дня, и произошел первый инцидент. Чтобы объяснить его, надо описать комнату миссис Притчард.

— Лучше дай это сделаю я, — прервала его миссис Бантри. — Комната ее была оклеена этими новомодными обоями, на которых изображены разнообразные цветы; получается как бы стена цветов. Эффект такой, будто находишься в саду. Хотя, конечно, все неверно. Я имею в виду то, что они не могут все цвести в одно время...

— Не будь придирчивой, Долли, — упрекнул ее муж. — Мы все знаем, что ты одержима цветоводством.

— Но ведь это абсурд, — не смогла сдержать возмущения миссис Бантри. — Собрать вместе колокольчики, нарциссы, люпины, розы и астры.

— Да, не по науке, — согласился сэр Генри. — Но продолжим рассказ.

— Так вот, среди этого моря цветов были жел-

тые и розовые примулы... Ну ладно, Артур, ты ведь рассказываешь...

Полковник Бантри продолжил историю:

— Однажды утром миссис Притчард позвонила изо всех сил. Прислуга примчалась бегом. Думали, что у нее тяжелый приступ. Но ничуть не бывало. Она была крайне взволнована и указывала на обои. Так вот, среди примул была *одна синяя.*

— О! — воскликнула мисс Хельер. — Мурашки по спине побежали!

— Возник вопрос: не был ли тут все время этот цветок?

«Разве не было здесь синей примулы?» — спросили Джордж и сестра Коплинг.

Но миссис Притчард ответила, что до сегодняшнего утра не замечала синей примулы. К тому же накануне вечером была полная луна. Это ее очень расстроило.

— Я встретила Джорджа Притчарда в тот самый день, и он рассказал мне все, — сказала миссис Бантри. — Я пошла проведать миссис Притчард и, как могла, постаралась все превратить в шутку. Но безуспешно. Я ушла с тяжелым сердцем, помню, еще встретила Джин Инстоу и поделилась с ней новостью. Джин — странная девушка.

«Неужели она в самом деле так расстроилась?»

— удивилась Джин.

Я сказала ей, что миссис Притчард может умереть от страха — она ведь на самом деле была до умопомрачения суеверна.

Помню, что Джин сильно напугала меня.

«Может быть, все к лучшему, — сказала она, — не так ли?»

И произнесла это так холодно, таким обыденным тоном, что я была просто шокирована. Конечно, теперь вести себя грубо и вызывающе не внове, но я никогда к этому не привыкну.

Джин улыбнулась и добавила: «Вам не нравится то, что я говорю, но это правда. Какая польза от жизни миссис Притчард? Совершенно никакой, а для Джорджа Притчарда — ад. Напугать ее до смерти — лучше и не придумаешь».

Я говорю: «Джордж всегда с ней очень терпелив».

А она: «Да, он заслуживает награды, бедняжка, он очень привлекательный, этот Джордж Притчард. Последняя сиделка тоже так считала — хорошенькая такая... Как же ее звали? Карстерс, кажется. Ведь это было причиной ее скандала с хозяйкой».

Мне не понравилось, как Джин об этом говорила. Тут, конечно, призадумаешься... — Миссис

Бантри сделала многозначительную паузу.

— Да, дорогая, — спокойно произнесла мисс Марпл. — Всегда возникают вопросы. Мисс Инстоу хорошенькая? Наверно, в гольф играет?

— Да. Она прекрасно играет не только в гольф. И она такая очаровательная, милая: белокурая, чудесная кожа и прекрасные, небесной синевы глаза. Конечно, мы все чувствовали, что она и Джордж Притчард... Я имею в виду, если бы обстоятельства сложились по-другому... Они так хорошо подходили друг к другу.

— И они были друзьями? — спросила мисс Марпл.

— О да, и хорошими.

— Ты не находишь ли, Долли, что мне надо закончить рассказ? — обиженно сказал полковник Бантри.

— Да-да, Артур, возвращайся к своим привидениям, — согласилась миссис Бантри.

— Остальное я услышал от самого Джорджа, — продолжал полковник. — Стало ясно, что миссис Притчард станет ждать конца следующего месяца. Она отметила на календаре день полнолуния и, когда он наступил, заставила сестру, а потом Джорджа тщательно рассмотреть обои. На них были розовые и красные розы и никаких синих.

Потом, когда Джордж ушел из комнаты, она заперла дверь...

— А утром появилась синяя роза, — радостно сказала мисс Хельер.

— Совершенно верно, — подтвердил полковник Бантри. — Или, во всяком случае, почти верно. Одна роза, как раз у нее над головой, стала синей. Это потрясло Джорджа, хотя он и настаивал на том, что это чья-то глупая шутка. Он не хотел придавать значения закрытой двери и тому факту, что миссис Притчард обнаружила перемену раньше всех, даже раньше сестры Коплинг.

Он впервые склонен был поверить в сверхъестественное, но не собирался признать это. Покинуть дом он жене не позволил, хотя обычно уступал ей, но не в этот раз.

«Мэри, не надо строить из себя дурочку, — говорил он. — Вся эта чертовщина — чепуха, вздор».

Прошел месяц. Миссис Притчард успокоилась и даже капризничала меньше. Я думаю, она была настолько суеверна, что смирилась с неизбежностью судьбы. Несчастная повторяла снова и снова: «Синяя примула — предупреждение, синяя роза — опасность, синяя герань — *смерть*». Она лежала и разглядывала на обоях соцветия розово-красной герани, самой близкой к ее посте-

ли. Обстановка была довольно нервозной. Даже сестре передалось ее настроение. Она пришла к Джорджу за два дня до полной луны и стала уговаривать увезти миссис Притчард. Джордж пришел в ярость.

«Если даже все цветы на этой стенке превратятся в синих дьяволов, они никого не смогут убить!» — орал он.

«Могут. Шок или потрясение могут привести к гибели».

«Чушь!» — возражал Джордж.

Джордж всегда был несколько упрям. Я полагаю, он считал, что жена сама занимается этими фокусами, одержимая какой-то нездоровой идеей.

И вот наступил фатальный вечер. Миссис Притчард заперлась, как обычно. Она была неестественно спокойной. Сестра хотела дать ей возбуждающего, сделать укол стрихнина, но миссис Притчард отказалась. Мне кажется, что ее в определенном смысле развлекала эта таинственность. Джордж говорил, что так оно и было.

На следующее утро колокольчик не прозвенел. Миссис Притчард всегда просыпалась около восьми. В восемь тридцать было тихо. Тогда сестра постучала к ней в дверь. Не получив ответа, она

пошла за Джорджем и убедила его открыть дверь. Они сделали это с помощью стамески.

Одного взгляда на неподвижную фигуру на кровати было достаточно... Джордж позвонил врачу. Тот явился. Но было уже слишком поздно. Смерть наступила, как определил доктор, восемь часов назад. Нюхательная соль лежала у нее под рукой на кровати, *а на стене, рядом с ней, одна из розово-красных гераней была теперь ярко-синей.*

— Ужас! — Мисс Хельер содрогнулась.

Сэр Генри нахмурился:

— И никаких дополнительных деталей?

Полковник Бантри покачал головой. Но миссис Бантри поспешно уточнила:

— Газ.

— Что — газ? — спросил сэр Генри.

— Когда пришел врач, он обнаружил неплотно закрытый кран в камине. Однако запах был настолько слабый, что это не могло иметь значения.

— Разве мистер Притчард и сиделка не заметили этого, когда вошли в первый раз?

— Сестра говорила, что легкий запах был. Джордж ничего не заметил, но он почувствовал себя как-то странно и отнес это за счет шока. Вероятно, так оно и было. Что же касается газа, то

запах был еле уловим и отравления произойти не могло.

— Это конец истории?

— Нет. Возникло много разговоров. Слуги, видите ли, слышали, как миссис Притчард говорила мужу, что он ее ненавидит и будет радоваться, если она умрет. Слышали и другие кое-какие разговоры. На отказ переехать в другой дом она однажды сказала: «Очень хорошо, надеюсь, когда я умру, все поймут, что ты меня убил». И, как назло, за день до этого он готовил какой-то химикат от сорняков на садовых дорожках. А один из слуг видел, как он потом нес жене стакан кипяченого молока.

Сплетни множились, распространялись. Доктор выдал свидетельство. Не могу точно повторить, что там значилось: шок, сердечный приступ, удар — вероятно, какие-то медицинские формулировки, которые мало что объясняют. Словом, несчастная не пробыла и месяца в могиле, как поступила просьба об эксгумации. И она была удовлетворена.

— Результат аутопсии, я помню, был нулевой, — сказал сэр Генри. — В кои-то веки дым без огня.

— А в общем дело очень странное, — сказала миссис Бантри. — Предсказательницу Зариду,

например, никто больше не видел. Кинулись по адресу — там о ней и не слышали.

— Она появилась однажды из голубого тумана, — сказал полковник, — и бесследно исчезла. Хм-м, из голубого тумана — это довольно хорошо.

— И что интересно, — продолжила миссис Бантри. — Эта молоденькая сестра Карстерс, которая, как считали, ее рекомендовала, никогда не слыхала о Зариде.

Все переглянулись.

— Загадочная история, — сказал доктор Ллойд. — Можно строить предположения, но думать, что... — Он покачал головой.

— Мистер Притчард женился на мисс Инстоу? — спросила мисс Марпл вкрадчивым голосом.

— Но почему вы об этом спрашиваете? — поинтересовался сэр Генри.

— Мне это кажется достаточно важным, — ответила мисс Марпл. — Они поженились?

Полковник Бантри покачал головой:

— Мы... ну, мы ждали чего-то в этом роде, но прошло уже полтора года... Я полагаю, они и видятся-то не очень часто...

— Это важно, — ответила мисс Марпл. — Очень важно.

— Тогда вы думаете то же самое, что и я, — сказала миссис Бантри. — Вы думаете...

— Послушай, Долли, — вмешался ее муж, — непростительно то, что ты собираешься сказать. Нельзя обвинять людей, не имея никаких доказательств.

— Не будь педантом, Артур. Мужчины всегда боятся сказать *лишнее.* Вообще-то, между нами говоря, может быть, это только моя дикая фантазия, но мне *кажется* — Джин Инстоу нарядилась предсказательницей. Она, конечно, могла сделать это только ради шутки. Я нисколько не сомневаюсь, что у нее не было никакого злого умысла, а миссис Притчард оказалась настолько глупа, что умерла от страха. Вот что мисс Марпл имела в виду, верно?

— Нет, милая, совсем не то, — сказала мисс Марпл. — Видите ли, если бы я собралась кого-то убить — о чем, конечно, я бы ни в коем случае не помышляла, потому что это очень дурно, и, кроме того, я не люблю убивать даже ос, хотя я знаю, это необходимо, и я надеюсь, садовник делает это по возможности гуманно... Подождите, на чем это я остановилась?..

— Если бы вы захотели кого-то убить... — подсказал сэр Генри.

— Ах да, если бы я захотела, я бы ни в коем случае не положилась на какой-то *испуг.* Я знаю, говорят, люди умирают от страха, но это мне кажется довольно ненадежным делом: и самые нервные люди гораздо более стойкие, чем их считают. Я предпочла бы что-нибудь более верное и тщательно все обдумала бы.

— Мисс Марпл, — сказал сэр Генри, — вы меня пугаете. Надеюсь, вы никогда не захотите устранить меня. Ваши замыслы были бы достаточно основательны.

Мисс Марпл с упреком посмотрела на него:

— Я, полагаю, ясно дала понять, что никогда и не помышляла бы о таком злодеянии. Я просто попыталась поставить себя на место... э-э... определенной личности.

— Вы имеете в виду Джорджа Притчарда? — спросил полковник Бантри. — Никогда не подумаю на Джорджа, несмотря на то что даже медицинская сестра к этому склоняется. Я виделся с ней примерно месяц спустя, когда производили эксгумацию. Она не знает, собственно, как это было сделано, она вообще ничего не говорила, но было совершенно ясно, что, по ее мнению, Джордж в той или иной степени в ответе за смерть жены. Она была в этом убеждена.

— М-да, — сказал доктор Ллойд, — возможно, сестра Коплинг была не столь далека от истины. Обращаю ваше внимание на то, что медицинские сестры часто *знают* многое. Только они не могут утверждать, у них нет доказательств. А *знают*.

Сэр Генри подался вперед:

— Ну а теперь попросим мисс Марпл... Я уверен, что вы нам сейчас все объясните.

Мисс Марпл вздрогнула и покраснела.

— Прошу прощения, — сказала она. — Я как раз задумалась о нашей медицинской сестре. Крайне сложная проблема.

— Более сложная, чем с синей геранью?

— Тут все дело в примулах, — пояснила мисс Марпл. — Миссис Бантри сказала, что они были желтыми и розовыми. Так вот, если розовая примула превратилась в синюю, тогда все прекрасно сходится, а вот если это была желтая...

— Розовая, — подтвердила миссис Бантри, удивленно взглянув на мисс Марпл.

— Тогда все ясно, — сказала мисс Марпл, печально покачивая головой. — И снадобье для ос, и все. И, конечно, газ.

— Вам это напомнило, наверно, о бесчисленных деревенских трагедиях? — спросил сэр Генри.

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Это напомнило

мне о неприятностях, которые мы испытываем с медицинскими сестрами. В конце концов, сестры такие же люди, но им приходится все время сдерживать себя, носить эти неудобные воротники, подчинять свою жизнь чужой семье, и разве удивительно, что порой происходят подобные срывы?

— Вы имеете в виду сестру Карстерс? — спросил сэр Генри.

— Да нет. Не сестру Карстерс, а сестру *Коплинг.* Видите ли, она служила в доме раньше. Ее очень привлекал мистер Притчард, который, как тут заметили, симпатичный мужчина. Возможно, она думала, бедняжка... ну не стоит вдаваться в это. Я думаю, она не знала о мисс Инстоу, и, конечно, когда узнала, это восстановило сестру Коплинг против него. Она попыталась навредить ему. Но вот письмо и выдало ее, верно?

— Какое письмо?

— Ну, то, что она написала предсказательнице по просьбе миссис Притчард, и предсказательница пришла как бы в ответ на письмо, а потом обнаружилось, что по этому адресу никогда не было такой. Сразу понятно, что тут замешана сестра Коплинг. Она только сказала, что написала, — значит, вполне возможно, что сама и была

предсказательницей.

— Насчет письма я не догадался, — сказал сэр Генри. — Это, конечно, самое важное.

— Довольно смелый шаг, — продолжила мисс Марпл. — Ведь миссис Притчард могла бы узнать ее, несмотря на переодевание. Хотя, если бы узнала, сестра могла все превратить в шутку.

— Что вы имели в виду, — спросил сэр Генри, — когда сказали, что если бы вы были определенной личностью, то не положились бы на испуг?

— Нет полной уверенности в этом случае, — ответила мисс Марпл. — Нет, я думаю, что предупреждение и синие цветы, если пользоваться военным термином, были *просто камуфляжем.*

— В самом деле?

— Простите, — произнесла мисс Марпл извиняющимся тоном, — я опять об осах. Бедненькие, их уничтожают тысячами, и обычно в такие прекрасные летние дни. Помню, когда увидела, как садовник перемешивает цианистый калий в бутылке с водой, подумала, как калий похож на нюхательную соль! А если его положить в бутылочку для нюхательной соли и поставить на положенное место!.. Бедная леди имела привычку пользоваться нюхательной солью. Вы ведь говорили, что флакончик нашли у нее под рукой.

А потом, когда мистер Притчард ходил звонить, вызывать доктора, сестра заменила флакон и немножко включила газ, чтобы перебить запах миндаля на случай, если кто-нибудь что-нибудь заподозрит. А я слышала, если пройдет некоторое время, то от цианистого калия не остается никаких следов. Но, конечно, может быть, я не права и во флаконе было что-нибудь совсем другое; но это в самом деле уже не имеет значения, не так ли?

Мисс Марпл замолчала.

Джейн Хельер подалась вперед и спросила:

— А синяя герань и другие цветы?

— У сестер всегда есть лакмусовая бумажка, так ведь? — сказала мисс Марпл. — Скажем, для известной проверки. Не очень приятное занятие. Не будем останавливаться на нем. Я тоже немного ухаживала за больными. — Легкий румянец покрыл ее щеки. — Синий цвет от кислоты становится красным, а красный от щелочей — синим. Нетрудно было немножко натереть лакмусовой бумажкой красный цветок около кровати, потом, когда бедная леди воспользовалась нюхательной солью, сильные пары нашатырного спирта сделали его синим. Мне кажется, просто гениально. Конечно, герань не была синей, когда они в первый раз зашли в комнату. Все обратили вни-

мание на это только потом, когда сестра поменяла флакончики и, я думаю, поднесла нашатырный спирт на минутку к обоям.

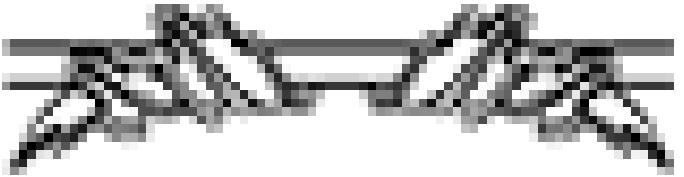
— Вы словно были при этом, мисс Марпл! — восхитился сэр Генри.

— Кто меня беспокоит, — сказала мисс Марпл, — так это бедный мистер Притчард и милая девушка мисс Инстоу. Вероятно, оба подозревают друг друга. А жизнь такая короткая. — Она покачала головой.

— Не беспокойтесь, — заверил сэр Генри. — Само собой разумеется, у меня есть кое-что про запас. Сестру Коплинг недавно арестовали по обвинению в убийстве престарелого пациента, который оставил ей наследство. Преступление было совершено посредством цианистого калия, которым она подменила нюхательную соль. Сестра попыталась применить тот же способ. У мисс Инстоу и мистера Притчарда нет теперь причины для взаимных подозрений.

— Разве это не замечательно! — воскликнула мисс Марпл. — Я имею в виду, конечно, не новое убийство. Это очень печально и показывает, как много зла в мире, если его вовремя не пресекать. Как важно все делать вовремя. И это напоминает мне о том, что я *должна* закончить наш разговор

с доктором Ллойдом о деревенской сестре.



Глава 8

КОМПАНЬОНКА

— А вы, доктор Ллойд? — обратилась к нему мисс Хельер. — Не расскажете ли *вы* нам какую-нибудь жуткую историю?

Она улыбнулась ему. Эта улыбка завораживала по вечерам публику в театре. В свое время Джейн Хельер была первой красавицей Англии, и ее ревнивые коллеги не упускали случая заметить: «Конечно, Джейн не *актриса.* У нее нет *таланта,* если вы понимаете, что это такое. Причина ее

успеха — глаза».

И вот эти глаза устремлены на седого стареющего холостяка, последние пять лет занимавшегося врачебной практикой в Сент-Мэри-Мид.

Машинально одернув жилет, который становился ему тесноват, доктор принялся лихорадочно ворошить память, чтобы, упаси боже, не разочаровать это прекрасное создание, с такой надеждой обратившееся к нему.

— Сегодня я намерена с головой окунуться в преступления, — задумчиво произнесла Джейн.

— Прекрасно, — поддержал ее хозяин дома полковник Бантри. — Великолепно!.. — Он раскатисто рассмеялся — почему-то именно так смеются военные. — А как ты, Долли? — обратился он к жене.

Миссис Бантри, внезапно оторванная от размышлений о крайностях общественной жизни (она как раз разрабатывала способы ограничения их размаха), с готовностью согласилась.

— Разумеется, великолепно! — с жаром, но несколько невпопад ответила она.

— Неужели, дорогая? — подала голос мисс Марпл, и в глазах у нее мелькнули смешинки.

— Видите ли, мисс Хельер, в Сент-Мэри-Мид жуткие истории случаются крайне редко, а

преступлений вообще не бывает, — наконец отозвался доктор Ллойд.

— Вы меня удивляете, — вмешался отставной комиссар Скотленд-Ярда сэр Генри Клитеринг и повернулся к мисс Марпл. — Как я могу заключить из слов уважаемой мисс Марпл, Сент-Мэри-Мид просто кишит преступлениями и пороками.

— Что вы, сэр Генри, — запротестовала мисс Марпл, и легкий румянец проступил на ее щеках. — Ничего подобного я не говорила. Я просто позволила себе заметить, что человеческая природа везде, в сущности, одинакова, будь то город или деревня. Просто в деревне больше возможности наблюдать ее.

— Хорошо, доктор, но *вы* ведь не век здесь живете, — не отставала от него Джейн Хельер. — Вы объездили весь свет и наверняка бывали в местах, где *совершается* немало преступлений.

— Конечно, конечно, — подтвердил доктор Ллойд, — разумеется... — И тут его осенило. — Да, да... Вспомнил! — Он с облегчением откинулся на спинку кресла. — Случилось это довольно давно. Так давно, что многое уже стерлось в памяти. Впрочем, события весьма странные. Весьма... Что же касается развязки, то она вообще необычна.

Мисс Хельер немного пододвинула к нему свое

кресло, слегка подкрасила губы и с нетерпением ждала. Остальные тоже приготовились слушать доктора.

— Не знаю, знакомы ли вам Канарские острова? — начал он.

— Прекрасное, должно быть, место, — откликнулась Джейн Хельер. — Это ведь где-то на юге, не в Средиземном ли море?

— Я останавливался там на пути в Южную Африку, — заметил полковник. — Пик Тенериф — удивительное место, какие там закаты!..

— Случай, о котором пойдет речь, произошел не на острове Тенериф, а на Гран-Канари. С тех пор минуло немало лет. Тогда в связи с ухудшением здоровья мне пришлось оставить практику в Лондоне и уехать за границу. Я обосновался в столице Гран-Канари — Лас-Пальмасе, обзавелся пациентами и был весьма доволен своим положением. Мягкий климат, обилие солнца, превосходное купание — я большой любитель плавания — все это подкрепляло правильность моего выбора. В Лас-Пальмас заходят суда со всего света, и я имел обыкновение каждое утро прогуливаться по пристани, проявляя при этом большее любопытство, чем представительницы прекрасного пола при посещении шляпных магазинов.

Как я уже отметил, в Лас-Пальмас заходили суда со всего света. Иногда стоянка ограничивалась несколькими часами, иногда суда оставались на день или два. В «Метрополе», главном отеле города, можно было встретить путешественников всех рас и национальностей. Даже те, кто направлялся на Тенериф, соседний остров, обязательно проводили здесь несколько дней.

События, о которых я веду рассказ, начались в отеле «Метрополь» в один из январских вечеров, в четверг. В ресторане были танцы. Мы с другом, устроившись за небольшим столиком, смотрели на танцующих. Среди них были люди различных национальностей, много англичан, но большинство — испанцы. Когда оркестр заиграл танго, на площадке остались только шесть пар испанцев. Прекрасные танцоры, мы любовались ими. Особенно выделялась одна женщина: высокая, стройная, пластичная. Ее грациозные движения напоминали движения прирученной дикой кошки, ягуара. И во всем ее облике было что-то хищное, пугающее. Своим впечатлением я немедленно поделился с другом. Тот согласился со мной.

«Подобные женщины всегда связаны с какими-то историями, — сказал он. — Жизнь не оставляет

их без внимания».

«Красота вообще вещь опасная», — добавил я.

«Дело не только в красоте, — заметил он. — Тут есть и еще что-то. Присмотрись к ней получше. С ней или из-за нее обязательно должно что-то случиться. Я же говорю, жизнь не оставляет таких без внимания. Они всегда оказываются в центре странных событий. Стоит только взглянуть на такую, и это сразу становится ясно».

Он замолчал, потом с улыбкой добавил:

«Но взгляни вон на тех двух женщин, и ты не ошибешься, если скажешь, что с ними уж не произойдет никаких приключений. Они созданы для тихой, спокойной жизни».

Я посмотрел на них. Это были путешественницы с парохода «Холланд Ллойд», прибывшего вечером в порт; его пассажиры уже начали собираться в ресторане.

Одного взгляда на женщин было достаточно, чтобы понять, что имел в виду мой друг. Таких любительниц путешествий можно довольно часто встретить за границей. По виду им было лет по сорок. Обе — небольшого роста. Одна — светловолосая, полная, другая — худощавая, волосы темные. На лицах никаких следов косметики. Одеты неброско, в твидовые костюмы хорошего

покроя. Словом, не было в них ничего особенного, примечательного. Держались обе уверенно, как держатся хорошо воспитанные англичанки. Это были типичные представительницы своего класса. Они наверняка пользовались советами Бедекера[45] и не обращали внимания на достопримечательности, которые в него не попали. Всюду, куда бы ни приезжали, они, конечно, посещали английские библиотеки и англиканскую церковь. По всей вероятности, одна из них или даже обе пописывали этюды. И, как считал мой друг, с ними, хотя они и объездили полсвета, по-видимому, не случалось никаких приключений. Признаюсь, моим вниманием владела танцующая испанка. Ее полуприкрытые глаза так и сверкали.

— Бедняжка, — со вздохом сказала Джейн Хельер. — Но я думаю, глупо, когда люди не используют своих возможностей. Вот Валентина с Бонд-стрит — это же великолепие. Вы видели ее в спектакле «Ступенька вниз»? В первом действии она играет школьницу. Одри Денман очень подходил к ней. А ведь Одри — пятьдесят, а ей и того

[45] notes: 45

Б е д е к е р — по имени немецкого издателя Карла Бедекера (1801–1859), название путеводителя по разным странам для путешественников и туристов.

больше. Я случайно узнала, что ей даже около шестидесяти...

— Продолжайте, пожалуйста, доктор, — сказала миссис Бантри. — Я обожаю истории о таинственных испанках.

— Простите, — возразил доктор Ллойд, — но рассказ мой вовсе не об испанке.

— Да что вы?!

— Да, да. Мы с другом ошиблись. С красавицей испанкой не было связано никаких волнующих событий. Она вышла замуж за конторского служащего пароходной компании, и к моменту моего отъезда с острова у нее уже была куча ребятишек. Она порядком располнела.

— Точно так же, как служанка Израиля Питерса, — прокомментировала мисс Марпл. — Она выступала на сцене, и у нее были такие великолепные ноги, что ей всегда поручали в пантомиме роли героев-мальчиков. Все говорили, что она плохо кончит, но она вышла замуж за коммивояжера и прекрасно устроила свою жизнь.

— Деревенская параллель, — вполголоса заметил сэр Генри.

— Нет, нет, — продолжал доктор, — моя история о двух англичанках.

— Ох, неужели с ними что-то случилось? —

спросила мисс Хельер.

— Случилось, и очень скоро, на следующий день.

— Да ну? — изумилась миссис Бантри.

— Ради любопытства я заглянул в гостиничный журнал и без труда нашел их имена: мисс Мэри Бартон и мисс Эми Даррант из «Литтл-Паддокс», Котон-Уир, Бакс. Я и представить себе не мог, что очень скоро встречусь с этими именами, но уже при других, трагических обстоятельствах.

На следующий день я со своими друзьями собрался на пикник. Нужно было пересечь остров на машине, чтобы добраться до местечка под названием, если мне не изменяет память, Лас-Нивес. Там была уютная бухта, где можно было отлично купаться. Все началось как было задумано, только с выездом немного задержались. Пришлось остановиться в пути перекусить и лишь потом отправиться дальше в Лас-Нивес искупаться перед чаем.

Когда мы приехали, нас поразило необычное многолюдье на берегу. Казалось, все население небольшой деревушки высыпало на пляж. Увидев нас, люди бросились к машине, принялись что-то возбужденно объяснять нам. Поскольку мы испанским владели плохо, то не сразу по-

няли их.

Оказалось, что две сумасшедшие англичанки захотели искупаться, одна заплыла слишком далеко и стала тонуть. Вторая поспешила к ней и пыталась ей помочь, но у нее не хватило сил. Мужчина на лодке быстро подгреб к ним и вытащил обеих из воды.

Я понял, побежал по берегу, пробился сквозь толпу. Поначалу я не узнал этих дам. Полная женщина в черном трикотажном костюме и плотно натянутой шапочке стояла на коленях возле другой. Страшно взволнованная, она неловкими движениями пыталась сделать ей искусственное дыхание. Когда я сказал, что я врач, у нее вырвался вздох облегчения. Я велел ей немедленно отправиться в ближайший дом, вытереться и надеть сухую одежду. Одна из моих спутниц вызвалась проводить ее. Я же тем временем принял все меры, чтобы вернуть утонувшую к жизни, но все мои попытки были тщетны.

Я пошел в дом, чтобы сообщить печальную новость. Открыв дверь, я сразу же узнал одну из вчерашних посетительниц ресторана. Она приняла известие довольно спокойно. Вероятно, ее потрясение было таким сильным, что она не вполне осознала происшедшее.

«Бедная Эми, — сказала она. — Как она ждала этой возможности покупаться как следует. И она ведь прекрасно плавала. Не могу понять, как такое случилось. Вы не знаете, доктор, отчего это могло произойти?»

«Скорее всего, судорога, — предположил я. — Не расскажете ли, как это все было?»

«Мы плавали, наверное, минут двадцать, когда я почувствовала, что начинаю уставать. Но Эми сказала, что она еще немного поплавает. Я направилась к берегу. И вдруг слышу: Эми зовет на помощь. Я назад к ней. Она еще держалась на воде, но едва я приблизилась, крепко обхватила меня, и мы обе стали тонуть. Я бы тоже утонула, если бы не мужчина в лодке».

«Спасать утопающего нелегко и опасно», — заметил я.

«Это просто ужас! — продолжала мисс Бартон. — Мы только вчера приехали, мечтали понежиться на солнце и немного отдохнуть, и вот такая трагедия».

Я попросил ее поподробнее рассказать о погибшей, обещая сделать все, что в моих силах, чтобы облегчить неизбежную встречу с испанскими властями.

Погибшую звали Эми Даррант. Она была ком-

паньонкой мисс Бартон уже около пяти месяцев. Дамы прекрасно ладили. Мисс Бартон мало что могла сообщить о детстве и родственниках Эми, так как та об этом не распространялась. Мне стало известно, что она рано осталась сиротой, воспитывалась своим дядей, а в двадцать один год стала сама зарабатывать на жизнь. Вот и все, — закончил доктор, помолчал немного и снова повторил: — Вот и все.

— Я не поняла, — сказала мисс Хельер. — Что значит «все»? Выходит, это просто трагический случай, а совсем не то, что можно бы назвать *жуткой* историей.

— Я полагаю, последует продолжение? — осведомился сэр Генри.

— Да, — ответил доктор Ллойд. — Продолжение последует. Видите ли, странное это оказалось происшествие. Я, конечно, стал расспрашивать о случившемся рыбаков и других жителей деревушки, которые были свидетелями трагедии. И одна женщина сообщила мне любопытную вещь. В ту пору я не придал ей, правда, особого значения, но позже вспомнил о ней. Женщина уверяла, что мисс Даррант вовсе не тонула, когда звала на помощь. Другая женщина подплыла к ней, схватила за голову и погрузила под воду.

Как я уже сказал, я тогда не обратил на это особого внимания. Подобное мне казалось просто невероятным, и я решил, что с берега это могло выглядеть иначе. Мисс Бартон просто могла таким образом пытаться освободиться от объятий приятельницы, потерявшей сознание, чтобы не утонуть вместе с ней. А женщине с берега показалось, что она нарочно топит компаньонку.

Еще раз повторю, что сначала не придал значения словам жительницы поселка, но позже мне пришлось задуматься над этим.

Трудно было узнать что-либо об Эми Даррант. Вместе с мисс Бартон мы осмотрели вещи покойной. Нашли один адрес, по которому написали письмо. Выяснилось, что это адрес хозяйки, у которой она снимала комнату и где были оставлены ее вещи. Хозяйка, к сожалению, ничего не могла сообщить о ней, она и видела ее всего один раз, когда та приходила снять комнату. Мисс Даррант тогда сказала, что ей всегда хотелось иметь место, куда бы она в любой момент могла вернуться. Среди ее имущества было несколько предметов старинной мебели, несколько подшивок академических репродукций и сундук, набитый тряпьем, купленным на распродажах. И никаких носильных вещей. Хозяйка тоже

вспомнила, что мисс Даррант говорила ей, что ее родители умерли в Индии и воспитывал ее дядя, священник, но был ли это брат отца или матери, она не сказала, так что имен родственников выяснить не удалось.

Как видите, тут не было никакой таинственности, просто не все было ясно. На свете немало таких одиноких женщин, гордых и скрытных.

Среди ее вещей в Лас-Пальмас мы обнаружили две довольно старые выцветшие фотографии. Они были обрезаны и вставлены в рамки, поэтому имени фотографа не сохранилось. Кроме того, мы нашли старинный дагерротип[46], на котором была изображена, вероятно, ее мать, а скорее всего — бабушка.

У мисс Бартон сохранились два рекомендательных письма. От кого было одно — она забыла, а от кого второе — с трудом вспомнила. Оно оказалось от дамы, которая уехала в Австралию. Мы ей написали. Естественно, ответа пришлось ждать очень долго, а когда он пришел, то помочь нам ничем не мог. В нем сообщалось, что мисс

---

[46] notes: 46

Это название первых (по качеству еще очень несовершенных) фотографий (ныне встречающееся в основном в специальной или исторической литературе) происходит от фамилии одного из создателей фотографии, французского изобретателя Дагера.

Даррант была у нее компаньонкой, что она очень расторопная и очаровательная женщина, а о ее родственниках и ее личной жизни ей ничего не известно.

Вот и все. Могу добавить, что два момента насторожили меня: сама Эми Даррант, о которой никто ничего не знал, и странное утверждение женщины на берегу. Можно еще, пожалуй, добавить третий момент: в моей памяти запечатлелось лицо мисс Бартон, когда та шла в дом рыбака, а я, склонившись над телом мисс Даррант, пытался вернуть ее к жизни. Мисс Бартон в какой-то момент оглянулась, и на лице ее было такое выражение, словно она очень опасалась чего-то: какая-то мука, смятение отразились на нем.

Тогда я не придал этому значения и приписал все переживаниям, связанным с трагедией. Но позже я понял, что не было у компаньонок особо дружеских отношений. Не было и личной привязанности, так что и горевать-то особенно было не о чем. Смерть Эми Даррант огорчила мисс Бартон, но не более.

Тогда почему эта мучительная озабоченность на лице? Я задавался этим вопросом снова и снова. Я не мог ошибиться. Не мог. Против моей воли

у меня начал созревать ответ. Предположим, что испанка на берегу говорила правду, предположим, что Мэри Бартон намеренно хладнокровно утопила Эми Даррант, делая вид, будто спасает ее. Мужчина в лодке приходит на помощь. Они где-то на безлюдном пляже. Но вдруг появляюсь я, человек, которого она меньше всего ожидала. Врач! Врач из Англии! Ей известно, что людей, пробывших под водой не меньше, чем Эми Даррант, удавалось вернуть к жизни с помощью искусственного дыхания. По моему настоянию ей пришлось уйти, оставив меня наедине с ее жертвой. Вот почему, когда она обернулась, на ее лице отразилась такая страшная тревога. Вдруг Эми Даррант окажется жива *и расскажет, что произошло?*

— Господи! — вырвалось у Джейн Хельер. — Теперь мне страшно.

— Да, если случившееся рассматривать с такой стороны, то оно приобретает зловещий характер, а личность Эми Даррант становится еще более загадочной, — продолжал рассуждать доктор Ллойд. — Кто она такая, Эми Даррант? Почему эта ничего не представляющая собой компаньонка стала жертвой хозяйки? Что кроется за роковым купанием? Она пробыла компаньонкой Мэри

Бартон всего несколько месяцев. Мэри Бартон взяла ее с собой за границу, и уже на следующий день по прибытии произошла трагедия. А ведь они производили впечатление таких милых, благовоспитанных англичанок! Да, сказал я себе, все это слишком фантастично, и решил отбросить свои предположения.

— Вы так ничего и не предприняли? — спросила мисс Хельер.

— Дорогая моя, ну что я мог сделать? Свидетелей у меня не было. Большинство очевидцев подтверждало все, что рассказывала мисс Бартон. Мое подозрение строилось всего лишь на мимолетном выражении ее лица, которое могло мне просто привидеться. Единственное, что я мог сделать и сделал, — это позаботиться о том, чтобы найти родственников Эми Даррант. Но, как вы уже знаете, результатов не добился. Не помогла и личная встреча с хозяйкой ее комнаты во время моего очередного приезда в Англию.

— Но вы все-таки чувствовали, что здесь что-то неладно? — спросила мисс Марпл.

Доктор кивнул.

— Сначала мне было стыдно за мои мысли, — сказал он. — Кого я пытаюсь заподозрить в совершении преступления — вполне порядочную,

не лишенную привлекательности женщину? Я постарался, пока она оставалась на острове, общаться с ней как можно тактичнее.

Я помог ей уладить формальности с местными властями и сделал все, что сделал бы на моем месте любой англичанин для своего соотечественника за рубежом. И все-таки, несмотря на все мои старания, она, несомненно, чувствовала, что я отношусь к ней с подозрением, недолюбливаю ее.

— Сколько же еще времени она оставалась на острове? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Я думаю, недели две. Дней через десять после похорон мисс Даррант она отправилась обратно в Англию. Потрясение было настолько сильным, что она не смогла остаться на зиму, как раньше намечала. Так она, по крайней мере, говорила.

— Она действительно была очень расстроена? — спросила мисс Марпл.

Доктор задумался.

— Пожалуй, по внешнему виду этого сказать было нельзя, — осторожно ответил он.

— А вы не заметили, не располнела ли она немного? — допытывалась мисс Марпл.

— Это интересный вопрос... Дайте подумать... Припоминаю... Возможно, вы правы. Да, можно

сказать, она немножко пополнела.

— Какой ужас! — вздрогнув, сказала Джейн Хельер. — Это все равно что располнеть от крови своей жертвы.

— Однако, с другой стороны, я, может быть, и не вполне справедлив по отношению к ней, — продолжал доктор Ллойд. — Перед отъездом она все же сделала попытку поделиться со мной тем, что могло бы в корне изменить ситуацию. Вероятно, совесть просыпается довольно медленно, и требуется определенное время, чтобы осознать содеянное.

Вечером, накануне отъезда с Канарских островов, она попросила меня зайти к ней. Она от всей души поблагодарила меня за помощь. Я, разумеется, сказал, что на моем месте так поступил бы каждый порядочный человек.

Немного помолчав, мисс Бартон спросила:

«Как вы считаете, можно ли оправдать того, кто сам, собственными руками вершит правосудие?»

Я ответил, что вопрос это сложный, но вообще-то я считаю, что нельзя. Закон есть закон, и мы должны чтить его.

«Даже если закон бессилен?»

«Я не совсем вас понимаю».

«Это трудно объяснить. Но вот если человек из

благих намерений вынужден совершить такое, что расценивается как противозаконное действие, даже преступление...»

Я заметил, что, вероятно, многие преступники оправдывают свои действия таким образом.

Она вся сжалась.

«Это ужасно, ужасно», — пробормотала она.

Успокоившись, она попросила у меня снотворного, поскольку с тех пор не могла нормально спать.

«Все от этого страшного потрясения», — добавила она.

«Только от этого? И ничто другое вас не беспокоит? Больше вы ни о чем не задумываетесь?»

«О чем я еще могу задумываться?» — зло переспросила она, с подозрением взглянув на меня.

«Иногда причиной бессонницы бывает беспокойство», — невозмутимо пояснил я.

Она молчала. И вдруг спросила:

«Вы имеете в виду беспокойство о предстоящем или беспокойство о прошедшем, которого уже не изменишь?»

«И то и другое».

«Разве вернешь теперь? Нет смысла печалиться о прошлом. О-о, это бесполезно! Лучше не думать. Не думать».

Я выписал ей легкое снотворное и попрощался. По дороге домой я все время размышлял над ее словами: «Разве вернешь...» Что? Или *кого?*

Я считаю, что этот наш последний разговор в некоторой степени подготовил меня к заключительной встрече. Разумеется, я не предвидел такой развязки, но, когда она произошла, для меня она не оказалась такой уж неожиданностью.

Тогда Мэри Бартон произвела на меня впечатление не раскаивающейся грешницы, а женщины с убеждениями, которая действует в соответствии с ними и будет тверда, пока верит в них. И все же мне показалось, что тот разговор посеял в душе Мэри Бартон сомнения в своей правоте и что ее слова свидетельствовали о слабых признаках мучительного процесса переоценки ценностей и угрызений совести.

Прошло немного времени, и я узнал из газет следующее. В Корнуолле в конце марта в небольшом местечке, еще довольно безлюдном в это время года, в гостинице проживала некая дама по имени мисс Бартон. Бросалось в глаза ее странное поведение. Каждую ночь она бродила по комнате, разговаривая сама с собой, не давая спать соседям. Однажды она явилась к викарию и призналась, что совершила преступление. Затем

она неожиданно встала и сказала, что зайдет в другой раз. Викарий посчитал, что она немного не в себе, и не принял всерьез ее слов.

На следующее утро мисс Бартон исчезла. В ее номере нашли адресованную коронеру записку следующего содержания:

> «Вчера я попыталась рассказать все викарию, признаться ему во всем, но мне не позволили. Она мне не разрешила. Это можно исправить только одним способом – уйти из жизни. Жизнь за жизнь; я должна окончить свою жизнь так же, как это случилось с ней. Я тоже должна исчезнуть в морской пучине.
>
> Я считала, что обстоятельства оправдают меня, но теперь понимаю, что ошиблась. Если я хочу получить прощение Эми, я должна последовать за ней. В моей смерти прошу никого не винить.
>
> ***Мэри Бартон».***

Ее одежду нашли на берегу в дальней пещере. Решили, что она разделась и заплыла далеко в море, где было очень опасное, стремительное течение.

Тела не нашли. Спустя некоторое время Мэ-

ри Бартон была признана умершей. Женщина она была богатая, и, поскольку умерла без завещания, все ее состояние перешло ближайшим родственникам — семье двоюродной сестры, проживающей в Австралии. В газетах ее смерть прямо связывали с трагедией на Канарских островах. Считалось, что на ее психику сильно подействовала гибель мисс Даррант. Заключение о причине смерти Мэри Бартон было типичным для таких случаев: *самоубийство на почве временного расстройства рассудка.*

Такова трагедия Эми Даррант и Мэри Бартон. И здесь занавес опускается.

Воцарилась тишина, которую нарушил возглас Джейн Хельер:

— Нельзя же останавливаться на самом интересном месте! Продолжайте, доктор.

— Видите ли, мисс Хельер, это не рассказ с продолжением, это сама жизнь. И сама жизнь выбирает, где ей остановиться.

— Но я хочу знать продолжение, — запротестовала Джейн.

— Тут уж нам самим придется пошевелить мозгами, мисс Хельер, — вступил в разговор сэр Генри. — Нам надо решить загадку доктора Ллойда: почему Мэри Бартон убила свою ком-

паньонку?

— О да, у нее могла быть масса причин, — живо откликнулась Джейн Хельер. — Да мало ли что... Например, она могла просто разозлить ее или, скажем, из ревности. Правда, доктор Ллойд не упомянул ни одного мужчины. Но сами понимаете... пароход... Всем известно, что такое морские путешествия...

Мисс Хельер прервала свои рассуждения, и всем присутствующим стало ясно, что содержание этой прелестной головки оставляет желать лучшего.

— У меня тоже есть несколько предположений, — сказала миссис Бантри. — Но, полагаю, следует сосредоточиться на одном. Я думаю, что отец мисс Бартон создал свое состояние, разорив отца Эми Даррант, и Эми решила отомстить за отца. Ой, все перепутала. Какая банальность! Здесь ведь богатая хозяйка убивает свою бедненькую компаньонку, так ведь? Нет! У мисс Бартон был младший брат, и он застрелился из-за несчастной любви к Эми Даррант. Мисс Бартон стала ждать своего часа. И вот Эми появилась в свете. Мисс Би взяла ее в компаньонки, увезла на Канары и там рассчиталась с ней. Ну как?

— Замечательно! — воскликнул сэр Генри. —

Но есть небольшое затруднение: мы не знаем, был ли у мисс Бартон младший брат.

— Мы устанавливаем это с помощью дедуктивного метода, — ответила миссис Бантри. — В противном случае исчезает мотив. Так что должен быть младший брат. Вам понятно, Ватсон?

— Это прекрасно, Долли, — вмешался ее муж. — Но это всего лишь догадка.

— Разумеется, — согласилась миссис Бантри. — Мы можем сейчас только догадываться. У нас нет никаких доказательств. А вот попробуй ты, дорогой, высказать свои предположения!

— Честное слово, не знаю, что и сказать, но, думаю, догадка мисс Хельер о каком-то мужчине не беспочвенна. Возможно, Долли, это был священник. Обе вышивали ему ризы или что-то подобное, а он предпочел носить ту, что ему поднесла Даррант. Вот, что-нибудь в этом роде. Заметьте, ведь она пошла в конце концов к священнику. Такие женщины обычно теряют голову перед симпатичными служителями церкви. Только и слышишь, как всюду толкуют об этом.

— Мне кажется, следует попытаться дать более тонкое объяснение, — сказал сэр Генри. — Должен предупредить, что это только догадка. Я считаю, что мисс Бартон всегда была психически

неуравновешенной. Такие люди встречаются чаще, чем вы себе представляете. Ее мания развивалась все сильнее и сильнее, и наконец она уверовала в то, что ее миссия заключается в том, чтобы избавлять мир от определенных людей, ну, например, от так называемых женщин легкого поведения.

Нам ничего не известно о прошлом мисс Даррант. Очень возможно, что она когда-то и была одной из таких женщин. Мисс Бартон как-то узнала об этом и решила ее уничтожить. Позже она начала сомневаться в справедливости своего поступка, ее стали мучить угрызения совести. Ее самоубийство свидетельствовало о психической неуравновешенности. Вы согласны со мной, мисс Марпл?

— Боюсь, что нет, сэр Генри, — ответила мисс Марпл с извиняющейся улыбкой. — Я считаю, что последний поступок мисс Бартон говорит о незаурядном уме и изобретательности.

Джейн Хельер прервала ее, слегка вскрикнув:

— Какая же я недогадливая! Позвольте мне! Конечно, так оно и есть. Шантаж! Эта компаньонка шантажировала ее. Только не могу понять, почему это мисс Марпл решила, что она мудро поступила, лишив себя жизни. Мне это совершен-

но непонятно.

— Дело в том, — заметил сэр Генри, — что мисс Марпл опирается на сходный случай в Сент-Мэри-Мид.

— Не смейтесь надо мной, сэр Генри, — укоризненно произнесла мисс Марпл. — Должна признаться, что этот случай напомнил мне о миссис Траут. Она, вы знаете, получала пенсию за трех пожилых женщин из разных приходов, которые на самом деле уже умерли.

— Это действительно замысловатое и изобретательное преступление, — отметил сэр Генри. — Но оно никак не проливает свет на нашу загадку.

— Разумеется, нет, — сказала мисс Марпл. — Вернее, для вас не проливает. Но есть очень бедные семьи, и пенсия по старости — большое подспорье для детей. Я понимаю, что тому, кто с этим не сталкивался, трудно это понять. Но я-то имела в виду действия одной пожилой женщины, которые очень напоминают действия другой.

— Как это так? — удивился сэр Генри.

— Ах, я всегда так плохо объясняю. Я ведь что хочу сказать... Когда доктор Ллойд увидел этих двух женщин, он не знал, кто из них кто. Я думаю, что и в отеле тоже никто этого не знал. Конечно,

через день-другой это стало бы известно. Но на следующий день одна из них утонула, и, если бы та из них, которая осталась в живых, назвала себя мисс Бартон, я думаю, никому бы в голову не пришло, что это не так.

— Так вы считаете... — медленно произнес сэр Генри.

— Это единственное правильное предположение. Уважаемая миссис Бантри только что верно заметила: зачем богатой хозяйке убивать компаньонку? Логичнее предположить обратное. Так, по крайней мере, случается в жизни.

— Неужели это так? — все еще недоумевал сэр Генри. — Я потрясен.

— Разумеется, — продолжала мисс Марпл, — ей пришлось надеть одежду мисс Бартон, а она, вероятно, была ей немного тесновата, и могло показаться, что она слегка располнела. Вот почему я спросила об этом. Мужчины обычно считают, что полнеет женщина, а не одежда становится ей тесноватой, но это не всегда правильное объяснение.

— Какой смысл был Эми Даррант убивать мисс Бартон? Она ведь не могла бы вечно скрывать этот обман.

— Она скрывала этот обман всего лишь несколь-

ко месяцев, — заметила мисс Марпл. — И все это время она путешествовала, стараясь держаться подальше от тех, кто мог ее узнать. Вот что я имела в виду, когда говорила, что в определенном возрасте некоторые женщины очень похожи друг на друга. Я думаю, что никто не заметил ее несходства с фотографией в паспорте. Вы же знаете, что такое паспорт. И вот в марте она приезжает в небольшой поселок в Корнуолле и ведет себя там так, что, когда читают ее последнее письмо и находят на берегу ее одежду, ни у кого не возникает простого вопроса.

— Какого же? — спросил сэр Генри.

– *Об отсутствии тела,* — пояснила мисс Марпл. — Это должно было вызвать подозрение, если бы не многочисленные уловки, намеки на ужасное преступление и раскаяние. *Тела не нашли.* Это очень важный факт.

— Так вы считаете... считаете, что не было раскаяния? — спросила миссис Бантри. — Вы думаете, что она не утопилась?

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Опять же она, как и миссис Траут, оказалась мастером запутывать следы. Но ту я раскусила. Поэтому мне не составило труда разгадать и раскаявшуюся мисс Бартон. Думаете, она утопилась? Уехала в

Австралию, если я еще способна угадывать.

— Способны, мисс Марпл, безусловно, способны, — закивал головой доктор Ллойд. — Эта история снова мне преподнесла сюрприз, в тот день в Мельбурне я был буквально ошарашен.

— Вы имеете в виду ту, упомянутую вами заключительную встречу?

— Да, — снова кивнул доктор Ллойд. — Мисс Бартон или, если вам угодно, Эми Даррант, очень не повезло. Некоторое время я работал судовым врачом. И однажды, когда я сошел на берег в Мельбурне, первым человеком, которого я встретил, была дама, которую я считал утонувшей в Корнуолле. Насколько я понял, она увидела, что дело ее проиграно, и сделала смелый шаг — рассказала мне все. Странная это была женщина, абсолютно лишена каких-либо моральных принципов. Она была старшей из девяти детей в очень бедной семье. Она обратилась за помощью к богатой кузине в Англии, но получила отказ, поскольку мисс Бартон была в ссоре с их отцом. Деньги были крайне необходимы, потому что трое младших детей нуждались в дорогостоящем лечении. Скорее всего, именно в это время у Эми Даррант и созрел план хладнокровного убийства. Она уезжает в Англию, где работает в семьях, уха-

живая за детьми. Затем под именем Эми Даррант становится компаньонкой мисс Бартон. Она снимает комнату и обставляет ее какой-то мебелью, чтобы убедительно сыграть свою новую роль. Затем поджидает удобного случая. Решение утопить мисс Бартон пришло неожиданно... После трагедии на Канарах и мнимого самоубийства она возвращается в Австралию и вскоре вместе со своими братьями и сестрами, как ближайшими родственниками мисс Бартон, наследует ее состояние.

— Весьма дерзкое и довольно хорошо обдуманное преступление, — заметил сэр Генри. — Если бы на Канарах утонула мисс Бартон, то подозрение наверняка бы пало на мисс Даррант и стали бы известны ее родственные связи с семьей Бартон. Но замена личности и двойное, если можно так выразиться, преступление помогли ей. Да, я бы даже сказал — тонко осуществленное преступление.

— Что же с ней было дальше? — спросила миссис Бантри. — Что вы предприняли, доктор?

— С точки зрения закона я не располагал достаточными доказательствами. У меня и сейчас, можно сказать, их нет. Я пошел к ним в дом и познакомился со всем семейством. Это была очень

милая семья, преданная старшей сестре и не подозревающая, какое страшное преступление она совершила. Зачем портить им жизнь, если я не мог ничего доказать? Кроме того, мне, как медику, было ясно, что, несмотря на ее цветущую внешность, дни этой дамы сочтены. Я доверился природе. Мисс Бартон умерла через шесть месяцев после этой нашей встречи. Была ли она счастлива, не раскаивалась ли — не знаю.

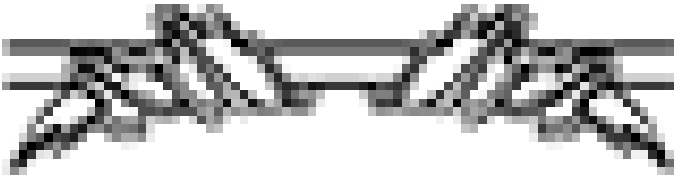
— Конечно, не раскаивалась, — заверила миссис Бантри.

— Я тоже так думаю, — поддержала ее мисс Марпл. — Миссис Траут не раскаивалась.

— Захватывающая история, — сказала мисс Хельер, покачав головой. — Только я не поняла, кто кого утопил и какое к этому имеет отношение миссис Траут?

— А никакого, милая, — сказала мисс Марпл. — Миссис Траут тоже была не очень-то приятная особа. Но она жила в деревне.

— А-а, в деревне! — сказала мисс Хельер. — Так ведь в деревне ничего не случается? Вот если бы я жила в деревне, — она вздохнула, — я бы и совсем ничего не соображала.



Глава 9

ЧЕТВЕРО ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

Разговор зашел о неустановленных и оставшихся безнаказанными преступлениях. Все высказывались по очереди: полковник Бантри, его приятная жена, Джейн Хельер, доктор Ллойд и даже почтенная мисс Марпл. Только один человек не участвовал в разговоре, хотя, по мнению большинства, ему единственному было наиболее уместно сделать это. Сэр Генри Клитеринг, отставной комиссар Скотленд-Ярда, сидел молча,

подкручивая усы — или, вернее, поглаживая их, — и слегка улыбался: казалось, собственные мысли забавляли его.

— Сэр Генри, — наконец не вытерпела миссис Бантри, — раз вы молчите, задам вам вопрос. Много ли преступлений остаются безнаказанными?

— Миссис Бантри, вы имеете в виду газетные заголовки «Скотленд-Ярд вновь объявляет розыск» и перечни, которые следуют за этим?

— Я полагаю, что это очень малый процент от общего числа преступлений? — заметил доктор Ллойд.

— Да, это так. О сотнях раскрытых преступлений и понесших наказание преступниках редко сообщают, о них не трезвонят. Но ведь речь совсем не об этом, не так ли? Говоря о *неустановленных* и о *нераскрытых* преступлениях, подразумевают разные вещи. К категории первых относятся преступления, о которых Скотленд-Ярд ничего не знал и о совершении которых вообще никому не было известно.

— Но я полагаю, их не так много? — сказала миссис Бантри.

— Не так много?

— Сэр Генри! Не станете же вы утверждать, что

их много?

— А по-моему, — задумчиво произнесла мисс Марпл, — их должно быть немало. — Обаятельная дама почтенного возраста и старой закалки высказала свое соображение совершенно невозмутимо.

— Уважаемая мисс Марпл... — начал было полковник Бантри.

— Разумеется, — прервала его мисс Марпл, — есть множество глупых людей. И их находят, что бы они ни совершили. Но существует немало неглупых людей, и содрогаешься при мысли, что бы они могли натворить, если бы не имели прочных нравственных устоев.

— Да, — согласился сэр Генри, — неглупых людей много. Как часто преступление выплывает наружу благодаря какому-нибудь пустяку. И каждый раз задаешь себе вопрос: а если бы не этот пустяк, узнал бы кто-нибудь о преступлении?

— Это весьма серьезно, Клитеринг, — сказал полковник Бантри. — Весьма серьезно.

— Да?

— Что значит — да? Несомненно, серьезно.

— Вы говорите, преступления остаются безнаказанными, но ведь это не так. Может быть, они не караются законом, но причина и следствие

связаны помимо закона. Говорить, что нет преступления без наказания, — это банальность, и все же, по моему мнению, нет истины вернее.

— Может быть, может быть, — согласился полковник Бантри, — но это не снижает важности... установления... — Он замолчал в полной растерянности.

Сэр Генри улыбнулся.

— Несомненно, девяносто девять человек из ста думают, как вы, — сказал он. — Но, знаете, на самом деле важна не вина, а невиновность. Вот что никак не хотят понять.

— Я не понимаю, — сказала Джейн Хельер.

— Я понимаю, — сказала мисс Марпл. — Когда миссис Трент обнаружила пропажу полукроны из своей сумочки, то решила, что, скорее всего, это могла сделать приходящая служанка, миссис Артур. Конечно, супруги Трент на нее и подумали, но, будучи людьми чуткими и зная, что у той большая семья, а муж пьяница, они, естественно, не пошли на крайние меры. Тем не менее они стали относиться к ней по-иному — перестали оставлять дом под ее ответственность, когда уезжали, и она это почувствовала. У других людей по отношению к ней тоже возникло предубеждение. И тут вдруг выяснилось, что виновница

— гувернантка. Миссис Трент увидела ее через дверь, в зеркале. Чистейшая случайность, хотя я предпочитаю называть это провидением. И я думаю, это именно то, что имел в виду сэр Генри. Людей в большинстве случаев интересует только, кто взял деньги, а вором, как правило, оказывается человек, на которого никогда не подумаешь, — прямо как в детективах! Ведь вы это имели в виду, не так ли, сэр Генри?

— Да, мисс Марпл, вы уловили мою мысль совершенно точно. В данном случае служанке повезло. Ее невиновность была доказана. А ведь некоторые всю жизнь могут прожить под гнетом подозрения, которое на самом деле несправедливо.

— Вы имеете в виду какой-то конкретный случай, сэр Генри? — поинтересовалась миссис Бантри.

— Собственно говоря, да, миссис Бантри. Весьма необычный случай. Случай, когда мы знали, что совершено убийство, но не имели никакой возможности это доказать.

— Яд, я полагаю, — вздохнула Джейн. — Какой-нибудь неизвестный.

Доктор Ллойд беспокойно зашевелился, а сэр Генри покачал головой:

— Нет, уважаемая. Нет, *не загадочный яд* стрел южноамериканских индейцев. *Если бы это было так!* Нам пришлось иметь дело кое с чем гораздо более прозаическим, настолько прозаическим, что не было никакой надежды выяснить, кто преступник. Почтенный джентльмен упал с лестницы и сломал себе шею. Обычный печальный случай, такие вещи происходят каждый день.

— Ну а на самом деле что случилось?

— Кто знает? — Сэр Генри пожал плечами. — Толкнули сзади? Натянули поперек лестницы нитку или бечевку, а потом незаметно убрали? Этого мы никогда не узнаем.

— Но вы ведь не считаете, что это несчастный случай? Тогда что же? — спросил доктор.

— Очень длинная история. Да, мы, конечно, нисколько не сомневались. Но, как я сказал, не было никаких шансов установить, кто же преступник. Доказательства были слишком шаткие. Но есть и другая сторона дела, о которой следует упомянуть. Видите ли, этот трюк могли проделать четверо. Один виновен, *а остальные трое не виновны.* И если истина не установлена, то на всех четверых падает тень ужасного подозрения.

— Я думаю, уж лучше рассказать эту вашу длинную историю, — сказала миссис Бантри.

— В конце концов, нет необходимости излагать ее со всеми подробностями, — согласился сэр Генри. — Во всяком случае, можно опустить начало. Здесь дело касается немецкой тайной организации «Шварц ханд» — это что-то вроде Каморры[47]. Шантаж и террор. Она возникла сразу после мировой войны и на удивление широко распространилась. Множество людей становились ее жертвами. Все старания властей справиться с ней были безуспешны, так как секреты ее ревностно охранялись, а найти человека, который бы согласился на предательство, было невозможно.

В Англии о ней толком ничего не знали, но в Германии эта организация вовсю разгулялась. «Шварц ханд» полностью прекратила свое существование благодаря усилиям некоего доктора Розена, одно время заметной фигуры секретной службы. Он затесался туда, внедрился в руководящее ядро и, можно сказать, послужил орудием ее уничтожения.

Через некоторое время его раскрыли в «Шварц

---

[47] notes: 47

К а м о р р а — тайная итальянская террористическая организация, образовавшаяся в конце XVIII — начале XIX века. Орудие реакции. В конце XIX века была проведена кампания борьбы против Каморры, однако ее организации существуют до сих пор.

ханд», и мы сочли разумным, чтобы он покинул Германию, по крайней мере на время. Мы получили о нем сведения от полиции Берлина. Розен приехал в Англию, и я имел с ним личную беседу. Держался он очень спокойно, как человек, смирившийся со своей судьбой. Он не питал иллюзий в отношении своего будущего.

«Они выйдут на меня, сэр Генри, — говорил он мне. — Ни тени сомнения. — Розен был крупным мужчиной с красиво посаженной головой и низким голосом. Слегка гортанное произношение выдавало его национальность. — Исход предрешен. Но какое это имеет значение? Я к этому готов. Я понимал, на что иду, когда включился в операцию. Задача выполнена. Организация больше не существует, но много входивших в нее людей на свободе. Единственно, чем они могут отомстить, — уничтожить меня. Вопрос только во времени, и я бы очень хотел, чтобы времени прошло как можно больше. Понимаете, я готовлю один очень интересный материал — плод усилий моей жизни — и мне необходимо завершить работу».

Он говорил просто, с таким достоинством, которым я не мог не восхищаться. Я заверил его, что будут приняты все меры предосторожности, но

он отмахнулся от моих слов.

«Рано или поздно они до меня доберутся, — повторил он. — Когда этот день наступит, не укоряйте себя. Я не сомневаюсь, что вы сделаете все возможное».

Затем он перешел к изложению плана. План этот был достаточно прост. Он хотел подыскать небольшой коттедж в сельской местности, где бы мог спокойно жить и продолжать работу. В конце концов он выбрал деревню в Сомерсете — Кингз-Натон, в семи милях от железнодорожной станции и почти не тронутую цивилизацией. Купил очень симпатичный домик, кое-что перестроил, усовершенствовал и поселился там в свое полное удовольствие. Домочадцами его были: племянница Грета, секретарь, прислуга — старая немка, которая верой и правдой трудилась у него без малого сорок лет, — и приходящий садовник из Кингз-Натона — мастер на все руки.

— Четверо под подозрением, — сказал доктор Ллойд.

— Верно. Четверо под подозрением. Лучше не скажешь. В течение пяти месяцев жизнь в Кингз-Натоне шла спокойно. И вот произошло несчастье. Доктор Розен упал с лестницы — и умер. В это время Гертруда находилась у себя на

кухне, дверь была закрыта, и, *как она говорит*, она ничего не слыхала. Фрейлейн Грета работала в саду, сажала какие-то там луковицы, опять-таки *по ее словам.* Садовник Доббс сказал, что был в сарае, где выращиваются цветы в горшках, и, как обычно, в одиннадцать завтракал. Секретарь пошел прогуляться, но опять-таки *с его собственных слов.* Алиби не было ни у одного — их показания никто не мог подтвердить. Одно определенно — совершил это не человек со стороны: постороннего в таком маленьком местечке, как Кингз-Натон, наверняка бы сразу заметили. Обе двери — парадная и задняя — были заперты. У всех домашних были собственные ключи. Итак, вы видите, что все сводится к этой четверке. И при этом каждого из них трудно подозревать. Грета — дочь его родного брата. Гертруда — сорок лет служила верой и правдой. Доббс вообще не бывал за пределами Кингз-Натона. А Чарльз Темплтон — секретарь...

— Да, — прервал его полковник Бантри, — нельзя ли о нем поподробнее? Он представляется мне подозрительной личностью. Что вам о нем известно?

— То, что мне о нем известно, полностью оправдывает его, — отрезал сэр Генри. — Видите ли,

Чарльз Темплтон — мой человек.

— Ого! — только и вырвалось у ошеломленного полковника.

— Да. Я хотел иметь кого-нибудь там и в то же самое время не хотел давать повода для разговоров в деревне. Розену нужен был секретарь. Вот я и определил к нему Темплтона. Джентльмен, по-немецки говорит свободно и притом весьма способный малый.

— Но тогда кого же из них вы подозреваете? — Миссис Бантри была озадачена. — Все они такие... ну как это возможно?

— Да, но можно взглянуть на вещи еще и с другой стороны. Фрейлейн Грета — его племянница и весьма привлекательная девица. Но война нам не раз доказывала, что брат может пойти против сестры, отец — против сына и так далее. Самые привлекательные и добронравные молодые девицы совершали самые немыслимые поступки. То же самое относится и к Гертруде: кто знает, какие силы могли бы тут сработать? Может быть, ссора с хозяином или накопившееся за долгие годы преданной службы чувство обиды. Пожилые женщины ее склада иногда бывают на удивление ожесточенными. А Доббс? Или его это совершенно не касается, раз он не связан с семьей? Деньги

все сделают. К Доббсу могли найти определенный подход и купить его.

Было очевидно, что какое-то поручение или какой-то приказ поступил извне. Иначе в чем же причина пяти месяцев промедления?.. Дело в том, что агенты общества еще не были убеждены, что Розен предатель, и откладывали месть до появления неоспоримых доказательств измены. Наконец, когда никаких сомнений не осталось, шпиону в доме было послано сообщение — уничтожить.

— Какой ужас! — содрогнулась Джейн Хельер.

— Я пытался выяснить, как передали приказ. Узнав это, я получил единственную зацепку к решению задачи. Пока мне было известно, что кто-то из четверых получил приказ. А затем — никаких промедлений: приказ отдан — приказ выполнен. Этим отличалась «Шварц ханд».

Я занялся исследованием этого вопроса, занялся настолько тщательно, что, вероятно, удивлю вас своей доходящей до абсурда дотошностью. Кто приходил в дом утром? Я не исключал никого. Вот список.

Он вынул из кармана конверт и достал из него бумагу.

«МЯСНИК принес кусок баранины. Проверил и установил: подтверждается».

«ПОСЫЛЬНЫЙ от бакалейщика принес упаковку кукурузной муки, два фунта сахара, фунт масла и фунт кофе. Тоже проверил и установил: все верно».

«ПОЧТАЛЬОН принес два проспекта для фрейлейн Розен, письмо Гертруде, три письма доктору Розену, одно из них с иностранной маркой, и два письма мистеру Темплтону, одно тоже с иностранной маркой».

Сэр Генри сделал паузу и вытащил из конверта ворох документов.

— Не изволите ли полюбопытствовать? Все это было передано мне заинтересованными лицами, а также извлечено из мусорной корзины. Нет надобности говорить, что письма подвергались экспертизе на невидимые чернила и так далее. Ничего подобного не установлено.

Каталоги были от владельца питомника и от известной лондонской пушной фирмы. Два счета на имя доктора Розена: за семена для сада и от лондонской книгоиздательской фирмы. Письмо на его имя было следующего содержания:

«Мой дорогой Розен!

Только что от Гельмута Спата. На днях виделись с Эдгаром Джексоном. Он и Амос Перри недавно вернулись из Циндао, но Честность не позволяет мне сказать, что я завидую их поездке. Дайте знать о себе в ближайшее время. Как говорилось ранее, остерегайтесь одного человека. Вы знаете, кого я имею в виду, хотя вы и не согласны.

Ваша Георгина».

Почта мистера Темплтона состояла из счета от портного и письма от друга из Германии, — продолжал рассказ сэр Генри. — Последнее он, к несчастью, порвал во время прогулки. И, наконец, имеется письмо, полученное Гертрудой:

«Дорогая миссис Шварц!

Мы надеимся, что придети на наше собрание вечером в пятницу викарий говорит, что вам все обрадуются. Ресепт ветчины очень харош, благодарствуйте. Надеимся пребывайте в добром здравей повидаимся в пятницу и проч.

Преданно ваша Эмма Грин».

— Я думаю, это письмо ни при чем, — улыбнулся доктор Ллойд.

Улыбнулась и миссис Бантри.

— Я тоже так посчитал, — сказал сэр Генри, — но все же на всякий случай навел справки о миссис Грин и о церковном собрании. Нелишне, знаете ли.

— Так всегда говорит наша дорогая мисс Марпл, — улыбнувшись, сказал доктор Ллойд. — Вы совсем замечтались, мисс Марпл. О чем это вы призадумались?

— Да так. — Мисс Марпл встрепенулась. — Просто удивляюсь, почему слово «честность» в письме к доктору Розену написано с заглавной буквы.

Миссис Бантри взяла письмо.

– *Ой,* действительно, — подтвердила она.

— Да, милая, — сказала мисс Марпл. — Я думала, вы заметили!

— Это письмо — явное предупреждение, — сказал полковник Бантри. — Это мне сразу бросилось в глаза. Я не так мало замечаю, как вы думаете. Да, явное предупреждение, но о ком?

— Кстати, вам, наверно, небезынтересно будет узнать, что, по словам Темплтона, доктор Розен вскрыл письмо за завтраком и швырнул ему,

сказав, что понятия не имеет об этом человеке.

— Но это не мужчина, — возразила Джейн Хельер. — Здесь стоит: «Георгина».

— Трудно разобраться, — сказал доктор Ллойд. — Может быть, и Георгий, но больше похоже на Георгину. Одно для меня совершенно ясно: почерк мужской.

— И вы знаете, что интересно, — снова заговорил полковник Бантри, — ведь он швырнул конверт на стол и сделал вид, что ничего не знает об этом человеке. Возможно, он хотел увидеть, какую реакцию это вызовет. Но у кого? У девушки? У мужчины?

— Или даже у кухарки? — предположила миссис Бантри. — Она могла находиться в комнате, когда приносила завтрак. Но что мне непонятно... совершенно особое...

Она вновь склонилась над письмом. Мисс Марпл подсела к ней и коснулась пальцем листа бумаги, указывая на что-то. Они зашептались.

— Но зачем секретарю понадобилось рвать письмо? — спросила вдруг Джейн Хельер. — Вы только представьте себе! Весьма странно. И почему письмо из Германии? Хотя, конечно, если он вне подозрений, как вы говорите...

— Но сэр Генри не говорит этого, — быстро

вмешалась мисс Марпл, оторвавшись от разговора с миссис Бантри. — Он сказал: *четверо* под подозрением. Таким образом, он не исключает и мистера Темплтона. Я правильно говорю, ведь так, сэр Генри?

— Да, мисс Марпл. Я убедился на своем горьком опыте. Никогда не следует утверждать, что *кто-то* вне подозрений. Я только изложил вам свои доводы, почему трое из этих людей, как бы невероятно это ни казалось, могли оказаться виновными. Вместе с тем аналогичная процедура не была проведена в отношении четвертого — Чарльза Темплтона. Но в конечном счете я пришел к этому, я был вынужден признать следующее: везде — и в армии, и во флоте, и в полиции, — как бы нам этого ни хотелось, имеется определенное количество отщепенцев. И я беспристрастно изучил факты против Темплтона.

Я задал себе вопрос, похожий на только что заданный мисс Хельер. Почему он, единственный из всех домочадцев, не предъявил полученное письмо, к тому же с немецкой маркой? С какой стати у него письма из Германии?

В последнем вопросе не было ничего особенного, я взял и задал его. Ответ оказался очень простым. Сестра матери была замужем за нем-

цем. Письмо было от кузины-немки. Так что мне стало известно то, чего я до этого не знал: что у Чарльза Темплтона были родственники в Германии. И это определенно ставило его в список подозреваемых, даже в первую очередь подозреваемых. Он мой человек и всегда был мне симпатичен, я доверял ему, но из элементарной справедливости и порядочности я должен был признать, что он возглавляет список.

Но вот тут уж не знаю! *Я не знаю...* И, по всей вероятности, никогда не узнаю. Вопрос не в том, чтобы наказать убийцу. Вопрос, как мне кажется, во сто крат важнее. Испортить, может быть, всю карьеру честному человеку из-за... подозрения... подозрения, которое я не склонен недооценивать.

Мисс Марпл кашлянула и негромко сказала:

— Сэр Генри, тогда, если я вас верно понимаю, именно молодой мистер Темплтон единственный, кто не дает вам покоя?

— Да, в известном смысле. В теории ко всем четверым следует подходить одинаково, но на практике это не тот случай. Вот, например, Доббс: подозрение может пасть и на него, но, на мой взгляд, это практически не окажет влияния на его карьеру. Никому в деревне никогда и в голову

не придет, что смерть старого доктора Розена была не просто несчастным случаем. Гертруда немногим более уязвима. Подозрение должно, например, изменить отношение к ней фрейлейн Розен. Но, вероятно, это не имеет для нее особого значения.

Что до Греты Розен, то здесь мы подходим к наиболее сложному моменту этого дела. Грета — девушка весьма симпатичная. И Чарльз Темплтон — молодой человек приятной наружности. Пять месяцев они были предоставлены друг другу при полной изоляции от внешнего мира. Случилось неизбежное. Они влюбились друг в друга, хотя и не успели еще объясниться.

А затем случилось несчастье, и вот теперь, спустя три месяца с небольшим после того, как я возвратился, Грета Розен пришла повидаться со мной. Она продала коттедж и возвращалась в Германию, уладив наконец все дела дяди. Она пришла именно ко мне, хотя знала, что я вышел в отставку. Хотела меня увидеть по личному вопросу. Не сразу, но к концу беседы она рассказала все. Спросила, что я думаю о том письме с немецкой маркой, — она беспокоилась о нем, ее смущало, что Чарльз порвал его. Все ли в порядке? Несомненно, все *должно* быть в порядке. Конечно, она

верит ему, но... О, если бы она только *знала!* Если бы знала — наверняка...

Вы понимаете? Возникает желание доверять, но вместе с тем ужасное потаенное подозрение цепко охватывает ваше подсознание и настойчиво напоминает о себе. Я спросил Грету, не была ли она неравнодушна к Чарльзу и он к ней.

«Думаю, да, — сказала она. — О да, конечно да. Мы были так счастливы! Мы поняли — мы оба поняли. Мы не спешили: впереди было столько времени. Еще бы немного, и он сказал бы, что любит меня, а я бы сказала ему, что я — тоже. А! Но вы догадываетесь... и теперь все не так. Черная кошка пробежала между нами — у нас натянутые отношения, не знаем, что сказать при встрече. Может быть, с ним то же самое, что со мной... Мы оба говорим: «Если бы *не сомневаться!..*» Вот почему я умоляю вас, сэр Генри, скажите мне: «Можете быть уверены: кто бы ни совершил убийство вашего дяди, это не Чарльз Темплтон!» Скажите же! Я умоляю, я умоляю вас!»

Я не мог ей этого сказать. Эти двое будут все дальше и дальше друг от друга, и им никогда не избавиться от взаимного подозрения.

Сэр Генри откинулся на спинку стула, его потемневшее лицо казалось усталым.

— И ничего больше не сделать, если... — Он снова уселся прямо, и легкая улыбка промелькнула на его лице. — Если нам не поможет мисс Марпл. Что вы скажете, мисс Марпл? У меня такое предчувствие, что это письмо о церковном собрании по вашей части. Не напомнит ли оно вам кого-нибудь или что-нибудь, что значительно упростит дело? Не сможете ли вы помочь чем-нибудь двум молодым людям, оказавшимся в безвыходном положении? Они могли бы быть так счастливы!

В игривости его обращения прозвучали и серьезные нотки. Ведь он высоко ценил своеобразные способности этой старомодной одинокой леди. Он взглянул на нее с некоторой надеждой.

Мисс Марпл кашлянула и поправила кружева.

— Это мне несколько напоминает Энни Поултни, — призналась она. — Конечно, с письмом все совершенно ясно и для миссис Бантри, и для меня. Вы все время живете в Лондоне, и вы не садовник, сэр Генри, вам этого не заметить.

— Э... заметить? — Сэр Генри был озадачен. — Что же заметить?

Миссис Бантри протянула руку, взяла каталог и с удовольствием принялась читать:

«ДОКТОР ГЕЛЬМУТ СПАТ. Чисто-сире-

невый, удивительно изящный цветок с исключительно длинным и крепким стеблем. Хорош для срезки и для украшения сада».

«ЭДГАР ДЖЕКСОН. Красивый хризантемовидной формы цветок четко выраженного красно-кирпичного цвета».

«АМОС ПЕРРИ. Ярко-красный, чрезвычайно декоративен».

«ЦИНДАО. Яркий оранжево-красный, эффектный декоративный садовый цветок, долго сохраняется в срезанном виде».

«ЧЕСТНОСТЬ...»

— С большой буквы Ч, вы припоминаете? — буркнула мисс Марпл.

«ЧЕСТНОСТЬ. Розовых и белых оттенков, крупный цветок прекрасной формы».

— На английском их начальные буквы образуют слово «смерть», — объяснила мисс Марпл.

Миссис Бантри захлопнула каталог и громко произнесла:

– *Георгина!*

— Но письмо пришло самому мистеру Розену, — сказал сэр Генри.

— В этом заключалась хитрость, — сказала мисс Марпл. — Да к тому же еще и предостережение в нем. Что он станет делать с письмом от неизвестного человека с незнакомыми ему именами? Конечно же пихнет своему секретарю.

— Тогда, значит...

– *О нет!* — прервала мисс Марпл. — Именно поэтому и становится совершенно ясно, что это *не он.* Иначе он бы никогда не допустил, чтобы это письмо было обнаружено. И равно ни за что не уничтожил бы письма на свое имя с немецкой маркой. В самом деле, его невиновность — если позволите так выразиться — просто *сияет.*

— Тогда кто...

— Собственно, я почти полностью уверена, насколько можно быть в чем-то уверенным на этом свете... За столом во время завтрака была еще одна персона, и она, что вполне естественно в подобных обстоятельствах, протянула руку, взяла и прочитала письмо. И в этом, вероятно, все дело. Вы помните, что она получила каталог садовода с той же почтой?

— Грета Розен, — медленно произнес сэр Генри. — Так, значит, ее визит ко мне...

— Джентльмену никогда не понять таких вещей, — сказала мисс Марпл. — И боюсь, что они зачастую думают, будто мы, старухи-язвы, что ли, смотрим на все не так. Но вот вам. Прекрасно знаем свою сестру... к несчастью. Я не сомневаюсь, что между ними возник барьер. Молодой человек неожиданно почувствовал безотчетную антипатию. Подозрение возникло чисто интуитивно, но он не смог скрыть его. Я думаю, что на самом деле девица явилась к вам просто в *отместку.* Она практически ничем не рисковала. Она не поленилась укрепить ваши подозрения относительно бедного мистера Темплтона. Вы ведь не были так твердо уверены, пока она не пришла.

— Но на самом деле она ничего такого не сказала... — начал было сэр Генри.

— Джентльмену, — невозмутимо повторила мисс Марпл, — никогда не понять таких вещей.

— И эта девица... — Он запнулся. — Хладнокровно совершает убийство, и ей хоть бы что!

— О нет, сэр Генри, — сказала мисс Марпл. — Не хоть бы что. Ни вы, ни я так не считаем. Вспомните, вспомните, что вы сказали не так давно. Нет, Грета Розен не минует наказания. Уже одно то, что ей приходится иметь дело со всяким сбродом — шантажистами, террористами, — не принесет

ей ничего хорошего. И вообще такие знакомства, скорее всего, приведут к печальному концу. Как вы сказали, не стоит думать о виновных. Кто не виновен — вот что важно. Мистер Темплтон, который, позволю себе сказать, собирался жениться на этой кузине-немке, порвал ее письмо, и это выглядит в известном смысле *подозрительно.* Да он просто опасался, что другая девушка заметит письмо или даже попросит прочитать. Я думаю, здесь был какой-то маленький роман. Затем — Доббс: смею сказать, как вы уже заметили, для него это не так важно. Завтрак в одиннадцать — вероятно, больше его ничто не волнует. Затем эта бедняжка старая Гертруда, напомнившая мне Энни Поултни. Бедная Энни Поултни! Пятьдесят лет верной службы, и быть заподозренной в том, что она уничтожила завещание мисс Лэмб, хотя ничего нельзя было доказать. Пожалуй, это и подорвало верное сердце несчастной. А потом, после ее смерти, завещание обнаружилось в потайном ящике буфета, куда старая мисс Лэмб сама положила его для сохранности. Но для бедной Энни Поултни было уже поздно.

Поэтому я и беспокоюсь о бедной старой немке. Когда человек стар, его очень легко обидеть. Я гораздо больше жалею Гертруду, чем мистера

Темплтона: он молод и хорош собой и, очевидно, пользуется успехом у дам. Вы ведь напишете ей, сэр Генри? Сообщите, что ее невиновность полностью доказана? Ее дорогой старый хозяин умер, она, без сомнения, терзается и чувствует, что ее подозревают... О! Невыносимо подумать!

— Непременно напишу, мисс Марпл, — заверил сэр Генри и внимательно посмотрел на нее. — Вы знаете, никогда вас до конца не пойму. Вы всегда находите неожиданный подход.

— Мой подход, боюсь, бывает очень примитивен, — смиренно сказала мисс Марпл. — Я ведь почти не выезжаю из Сент-Мэри-Мид.

— И все же вы разрешили, можно сказать, международную загадку. Вы разрешили ее. Я в этом уверен.

Мисс Марпл бросило в краску, потом она немного овладела собой:

— Я считаю, что, по понятиям моего времени, получила хорошее образование. У нас с сестрой была гувернантка-немка — фрейлейн. Очень сентиментальное существо. Она учила нас языку цветов — забытый теперь предмет, но такой очаровательный! Желтый тюльпан, например, означает безнадежную любовь, китайская астра — «умираю от ревности у ваших ног». То письмо

подписано «Георгина», что, насколько я помню, на немецком Dahlia, и это все объясняло. Как бы я хотела вспомнить, что же означает Dahlia, но, увы, не могу. Память не та, что прежде.

— Во всяком случае, оно не означает смерть.

— Нет, конечно нет. Ах как жаль! Есть на свете неприятные вещи.

— Есть, — вздохнула миссис Бантри. — Но хорошо, когда есть цветы и друзья.

— Заметьте, мы идем во вторую очередь, — попытался разрядить обстановку доктор Ллойд.

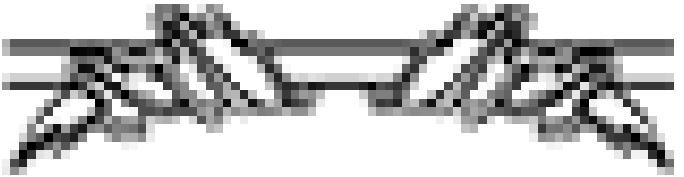
— Бывало, каждый вечер поклонник присылал мне багровые орхидеи, — мечтательно произнесла Джейн.

— «Ожидаю вашей благосклонности» — вот что это означает, — весело сказала мисс Марпл.

Сэр Генри как-то по-особому кашлянул и отвернулся. Мисс Марпл вдруг осенило:

— Вспомнила! Dahlia значит предательство и обман.

— Замечательно! Просто замечательно! — сказал сэр Генри и вздохнул.



Глава 10

ТРАГЕДИЯ ПОД РОЖДЕСТВО

— Я должен пожаловаться, — с улыбкой произнес сэр Генри Клитеринг.

Он оглядел собравшихся. Полковник Бантри нахмурился, как провинившийся на параде солдат. Его жена украдкой рассматривала каталог цветных луковиц, доставленный с последней почтой. Доктор Ллойд с нескрываемым восхищением смотрел на молодую, красивую актрису Джейн Хельер. А та сосредоточенно разглядывала свои

покрытые розовым лаком ногти. Только мисс Марпл, восседавшая прямо и чинно, внимательно слушала Клитеринга.

— Пожаловаться? — переспросила она.

— Да. И очень серьезная жалоба. В нашей компании шесть человек: трое мужчин и три женщины. И я протестую от имени эксплуатируемых мужчин. Мы сегодня выслушали три истории, и все три были рассказаны мужчинами! Я протестую! Дамы тоже должны внести свой достойный вклад.

— О! — возмутилась миссис Бантри. — Разве мы не внесли своего вклада? Мы с таким вниманием слушали вас и выражали свое восхищение. Мы проявили истинно женскую скромность, не стремясь блистать в огнях рампы!

— Отличное оправдание, — заметил сэр Генри. — Но все же этого мало. Существует великолепный прецедент: «Тысяча и одна ночь». Вперед же, Шехерезада!

— Вы имеете в виду меня? — спросила миссис Бантри. — Но я не представляю, что вам рассказать. Я не имела дела с кровавыми и таинственными происшествиями.

— Ну, я не настаиваю на крови, — заметил сэр Генри. — Однако уверен, что у одной из трех дам

есть примечательная история. Прошу вас, мисс Марпл: «Происшествие с прислугой» или «Загадка собрания матерей». Не разочаровывайте меня в Сент-Мэри-Мид.

Мисс Марпл покачала головой:

— Нет ничего для вас интересного, сэр Генри. У меня, конечно, есть маленькие загадки. Например, куда девалась банка только что купленных креветок? Но это не подойдет, потому что не слишком таинственно, хотя и проливает свет на человеческую природу.

— Да, вы, мисс Марпл, в свое время научили меня понимать тонкости человеческой натуры, — многозначительно произнес сэр Генри.

— А как вы, мисс Хельер? — спросил полковник Бантри. — У вас в жизни наверняка были интересные случаи?

— Да, конечно, — поддержал доктор Ллойд.

— Я? — удивилась Джейн. — Вы думаете... а... о чем-нибудь, что случилось со мной?

— Или с кем-нибудь из ваших знакомых, — добавил сэр Генри.

— О! — воскликнула Джейн. — Я думаю, что со мной никогда ничего подобного не случалось. Конечно, цветы... странные послания, но ведь это только поклонники, не так ли? Не думаю...

нет... — И она замолчала.

— Что ж, видимо, придется послушать сказание о креветках, — усмехнулся сэр Генри. — Прошу вас, мисс Марпл.

— До чего же вы любите пошутить, сэр Генри. Креветки — это сущие пустяки. Но вот я *вспомнила* одно происшествие. Даже не происшествие, а нечто более серьезное — трагедию. Я была некоторым образом замешана в ней. И никогда не пожалею о том, что приняла в ней посильное участие. Правда, трагедия эта произошла не в Сент-Мэри-Мид...

— Вы меня разочаровываете, — сказал сэр Генри. — Но я приложу все силы и преодолею разочарование, ибо знаю, что на вас можно положиться.

Он сел поудобнее и приготовился слушать. Мисс Марпл с волнением продолжала. Легкий румянец покрыл ее щеки.

— Постараюсь изложить все как следует, хотя знаю, что часто бываю *непоследовательной*, ухожу от сути и сама того не замечаю... Иногда трудно вспомнить все факты, да еще и передать их в нужном порядке. Прошу вас не роптать, если окажусь плохим рассказчиком, ведь уже столько времени прошло с тех пор... Итак, эта история.

Она, собственно, имела отношение к «Гидро».

— Вы имеете в виду гидроплан? — широко раскрыв глаза, спросила Джейн Хельер.

— Как? Вы не знаете, дорогая? — удивилась миссис Бантри. — Такой милый курортный городок![48]

А ее муж добавил:

— Отвратительное место, ужасное. Надо рано по утрам подниматься, пить преневкуснейшую воду. Множество старух... неизбежные сплетни... Боже, как только вспомню...

— Однако, Артур, — заметила миссис Бантри, — тебе ведь тамошнее лечение очень помогло.

— Повсюду сидят старухи и сплетничают, — продолжал ворчать полковник Бантри.

— Боюсь, это правда, — согласилась мисс Марпл. — Я сама...

— Дорогая мисс Марпл! — в ужасе воскликнул полковник. — Я и в мыслях не имел...

Легким жестом руки мисс Марпл остановила его:

— Да, это *правда,* полковник Бантри. Только я хочу сказать кое-что в их защиту. Сплетничают,

---

[48] notes: 48

К е с т е н - С п а - Г и д р о — слившиеся воедино курортные городки, известные своими минеральными водами; в данном случае «Гидро» — еще и название пансионата, где происходит действие.

вы говорите, да ведь так оно и есть. И людям это очень не нравится, особенно молодым. Мой племянник, который пишет очень умные книжки, крайне *зло* высказывается о тех, кто чернит окружающих, не располагая доказательствами. «Как это безнравственно», — твердит он. И тому подобное. Но вот что я вам скажу: *вся закавыка в том,* что то, что молодые люди называют сплетнями, оказывается *правдой!* Если бы они задались целью проанализировать факты, то обнаружили бы, что в девяти случаях из десяти это правда! Как раз это и не нравится молодым.

— Правда по наитию, — улыбнулся сэр Генри.

— Нет, нет, совсем не то! На самом деле это результат житейского опыта. Египтолог, если показать ему какую-нибудь любопытную маленькую толкушку, может определить по виду и на ощупь, к какому тысячелетию до нашей эры она принадлежит и не является ли бирмингемской подделкой. Однако ученый не всегда может сослаться на определенное правило. *Он просто знает,* так как всю жизнь имел дело с подобными вещами.

Вот это-то я и пытаюсь вам объяснить. «Лишние женщины», как называет их мой племянник, располагают временем, а обычно их главный

вопрос — *люди.* Вот почему они становятся своеобразными *экспертами.* Молодежь теперь вовсю рассуждает о вещах, которых в моей юности не было и в помине, но, с другой стороны, рассуждает ужасно наивно. Она верит всему и всем. А если попытаешься как-то осторожно предостеречь молодых, то в ответ услышишь, что у нас викторианское мышление, а это, уверяют они, все равно что *канализационная труба.*

— В конце концов, что плохого в *канализационной трубе*, — резюмировал сэр Генри.

— Вот именно, — согласилась мисс Марпл. — Очень нужная вещь в доме, ну, конечно, отнюдь не романтическая. Теперь надо признаться, что и я не лишена *самолюбия* и меня иногда больно задевают необдуманные замечания. Знаю, джентльмены не интересуются домашними делами, но все же не могу не упомянуть о своей горничной — Этель, хорошенькой и услужливой девице. Как только я увидела ее, тотчас поняла, что это тот же самый тип, что и Анни Вебб, дочка бедной миссис Брютт. Такие не различают *своего* и *чужого.* Так вот, я дала ей месяц на подыскание места и отказалась от ее услуг. А в рекомендации ей написала, что она честная и скромная. Однако старушку миссис Эдвард я предупреди-

ла, что не стоит брать ее в дом. Мой племянник Реймонд был просто вне себя. Он сказал, что это беспринципный поступок. Да, *беспринципный!* В результате эта Этель поступила к леди Эштон, которую я не сочла обязанной предупреждать. И что получилось? Все кружева с нижнего белья срезаны, две брошки с бриллиантами исчезли, а сама девица среди ночи улизнула — только ее и видели!

Глубоко вздохнув, мисс Марпл замолчала, потом продолжала:

— Вы скажете, что данный случай не имеет никакого отношения к тому, что произошло в Кестен-Спа-Гидро. Но это не совсем так. Он объясняет, почему я, едва увидев чету Сандерсов, сразу почувствовала, что муж хочет избавиться от жены.

— О-о? — удивился сэр Генри и подался вперед.

Мисс Марпл с невозмутимым видом повернулась к нему:

— Да-да, сэр Генри, у меня не было никаких сомнений. Мистер Сандерс — крупный, интересный, цветущий мужчина, вызывавший у всех симпатию. Его манеры говорили о хорошем воспитании. Он очень любезно обращался со своей супругой. Но я-то знала: он задумал избавиться

от нее!

— Дорогая мисс Марпл...

— Да, знала. Вот и племянник мой, Реймонд Вест, он бы тоже сказал, что у меня нет и намека на доказательство. Но я вспомнила Волтера Хоунса, который держал «Зеленого человека». Однажды вечером он с женой возвращался домой. Она упала в реку, а *он* получил за нее страховку! Я знаю и других людей, которые до сего дня безнаказанно благоденствуют. Вот пример: человек нашего круга отправился летом с женой в Швейцарию побродить по горам. Я предупреждала ее, что не надо ехать. Бедняжка только посмеялась. Ей показалось забавным, что какая-то старушенция со странностями позволяет себе говорить такие вещи о ее Гарри. Ну вот и произошел несчастный случай. Гарри теперь женат на другой. А что я могла *сделать?* Ведь доказательств у меня не было.

— О, мисс Марпл! — воскликнула миссис Бантри. — Неужели вы и в самом деле думаете...

— Дорогая моя, такие вещи действительно происходят. И очень часто. Джентльмены легко поддаются искушению. Так заманчиво осуществить задуманное, когда все можно представить несчастным случаем. Насчет Сандерсов, повто-

ряю, я поняла сразу. Дело было в трамвае. Внутри полно народу, и мне пришлось подняться наверх. Мы приготовились выходить, и тут мистер Сандерс потерял равновесие и упал на свою жену, толкнул ее, и она полетела вниз по лестнице. К счастью, кондуктором оказался сильный молодой человек. Он подхватил ее.

— Но это же действительно несчастный случай!

— Конечно, можно и так подумать. Что могло еще более походить на несчастный случай? Но мистер Сандерс, как он мне сам рассказывал, служил в торговом флоте. А человек, который в состоянии держаться на раскачивающейся палубе, не потеряет равновесия и в трамвае, если такая пожилая женщина, как я, не теряет его. Такого быть не может!

— Значит, вы уже тогда пришли к определенному выводу, — сказал сэр Генри.

Мисс Марпл кивнула:

— О да! Я была вполне уверена, а вскоре еще одно происшествие при переходе улицы уже не оставило места никаким сомнениям. И вот, сэр Генри, что, по-вашему, я могла сделать? Довольная жизнью, счастливая молодая женщина... а я знаю, что ее скоро убьют...

— Дорогая, вы меня удивляете.

— Это оттого, что, как и большинство людей в наше время, вы не хотите смотреть фактам в лицо. В вас глубоко сидит убеждение, что такого не может быть. Но вот случилось, и я это предвидела. К сожалению, человек очень ограничен в своих действиях! Я не могла, например, пойти в полицию. А предостерегать молодую женщину было тоже бесполезно: она беспредельно доверяла своему мужу. Я просто решила узнать как можно больше об этой паре. Когда сидишь с рукоделием у камина, это не так трудно. Миссис Сандерс (Глэдис ее звали) — хрупкая, довольно бледная блондинка с большим узлом волос на затылке. Она только того и ждала, чтобы поболтать. Оказалось, они недавно поженились. Муж должен был вскоре получить наследство, но пока они обеспечены были плохо. По существу, молодые жили на ее небольшой доход. Дело известное. Она сетовала, что не может воспользоваться капиталом. Как будто кто-то предчувствовал неладное! Но деньги принадлежали ей, она даже могла их завещать. Я выяснила это. Глэдис и ее муж сразу после свадьбы составили завещание в пользу друг друга. Очень трогательно. «Конечно, когда Джек приведет дела в порядок...» — только и говорила она.

Между тем они, конечно, испытывали трудности. Снимали одну комнату на верхнем этаже, там, где прислуга, к тому же опасно, если пожар. Правда, на этот случай был запасной выход — прямо у их окна наружная лестница. Я осторожненько поинтересовалась, нет ли балкона. Очень опасны эти балконы. Толкнул и... вы понимаете?

Я добилась от нее обещания не выходить на балкон: сказала, что видела сон. Это произвело на нее впечатление: суеверие иногда может очень помочь. Очень бесхитростная, она пересказала все, что я говорила, мужу. Я заметила, что несколько раз он довольно странно посмотрел на меня. По-видимому, он *помнил,* что я была в том трамвае.

Я не могла придумать, как сорвать его замысел, и это мучило меня. Предотвратить роковые события в «Гидро» можно было, просто сказав Сандерсу пару слов, и, вероятно, он на время отложил бы исполнение своего плана. И я пришла к выводу, что единственное средство разоблачить его — это устроить ловушку: заставить его совершить покушение, но таким способом, который бы я сама для него выбрала. Тогда он не сумел бы утаить своих действий, и Глэдис, каким бы это потрясением для нее ни было, узнала бы всю

правду.

— Поразительно! — сказал доктор Ллойд. — Что же вы такое придумали?

— Была у меня задумка... Но этот человек перехитрил меня. Он не стал медлить и нанес удар. Он понял, что я жду очередного «несчастного случая», и решил «разыграть убийство».

Все вздохнули. Мисс Марпл поджала губы.

— Боюсь, я рассказала довольно сумбурно. Постараюсь дальше изложить все возможно точнее. Я никогда не испытывала желания вмешиваться в подобные вещи. Наверное, мне бы даже следовало их избегать. Но, несомненно, провидению оказалось виднее. Во всяком случае, я сделала все, что могла!

Появилось безотчетное ощущение страха перед чем-то неведомым. Что-то словно нависло над всеми нами. Предчувствие несчастья. Началось с Джорджа, швейцара. Бронхит, пневмония, скончался на четвертый день. Тяжелый удар для всех. За четыре дня до Рождества. Потом — одна из горничных, такая милая девушка, уколола палец, заражение крови; в течение суток ее не стало.

Я сидела в гостиной с мисс Троллоп и миссис Карпентер. Миссис Карпентер, смакующая эти печальные события, была просто отвратительна.

«Помяните мое слово, — говорила она, — *это не конец.* Бог любит троицу. Будет еще одна смерть. Можете не сомневаться. *Долго ждать не придется».*

И едва она произнесла эти слова, в дверях появился мистер Сандерс. Лишь на мгновение он потерял бдительность, и меня поразило выражение его лица. Все стало ясно. До конца дней никто не разуверит меня, что именно слова миссис Карпентер подтолкнули его.

Сандерс вышел на середину комнаты и со своей обычной приветливой улыбкой спросил:

«Не надо ли дамам что-нибудь купить к Рождеству? Я скоро поеду в Кестон».

Он постоял еще минуты две и вышел. Я уже говорила, что была очень обеспокоена. Я тут же спросила:

«Где миссис Сандерс?»

Мисс Троллоп ответила, что Глэдис уехала к своим друзьям, неким Мортимерам, на бридж. На время я немного успокоилась, но все же меня не оставляла мысль: необходимо что-то предпринять. Через полчаса я отправилась в свою комнату. На лестнице повстречала доктора Коулза, моего лечащего врача, который спускался вниз, и, поскольку мне захотелось проконсуль-

тироваться у него по поводу моего ревматизма, я пригласила его к себе. Он сообщил мне по секрету о смерти бедняжки Мэри. «Управляющий не хочет огласки, — заметил он, — и просил сохранить это в тайне». Конечно, я не стала огорчать его, ведь едва бедная девушка сделала последний вздох, мы ни о чем другом больше и не говорили. Такие вещи сразу становятся известны, и человек с его опытом должен был это прекрасно знать. Но доктор Коулз был бесхитростным малым и все принимал за чистую монету. Он обмолвился, когда уходил, что Сандерс просил его осмотреть жену. Ей, мол, последнее время нездоровится. Несварение желудка и тому подобное.

А именно в этот самый день Глэдис Сандерс говорила мне, что у нее, слава богу, с желудком все в порядке.

Вы понимаете? Мои подозрения насчет этого человека усилились во сто крат. Он готовил путь. Но для чего?.. Доктор Коулз ушел, прежде чем я успела поделиться с ним. Хотя, собственно, если бы я обратилась к нему, что я ему сказала бы? Когда я вышла из комнаты, Сандерс собственной персоной спускался по лестнице. Он был одет на выход и снова спросил меня, не нужно ли что-нибудь в городе. Все, что я могла, — это удержаться

в рамках приличия. Я прошла в холл и заказала чаю. Было, я помню, ровно половина шестого.

Очень хочется как можно подробнее передать последующие события. Без четверти семь, когда я все еще находилась в холле, вошел мистер Сандерс и с ним два джентльмена. Все трое были, что называется, несколько навеселе. Мистер Сандерс, оставив друзей, направился прямо к нам с мисс Троллоп. Он объяснил, что хочет посоветоваться насчет рождественского подарка для жены. Речь шла о театральной сумочке.

«Видите ли, — сказал он, — я всего лишь простой матрос. Что я понимаю в таких вещах? Мне предложили целых три на выбор, и я хочу услышать мнение экспертов».

Мы сказали, что будем рады помочь, и он попросил, если это не затруднит нас, подняться наверх, потому что в любой момент может возвратиться жена.

Мы пошли с ним. Никогда не забуду, что произошло потом. До сих пор помню, как у меня затряслись руки.

Мистер Сандерс раскрыл дверь спальни и включил свет. Не знаю, кто первым из нас увидел это... *Миссис Сандерс лежала на полу, лицом вниз...*

Я подошла к ней, опустилась на колени, взяла

за руку, чтобы пощупать пульс. Бесполезно. Рука была холодной. Около головы лежал чулок, наполненный песком, — предмет, которым ей нанесли удар. Мисс Троллоп, глупое создание, все плакала и плакала у дверей. Сандерс отчаянно закричал: «Моя жена! Моя жена!» — и бросился к ней. Я не позволила ему дотронуться до нее. Вы понимаете, я была уверена, что это его рук дело. Может быть, он хотел что-то убрать или спрятать.

«Трогать ничего нельзя, — сказала я. — Возьмите себя в руки, мистер Сандерс. Мисс Троллоп, пожалуйста, идите вниз и позовите хозяина».

Я стояла на коленях возле тела и не собиралась оставлять Сандерса одного. Но все же я вынуждена была признать, что если этот человек играл, то играл блестяще. Он выглядел потрясенным и напуганным до безумия.

Хозяин тут же явился. Он быстро осмотрел комнату, выставил нас всех, запер дверь, а ключ забрал себе. Потом ушел звонить в полицию. Казалось, прошла вечность, прежде чем они приехали. Потом мы узнали, что линия была не в порядке, и хозяину пришлось послать нарочного в полицейский участок, а «Гидро» находится порядочно от города, у самой вересковой пу-

стоши. Миссис Карпентер довела всех нас до изнеможения, постоянно подчеркивая свою проницательность. Ведь поговорка «Бог троицу любит» оправдалась так скоро. Сандерс бродил по саду, схватившись за голову, он изображал неутешное горе.

Наконец полиция приехала. Они поднялись наверх с хозяином и мистером Сандерсом. Потом послали за мной. Инспектор сидел за столом и писал. Это был интеллигентного вида мужчина, и он мне понравился.

«Мисс Джейн Марпл?» — спросил он.

«Да».

«Как я понял, мадам, тело было обнаружено в вашем присутствии?»

Я подтвердила, что присутствовала, и описала в точности, что произошло. Думаю, что найти кого-то, кто мог бы ответить на вопросы так четко, было большой радостью для бедняги, поскольку до этого ему пришлось иметь дело с Сандерсом и Эмили Троллоп, которая, по-моему, была совершенно деморализована: еще бы, такое глупое существо! Помню, моя дорогая мамочка говорила: порядочная дама всегда должна уметь держать себя на людях и не обнаруживать свои переживания.

— Замечательный афоризм, — мрачно заметил сэр Генри.

— Когда я закончила, инспектор сказал: «Благодарю вас, мадам. Боюсь, я должен попросить вас еще зайти в комнату. Точно ли в том положении находится тело? Не передвинули ли его?»

Я объяснила, что помешала Сандерсу сделать это, и инспектор одобрительно кивнул головой.

«Похоже, джентльмен ужасно расстроен», — заметил он.

«Похоже — да», — ответила я.

Не думаю, чтобы я особенно выделила слово «похоже», но инспектор посмотрел на меня с интересом.

«Итак, тело находится на том же самом месте, где и было обнаружено?» — переспросил он.

«Да, кроме шляпки», — ответила я.

Инспектор живо взглянул на меня:

«Что значит — кроме шляпки?»

Я объяснила, что шляпка была у бедняжки Глэдис на голове, а теперь лежит рядом. Я, конечно, посчитала, что это сделала полиция. Инспектор, однако, решительно отверг мое предположение: они ничего не трогали. Он стоял и смотрел на лежащее вниз лицом тело. Глэдис была в верхней одежде — в темно-красном твидовом пальто с

серым меховым воротником. Довольно дешевая шляпка из красного фетра лежала как раз у ее головы.

Озадаченно нахмурившись, инспектор молчал. Потом его осенило:

«Вы, случайно, не помните, мадам, были ли в ушах покойной сережки? И носила ли она их вообще?»

К счастью, у меня привычка все внимательно рассматривать. Я вспомнила, что из-под полей шляпки поблескивали жемчужинки. Правда, я тогда не придала этому особого значения.

«Тогда все понятно. Кто-то рылся в шкатулке с драгоценностями покойной, хотя, как я думаю, особых ценностей там не было... а с пальцев сняли кольца. Убийца, должно быть, забыл про сережки и вернулся за ними. Хладнокровный тип! Или, может быть... — Он внимательно оглядел комнату и медленно произнес: — Может быть, он и сейчас прячется тут?»

Но я отвергла эту мысль:

«Я лично заглянула под кровать. Хозяин раскрывал дверцы гардероба. Больше человеку прятаться негде. Правда, отделение для шляп в середине гардероба было заперто. Но оно слишком мало, да еще с полками, кто там мог спрятать-

ся?»

Инспектор медленно кивал, пока я ему все это объясняла.

«Я верю вам, мадам, — сказал он. — В таком случае он, должно быть, возвратился. Весьма хладнокровный тип».

«Но хозяин запер дверь и забрал ключ!»

«Это ничего не значит. Балкон, пожарная лестница — вот как пробрался вор. Вполне вероятно, что вы ему помешали. Он выскользнул в окно, а когда все ушли, вернулся и продолжил свое дело».

«Вы уверены, что *это был вор?*» — спросила я.

«А разве не похоже?» — сухо заметил он.

И что-то в его тоне успокоило меня. Я почувствовала, что он не будет слишком серьезно воспринимать мистера Сандерса в роли безутешного вдовца.

Видите ли, я, откровенно признаюсь, была абсолютно убеждена в своем мнении. Я знала, что этот Сандерс намеревается убить свою жену. И никак не могла принять случившееся за необыкновенное, прямо-таки фантастическое совпадение. Мое представление о мистере Сандерсе было *абсолютно верным:* это был негодяй. Однако, хотя его притворная скорбь ни на минуту не ввела меня

в заблуждение, я прекрасно помню, что тогда он удивительно хорошо разыграл свою роль и чувства его казались совершенно неподдельными.

Должна признаться, что после разговора с инспектором у меня появились кое-какие сомнения. Ведь если Сандерс совершил эту отвратительную вещь, что заставило его лезть назад по пожарной лестнице и вынимать сережки из ушей жены? Это был неразумный поступок, а Сандерс был достаточно *умным* человеком, именно поэтому-то я и считала его таким опасным.

Мисс Марпл оглядела слушателей:

— Вы, наверное, догадываетесь, к чему я веду? Как часто в этом мире происходит самое неожиданное. Я была абсолютно *уверена,* думаю, это меня и ослепило. Результат оказался для меня потрясающим. *Было неопровержимо доказано, что мистер Сандерс никак не мог совершить преступление...*

Вздох изумления вырвался у миссис Бантри. Мисс Марпл повернулась к ней:

— Знаю, дорогая, вы совсем не этого ожидали, но факты — вещь упрямая. И если доказано, что вы ошибаетесь, надо просто смириться и начать сначала. Я была уверена, что мистер Сандерс — убийца, и ничто не могло поколебать моего

убеждения.

А теперь, я думаю, вы хотите узнать эти самые факты. Миссис Сандерс, как вам уже известно, проводила день с друзьями, некими Мортимерами, за игрой в бридж. Она ушла от них приблизительно в четверть седьмого. От дома Мортимеров до «Гидро» четверть часа ходьбы, а если идти быстрым шагом, то и меньше. Значит, она вернулась около шести тридцати. Никто не видел, как она возвратилась, так что, вероятно, она вошла через боковую дверь и быстро прошла в свою комнату. Она переоделась: коричневые пиджак и юбка, в которых она уходила играть в бридж, висели в гардеробе. Очевидно, она снова намеревалась выйти, когда на нее обрушился удар. Возможно, она так и не узнала, кто ее ударил. Чулок с песком, как я понимаю, очень эффективная вещь. Похоже было, что убийца прятался в комнате в одном из больших стенных шкафов, который она не открывала.

Теперь о том, что делал мистер Сандерс. Он вышел, как я говорила, приблизительно в пять тридцать или немного позднее. Сделав в нескольких магазинах покупки, он примерно в шесть часов пришел в отель «Гранд Спа», где повстречал двух друзей. Они поиграли там на бильярде и, я

полагаю, как следует выпили виски с содовой. Эти двое (их фамилии Хичкок и Спендер) фактически были с Сандерсом начиная с шести часов. Они все вместе вернулись в «Гидро». Когда он обратился к нам с мисс Троллоп, было без четверти семь. В это время его жена уже была убита.

Надо вам сказать, что я сама побеседовала с этими его друзьями. Они мне не понравились: какие-то неприятные, невоспитанные, но в одном я была совершенно уверена: они говорили абсолютную правду, когда утверждали, что Сандерс все время был с ними.

Выяснилась еще одна деталь. Оказывается, во время игры в бридж миссис Сандерс позвали к телефону. С ней пожелал говорить какой-то мистер Литтлворт. Она, казалось, была польщена и взволнована чем-то и, между прочим, сделала в игре несколько серьезных ошибок. Она ушла намного раньше, чем ожидали хозяева.

Мистера Сандерса спрашивали, знает ли он среди друзей жены некоего Литтлворта. Он заявил, что никогда не слышал такого имени. А мне, судя по поведению его жены, было совершенно ясно, что ей, по всей видимости, тоже не было известно это имя. Тем не менее она возвратилась от телефона улыбающаяся и покрасневшая. Так

что похоже, будто этот кто-то не назвал своего настоящего имени, и это само по себе подозрительно, не так ли?

Как бы то ни было, проблема оставалась нерешенной. Версия об ограблении казалась маловероятной, но появилась альтернативная версия: миссис Сандерс готовилась выйти кого-то встретить. Не забрался ли этот «кто-то» по пожарной лестнице к ней в комнату? Не произошла ли ссора или он вероломно напал на нее?

Мисс Марпл замолчала.

— Ну? — спросил сэр Генри. — Каков же ответ?

— Интересно, не догадается ли кто-нибудь сам?

— У меня это всегда плохо получалось, — призналась миссис Бантри. — Как жаль, что у Сандерса такое замечательное алиби. Если оно вас удовлетворяет, значит, с ним все в порядке.

Джейн Хельер повернула свою красивую головку.

— Почему было заперто отделение для шляп? — спросила она.

— Какая вы умница, моя дорогая, — умилилась мисс Марпл. — Как раз над этим я и задумалась. Хотя объяснение оказалось очень простым: там находились пара шлепанцев и носовые платки,

которые бедняжка вышивала мужу к Рождеству. Вот почему она заперла шкаф. Ключ обнаружили у нее в сумочке.

— О! — сказала Джейн. — Тогда это неинтересно.

— Отчего же? — возразила мисс Марпл. — Это как раз по-настоящему важная деталь. Именно она и нарушила планы убийцы.

Все взоры обратились к мисс Марпл.

— Я сама два дня не могла понять, в чем тут дело, — сказала она. — Я ломала, ломала голову, а потом — раз! И все ясно. Я пошла к инспектору и попросила его кое-что попробовать, и он сделал это.

— Что вы попросили его попробовать?

– *Я попросила его надеть шляпку на голову бедняжки,* и он, конечно, не смог. *Это была не ее шляпка,* вы понимаете?

Миссис Бантри широко раскрыла глаза:

— Но ведь сначала она была у нее на голове?

— Не на *ее* голове...

Мисс Марпл остановилась, чтобы дать слушателям возможность осмыслить ее слова.

— Мы настолько не сомневались, что в комнате лежало тело бедняжки Глэдис, что так и не взглянули на лицо. Она лежала лицом вниз, помните?

— Но она *была убита?*

— Да. Позже. В тот момент, когда звонили в полицию, Глэдис Сандерс была жива и здорова.

— Вы имеете в виду, что кто-то прикинулся ею? Но ведь вы дотрагивались до...

— Верно, это было мертвое тело, — удрученно подтвердила мисс Марпл.

— Черт возьми! — воскликнул полковник Бантри. — Куда же они дели потом... первый труп?

— Он унес его назад, — пояснила мисс Марпл. — Это была гнусная идея, но очень умная. Именно наш разговор в гостиной навел его на эту мысль. Тело несчастной Мэри, горничной! Почему бы его не использовать? Помните, комната Сандерсов была наверху, рядом с помещениями прислуги. Комната Мэри находилась через две двери. Гробовщики с наступлением темноты уже не приходят: на это и рассчитывал Сандерс. Он протаскивает тело через балкон (в пять уже было темно), надевает на него одно из платьев жены и ее красное пальто и тут обнаруживает, что шляпное отделение заперто! Остается одно: он берет одну из шляпок бедной девушки. Никто не заметит. Затем кладет рядом мешок с песком и уходит. Алиби готово!

Сандерс звонит жене, назвавшись мистером

Литтлвортом. Не знаю, что он ей сообщает, а она, как я уже говорила, была женщина доверчивая. Он убеждает ее пораньше закончить игру и назначает ей встречу в семь часов в саду «Гидро», около пожарной лестницы. Вероятно, сказав, что у него есть для нее какой-то сюрприз.

Когда Сандерс вернулся с друзьями в «Гидро», то подстроил все так, чтобы мисс Троллоп и я вместе с ним обнаружили преступление. Он даже сделал вид, что хочет перевернуть тело. А я-то его остановила! Затем послали за полицией, а он, шатаясь, вышел в сад.

Никто не интересовался его алиби *после* преступления.

Он встречается с женой. Проводит ее по пожарной лестнице. Они заходят в свою комнату. Возможно, он уже рассказал ей какую-нибудь историю о трупе. Она наклоняется, а он поднимает мешок с песком и наносит удар... О боже! Мне даже сейчас при мысли об этом становится плохо! Затем он быстро снимает с нее пиджак и юбку, вешает их и одевает убитую в одежду, снятую с другого трупа.

Но шляпка не надевается. У Мэри была короткая стрижка, у Глэдис Сандерс, как я говорила, — большой узел волос. Сандерсу приходится оставить

шляпку рядом с телом и понадеяться, что на это не обратят внимания. Затем он переносит тело бедной Мэри назад в ее собственную комнату и приводит его в надлежащий вид.

— Подумать только! — воскликнул доктор Ллойд. — Какой риск! Полиция могла приехать очень скоро.

— Помните, линия была не в порядке, — сказала мисс Марпл. — Это тоже было делом *его* рук. Он не мог допустить, чтобы полиция прибыла слишком рано. Когда они все-таки приехали, то, перед тем как подняться наверх, провели еще некоторое время в офисе хозяина. Самым слабым местом в плане Сандерса было то, что кто-то мог заметить разницу между телом убитой полчаса назад и умершей на полтора часа раньше; но он рассчитывал на то, что люди, которые первыми обнаружат преступление, не будут обладать специальными знаниями.

Доктор Ллойд кивнул:

— Я полагаю, они пришли к выводу, что преступление совершено примерно без четверти семь. На самом деле убийство произошло в семь или несколькими минутами позже. Полицейский врач осматривал тело не ранее половины восьмого. Он уже не мог определить точнее.

— А я... мне бы следовало знать... — сказала мисс Марпл. — Я же трогала руку бедной девушки. Она была холодна как лед. Вскоре после этого инспектор говорил, что убийство было совершено как раз перед нашим приходом. И я ничего не поняла!..

— Я думаю, мисс Марпл, что вы достаточно много поняли, — успокоил ее сэр Генри. — И чем же все кончилось?

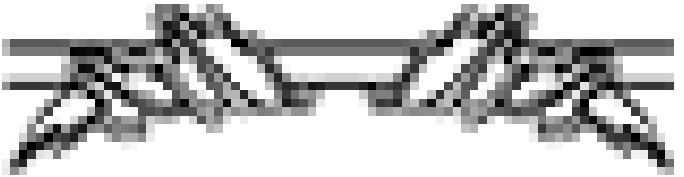
— Сандерса повесили, — холодно ответила мисс Марпл. — И поделом ему. Я никогда не жалею о своем участии в том, что в руки правосудия был передан этот человек. Я не выношу слюнтяйства современных гуманистов по поводу смертной казни. — Выражение ее лица смягчилось. — Но себя я частенько упрекаю за то, что не сумела спасти жизнь несчастной женщины. Впрочем, кто знает?.. Может быть, для нее лучше было умереть, пока она считала себя счастливой, чем продолжать жить лишенной иллюзий. Глэдис любила этого негодяя и доверяла ему. Она так и не узнала правды о нем.

— Ну тогда ей повезло, — сказала Джейн Хельер. — Очень повезло. Хотела бы я... — И она замолчала.

Мисс Марпл взглянула на привлекательную,

преуспевающую Джейн Хельер и медленно наклонила голову:

— Понимаю, моя дорогая... Понимаю...



Глава 11

ТРАВА СМЕРТИ

— Ну-с, теперь миссис Би, — живо произнес сэр Генри Клитеринг.

Миссис Бантри, хозяйка дома, взглянула на него с холодным укором:

— Я вам уже говорила, пожалуйста, *не называйте* меня миссис Би. Это неуважительно.

— Тогда Шехерезада.

— И тем более я не «Ши», что за имя! Я совершенно не умею рассказывать истории. Спросите

Артура, если не верите мне.

— Ты хорошо преподносишь факты, Долли, — сказал полковник Бантри, — но плоховато у тебя с антуражем.

— Вот именно. — Миссис Бантри захлопнула каталог луковиц, который лежал перед ней на столике. — Я слушаю и не понимаю, как это у вас получается: «Он сказал», «Она сказала», «Они удивились», «Они подумали», «Все решили». Я просто не могу так! Кроме того, я даже не знаю, что вам рассказать.

— Ну, этому мы не поверим, миссис Бантри, — покачал седой головой доктор Ллойд.

— Несомненно, дорогая... — кротко произнесла мисс Марпл.

Миссис Бантри упрямо помотала головой:

— Вы не представляете себе, как банальна моя жизнь. Что за слуги! Как трудно иметь дело с кухарками. А поездки в город за платьями, а дантист, а Аскот[49] (вот уж чего Артур терпеть не может), и потом еще сад...

— Ага! — обрадовался доктор Ллойд. — Сад! Мы знаем, к чему лежит ваша душа, миссис Бантри.

— Должно быть, так приятно иметь сад, — меч-

---

[49] notes: 49

А с к о т — скачки, по названию ипподрома близ Виндзора.

тательно произнесла Джейн Хельер, молодая красивая актриса. — Если бы еще не надо было копаться в земле и портить руки. Я так люблю цветы.

— Сад... — повторил сэр Генри. — Разве нельзя принять его за отправную точку? Так приступим, миссис Би! Отравленная луковица, смертоносные нарциссы, трава смерти!

— Странно, что вы об этом заговорили, — сказала миссис Бантри. — Вы кое о чем напомнили мне. Артур, что ты скажешь о трагедии в Клоддерхэм-Корт? Помнишь старого Амброза Берси? Каким очаровательным человеком мы его считали?

— Как же, конечно. Да, *странная* была история. Расскажи, Долли.

— Лучше ты, дорогой.

— Глупости. Рассказывай, выкарабкивайся своими силами. Я уже свою историю поведал...

Миссис Бантри глубоко вздохнула. Она сжала руки, на ее лице отразилось мучительное раздумье.

— Что ж, рассказывать-то, собственно, и не о чем, — вдруг быстро и гладко заговорила она. — Трава смерти — вот как это отложилось у меня в голове, хотя про себя я еще называю эту историю

— *шалфей и лук.*

— Шалфей и лук? — переспросил доктор Ллойд.

Миссис Бантри кивнула:

— Видите ли, вот как это произошло. Мы с Артуром гостили у сэра Амброза Берси в Клодердхэм-Корт. И однажды по ошибке — очень это глупо вышло, я считаю — с шалфеем было собрано много листьев наперстянки. В тот вечер на обед были поданы утки, нафаршированные шалфеем. Вскоре все почувствовали себя очень плохо, а одна девушка, подопечная сэра Амброза, даже умерла.

— Бедная, бедная, — сказала мисс Марпл. — Какая трагедия!

— Неужели?

— Ну и что же дальше? — спросил сэр Генри Клитеринг.

— Дальше ничего, — ответила миссис Бантри. — Все.

Все от изумления раскрыли рты. Хотя они и были предупреждены, но уж такой краткости никто не ожидал.

— Миссис Бантри, дорогая, — запротестовал сэр Генри, — это недопустимо! То, что вы рассказали, просто несчастный случай, но уж никак

не загадка.

— Ну, кое-что еще было, — сказала миссис Бантри. — Но если бы я выложила все подробности, вы бы сразу поняли, в чем дело. — Она с укором взглянула на присутствующих и с грустью добавила: — Я же говорила, что не умею рассказывать.

— Так, так! — воскликнул сэр Генри, он выпрямился на стуле и вставил монокль. — В самом деле, Шехерезада, это чрезвычайно занятно. Нашим способностям брошен вызов. Я уверен, вы сделали это не без намерения пробудить любопытство. Что же, тогда несколько раундов «Двадцати вопросов»![50] Мисс Марпл, может быть, вы начнете?

— Мне бы хотелось узнать что-нибудь о кухарке, — отозвалась мисс Марпл. — Она, наверное, была очень глупой или неопытной?

— Она была просто глупа. Потом она пролила немало слез и говорила, что зелень принесли ей как шалфей. Откуда было ей знать.

— Не из тех, кто привык жить своим умом, — заключила мисс Марпл. — Наверное, женщина

---

[50] notes: 50

«Двадцать вопросов» — популярная развлекательная радиопередача Би-би-си; нужно отгадать задуманное слово, задав не более двадцати вопросов.

пожилая, но кухарка-то она, надо думать, была все же хорошая?

— О, отличная, — подтвердила миссис Бантри.

— Мисс Хельер, ваша очередь, — сказал сэр Генри.

— А, вы имеете в виду вопрос?

Наступила пауза, пока Джейн размышляла. Наконец она робко произнесла:

— В самом деле не знаю, что и спрашивать. — Красивые глаза с мольбою направились на сэра Генри.

— А почему бы не *dramatis personae,* мисс Хельер, — с улыбкой предложил он.

Джейн продолжала сохранять озадаченный вид.

— Действующие лица в порядке их появления, — спокойно пояснил сэр Генри.

— Да, да, — согласилась Джейн. — Это хорошая мысль.

Миссис Бантри стала проворно загибать пальцы.

— Сэр Амброз, Сильвия Кин — та девушка, которая умерла, — ее подруга, которая гостила там. Мод Вай — одна из тех невежественных девиц, которые умеют произвести впечатление... Никак не пойму, как это им удается. Затем еще был

мистер Керли, который приехал побеседовать с сэром Амброзом о книгах. Ну, знаете, всякие редкие книги на латинском языке, покрытые плесенью рукописи на пергаменте... Был Джерри Лоример — ближайший сосед. Его усадьба «Фелл-лис» соприкасалась с поместьем сэра Амброза. Была миссис Карпентер — одна из тех среднего возраста «кошечек», которым, кажется, всегда удается устраиваться с удобствами. Она, я полагаю, была *dame de compagnie*[51] Сильвии.

— Если сейчас моя очередь, — сказал сэр Генри, — а по-моему, так оно и есть, поскольку я сижу рядом с мисс Хельер, то я хочу многого. Хочу услышать краткий словесный портрет. Пожалуйста, миссис Бантри, всех вышеупомянутых.

— М-м... — Миссис Бантри замешкалась.

— Вот, сэр Амброз, — пришел ей на помощь сэр Генри. — Начните с него.

— О! Это был такой запоминающийся старик, хотя, собственно, и не такой старый: не больше шестидесяти ему было, я полагаю. Но очень болезненный. Такое слабое сердце, что не мог подниматься по лестнице. Пришлось установить лифт. В общем, выглядел он старше, чем был на

---

[51] notes: 51
Компаньонка (*фр.*).

самом деле. Манеры — очаровательные. *Изысканные* — вот, пожалуй, самое подходящее слово. Его никогда не видели раздраженным или расстроенным. У него были красивые седые волосы и прямо-таки завораживающий голос.

— Хорошо. Я представляю себе сэра Амброза. Теперь Сильвия. Как вы назвали ее фамилию? — спросил сэр Генри.

— Сильвия Кин. Это была красотка... В самом деле *очень* хорошенькая. Белокурая такая, кожа — чудная. Не очень, может быть, умная, даже скорее глупая.

— Ну что ты, Долли, — запротестовал муж.

— Артур, конечно, иного мнения, — поджала губы миссис Бантри. — Но она все-таки *была* глупой. Я не слышала от нее ни единого умного слова.

— Милейшее создание, — не соглашался полковник Бантри. — А как она играла в теннис! Загляденье, прелесть! Она была полна жизни, эта забавная крошка. И такие милые манеры. Могу поспорить, молодые люди были без ума от нее.

— Вот ты и не прав, — возразила миссис Бантри. — Подобные девицы теперь не производят впечатления на молодых людей. Только старикашки вроде тебя, Артур, сидят и восхищаются

молоденькими девчонками.

— Быть молодой — этого мало, — сказала Джейн. — Надо иметь С.А.

— Как?! — удивилась мисс Марпл. — С.А.?

— Sex appeal[52], — объяснила Джейн.

— Ах вот что, — сказала мисс Марпл. — В мое время это называлось «ласкать глаз».

— Ну а теперь о *dame de compagnie,* — продолжал сэр Генри, обращаясь к миссис Бантри. — Неплохую вы дали ей характеристику; кажется, назвали ее кошечкой?

— Видите ли, я не хотела сказать, что она *кошка,* — ответила миссис Бантри. — Кошка — совсем другое дело. А эта — просто большая, белая, мягкая, мурлыкающая личность. Очень слащавая такая. Вот какой была Аделаида Карпентер.

— И какого же возраста?

— О, пожалуй, в районе сорока. Она находилась в доме, по-моему, с тех пор, как Сильвии исполнилось одиннадцать лет. Очень тактичная дама. Из тех вдов, оказавшихся в неблагоприятных обстоятельствах, что имеют множество родственников-аристократов, но не имеют денег. Я ее не люблю. Я никогда не отличалась любовью к лю-

---

[52] notes: 52

Физическая сексуальная привлекательность, особенно женщины (*фр.*).

дям с длинными белыми руками, и я не люблю «кошечек».

— Мистер Керли?

— Невзрачный, пожилой сутулый человек. Их такое множество, что едва отличишь одного от другого. Проявлял энтузиазм только при разговоре о своих заплесневелых книжках. Думаю, что сэр Амброз его и не знал-то как следует.

— А ближайший сосед — Джерри?

— Вот уж действительно очаровательный парень! Был обручен с Сильвией. Что и привело к печальному исходу.

— Тогда я не понимаю... — начала мисс Марпл и замолчала.

— Что?

— Ничего, дорогая.

Сэр Генри с любопытством взглянул на старую даму и задумчиво произнес:

— Итак, эта молодая пара была помолвлена. И давно состоялась помолвка?

— Около года назад. Сэр Амброз был против под предлогом того, что Сильвия еще слишком молода. Но спустя год он сдался, и скоро должна была состояться свадьба.

— А! У молодой леди была собственность?

— Почти ничего... Какая-то сотня фунтов или

две в год.

— Не так уж и плохо, Клитеринг, — засмеялся полковник Бантри.

— Ну все, пусть теперь доктор задает вопросы, — сказал сэр Генри.

— Мое любопытство, собственно, главным образом профессионально, — начал доктор Ллойд. — Хотелось бы знать, какое медицинское заключение было представлено следствию? Если, конечно, хозяйка знает и помнит.

— Насколько мне известно, отравление дигиталисом. Так, кажется, называется?

Доктор Ллойд кивнул:

— Наперстянка, дигиталис, воздействует на сердце. Конечно, это очень ценное лекарство при некоторых формах сердечной недостаточности. И вместе с тем очень странный случай. Не могу поверить, чтобы листья наперстянки могли привести к летальному исходу. Представление о ядовитости ее листьев и ягод сильно преувеличено. Мало кто понимает, что активное ее начало — алкалоид — нужно сперва извлечь в чистом виде.

— Миссис МакАртур послала на днях несколько особых луковиц миссис Туми, — сказала мисс Марпл. — А кухарка миссис Туми приняла их

за обыкновенный лук, и, конечно же, все Туми сильно заболели.

— Но они не умерли от этого, — заметил доктор Ллойд.

— Нет, не умерли, — подтвердила мисс Марпл.

— Одна моя знакомая умерла от отравления птомаином — трупным ядом, — сказала Джейн Хельер.

— Нам надо продвигаться в расследовании преступления, — заметил сэр Генри.

— Преступления? — вздрогнув, переспросила Джейн. — Я думала, это несчастный случай.

— Если бы это был несчастный случай, наверное, миссис Бантри не стала бы нам о нем рассказывать, — возразил сэр Генри. — Нет, я считаю, что это только на первый взгляд несчастный случай. За ним кроется что-то довольно мрачное. Помню такой казус: гости на вечеринке болтали после обеда. Стены были увешаны всевозможным старинным оружием. Вдруг один из гостей схватил со стены седельный пистолет и нацелился в другого, делая вид, что стреляет. Пистолет оказался заряженным. Прозвучал выстрел. Произошло убийство. И нам пришлось выяснять, во-первых, кто тайно зарядил пистолет, во-вторых, кто направил разговор таким образом, что в результате

неумной шутки произошла трагедия: ведь человек, нажавший на курок, был не виноват!

Мне кажется, у нас тут с вами почти такая же ситуация. Листья дигиталиса были намеренно смешаны с шалфеем в предвидении определенного результата. Поскольку мы снимаем подозрение с кухарки — не так ли? — возникает вопрос: кто собирал зелень и принес ее на кухню?

— На это ответить просто, по крайней мере на последнюю часть вопроса, — сказала миссис Бантри. — Сама Сильвия и принесла зелень на кухню. Это была ее постоянная обязанность: собирать салат, зелень, молодую морковку — в общем, делать то, чем садовники не хотят как следует заниматься. Они не подадут вам к столу ничего молодого и нежного, им, видите ли, дай точные образцы. Сильвия и миссис Карпентер, бывало, сами заботились об этом. А наперстянка действительно росла вместе с шалфеем, в одном месте, так что ошибиться было нетрудно.

— Сильвия в самом деле сама собирала?

— Этого никто не знал.

— Предположение — штука опасная, — многозначительно произнес сэр Генри.

— Я, например, знаю, что миссис Карпентер не собирала, — твердо заявила миссис Бантри. —

Она все утро провела со мной на террасе. Мы вышли туда после завтрака. Была необычайно теплая для ранней весны погода. Сильвия одна спустилась в сад, а потом я увидела, как она прогуливается под ручку с Мод Вай.

— Они были хорошими подругами? — спросила мисс Марпл.

— Да... — ответила миссис Бантри и, казалось, хотела сказать что-то еще, но промолчала.

— И долго ее подруга там гостила? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Около двух недель. — В голосе миссис Бантри послышалась нотка тревоги.

— Вы не любите мисс Вай? — предположил сэр Генри.

— Вовсе нет. Это просто так. Вовсе нет. — Тревога в ее голосе усилилась.

— Вы что-то скрываете, миссис Бантри, — упрекнул ее сэр Генри.

— Я только сейчас подумала... — сказала мисс Марпл, — но не хочу возвращаться...

— О чем же вы подумали?

— Вот вы сказали, что молодые люди были помолвлены, и именно это привело к печальному исходу. Но когда вы говорили это, ваш голос прозвучал как-то странно, если вы понимаете,

что я имею в виду?

— До чего же вы ужасный человек. — Миссис Бантри с укоризной посмотрела на мисс Марпл. — Вы всегда, кажется, *все знаете.* Да, я кое-что подумала, но, право, не знаю, следует ли мне об этом говорить.

— Обязательно следует, — решительно заявил сэр Генри. — Какие бы ни были у вас сомнения, ни о чем нельзя умалчивать.

— Хорошо. Так вот, вечером накануне трагедии я вышла перед обедом на террасу. Окно в гостиной было открыто, и я случайно увидела Джерри Лоримера и Мод Вай. Он... ну... целовал ее. Конечно, я не поняла, то ли это просто так или же... Ну, я полагаю, и никто *не поймет.* Я знала, что сэр Амброз недолюбливал Джерри Лоримера. Возможно, ему было известно, что это за человек. Но в одном я *была* уверена: Мод Вай была *по-настоящему* в него влюблена. Вы бы только видели, как она на него смотрела, когда забывалась!.. И к тому же, я думаю, она больше подходила ему, чем Сильвия.

— И еще вопрос, пока меня не опередила мисс Марпл, — сказал сэр Генри. — После трагедии Джерри Лоример женился на Мод Вай?

— Да, женился. Спустя шесть месяцев.

— О, Шехерезада, Шехерезада! — покачал головой сэр Генри. — Подумать только, как вы нам поднесли эту историю вначале. Одни голые кости! И сколько мы теперь обнаруживаем на них мяса!

— Не ведите таких отвратительных речей, — запротестовала миссис Бантри. — Нечего употреблять слово «мясо». Вегетарианцы вечно так говорят: «Я никогда не ем мяса», да еще таким тоном, что вы тут же начинаете испытывать отвращение к великолепному маленькому бифштексу. Вот мистер Керли, например, был вегетарианцем и, бывало, ел за завтраком какую-то странную мешанину, похожую на отруби. У этих бородатых стариков часто бывают причуды. К тому же они носят патентованное нижнее белье.

— Что это ты, Долли? — возмутился муж. — Откуда ты знаешь, какое у него нижнее белье?

— Я просто так предполагаю, — ответила миссис Бантри с чувством собственного достоинства.

— Я должен изменить свое предыдущее заявление, — сказал сэр Генри. — Действующие лица вашей загадки оказались очень интересные. Я прямо вижу их перед собой. Э-э, не так ли, мисс Марпл?

— Человеческая природа всегда интересна, сэр

Генри. Примечательно, что определенные типы имеют тенденцию действовать одними и теми же способами.

— Две женщины и мужчина — извечный треугольник. Не здесь ли ключ к разгадке? Мне кажется, здесь, — задумчиво произнес сэр Генри.

Доктор Ллойд нерешительно откашлялся:

— Я вот о чем думаю: вы, миссис Бантри, говорите, что тоже плохо себя чувствовали?

— Еще бы! И Артур, и все!

— Вот именно, все, — сказал доктор. — Вы понимаете, что я имею в виду? В истории, которую нам только что поведал сэр Генри, один застрелил другого. Он же не стал стрелять во всех, кто находился в комнате.

— Не понимаю, — пожала плечами Джейн. — Кто и в кого стрелял?

— Дело в том, что, кто бы ни задумал это, действовал он очень странно. Либо он слепо верил в случай, либо с полным пренебрежением относился к человеческой жизни. Но я не могу поверить, чтобы человек, решившийся устранить одного, намеренно отравил восьмерых.

— Понимаю вашу мысль. Мне следовало над этим задуматься, — признался сэр Генри.

— А не мог ли он также отравить и себя? —

спросила Джейн.

— Кто-нибудь отсутствовал на обеде в тот вечер? — спросила мисс Марпл.

Миссис Бантри покачала головой:

— Все были.

— Кроме мистера Лоримера, я полагаю, он ведь не гостил у Амброза.

— Нет. Но он обедал в тот вечер.

— О! — воодушевилась мисс Марпл. — Это же все меняет. — Она встревоженно нахмурилась. — Какая же я глупая, — пробормотала она. — В самом деле, какая глупая.

— Признаюсь, ваша точка зрения, Ллойд, насторожила меня, — сказал сэр Генри. — Как же можно было сделать так, чтобы девушка, и только девушка, получила смертельную дозу?

— Никак, — ответил доктор. — Это-то и подводит меня к мысли, которую я хочу высказать. *А что, если не девушка была намечена жертвой?*

— Что-что?

— При пищевых отравлениях результат очень неоднозначен. Несколько человек сидят за столом. Что же происходит? Одним становится немного плохо. Другие испытывают серьезное недомогание, а один — умирает. Вот ведь как бывает. Нигде и ни в чем нет определенности.

Бывает, что вмешиваются сторонние факторы. Дигиталис — это лекарство, которое действует непосредственно на сердце. Как я говорил, его выписывают в определенных случаях. *В доме был один человек, который страдал сердцем.* Предположим, он был выбран жертвой. Что *гибельно* для него, не будет гибельно для других: так мог рассуждать преступник. То, что обернулось все иначе, является лишь доказательством того, о чем я только что сказал, — неопределенности и ненадежности воздействия лекарств на человеческий организм.

— Сэр Амброз... Вы думаете, преступник имел в виду *его?* — спросил сэр Генри.

— Да, да. А смерть девушки — случайность.

— Кто бы получил деньги после его смерти?

— Очень разумный вопрос, мисс Хельер. Один из первых, который мы всегда задаем себе, уверяю вас как профессионал в недавнем прошлом, — сказал сэр Генри.

— У сэра Амброза был сын, взбалмошный парень, — медленно проговорила миссис Бантри. — Он давно поссорился с отцом. Но все-таки лишить его наследства сэр Амброз не мог. И впоследствии Клоддерхэм-Корт был передан наследнику по закону. Мартин Берси унаследовал

и титул, и поместье. Было, однако, много другой собственности, которой сэр Амброз мог распорядиться по своему усмотрению и которую он завещал своей подопечной Сильвии. Я об этом знаю, потому что сэр Амброз умер менее чем через год после событий, о которых я рассказываю. Он не побеспокоился о новом завещании после смерти Сильвии. Думаю, деньги перешли в казну или, может быть, к его сыну как ближайшему родственнику. Я, право, точно не помню.

— Так что смерть его была только в интересах сына, который отсутствовал, и девушки, которая умерла, — задумчиво произнес сэр Генри. — Затруднительный случай.

— Неужели другая женщина ничего не получила? — спросила Джейн. — Та, которую миссис Бантри назвала кошечкой?

— Она не была упомянута в завещании, — сказала миссис Бантри.

— Мисс Марпл, вы не слушаете, — обратился к ней сэр Генри. — Где вы там витаете?

— Я думаю о старом мистере Баджере, аптекаре, — ответила мисс Марпл. — У него была молодая экономка. Настолько молодая, что годилась ему не то что в дочки, а во внучки. И ни слова своим, полным надежд племянникам и племян-

ницам, никому из семейного круга. А когда умер, поверите ли, оказывается, был тайно женат на экономке уже два года. Конечно, мистер Баджер, аптекарь, — грубый, неотесанный старик. А сэр Амброз Берси был утонченным джентльменом, как говорит миссис Бантри. Но, несмотря на это, человеческая природа во многом одинакова.

Наступила пауза. Сэр Генри пристально смотрел на мисс Марпл, а та, в свою очередь, бросила на него спокойный насмешливый взгляд.

Джейн Хельер нарушила молчание:

— А эта миссис Карпентер была хороша собой?

— Да, но такая неяркая, ничего вызывающего.

— У нее был очень приятный голос, — заметил полковник Бантри.

— Мурлыканье, вот как я это называю, — возразила миссис Бантри. — Мурлыканье.

— Тебя тоже скоро назовут кошкой.

— Мне нравится быть кошкой в домашнем кругу, — сказала миссис Бантри. — И вообще я не очень жалую женщин, тебе это известно. Мне больше по душе мужчины и цветы.

— Отличный вкус, — усмехнулся сэр Генри. — Особенно потому, что на первом месте мужчины.

— Все это так, — сказала миссис Бантри. — Но

как же все-таки насчет моей маленькой загадки? По-моему — подходящая! Ты и не думал, Артур, что у меня так получится?

— Да, моя дорогая. Но я не думал, что распорядителя жокей-клуба будут спрашивать о скачках.

— Первый номер — сэр Генри, — сказала миссис Бантри, указывая на него пальцем.

— Я не так скор на решения. Поэтому у меня нет еще определенного мнения по этому делу. Начнем с сэра Амброза, думаю, он не стал бы таким образом устраивать собственное самоубийство. С другой стороны, он ничего не выигрывал и от смерти своей подопечной. Исключаем сэра Амброза.

Мистер Керли. Никакого мотива для умерщвления девушки. Если мистер Керли наметил жертвой сэра Амброза, то он мог рассчитывать на манускрипты, хищения которых, кроме старика, никто бы не заметил. Очень тонко и маловероятно. Так что, я думаю, несмотря на предположения миссис Бантри относительно его нижнего белья, мистер Керли чист.

Мисс Вай. Заинтересованности в смерти сэра Амброза никакой. В убийстве Сильвии — довольно серьезная. Она желала заполучить жениха Сильвии. И, принимая во внимание свидетель-

ство миссис Бантри, довольно сильно желала. Она была с Сильвией в то утро в саду и имела возможность собрать зелень. Нет, мы не можем сбросить со счетов Вай.

Молодой Лоример. В обоих случаях у него есть мотивы. Если он избавляется от своей невесты, то может жениться на другой девушке. Однако представляется слишком жестоким убивать ее. Что такое расстроенная помолвка в наши дни? В случае смерти сэра Амброза он мог жениться на богатой девушке вместо бедной. Насколько это могло быть существенно, зависело от финансового положения молодого человека. Если я установлю, что его поместье было заложено и что миссис Бантри намеренно скрыла от нас этот факт, я потребую назначить ей штраф.

Теперь миссис Карпентер. Эти белые руки, с одной стороны, и отличное алиби на тот момент, когда собиралась зелень, вызывают у меня недоверие. У меня есть и еще одна причина подозревать эту даму, но я ее пока придержу.

Итак, мне надо выбрать. Я выбираю мисс Мод Вай. Против нее доводов больше, чем против других.

— Номер второй, — объявила миссис Бантри, указывая на доктора Ллойда.

— Я думаю, вы ошибаетесь, Клитеринг. Вряд ли кто-то хотел убить девушку. Я убежден, что преступник хотел избавиться от сэра Амброза. Не уверен, что у молодого Лоримера было для этого достаточно знаний. Я склонен считать виновной во всем Карпентер. Она в семье давно, знала, в каком состоянии здоровье сэра Амброза, и легко могла подстроить все так, чтобы эта девица, Сильвия, которая, как вы сами говорили, была довольно глупа, нарвала нужных листьев. Мотива, признаюсь, не вижу. Но я осмеливаюсь высказать догадку о том, что сэр Амброз когда-то составил завещание, в котором была упомянута она. Это все, что я могу предположить.

Указательный палец миссис Бантри направился на Джейн Хельер.

— Не знаю, что и сказать, — вздохнула Джейн. — Единственно, почему бы девице самой этого не сделать? В конце концов, ведь это она отнесла зелень на кухню. А вы говорили, что сэр Амброз возражал против ее замужества. Если бы он умер, она бы получила деньги и могла бы выйти замуж. О здоровье сэра Амброза она знала столько же, сколько и миссис Карпентер.

Палец миссис Бантри направился на мисс Марпл.

— Ну, теперь наша наставница, — сказала она.

— Сэр Генри прекрасно все растолковал. Прекрасно, — повторила мисс Марпл. — И доктор Ллойд тоже сделал правильные замечания. Они все прояснили. Только, я думаю, доктор Ллойд не уточнил одну малость. Видите ли, не будучи лечащим врачом сэра Амброза, он, естественно, не знал, каким именно видом сердечной недостаточности страдал сэр Амброз. Не так ли?

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, мисс Марпл, — недоуменно поднял глаза доктор Ллойд.

— Вы строите свое предположение на том, что у сэра Амброза было такое сердце, на которое дигиталис оказал бы вредное воздействие, ведь так? Но вы ничем не можете этого доказать. Возможно, все было наоборот.

— Наоборот?

— Да, вы же сказали, что его часто прописывают при болезнях сердца.

— Даже теперь не понимаю, к чему вы клоните.

— Так вот, это означает, что в распоряжении сэра Амброза имелся в достаточном количестве дигиталис, за который не надо отчитываться. Что я хочу сказать? (Вечно я не могу как следует вы-

разить свою мысль.) Предположим, вы захотели отравить кого-то смертельной дозой дигиталиса. Не будет ли самым простым и легким способом устроить отравление практически всех листьями наперстянки? В любом случае убийство бы не было тайной, а здесь никто бы не удивился одной жертве, потому что, как сказал доктор Ллойд, это такие неопределенные вещи. Вряд ли кто поинтересуется, а не получила ли девушка смертельную дозу настойки дигиталиса или чего-то в этом роде. Он мог бы подмешать ей дигиталис в коктейль, или в кофе, или даже заставить выпить просто-напросто в качестве тоника.

— Вы хотите сказать, что сэр Амброз отравил свою подопечную, очаровательную девушку, которую так любил?

— Вот именно, — подтвердила мисс Марпл. — Вспомните Баджера и его молодую экономку. Не говорите мне, что мужчина шестидесяти лет не может влюбиться в двадцатилетнюю девушку. Это случается каждый день. А у такого старого деспота, как сэр Амброз, это могло привести к такому неожиданному обороту. Это иногда превращается в безумие. Он не мог перенести мысли, что она выйдет замуж. Сделал все возможное, чтобы этому воспрепятствовать, и не получилось.

Его неукротимая ревность довела его до того, что он решил лучше убить ее, чем отдать молодому Лоримеру. Он, должно быть, все обдумал заранее, ведь наперстянку нужно было посеять и вырастить среди шалфея. Когда наступило время, он набрал ее сам и отправил девушку с зеленью на кухню. Ужасно даже подумать об этом. Но я считаю, что надо посмотреть с точки зрения милосердия: ведь джентльмены такого возраста настолько своеобразны, когда дело касается молодых девиц... Наш последний органист... А впрочем, ни к чему мне тут пересказывать всякие скандальные истории.

— Миссис Бантри, это так? — спросил сэр Генри.

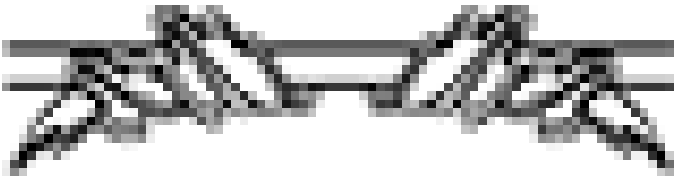
Миссис Бантри кивнула:

— Да. Я и представления об этом не имела, считала, что несчастный случай. Потом, после смерти сэра Амброза, я получила письмо. Он распорядился отослать его мне. В нем он поведал мне правду. Не знаю, почему именно мне, но мы всегда с ним очень ладили.

Наступило молчание. Миссис Бантри почувствовала в нем осуждение и поспешила оправдаться:

— Вы полагаете, что я раскрыла секрет, но это не

так. Я поменяла все имена. На самом деле его имя было не Амброз Берси. Разве вы не видели, как Артур глупо уставился на меня, когда я произнесла это имя? Он сначала ничего не понял. Словом, как пишут иногда в журналах или в начале книжек: «Все имена в этой истории изменены. Вы никогда не узнаете, кто они были на самом деле».



Глава 12

ПРОИСШЕСТВИЕ В БУНГАЛО

— Я кое-что вспомнила, — сказала Джейн Хельер. Ее красивое лицо осветилось улыбкой ребенка, ожидающего одобрения. Улыбка была из тех, что приводила в восторг лондонскую публику.

— Это произошло, — начала она осторожно, — с моей подругой.

Возникло легкое оживление. Полковник Бантри, миссис Бантри, сэр Генри Клитеринг, доктор

Ллойд и мисс Марпл были убеждены, что «подруга» — это сама Джейн. Она была совершенно не способна искренне интересоваться кем-нибудь другим.

— Моя подруга, — продолжала Джейн, — я не хочу называть ее имя — была актрисой, очень известной актрисой.

Никто не удивился. Сэр Генри Клитеринг подумал: «Интересно, сколько фраз будет сказано до того момента, когда она скажет «я» вместо «она»?»

— Год или два назад моя подруга была на гастролях в провинции. Это произошло на берегу реки, недалеко от Лондона. Думаю, что точное место лучше не указывать. Я назову его условно...

Она замолчала. Придумать даже простое название, очевидно, было слишком трудно для нее. Сэр Генри пришел ей на помощь.

— Не назвать ли нам его Ривербери? — предложил он.

— О да, это превосходно. Ривербери, я запомню. Итак, моя подруга была в Ривербери со своей труппой, и там произошла удивительная история. — Она опять замолчала. — Очень трудно точно изложить события. Все так перепутано, и говоришь сначала не то, что надо.

— У вас это получается прекрасно, — поддержал ее доктор Ллойд, — продолжайте.

— Да, так вот что случилось... Мою подругу вызвали в полицейский участок. Оказалось, ограбили одно бунгало на берегу реки. Был арестован молодой человек, который рассказал в связи с этим очень странную историю. Из-за него ее и вызвали. Прежде она никогда не бывала в полицейском участке. Там все были очень предупредительны к ней, в самом деле, очень добры.

— Еще бы, так и должно быть, — подтвердил сэр Генри.

— Сержант — я думаю, это был сержант, а возможно, инспектор — предложил ей стул и все рассказал. И, конечно, я сразу поняла, что произошла ошибка...

«Ага, — подумал сэр Генри, — как и следовало ожидать, вот и «я».

— Так рассказывала моя подруга, — продолжала Джейн в беззаботном неведении, что выдала себя. — Она объяснила, что находилась на репетиции и даже не слышала об этом мистере Фолкнере. Тогда сержант сказал: «Мисс Хел...» — Она замолчала и покраснела.

— Мисс Хелман, — предположил сэр Генри. В его глазах заиграли веселые огоньки.

— Да, да, так лучше. Благодарю. Он сказал: «Хорошо, мисс Хелман, я понял, что произошла ошибка, когда узнал, что вы остановились в «Бридж-отеле». И спросил, не возражаю ли я против опознания или очной ставки. Уж и не помню, как он выразился.

— Это не имеет значения, — заверил ее сэр Генри.

— «С тем молодым человеком...» Я ответила: «Конечно нет». И они привели его и спросили: «Это мисс Хельер и...» — Джейн замерла с открытым ртом.

— Не важно, дорогая, — успокоила ее мисс Марпл. — Мы все равно догадывались, что это вы. Вы же не назвали место происшествия и то, что там произошло на самом деле.

— Хорошо, — согласилась Джейн. — Я хотела рассказать так, будто это произошло с кем-то другим. Но это ужасно трудно, правда? Я хочу сказать, что все так забывается.

Все стали ей поддакивать и успокаивать...

— Он был вполне приятный мужчина. Молодой, с рыжеватыми волосами. Он рот открыл, когда меня увидел. И на вопрос сержанта: «Это та самая леди?» — ответил: «Нет, конечно нет. Каким ослом бы я был...» Ну, я ему улыбнулась и

дала понять, что не обижаюсь на него.

— Представляю эту сценку, — вмешался сэр Генри.

Джейн Хельер нахмурилась:

— Дайте мне подумать, как лучше вам все объяснить.

— Может быть, вы все-таки расскажете нам, дорогая, что же такое там произошло? — спросила мисс Марпл так вкрадчиво, что никто не заметил иронии. — Я имею в виду ошибку молодого человека и как это все связано с ограблением.

— Да, конечно, — отозвалась Джейн. — Этот юноша — его имя было Лесли Фолкнер — написал пьесу. Вообще-то он сочинил уже несколько пьес, но ни одна из них не была принята ни в одном театре. Он послал пьесу мне, чтобы я ее прочитала. Мне эти пьесы присылают сотнями. А читаю я только те, о которых я что-нибудь слышала. О пьесе Фолкнера я понятия не имела. Но случилось так, что мистер Фолкнер получил от меня письмо. Только выяснилось, что на самом деле это письмо было вовсе не от меня... — возмущенно произнесла она и смолкла.

— В письме говорилось, что я прочла пьесу, что она мне очень понравилась и чтобы он приехал ко мне поговорить о ней. Там был адрес: бунгало

в Ривербери. Обрадованный мистер Фолкнер отправился в путь. Он нашел бунгало. Горничная открыла дверь, он спросил мисс Хельер, она сказала, что мисс ожидает его, и проводила в гостиную. К нему вышла женщина. Ее-то он и принял за меня, что довольно странно, потому что, в конце концов, он же видел меня в спектаклях и, кроме того, мои фотографии хорошо известны, не так ли?

— Повсюду, во всей Англии, — подтвердила миссис Бантри. — Но ведь между фотографией и оригиналом большая разница, моя дорогая. И то, что видится в огнях рампы, иногда существенно отличается от того, что имеется в повседневной жизни.

— Хорошо, — согласилась Джейн, слегка успокоившись, — возможно. Он так описал эту женщину: высокая, белокурая, с большими голубыми глазами и очень красивая. Я полагаю, что описание достаточно близко к истине. Он, разумеется, ничего не подозревал. Она говорила о его пьесе, сказала, что хочет поставить ее. Пока они беседовали, принесли коктейли. Фолкнер, конечно, выпил. Да, это последнее, что он запомнил. Когда он очнулся, или пришел в себя — назовите это, как хотите, — он лежал у изгороди, на обочине

дороги. У него кружилась голова. Ему было так плохо, что когда он встал, то пошел сам не зная куда. Он сказал, что если бы он был в твердом уме, то он просто вернулся бы в бунгало и попытался выяснить, что же произошло. Но он пребывал в ужасном состоянии и поэтому продолжал брести, не соображая куда. Когда он более или менее пришел в себя, его арестовали.

— А почему его арестовали? — спросил доктор Ллойд.

— О, разве я не сказала? — воскликнула Джейн, широко раскрыв глаза. — Какая я глупая... Ограбление.

— Вы упомянули об ограблении, но не сказали, где, когда и как, — заметила миссис Бантри.

— То самое бунгало, куда он ходил. Конечно, оно вовсе не мое. Оно принадлежало человеку, которого зовут...

Джейн опять нахмурила брови.

— Не хотите снова взять меня в крестные отцы? — спросил сэр Генри. — Псевдонимы придают свободу обвинению. Опишите владельца, а я дам ему имя.

— Его можно представить как богатого горожанина, патрона.

— Сэр Герман Коэн, — предложил сэр Генри.

— Это вполне подходит. А она, «дама его сердца», была женой актера и сама тоже актриса.

— Назовем актера Клод Лисон, — подсказал сэр Генри, — а леди — ее сценическим именем: предлагаю — мисс Мэри Керр.

— Наверное, вы ужасно умный, — заметила Джейн. — Не понимаю, как вы все это сразу придумываете. Да, так вот, видите ли, у сэра Германа был загородный дом для уик-эндов, куда он приглашал эту леди. Жена, разумеется, ничего не знала. И он надарил этой актрисе кучу драгоценностей и среди них несколько красивых изумрудов.

— Ах, — воскликнул доктор Ллойд, — вот мы и добрались до них.

— Эти драгоценности, запертые в специальном ларчике, находились в бунгало. Полиция считает, что это было весьма легкомысленно — любой мог унести их.

— Видишь, Долли, — вмешался полковник Бантри, — а я что всегда говорил тебе?

— Да, но я считаю, — возразила миссис Бантри, — что тот, кто старательно упрятывает свои вещи, обычно теряет их. Я не запираю драгоценности в ларец, а держу их в выдвижном бельевом ящике, под чулками. Осмелюсь заявить, что, если

б эта, как ее, Мэри Керр делала так же, драгоценности не украли бы.

— Их бы все равно украли, — сказала Джейн, — так как содержимое всех ящиков было вытряхнуто.

— Значит, искали не драгоценности, — заключила миссис Бантри. — Они искали секретные документы. Так всегда говорится в книгах.

— Я ничего не знаю о секретных документах, — засомневалась Джейн. — Я не слышала ни о чем подобном.

— Не отвлекайтесь, мисс Хельер, — вмешался полковник Бантри, — не принимайте всерьез домыслы Долли.

— Что же с ограблением? — спросил сэр Генри.

— Так вот, в полицию позвонила дама, она назвалась мисс Мэри Керр. Она сказала, что бунгало ограблено, и описала молодого человека с рыжеватыми волосами, который заходил к ней сегодня утром. Горничной он показался несколько странным, и та отказалась впустить его. Позднее они видели в окно, как он уходил. Керр описала молодого человека так точно, что через час полиция арестовала его. На допросе он рассказал, что с ним случилось, и показал мое письмо. И меня, как я уже говорила, вызвали в

полицию. Когда Фолкнер увидел меня, он заявил, что то была вовсе не я.

— Очень занятная история, — подытожил доктор Ллойд.

— Знал ли мистер Фолкнер эту мисс Мэри Керр?

— Нет, не знал или говорил, что не знал. Но я вам еще не рассказала самое интересное. Полицейские, конечно, отправились в бунгало. Там они нашли все, как было сообщено по телефону. Дом был пуст, ящики вытащены, опрокинуты, драгоценности исчезли. Через несколько часов вернулась Мэри Керр. Увидев все это и узнав о звонке в полицию, она заявила, что об ограблении узнала только сейчас и никуда не звонила. Она объяснила, что утром получила телеграмму от менеджера с предложением главной роли, и он назначил ей встречу в клубе. Она, конечно, помчалась в город, но напрасно — менеджер телеграммы не давал.

— Обычная уловка, чтобы убрать ее с дороги, — прокомментировал сэр Генри. — А что слуги?

— Да то же самое. Там была только одна горничная. Ей позвонила по телефону, как той показалось, Мэри Керр и попросила привезти в клуб сумку, что лежит в ее спальне в таком-

то ящике. Горничная должна была успеть на ближайший поезд. Так она и сделала, но, когда приехала в клуб, мисс Керр там не оказалось.

— Хм, я начинаю догадываться. Дом был пуст, и проникнуть в него через одно из окон не составляло особого труда. Но я не совсем понимаю, как же туда попал мистер Фолкнер и кто позвонил в полицию, если не мисс Керр? — развел руками сэр Генри.

— Вот этого-то никто и не может выяснить.

— А тот молодой человек действительно оказался тем, за кого себя выдал?

— О да. Здесь все в порядке. Он в самом деле получил письмо, как будто бы от меня. Конечно, это был не мой, но похожий почерк.

— Итак, давайте проясним ситуацию, — заключил сэр Генри. — Поправляйте меня, если я ошибусь. Этого молодого человека заманивают в ловушку с помощью поддельного письма, что вполне правдоподобно. Молодой человек одурманен. В полицию сообщают о подозрениях против него, ограбление в самом деле произошло. Я полагаю, и драгоценности действительно украдены?

— О да.

— Они найдены?

— Нет, разумеется. Сэр Герман старался замять

дело, но ему это не удалось. Нетрудно предположить, что обо всем узнала жена и начала бракоразводный процесс. Хотя в действительности мне ничего подлинно не известно.

— А что случилось с мистером Лесли Фолкнером?

— Его освободили. В полиции сказали, что улик против него нет. А вы не думаете, что вся эта история довольно странная?

— Определенно странная. Первый вопрос — кому верить? Из вашего изложения, мисс Хельер, можно заключить, что вы склонны верить мистеру Фолкнеру. Есть ли у вас какие-нибудь основания для этого, кроме собственной интуиции?

— Нет-нет, думаю, что нет. Но он был такой милый и так извинялся за свою ошибку, приняв Мэри Керр за меня, что я почувствовала — он *говорит правду*.

— Понимаю, — сказал сэр Генри с улыбкой. — Но вам придется допустить, что он легко мог и выдумать всю эту историю. Он мог и сам написать такое письмо, якобы от вашего имени. Он также мог одурманить себя уже после успешного ограбления. Но признаюсь: я не вижу *смысла* во всем случившемся. Единственно, для чего он мог

состряпать этот план, — это если обнаружил, что его заметил кто-то из соседей.

— Он состоятельный человек? — спросила мисс Марпл.

— Не думаю, — ответила Джейн. — Нет, пожалуй, скорее он был в стесненных обстоятельствах.

— Все это происшествие кажется странным, — сказал доктор Ллойд. — Должен признаться, что если мы допустим, что история, рассказанная молодым человеком, — правда, то это еще больше все запутывает. Зачем неизвестная женщина, выдавшая себя за мисс Хельер, впутала в эту историю неизвестного человека? Зачем разыграла такую комедию?

— Скажите, Джейн, Фолкнер когда-нибудь встречался лицом к лицу с Мэри Керр на сцене или еще где-нибудь? — спросила миссис Бантри.

— Я точно не знаю, — помедлила с ответом Джейн и вновь нахмурила брови, пытаясь вспомнить.

— Потому что, если Фолкнер не видел ее, задача решена! — сказала миссис Бантри. — Я уверена, что буду права. Очень легко придумать, будто тебя вызвали в город. Потом позвонить горничной с Паддингтонского или другого вокзала и,

пока она добирается до города, возвратиться в бунгало. Молодой человек заходит в дом, его одурманивают, вы устраиваете сцену ограбления, переворачивая все вверх дном, насколько это возможно. Затем звоните в полицию, даете описание козла отпущения и снова отбываете в город. Возвратившись домой последним поездом, разыгрываете удивление и непричастность к ограблению.

— Но зачем ей красть собственные драгоценности, Долли?

— Они всегда так делают, — парировала миссис Бантри. — Во всяком случае, я могу придумать сотни причин. Может быть, ей срочно понадобились деньги, а старый сэр Герман не давал их, так что ей пришлось украсть драгоценности, а потом тайком продать. А может быть, ее кто-нибудь шантажировал, угрожая выдать их связь мужу Керр или жене сэра Германа. Другая причина: она уже продала драгоценности, а сэр Герман оказался не в духе и потребовал предъявить их, так что ей пришлось что-то придумать. В книгах так часто поступают. А возможно, он собирался сделать новую оправу, а у нее пока оказалась только подделка. Или — о, это очень хорошая идея и не так часто встречается в книгах — Керр

притворилась, что драгоценности украдены, она в отчаянии, и сэр Герман дарит ей новые. Так уже оказывается два гарнитура вместо одного. Женщины такого рода, я уверена, ужасно хитрющие.

— Вы умница, Долли, — восхитилась Джейн, — мне на ум такое и не приходило.

— Вы можете быть умницей, но это вовсе не значит, что вы правы, — заметил полковник Бантри. — Я склонен подозревать кого-нибудь из города. Он мог телеграммой устранить леди с дороги, а все остальное устроить достаточно легко с помощью нового друга леди. Кажется, никто не подумал спросить у *него* алиби.

— А что вы думаете, мисс Марпл? — поинтересовалась Джейн, обращаясь к пожилой леди, которая сидела молча, всем своим видом выражая недоумение.

— Моя дорогая, я даже не знаю, что и сказать. Сэр Генри будет смеяться, но я не могу вспомнить ничего похожего из моей деревенской жизни. Конечно, здесь сами собой напрашиваются несколько вопросов. Например, «прислуга». То беспорядочное ведение хозяйства, которое вы описали, позволяет, без сомнения, заключить, что прислуга знала обстановку в доме. В самом деле, порядочная девушка не пошла бы служить

в такое место. Итак, я думаю, мы можем предположить, что горничная была отнюдь *не ангелом.* Она могла состоять в сговоре с ворами. Она могла оставить для них дом открытым и уехать в Лондон. А распоряжение хозяйки, полученное по телефону, — только попытка отвести подозрение от себя. Должна признаться, что это мне кажется самым правильным решением. Но если речь идет об обычных ворах, то все это выглядит очень странным.

Мисс Марпл немного помолчала, собираясь с мыслями.

— Я не могу отделаться от ощущения, что там было еще что-то... Пока я не могу объяснить. Предположим, например, у кого-то было чувство злости, досады. У молодой актрисы, с которой плохо обошлись. Вы не думаете, что тогда легче было бы объяснить случившееся? Стремление причинить другому человеку неприятности. Так это выглядит. Хотя это и не очень убедительно.

— А вы, доктор, еще ничего не сказали, — смутилась Джейн. — Я забыла о вас.

— Обо мне все забывают, — печально отозвался доктор. — Должно быть, я самая незаметная личность.

— О нет! Скажите, что вы думаете об этом деле.

— Я нахожусь в положении человека, который готов согласиться с каждым из высказавшихся и... ни с кем из них. У меня же есть, возможно, абсолютно ошибочное предположение... Во всей этой истории может быть замешана жена сэра Германа. У меня нет оснований утверждать, однако вы удивились бы, если б знали, какие *невероятные* ходы может придумать обиженная жена.

— Как вы проницательны, доктор Ллойд! Как я могла забыть о бедняжке миссис Пебмарш.

Джейн уставилась на мисс Марпл:

— Миссис Пебмарш? Кто такая миссис Пебмарш?

— Но... — мисс Марпл заколебалась, — я не знаю, существует ли она в реальности. Она прачка. Это она взяла ту опаловую брошь, что была приколота к блузке, и положила потом в белье другой женщины.

Джейн выглядела еще более озадаченной, чем раньше.

— И это делает для вас все ясным, мисс Марпл? — спросил сэр Генри, подмигивая.

Мисс Марпл покачала головой:

— Боюсь, что нет. Должна признаться, я в полной растерянности. Но одно знаю твердо: женщины обязаны держаться вместе. Каждая должна

в любых непредвиденных обстоятельствах отстаивать свою собственную честь. Я думаю, именно в этом мораль истории, которую рассказала нам мисс Хельер.

— Каюсь, эта нравственная особенность всей истории ускользнула от меня, — признался сэр Генри. — Возможно, когда мисс Хельер назовет разгадку, все прояснится.

— Как? — спросила Джейн, явно смутившись.

— Да, говоря по-детски, мы сдаемся. Вы одна, мисс Хельер, имеете высокую честь раскрыть нам вашу тайну, разгадать которую не сумела даже мисс Марпл.

— Итак, вы все сдаетесь, — проговорила Джейн. — Очень интересно.

Она замолчала и принялась с отсутствующим видом полировать ногти.

— Ну, — сказала миссис Бантри, — продолжайте, Джейн. В чем же разгадка?

— Разгадка?

— Да. Что же произошло на самом деле?

Джейн пристально посмотрела на нее:

— Не имею ни малейшего представления.

– *Что?!*

— Мне самой все время было интересно это. Я думала, вы все такие умные и *один из вас* поймет

суть происшедшего.

Присутствующие еле смогли скрыть чувство раздражения. С красотой Джейн все было в порядке, но в этот момент все поняли, что глупость может завести слишком далеко.

— Вы хотите сказать, что истина никогда не была обнаружена? — спросил сэр Генри.

— Нет. Я думала, что *вы* сможете раскрыть эту тайну.

Джейн говорила обиженно. Было видно, что она недовольна.

— Хорошо, м-м... — начал было полковник Бантри, но у него не было слов.

— Вы самая несносная девчонка, Джейн, — упрекнула миссис Бантри. — Во всяком случае, тогда я считаю, что я была права. Если бы вы назвали нам настоящие имена действующих лиц, я была бы полностью в этом уверена.

— Не думаю, что я могу сделать это, — возразила Джейн.

— Нет, дорогая, конечно нет, — поддержала ее мисс Марпл, — мисс Хельер действительно не может.

— Нет! Она может, — заявила миссис Бантри. — Не будьте чересчур благородной, Джейн. Мы, пожилые, обожаем скандалы. Во всяком случае,

скажите хоть, кто был этот вельможа из города.

Но Джейн покачала головой. А мисс Марпл в своей старомодной манере поддержала девушку:

— Это было бы крайне неприятно.

— Я думаю... Я думаю, я скорее наслаждалась этим, — тихо сказала Джейн.

— Возможно, так и было, — отозвалась мисс Марпл. — Полагаю, что этим была нарушена монотонность. Какую пьесу вы играли?

– *«Смит».*

— Ах да. Это ведь Сомерсет Моэм, не так ли? Все им созданное очень мудро. Я видела почти все пьесы.

— Вы намерены возобновить постановку будущей осенью, разве не так? — спросила миссис Бантри.

Джейн кивнула.

— Ну хорошо, — сказала мисс Марпл. — Мне пора домой, уже поздно. У нас был очень интересный вечер, самый необычный, во всяком случае. Считаю, что рассказ мисс Хельер заслуживает приза. Вы не согласны?

— Мне очень жаль, что я рассердила вас, — с грустью призналась Джейн. — Если бы я знала, я бы обязательно открыла вам тайну.

Доктор Ллойд воспользовался случаем про-

явить галантность:

— Дорогая юная леди, ну почему же? Вы задали нам очень хорошую задачу, чтобы заострить наши умы. Мне только жаль, что никто из нас не нашел верного решения.

— Говорите за себя, — возразила миссис Бантри. — Я-то ее *решила* и убеждена в своей правоте.

— Вы знаете, я верю, что это так, — согласилась Джейн. — Все, что вы сказали, возможно.

— Какое из семи решений вы предпочитаете? — шутливо спросил сэр Генри.

Доктор Ллойд помог мисс Марпл одеться и собрался проводить ее. Мисс Марпл еще раз пожелала всем доброй ночи. Прощаясь, она подошла к Джейн и что-то прошептала ей на ухо. Изумленное «ах!» вырвалось у последней так громко, что заставило всех обернуться.

Улыбаясь и кивая, мисс Марпл удалилась, а Джейн Хельер все смотрела ей вслед.

— Вы собираетесь спать, Джейн? — спросила миссис Бантри. — Что с вами? Вы смотрите, будто увидели привидение.

Джейн словно очнулась. Она одарила очаровательной и смущенной улыбкой мужчин и последовала за миссис Бантри вверх по лест-

нице.

— Огонь в камине почти погас, — сказала миссис Бантри с раздражением. — Не могут разжечь как следует... Какие бестолковые служанки. Да, правда, мы несколько задержались сегодня вечером. Уже половина первого ночи!

— Как вы думаете, много есть людей таких, как она? — спросила вдруг Джейн.

— Как горничная?

— Нет. Я имею в виду эту забавную старушку. Как ее, мисс Марпл?

— Ну, я не знаю. Думаю, что она совершенно типичная обитательница небольшой деревни.

— О дорогая, я не знаю, что делать. — Джейн глубоко вздохнула.

— В чем дело?

— Я расстроена.

— Чем?

— Долли, знаете, что эта странная старая леди шепнула мне перед уходом?

— Нет. Что же?

— Она сказала: *«Я бы не делала этого, моя дорогая. Никогда не поддавайтесь власти другой женщины, даже если вы считаете ее своей лучшей подругой...»* Долли, это поразительно верно.

— Возможно. Но я не вижу, к чему можно при-

менить данный совет.

— Наверно, из-за того, что вы не можете представить себе реальную женщину. А я чуть не оказалась в ее власти. Я никогда не думала об этом.

— О какой женщине вы говорите?

— О Нетте Грин, моей дублерше в театре.

— Но откуда же мисс Марпл знает о вашей дублерше?

— Я думаю, что она догадалась. Но не знаю как.

— Джейн, будьте добры, скажите сейчас же, о чем идет речь?

— Об истории, которую я вам рассказала. Долли, вы знаете, Грин — женщина, которая отняла у меня Клода.

Миссис Бантри кивнула, мысленно возвращаясь к первому неудачному замужеству Джейн с актером Клодом Авербэри.

— Он женился на Нетте. Клод ничего не подозревал, а она проводила уик-энды в загородном бунгало с сэром Джозефом Салмоном... Я рассказала вам об этом. Я намеревалась изобличить ее: мне хотелось, чтобы все знали, что это за особа. И с ограблением... вы же понимаете, вот-вот все выйдет наружу.

— Джейн! — задохнулась миссис Бантри. — Это

вы устроили историю, о которой рассказали нам?

Джейн кивнула.

— Вот почему я выбрала *«Смита».* В этом спектакле я выступаю в наряде горничной. И когда меня вызвали в полицейский участок, ничего не было проще, чем сказать, что я репетировала свою роль с дублершей в отеле. На самом же деле мы обе могли быть в бунгало. Я должна была открыть дверь и принести коктейли, а Нетта представиться мною. Фолкнер после этого никогда не должен был увидеть *ее.* Поэтому не стоило опасаться, что молодой человек опознает Нетту. А я могу загримироваться под горничную совершенно иначе. Кроме того, в горничных обычно и людей-то не видят. Мы договорились вытащить потом его на дорогу, забрать ларец с драгоценностями, позвонить по телефону в полицию и вернуться в отель. Я не хотела заставлять молодого человека страдать. Вот и сэр Генри, кажется, считает, что он не слишком страдал. Разве не так? Я надеялась, что имя Нетты Грин появится в газетах, и все обнаружится. Тогда Клод увидит, кто она на самом деле.

Миссис Бантри застонала:

— О, моя бедная голова!.. И все это время...

Джейн Хельер, вы лживая девчонка!.. Сочиняете нам историю, которую сами же и устроили!

— Я — *хорошая* актриса. — В голосе Джейн чувствовалось самодовольство.

— Мисс Марпл права, — пробормотала миссис Бантри, — личностный фактор. О да! Джейн, девочка моя, вы понимаете, что воровство — это воровство и что вас могут посадить в тюрьму?

— Но никто не догадался, — пробормотала Джейн. — Кроме мисс Марпл. Долли, *вы в самом деле* думаете, что много таких людей, как она?

— Если честно, то я не думаю, — ответила миссис Бантри.

Джейн вздохнула:

— Однако лучше не рисковать. Я, несомненно, попала бы под влияние Нетты. Это правда. Она могла бы воспротивиться и сделать мне какую-нибудь гадость. Нетта помогла продумать детали и уверяла меня в своей преданности. Нет, я думаю, мисс Марпл права. Мне лучше не рисковать.

— Но, моя дорогая, вы уже сделали это!

— О нет! — Джейн широко раскрыла глаза. — Вы не понимаете? *Пока еще ничего не произошло!* Да, если можно так выразиться, я примеряла это на собаку.

— Мне трудно разобраться в вашем театраль-

ном сленге, — с достоинством произнесла миссис Бантри. — Вы хотите сказать, что это — будущее действие, а не уже совершенное?

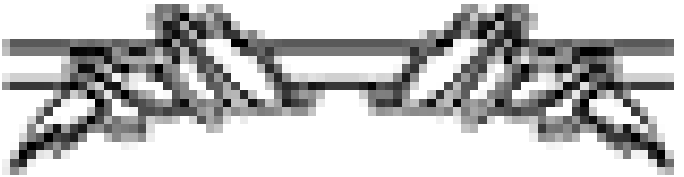
— Я собиралась осуществить это осенью, в сентябре. А теперь не знаю, что и делать.

— Мисс Марпл разгадала загадку и ничего не сказала нам! — возмутилась миссис Бантри.

— Я хочу понять, почему она сказала это о женщинах, которые дружат. Мисс Марпл не хотела выдавать меня мужчинам. Она так добра.

— Ну хорошо, объясните же мне все, Джейн, прошу вас.

— Пожалуй, я так и сделаю, — пробормотала мисс Хельер, — ведь могут найтись и другие мисс Марпл...



Глава 13

СМЕРТЬ МИСС РОУЗ ЭММОТ

I

В субботу утром сэр Генри Клитеринг, экс-комиссар Скотленд-Ярда, спустившись к завтраку, чуть не столкнулся в дверях с хозяйкой дома, миссис Бантри. Она выбежала из столовой возбужденная и расстроенная.

Полковник Бантри сидел за столом, лицо его было краснее обычного.

— Доброе утро, — приветствовал он Клитеринга. — Замечательный день. Прошу. Распоряжайтесь сами...

Сэр Генри сел. Ему была приготовлена тарелка с почками и беконом.

— Долли немного расстроена сегодня, — пояснил полковник.

— Я так и понял, — тихо сказал сэр Генри.

Состояние миссис Бантри несколько озадачило его. Она была спокойной женщиной, не поддававшейся унынию. Сэр Генри знал за ней только одну страсть — сад.

— Ее расстроила новость, которую мы узнали утром. Девушка из деревни — дочка Эммотта, который держит «Голубой кабан», — сказал полковник.

— А, знаю, знаю.

— Да-а, хорошенькая девушка. И вот такая беда... — задумчиво проговорил полковник. — Обычная история. Я даже повздорил с Долли из-за этого. Глупо с моей стороны. Разве женщина может понять? Долли была полностью на стороне девушки. Вы знаете, как это у женщин: мужчины — скоты, все как один... И пошло-поехало. Но все не так просто, как может показаться, не те времена. Девушки знают, на что идут. Парень,

соблазнивший девушку, не обязательно злодей. Вероятность пятьдесят на пятьдесят. Мне, например, нравится молодой Сандфорд. Скорее этакий простак, чем донжуан.

— Так этот Сандфорд и есть виновник всех бед?

— Вроде бы он. Сам-то я точно не знаю, — признался полковник. — Все сплетни, болтовня. Так вот, точно не знаю ничего и не собираюсь, как Долли, торопиться с выводами и разбрасываться обвинениями. Черт побери, надо же думать, что говоришь. Знаете, ведь следствие и всякое такое.

— Следствие?

Полковник Бантри посмотрел удивленно:

— Да. Разве я не сказал? Девушка-то утопилась. Вот из-за чего шум.

— Неприятное дело, — нахмурился сэр Генри.

— Конечно, неприятное. Несчастная! Такая была хорошенькая, плутовка. Отец ее, конечно, тяжелый человек.

— Где она утопилась?

— В речке. Ниже мельницы, там довольно быстрое течение.

Полковник Бантри развернул газету, решив отвлечься от неприятных мыслей.

Сэра Генри не слишком тронула деревенская трагедия. После завтрака он расположился в

удобном кресле на лужайке, надвинул на глаза шляпу и принялся созерцать неторопливое течение местной жизни.

Около половины двенадцатого на лужайку прибежала горничная.

— Простите, сэр, пришла мисс Марпл и хотела бы вас видеть.

— Мисс Марпл?

Сэр Генри встал и поправил шляпу. Визит удивил его. Он прекрасно знал невозмутимый характер этой дамы, ее удивительную проницательность. Он мог припомнить дюжину неразрешимых и гипотетических случаев, которым эта типичная «провинциальная старая дева» находила единственно правильные объяснение. Сэр Генри питал глубокое уважение к мисс Марпл. Он был озадачен: что привело ее к нему?

Мисс Марпл он нашел в гостиной. Она была взволнована.

— Сэр Генри... я так рада! Такое счастье, что я нашла вас! Надеюсь, вы простите меня...

— Очень приятно, — сказал сэр Генри, беря ее за руку. — Боюсь, миссис Бантри вышла.

— Да, я видела, как она разговаривает с Футитом, мясником, — подтвердила мисс Марпл. — Генри Футита вчера задавила машина, вернее,

его собаку. Такого гладкошерстного фокстерьера, довольно плотного и злобного. У этих мясников всегда, кажется, такие.

— Да, — согласился сэр Генри.

— Я рада повидаться с вами именно в отсутствие миссис Бантри, — продолжала мисс Марпл. — Я хотела поговорить с вами по поводу этого печального случая.

— С Генри Футитом? — спросил сэр Генри в некотором недоумении.

Мисс Марпл бросила на него осуждающий взгляд:

— Нет-нет, с Роуз Эммотт. Вы, конечно, уже знаете?

Сэр Генри кивнул:

— Бантри мне рассказал. Весьма печально.

Он был слегка озадачен. Почему мисс Марпл понадобилось увидеть его по поводу Роуз Эммотт?

Мисс Марпл села. Сел и сэр Генри. Когда мисс Марпл заговорила, лицо ее стало очень серьезным.

— Быть может, вы помните, сэр Генри, как мы приятно проводили время, обсуждая загадочные случаи и находя им объяснение. Вы были столь любезны, что отметили некоторые мои успехи...

— Да вы нас всех превзошли, мисс Марпл, —

отозвался сэр Генри. — Вы проявили прямо гениальные способности добираться до истины. И вы всегда, насколько я помню, приводили какой-нибудь случай из деревенской жизни, который давал вам ключ к разгадке.

— Ваши слова дали мне смелость прийти к вам сейчас. Я чувствую, что, если что-то скажу вам, вы по крайней мере не будете смеяться надо мной.

Сэр Генри понял, что ей не до шуток.

— Конечно, я не буду смеяться.

— Сэр Генри, эта девушка, Роуз Эммотт... Она не утопилась... *Ее убили...* И я знаю, кто ее убил.

Сэр Генри в полном изумлении секунды три безмолвствовал.

— Это достаточно серьезное заявление, мисс Марпл, — заметил сэр Генри.

— Знаю-знаю, вот почему я и пришла к вам.

— Но, дорогая мисс Марпл, вы обращаетесь не по адресу. Теперь я просто частное лицо. Если вы располагаете сведениями такого рода, вам надо идти в полицию.

— Думаю, что не могу этого сделать.

— Почему же?

— Видите ли, у меня нет никаких на то оснований.

— Выходит, это только ваша догадка?

— Если угодно, можете считать так. Но на самом деле это совсем не так. Я знаю. Я уверена, что знаю. Но если я приведу свои доводы инспектору Дрюитту, он просто посмеется. И, пожалуй, я не стала бы его винить за это. Очень трудно предугадать, как вы отнесетесь к своего рода особым свидетельствам.

— Например?

Мисс Марпл лукаво улыбнулась:

— Ну вот, если я вам скажу, что знаю, почему некто Пизгуд[53], приехав несколько лет назад на тележке продавать овощи, оставил моей племяннице вместо репы морковь.

— Подходящая фамилия для торговца, — пробормотал сэр Генри. — Как я понимаю, вы находите какое-то сходство?

— Я знаю человеческую природу, — сказала мисс Марпл. — Невозможно не знать человеческой природы, живя столько лет в деревне. Вопрос в том, верите вы мне или нет.

Сэр Генри принимал решения быстро, не крутясь вокруг да около. Каким бы невероятным ни казалось заявление мисс Марпл, он тут же понял, что принимает его.

---

[53] notes: 53
Хороший горох (*англ.*).

— Я *безусловно* верю вам, мисс Марпл, но не совсем понимаю, чего вы от меня хотите, зачем вы пришли ко мне.

— Я долго думала о случившемся, — сказала мисс Марпл, — но не решилась идти в полицию без каких-либо фактов. А фактов у меня нет. Я хотела попросить вас заинтересоваться происшествием. Инспектор Дрюитт был бы польщен. Я уверена. И, конечно, если дело пойдет, полковник Мельчетт — главный констебль — тоже. — Она умоляюще взглянула на него.

— И какими данными вы снабдите меня для начала?

— Я решила, что напишу на бумажке *имя* убийцы, — сказала мисс Марпл, — и отдам вам. И если после расследования окажется, что *этот* человек тут ни при чем, значит, я глубоко заблуждалась.

Она замолчала, потом, вздрогнув, добавила:

— Это ужасно. Просто ужасно, если повесят невинного человека. Возможно, я ошибаюсь... Хотя не думаю. Инспектор Дрюитт вообще-то, видите ли, здравомыслящий человек, но заурядные способности иногда крайне опасны.

Сэр Генри с любопытством взглянул на нее.

Мисс Марпл открыла свою маленькую сумочку, вытащила записную книжку, вырвала листок,

аккуратно вывела имя и, сложив его пополам, протянула сэру Генри.

Имя ему ничего не говорило. Сэр Генри слегка поднял брови, посмотрел на мисс Марпл и спрятал листок в карман.

— Ну и ну, — сказал он. — Довольно необычная история. Ничем подобным мне еще не приходилось заниматься. Но я рад буду утвердиться в своем мнении... о *вас,* мисс Марпл.

II

Сэр Генри сидел в комнате с полковником Мельчеттом, главным констеблем графства, и инспектором Дрюиттом.

— Я понимаю, что бесцеремонно вторгаюсь в это дело, — сказал сэр Генри. — И даже не могу объяснить, почему это делаю. Чистая правда!

— Дружище, мы польщены! Это большая для нас честь!.. — Про себя главный констебль подумал: «Бедняга, спятил от скуки у этих Бантри. Старик ругает правительство, а старуха без конца мелет про свои луковицы».

— Мы только благодарны вам, сэр Генри, — добавил инспектор. А сам подумал: «Жаль, что нет у нас настоящего дела. Я слышал, он один из лучших умов Англии. Жаль, что это такой простой

случай».

— Боюсь, что все это и подло, и просто, — сказал главный констебль. — Первая мысль была, что девушка сама утопилась. Она, знаете, была в интересном положении. Однако наш врач Хейдок — малый дотошный. Он обнаружил синяки на руках — прижизненные синяки. По-видимому, ее схватили и швырнули.

— Но для этого нужна сила!

— Думаю, что обошлось без борьбы. Очевидно, девушку застали врасплох. А этот пешеходный мостик вечно скользкий, перила только с одной стороны.

— Вы точно установили, что трагедия произошла именно там?

— Да. Тут есть мальчик лет двенадцати, Джимми Браун. Он был в лесу, на берегу реки. Слышал крик с моста и всплеск. Смеркалось, трудно было разглядеть что-нибудь. Но он заметил, что в воде плавает что-то белое. Он сбегал за подмогой, и ее вытащили, но было уже поздно.

Сэр Генри кивнул:

— Мальчик никого не заметил на мосту?

— Нет. Ведь уже смеркалось, да и по вечерам там всегда туман.

— У нас есть записка, сэр, — сказал инспектор

Дрюитт, обращаясь к сэру Генри. — Записку нашли в кармане платья этой девушки. Написана вроде карандашом, каким рисуют художники. Намокла сильно, но нам все же удалось прочитать.

— И что же в ней?

— Она от молодого Сандфорда. «Хорошо. Встретимся на мосту в восемь тридцать. Р.С.». Джимми Браун как раз в это время или чуть позже слышал крик и всплеск.

— Не знаю, знакомы ли вы с Сандфордом? — продолжал полковник Мельчетт. — Он здесь живет около месяца. Один из тех молодых архитекторов, что возводят несуразные дома. Он строит дом для Аллингтона. Бог знает, как все это будет выглядеть. Внутри, наверно, эти новомодные штуки: стеклянный обеденный стол, стальные кресла. Словом, ни то ни се, но характеризует этого малого — Сандфорда. В духе времени, знаете... Никаких моральных устоев.

— Совращение, — резюмировал сэр Генри, — давно признанное преступление, хотя, конечно, не столь древнее, как убийство.

— О да, — задумчиво произнес полковник Мельчетт. — Может быть, и так.

— Мерзкое преступление, — сказал Дрюитт. — И все тут ясно, сэр Генри. Молодой Сандфорд

совратил девушку и решил улизнуть назад в Лондон. У него там есть невеста, скромная молодая леди. Они помолвлены, и он скоро женится на ней. Но, конечно, если она узнает об этом, дело его пропащее. Он встречается с Роуз на мосту, вечер туманный, поблизости никого, хватает ее за плечи и сталкивает. Молодой негодяй. Он должен получить по заслугам — вот мое мнение.

Минуты две сэр Генри молчал. Он понимал, сколь сильно влияние местных предрассудков. Новомодный архитектор вряд ли мог пользоваться любовью в консервативной деревушке Сент-Мэри-Мид.

— Я полагаю, этот Сандфорд и был отцом будущего ребенка? — спросил он.

— Ну да, наверно, — подтвердил Дрюитт. — Роуз Эммотт рассказала обо всем отцу. Думала, что Сандфорд женится. Женится на ней! Как же, дожидайся!

«Боже мой! — подумал сэр Генри. — Словно в старомодной викторианской мелодраме. Невинная девушка, обольститель из Лондона, суровый отец, измена... Не хватает только преданного деревенского влюбленного. Пожалуй, пора поинтересоваться и этим».

— Неужели у девушки не было здесь молодого

человека? — спросил он у инспектора.

— Вы имеете в виду Джо Эллиса? Джо — хороший парень. Плотник. Вот если бы она держалась Джо...

Полковник Мельчетт кивнул в знак согласия.

— Знай свое место, — жестко произнес он.

— Как отнесся к этому Джо Эллис? — спросил сэр Генри.

— Никто этого не знает, — ответил инспектор. — Джо — тихий парень, замкнутый. Что бы ни делала Роуз, он все прощал. Прямо молился на нее. Все надеялся, что она вернется к нему.

— Я бы хотел его увидеть, — сказал сэр Генри.

— Мы как раз собираемся навестить его, — заметил полковник Мельчетт. — Мы не исключаем ни одной версии. Я думаю, надо сначала побеседовать с Эммоттом, потом с Сандфордом, а уже потом с Эллисом. Вас это устраивает, сэр Клитеринг?

Сэр Генри заверил, что это его вполне устраивает.

Они нашли Тома Эммотта в «Голубом кабане». Это был крупный дородный мужчина средних лет с хитрыми глазками и тяжелой челюстью.

— Рад видеть вас, джентльмены. Доброе утро, полковник. Заходите. Мы можем поговорить тут.

Вам что-нибудь предложить, джентльмены? Нет? Как вам будет угодно. Вы пришли по поводу моей бедной дочери? Да, она была хорошей девушкой, моя Роуз... Всегда была хорошей... Пока не появился этот негодяй... Прошу прощения, но иначе его не назовешь. Обещал жениться на ней. Обещал... Ну, я найду на него управу. Довел ее, скотина! Проклятый убийца! Навлек позор на всех нас. Бедная моя девочка!

— Дочь говорила вам, что именно мистер Сандфорд виновник... ее положения? — решительно спросил Мельчетт.

— В этой самой комнате говорила.

— А вы что ей сказали? — поинтересовался сэр Генри.

— Что сказал? — Эммотт, казалось, был застигнут врасплох.

— Ну... Вы не грозили выставить ее из дома?

— Я немного расстроился, это же так естественно. Уверен, вы поймете меня. Но я не угрожал выставить ее из дома. Я бы никогда ничего подобного себе не позволил. — Он изобразил благородное негодование. — Нет. «Для чего у нас законы? — Вот что я сказал. — Для чего существуют законы? Он должен порядочно поступить с тобой, а если не пожелает, тогда, бог свидетель,

ему придется платить». — Эммотт опустил кулак на стол.

— Когда вы в последний раз видели свою дочь? — спросил Мельчетт.

— Вчера. Около пяти за чаем.

— Как она себя вела?

— Ну... как всегда. Я ничего такого не заметил. Если бы я только знал...

— Но вы не знали, — сухо заметил инспектор.

Они ушли.

— Эммотт производит не очень приятное впечатление, — задумчиво произнес сэр Генри.

— Хорош мерзавец, — подтвердил Мельчетт.

Следующий визит они нанесли архитектору. Рекс Сандфорд был совсем не таким, как его представлял себе сэр Генри. Высокий, худой, волосы светлые, глаза голубые, мечтательные.

Полковник Мельчетт назвал себя и своих спутников. Затем он попросил архитектора рассказать, как тот провел предыдущий вечер.

— Вы понимаете, — предупредил полковник, — я не имею права заставлять вас говорить, и все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Я хочу, чтобы это было вам ясно.

— Я... я не понимаю, — пролепетал Сандфорд.

— Вы же знаете, что Роуз Эммотт утонула вчера

вечером...

— Знаю. Это так терзает меня. В самом деле, я не спал всю ночь. Я не в состоянии сегодня работать. Я чувствую ответственность... ужасную ответственность. Я никому не хотел причинять зла. Представить себе не мог, что она все так воспримет. — Он сел за стол и закрыл лицо руками.

— Надо понимать, Сандфорд, что вы отказываетесь сообщить, где находились вчера в восемь тридцать вечера?

— Нет, нет, конечно же нет! Я вышел прогуляться.

— Вы ходили на встречу с мисс Эммотт?

— Нет. Сам по себе... в лес... Далеко-далеко.

— Тогда, сэр, как вы объясните эту записку, которую нашли в кармане покойной? — И инспектор Дрюитт невозмутимым тоном прочитал ее. — Итак, сэр, вы отрицаете, что написали ее?

— Нет, нет, вы правы. Я в самом деле написал ее. Роуз просила встретиться. Она настаивала. Я не знал, что делать, вот и написал эту записку.

— Вот так-то лучше, — сказал инспектор.

— Но я не ходил! — Голос Сандфорда дрожал от волнения. — Я не ходил! Я чувствовал, что лучше не ходить. Я уже собирался вернуться в Лондон. Я чувствовал, что лучше... не встречаться. Я решил

написать оттуда и... кое-что устроить.

— Вам известно, сэр, что девушка ждала ребенка и что она назвала вас отцом ребенка?

Сандфорд застонал, но не ответил.

— Это верно, сэр?

Сандфорд закрыл лицо руками.

— Я думаю, да, — выдавил он.

— А-а! — Инспектор Дрюитт не мог скрыть злорадства. — Теперь об этой вашей «прогулке». Кто-нибудь видел вас вчера вечером?

— Не знаю. Не думаю. По-моему, я никого не встречал.

— Жаль.

— Что вы имеете в виду? Какое это имеет значение, гулял я или нет? Какое это имеет отношение к тому, что Роуз утопилась?

— Но, видите ли, она *не сама* бросилась в воду. Ее столкнули, мистер Сандфорд, — сказал инспектор.

— Столкнули... — Прошло некоторое время, прежде чем молодой человек осознал весь ужас случившегося. — Боже мой!.. Тогда, значит...

Полковник Мельчетт направился к выходу.

— И учтите, Сандфорд, из дома ни в коем случае не отлучайтесь.

Они вышли. Инспектор и главный констебль

обменялись взглядами.

— Полагаю, сэр, этого достаточно? — осведомился инспектор.

— Да. Выпишите ордер и арестуйте его.

— Простите, — сказал сэр Генри. — Я оставил перчатки.

Он вернулся в дом. Сандфорд продолжал сидеть в той же позе, бессмысленно уставившись в пространство.

— Я пришел, — обратился к нему сэр Генри, — и хочу заверить вас, что постараюсь сделать все возможное, чтобы помочь вам. Причину таких моих действий я вам открыть не могу, а пока хочу услышать от вас вкратце и по возможности точнее, что произошло у вас с этой самой Роуз.

— Она была такая хорошенькая, такая соблазнительная! И... она сама прямо прилепилась ко мне. Как перед богом говорю — это правда. А мне было здесь так одиноко, всем я тут пришелся не по душе. А она... поразительно хорошенькая и знала, чего добивается. Вот так все и произошло. Она хотела, чтобы я женился на ней. Я не знал, что делать. Я обручен с девушкой в Лондоне. Если она когда-нибудь узнает об этом... все пропало. Она не поймет. С какой стати? Конечно, я подлец. Я избегал Роуз. Думал, вернусь в город, встречусь

с адвокатом, договорюсь насчет денег и прочего. Господи! Какой же я был дурак! Я вижу, что обстоятельства против меня.

— Роуз когда-нибудь угрожала самоубийством?

— Никогда. Мне в голову не приходило, что она может решиться на это.

— А что вы скажете о человеке по имени Джо Эллис?

— О плотнике? Он из почтенной деревенской семьи. Туповатый малый, но был по уши влюблен в Роуз.

— Может быть, он приревновал? — предположил сэр Генри.

— Думаю, немного есть. Но он не из решительных. Будет страдать молча.

— Ну ладно. Мне надо идти, — сказал сэр Генри и поспешил присоединиться к своим спутникам.

— Знаете ли, Мельчетт, — сказал он, — думаю, нам следует сходить к этому Эллису, прежде чем принимать какие-то решительные меры. Жаль, если арест окажется ошибкой. В конце концов, ревность — достаточно веский повод для убийства, к тому же довольно распространенный.

— Это, конечно, верно, — согласился инспектор. — Но Джо Эллис не из таких. Он и мухи не обидит. Почему? Никто не видел, чтобы он ко-

гда-нибудь вышел из себя. Однако все же лучше спросить у него, где он был вчера вечером. Джо должен быть сейчас дома. Он снимает комнату у миссис Бартлетт — очень приличная особа, вдова.

Маленький коттедж, к которому они подошли, был безукоризненно чист. Крупная плотная женщина средних лет открыла им дверь.

— Доброе утро, миссис Бартлетт, — приветствовал ее инспектор. — Джо Эллис дома?

— Минут десять как вернулся, — ответила миссис Бартлетт. — Проходите, пожалуйста, господа.

Она провела их в крошечную гостиную, заставленную чучелами птиц, фарфоровыми собаками и другими бесполезными вещицами. Торопливо пододвинула им стулья и крикнула:

— Джо, тут трое джентльменов хотят тебя видеть!

Из кухни отозвался голос:

— Иду, только почищусь.

— Может быть, вы присядете, миссис Бартлетт, — обратился к ней полковник Мельчетт.

— О нет, сэр, и думать не смею, — смутилась миссис Бартлетт.

— Вы считаете Эллиса хорошим жильцом? — спросил Мельчетт беспечным тоном.

— Лучше и не надо, сэр! Спокойный молодой человек. Спиртного капли в рот не берет. Гордится своей работой. Добрый, помогает по дому. Смастерил мне вон те полки, повесил новый шкафчик на кухне. Да и мало ли что еще требуется сделать в доме. Джо делает все охотно, ничего не требуя. Много ли таких молодых людей, как Джо, сэр?

— Какой-нибудь девушке, наверно, повезет, — небрежно бросил Мельчетт. — Он ведь был влюблен в эту бедняжку, Роуз Эммотт, не так ли?

Миссис Бартлетт вздохнула:

— Глаза б мои не глядели. Молился на землю, по которой она ходила, а она и смотреть на него не хотела.

— Где Джо проводит вечера, миссис Бартлетт?

— Обычно дома, сэр. Иногда занят какой-нибудь работой по вечерам, еще пытается заочно выучиться бухгалтерии.

— Так, так. И вчера вечером тоже был дома?

— Да, сэр.

— Это точно, миссис Бартлетт? — строго спросил сэр Генри.

Она повернулась к нему:

— Совершенно точно, сэр.

— Был ли он дома что-то около восьми — восьми тридцати?

— Ну конечно, — засмеялась миссис Бартлетт. — Он почти весь вечер приделывал кухонный шкафчик, а я ему помогала.

Сэр Генри посмотрел на ее улыбающееся лицо и ощутил первую муку сомнения.

Минутой спустя Эллис вошел в комнату. Высокий, широкоплечий, по деревенским меркам красивый молодой человек. Застенчивый взгляд голубых глаз, дружелюбная улыбка. В общем, добродушный молодой великан.

Мельчетт начал разговор. Миссис Бартлетт удалилась на кухню.

— Мы расследуем обстоятельства смерти мисс Роуз Эммотт. Вы знали ее, Эллис?

— Да, — пробормотал он. — Надеялся когда-нибудь жениться на ней. Какое несчастье!..

— Вы знали, что она была в положении?

— Да. — Глаза его гневно блеснули. — Бросил он ее, вот что! Ну да к лучшему... Не была бы она счастлива с ним. Она вернулась бы ко мне. Я бы о ней позаботился.

— Несмотря на все?..

— Она не виновата. Он наобещал ей всякого... Она мне рассказывала. Не надо ей было топиться. Не стоил он этого.

— Где вы были вчера в восемь тридцать ве-

чера?

— Я был здесь. Прикреплял на кухне одну штуковину для миссис Би. Спросите у нее, она вам скажет.

И то ли показалось сэру Генри, то ли на самом деле прозвучало в этом подготовленном ответе какое-то смущение.

«Чересчур быстро ответил, — подумал сэр Генри. — Он тугодум. А тут выпалил моментом. Похоже, было приготовлено заранее».

Сэр Генри нашел предлог заглянуть на кухню. Миссис Бартлетт крутилась у плиты. Она подняла голову и мило улыбнулась. К стене был прикреплен новый шкафчик. Работа не была закончена. Вокруг лежали инструменты и несколько дощечек.

— Этим Эллис и был занят прошлым вечером? — поинтересовался сэр Генри.

— Да, сэр. Ведь неплохо сделано, правда? Джо очень хороший мастер. — Никакого страха в глазах, никакого смущения.

Но Эллис... Или почудилось ему это? Нет, *что-то* было... «Надо с ним поговорить», — решил сэр Генри. Повернувшись к выходу, он наткнулся на детскую коляску.

— Не разбудил ребенка, надеюсь?

Миссис Бартлетт рассмеялась:

— Что вы, сэр, у меня нет детей, к сожалению. На ней я развожу выстиранное белье, сэр.

— А, понятно... — Помедлив немного, он, повинуясь внезапному порыву, спросил: — Миссис Бартлетт, вы знали Роуз Эммотт? Скажите, что вы о ней думаете?

— Ну, сэр, я думаю, что она была ветреная девушка. Но она умерла, а я не люблю плохо говорить о покойных.

— Но у меня есть причина спрашивать, довольно основательная причина, — настаивал он.

Миссис Бартлетт задумалась. Затем решилась и спокойно сказала:

— Плохой она была человек, сэр. Я бы не стала этого говорить при Джо. Очень она *задурила* ему голову. Такие умеют, к сожалению. Вы знаете, как это бывает, сэр.

Сэр Генри это знал. Такие люди, как Джо Эллис, бывают обычно беззащитными. Безоглядно доверчивыми. Именно поэтому они испытывают более глубокие потрясения от подобных открытий.

Он был сбит с толку и вышел из коттеджа в полном недоумении. Перед ним была стена. Джо Эллис работал вчера весь вечер дома. Миссис

Бартлетт помогала ему. Как все это понять? Что противопоставить этим фактам? Нечего. Разве только подозрительно торопливый ответ Джо Эллиса?

— Ну вот, — сказал Мельчетт, — похоже, дело становится совершенно ясным.

— Кажется, так, сэр, — подтвердил инспектор. — Это Сандфорд. Ему теперь не выкрутиться. Ясно как божий день. По-моему, девица и отец шантажировали его. Денег у него не было. Он боялся, что история дойдет до его невесты. Отчаялся, ну и решился на такое... Что вы скажете на это, сэр? — обратился он к сэру Генри.

— Похоже на то, — согласился сэр Генри. — И все же я не могу представить себе Сандфорда в роли убийцы.

Сэр Генри прекрасно понимал, что вряд ли это может служить веским доводом. Даже кроткое животное, если его загнать в угол, способно на самые неожиданные действия.

— Надо все-таки поговорить с мальчиком, — вдруг предложил он, — с тем, что слышал крик.

Джимми Браун оказался смышленым парнишкой. Он с нетерпением ждал, когда ему начнут задавать вопросы, и был сильно разочарован, что от него первого не потребовали рассказать о том

роковом вечере.

— Ты, как я понимаю, был недалеко, на другой стороне реки, — начал разговор сэр Генри, — напротив деревни. Ты кого-нибудь видел на том берегу?

— Кто-то гулял по лесу. Я думаю, это был мистер Сандфорд. Джентльмен-архитектор, который строит чудной дом.

— Это было минут за десять до того, как ты услышал крик?

Мальчик кивнул.

— Видел ли ты еще кого-нибудь на другом берегу реки, там, где деревня?

— Какой-то человек шел по тропинке на той стороне. Шел медленно и посвистывал. Мне показалось, что это был Джо Эллис.

— Как же ты смог узнать его? В тумане, в сумерках? — резко спросил инспектор.

— По свисту. Джо Эллис всегда насвистывает одну и ту же песенку: *«Хочу быть счастливым»*. Это единственный мотив, который он знает, — снисходительно пояснил мальчик.

— Любой мог насвистывать этот мотив, — заметил Мельчетт. — Он шел по направлению к мосту?

— Нет, в другую сторону, к деревне.

— Не думаю, что стоит проявлять интерес к этому неизвестному, — заключил Мельчетт. — Ты слышал крики, всплеск воды и спустя несколько минут увидел тело, плывущее вниз по течению. Ты побежал за помощью назад через мост, прямиком в деревню. Ты никого не видел у моста? Когда бежал за помощью?

— Мне кажется, шли двое с тачкой по тропинке к речке, но они были немного в стороне. Я не мог понять, приближаются они или удаляются. Дом мистера Джайлза был ближе всех. Ну, я туда и побежал.

— Ты хорошо поступил, мой мальчик, — похвалил его Мельчетт.

— Ты действовал правильно. Ты ведь скаут, не так ли?

— Да, сэр.

— Очень хорошо.

Сэр Генри задумался. Достал клочок бумаги из кармана, посмотрел на него и покачал головой. Не может быть, и все же...

Он решил зайти к мисс Марпл.

Она приняла его в милой, несколько старомодной гостиной.

— Прибыл доложить об успехах, — невесело начал сэр Генри. — Боюсь, что, с нашей точки

зрения, дела не очень хороши. Собираются арестовать Сандфорда, и должен сказать, что считаю это оправданным.

— Так, значит, вы ничего не нашли в поддержку моей теории? — Мисс Марпл была взволнованна. — Может быть, я была не права, совсем не права? У вас такой большой опыт.

— Во-первых, — сказал сэр Генри, — я сам не могу никак в это поверить, а потом, мы сталкиваемся с неопровержимым алиби. Джо Эллис весь вечер прикреплял на кухне полки, а миссис Бартлетт наблюдала за его работой.

Мисс Марпл глубоко вздохнула.

— Не может быть! — возразила она. — Ведь это произошло в пятницу вечером.

— В пятницу вечером?

— Да, в пятницу вечером. В пятницу миссис Бартлетт по вечерам развозит белье заказчикам.

Сэр Генри откинулся на спинку стула. Он вспомнил, что мальчик Джимми рассказывал о насвистывающем человеке... Да... все сходится.

Он поднялся, с жаром пожимая руку мисс Марпл.

— Кажется, я знаю, что делать, — заявил он. — По крайней мере, можно попробовать...

Пять минут спустя он снова появился в котте-

дже миссис Бартлетт, где в маленькой гостиной среди китайских собачек встретился с Джо Эллисом.

— Вы солгали нам, Эллис, о прошлом вечере, — твердо сказал он. — Вас не было на кухне, и вы не вешали шкаф между восемью и восемью тридцатью. Вас видели на тропинке у моста за несколько минут до того, как была убита Роуз Эммотт.

Эллис окаменел.

— Она не была убита, нет! Я ничего не мог сделать. Она бросилась сама... Она потеряла голову. Я бы никогда не тронул ее.

— Тогда зачем вы солгали? — не отступал сэр Генри.

— Я испугался. Миссис Бартлетт видела меня там. Когда потом мы узнали, что произошло... Ну, она подумала, что это может плохо для меня кончиться. Мы решили: я скажу, что работал здесь. Она редкий человек, редкий. Она всегда так добра ко мне.

Ни слова не говоря, сэр Генри вышел из комнаты на кухню. Миссис Бартлетт мыла посуду.

— Миссис Бартлетт, — обратился он к ней, — я знаю все. Думаю, вам лучше признаться, если вы не хотите, чтобы Джо Эллиса повесили за то, чего он не совершал... Нет? Я вижу, не хотите?

Расскажу вам тогда, что случилось. Вы пошли развозить белье из стирки, встретили Роуз Эммотт. Вы знали, что она бросила Джо и крутит с этим приезжим. И вот она попала в беду... Джо готов прийти к ней на помощь, готов жениться, если она согласится. Вы возненавидели эту девицу... Вы не могли допустить, чтобы эта никудышная девчонка увела у вас мужчину. Вы женщина сильная, миссис Бартлетт, вы схватили девушку за плечи и столкнули в реку. Через несколько минут вы встретили Джо Эллиса. Мальчик Джимми видел вас издалека, но из-за темноты и тумана принял детскую коляску за тачку, которую везли двое мужчин. Вы убедили Джо, что его могут заподозрить, и придумали ему алиби, но на самом деле это было алиби для вас. Я прав, не так ли?

Сэр Генри затаил дыхание. Он все поставил на кон. Женщина стояла перед ним, вытирая руки о передник и медленно обдумывая ответ.

— Точно так, как вы говорите, сэр, — наконец произнесла она невозмутимым глухим голосом (опасным голосом, как вдруг определил его сэр Генри). — Не знаю, что нашло на меня. Бесстыжая, вот она какая была. На меня просто нашло... Она не имела права забирать у меня Джо. У меня ничего не было хорошего в жизни, сэр. Муж мой

был несчастный человек, инвалид и упрямец. Я лечила его и ухаживала за ним по-честному. А потом Джо снял у меня комнату. Я не совсем старая женщина, сэр, хоть у меня и седые волосы. Мне только сорок, сэр. Таких, как Джо, — один на тысячу. Я бы ради него не знаю что сделала. Он как маленький ребенок, сэр. Такой добрый, такой доверчивый. Он был мой, сэр, я заботилась о нем... И тут эта... — Миссис Бартлетт проглотила конец фразы.

Даже в такой момент она оставалась сильной женщиной. Несчастная стояла прямо и с вызовом смотрела на сэра Генри.

— Готова идти, сэр. Никогда бы не подумала, что кто-нибудь догадается. Ума не приложу, как вы узнали. Не пойму, в самом деле.

Сэр Генри покачал головой.

— Это было нелегко, — сказал он и подумал о листочке бумаги, все еще лежащем у него в кармане. На нем было выведено старомодным почерком:

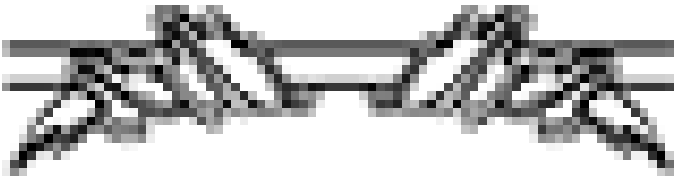
«Миссис Бартлетт, у которой проживает Джо Эллис».

Мисс Марпл опять оказалась права.

ТРУП В БИБЛИОТЕКЕ

THE BODY IN THE LIBRARY

ПРЕДИСЛОВИЕ



«В каждом литературном жанре существуют собственные клише. Возьмем, к примеру, «отважного и злого баронета» из мелодрамы и «труп, найденный в библиотеке» из детективной истории. Несколько лет я обдумывала возможность написания приличной «вариации на прекрасно известную тему». И поставила для себя некие условия. Во-первых, библиотека, о которой идет речь, должна

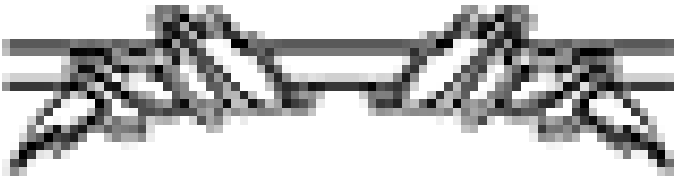
быть в высшей степени ортодоксальной и обыкновенной. Труп, напротив, должен оказаться в высшей степени невероятным и сенсационным. Такой представлялась мне ситуация, которая, однако, в течение многих лет оставалась без изменений – пребывая в виде нескольких строчек, набросанных в записной книжке. А потом, как-то летом, остановившись на несколько дней в модном отеле у моря, я заметила в столовой за соседним столиком любопытное семейство: пожилого инвалида в кресле-каталке, а с ним целую группу молодежи. К счастью, они уехали на следующий день, так что мое воображение смогло приступить к работе, не будучи отягощенным какой-то конкретной информацией. Когда люди спрашивают о том, использую ли я в своих книгах списанные с натуры портреты реальных людей, я отвечаю, что просто не способна писать о тех, кого знала, с кем говорила, да даже о ком слышала! По неведомой мне причине они не могут обрести место в моих книгах. Однако я могу воспользоваться неким манекеном,

наделяя его качествами, рожденными собственным воображением.

Так пожилой калека сделался осью, вокруг которой развернулась история. Полковник Бантри вместе со своей миссис, старые друзья моей мисс Марпл, предоставили мне нужную библиотеку. Добавляем в этот кулинарный рецепт следующие ингредиенты: тренера-теннисиста, молодую танцовщицу, киношника, девочку-скаута, хозяйку дансинга и так далее – и подаем блюдо *a la* мисс Марпл!

Агата Кристи».

ТРУП В БИБЛИОТЕКЕ



Посвящается моей подруге Нэн

ГЛАВА 1

I

Миссис Бантри привиделся сон: ее душистый горошек занял первое место на выставке цветов! Вручал призы викарий в полном облачении, а жена викария в купальнике помогала ему. Разумеется, случись такое наяву, экстравагантность ее одежды вызвала бы единодушное порицание паствы.

Миссис Бантри нежилась в том приятном утреннем забытьи, которое вот-вот должна была оборвать служанка с чашкой раннего чая. Сквозь дрему уже различались многочисленные звуки просыпающегося дома. Вот горничная отдернула занавеси окна, служанка метет коридор, и кто-то звякнул щеколдой входной двери.

Новый день начался. И миссис Бантри спешила насладиться упоительными мгновениями цветочной выставки, потому что опасалась в последний момент какого-нибудь подвоха.

В гостиной этажом ниже с шумом растворились деревянные ставни. Этот звук не разбудил ее полностью, она знала, что хождение взад-вперед,

дребезжание и треньканье будут тянуться еще полчаса, звуки были слишком привычны, чтобы обращать на них внимание. Кульминацией возни станет лишь шуршание коленкорового платья да звяканье посуды на подносе, когда Мэри постучит к ней в дверь.

В полусне миссис Бантри нахмурилась. В подсознание ворвалось нечто непривычное: звук поспешных шагов. Напрасно слух ловил нежное позвякивание фарфора на подносе: в это утро ей не суждено было его услышать. Однако стук в дверь раздался, и она машинально произнесла, не открывая глаз:

— Войдите же!

Дверь отворилась, но никто не отдернул гардину окна, как обычно. В полутьме спальни прозвучал растерянный, задыхающийся голос Мэри:

— Мадам! Мадам! *Там в библиотеке труп!*

С коротким всхлипыванием горничная убежала.

II

Миссис Бантри села в кровати. Что это? Продолжается причудливый сон? Или Мэри действительно ворвалась к ней с невероятными словами:

«Мадам, в библиотеке труп»?

— Немыслимо, — пробормотала миссис Бантри. — Конечно, это сон.

Но она уже знала, что это не игра воображения. Мэри, обычно такая уравновешенная, произнесла-таки странные слова. Поразмыслив минуту, миссис Бантри локтем толкнула спящего рядом мужа.

— Артур! Артур, проснись!

Полковник пробормотал нечто нечленораздельное и повернулся на другой бок.

— Артур, ты слышал, что она сказала?

— Разумеется, — отозвался он сонно. — И я полностью согласен с тобою, Долли.

Он намеревался спать дальше. Миссис Бантри потрясла его за плечо:

— Да слушай же! Мэри сказала, что в библиотеке лежит труп.

— Что лежит?

– *Труп.* В *библиотеке.*

— Кто сказал?

— Мэри.

Полковник Бантри решил проблему с маху:

— Вздор, дорогая! Тебе все приснилось.

— Нет. Мне тоже поначалу хотелось ущипнуть себя. Однако Мэри входила сюда в самом деле. И

она это сказала.

— Мэри явилась, чтобы сообщить о трупе?

— Именно.

— Но это же полнейшая чепуха!

— Согласна. Только зачем бы ей молоть чепуху?

— Она просто еще не приходила сюда!

— Приходила!

— Уверяю, тебе померещилось.

— Вовсе нет.

Теперь полковник очнулся окончательно. Голос его звучал успокаивающе:

— Полно, милая. Во всем виноват полицейский роман, который ты читаешь на ночь. *«Тайна сломанной спички»*, не так ли? Что-нибудь вроде: «Лорд Эджбастон обнаружил труп прекрасной блондинки на ковре своей библиотеки...» В романах трупы всегда оказываются в библиотеках. В нормальной жизни я об этом не слыхал.

— А вот теперь, возможно, увидишь воочию. Вставай и пойди туда.

— Не подумаю, Долли. Твой кошмар переплелся с действительностью, *так случается.*

— Да вовсе мне снилось не то. Я была на выставке цветов, а жена викария прогуливалась в пляжном костюме... ну, что-то вроде этого, во

всяком случае.

Миссис Бантри раздраженно поднялась и отодвинула штору. Комнату залил яркий свет осеннего солнечного утра.

— Ну клянусь, что это не сон. Хватит, Артур. Вставай и спустись вниз, разузнай все.

— По-твоему, я должен спуститься и спросить, лежит ли в библиотеке труп? Да меня все слуги посчитают рехнувшимся!

— Ни о чем не спрашивай. Если труп в самом деле... А вдруг окажется, что Мэри все-таки сошла с ума? Или у нее обнаружатся галлюцинации? Если труп лежит, ты об этом узнаешь. Так что спустись, и все.

Полковник с ворчаньем натянул халат. Пройдя коридор, он спустился по лестнице. Внизу столпилась прислуга, женщины плакали.

Дворецкий, сохраняя достоинство, выступил вперед:

— Большое облегчение видеть вас, сэр! Я приказал ничего не трогать до вашего прихода. Следует ли мне теперь звонить в полицию?

— По какому поводу?

Дворецкий укоризненно взглянул на Мэри, которая всхлипывала на плече у кухарки.

— Я был уверен, что Мэри сообщила вам, сэр.

Она мне так сказала.

Мэри пролепетала:

— Ах, я сама не помню, что говорила! Я так разволновалась, ноги дрожат до сих пор. Удивляюсь, как я не упала в обморок! Я же первая увидела это там... — Она вновь припала к миссис Экклс, которая успокаивала ее:

— Ну, полно, крошка, полно.

— Конечно, Мэри потрясена, сэр, — пояснил дворецкий. — Именно она сделала ужасное открытие. Войдя, как обычно, в библиотеку, чтобы раздвинуть гардины, она прямо-таки наступила на труп!

— Вы хотите сказать, что у меня в библиотеке труп?.. У *меня* в библиотеке?!

Дворецкий беспомощно кашлянул:

— Может быть, вы взглянете сами, сэр?

III

— Алло, полицейский участок слушает. Кто говорит? — Констебль Пальк одной рукой застегивал пуговицу у ворота, а другой держал трубку. — А, это замок Госсингтон? Доброе утро, сэр! — Голос полицейского утратил официальность. Он узнал полковника Бантри, главного судью округа и ревностного покровителя всех

местных видов спорта. — Чем могу быть полезен, сэр? Простите, не расслышал. Вы сказали, *труп?* Очень хорошо. Неизвестная вам женщина? Отлично. Можете на меня рассчитывать, сэр!

Пальк повесил трубку, присвистнул и начал звонить своему начальнику. Миссис Пальк приоткрыла кухонную дверь, откуда доносилось благоухание жареного бекона.

— Что еще стряслось?

— Поразительная штука! Только что в замке Госсингтон, в библиотеке полковника, обнаружен труп молодой особы.

— Убита?

— Кажется, задушена.

— Кто она такая?

— Полковник уверяет, что не имеет понятия.

— А что же она тогда у него делала?

Пальк вдруг замахал на нее рукой, чтобы призвать к молчанию. Тон его изменился:

— Инспектор Слэк? Докладывает констебль Пальк. Получил сообщение, что сегодня в четверть восьмого утра обнаружен труп молодой женщины...

IV

Телефонный звонок застал мисс Марпл во время одевания. Это несколько встревожило ее: для телефонной болтовни время слишком раннее. Распорядок дня старой дамы не терпел нарушений.

— О боже, — прошептала она, уставившись на телефон. — Кто бы это мог быть?

Деревенские знакомые не беспокоили ее раньше половины десятого. Именно тогда обсуждались планы на день и приглашения на вечер. Один лишь мясник осмеливался позвонить раньше девяти, если хотел предупредить, что не может выполнить заказ. Правда, племянник мисс Марпл, молодой человек весьма взбалмошный, к тому же писатель, звонил ей в самое неподходящее время, однажды даже без четверти двенадцать ночи... Но эксцентричный Реймонд Вест вовсе не был ранней пташкой. Нет, никто не решился бы трезвонить до восьми утра. А было без четверти восемь. Даже для телеграммы слишком рано: почта открывалась позже.

«Скорее всего, ошибка», — решила мисс Марпл, но все-таки сняла трубку.

— Это вы, Джейн?

— Вы рано поднялись сегодня, Долли!

Голос миссис Бантри показался ей сдавленным.

— У нас произошло нечто ужасное!

— Что именно, дорогая?

— В библиотеке мы обнаружили труп.

С минуту мисс Марпл колебалась: не лишилась ли ее приятельница рассудка?

— Повторите, *что* вы обнаружили?

— Ах, понимаю, как вы изумлены. Я и сама верила, что такое случается лишь в романах. Артура тоже пришлось долго уговаривать, прежде чем он согласился спуститься в библиотеку.

Мисс Марпл овладела своими чувствами и с невольным вздохом спросила:

— Но чей же труп?

— Блондинки.

— Чей-чей?

— Миловидной блондинки... все опять как в романах! Никто из нас ее не знает. Она лежит мертвая в библиотеке. Необходимо, чтобы вы поскорее приехали!

— Чтобы *я* приехала?

— Я тотчас посылаю за вами машину, хорошо?

Мисс Марпл неуверенно пробормотала:

— Разумеется, если вы нуждаетесь в моральной

поддержке...

— Да бог с ней, с поддержкой! Вы всегда так ловко разгадывали детективные загадки...

— Вы преувеличиваете. Это были только теоретические успехи.

— Нет, нет! Убеждена, вы докопаетесь до убийцы. Эта молодая женщина задушена. В конце концов, если мой дом стал ареной загадочного преступления, я хочу получить удовлетворение хотя бы от распутывания клубка! Итак, Джейн, помогите найти виновного, и увидите, как вас это захватит!

— Ну что ж, милочка, если я могу *оказать* вам какую-то услугу...

— И прекрасно! Артур, знаете, со мною не согласен. Он считает, что я ищу развлечения в этой плачевной ситуации. Безусловно, произошла драма. Но я в конце концов вовсе незнакома с этой особой... Когда вы все увидите, у вас тоже возникнет ощущение *нереальности.*

V

Слегка взвинченная, мисс Марпл вышла из машины Бантри; шофер любезно распахнул перед ней дверцу.

Полковник стоял на ступеньках и едва скрыл

удивление:

— Мисс Марпл... гм, рад вас видеть.

— Видите ли, миссис Бантри позвонила...

— Разумеется. Необходимо, чтобы возле нее кто-то побыл. Иначе нервы ее совсем разгуляются. Она пока крепится, но в любой момент...

В дверях появилась миссис Бантри. Довольно резко бросила мужу:

— Ну а ты что тут делаешь, Артур? Ступай завтракать, твой бекон остынет.

— Мне показалось, инспектор...

— Он явится, и очень скоро. Так что поспеши хорошенько закусить, силы тебе понадобятся.

— Может быть, пойдем вместе?

— Иду, иду. — И миссис Бантри подтолкнула полковника к двери, как упрямого осла. — Отправимся *сразу,* Джейн! — воскликнула она, уводя мисс Марпл в восточное крыло замка.

У дверей библиотеки стоял констебль.

— Простите, мэм, но входить нельзя. Таков приказ самого инспектора.

— Ну не глупы ли вы? Разве вам не знакома мисс Марпл?

Констебль Пальк замялся.

— Просто необходимо, чтобы она увидела труп. Это чрезвычайно важно! Будьте же благоразум-

ны, Пальк. В конце концов, я у себя дома и это моя библиотека!

Пальк уступил. Он с детства привык тушеваться перед местной знатью. «Авось инспектор не узнает», — подумал он.

— Но хотя бы ни к чему не прикасайтесь.

— Об *этом* мы и сами сумели бы догадаться, — высокомерно бросила миссис Бантри. — Перестаньте нервничать. А вообще, можете нас сопровождать, если хотите.

Констебль с облегчением ухватился за это разрешение. Нарушение правил минимальное, поскольку он от них не отойдет.

Миссис Бантри подвела свою приятельницу к старомодному камину и лишь с этой позиции мелодраматически произнесла:

— А теперь смотрите!

Мисс Марпл тотчас оценила ее маневр: именно отсюда нереальность распростертого тела особенно бросалась в глаза.

Библиотека, вернее гостиная, повторяла характер своих владельцев: просторна, но небрежно обставлена и с приметами безалаберности. У кресел были продавлены сиденья, а на большом столе вперемешку валялись курительные трубки, книги и деловые счета. По стенам висели

хорошие фамильные портреты и слащавые акварели викторианской эпохи, перемежаясь к тому же с претенциозными литографиями комических охотничьих сцен. В одном углу красовалась огромная ваза с цветами. Эта обветшалая комната хранила меланхолическую память об ушедших поколениях и о предметах, которые были им когда-то дороги.

На вытертой медвежьей шкуре впритык к камину лежала молодая девушка... вернее, тело молодой девушки с волосами крашеной блондинки, уложенными весьма искусно вокруг лица. На ней было надето вечернее платье из белого атласа со смелым вырезом на спине. Переизбыток косметики и пудры особенно был заметен на опухшем и посинелом лице: тушь от ресниц растеклась пятнами на щеках, а яркая помада делала рот похожим на раскрытую рану. Кроваво-красный лак ногтей рук и ног, обутых в парчовые босоножки, дополнял впечатление дурного вкуса и дешевки. Она ну никак не вязалась с аристократической чопорностью гостиной!

Миссис Бантри вполголоса сказала гостье:

— Теперь вам понятно мое впечатление, что в этой несчастной есть что-то *ненатуральное?*

Старая дама кивнула, медленным взглядом

обводя неподвижное тело. Лишь после этого ответила, тоже полушепотом:

— Так юна!

— Да, пожалуй, — отозвалась миссис Бантри с видимым удивлением, словно раньше это ей в голову не приходило.

В аллее под колесами автомобиля зашуршал гравий. Пальк поспешно пробормотал:

— Инспектор!

Чтобы не подводить констебля, ибо миссис Бантри считала необходимым поддерживать престиж людей хорошего общества перед низшими слоями, обе дамы покинули библиотеку.

— Все в порядке, Пальк. Не волнуйтесь.

И констебль почувствовал огромное облегчение от этих слов.

VI

Торопливо запив последним глотком кофе едва прожеванный кусок жаркого, полковник Бантри поспешил в вестибюль и обрадованно заметил, что из машины следом за инспектором Слэком выходит главный констебль графства полковник Мельчетт. Мельчетт был его приятелем, тогда как к Слэку он не питал ни малейшей симпатии: слишком уж самостоятелен и резок в обращении

этот Слэк! Ему безразлично, какое впечатление он производит.

— Доброе утро, Бантри, — сказал главный констебль графства. — Не посетуйте, что приехал сам. Дело-то из ряда вон выходящее!

— Вот именно... вполне согласен, — проговорил, запинаясь, Бантри. — Прямо-таки *неслыханное* и *невероятное...*

— Кто она, вам неизвестно?

— Ни в малейшей степени! Вижу впервые.

— И дворецкий ее не знает?

— Лоример в таком же недоумении, как и я.

— Н-да... — вздохнул инспектор.

— Может быть, позавтракаете, Мельчетт? В столовой еще накрыто, — предложил полковник.

— Благодарю. Предпочитаю немедля приступить к расследованию. С минуты на минуту появится доктор Хейдок... Ага, вот и он!

Подкатил второй автомобиль, и из него выгрузился толстяк-доктор, совмещавший с частной практикой обязанности судебного эксперта. Его сопровождали два полицейских чина в штатском, один с фотоаппаратом.

— Все в сборе? — спросил главный констебль. — Тогда приступим. По словам Слэка, труп в библиотеке?

Полковник Бантри обиженно проворчал:

— Какая-то фантасмагория! Когда меня разбудила жена, я не хотел верить словам горничной о каком-то трупе в библиотеке.

— Вполне сочувствую. Надеюсь, прискорбное событие не слишком потрясло миссис Бантри?

— Она держится молодцом! И тотчас призвала мисс Марпл, ну, одну из соседок.

— Мисс Марпл? — Главный констебль поднял брови. — Почему же именно ее? А?

— В затруднениях женщины всегда ищут общества друг друга. Разве не так?

Полковник Мельчетт хмыкнул:

— Ну, я держусь другого мнения. Дамы решили заняться любительским сыском. Ведь мисс Марпл — знаменитый детектив в масштабе деревни! Помните, Слэк, как она однажды нас всех обошла?

— Да, но при других обстоятельствах.

— То есть?

— Просто жертва была из этих же мест. А что старая дама имеет сведения обо всем, что происходит в округе, я вполне с вами согласен. Однако нынешнее дельце ей не по зубам!

Мельчетт суховато возразил:

— Ну и вы знаете не больше ее об этом деле.

— Терпение, сэр. Я еще не взялся за работу.

VII

В столовой теперь расположились обе дамы. Едва мисс Марпл притронулась к завтраку, хозяйка дома уже не могла сдержаться:

— Итак, Джейн?..

Мисс Марпл взглянула на нее с укоризной:

— Это происшествие наверняка вам что-нибудь *напоминает,* не так ли?

Дело в том, что мисс Марпл для объяснения загадочных историй любила приводить по аналогии детали мелких деревенских происшествий.

— Право же, нет, — в задумчивости проронила мисс Марпл. — Пока что ничего похожего не припомню. Хотя эта неизвестная бедняжка заставила меня почему-то подумать о младшей дочери миссис Четти. Ну, вы знаете... об Эди... той, что грызла ногти. У нее еще слегка выдавалась верхняя челюсть. Пожалуй, это все. Не считая того, что Эди тоже имела пристрастие к броским, аляповатым нарядам.

— Вы имеете в виду платье убитой?

— Да. Материя роскошная, а сшито небрежно.

— Мне тоже бросилось это в глаза. Наверное, из тех лавчонок, где залежалый товар сбывают

за гинею на круг. Но... что же стало потом с маленькой Эди?

— Недавно поступила служить на второе место, и, говорят, ею вполне довольны.

Миссис Бантри не скрыла разочарования: сравнение привело в тупик.

— Я в полном недоумении, — продолжала она. — Что этой девушке понадобилось в библиотеке Артура? Пальк утверждает, что окно было взломано. Может быть, она из шайки грабителей? Они неожиданно перессорились... Нет, объяснение слабовато!

— Одета не для ночного грабежа, — заметила мисс Марпл.

— Вы правы. Скорее для бала или торжества. Но ничего подобного не устраивалось у нас в окрестностях!

— Ну... пожалуй... — Тон у мисс Марпл был, однако, не совсем уверенный.

— Выкладывайте, Джейн, что у вас на уме?

— Просто подумалось...

— О ком?

— О Бэзиле Блейке.

— Ну уж нет! — вырвалось у миссис Бантри. — Я ведь знакома с его матерью.

Она беспомощно взглянула на приятельницу.

Мисс Марпл со вздохом кивнула:

— Ваши чувства вполне понятны.

— Селина Блейк — такая достойная леди... На ее газонах восхитительные бордюры, я просто умираю от зависти. А на черенки редких растений она тратит уйму средств!

Эти достоинства, кажется, не имели особой цены в глазах мисс Марпл. Она сказала:

— И все-таки ходило немало *слухов*...

— Знаю, знаю, — поспешно согласилась миссис Бантри. — Артур прямо зеленеет, когда слышит имя этого шалопая. Он *так* ему нагрубил! Привык ко всему относиться чересчур легкомысленно, как, впрочем, большинство современной молодежи. А его *костюмы!* Некоторые воображают, будто в деревне можно напялить на себя что вздумается. Какая чушь! Тут-то вас и оглядывают с головы до ног. — Помолчав, она добавила: — А в ванночке он выглядел таким прелестным беби!

— Воскресная газета приводила фотографию известного убийцы Шевиота, когда тот был ребенком. Очень мил, — мимоходом заметила старая дама.

— Но, Джейн, вы же не подозреваете, что именно *он*...

— Нет-нет, милая. И в мыслях не держу. Поспеш-

ные заключения не в моих правилах. Просто один из вариантов появления разодетой девицы. Ведь Сент-Мэри-Мид — такая глушь! Она могла быть гостьей лишь Бэзила Блейка. Он постоянно устраивает вечеринки, к нему наезжают из лондонских киностудий... Помните дебош в прошлом июне? Вопли, песни, *адский* грохот... Видимо, все перепились. Миссис Берри рассказывала мне, что на следующий день вымела груду разбитых рюмок, а в ванне спала почти совсем *раздетая* женщина.

Миссис Бантри снисходительно процедила:

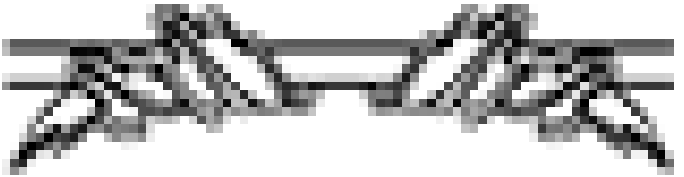
— Наверное, из артисточек...

— Возможно. И потом... мистер Блейк время от времени привозит на уик-энд некую особу... платиновую блондинку.

— Но ведь *это* не она? — воскликнула миссис Бантри.

— Я в этом не уверена, потому что *вблизи* ее не видела. Только когда она выходила из машины да один раз в саду, за оградой виллы: она загорала в шортах и лифчике. Все нынешние молодые женщины с их косметикой и крашеными волосами на одно лицо!

— А *вдруг,* Джейн, вы правы? Хоть какая-то ниточка к разгадке.



ГЛАВА 2

I

Полковник Мельчетт и мистер Бантри были заняты обсуждением той же проблемы.

После осмотра трупа главный констебль оставил подчиненных заниматься их обычной работой, а сам уединился с хозяином дома в его рабочем кабинете.

У полковника Мельчетта была привычка в минуты озабоченности пощипывать свои короткие

рыжеватые усы. Он как раз и предавался этому занятию, бросая косые взгляды на собеседника.

— Послушайте, Бантри. Мне необходимо докопаться до правды. Вы действительно не знакомы с этой женщиной?

Полковник Бантри энергично запротестовал, но главный констебль перебил его:

— Полно, старина. Подумайте о последствиях. Вы женаты, преданы жене, любите свой очаг. Но, между нами говоря, если вы хоть *как-то* связаны с этой особой, лучше признайтесь мне *сразу*. Ваши колебания понятны: я сам на вашем месте был бы в ужасном затруднении. Но необходимо через все переступить. Совершено преступление, и подоплека его должна стать явной. Черт побери! Я ведь не утверждаю, что *вы* ее задушили! Вы на это не способны, отлично знаю. Но как сбросить со счетов то, что она проникла именно к вам? Допустим, она забралась сюда незаконным путем, чтобы увидеть вас, а следом крался некий тип, он-то и сделал это дело. Все возможно. Понимаете, что я хочу сказать?

— Да я ее в глаза не видел! Нечего предполагать невесть что...

— В таком случае все в порядке. Заметьте, я не собираюсь бросить в вас камень. Мы люди одного

круга, и раз вы утверждаете... Разузнать бы, что ей здесь понадобилось! Она не из местных, это очевидно.

— История, похожая на кошмарный сон, — простонал полковник Бантри.

— Нам необходимо выяснить, что она тут делала.

— Откуда мне знать? *Я* ее не приглашал.

— Разумеется, но она-то *явилась.* Все сходится на том, что ей понадобилось повидать вас. Не было ли письма или иного послания?

— Абсолютно ничего.

Полковник Мельчетт спросил с осторожной деликатностью:

— А что вы сами делали вчера вечером?

— В девять часов ездил на Мач Бенэм, на собрание отделения партии консерваторов.

— И когда возвратились?

— Я уехал из Мач Бенэма вскоре после десяти. Правда, в пути спустило колесо у машины. Такая неприятность, пришлось его менять. Домой попал только без четверти двенадцать.

— В библиотеку к себе не заходили?

— Нет.

— Жаль.

— Устал, знаете. Сразу прошел в спальню.

— Дома вас никто не поджидал?

— Никто. У меня свой ключ. Лоример отправляется на покой в одиннадцать. Если нет особых распоряжений, разумеется.

— Кто обычно закрывает библиотеку?

— Лоример. Приблизительно около половины восьмого в это время года.

— Позднее он туда не заходит?

— Нет, когда я в отсутствии, поднос с виски и стаканами он оставляет в вестибюле.

— Понятно. А миссис Бантри?

— Вернувшись, я застал ее крепко спящей. Возможно, что вечер она коротала в гостиной. Я не спрашивал.

— Пока это несущественно. Все подробности выяснятся в свое время. Послушайте, а не сделал ли это кто-нибудь из слуг?

— Ни в коем случае! — горячо запротестовал Бантри. — Честнейшие люди, живут у меня в доме по многу лет.

Мельчетт согласился:

— Я и сам не думаю, что они замешаны в эту историю. Жертва скорее всего приехала из Лондона... в сопровождении какого-нибудь молодчика. Вот только зачем было залезать в окно?!

Бантри пробормотал, не слушая:

— Из Лондона... вполне правдоподобно... в нашей глуши танцулек не бывает... кроме как...

— Кроме?

— Кроме как у Бэзила Блейка.

— Это кто?

— Один юнец, связанный с кино. Сомнительная личность! Моя жена выгораживает его, но лишь потому, что воспитывалась в одном пансионе с его матерью. Истинное дитя нашего века! Меня всегда подмывает дать ему пинка в зад. Он живет в коттедже по дороге на Лэншэм... Может быть, обращали внимание — этакая модерновая вилла? Устраивает вечеринки, на которые съезжается банда крикунов. А в конце недели обычно привозит какую-нибудь вертихвостку.

— Молодую женщину?

— Именно. На прошлой неделе это была... платиновая блондинка. — Лицо Бантри вытянулось.

— Блондинка, — задумчиво повторил Мельчетт.

— Ну да. Однако вы ведь не думаете?..

Главный констебль подхватил с живостью:

— А почему нет? Все в пределах допустимого. И кстати, отлично объясняет бальный наряд девицы глухой ночью в Сент-Мэри-Мид! Положительно, с этим молодым человеком следует

повидаться, кое о чем спросить... Как его? Блейк?

— Бэзил Блейк.

— Я его сейчас застану дома?

— А что нынче? Суббота? Вот он обычно и заявляется субботним утром.

— Немедленно отправляюсь туда!

II

Вилла Блейка, возведенная в ужасающем стиле псевдо-Тюдор, имела внутри все современные удобства. Почтовики знали ее как «Чатсворт», приятели Бэзила окрестили «Нашей эпохой», а жители Сент-Мэри-Мид называли по имени владельца «домом мистера Букера».

Ловкий мистер Букер купил в свое время выгодный участок между деревней и гостиницей «Голубой кабан». Фасад виллы смотрел на самую дорогу, по которой несколько дальше располагалось поместье Госсингтон.

Деревенские жители умирали от любопытства, когда разнесся слух, что дом Букера сняла какая-то кинозвезда. С жадностью ожидали приезда этого сказочного существа. И надо признать, что экстравагантность Бэзила Блейка оправдала их ожидания. Однако мало-помалу истина выплыла наружу. Не только звездой, но и простым актером

Бэзил *не был.* Его имя изредка проскальзывало в титрах, где-нибудь на пятнадцатом месте в перечне декораторов студии «Лемвилль», входившей в британскую ассоциацию фильмов «Новая эра».

У деревенских красоток интерес к новоселу мгновенно упал. И лишь старушки продолжали перемывать ему кости. Зато радовался хозяин «Голубого кабана»: наезды Бэзила и его собутыльников заметно подняли доходы гостиницы.

Полицейская машина остановилась у замысловатой садовой ограды, которая была плодом выдумки самого мистера Букера. Скользнув взглядом по архитектурным вычурностям «Чатсворта», полковник Мельчетт, не останавливаясь, прошел к входной двери и звучно ударил висевшим на ней молотком.

Ему отворили, против ожидания, почти мгновенно. Молодой брюнет с длинными волосами, облаченный в оранжевые вельветовые брюки и ярко-голубую рубашку, неприязненно спросил:

— Что вам нужно?

— Вы мистер Бэзил Блейк?

— Допустим, я.

— Если разрешите, хотел бы побеседовать с вами.

— А вы, собственно, кто?

— Полковник Мельчетт, главный констебль графства.

Молодой человек развязно ухмыльнулся:

— Вот так штука! Я понадобился такой особе!

Переступив порог вслед за хозяином виллы, полковник Мельчетт сочувственно вспомнил Бантри: его самого буквально одолевал зуд дать молодому Блейку пинка! Он принудил себя сохранить любезный вид.

— Раненько встали, мистер Блейк.

— Вот уж нет. Я еще не ложился.

— Неужто?

— Надеюсь, вы не для того вломились, чтобы выяснять мой распорядок дня? Это была бы пустая трата финансов графства! Итак, выкладывайте, зачем я вам понадобился?

Полковник Мельчетт откашлялся:

— По нашим сведениям, мистер Блейк, прошлый уик-энд вас посетила... м-м... некая блондинка...

Бэзил Блейк вытаращил глаза и, запрокинув голову, бесцеремонно расхохотался:

— Это вам насплетничали деревенские ведьмы? Им поперек горла мои развлечения. Но полиции нет дела до частной жизни. *Вы* это зна-

ете не хуже меня.

— Совершенно верно, — сухо подтвердил Мельчетт. — Ваши нравы и замашки меня не касаются. Я здесь потому, что поблизости обнаружен труп молодой блондинки в вечернем туалете... Она убита...

— Немыслимо! — вскричал Бэзил, широко раскрыв глаза. — Но где?

— В библиотеке замка Госсингтон.

— В Госсингтоне? У Бантри? Изумительно придумано... У старикашки Бантри! У этого зануды Бантри!

Краска гнева залила лицо полковника Мельчетта. Он решительно оборвал неуместную веселость киношного юноши:

— Потрудитесь выбирать выражения. Я пришел, чтобы получить ваши показания.

— Вас интересует, не потерял ли я свою блондинку? Почему... А впрочем, впрочем... Кого там еще несет?

Перед домом резко заскрежетали тормоза. Из машины выскочила молодая женщина в черно-белом одеянии, похожем на пижаму. Кроме платиновых волос, бросились в глаза ее ярко накрашенные губы и ресницы, мохнатые от туши. Распахнув дверь, она яростно завопила:

— Почему ты меня там бросил, подонок?

Бэзил Блейк встал ей навстречу:

— Легка на помине! А чего мне было дожидаться? Я тебя звал, но ты зафордыбачила.

— Я не хотела еще уезжать. Было чертовски весело!

— С мерзавцем Розенбергом? Будто ты не знаешь *ему* цену!

— У, злюка! Бесишься от ревности, вот и все.

— Не воображай о себе слишком много, миленькая. Просто не могу терпеть, когда женщина, с которой я сплю, налижется и дает себя лапать негодяю.

— Брешешь! Сам назюзюкался и лез к этой чернявой испанке!

— Ты приехала со мной и обязана была вести себя пристойно.

— Не желаю, чтобы мне указывали. Ты обещал привезти меня домой. А когда я расстаюсь со своей компанией, мое дело.

— Вот и осталась одна. А мне захотелось уехать, и я уехал. С какой стати потакать твоим идиотским капризам?

— Благодарю за любезность!

— В конце концов, ты сама добралась.

— Чтобы сказать тебе, какой ты хам!

— Испугала, как же.

— Не думай, что сможешь мной командовать! Не выйдет.

Их взгляды метали молнии.

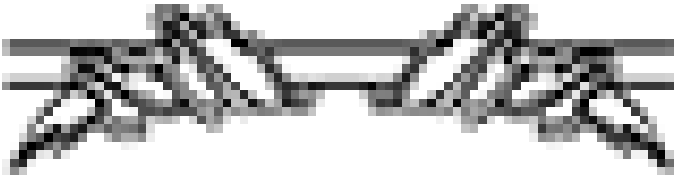
Полковник Мельчетт воспользовался секундой паузы и громко кашлянул.

Бэзил Блейк стремительно обернулся:

— Как? Совсем забыл про вас... Можете отчаливать. Впрочем, представляю вас друг другу: Дина Ли и полковник Мельчетт из полиции графства... Убедились, что моя блондинка жива и здорова? Валяйте, щупайте дальше старикана Бантри с его проделками! Чао!

Полковник, сдерживаясь из последних сил, ответил:

— Попридержите язык, молодой человек. Иначе вам несдобровать. — И вышел, весь пунцовый от возмущения.



ГЛАВА 3

I

В Мач Бенэме в своем служебном кабинете полковник Мельчетт тщательно изучал последние полицейские работы.

— Теперь все как на ладони, — сказал инспектор Слэк. — После ужина миссис Бантри пробыла в библиотеке недолго и ушла ранее десяти часов. Она погасила свет; больше туда никто не входил. Слуги разошлись спать в половине одиннадца-

того. Лоример оставил для хозяина напитки в вестибюле и ушел к себе без четверти одиннадцать. Подозрительного шума никто не слышал, кроме... третьей горничной. Зато она слышала чересчур много! Громкий шепот, шаги, леденящий душу крик — в общем, полный набор! А соседка по комнате, вторая горничная, клянется, что та проспала всю ночь не шелохнувшись. Особы с буйной фантазией вечно мешают следствию...

— Что выяснилось насчет взломанного окна?

— Симмонс утверждает, что работал любитель обыкновенной стамеской, — ответил инспектор Слэк. — Особого шума и не могло быть. Стамеска, вероятно, валяется где-нибудь поблизости, но пока на нее никто не наткнулся. Обычный инструмент в преступлениях подобного рода.

— У вас не создалось впечатления, что кто-то из слуг знает больше, чем говорит?

Инспектор Слэк ответил, чуть поколебавшись:

— Нет, сэр. Не думаю. Они просто взволнованы. Меня поначалу насторожила осмотрительная сдержанность Лоримера. Но, думаю, эти подозрения беспочвенны.

Мельчетт кивнул. Его не удивляла замкнутость Лоримера. Неуемный Слэк на допросах хоть кого вгонит в страх.

Дверь отворилась, и вошел доктор Хейдок.

— Думаю, мои сообщения о некоторых подробностях вскрытия окажутся полезными?

— С нетерпением ждали вашего прихода, доктор. Итак?

— Новости мизерные. Как вы и предполагали, она задушена. Шею жертвы затянули пояском от платья и завязали сзади. Ничего нет проще. Если молодая женщина не опасалась нападения, то не понадобилось даже много сил. Следов борьбы нет.

— В котором часу наступила смерть?

— Между десятью часами и полуночью.

— Поточнее нельзя?

— Не хочу рисковать своей репутацией. Не раньше десяти и не позже полуночи. Это достоверно.

— А побочных соображений у вас нет?

— Затрудняюсь ответить. В камине тлел огонь, в комнате было тепло; это, конечно, могло задержать окоченение трупа.

— Что еще можно сказать о жертве?

— Самую малость. Она молода, лет семнадцати, пожалуй. Еще не полностью развилась, но мышцы крепкие. Прекрасный анатомический экземпляр. Кстати, она была девственница.

Поклонившись, врач вышел. Мельчетт обратился к инспектору:

— Вы установили, она раньше не появлялась в Госсингтоне?

— Слуги убеждены в этом, даже возмущаются, если повторяешь вопрос. Говорят, что запомнили бы ее, если бы видели в окрестностях.

— Пожалуй, — согласился Мельчетт. — Девушки такого типа бросаются в глаза издалека. Вроде подружки молодого Блейка.

— А, ей-богу, жаль, что это не она. Следствие сдвинулось бы с мертвой точки.

— Путеводную ниточку придется искать не здесь. Мне сдается, девушка из Лондона, — задумчиво произнес главный констебль. — Лучше обратиться в Скотленд-Ярд, это скорее в их компетенции.

— Однако что-то привело ее именно сюда, — заметил Слэк и добавил осторожно: — Не исключено все-таки, что полковник и миссис Бантри *что-то* знают. Конечно, они ваши друзья...

Мельчетт смерил его ледяным взглядом:

— Пора бы вам зарубить на носу, что я не пренебрегаю никакой версией. Список пропавших без вести с вами?

Слэк кивнул и протянул машинописный лист.

— Получите, сэр. Миссис Сандерс исчезла неделю назад, волосы черные, глаза голубые, тридцати шести лет. Это не она. К тому же все, кроме мужа, знают, что она удрала с коммивояжером из Лидса. Миссис Барнард, шестидесяти пяти лет... Памела Ривз, шестнадцати лет, не вернулась вчера после вечеринки скаутов, волосы каштановые, заплетены в косы, рост один метр семьдесят семь сантиметров...

Рассерженный Мельчетт прервал:

— Не морочьте мне голову, Слэк! Наша не школьница. Разве только...

Его прервал телефонный звонок.

— Алло... да, да! Полицейское отделение Мач Бенэма. Что? Минутку. — Он сделал быстрые пометки в блокноте. — Руби Кин, восемнадцати лет, род занятий — профессиональная танцовщица. Отлично. Рост метр семьдесят пять сантиметров. Стройная. Платиновая блондинка, глаза голубые, нос *вздернутый.* Предположительно, одета в белое атласное платье и босоножки из серебряной парчи. Так? Что? Да нет, никакого сомнения. Немедленно посылаю Слэка.

Он повесил трубку и взглянул на своего подчиненного с видимым волнением.

— След отыскался. Звонили из полиции граф-

ства Гленшир. В Дейнмуте из отеля «Маджестик» пропала девушка.

— Дейнмут, — повторил инспектор. — Похоже на правду. Большой модный курорт, и довольно близко от Сент-Мэри-Мид. На границе графства Гленшир.

— Всего в тридцати километрах отсюда, — подхватил главный констебль. — Девушка показывала танцевальные номера в отеле «Маджестик». Она не явилась вчера на выступление, чем вызвала недовольство дирекции. Утром ее также не было, и одна из подруг забеспокоилась. Поезжайте немедленно в Дейнмут, Слэк. Отыщите начальника полиции Харпера и работайте в контакте с ним.

II

Быстрота была стихией инспектора Слэка. Прыгнуть на сиденье автомобиля и резко оборвать чьи-то разглагольствования, поскольку он сам предельно занят, — вот его излюбленная манера.

Почти молниеносно он добрался до Дейнмута, представился в полицейском участке, провел предварительный допрос трусоватого директора отеля, многозначительно сказав ему на проща-

ние:

— Прежде чем пустить машину на полный ход, удостоверимся, что это именно ваша танцорка.

Столь же стремительно он отбыл в Мач Бенэм уже с кузиной Руби Кин.

Главный констебль был предупрежден звонком, ждал Слэка, но его все-таки шокировало развязное восклицание:

— А вот и мы с Джози, сэр!

Холодный взгляд полковника ясно выразил вопрос: в своем ли уме его подчиненный?

На помощь пришла сама молодая женщина.

— Меня так зовут на работе. — Она приветливо улыбнулась, показав чистые ровные зубы. — «Реймонд и Джози» — вот название нашего номера. А полное мое имя — Джозефина Тёрнер.

Полковник Мельчетт принял объяснение и пригласил мисс Тёрнер присесть, продолжая рассматривать ее. Молодой особе было близко к тридцати, она казалась неглупой и здравомыслящей. Тип отнюдь не «роковой женщины», в меру привлекательна и миловидна. Слегка подкрашена, в строгом, элегантном костюме. «Встревожена, но вовсе не потрясена горем», — отметил полковник.

Она произнесла, усаживаясь:

— Не могу поверить, что это правда! Может быть, убита не Руби?..

— Именно от вас, мисс Тёрнер, мы и ждем ответа. Сожалею, но придется подвергнуть ваши чувства испытанию.

— А что... на нее так страшно смотреть?

— Несомненно, вы будете взволнованы.

— Значит, вы хотите... Я должна увидеть ее сейчас?

— Так будет разумнее, мисс Тёрнер. Мы не можем двинуться вперед, пока не удостоверим личность убитой. Чем скорее, тем лучше.

— Хорошо.

Машина отвезла их в морг. И когда Джози вышла оттуда, ее била дрожь. Лицо побледнело и осунулось.

— Это она, Руби. Бедная крошка!.. Ах, как щемит сердце! — Она беспомощно оглянулась. — Мне бы капельку джина.

Джина не оказалось, но ей принесли маленькую рюмку водки. После нескольких глотков Джози приободрилась:

— Несчастная Руби! Какой ужас! Почему мужчины так жестоки?

— Вы считаете, ее убил мужчина?

Джози растерялась:

— Кто же еще? Разве нет?

— И кого-нибудь подозреваете?

Она затрясла головой:

— Нет! Вовсе нет. Руби ничего и не рассказала бы мне, если бы... если...

— Что же вы замолчали? Выкладывайте уж все начистоту.

— Я могу только объяснить, какое отношение имела к ее жизни. Я служу в «Маджестике» три года. Кроме танцевальных номеров, в мои обязанности входит игра в бридж. Это приятно и хорошо оплачивается. Мы опекаем постояльцев, едва они переступают порог отеля. Конечно, без навязчивости. Некоторые любят одиночество. Но большинство жаждет развлечений. Требуется составить компанию карточным игрокам, а для молодежи устроить танцы. Опыт и умение приобретаешь довольно быстро.

Мельчетт попросил ее продолжать. В уме его мелькнуло, что приятные манеры молодой женщины делают ее ценной сотрудницей в отеле. Никакой интеллектуальности, но отнюдь не простовата.

— Кроме того, каждый вечер, — рассказывала Джози, — у меня с партнером два обязательных танца. Его зовут Реймонд Старр... Он инструктор

по теннису, а также ведет танцкласс. В начале лета я поскользнулась на камнях во время купания и вывихнула ногу.

Мельчетт уже обратил внимание, что она прихрамывала.

— Танцевать я уже не могла и была очень расстроена: ведь дирекция хотела найти временную замену. А это риск вообще потерять работу. — Ее голубые глаза приобрели жесткость. Приходилось бороться, чтобы зарабатывать свой хлеб. — Вот тут мне и пришла на ум Руби. Я предложила дирекции отеля разделить обязанности: ей передать танцы, а я оставляла за собой бридж. Таким образом, никто посторонний не втерся бы. Вы понимаете, что я имею в виду?

Мельчетт кивнул.

— Получив согласие, я телеграфировала Руби. Перед ней тоже открывались прекрасные возможности продвинуться по общественной лестнице, попасть в лучшее общество. Все произошло месяц назад.

— Понятно, — проговорил полковник Мельчетт. — И ей удалась замена?

— Да, — ответила Джози. — Получалось совсем неплохо. Как танцовщица она слабее меня, но Реймонд — великолепный партнер и наставник.

К тому же она такая хорошенькая! Воздушная блондиночка с кукольным лицом. Слишком мазалась; я постоянно выговаривала ей за это. Но разве восемнадцатилетняя девчонка кого-нибудь послушает? Возраст, когда во всем поступают наперекор... Мне же приходилось делать ей замечания, потому что привычка к грубому гриму выпадала из стиля «Маджестика». Здесь собирается изысканное общество.

— Ее любили в отеле?

— О да. Но ей не хватало тонкости. Она чувствовала себя увереннее со старыми джентльменами, а не с молодежью.

— Дружок у нее был?

Молодая женщина понимающе взглянула на Мельчетта.

— Не в том смысле, как вы думаете. То есть насколько мне известно. Она не открывала своих секретов.

Мельчетт не был уверен, что моральные устои самой Джози так уж тверды. Однако ограничился нейтральным вопросом:

— Когда в последний раз вы видели вашу кузину?

— Вчера вечером. Обычно они танцуют с Реймондом два танца: один — в половине одиннадца-

того, второй — в полночь ровно. После первого я видела, как Руби попеременно вальсировала с двумя молодыми людьми — постояльцами отеля. Я сидела за бриджем, но между карточным салоном и залом стеклянная стена, мне было все хорошо видно. Едва пробило полночь, как пришел обеспокоенный Реймонд: Руби опаздывала к выступлению. Я *была* взбешена, уверяю вас! Эти девчонки падки на всякие глупости, а потом их выставляют за дверь. Вместе с Реймондом мы поднялись в комнату Руби. Ее там не было. Видимо, она переоделась: розовое платье с оборкой из газа, в котором она танцевала, свешивалось с кресла. Обыкновенно она не меняла наряда весь вечер, кроме среды, когда устраивался большой ночной бал. Я ума не могла приложить, куда она девалась. Попросили оркестр повторить фокстрот, но Руби по-прежнему не было. Пришлось мне танцевать с Реймондом обязательный номер. Мы напрасно прождали ее до двух часов ночи. Я внутренне вся кипела.

Даже сейчас голос ее гневно зазвенел. Мельчетт подумал, что она что-то недоговаривает.

— Значит, — сказал он, — когда утром обнаружилось, что Руби не вернулась и постель ее не разобрана, вы заявили в полицию об ее исчез-

новении?

Слэк сообщил ему по телефону, что все обстояло не так, но ему захотелось проверить Джозефину Тёрнер.

Она отозвалась без малейшего колебания:

— Нет, в полицию звонила не *я*.

— Почему же, мисс Тёрнер?

Глядя на Мельчетта открытым взглядом, она сказала:

— Но и *вы* не сделали бы этого. Будь вы на моем месте.

— Вот как?

— Я обязана думать прежде всего о собственном положении... Разве директор будет доволен, если возникнет скандал и появится полиция? Впрочем, мне не приходило в голову, что с Руби случилось несчастье. Я предположила, что она загуляла с каким-то приятелем и скоро возвратится. Готовилась хорошенько отругать ее. Это все легкомыслие ее восемнадцати лет!

Мельчетт сделал вид, что копается в своих записях.

— Действительно. В полицию заявил некто Джефферсон... обитатель отеля, вероятно?

Джозефина Тёрнер коротко подтвердила:

— Да.

— Интересно, кто надоумил его? — спросил главный констебль.

Джозефина нервно разглаживала кант на жакете. Подозрение, что она что-то утаивает, снова мелькнуло у полковника Мельчетта.

Она сказала угрюмо:

— Этот господин — калека. Его легко вывести из равновесия.

Мельчетт перевел разговор на другое:

— А кто тот молодой человек, с которым вы в последний раз видели свою кузину в танцевальном зале?

— Его зовут Бартлетт. Он приехал в отель дней десять назад.

— Они подружились?

— Не так чтобы очень. По крайней мере, *не берусь* этого утверждать. — В ее тоне опять проскользнуло раздражение.

— А что он сам говорит?

— Что Руби после танца поднялась к себе, чтобы попудриться.

— И тогда же переоделась?

— Вероятно.

— Это последнее, что вы узнали? Затем она...

— Исчезла! — докончила Джози. — Да.

— Не имела ли мисс Кин знакомых в Сент-Мэ-

ри-Мид или окрестностях?

— Понятия не имею. Вполне возможно. В «Маджестике» бывают клиенты и из ближних мест. Я никогда ни о чем не расспрашиваю, если мне не говорят.

— Ваша кузина никогда не упоминала о Госсингтоне?

— Госсингтоне? — удивленно повторила Джози.

— О замке Госсингтон.

Она казалась заинтересованной.

— Впервые слышу это название.

— Дело в том, что ее труп найден там, — объяснил полковник Мельчетт.

— Замок Госсингтон, — медленно повторила Джози. — Звучит так необычно!

Мельчетт подумал: «Необычно — самое подходящее слово». А вслух спросил:

— С полковником Бантри или с его женой вы знакомы?

— Нет.

— А с неким Бэзилом Блейком?

Джози слегка наморщила лоб:

— Смутно вспоминаю, что слышала это имя. Но ничего больше.

Вездесущий инспектор Слэк подсунул шефу

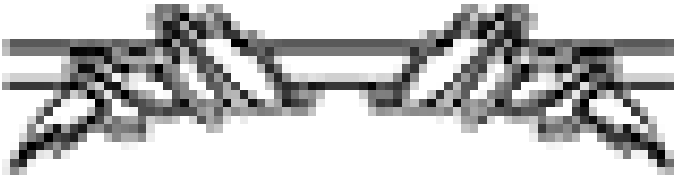
листок из записной книжки, где второпях карандашом было нацарапано:

«На прошлой неделе полковник Бантри ужинал в «Маджестике».

Мельчетт оторвал глаза от записки и встретил взгляд инспектора. Полковник слегка покраснел. Слэк был, безусловно, расторопным и добросовестным офицером, хотя главный констебль мало ценил его. Приходилось принять молчаливый вызов: по сути, инспектор обвинял его в желании обелить приятеля, вообще выгораживать людей своего круга. Он обернулся к Джози:

— Мисс Тёрнер, я вынужден просить вас поехать со мной в замок Госсингтон.

Джози еле слышно проронила слова согласия. Мельчетт уже не слушал. Он твердо и холодно смотрел на Слэка.



ГЛАВА 4

I

Давно деревенька Сент-Мэри-Мид не жила в таком переполохе.

Сенсацию принесла мисс Везерби, старая дева с желтым цветом лица и утиным носом. Первым делом она постучала к своей соседке мисс Хартнелл.

— Тысяча извинений, что побеспокоила так рано. Вы слышали?

— О чем? — басом спросила мисс Хартнелл.

Она была известна настырностью, с которой поучала бедняков, обходя их дома, хотя те всеми силами старались уклониться от ее общества.

— Ну, разумеется, о трупе молодой женщины. Ее нашли сегодня утром в библиотеке полковника Бантри.

— В *библиотеке* Бантри?

— Именно так. Ну не *кошмар* ли это?

— О *несчастная* его жена! — с упоением воскликнула мисс Хартнелл.

— Уж конечно, подобного она не ожидала!

— У нее в голове одни цветочные выставки, а муж заброшен, — осуждающе сказала мисс Хартнелл. — За мужчиной надо смотреть в оба. Ежесекундно! — свирепо закончила она.

— Известное дело! Но какой страх, а?

— Меня интересует мнение Джейн Марпл. Наверняка у нее кто-нибудь на подозрении. Она ведь дока по части загадок!

— Джейн Марпл отправилась в Госсингтон.

— Как? Спозаранку?

— Представьте, еще до завтрака.

— Вот как? Но, право, она *слишком* сует повсюду свой нос. Это неприлично.

— Миссис Бантри прислала за ней машину.

— Подумать только! *Очень странно.*

Наступило короткое молчание, во время которого обе переваривали новость.

— А кто убитая? — спросила мисс Хартнелл.

— Ну... особа, которая навещала Бэзила Блейка.

— Белобрысая? С вытравленными лохмами? — Мисс Хартнелл отстала от моды и не видела разницы между подсветленными перекисью и платиновыми волосами. — Та, что валяется почти нагишом на лужайке?

— Да, дорогая. Ее нашли *задушенной* в замке на ковре.

— Невероятно... в *Госсингтоне*...

Мисс Везерби кивнула очень многозначительно.

— Выходит, полковник Бантри... *тоже?*

Новая пауза для осмысленного смакования подробностей.

— Скверная распутница! — в праведном гневе воскликнула мисс Хартнелл.

— Но так обманывать жену!

— Однако мистер Бантри мужчина любезный и порядочный.

— В тихом омуте черти водятся. Любимое выражение Джейн Марпл, — ввернула мисс Везерби.

II

Миссис Прайс Ридли узнала новость с большим опозданием. Особняк богатой вдовы располагался рядом с домом викария. Известие выпалила ее служанка Клара.

— Повторите раздельно, Клара. *Мертвая женщина обнаружена перед камином у Бантри?*

— Да, мэм. И говорят, у нее совсем голая спина!

— Хватит, Клара. Без глупых подробностей.

— Слушаюсь, мэм. Сначала подозревали, что это блондинка, которая приезжала с мистером Блейком на уик-энд в дом мистера Букера. Но теперь, оказывается, совсем другая. Сын торговца рыбой говорит, что не ожидал такого от полковника Бантри, ведь тот по воскресеньям собирает церковные пожертвования!

— Мир полон зла, — наставительно заметила миссис Ридли. — Запомните это, Клара.

— Обязательно, мэм. Мама не *позволила* бы мне служить в доме, где есть мужчина.

– *Превосходно,* Клара, — одобрила хозяйка.

III

Викарий жил в двух шагах, и миссис Ридли

застала его в рабочем кабинете. Этот пожилой человек мало интересовался деревенскими слухами.

– *Бесчеловечное* преступление! — запыхавшись, объявила миссис Ридли прямо с порога. — Мне необходимо знать ваше мнение, дорогой викарий!

Мистер Клемент спросил с беспокойством:

— Что произошло?

— Как — *что?!* — У гостьи был драматический тон. — Гнусный скандал! Особа дурного поведения... задушена и лежит возле камина у полковника Бантри!

Викарий широко раскрыл глаза:

— Но... вы вполне здоровы?

— Естественно, это не укладывается у вас в голове. Я и сама поначалу не поверила. Нет, каков лицемер? Так ловко носить маску!

Миссис Ридли еще долго предавалась бы возмущению, если бы викарий не вставил с кротостью:

— Но я не вижу здесь ничего, что порочит репутацию полковника Бантри!

— Вы живете вдали от мирской суеты, дорогой викарий. А вот послушайте, что я вам расскажу. В прошлый или позапрошлый вторник — впрочем,

какая разница? — я села в ранний лондонский поезд, и полковник Бантри ехал со мной в одном купе. Он всю дорогу прятался за газетой, словно боялся, что я *заговорю* с ним. Определенно его что-то заботило!

Викарий понимающе кивнул.

— На вокзале Паддингтон мы распрощались. Он предложил посадить меня в такси, но мне больше подходил автобус. Тогда он взял такси сам...

Торжествующая миссис Ридли выдержала паузу. Добрый викарий по-прежнему ничего не понимал.

— Нужны ли еще *доказательства?* — провозгласила гостья, покидая его.

IV

Миссис Бантри и мисс Марпл расположились в будуаре замка Госсингтон.

— Знаете, дорогая, — заметила миссис Бантри, — у меня как-то отлегло от сердца, когда труп из библиотеки увезли. Мертвое тело в доме, брр!

— Отлично понимаю, милая, ваше состояние, — поддакнула мисс Марпл.

— Пока не испытаешь сама, объяснить это невозможно. У вашего соседа, помнится, лежал в доме покойник, но ведь это совсем другое! Бо-

юсь, Артур возненавидит теперь библиотеку. А мы так мило коротали там вечера. Куда вы, Джейн? — встревожилась она, видя, что мисс Марпл бросила взгляд на часы и поднялась.

— Право, мне пора. Пользы от меня маловато.

— О нет, не спешите, пожалуйста! Конечно, фотографирование закончено, отпечатки пальцев сняты, полиция сделала первые выводы. Но что-то подсказывает мне, что сюрпризы впереди. Не время вам уезжать.

За стеной раздался звонок, хозяйка вышла к телефону и вернулась очень оживленной.

— Ну вот. Я не ошиблась. Полковник Мельчетт предупредил, что везет кузину этой несчастной.

— Зачем?

— Видимо, для того, чтобы показать ей место преступления.

— Полагаю, есть и другая причина.

— Какая же?

— Свести ее с полковником Бантри.

— Проверить, узнает ли она его? Но тогда... выходит, Артур на подозрении? — едва выговорила миссис Бантри.

— Простая формальность, — успокоила ее старая дама.

— С какой стати вмешивать Артура в эту ис-

торию?!

Мисс Марпл промолчала, и миссис Бантри взглянула на нее весьма недовольно:

— Прошу вас даже в мыслях не ставить моего мужа на одну доску с теми отвратительными старикашками, которые берут на содержание горничных. Артур на *это* не способен.

— Ну что вы! Разумеется.

— Он не прочь побалагурить с хорошенькими девушками, которые приходят к нам играть в теннис, но чисто по-отечески. Не вижу в этом ничего дурного. Почему бы ему отказывать себе в столь невинном удовольствии? Это нечто вроде моих цветов, — нервически заключила миссис Бантри.

— Не горячитесь, Долли, — с примирительной улыбкой произнесла мисс Марпл.

— И не собираюсь. Хотя, естественно, все это меня тревожит. Артура тоже. Раздражают шмыгающие по всему дому полицейские. Единственный способ для Артура успокоиться — это пойти на скотный двор. Вид наших милых свинок умиротворяет... А вот и полицейская машина.

Автомобиль затормозил у подъезда. Вошел полковник Мельчетт в сопровождении безукоризненно одетой молодой женщины.

— Разрешите представить: мисс Тёрнер, миссис Бантри. Это кузина м-м... пострадавшей.

— Здравствуйте, мисс Тёрнер, — произнесла хозяйка дома, протягивая руку. — Представляю, как вы огорчены этой драмой.

Джозефина ответила с искренней простотой:

— Да, мадам. Я до сих пор не верю, словно попала в ужасный *сон.*

Миссис Бантри представила ей мисс Марпл.

Мельчетт мимоходом бросил:

— А где же ваш уважаемый супруг, мадам?

— Отправился на ферму. Я его жду.

— Вот как! — пробормотал Мельчетт, неприятно удивленный.

Миссис Бантри обратилась к Джози:

— Вас провести к месту преступления? Или вы не очень к этому стремитесь?

Подумав секунду, Джози вздохнула:

— Ах, лучше уж сразу.

Миссис Бантри отвела ее в библиотеку. Мисс Марпл и полковник Мельчетт шли следом.

— Она лежала вот здесь, на ковре. — Миссис Бантри указала пальцем.

— О! — Джози вздрогнула. Вид у нее был растерянный. — Я думала... думаю... Нет, я просто *ничего* не понимаю!

– *Мы* тоже, — вставила миссис Бантри.

— Не соберусь с мыслями... и в таком доме, — наморщив лоб, Джози умолкла.

Мисс Марпл сочувственно кивнула.

— Это-то и сгущает тайну, — как бы про себя пробормотала она.

— Ну-с, мисс Марпл, — вмешался с шутливой усмешкой Мельчетт, — держу пари, что у вас возникло какое-то предположение.

— Пожалуй, — согласилась старая дама. — Надеюсь, *оно* удовлетворит и вас. Видите ли, наша новая учительница мисс Мартин однажды заводила стенные часы, а из них выскочила лягушка!

Джозефина Тёрнер казалась ошарашенной. В дверях она шепнула миссис Бантри:

— Старушка вполне нормальна?

— Вполне! — возмутилась та.

— Прошу прощения. Мне почудилось, будто за лягушку она приняла меня.

В этот момент появился полковник Бантри, и Мельчетт, здороваясь, внимательно следил за Джозефиной Тёрнер, когда знакомил их. Лицо Джози не выразило ни малейших чувств. Мельчетт вздохнул с облегчением, мысленно обругав Слэка за его намеки.

Джози со всеми подробностями повторила рас-

сказ об исчезновении Руби Кин, в основном для миссис Бантри, которая расспрашивала ее, сгорая от любопытства.

— Сколько вы пережили волнений, дитя мое!

— О, я была скорее рассержена, чем обеспокоена. Ведь поначалу я ничего не знала.

— Но тем не менее вы обратились в полицию, — вмешалась мисс Марпл. — Не *преждевременно* ли?

Джози поспешила ответить:

— В полицию звонила не я. Это мистер Джефферсон.

— Джефферсон? — переспросила миссис Бантри.

— Да. Постоялец «Маджестика». Инвалид.

— Случайно не *Конвей* Джефферсон? Я его близко знала. Он из наших старых друзей. Артур, послушай же! Конвей Джефферсон живет в «Маджестике», и это он сообщил в полицию. Какое совпадение!

— Мистер Джефферсон прошлым летом тоже приезжал в «Маджестик», — добавила Джози.

— Подумать только! А мы ничего не знали. Боже, как давно я его не видела! — Она повернулась к Джози. — Как он себя чувствует сейчас?

Джози подумала секунду:

— Кажется, хорошо... Вернее, вполне хорошо, несмотря на увечья. У него жизнерадостный характер и всегда наготове острое словечко, чтобы пошутить.

— Его семья с ним?

— Вы имеете в виду мистера Гаскелла, молодую миссис Джефферсон и Пита? Да, они при нем.

В тоне Джозефины явственно почувствовалась скованность при этом перечислении.

Миссис Бантри невинно спросила:

— Не правда ли, милейшие люди? Я говорю о зяте и невестке.

Джози неопределенно отозвалась:

— Да... я... мы... о, *разумеется!*

V

— Вы не находите этот ответ несколько странным? — спросила миссис Бантри у мисс Марпл, когда обе смотрели в окно вслед отъезжающему полицейскому автомобилю. — Что-то тут не так!

Старая дама охотно подхватила:

— Да, да! Наверняка. У меня нет *ни тени сомнения.* Она *переменилась*, когда заговорила о Джефферсонах. А до этого держалась естественно.

— Ну и каково ваше мнение, Джейн?

— Милая, *вы* ведь знакомы с этими людьми. *Что-то* относящееся к ним волнует молодую женщину. А вспомните, что она сказала вам относительно исчезновения кузины? Что она была *рассержена.* Она и в самом деле *казалась* раздраженной. Деталь, которая заслуживает *внимания.* У меня возникло ощущение... возможно, я ошибаюсь... смерть кузины вызвала только такую реакцию. Она ее не любила, в этом я уверена. И не испытывает особенного горя. Зато всякое упоминание о Руби Кин ей положительно *неприятно.* Закономерен вопрос: *почему?*

— А вот мы это и разузнаем! — заявила миссис Бантри. — Отправимся в Дейнмут и снимем номера в отеле «Маджестик». Да, Джейн, вы непременно поедете тоже. Необходимо рассеяться после всех этих событий, перемена обстановки пойдет нам на пользу. Я познакомлю вас с Конвеем Джефферсоном. Это прекраснейший человек... такой... притягательный... Его история печальна. Взрослые сын и дочь, которых он нежно любил, подолгу гостили у отца, хотя имели свои семьи. И с женой он жил душа в душу, тоже очень милая женщина. Однажды, когда они возвращались с юга Франции, самолет потерпел аварию, и все погибли, кроме Конвея: пилот, миссис Джефферсон,

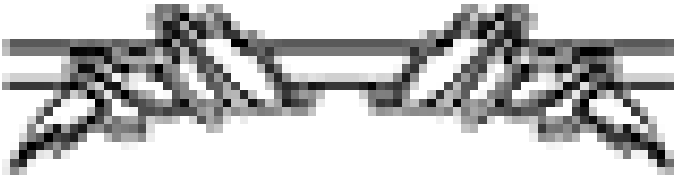
Розамунда и Фрэнк. У Конвея были раздроблены обе ноги, их пришлось ампутировать. Он держался с большим мужеством. Такой жизнерадостный, энергичный мужчина — и калека. Притом ни одной жалобы. Его невестка, вдова Фрэнка, живет вместе с ним. У нее сын от первого брака. Мальчика зовут Пит Кармоди. Муж Розамунды Марк Гаскелл тоже не оставляет тестя. Все это так трагично!

— Сегодня перед нами другая трагедия, — напомнила мисс Марпл.

— Да, но к Джефферсону-то она касательства не имеет.

— Посмотрим, — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Ведь полицию поставил на ноги не кто иной, как Джефферсон?

— Действительно, Джейн, *совпадение* неожиданное!



ГЛАВА 5

I

Перед полковником Мельчеттом стоял трясущийся человек — мистер Прескотт, директор «Маджестика». Тут же находились Харпер, начальник полиции графства Гленшир, и инспектор Слэк с надутым видом: его сердило, что главный констебль почему-то взял расследование полностью на себя.

Харпер пытался хоть немного приободрить

хнычущего Прескотта. Но полковник Мельчетт держался сурово.

— Перестаньте ахать и охать, — сказал он. — Девушка мертва. Задушена. Радуйтесь хотя бы, что преступление совершено не в ваших стенах. Следствие проводим мы, и репутация отеля не пострадает. Но мне нужны факты и сведения. Можете не беспокоиться, сохранение тайны гарантируем. Так что соберитесь с мыслями, не заставляйте нас терять время и отвечайте на вопросы правдиво. Что вам известно об убитой?

— Ничего. Абсолютно ничего! Ее привела Джози. И она...

— Как давно Джози служит у вас?

— Два года... нет, собственно, три...

— Вы относитесь к ней с симпатией?

— Видите ли... она неглупа, ведет себя осмотрительно. Клиентам нравится ее обращение. Она мигом уладит любые ссоры: ведь бридж — очень азартная игра.

Мельчетт согласился. Его жена увлекалась бриджем и была во время игры крайне обидчива.

Мистер Прескотт продолжал:

— Джози — отличный работник! Ей удается успешно посредничать между клиентами и администрацией. Она любезна со всеми и одно-

временно тверда.

Мельчетт снова отметил про себя, что поначалу, несмотря на миловидность и изящество, она показалась ему достаточно ординарной.

— Она положительно незаменима в отеле, — расстроенно добавил мистер Прескотт. — Зачем, спрашивается, ей понадобилось прыгать по камням, когда существует удобный пляж? Купайся на здоровье. Нет, растянула связки... Это же ущерб отелю! Я плачу ей за то, чтобы она танцевала, играла с клиентами в бридж и развлекала постояльцев, а не ломала ноги на скалах! Танцовщица обязана быть осмотрительной. Это недобросовестно по отношению к отелю и ко мне лично!

Чтобы сдержать поток директорских обид, Мельчетт спросил:

— Тогда-то она и предложила вместо себя эту девушку, свою кузину?

Мистер Прескотт мрачно подтвердил:

— Совершенно верно. Замена показалась мне приемлемой. Разумеется, платить я ей не собирался. Она работала за стол и жилье, а жалованье они делили между собой. До появления ее в «Маджестике» *я* вообще не знал Руби Кин.

— Она справлялась с работой?

— Вполне. Упрекнуть мне ее было не в чем.

Правда, по молодости лет она перебарщивала в косметике... Впрочем, воспитана неплохо и поведения приличного. Танцевала изящно, всем нравилась.

— Она была красива?

Распухшее, посиневшее лицо убитой не позволило Мельчетту сделать собственный вывод.

Прескотт подумал.

— Ничего особенного. Личико лисье. Если бы не обилие грима, она не бросалась бы так в глаза. Умела подать себя.

— За ней многие ухаживали?

— Вот к чему вы клоните! — почти возмутился директор. — *Я* ничего не замечал. Два-три юнца нашептывали любезности. Но дальше этого не шло. Убийцы среди них нет. Что касается пожилых клиентов, то Руби умела привлечь их симпатии детским видом и беззаботной болтовней.

Начальник полиции Харпер уронил меланхолически:

— Например, симпатии мистера Джефферсона?

— Его я и имел в виду. В обществе этого господина и его семьи она проводила большую часть времени. Иногда мистер Джефферсон брал ее на

автомобильные прогулки. Он любит молодежь и очень доброжелателен. Прошу понять правильно: мистер Джефферсон — калека, передвигается только в кресле на колесах. Но ему приятно окружать себя молодыми людьми, наблюдать, как они играют в теннис, ныряют... Время от времени он устраивает для них вечеринки в отеле. Да, он обожает юные лица и не испытывает зависти или горечи, как можно было бы предположить. У него счастливый характер, и он полон обаяния.

— Выделял ли он особо Руби Кин?

— Думаю, его развлекала болтовня с ней.

— А как семья? Одобряла дружбу с маленькой танцовщицей?

— Они тоже прекрасно к ней относились.

— И он заявил в полицию об ее исчезновении, не так ли? — спросил Харпер, будто бы даже с укоризной.

Директор занял оборонительную позицию:

— Не вижу ничего странного! Мистер Джефферсон, очень обеспокоенный, появился в моем кабинете: девушка не вернулась ночью в отель, она не исполнила свой второй танец. У него было одно объяснение: поехала с кем-нибудь ненадолго покататься и попала в аварию. Следовало немедленно сообщить в полицию, чтобы начали

поиски. Он так волновался, что почти сорвал трубку с рычага и тотчас вызвал участок.

— Не переговорив с мисс Тёрнер?

— Джози это не понравилось бы. Она не хотела лишнего шума. Но ведь она не могла запретить?

— Я думаю, — сказал Мельчетт, — что следует допросить мистера Джефферсона. Согласны, Харпер?

Начальник полиции одобрил это намерение.

II

Мистер Прескотт провел трех полицейских до фешенебельных апартаментов мистера Джефферсона. Комнаты выходили окнами на море.

— Недурно устроился, черт побери! Он что, богач, этот Джефферсон? — спросил Мельчетт.

— Тратит деньги не жалея: лучшие комнаты, *специальное меню*, дорогие вина... словом, все требует первоклассное.

Мистер Прескотт деликатно постучал, и женский голос отозвался: «Войдите!»

Директор отеля сказал:

— Извините за беспокойство, миссис Джефферсон, но эти господа — из полиции, и они хотят поговорить с мистером Джефферсоном. — Он представил: — Полковник Мельчетт. Начальник

полиции графства Харпер... Э-э... инспектор Слэк.

Миссис Джефферсон слегка кивнула. «Малоинтересна», — подумал полковник Мельчетт, но, едва она улыбнулась и заговорила, переменил мнение. Голос звучал мелодично, в карих глазах цвета спелого ореха светился ум. Скромное платье очень шло ей. Она казалась не старше тридцати пяти лет.

— Мой свекор прилег отдохнуть, — сказала она. — Он измучен, происшедшее стало для него ударом. Врач прописал ему снотворное. Когда он проснется, уверена, он вас примет. Если до тех пор могу быть чем-то полезна... Присядьте, господа.

Мистер Прескотт чувствовал себя как на иголках:

— Если я больше не нужен...

Он почувствовал облегчение, когда ему разрешили уйти. Едва закрылись двери, обстановка стала более непринужденной. Аделаида Джефферсон обладала свойством распространять вокруг себя спокойствие и теплоту. Не будучи болтливой, она умела поддержать оживленную беседу. С первых слов она взяла верный тон.

— Эта история всех нас взволновала. Вы, наверно, знаете, что мы часто виделись с несчастной девушкой? Ее смерть не укладывается в созна-

нии. Особенно потрясен мой свекор. Он очень привязался к Руби.

— Если не ошибаюсь, он и обратился в полицию? — Мельчетт хотел видеть реакцию молодой женщины.

По ее лицу прошла тень... Неудовольствия? Тревоги? Он не разобрал. Лишь почувствовал, как она внутренне напряглась, прежде чем ответить.

— Увечье приводит к тому, что он бывает вспыльчив и легко теряет душевное равновесие. Мы пытались убедить его, что причина отсутствия девушки, скорее всего, очень проста и она будет недовольна, если привлечь полицию. Но он упрям. — Она слабо махнула рукой. — И, видите, оказался прав!

— А вы близко знали Руби Кин, миссис Джефферсон?

Она задумалась.

— Затрудняюсь ответить. Свекру приятно видеть вокруг себя юные лица. Руби казалась ему олицетворением современной девушки. Ее суждения забавляли его. Она часто проводила с ним свободное время, и он катал ее в автомобиле.

Мельчетт подумал: «Она обошла вопрос. А наверняка знает многое».

— Вы не согласитесь, миссис Джефферсон, по-

дробно припомнить все, что происходило вчера вечером?

— Охотно. Но боюсь, что ничего нового не прибавлю. После ужина Руби присоединилась к нам в гостиной в начале танцевального вечера. Мы ждали Марка, собирались играть в бридж... Марк Гаскелл был женат на дочери мистера Джеффер-сона, вы, видимо, знаете? Так вот, он заканчивал какое-то важное письмо. Четвертой предполага-лась Джози, она тоже еще не пришла.

— Джози часто составляла вам компанию?

— Постоянно. Прекрасно играет, и ее общество нам нравится. Мой свекор — страстный игрок. Он охотно приглашал Джози, а не кого-то посторон-него. Правда, ей не всегда удавалось вырваться, так как она обязана играть с любыми постояль-цами, но она старалась всеми силами. — Слабая улыбка мелькнула во взгляде. — Такому выгод-ному клиенту, как мой свекор, администрация разрешала оказывать предпочтение.

— А вам самой Джози нравится?

— Да. Ей никогда не изменяет хорошее настро-ение. Она любит свою работу и не жалеет для нее сил. Не особенно умна, конечно, но зато лишена претензий. В тонкости ей не откажешь. К тому же держится очень естественно...

— Продолжайте, миссис Джефферсон.

— Как я сказала, Джози собирала партнеров для бриджа, а Марк заканчивал деловую переписку. Так что Руби задержалась с нами немного дольше обычного. Когда наконец пришла Джози, Руби поспешила на свой первый танец с Реймондом — это платный танцор и теннисист отеля. Потом вернулась ненадолго, как раз когда пришел Марк. Но вскоре ее пригласил на танец один молодой человек, а у нас началась партия. — Она прервала себя и беспомощно махнула рукой. — Это все, что я знаю, господа. В какой-то момент я еще видела танцующую Руби сквозь стеклянную стену, но потом углубилась в карты и не смотрела по сторонам. Примерно в полночь заглянул Реймонд и спросил с недовольным видом у Джози, где Руби. Та, разумеется, пыталась замять его вопрос...

— Почему *«разумеется»*, миссис Джефферсон? — перебил своим тягучим голосом Харпер.

— Но, право...

Она замешкалась, и это удивило Мельчетта. Молодая женщина созналась с милой простотой:

— Джози не хотела, чтобы на опоздание кузины обратили внимание. Она считала себя ответственной за нее. Поэтому сказала, что Руби еще в начале вечера жаловалась на мигрень и,

возможно, поднялась в свою комнату. Не думаю, чтобы это было правдой. Джози просто придумала первое попавшееся оправдание. Реймонд пошел позвонить Руби, но вернулся еще более рассерженным: ему никто не ответил. Чтобы его утихомирить, Джози пришлось самой танцевать с ним вместо Руби. Ей, бедняжке, потребовалось мужество, потому что нога еще болела. После танца она вновь вернулась к карточному столу да еще успокаивала мистера Джефферсона, который начал тревожиться. Мы еле уговорили его пойти спать, убеждая, что Руби, вероятно, поехала кататься и у машины по дороге спустило колесо. Он ушел раздосадованный, но сегодня утром положительно не находил себе места. — Она смолкла и вздохнула: — Остальное вам известно.

— Благодарю вас, миссис Джефферсон. Позвольте еще один вопрос: вы кого-нибудь подозреваете в совершении этого преступления?

Она не медлила ни секунды:

— Абсолютно никого.

Мельчетт настаивал:

— Девушка никогда не открывала вам своих секретов? Скажем, не рассказывала ли о каком-нибудь ревнивом поклоннике? О человеке, которого она побаивалась? Или о ком-то, кто

ей мил?

На каждый вопрос Аделаида отрицательно качала головой. Больше из нее ничего не удалось выжать.

Начальник полиции предложил встретиться пока с молодым Джорджем Бартлеттом. А позже они возвратятся к мистеру Джефферсону. Ушли с тем, что миссис Аделаида сообщит, как только свекор проснется.

— Вот женщина, полная очарования, — восхитился полковник, прикрыв за собой дверь.

— Совершенно очаровательна! — подтвердил Харпер.

III

Джордж Бартлетт оказался долговязым тощим юнцом с выпирающим кадыком. Он дрожал и заикался. Добиться от него связного, членораздельного рассказа оказалось сложно.

— Не правда ли... ужас какой-то... В воскресных газетах читаешь... но чтобы чуть не на твоих глазах... такие преступления...

— К сожалению, они происходят, — вставил терпеливо начальник полиции.

— О, конечно... но это кажется мне невероятным! Всего в нескольких километрах отсюда, не

так ли? В каком-то деревенском доме... Вот мерзкое, должно быть, местечко! Громкий скандал в этой дыре, правда ведь?

Полковник Мельчетт рискнул прервать его излияния:

— Вы хорошо знали покойную, мистер Бартлетт?

Джордж Бартлетт впал в растерянность.

— О, н-н-нет, не очень, совсем мало, господин полковник. Можно сказать, чуть-чуть. Один или два раза мы танцевали... ну, прогулялись как-то днем... играли в теннис...

— Кажется, вчера вечером вы были последним, кто ее видел?

— Вот уж не знаю. Хотя может быть. Не правда ли, впору рехнуться? Она была в полном порядке, когда мы разошлись.

— В котором часу, мистер Бартлетт?

— Дело в том... да... э-э-э... я танцевал с ней в начале вечера. Сейчас все объясню. Это было сразу после ее обязательного выступления с этим платным плясуном. Что-то около половины одиннадцатого, а то и в одиннадцать... точно не скажу.

— Пусть это вас не беспокоит. Мы уточним время сами. Просто изложите факты.

— Ну, мы танцевали, знаете. Я вообще-то не так уж хорошо танцую.

— Это к делу не относится, мистер Бартлетт.

Джордж Бартлетт бросил на полковника обеспокоенный взгляд и пробормотал:

— Нет... м-м-м... разумеется... я только хочу сказать, что мы кружились и кружились, я что-то говорил, но Руби была не в настроении, даже зевала. Ну, я понял, что она скучает, поблагодарил ее, и... она ушла. Вот и все.

— Куда она ушла?

— Поднялась наверх.

— Она вам не говорила, что торопится на свидание или собралась прокатиться в авто?

— Нет. — Он грустно добавил: — Она меня просто оставила, знаете.

— А как она себя держала? Не нервничала? Или была чем-то озабочена?

Джордж погрузился в раздумья.

— Ей надоело, раз она зевала. Больше ничего.

— А что делали вы сами? — спросил главный констебль.

— А?

— Что делали вы после ее ухода?

Тот уставился на него, разинув рот.

— Сейчас, сейчас... *что же* я делал?

— Вот мы и ждем ответа.

— Скорее всего, ничего. Дьявольски трудно вспомнить. Не удивлюсь, если отправился в бар пропустить стаканчик.

— Так вы *пошли* туда или нет?

— Совершенно верно! Спустился глотнуть капельку. Хотя нет! Это было не тогда. Пожалуй, сначала выглянул на улицу подышать воздухом. Для сентября необыкновенно теплые вечера. На улице очень приятно. Да, теперь ясно вспоминаю. Немного прошелся по свежему воздуху, затем заглянул в бар и вернулся в танцевальный зал. Я заметил, что... как ее? Джози, что ли?.. танцевала с этим типом, теннисным тренером. У нее вроде болит нога уже несколько дней.

— То есть вы вернулись в отель в полночь? Не хотите же вы убедить нас, будто прогуливались, как вы говорите, больше часа, и притом один?

— Но я ведь заходил в бар... Я... я, видите ли, размышлял.

Полковник Мельчетт принял его заявление с недоверием:

— О чем именно?

— Ну, не помню. О многом.

— У вас есть машина, мистер Бартлетт?

— Да, есть.

— Где она находится? В гараже отеля?

— Нет, просто во дворе. Я собирался проехаться, понимаете?

— Может, и проехались?

— Нет-нет, уверяю вас!

— А мисс Кин, случайно, не взяли с собой?

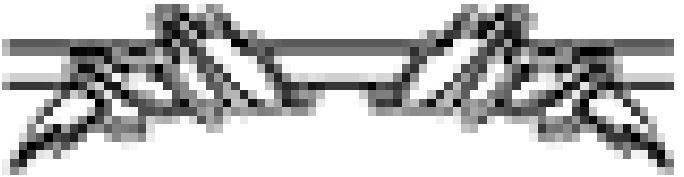
— Ах нет! Вот еще! Могу поклясться, что вовсе ее не возил. Провалиться мне на этом месте!

— Спасибо, мистер Бартлетт. В настоящий момент у меня нет к вам больше вопросов. *В настоящий момент,* — повторил Мельчетт с ударением.

Бартлетт с выражением глуповатого испуга смотрел ему вслед.

— Невероятный кретин, — процедил Мельчетт. — Что вы о нем думаете, Харпер?

— Думаю, что другого такого легко не сыщешь, — ответил Харпер, пожимая плечами.



ГЛАВА 6

I

Ночной сторож, как и бармен, мало помог полиции. Первый припомнил, что звонил в комнату мисс Кин сразу после полуночи, но ему не ответили. Он не заметил мистера Бартлетта ни когда тот выходил из отеля, ни когда возвратился. Ночь стояла теплая, многие дамы и господа прогуливались. Пройти можно в боковые двери, а не только через главный вход. Однако он уверен, что мисс

Кин в главный вход не проходила. Спускаясь со второго этажа, где расположена ее комната, она могла свернуть на террасу и проскользнуть незамеченной. Дверь замыкают не раньше двух часов ночи, когда танцы уже заканчиваются.

Что касается бармена, то он видел мистера Бартлетта: в середине вечера тот грустно сидел, уткнувшись взглядом в стену. В баре всегда толкотня, бармен его видел, но не мог точно сказать, в котором часу.

II

За дверями бара полицейских офицеров подстерегал девятилетний мальчуган. Срывающимся от восторга голосом он спросил:

— Вы вправду детективы? А я Пит Кармоди. Это мой дедушка начал разыскивать Руби. Вы из Скотленд-Ярда? Вы ведь не станете делать мне выговор, что я вам надоедаю?

Полковник Мельчетт собрался на него рявкнуть, но Харпер поспешно вмешался и заговорил с мальчиком дружески:

— Отнюдь, мой юный друг. Вижу, вас это дело тоже заинтересовало?

— Ах да! Вы читаете книжки про сыщиков? Я их обожаю. Покупаю все подряд. У меня есть

автографы Дороти Сэйерс, Агаты Кристи, Диксона Карра и Г.К.Бейли. Об этом убийстве тоже сообщат в газетах?

— Разумеется. Газеты в него так и вцепятся.

— Понимаете, на следующей неделе я возвращаюсь в школу. Вот здорово, когда я расскажу всем, что был с ней знаком, даже очень *хорошо* знаком!

— И какого же вы о ней мнения?

Пит честно задумался.

— Сказать по правде, она мне не больно нравилась. Вид у нее просто как у дурочки. Маме и дяде она тоже не очень симпатична. Одному дедушке. Кстати, он приглашает вас. Эдуард уже пошел вас разыскивать.

Начальник полиции настойчиво повторил:

— Значит, ваша мама и дядя Марк недолюбливали Руби? Почему же?

— Почем я знаю? Она липла к нам. А они злились, что дедушка так носится с ней. Думаю, — выпалил Пит, — они даже рады, что она умерла!

Харпер смотрел на него задумчиво.

— Вы слышали... как они это говорили?

— Ну, не совсем. Дядя Марк проворчал: «Наконец мы от нее избавились». Мама ответила: «Да, но каким ужасным образом!» Тогда дядя Марк

сказал, что нечего притворяться.

Полицейские переглянулись. В этот момент к ним подошел гладко выбритый человек в синей ливрее.

— Извините, господа, я лакей мистера Джефферсона. Он проснулся и согласен вас принять.

Они вновь проследовали в апартаменты Конвея Джефферсона.

В гостиной Аделаида о чем-то говорила с высоким человеком, который нервно шагал из угла в угол. Он резко обернулся к вошедшим:

— А, рад, что встретил вас. Мой тесть все время справляется, когда вы придете. Пожалуйста, не волнуйте его без особой нужды. Он очень нездоров. Просто чудо, что это убийство не доконало и его!

— Разве он так слаб? Нам это в голову не приходило.

— Он сам не знает о своем состоянии, — сказал Марк Гаскелл. — Больное сердце, понимаете? Врач советовал Аделаиде следить, чтобы ничто не тревожило его. Дал понять, что смерть может наступить мгновенно. Не так ли, Адди?

Миссис Джефферсон подтвердила, но добавила, что пока он стойко перенес испытание.

— Несомненно, полицейское расследование

— не лучший режим для сердечника. Поверьте, мы проявим максимум такта.

Говоря это, Мельчетт не спускал глаз с Гаскелла. Люди с профилем хищной птицы не вызывали в нем симпатии. Они принадлежат к породе дерзких смельчаков, которые привыкли потакать лишь собственным желаниям. Хотя женщины от них без ума!

«Этому субъекту нельзя доверять, — подумал полковник. — Муки совести ему не свойственны, он не остановится ни перед чем».

III

Инвалидное кресло Конвея Джефферсона стояло вблизи окна, выходящего к морю. С первого мгновения ощущалась притягательность этой незаурядной личности. Словно катастрофа, превратившая его в калеку, привела к тому, что вся жизненная сила сосредоточилась в интеллекте. Лицо, обрамленное седеющими рыжеватыми волосами, было красиво. Резкие черты выражали энергию, глаза ярко голубели. Ни малейшего намека на расслабленность или недомогание. Глубокие морщины проложило лишь страдание, но он не привык жаловаться на судьбу — принимал ее удары и стремился выстоять.

— Считаю за честь знакомство с вами, — обратился он к Мельчетту. — Ведь вы главный констебль графства Редфордшир? А вы начальник местной полиции? Присядьте, господа. Сигары на столике возле вас.

Офицеры полиции поблагодарили, рассаживаясь.

— Если меня правильно проинформировали, вы проявляли участие к погибшей, мистер Джефферсон? — сказал Мельчетт.

Грустная усмешка скользнула по лицу Конвея Джефферсона.

— Вам, конечно, наговорили с три короба. Хотя никаких тайн из своего расположения я не делал. Что по этому поводу сообщили мой зять и моя невестка? — Он внимательно обвел их взглядом.

Мельчетт ответил с откровенностью:

— По мнению миссис Джефферсон, болтовня с маленькой протеже развлекала вас. А мистер Гаскелл успел перекинуться с нами пока лишь парой слов.

Джефферсон по-прежнему улыбался.

— Адди — сама сдержанность. Марк высказался бы более решительно. Но лучше уж я сам изложу факты и поясню свои побуждения. Начну с великой драмы моей жизни. Восемь лет назад в

авиационной катастрофе я потерял жену, дочь и сына. С тех пор мое существование похоже на дерево с обрубленными ветвями. И не только из-за увечья. Я слишком любил свою семью, дышал ею. Нет слов, невестка и зять внимательны ко мне, но я понял, особенно в последнее время, что им нужно жить собственной жизнью. В сущности, я безгранично одинок. У меня тяга к молодым лицам, они утешают меня. Мелькала даже мысль взять на воспитание какого-нибудь ребенка... За прошедший месяц я очень привязался к этой несчастной девочке. Руби была так простосердечна, так искренна. Она рассказала мне о себе, о том, как ютилась с семьей почти в трущобах, как ей приходилось переносить многие испытания. Хотя ее никто не учил танцам, она оказалась очень способной, и труппа пантомимы приняла ее. Как все это было далеко от моей обеспеченной жизни! Она становилась мне все более дорога, пока я не принял решение официально удочерить ее. Вот вам объяснение моего интереса к Руби Кин и безумной тревоги, когда она так таинственно исчезла.

Наступило долгое молчание. Его прервал Харпер, благожелательностью тона смягчая нескромность вопроса:

— Могу ли я узнать, как отнеслись к вашему плану зять и невестка?

Джефферсон торопливо ответил:

— А что они могли возразить? Возможно, они предпочли бы другое решение, однако вели себя вполне корректно. В финансовом отношении они от меня не зависят. Когда мой сын Фрэнк женился, я передал ему половину состояния. Мой принцип: не откладывать до собственной смерти то, чем можно порадовать детей сейчас. Богатство желанно им, пока они молоды, а не в старости. Также ко дню замужества Розамунды я положил на ее имя крупную сумму в банк. Она полностью перешла после ее гибели к мужу, человеку малосостоятельному. Как видите, все обстоит просто, и проблем между нами до сих пор не возникало.

— Мы уяснили суть дела, мистер Джефферсон, — проговорил начальник полиции с некоторой сдержанностью.

Джефферсон чутко уловил его интонацию.

— Вы с чем-то не согласны?

— Не хотелось бы возражать, но жизненный опыт научил меня относиться с недоверием к столь разумному разрешению семейных дел.

— В принципе вы правы. Но, строго говоря, ни мистер Гаскелл, ни миссис Джефферсон не

являются моей *семьей,* между нами нет кровного родства.

— Да, есть некоторая разница, — согласился Харпер.

Конвей нетерпеливо продолжал:

— Допускаю, что мое решение показалось им сумасбродным. Однако я в совершенно здравом уме. Маленькой Руби не хватало воспитанности и образования, это дело поправимое. Со временем она смогла бы появляться в любом обществе.

— Разрешите еще один щекотливый вопрос, мистер Джефферсон, — сказал Мельчетт. — Нам важно установить все детали. Принимая участие в будущности девушки, вы, вероятно, собирались обеспечить ее материально? Это уже оформлено?

— Смысл вопроса слишком прозрачен. Вы хотите знать, была ли смерть Руби кому-то выгодна? Нет, никому. Формальности только улаживались, и никаких бумаг я еще не подписал.

Мельчетт раздумчиво произнес:

— И если бы с вами случилось несчастье... — Он вопросительно взглянул на Джефферсона.

Конвей и на этот раз понял намек. Сказал со вздохом:

— Но почему что-то должно случиться? Я кале-

ка, но в остальном абсолютно здоров. Правда, врачи последнее время *принимают* похоронный вид и советуют всего остерегаться: никаких эмоций, никакого утомления... Бог мой, я же выносливый как лошадь. Конечно, злой рок существует, я в этом убедился, увы. В наш век автомобильных аварий внезапная смерть способна настигнуть каждого. Приходится быть предусмотрительным, и десять дней назад я составил новое завещание.

— Вот как! — Харпер подался вперед.

— После моей смерти пятьдесят тысяч фунтов помещались в банк на имя мисс Кин. До совершеннолетия ей выплачивали бы проценты, затем капитал переходит к ней полностью.

Начальник полиции и главный констебль изумленно переглянулись.

— Но ведь это огромная сумма!

— Согласен.

— И вы завещали целое состояние девушке, которую знали едва месяц?

Синие глаза Джефферсона гневно потемнели.

— Неужели надо повторять одно и то же? Я лишен близких. Никаких племянников, никаких двоюродных братьев. Чем оставлять все безликому благотворительному обществу, предпочитаю, чтобы моим состоянием пользовался приятный

мне человек. Сказка о Золушке, которая в одну ночь превращается в принцессу! — Он усмехнулся. — Только вместо крестной матери-феи был бы крестный отец. Эти деньги *мои,* я их заработал.

— Вы сделали и другие распоряжения? — спросил Мельчетт.

— Разумеется. Некоторую сумму я оставляю Эдуарду, камердинеру. Остаток поровну делится между Марком и Адди.

— Простите, как велик этот остаток?

— Не очень. Затрудняюсь назвать точную цифру: акции все время колеблются. Думаю, что за вычетом налога на наследство и других расходов наберется около десяти тысяч фунтов.

— Ясно.

— Но я вовсе никого не лишаю наследства! Я ведь вам уже сказал, что разделил состояние между детьми, а сам удовольствовался весьма скромной суммой. После трагической катастрофы, чтобы отвлечь себя и занять ум, я погрузился в финансовые операции. В моем лондонском доме специальный телефон соединял спальню с кабинетом, я работал круглыми сутками! Это давало ощущение, что увечье не выбило меня полностью из седла, что я еще сопротивляюсь... — Голос звучал тише, словно он все больше уходил

в себя, забыв о слушателях. — И что же? По какой-то иронии судьбы мне во всем везло! На бирже я наживался, любое предприятие имело успех. К чему ни прикасался, все обращалось в золото! Может быть, судьба решила хоть отчасти загладить свою несправедливость? — Его выразительное лицо не могло скрыть глубокого страдания. Лишь с трудом он принудил себя улыбнуться. — Теперь вы видите, что деньги, которые я предназначал Руби, мои, и только мои. Я мог с чистой совестью распорядиться ими.

Мельчетт поспешно вставил:

— Дорогой сэр, мы же не отрицаем этого.

— Благодарю. Но разрешите теперь и мне задать несколько вопросов. Я хочу узнать об этой страшной истории более подробно. Пока что мои сведения ограничиваются тем, что бедную крошку нашли задушенной в каком-то доме, кажется, в тридцати километрах отсюда?

— Совершенно верно. В замке Госсингтон.

Джефферсон нахмурился:

— Госсингтон? Это?..

— Дом полковника Бантри.

— Бантри? *Артура Бантри?* Но я же с ними знаком! Мы подружились за границей много лет назад. Никогда не подозревал, что они живут по

соседству. Вот так штука!

Начальник полиции поспешно вставил:

— Разве вы не видели его? Он ужинал в «Маджестике» в прошлый вторник.

— Во вторник?.. Нет, мы поздно вернулись в тот вечер. Ездили осматривать Харден-Хид и поужинали по пути.

— Руби Кин не упоминала имени Бантри? — спросил Мельчетт.

— Никогда. Едва ли она вообще была с ним знакома. Ее круг ограничивался людьми из театрального мира. — Джефферсон помолчал. — А что говорит сам Бантри по этому поводу?

— Полное недоумение! Вчера вечером он был на собрании консерваторов, а труп обнаружили только утром. Он утверждает, что никогда не видел эту девушку живой.

— Фантастика, — пробормотал Джефферсон.

Харпер деликатно кашлянул:

— У вас нет подозрений, кто виновник преступления?

— Ни малейших! — У него на лбу вздулась вена. — Это так бесчеловечно, невероятно. Трудно поверить в реальность происшедшего.

— Возможно, кто-то из ее давних приятелей? Какой-нибудь мужчина, которого она знала

прежде, преследовал ее и угрожал?

— Да нет же, ничего подобного. Она рассказала бы мне. У нее никогда не было никаких романов. Это ее собственные слова.

Харпер подумал: «Она могла так говорить, но соответствовало ли это действительности?»

— Во всяком случае, Джози знала бы о тайном преследователе, — добавил, нахмурившись, Конвей. — Она-то что говорит?

— Отрицает такую возможность.

Джефферсон напряженно размышлял.

— Я склоняюсь к мысли о маньяке... Мало логики в том, чтобы пробраться со своей жертвой в чужой дом. Существуют ненормальные, которые заманивают девушек, даже детей, чтобы безжалостно убить.

— Существовать-то существуют, но в наших краях мы с этим никогда не сталкивались, — заметил Харпер.

— Я мысленно перебрал всех мужчин, которых видел возле Руби, — продолжал Джефферсон. — Тех, кто останавливался в отеле или приезжал ненадолго повеселиться, с кем она танцевала. Все достаточно безобидны. А тесной дружбы у нее ни с кем не было.

Харпер слушал невозмутимо. Джефферсон не

уловил мгновенного иронического огонька в его глазах. Начальник полиции подумал: «Все-таки она могла иметь тайного дружка!» Однако промолчал. Главный констебль подал знак своим спутникам и поднялся:

— Спасибо, мистер Джефферсон. Это пока все, что нас интересовало.

— Вы будете держать меня в курсе следствия?

— Разумеется. Мы еще встретимся с вами.

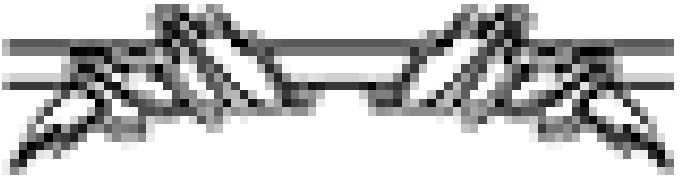
Когда полицейские ушли, Конвей Джефферсон бессильно откинулся на спинку кресла. Веки его опустились и скрыли яркую голубизну глаз. Он почувствовал себя измученным. И лишь спустя минуту позвал:

— Эдуард!

Из соседней комнаты тотчас появился слуга. Эдуард знал своего хозяина лучше других. Все восхищались его самообладанием, а Эдуард видел минуты слабости, когда Джефферсон чувствовал себя сломленным и опустошенным, беспомощным до предела.

— Вы меня звали, сэр?

— Да, Эдуард. Я хочу вас немедленно отправить в Мелборн-Аббас к мистеру Генри Клитерингу. Попросите его приехать сегодня. Дело чрезвычайно срочное.



ГЛАВА 7

I

Выйдя от Джефферсона, Харпер сказал:

— Не знаю, куда это нас приведет, но повод для убийства отыскался.

— Гм... пятьдесят тысяч фунтов, не так ли?

— Именно. Убийства совершают и ради меньшего куша.

— Пожалуй. Хотя... — Мельчетт не закончил фразу, но Харпер уловил ход его мыслей.

— Вы сомневаетесь, что в данном случае это так? Я, пожалуй, тоже. Но нельзя отбрасывать ни одну возможность.

— Согласен.

— Если Джефферсон прав и Гаскелл и миссис Джефферсон имеют собственный солидный доход, то едва ли они замешаны в преступлении.

— Логично. Однако нелишне навести подробные справки об их имущественном положении. Сознаюсь, Гаскелл мне мало нравится. Он произвел впечатление человека беспринципного и себе на уме... Хотя этого недостаточно, чтобы подозревать его в убийстве.

— Что до меня, я не верю в их виновность. Кроме того, если основываться на показаниях Джози, не вижу, как они могли бы его осуществить. Оба сидели за карточным столом от половины одиннадцатого до полуночи. Нет, преступника надо искать где-нибудь еще.

— Среди поклонников Руби Кин?

— Совершенно верно! Какой-нибудь слабонервный тип, отвергнутый после ее переезда в «Маджестик»... Пронюхал про удочерение и понял, что, случись это, он будет ей решительно не пара. Ослепленный яростью, он и совершил преступление. Назначил свидание после полуно-

чи, пробовал уговорить, они рассорились... и вот в приступе ревности...

— Допустим, но как они оба очутились в библиотеке Бантри?

— Объясняю. Колесили в автомобиле по окрестностям. Задушив Руби, этот парень опомнился, и первой его мыслью было избавиться от мертвого тела. В тот момент они находились перед садовой оградой какого-то большого имения. Он и подумал: если туда подтолкнуть труп, то подозрение падет на обитателей дома. В машине у него были кусачки, с их помощью он распахнул раму и перетащил свою жертву на ковер перед камином. Поскольку он ее задушил, в машине никаких следов крови, разоблачающих его, не осталось. Ну как?

— Гипотеза вполне приемлемая, Харпер. Остается *«искать мужчину»*. — Последние слова Мельчетт произнес по-французски, намекая на известную поговорку «ищите женщину».

— Что? Ах да, прекрасно, сэр.

Харпер уловил, что это шутка, хотя точного смысла ее не понял.

II

— О... э-э!.. Послушайте, нельзя ли мне задержать вас на словечко?

Это был Джордж Бартлетт. Полковник Мельчетт не принимал его всерьез, да к тому же ему не терпелось узнать результаты обыска, проведенного Слэком в комнате жертвы, и допроса горничной. Он бросил довольно резко:

— Ну что еще, сэр?

Молодой Бартлетт несколько раз открывал и закрывал рот, изображая рыбу в аквариуме.

— О, право... боюсь, что это не имеет никакого значения... но, видите ли, я нигде не могу отыскать свою машину.

Запинаясь, он повторил несколько раз, что автомобиль исчез, его невозможно найти.

— Проще говоря, он у вас украден?

Бартлетт с благодарностью обернулся к начальнику полиции.

— Это возможно... хотя никогда нельзя сказать с уверенностью... может быть, кто-то взял покататься? Не то чтобы насовсем... Вам понятна моя мысль?

— Когда вы видели машину в последний раз?

— Дайте подумать. Забавно, как иногда трудно

вспомнить некоторые мелочи, не правда ли?

Мельчетт с холодной яростью проронил:

— Не так трудно, если на плечах голова, а не... Вы, помнится, говорили, что вчера вечером она стояла во дворе отеля?

Бартлетт приободрился:

— Как будто... если она там была.

— Что вы хотите этим сказать, черт побери?! Ведь таковы ваши собственные слова!

— Дело в том... я так *думал,* но не ходил проверять. Вы улавливаете мою мысль?

Полковник Мельчетт подавил вздох и призвал на помощь все свое терпение.

— Попробуем разобраться в вашей истории по порядку. В котором часу вы *видели* свою машину? Кстати, ее марка?

— У меня «Миньон-14».

— Так когда вы ее видели?

Бартлетт судорожно сглотнул, дернув кадыком:

— Ей-богу, я изо всех сил стараюсь вспомнить. Вчера перед обедом она еще была здесь. После обеда я хотел прокатиться, но, знаете, задремал до чая. Потом поиграл в теннис и принял ванну...

— Она тогда еще стояла во дворе отеля?

— Думаю, да... То есть я ее там оставлял. После

ужина я хотел пригласить девушку, но мне не повезло, что поделать. В общем, я не воспользовался машиной.

— Но вам казалось, что она по-прежнему на месте?

— Я не думал об этом. Поставил, и все.

— А если бы ее *угнали*, это бросилось бы вам в глаза?

Мистер Бартлетт покачал головой:

— Вот уж не знаю. Во двор то и дело въезжают и выезжают автомобили... Есть и «Миньон-14».

Харпер подтвердил это. Выглянув в окно, он насчитал восемь машин марки «Миньон-14». Популярная дешевая модель.

— А вы на ночь не загоняете машину в гараж? — спросил Мельчетт.

— Право, это меня мало волнует. Погода держится пока теплая. А всякий раз ставить в гараж так хлопотно...

Взглянув на полковника Мельчетта, начальник полиции Харпер сказал ему:

— С вашего разрешения, сэр, я присоединюсь к вам наверху. Пойду пришлю сюда сержанта Хиггинса, он должен записать сообщение мистера Бартлетта.

— Ступайте, Харпер.

Джордж Бартлетт пробормотал, словно оправдываясь:

— Я счел себя обязанным рассказать... Никогда нельзя знать, что окажется важным, не правда ли?

III

Мистер Прескотт не слишком расщедрился ради второй танцовщицы: она работала за стол и жилье. Неизвестно, чем ее кормили, но комнатенка была наихудшей в отеле. Джозефина Тёрнер и Руби Кин жили в самом конце узкого, темного коридора. Обе комнаты были тесными и обращены к северу, в сторону скалы, к которой прилепился отель. Сюда составили сборную мебель, отслужившую срок в приличных номерах. Массивные дубовые гардеробы, когда их сменили модные встроенные стенные шкафы, оказались распиханными по каморкам прислуги или стояли в запасных номерах, которые заселялись лишь в самый наплыв курортников.

Мельчетт и Харпер смотрели на комнату Руби Кин профессиональным взглядом: она была идеальна в смысле возможности незаметно выскальзывать из отеля. Это усложняло задачу дознаться, когда же Руби покинула «Маджестик»

и при каких обстоятельствах.

Коридор оканчивался узкой лестницей на первый этаж, где по переходу можно было попасть на застекленную террасу, обычно пустую, так как никакого красивого вида с нее не открывалось. Эта боковая терраса сообщалась с главной в фасадной части отеля, откуда по извилистой тропинке можно было уже совсем просто попасть на асфальтированную дорогу в проеме скал.

Инспектор Слэк изводил вопросами горничных и продолжал настырно обследовать комнату Руби, в которой ничего не сдвигали и не трогали со вчерашнего вечера.

Руби Кин просыпалась поздно и вставала, как узнал Слэк, лишь к половине одиннадцатого. По звонку ей приносили завтрак. Конвей Джеффферсон поднял тревогу спозаранку, полиция успела нагрянуть до уборки комнат. Впрочем, это был самый заброшенный отсек, горничная с веником появлялась здесь всего раз в неделю.

— Неряшливость оказалась нам на руку, — заключил Слэк. — Мы непременно нашли бы что-нибудь. Если бы было что находить!

Полицейские эксперты графства Гленшир уже успели снять отпечатки пальцев. Оказалось, что они принадлежат Руби, Джози и двум горничным.

Правда, был еще отпечаток Реймонда Старра, но объяснялся он просто: когда Руби не явилась на второй танец, он приходил сюда вместе с Джози.

Ящики массивного письменного стола из красного дерева были забиты всевозможным бумажным хламом: письма, записочки, квартирные счета, театральные программы, вырезки из газет, косметические рецепты из модных журналов. Слэк просмотрел все и не нашел ничего подозрительного. Большинство писем было подписано некоей Лили — видимо, подружкой по Дворцу танцев. Она пересказывала всякую незначащую бытовую мелочь и, между прочим, то, что все сожалеют об отъезде Руби. Особенно часто справляется о ней мистер Финдейсон, он, кажется, был весьма огорчен. Молодой Рэг начал увиваться вокруг Мэй Барни, но тоже спрашивал о Руби. Жизнь движется, как раньше. Старик Гроузер по-прежнему свирепствует. Он рассчитал Аду только за то, что она стала встречаться с парнем...

Слэк тщательно переписал все фамилии из писем Лили и подумал про себя, что во время опроса персонала Дворца танцев о каждом следует навести особые справки.

Больше в комнате Руби Кин ничего интересно-

го не нашлось. Посреди комнаты стояло кресло, с которого свешивалось воздушное розовое платье. В нем Руби была в начале вечера. На полу — небрежно сброшенные бальные туфельки на шпильках и пара прозрачных чулок; на одном спущена петля. Мельчетт тотчас вспомнил, что убитая была без чулок. Слэк разузнал: ради экономии Руби надевала чулки только во время танцев.

В распахнутую дверцу гардероба виднелись несколько ярких вечерних туалетов и ряд разноцветных бальных туфель. В плетеной корзине — немного грязного белья, а в мусорной — бумажные салфетки для снятия грима, ватные тампоны со следами губной помады, обрезки ногтей — в общем, ничего примечательного.

Казалось, факты восстанавливались без труда: Руби с поспешностью переоделась и торопливо ушла... Куда? Зачем?

Джозефина Тёрнер, которая больше других могла бы знать привычки кузины, на этот раз ничего ценного не сообщила. Инспектору Слэку это не показалось странным.

— Если история с удочерением не выдумка, — говорил он полковнику Мельчетту, — то Джози могла дать только один совет: полностью по-

рвать с прежними связями и знакомствами из Дворца танцев. Ведь чем Руби покорила старика калеку? Невинным видом, детским личиком и простодушными манерами. Предположим, что внешность ее была обманчива, что на самом деле она ловкая интриганка и что у нее существовала любовная связь. Естественно, она всеми силами постаралась бы скрыть ее не только от мистера Джефферсона, но и от Джози. Зачем портить ту головокружительную будущность, которая замаячила перед ней? Однако молоденькие девушки часто попадают под власть весьма дурных молодых людей. Можем ли мы поручиться, что у Руби был только один поклонник и что именно он убийца?

— Не исключено, что вы правы, Слэк, — сказал полковник Мельчетт, не давая воли своей неприязни к чересчур логичным выводам инспектора. — Если дело обстоит так, то остается как можно скорее выяснить, кто же этот дурной молодой человек.

— Положитесь на меня, сэр, — самонадеянно отозвался Слэк. — Я хорошенько потрясу эту девочку из Дворца танцев, и правда быстро выплывет наружу!

Полковник Мельчетт не разделял такого оп-

тимизма, а хвастливая напористость Слэка положительно нервировала его.

— Еще осмелюсь посоветовать, сэр: следует заняться платным танцором и теннисным тренером. Он проводил много времени с Руби и, возможно, более наблюдателен, чем Джози. Она могла даже доверять ему.

— Представьте, мы с Харпером пришли к такому же мнению.

— Замечательно, сэр! А из горничных ничего не удалось выжать, как я ни бился. Они относились к обеим кузинам свысока, обслуживали их неохотно, всячески увиливали от этого. Одна из горничных зашла в комнату мимоходом часов в семь вечера, лишь чтобы задернуть занавески и расстелить постель. Кстати, ванная комната рядом. Не хотите взглянуть?

Ванная комната находилась между спальнями Джози и Руби. Комната Джози была просторнее. Но и осмотр ванной ничего не прибавил. Полковник Мельчетт наивно удивился про себя, сколько ухищрений требуется женщинам, чтобы приукрашивать внешность: целые ряды банок с кремами, дневными, ночными, увлажняющими, для снятия косметики, коробки с пудрой разных оттенков, патрончики помады, тушь для ресниц,

тени для век, не меньше дюжины флаконов с вяжущими и тонизирующими лосьонами, бутылочки разноцветного лака для ногтей, бумажные салфетки для лица, пуховки — ну и ну!

— Неужели это все идет в дело? — пробормотал он.

Всезнающий Слэк тотчас вмешался:

— В обычной жизни, сэр, женщины употребляют два оттенка теней для век: один светлый — дневной, другой вечерний, ярче. Цвет по вкусу, кому что идет. Но актрисам и танцовщицам приходится часто менять стиль лица. Один грим для танго, совсем другой для старинного танца в кринолине. Или, скажем, пляски апашей. А есть еще обычные современные танцы. Косметика дополняет костюмы.

— Боже мой! — воскликнул полковник. — Как же наживаются фармацевты и фабриканты косметики! Верно, гребут целые состояния?

— Денежки текут рекой, — согласился Слэк. — Хотя львиная доля расходуется на рекламу.

Мельчетт с некоторым усилием отвлекся от старой как мир, но волнующей темы женских хитростей ради собственной красоты.

— Что ж... побеседуем с танцором. Это возлагается на вас, Харпер.

— Как вам угодно, сэр.

Спускаясь по лестнице, Харпер спросил:

— А как вы отнеслись к истории Бартлетта?

— Относительно машины? Думаю, этим чудаком надо тоже заняться. Что-то подозрительное есть в его рассказе. А вдруг он все-таки вчера вечером увозил Руби? Кто знает?..

IV

Начальник полиции Харпер был уживчивым, хорошо воспитанным человеком. Он не чурался запутанных, трудных дел и, хотя искренне ценил высокий профессионализм полковника Мельчетта, обрадовался возможности провести очередной допрос самостоятельно. Его метод основывался на постепенности и последовательности. Благожелательная беседа никак не настораживала тех, кого он допрашивал, и во время следующего разговора они чувствовали себя спокойно и раскованно. Харпер знал в лицо гибкого, загорелого красавца с ослепительной улыбкой — Реймонда Старра. Черноволос, строен, скупые выразительные жесты, манеры джентльмена — о, разумеется, он пользовался всеобщей симпатией!

— Я в отчаянии, господин начальник полиции,

что так мало могу быть вам полезен. Мы ежедневно репетировали наши номера. Но это, пожалуй, все, что могу сказать о ней. Прелестная девушка, хотя абсолютная простушка.

— Нас интересует ее окружение. Прежде всего приятели-мужчины.

— Вполне понимаю. Но мне известно только то, что бросалось в глаза всем: многие пытались за ней ухаживать. Правда, безуспешно. Ее постоянным обществом была семья Джефферсонов.

— Ах да, семья Джефферсонов...

Полицейский помолчал и проницательно взглянул на молодого человека.

— Ну и как вы относились к этим феерическим планам?

Реймонд Старр невозмутимо переспросил:

— Простите, к каким именно?

— Как? Разве вы не знаете, что мистер Джефферсон недавно начал формальные хлопоты по удочерению Руби Кин?

Пораженный новостью, танцор «Маджестика» невольно присвистнул.

— Ну и хитрющая девчонка! А сам-то мистер... седина в бороду, бес в ребро!

— Значит, вы так это расцениваете?

— А как же еще? Если бы дело шло только об

удочерении, он мог найти кого-нибудь из своего круга.

— Выходит, Руби не обмолвилась вам ни словом?

— Абсолютно. Я замечал, что она в последнее время сияет, но не подозревал о причинах.

— А Джози знала?

— Было бы странно, если бы она не знала! Не удивлюсь, если вся история с удочерением дело ее рук. Джози совсем не дура, у нее крепкая голова на плечах.

Харпер охотно согласился. Джози привела Руби в «Маджестик» и наверняка поощряла дружбу своей кузины с мистером Джефферсоном. Немудрено, что она перепугалась, увидев, насколько мистер Джефферсон был взбудоражен, когда Руби не явилась к обязательному танцу. Все усилия могли пойти прахом!

— Как вам кажется, Руби умела хранить тайну?

— Как все мы, когда это необходимо. О своих личных делах она помалкивала.

— И ни разу не проговорилась о старом знакомом, который приехал сюда специально ради нее? Из-за которого у нее могли произойти неприятности, а?

— Понимаю, что вы имеете в виду. Но любовных связей у нее не было, она сама так говорила.

— Благодарю. А теперь не смогли бы вы изложить цепь событий того вечера с вашей точки зрения?

— С величайшей охотой. Наш первый танец с Руби окончился в половине одиннадцатого.

— Что-нибудь в ее поведении бросилось в глаза?

Реймонд добросовестно порылся в памяти:

— Нет, пожалуй, ничего особенного. Я должен был заниматься с другими партнершами и видел только, как Руби вышла из зала. Через полтора часа она еще не вернулась. У меня это вызвало раздражение, я отправился к Джози, которая сидела с Джефферсонами за бриджем. Оказалось, что она тоже ничего не знает. Помню, как она бросила быстрый обеспокоенный взгляд на мистера Джефферсона. Пришлось попросить дирижера повторить фокстрот, а сам я стал звонить в комнату Руби. Не дождавшись ответа, вернулся к Джози. Она предположила: не заснула ли Руби у себя? Это говорилось явно для успокоения мистера Джефферсона. Мы поднялись наверх...

— Минутку, мистер Старр. А что сказала Джози, когда вы остались без посторонних?

— Она твердила в бешенстве: «Какая непроходимая дуреха! Ну может ли так продолжаться? Она просто пропадет. С кем она, вы не знаете?» Я ответил отрицательно. Видел лишь, как Руби танцевала с Бартлеттом. Джози покачала головой: «Конечно, она не с *ним.* Но с *кем* же тогда? Может быть, с этим киношником, как думаете?»

– *Каким киношником?* — переспросил Харпер с живостью.

— Имени не знаю. Он не останавливался в отеле. Экстравагантный тип с длинными волосами, похож на актера. Чем-то занимается на киностудии, по словам Руби. Раза два приезжал ужинать и танцевал с ней. Не думаю, что это близкое знакомство. Я даже удивился, когда Джози упомянула о нем. Тем более что вчера вечером я его не видел в отеле. Джози в отчаянии повторяла: «Она с *кем-то* ушла. Ну как мне объяснить ее отсутствие Джефферсонам?» Я опять удивился: «А Джефферсонам-то какое дело?» Но она продолжала свое: никогда не простит Руби, если та по глупости испортит все дело! Когда мы вошли в комнату Руби, она была пуста, но Руби туда заходила: скинутое вечернее платье лежало на кресле. Джози кинулась к гардеробу: Руби надела старое белое платье, тогда как наш испанский

танец исполнялся ею в черном бархатном. Я начинал не на шутку злиться: Руби манкирует работой и ставит меня в глупое положение! Джози сказала, что надо прежде всего не выводить из себя Прескотта, и побежала переодеваться. Мы спустились в зал вместе и медленно станцевали испанское танго, без особых, замысловатых па, чтобы не перетруждать ее больную ногу. Джози держалась молодцом, хотя здорово страдала. Потом упросила меня подойти к Джефферсону, сделать вид, что все в порядке. Я чувствовал ее тревогу и охотно подыгрывал.

Харпер благожелательно кивнул:

— От души благодарен вам, мистер Старр!

А про себя подумал: «Поневоле впадешь в панику, если дело идет о пятидесяти тысячах фунтов стерлингов!» Он проводил взглядом Реймонда, который упругой походкой сбегал с лестницы, прихватив по пути теннисные мячи и ракетку. К корту он шел уже вместе с миссис Джефферсон, которая тоже помахивала ракеткой.

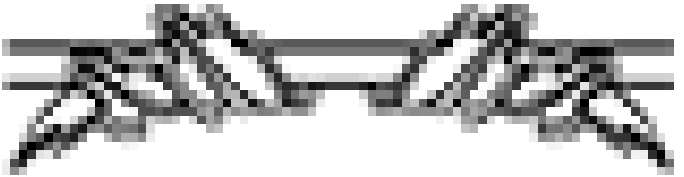
— Прошу прощения, сэр! — сказал запыхавшийся сержант Хиггинс. — Вам только что звонили из полицейского участка, сэр! Какой-то фермер пришел заявить, что рано утром видел возле карьера большое пламя. Полчаса назад там об-

наружен остов сгоревшей машины. Примерно в трех километрах отсюда. Среди обломков обугленный труп.

Харпер вспыхнул до корней волос.

— Да что же это творится в графстве Гленшир?! — вскричал он. — Эпидемия преступлений, что ли? Номер машины удалось разобрать?

— Никак нет, сэр. Но выясним по фабричному клейму мотора. А марка автомобиля скорее всего «Миньон-14».



ГЛАВА 8

I

Сэр Клитеринг проходил по вестибюлю «Маджестика» с самоуглубленным и отстраненным видом, мало обращая внимания на встречных, но его тренированное подсознание брало на заметку все детали, которые при необходимости моментально всплывут в памяти. Поднимаясь по парадной лестнице к номерам Конвея Джефферсона, он ломал голову о причине столь срочного

приглашения. Без серьезной надобности Джефферсон не стал бы его беспокоить. Следовательно, случилось нечто экстраординарное.

Едва поздоровавшись, Конвей сказал своему другу:

— Как я рад, что вы здесь... Эдуард, принесите нам чего-нибудь покрепче... Садитесь, старина. Вы уже в курсе происшедшего? Неужто в утренних газетах все еще ничего нет?

Сэр Генри покачал головой и спросил с любопытством:

— А в чем дело?

— Речь идет о преступлении. В нем оказались замешаны и я, и наши друзья Бантри.

— Артур и Долли Бантри?! — У сэра Генри буквально захватило дух.

— Да. У них в доме найден труп. — И Конвей Джефферсон без ненужных подробностей, коротко и точно изложил ситуацию.

Генри Клитеринг весь обратился в слух, ни разу не прервав друга. Оба умели схватывать суть дела. За годы службы в Скотленд-Ярде сэр Генри заслужил репутацию человека проницательного и мыслящего.

— Странное происшествие, — заметил он, выслушав до конца. — И какова здесь, по-вашему,

роль Бантри?

— Видите ли, это-то меня и удручает! По-видимому, единственная причина их теперешних неприятностей — знакомство со мной. Они утверждают, что никто из них в глаза не видел несчастную девушку. Очевидно, Руби заманили в ловушку; чтобы замести следы, тело подбросили к Бантри. Как вы на это смотрите?

— Объяснение малоудовлетворительное.

— Но ведь оно правдоподобно?

— Только в какой-то мере. А что вы хотите от *меня,* Конвей?

Тот проговорил со скрытой горечью:

— Я калека. От этого никак не уйти. Передвижения мои ограничены. Я не могу, как хотелось бы, расспросить тех или иных людей, в общем, провести свое расследование. Мой удел довольствоваться крохами, которые соблаговолит сообщить полиция. Кстати, вы знакомы с Мельчеттом, главным констеблем графства Редфордшир?

— Да, нам приходилось прежде сталкиваться довольно часто.

И тут включилась память сэра Генри. Проходя по вестибюлю, он мимоходом зафиксировал образ старой дамы, которая сидела в сторонке скромно и очень прямо. Именно Мельчетт позна-

комил их при последней встрече.

— Дорогой Конвей, вы хотите, чтобы я взялся за роль детектива-любителя? Это решительно не по мне.

— Но вы ведь не любитель! — возразил Джефферсон.

— Однако и не официальное лицо. С тех пор как ушел в отставку.

— По-моему, это только упрощает дело, — сказал Джефферсон.

— Но чего именно вы хотите, Конвей? Разыскать убийцу?

— Разумеется!

— Есть какие-нибудь подозрения?

— Ни малейших.

Сэр Генри сказал, несколько помедлив:

— Вы найдете это очень забавным, но там внизу, в вестибюле, сидит некая особа, которая гораздо лучше меня способна находить отгадки к подобным головоломным историям. Кроме того, все интимные секреты окрестных обитателей у нее как на ладони!

— Вы, конечно, шутите?

— Повторяю: в вестибюле, возле третьей колонны слева, скромненько сидит старая дама самой мирной, непрезентабельной внешности. Но ее

живой ум умеет проникать до самых глубин человеческих побуждений. Притом она остается спокойной и доброжелательной. Ее зовут мисс Марпл, она безвыездно живет в деревеньке Сент-Мэри-Мид, всего в трех верстах от Госсингтона. Приятельница Бантри. А в детективных делах может дать сто очков вперед любому знаменитому сыщику!

Вскинув брови, Джефферсон несколько секунд вглядывался в выражение лица своего гостя.

— Что вам вздумалось меня морочить?

— Да нет же, Конвей! Вы упомянули о Мельчетте. Последний раз я его видел в связи с одной деревенской драмой. Утонула девушка. Но полиция не верила в самоубийство, считая, что налицо преступление, а виновник у них в руках. Тут-то и явилась ко мне весьма взволнованная престарелая леди, чтобы изложить свои опасения. Она считала, что собираются повесить невиновного. Доказательств у нее не было. Но она знала убийцу и протянула мне листок бумаги с его именем. Так вот, дорогой Джефферсон, она оказалась права!

Конвей принудил себя усмехнуться:

— Женская интуиция, не более.

— Вовсе нет. Старая леди объяснила, что у нее свой метод. Отсюда и особые сведения.

— Что именно вы имеете в виду?

— Это термин из профессионального жаргона, мой друг. Например, когда происходит ограбление, полиция довольно легко догадывается о его, так сказать, авторстве. У каждого злоумышленника свой почерк. А мисс Марпл — я, кажется, уже называл вам ее имя? — проводит психологические параллели, иногда наивные, основываясь на своих деревенских наблюдениях.

Скептицизм Джефферсона не убывал:

— Что же она может сопоставить с убийством девушки из аристократической среды?

Сэр Генри твердо стоял на своем:

— Она может подбросить нам свежую идею. Убежден в этом!

II

Мисс Марпл зарделась от удовольствия, когда сэр Генри подошел к ней с любезным приветствием.

— О, сэр Генри! Это так удачно, что я встречаю вас здесь.

Он галантно отозвался:

— Для меня любая встреча с вами — удача и удовольствие!

Она потупилась в смущении:

— Вы бесконечно добры.

— Остановились в этом отеле, мисс Марпл?

— Да, мы решили провести здесь некоторое время.

— Простите, кто *мы?*

— Миссис Бантри и я. — Она взглянула на него многозначительно. — Я вижу, вы уже знаете. Ужасно, не правда ли?

— А что здесь понадобилось Долли? Муж ее тоже собирается приехать?

— Не думаю. У них очень разный подход к одним и тем же событиям. При любой неприятности бедный полковник замыкается в кабинете или отправляется на отдаленную ферму. Вроде черепахи, которая втягивает голову под панцирь. Ну а Долли — *совсем* другое дело.

— Уверен, что она смакует острые ощущения, извлекая все, что можно, из этой истории, а? — Сэр Генри достаточно хорошо знал их общую приятельницу.

— Ах... знаете ли... бедняжка...

— Значит, она притащила вас сюда, чтобы вы, как фокусник, вынимали кроликов из шляпы?

Мисс Марпл безмятежно объяснила:

— Долли подумала, что перемена обстановки ей поможет. Она не хотела оставаться в Госсинг-

тоне. — Однако, встретив смеющийся взгляд сэра Генри, захлопала ресницами и добавила: — Пожалуй, вы отгадали правильно. Только я ничем не сумела быть ей полезной.

— Неужели у вас не нашлось хоть какой-то аналогии с деревенскими происшествиями?

— Я так мало знаю об этой истории...

— Тут я смогу вам помочь. Тем более что жажду вашего совета, мисс Марпл.

И он, не пропуская ничего, изложил ей факты. Она слушала с неослабевающим вниманием.

— Бедный мистер Джефферсон! — вздохнула она. — Какая печальная история с этой авиационной катастрофой. Остался совсем один да еще недвижимым калекой. Для него было бы легче погибнуть вместе со всеми.

— Может быть. Мы, его друзья, глубоко уважаем мужество, с которым он преодолевает свое горе.

— Да, он достоин сочувствия и восхищения.

— За все эти годы он проявил лишь одну слабость: внезапно и горячо привязался к этой маленькой танцовщице. Должно быть, она была замечательной девушкой, раз вызвала такое чувство!

— Вот уж не обязательно, — возразила мисс Марпл. — Не думаю, что ее достоинства сыграли

хоть какую-то роль.

Сэр Генри бурно запротестовал:

— Но не принимаете же вы Джефферсона за банального селадона?

— О нет, нет! — воскликнула пожилая незамужняя дама, густо краснея. — Ни одной минуты не думала так! Я просто неудачно выразилась. Мне хотелось сказать, что он бессознательно тянулся к какому-нибудь юному существу, которое хоть отчасти восполнит ему утрату дочери. А перед танцовщицей блеснула небывалая возможность. Вот она и ухватилась за нее. Вы сочтете меня слишком подозрительной, но я навидалась подобных случаев. Вот, например, молоденькая служанка мистера Харботтла... Заурядная девушка, правда, с ровным характером и неплохо воспитана. Сестру, которая вела хозяйство этого старого холостяка, вызвали куда-то ухаживать за их больным родственником. Вернувшись, она обнаружила в поведении служанки разительную перемену: та сидела в гостиной, болтая и бесцеремонно хохоча. На ней не было ни фартука, ни чепца. Мисс Харботтл попробовала сделать ей замечание, но в ответ услышала дерзость. А брат совершенно поразил ее, объявив, что переписал свое завещание в пользу этой девушки.

Представляете, какой скандал? Бедной мисс Харботтл пришлось покинуть дом и снять крошечную квартирку в Истборне. Люди, конечно, *предполагали* всякое. Но я-то думаю, что ничего не было. Просто старого джентльмена радовало общество хорошенькой жизнерадостной девушки, и он предпочел ее сестре, которая деспотически заправляла всем домом да еще вечно куксилась. — Немного подумав, мисс Марпл с живостью продолжала: — А еще у нас есть аптекарь, мистер Баджер. Этот уделял слишком много внимания молоденькой продавщице из парфюмерного отдела. Он даже уговаривал жену взять ее к ним в дом, будто она их родственница. Но миссис Баджер взглянула на это иначе.

Сэр Генри заметил примирительно:

— Ну, если эта продавщица принадлежала к их кругу... скажем, осталась сиротой после хорошего знакомого...

Мисс Марпл живо перебила:

— О нет! Тогда она привлекала бы его гораздо меньше. Старому джентльмену, потерявшему вкус к жизни, приятно оказывать покровительство существу одинокому, заброшенному, которое привяжется к нему за его великодушие. Он поднимается в собственных глазах, когда думает

о своем добром поступке и о той радости, которую доставит ему ожидаемая благодарность. — Она помолчала. — Мистер Баджер делал продавщице дорогие подарки: браслет с бриллиантиками, радиоприемник, прекрасный проигрыватель. Он потратил на нее значительную часть своих долголетних сбережений. Однако миссис Баджер оказалась предприимчивее бедной мисс Харботтл (замужество дало ей *опыт!).* Она проследила за этой девицей, и однажды мистер Баджер получил доказательства того, что его любимица связалась со скверным парнем, игроком на скачках, и он уже спустил почти все его подношения. Оскорбленный герой уволил интриганку, а жене преподнес на Рождество бриллиантовый перстень.

Лукавый взгляд старой дамы встретился с внимательными глазами отставного комиссара Скотленд-Ярда. Тот раздумывал, не скрыто ли иносказания в этих побасёнках.

— Значит, вы думаете, что, если бы у Руби Кин оказался любовник, это могло изменить отношение к ней моего друга?

— Разумеется. Кто может поручиться, что вскоре он не пожелал бы на ней жениться? Мужчины заходят далеко в своих увлечениях. Во всяком

случае, если у Руби был роман, то она уж позаботилась бы держать его в тайне.

— И по-вашему, скрываемый любовник мог отомстить ей за это?

— Пока не нахожу другого объяснения. Я заметила, что ее кузина, молодая женщина, которую привозили сегодня утром в Госсингтон, едва скрывала *досаду* по поводу этой смерти. Сейчас вы объяснили *причину.* Она наверняка рассчитывала на собственную выгоду, если Руби станет наследницей Джефферсона.

— Вы считаете ее такой расчетливой и бессердечной?

— Не судите слишком строго. Кусок хлеба достается ей нелегко. Почему же ожидать, что она станет миндальничать, если речь идет о богаче? И какое ей дело, что этих денег дожидаются Гаскелл и молодая миссис Джефферсон? Кстати, не имея на это никаких прав. Мисс Тёрнер производит на меня совсем неплохое впечатление: она честолюбива, обладает сильным характером и большой жизненной стойкостью.

Сэр Генри спросил:

— А когда, по-вашему, моему другу Конвею пришла мысль сделать танцовщицу своей наследницей?

— Скорее всего... не поймите меня превратно, но, возможно, его зять или невестка захотели вступить в новый брак?

— Джефферсон не стал бы возражать.

— Конечно *нет*. Но поставьте себя на его место. Все трое пережили одну и ту же трагедию. Это их сблизило, *свело* под общую крышу. Но, как говорила моя бедная матушка, время — лучший целитель. Мистер Гаскелл и миссис Джефферсон еще молоды. Вечное напоминание о прошлом начинает тяготить их. Мистер Джефферсон чувствовал это, молча страдал, и наконец его привязанность к обоим стала иссякать. Ведь он переносил на них любовь к погибшим детям. А теперь его обступало безысходное одиночество. Если помните, сестра мистера Харботтла уехала от брата, тогда как миссис Баджер...

Сэр Генри позволил себе перебить ее:

— Ну что за привычка ставить всех на одну доску! Право, мисс Марпл, бессмысленно считать, что все думают и поступают по шаблону. Я с этим решительно не согласен!

Мисс Марпл с грустью покачала головой:

— Человеческая природа имеет общие законы.

Но тот продолжал с досадой:

— Как можно равнять каких-то Харботтла и

Баджера с мистером Джефферсоном! Не люблю касаться своей особы, но неужели вы отыщете в деревне кого-либо похожего и на *меня?*

— Даже искать не надо. Это Бриггс.

— Какой еще Бриггс?!

— Бывший главный садовник в одном имении. *Лучший* из садовников! Он был осведомлен в своей области *решительно* обо всем; подчиненные только в затылке чесали... С тремя подручными и одним мальчиком на побегушках он содержал парк и оранжерею в таком виде, будто здесь потрудилось полдюжины дипломированных цветоводов! Его сорта душистого горошка отмечены многими призами на выставках. Сейчас он отошел от дел.

— Как и я, — пробормотал сэр Генри.

— Но иногда что-то делает то тут, то там. Особенно если просят симпатичные ему люди.

— Точь-в-точь как и я, — вынужден был согласиться сэр Генри. — Таково мое занятие в настоящий момент. Хочется помочь старому другу.

— Вернее, двум старым друзьям.

— Двум? — несколько удивился сэр Генри.

Мисс Марпл продолжала с настойчивостью:

— Вы подумали о мистере Джефферсоне, но

забыли о полковнике. Я беспокоюсь также и о миссис Бантри.

— Ах да. Теперь понимаю. Вот почему вы назвали Долли бедняжкой?

— Да. Она пока еще не осознала всей опасности положения. Видите ли, сэр Генри, эта зловещая тайна может *остаться* нераскрытой. И какой драмой это обернется тогда для супругов Бантри! Полковник, как большинство военных, *чрезвычайно* щепетилен в отношении чести своего имени. Поначалу он постарается отнестись к пересудам равнодушно. Но постепенно всеобщая подозрительность доконает его. Кто-то подпустит в разговоре шпильку, прозрачный намек, кто-то откажется от приглашения, конечно с извинением. Но постепенно все станет ясно. Бедняге ничего не останется, как спрятаться в свою скорлупу, вести грустную, отшельническую жизнь.

— Если я вас правильно понял, мисс Марпл, из-за того, что труп обнаружен в библиотеке Бантри, подозрения падут на *него?*

— Увы, вне сомнения. О нем уже начинают *сплетничать* вокруг. Но это только начало, людская злоба на этом не остановится. Их станут избегать, относиться все холоднее. Просто *необходимо* раскрыть истину!

— Но хоть какое-то разумное объяснение должно существовать тому, что труп оказался в библиотеке? Должна быть какая-то причина?

— Конечно, причина есть.

— Эту девушку видели в «Маджестике» без двадцати одиннадцать, а в полночь, по медицинскому заключению, она была уже мертва. Госсингтон расположен примерно в тридцати километрах отсюда. По шоссе можно ехать быстро, это километров двадцать пять пути. Потом приходится свернуть на проселок. Но почему, если ее убили раньше, понадобилось везти мертвое тело в Госсингтон? Или зачем ее привезли в Госсингтон, чтобы задушить там? Для меня это полная нелепица!

— Естественно, потому, что события разворачивались совсем не так.

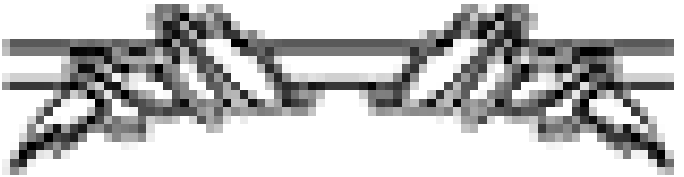
— Вы думаете, ее задушили здесь, а потом уже убийца повез труп дальше и подкинул в первый попавшийся дом?

— Вовсе нет. Напротив, я уверена, что преступление было тщательно продумано. Но что-то помешало осуществить его так, как предполагалось.

— Почему же план не удался?

Мисс Марпл ответила виноватым тоном:

— В нашем мире полно странностей! Если я вам скажу, что план не удался потому, что люди более уязвимы и чувствительны, чем принято считать, вы ведь снова подумаете обо мне как о вздорной старухе, сознайтесь? Однако это и есть мое мнение... А вот и миссис Бантри!



ГЛАВА 9

Миссис Бантри появилась вместе с Аделаидой Джефферсон. При виде сэра Генри у нее вырвалось восклицание:

— Как, *вы* тоже здесь?

— Представьте. Собственной персоной. — Он склонился к ее руке. — Могу признаться, эта история положительно вывела меня из равновесия.

— Ах, Артур принял ее тоже слишком трагически. Он остался дома. А вот мы с мисс Марпл решили попробовать сами разобраться во всем. Кстати, вы знакомы с Аделаидой?

— О да.

Миссис Бантри предложила:

— Отправимся-ка на террасу? Там не так людно и можно заказать по глотку прохладительного.

Они перешли на террасу и подсели к столику Марка Гаскелла, который пребывал в мрачном одиночестве.

Едва официант принес бокалы со льдом, как миссис Бантри нетерпеливо заговорила о том, что ее сейчас волновало.

— Мы можем быть совершенно откровенны друг с другом, — сказала она. — Все давным-давно знакомы. Кроме мисс Марпл. Однако, уверяю вас, ее уникальный опыт может нам очень помочь.

Марк Гаскелл ошарашенно посмотрел на старую даму и через силу выдавил:

— Вы сочиняете полицейские романы?

— Боюсь, что у меня отсутствуют *способности,* чтобы отважиться на писательство.

Миссис Бантри поспешила вмешаться:

— Это не так просто объяснить в двух словах. Но факт остается фактом — мисс Марпл поистине удивительна! Адди, милочка, я сгораю от нетерпения разузнать подробности! Эта девушка... что она собой представляла?

Аделаида искоса взглянула на Марка и усмех-

нулась:

— Я положительно не способна ответить на ваш вопрос!

— В каком она хотя бы роде?

Гаскелл отозвался с грубой прямотой:

— Обычный тип хитрюги. В два счета опутала Джеффа!

Между собой они с Аделаидой называли Конвея Джефферсона Джеффом.

Сэр Генри едва скрыл неудовольствие. Какая фамильярность! Молодчик не из тех, кто способен взвешивать выражения. Он всегда скептически относился к избраннику Розамунды. В некотором шарме Марку не откажешь, но полагаться на него — ни боже мой.

— И вы никак не вмешались? — удивленно спросила миссис Бантри.

Марк Гаскелл ожесточенно отозвался:

— Надо было. Да мы все это прохлопали. — Он бросил на Аделаиду красноречивый взгляд. — Вы уделяли нашему старому Джеффу слишком мало времени, Адди! Вас в последнее время увлек теннис, и все остальное...

— Но мне так редко выпадает возможность заняться спортом. — Тон у нее был виноватый. — Не могло же мне прийти в голову...

— Разумеется, — подхватил Марк. — Откуда нам было знать? Джефф всегда отличался благоразумием.

Мисс Марпл проронила:

— Мужчины редко способны к благоразумию, какое бы ни производили впечатление.

В глубине души она была убеждена, что мужской пол — просто-напросто одна из разновидностей диких зверей.

— Согласен с вами, — сказал Марк. — Жаль лишь, мисс Марпл, что мы не додумались до этого вовремя. Нас, конечно, удивляло, что именно нашел старик привлекательного в этой бесцветной и хитрющей особе? Но он взбодрился, был оживлен, мы этому радовались, а на нее не обращали внимания. Черт возьми! Жалею, что сам не свернул ей шею пораньше!

— Марк! — решительно вмешалась Аделаида. — Отдавайте себе отчет в том, что говорите.

Молодой человек криво ухмыльнулся:

— Иначе меня сочтут за убийцу! Ба! Как ни верти, я и так уже на крючке. Кому выгодна эта смерть? Нам с вами, милая Адди!

— Марк! — повторила миссис Джефферсон с принужденным смехом. — Умоляю, *замолчите!*

— Ладно, ладно, — успокаивающе сказал

он. — Хотя я не привык к обинякам. Разве наш почтенный Джефф не решил облагодетельствовать эту маленькую лгунью пятьюдесятью тысячами фунтов?

— Марк, я положительно настаиваю... ведь она умерла!

— Ну да, знаю, что умерла... Бедная дурочка! По правде говоря, почему ей было не извлечь толику пользы из тех даров, которыми ее наделила природа? Какого черта я на нее напустился?

— Вы что-нибудь возразили Конвею, когда он сообщил о намерении удочерить эту танцовщицу? — осторожно поинтересовался сэр Генри.

Марк развел руками.

— А на каком основании? Деньги принадлежат Джеффу, а мы, строго говоря, даже не его родственники. К тому же он милейший старикан. Нет, мы проглотили пилюлю молча. — Он задумался. — И все-таки невзлюбили малышку Руби.

Аделаида примиряюще сказала:

— Все дело в том, на кого пал выбор. У Джеффа две крестницы. Удочери он одну из них, никто бы *не удивился.* — В голосе ее проскользнуло скрытое раздражение. — И к тому же он был так привязан к Питу!

— Я, разумеется, знала, что Пит — ваш сын от

первого брака, — заметила миссис Бантри, — но со временем как-то забыла об этом. Мистер Джефферсон относился к нему, как к родному внуку.

— И мне так казалось, — вздохнула Аделаида.

Что-то в ее тоне заставило встрепенуться мисс Марпл. Она повернула голову и внимательно посмотрела на молодую женщину.

— Во всем виновата Джози, — выпалил Марк. — Это она приволокла сюда Руби!

— Послушайте, Марк, — возмутилась наконец Аделаида. — Не хотите же вы сказать, что сестры были сообщницами? То, что здесь появилась Руби, чистая случайность.

— И все-таки, милая Адди, Джози не так проста! Допустим, в преднамеренности я ее не обвиняю. Но она раньше всех почувствовала возможный поворот дел и, однако, никому ни слова.

— За это ее нельзя упрекать, — со вздохом отозвалась Аделаида.

— Упрекать мы вообще никого не можем, — честно заключил Марк.

— А что, Руби Кин действительно была очень хорошенькая? — с любопытством спросила миссис Бантри.

Марк удивленно взглянул на нее:

— Я думал, вы ее видели.

Миссис Бантри пробормотала:

— Я видела... труп. Когда человек задушен, судить о внешности... — Ее передернуло.

— Строго говоря, она не была красоткой, — задумчиво сказал Марк. — Она смело пользовалась косметикой, бросалась в глаза. Хотя в лице преобладало нечто лисье. Слабый, срезанный подбородок, редкие, будто вдавленные зубы, неописуемый нос...

— Значит, она была безобразна?

— Вот уж нет! Стоило ей накраситься, как она становилась чертовски соблазнительна. Правда, Адди?

— Пожалуй. Кукольное личико с конфетной коробки. А вот голубые глаза были красивы по-настоящему.

— Не забудьте еще невинный взгляд, как у трехлетнего младенца. И длинные темные ресницы, отчего глаза казались особенно синими. Волосы она красила. Они были платинового цвета, как у моей жены Розамунды. Может быть, это и растрогало Джеффа? — Марк невольно вздохнул. — Самое отвратительное, что мы с Адди можем только радоваться ее смерти. — Он не дал ей возразить. — Я знаю, что вы можете сказать, но не хочу лицемерить. Однако, поверьте, старика

Джеффа мне искренне жаль. Удар сразил его... — Он вдруг умолк и взглянул сквозь распахнутую дверь в вестибюль. — Ну и скрытница же вы, Адди! Смотрите-ка, кто сюда идет!

Миссис Джефферсон обернулась, слабо ахнула и вскочила с места. Лицо ее зарделось. Она стремительно пересекла террасу навстречу смуглому мужчине среднего роста. Тот нерешительно озирался.

— Не Хьюго ли это МакЛин? — осведомилась миссис Бантри, прищуриваясь.

— Он самый, — подтвердил Марк Гаскелл. — Адди стоит пошевелить пальцем, и Хьюго примчится с другого конца света. Он не оставляет надежды, что она в конце концов выйдет за него.

Мисс Марпл с улыбкой наблюдала встречу.

— Настоящая идиллия, не правда ли?

— В старинном вкусе, — усмехнулся Марк. — Длится слишком долго. Ничего не скажешь, наша Адди способна возбуждать глубокие чувства. — И, словно размышляя вслух, добавил: — Она, видимо, позвонила ему утром, а мне не сказала.

На террасе бесшумно возник Эдуард, камердинер Конвея Джефферсона. Он почтительно склонился перед Гаскеллом.

— Простите, сэр. Мистер Джефферсон выразил

желание, чтобы вы поднялись к нему.

— Сейчас иду, — отозвался Марк, вставая.

Когда он вышел, сэр Генри наклонился к уху мисс Марпл.

— Ну что? У вас уже сложилось мнение об этих двоих, наиболее заинтересованных в последствиях преступления?

— По-моему, миссис Джефферсон очень любящая мать.

— Что да, то да, — охотно согласилась миссис Бантри. — Просто обожает Пита!

— Она из тех женщин, которые вызывают восхищение и мысль о браке. Не потому, что она кокетка...

— Разделяю вашу оценку, — заметил с одобрением сэр Генри.

— Вам обоим Аделаида представляется нежной и тонкой натурой, — задумчиво проговорила миссис Бантри. — Что ж, вы не ошиблись.

— А Марк Гаскелл? — спросил с легким смешком сэр Генри.

— Обыкновенный пройдоха, — безапелляционно ответила мисс Марпл.

— У вас имеется и для него деревенский прототип?

— Представьте. Это мистер Каргилл, подрядчик.

Он такой краснобай, что убедит делать ремонт или хозяйственные перестройки, даже когда владельцам дома они абсолютно не нужны. И за какие цены! Но попробуйте проверить счета, он найдет оправдание каждому центу. Этот ловкач женился на солидном приданом. Как и мистер Гаскелл, не так ли?

— Он вам не нравится?

— Нет, почему же? У него особый талант очаровывать. На меня это, впрочем, не действует. Обаяние без ума... К тому же слишком *болтлив.* Неосторожен.

«Неосторожен, — подумал сэр Генри. — Точное определение. Если он будет и дальше нести чушь на всех перекрестках, ему не избежать неприятностей».

По лестнице, ведущей на террасу, легко взбегал стройный человек в белом фланелевом костюме.

— А это, — медленно произнес сэр Генри, — Реймонд Старр, игрок в теннис и танцор, партнер Руби Кин.

Во взгляде старой дамы отразилось любопытство.

— Очень красивый молодой человек.

— Как сказать.

— Не будьте смешным, сэр Генри, — вмешалась

миссис Бантри. — Он действительно на редкость красив.

— Я краем уха слышала, что миссис Джефферсон тренируется на корте? — невинно спросила мисс Марпл.

— Что же из этого, Джейн?

Но старая дама не успела ответить. На террасу вихрем влетел юный Пит Кармоди. Он тотчас устремился к сэру Генри.

— Вы тоже сыщик, сэр? Я видел, как с вами совещался господин из полиции... ну, тот, толстый. Он начальник полиции, я не ошибся?

— Не ошиблись, мой мальчик. Но вы что-то хотели?

— Мне сказали, что вы знаменитый детектив из Лондона. Чуть ли не директор Скотленд-Ярда или что-то в этом роде...

— В полицейских романах подобная фигура выглядит полным идиотом, не правда ли?

— О нет, сэр. Это устарелый стиль. Потешаться над полицией теперь вышло из моды... А вы, конечно, уже знаете, кто убийца?

— Представьте, нет.

— Следствие очень вас заинтересовало, Пит? — ласково спросила миссис Бантри.

— О да, мадам! Это мое главное занятие сейчас.

Где я только не лазил, чтобы напасть на вещественные доказательства! Но мне не везет. То, что я нашел, пустячная мелочь, просто память об убитой. Хотите взглянуть? Представляете, мама велела выбросить. Взрослые иногда так недальновидны!

Он торжественно вынул из кармана спичечную коробку, открыл ее и показал спасенное сокровище.

— Видите? Это *обрезок ногтя, ногтя Руби.* Я наклею этикетку *«Ноготь задушенной женщины»* и покажу в колледже. Мировой сувенирчик?

— Где вы его нашли? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Вчера вечером перед ужином Руби зацепила ногтем шаль Джози, и ноготь сломался. Мама отрезала его ножничками и велела мне выбросить в мусорную корзинку. Лень было идти, я сунул в карман, а сегодня утром вспомнил. Начал рыться: на месте! Теперь это мой трофей. Удивительно получилось, правда? Я ведь не знал, что ее убьют.

— А еще что-нибудь вы не отыскали? — с надеждой спросил сэр Генри.

— Нет. Но кое-что интересненькое у меня хранится.

— Поясните, мой мальчик, что именно?

Пит достал конверт и вынул обрывок коричневого шнурка.

— Это кусок шнурка от ботинка Джорджа Бартлетта. Утром я увидел ботинки перед его дверью и отрезал кусочек на случай, если...

— На какой случай?

— Если он окажется преступником, конечно! Ведь он виделся с Руби последним. Согласитесь, это подозрительно. А что, ужин скоро? Просто умираю от голода. По-моему, время между чаем и ужином тянется неимоверно долго. О, да это дядя Хьюго! Я и не знал, что мама вызвала *его.* Он всегда появляется в трудные минуты. А вот и Джози идет сюда. Добрый вечер, Джози!

Джозефина Тёрнер вступила на террасу и приостановилась явно в удивлении при виде обеих дам из Госсингтона.

— Как поживаете, мисс Тёрнер? — со светской приветливостью обратилась к ней миссис Бантри. — Мы приехали, чтобы немного расшевелить следствие.

Джози с некоторым смущением оглянулась и сказала, понизив голос:

— Это так мучительно! До сих пор ничего не известно. По крайней мере, в газетах ни слова. Я боюсь, что репортеры вот-вот примутся атако-

вать меня вопросами, а что я скажу?

Ее обеспокоенный, блуждающий взгляд остановился на мисс Марпл, которая поспешила отозваться:

— Вполне понимаю ваши затруднения, милая.

Ее сочувствие подбодрило Джози.

— Наш директор мистер Прескотт велел мне вообще не открывать рта, но как это выполнить? Мистер Прескотт думает, что я могу работать здесь по-прежнему. Право, он очень добр при этих ужасных обстоятельствах. Я стараюсь угодить ему. Меня ведь упрекнуть не в чем?

— Вы разрешите, мисс, задать вам один вопрос? — вежливо вмешался сэр Генри.

— Пожалуйста, — отозвалась Джози упавшим голосом.

— Ваши отношения с миссис Джефферсон и мистером Гаскеллом всегда были одинаково хорошими?

Джози нервно стиснула руки. Голос ее звучал неуверенно:

— Право... никто из них не *сказал* ни слова упрека. Но у меня впечатление, будто они сердиты из-за... ну, того интереса, который мистер Джефферсон проявил к Руби. Однако я вовсе в этом не виновата! Я сама была очень удивлена. — Она

говорила горячо и искренно.

— Охотно допускаю, — любезно заметил сэр Генри. — Особенно вы удивились, конечно, когда мистер Джефферсон повел речь об удочерении вашей кузины?

Джози вздернула подбородок:

— Ей привалило неслыханное счастье. Но ведь каждый имеет право на удачу?

Она несколько вызывающе обвела присутствующих взглядом и, не оборачиваясь, покинула террасу.

— Думаю, *она* не причастна к преступлению, — с видом знатока сказал Пит.

Мисс Марпл пробормотала как бы про себя:

— Этот обрезок ногтя навел на размышления. Я не могла объяснить себе... ее ногти...

— В каком смысле — ногти? — переспросил сэр Генри.

— Видите ли, ногти убитой были очень *коротко* обрезаны, — пояснила миссис Бантри. — Теперь, когда Джейн заговорила об этом, я вспомнила, что удивилась. У девушек ее профессии обыкновенно бывает маникюр.

— Да, — согласилась мисс Марпл, — но если она сломала один ноготь, то пришлось подровнять и другие. Хорошо бы разузнать, не нашлись ли еще

обрезки в ее спальне?

Сэр Генри посмотрел на старую даму с любопытством.

— Непременно спрошу у Харпера, как только он вернется.

— Откуда вернется? — забеспокоилась миссис Бантри. — Неужели он снова поехал в Госсингтон?

Сэр Генри пояснил с серьезным видом:

— Нет. Произошла еще одна трагедия. В карьере найдена сгоревшая машина.

Мисс Марпл побледнела:

— Она пуста?

— К сожалению, нет.

Мисс Марпл грустно покивала:

— Боюсь, что это та пропавшая школьница. Памела Ривз.

Сэр Генри не мог скрыть удивления:

— Почему вы так решили?

Мисс Марпл, как всегда, смутилась:

— Нам рассказывал инспектор Слэк, что вчера вечером девочка не вернулась домой. Она живет в Дейнли-Вейл. Не очень далеко отсюда. Последний раз ее видели на празднике скаутов в Дейнбери, вблизи от Дейнмута. Дейнмут лежит у нее на пути по дороге. Все совпадает, не правда

ли? Можно предположить, что она случайно услышала или увидела что-то смертельно опасное для убийцы. И участь ее была решена. Между этими двумя фактами *возможно* нечто общее, не так ли?

Сэр Генри понизил голос:

— По-вашему, действовал один и тот же человек?

— А почему бы и нет?

Твердый взгляд старой дамы встретился с понимающим взглядом бывшего комиссара Скотленд-Ярда.

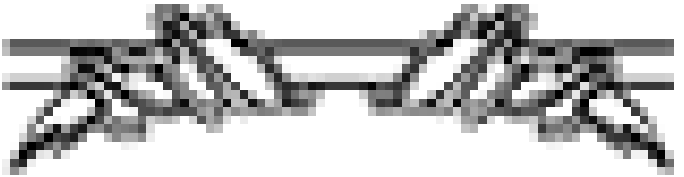
— Решившись на одно преступление, — добавила она, — обычно уже не останавливаются перед вторым и даже *третьим.*

— Как? Вы допускаете третье?!

— Все может статься.

— Мисс Марпл, вы меня пугаете! — воскликнул сэр Генри. — Но кто же, ради всего святого, может стать этой третьей жертвой?!

— Кое-какие опасения у меня существуют.



ГЛАВА 10

I

Старший инспектор Харпер глядел на обгоревшую груду металла. Почерневший, искореженный автомобиль сам по себе неприятное зрелище, а тут еще обуглившийся труп...

Карьер Венна находился в стороне от дорог и человеческого жилья. И хотя по прямой до него от Дейнмута было всего около двух миль, добраться туда было непросто — к нему вела

одна-единственная дорога, извилистая, вся разбитая и такая узкая, что по ней едва могла проехать телега. Здесь дорога и заканчивалась. В карьере давно уже не велось никаких работ, и если кто и пользовался этой богом забытой дорогой, так это случайные прохожие, приходившие сюда за ежевикой. Самое подходящее место, где можно было бросить машину в уверенности, что ее долго не найдут. Да ее бы и не нашли, если бы один из рабочих, Альберт Биггс, по пути на работу ненароком не заметил зарево над карьером.

Альберт все никак не уходил с места происшествия, хотя все, что он мог сказать, уже сказал. Однако он снова и снова повторял свой рассказ всем желающим, приукрашивая его все осенявшими и осенявшими его подробностями.

— Батюшки, говорю я себе, мерещится мне, что ли? Прямо-таки зарево, до самых небес. Может, говорю, кто костерок развел. Да кому это надо — жечь костер в карьере Венна? Нет, говорю, слишком сильно горит для костерка. Но тогда что же? В том месте ничегошеньки нет, ни дома, ни фермы. Да это прямо рядом с карьером горит, не иначе, именно там, как пить дать. Стою и не знаю, что и делать, а тут как раз констебль Грегг едет мне навстречу на велосипеде. Ну, я ему, мол,

так и так. К тому времени все уж потухло, но я подробненько все ему рассказал, где полыхало. Вон там, говорю. И здорово полыхало, говорю. Может, какая скирда или стог загорелся, кто его знает. Шел какой-нибудь бродяга да бросил спичку. Мне и ни к чему, что это машина была, да к тому же и человек в ней сгорел. Вот беда-то какая.

Гленширские полицейские тем временем привычно делали свое дело. Щелкали фотоаппараты, фиксируя положение тела в машине. Потом судебный медик приступил к осмотру.

Спустя некоторое время он подошел к Харперу, отряхивая с рук пепел. Губы его были сурово сжаты.

— Кто-то постарался, — сказал он. — Сгорело все, осталась лишь часть ступни и туфля. В данный момент я даже не могу с уверенностью сказать, мужчина это или женщина, хотя позже мы, конечно, все установим — по результатам анализа. Туфля черная, с ремешком. Такие обычно носят школьницы.

— В соседнем графстве разыскивается школьница, — сказал Харпер, — совсем недалеко отсюда. Девочка лет шестнадцати.

— Возможно, это она, — сказал врач. — Бедное дитя.

— Неужели она была жива, когда... — онемевшими губами спросил Харпер.

— Нет-нет. Судя по положению тела она даже не пыталась выбраться — тело лежало на сиденье, а нога высовывалась наружу. Думаю, когда ее туда бросили, она уже была мертва. Потом машину подожгли.

— Я вам больше не нужен? — помолчав, поинтересовался он.

— Нет, спасибо.

— Тогда я поеду. — Он направился к своей машине, а Харпер подошел к обгоревшему автомобилю, где работал один из его сержантов, специализирующийся на подобных делах.

Полицейский поднял голову и посмотрел на Харпера.

— Типичный поджог, сэр. Вон там, в кустах, три пустые канистры. Ясное дело, кто-то облил машину бензином и поджег.

Чуть поодаль еще один полицейский осторожно раскладывал уцелевшие вещи. Среди них была черная кожаная туфля и несколько лоскутков обгоревшей ткани. Увидев приближающегося Харпера, один из его подчиненных сказал:

— Взгляните, сэр. Кажется, это отметает все сомнения.

Харпер взял у него из рук небольшой кругляш.

— Пуговица от скаутской формы?

— Да, сэр.

— Ясно, — пробормотал Харпер. — Стало быть, сомнений и правда не остается.

Старшему инспектору, человеку по натуре доброму и чувствительному, стало как-то не по себе. Сначала Руби Кин, теперь эта девчушка, Памела Ривз.

И ему снова подумалось: «Что же это творится в Гленшире?»

Он позвонил начальнику полиции своего графства, а затем связался с полковником Мельчеттом, ведь исчезла Памела Ривз в графстве Редфордшир, хотя тело было найдено в графстве Гленшир.

Дальше его ждала весьма неприятная миссия — сообщить о смерти девочки родителям...

II

Старший инспектор Харпер внимательно оглядел фасад и позвонил.

Небольшой опрятный дом, ухоженный садик размером в полтора акра. В последние двадцать лет таких домов в сельской местности было построено немало. Жили в них отставные военные

или вышедшие на пенсию государственные чиновники. Вполне приятные порядочные люди, немного скучноватые, но это единственное, в чем их можно было упрекнуть. На образование детей тратят столько денег, сколько позволяют доходы. Подобные трагедии обычно обходят этих людей стороной. И вот надо же, горе добралось и до них.

Его проводили в гостиную. Мужчина с седыми усами и военной выправкой и женщина с заплаканным лицом быстро поднялись ему навстречу.

— Что-то о Памеле? — нетерпеливо спросила миссис Ривз и тут же отпрянула назад, будто инспектор наотмашь ударил ее взглядом...

— Боюсь, я принес плохие новости, — сказал Харпер.

— Памела... — пролепетала женщина.

— С ней что-то произошло? — резко спросил майор Ривз.

— Да, сэр.

— Вы хотите сказать, ее нет в живых?

— О нет, нет! — вскричала миссис Ривз и горько разрыдалась. Майор Ривз обнял жену за плечи и привлек к себе. Губы его дрожали, но он все еще вопросительно смотрел на склонившего голову Харпера.

— Несчастный случай?

— Не совсем. Ее нашли в сгоревшем автомобиле, в заброшенном карьере.

— В автомобиле? В заброшенном карьере?

На его лице было написано крайнее изумление.

Миссис Ривз совсем обессилела и опустилась на диван, сотрясаясь от рыданий.

— Может быть, мне зайти чуть позже? — спросил старший инспектор.

— Что все это значит? — нетерпеливо проговорил майор Ривз. — Убийство?

— Видимо, так, сэр. Поэтому я и хочу задать вам несколько вопросов, если, конечно, вы в состоянии сейчас ответить.

— Да-да. Я готов. Нельзя терять ни минуты. Но я просто не могу поверить. Кому могло понадобиться убивать Памелу? Ребенка!

Харпер сдержанно продолжил:

— Вы уже рассказывали в участке об обстоятельствах исчезновения вашей дочери. Она пошла на собрание скаутов, и вы ждали ее к ужину, верно?

— Да.

— Она должна была вернуться на автобусе?

— Да.

— Судя по словам ее подружек, после собрания Памела сказала, что хочет зайти в дейнмутский магазин и потому вернется домой более поздним автобусом. Это вас не насторожило?

— Ничуть. Памела обожала этот магазин. И часто ездила в Дейнмут за покупками. Автобусная остановка в четверти мили от нашего дома.

— И никаких других планов у нее на тот вечер не было?

— Никаких.

— А может, она должна была с кем-нибудь встретиться? Там, в Дейнмуте?

— Да нет. Иначе бы она сказала нам, ведь мы ждали ее к ужину. А потом видим, что ее нет и нет. А уже ночь, ну мы и позвонили в полицию. Она никогда так не задерживалась.

— У вашей дочери не было нежелательных друзей, таких, кого бы вы считали для нее неподходящей компанией?

— Нет, с этим у нас не было никаких проблем.

Миссис Ривз, всхлипывая, добавила:

— Пэм была совсем ребенком, казалась моложе своих лет. Любила всякие игры. Она была не из тех девочек, которые рано созревают.

— Вам знаком некий Джордж Бартлетт, сейчас он проживает в отеле «Маджестик» в Дейнмуте?

Майор Ривз поднял брови:

— Первый раз слышу.

— Ваша дочь не могла быть с ним знакома?

— Нет. Я абсолютно в этом уверен. А кто он такой? — сердито спросил майор.

— Ему принадлежала машина марки «Миньон-14», в которой нашли тело вашей дочери.

— Тогда, значит, это он... — воскликнула миссис Ривз.

— Сегодня рано утром он заявил о пропаже своей машины, — спешно сказал Харпер. — Вчера во время ленча она еще стояла во дворе отеля, а потом вроде бы кто-то ее угнал...

— И что же, никто не заметил пропажи?

Старший инспектор покачал головой.

— За день от отеля отъезжают десятки машин. А «Миньон-14» — одна из самых распространенных марок.

— Ну вы хоть что-нибудь делаете? Когда вы найдете этого мерзавца... который... О, моя девочка! — вскричала миссис Ривз. — Бедная моя девочка! Неужели она сгорела заживо? О, Пэм, моя Пэм!

— Она не страдала, миссис Ривз, не мучилась. Абсолютно точно. Когда машина горела, девочка уже была мертва.

— И как ее убили? — глухо спросил мистер Ривз.

— Мы еще не знаем, — пояснил Харпер, бросив на него выразительный взгляд. — Огонь уничтожил все, что помогло бы это установить.

Он обернулся к распластанной на диване миссис Ривз.

— Мы делаем все, что в наших силах. Поверьте. Мы проводим тщательное расследование. В конце концов мы обязательно найдем кого-нибудь, кто видел вчера вашу дочь в Дейнмуте. И получим приметы того, с кем она была. Нам нужно какое-то время, понимаете... Скоро нас засыплют десятками, если не сотнями, сообщений о девочке в скаутской форме, которую видели по маршруту ее следования. Тогда нам останется только проанализировать и найти единственное... в конце концов, мы все выясним, не сомневайтесь.

— Но где... где она? Можно мне поехать к ней? — рыдала миссис Ривз.

И снова старший инспектор прежде чем ответить, выразительно посмотрел на мистера Ривза.

— Там сейчас работают эксперты. Я думаю, что лучше пусть поедет ваш супруг... нужно подписать кое-какие документы... А вы тем временем

постарайтесь вспомнить, что говорила вам Памела в последнее время. Может, вы что-нибудь вспомните — что прольет свет на случившееся... Какое-нибудь слово, фразу... Вы этим нам очень поможете.

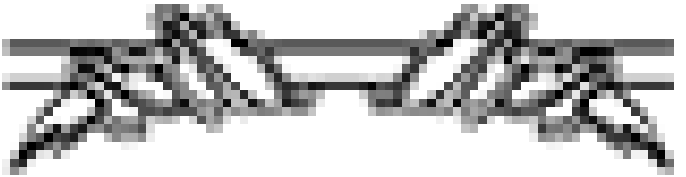
Когда они направились к двери, Ривз, указывая на фотографию, стоявшую на столе, сказал:

— Вот она, наша Памела.

Харпер вгляделся в фотографию. На ней была хоккейная команда. Ривз ткнул пальцем на девочку в самом центре.

«Милая девчушка», — подумал Харпер, глядя на серьезное личико и косички, и невольно сжал зубы, вспомнив обугленный труп. Он тут же мысленно поклялся, что убийство Памелы Ривз не пополнит перечень нераскрытых преступлений, совершенных в графстве Гленшир.

Руби Кин, подумалось ему, возможно, в какой-то мере сама спровоцировала собственную смерть, но Памела Ривз... она совсем другое дело. Такая милая девочка... Нет, он не успокоится, пока не найдет ее убийцу...



ГЛАВА 11

Полковник Мельчетт и начальник полиции Харпер мрачно переглянулись. Харпер только что вернулся из Мач Бенэма для консультации с шефом. Главный констебль сказал с тяжелым вздохом:

— Придется вести оба расследования одновременно. Убийство Руби Кин и убийство Памелы Ривз. Опознать несчастную девочку удалось только по обугленной туфельке да по пуговице от школьной формы. Какая ужасная гибель!

Харпер не замедлил согласиться:

— Совершенно верно, сэр.

— Доктор сделал заключение, что она была уже мертва, когда ее бросили на заднее сиденье и подожгли машину. Все-таки немного легче: хоть не сгорела заживо. Видимо, бедняжку ударили по голове.

— Или задушили.

— Вы хотите сказать, Харпер...

— Что у некоторых убийц свой излюбленный прием.

— М-да... Я повидался с родителями. Мать в невменяемом состоянии, жалко смотреть на нее. Что ж, поищем связь между этими двумя преступлениями. Если таковая, конечно, существует.

Харпер коротко изложил происшествие:

— Памела Ривз участвовала в молодежном празднике в дюнах Дейнмута. Подруги утверждают, что она была здорова и весела. Однако в обратный автобус со всеми не села, сославшись на необходимость сделать какие-то покупки в Дейнмуте. Оттуда, более поздним автобусом, она и собиралась вернуться. Все правдоподобно: в Дейнмуте имеется большой магазин, а девочка не часто попадала в город. Дорога туда идет между дюнами, но делает крюк. Памела захотела сократить путь, пересекла поле и свернула на

тропинку к «Маджестику», подходя к отелю с западной стороны. Тут-то она, возможно, видела что-то, имеющее отношение к Руби Кин. Ну, скажем, слышала, как ей назначали свидание на одиннадцать часов. Школьница могла опознать и выдать убийцу. Он это отлично понял.

— Следовательно, убийство Руби Кин было задумано ранее, а не произошло под влиянием минуты?

— Очевидно, — подтвердил Харпер. — Хотя первое впечатление говорило в пользу внезапного приступа ярости. Но теперь я думаю по-иному. Если Памела была свидетельницей преступления, то как объяснить, что она оказалась около отеля так поздно? Ведь родители начали тревожиться о ней уже в девять часов вечера.

— Возможна другая версия. Она ускользнула в Дейнмут, чтобы встретиться с кем-то, о ком ни ее подруги, ни родители не знали. Тогда смерть не имеет отношения к убийству танцовщицы.

— Совершенно верно, сэр. Но лично я так не думаю. Заметьте, старая дама, мисс Марпл, тоже заподозрила связь между обоими убийствами. Первое, о чем она спросила, — это не опознали ли мы в сгоревшем трупе Памелу Ривз. У нее острый ум!

— Мисс Марпл не впервые проявляет проницательность, — заметил полковник Мельчетт.

— Не будем забывать и о машине, сэр. Она принадлежала Джорджу Бартлетту. Вот вам еще ниточка к «Маджестику»!

Несколько минут они задумчиво смотрели друг на друга.

— Джордж Бартлетт, — повторил полковник. — А вдруг он? Как вы думаете?

Харпер вновь стал методично перечислять факты, загибая пальцы:

— Руби Кин последний раз видели с Бартлеттом. Он сказал, что она поднялась к себе. Это подтверждает брошенное на кресло бальное платье. А если она отправилась переодеться для прогулки *именно с ним?* Они могли договориться об этом раньше. Скажем, перед ужином? Тогда возле отеля могла находиться и Памела, которая услышала их разговор.

— Бартлетт сообщил о пропаже автомобиля только на следующее утро, и очень сбивчиво. Например, не мог вспомнить, когда видел собственную машину во дворе в последний раз.

— Допустим, он лжет, сэр. И вовсе не идиот, а хитрый актер.

— Прежде чем разрабатывать эту версию, нам

нужен повод для убийства. Какой смысл Бартлетту душить Руби Кин?

— Вечный камень преткновения — повод! Сведения из Дворца танцев тоже ни с чем не вяжутся.

— Совершенно ни с чем, Харпер! Все в один голос утверждают: никаких мужчин в жизни Руби Кин не было. Уж если Слэк ни до чего не докопался...

— После него там делать нечего. Он составил список всех, кто хоть однажды протанцевал с Руби Кин. Приличные, безобидные молодые люди. Кстати, у всех твердое алиби на эту ночь.

— Ох эти мне алиби, — вздохнул начальник полиции. — Чуть что, натыкаешься на алиби.

Мельчетт взглянул на него недовольно:

— Эта часть расследования поручена вам.

— Разумеется, сэр. Я все проделал самым добросовестным образом. Из Лондона получен ответ на наш запрос.

— Ну и?..

— Мистер Конвей Джефферсон весьма ошибся, оценивая имущественное положение зятя и невестки. Они не только не богаты, но попали в большие затруднения.

— Вот как?

— Да, сэр. Мистер Джефферсон, конечно, наделил и сына и дочь значительным капиталом, но когда это было? Фрэнк Джефферсон считал, что он тоже обладает финансовой сметкой, что в биржевой игре осторожен, не пускается в рискованные спекуляции, но ему просто не повезло. Он ошибся в расчетах, ценные бумаги принесли убыток. Его вдове в результате нечем даже оплатить приличную школу для своего сына.

— Она просила свекра о помощи?

— Не думаю, сэр. Пока она живет при нем, траты у нее минимальные.

— К тому же его здоровье не сулит долгую жизнь, так?

— Пожалуй, и это, сэр. Что касается мистера Гаскелла, то он ведь игрок и быстро спустил состояние жены. Да еще долгов наделал. Ему теперь не просто нужны деньги, ему нужно много денег.

— Этот человек никогда не вызывал у меня симпатии, — признался полковник Мельчетт. — Отчаянный сорвиголова. Для него удочерение Руби означало потерю двадцати пяти тысяч фунтов стерлингов. Веский довод, чтобы избавиться от девушки.

— Но тот же повод был и у миссис Джефферсон.

— Пока я говорю не о ней.

— Знаю, сэр. Однако у них обоих одинаковые алиби. Они физически *не могли* совершить это преступление.

— Вы составили описание их действий в тот вечер по минутам?

— Да, сэр. Начну с мистера Гаскелла. Он ужинал со своим тестем и миссис Джефферсон. Когда Руби Кин к ним присоединилась, все вместе перешли к кофе. Затем мистер Гаскелл сказал, что у него остались недописанные письма, и ушел. На самом деле он сел за руль и ездил к морю. Мне он признался, что сидеть за бриджем весь вечер выше его сил. А мистер Джефферсон, как назло, обожает эту игру. Итак, письма были пустой отговоркой. Руби Кин оставалась в салоне. Когда Гаскелл вернулся, она танцевала с Реймондом Старром. После своего номера Руби вновь подошла к Джефферсонам, выпила с ними прохладительного. Позже она ушла под руку с Бартлеттом. Гаскелл и остальная компания начали карточную партию. Было без двенадцати одиннадцать. Из-за стола Марк Гаскелл встал только после двенадцати. Сомнений быть не может, на этом сходятся все: партнеры по бриджу, официанты... словом, все. Убийцей *он* быть не может. У миссис Джефферсон

тоже алиби. Обоих следует исключить... В том случае, если считать, что девушка убита до полуночи, — медленно добавил Харпер.

— Таково мнение доктора Хейдока. На его профессиональные знания можно положиться.

— И все-таки некоторые обстоятельства могут привести к ошибке.

— Я подскажу эту мысль Хейдоку. — Мельчетт снял телефонную трубку, мельком взглянул на часы. — Хейдок должен быть уже здесь... Ну а если ее убили *после* полуночи?

— Тогда они могут оказаться замешанными, ведь каждый входил и выходил по нескольку раз. Предположим, Гаскелл попросил девушку встретиться с ним где-нибудь в двадцать минут первого. Он покидает салон на несколько минут, душит ее, возвращается в салон, а от трупа избавляется на рассвете...

— ...То есть везет его в своей машине за тридцать километров, чтобы втащить в библиотеку Бантри? Абсолютная чушь.

— Пожалуй, — согласился начальник полиции.

Разговор прервал телефонный звонок. Мельчетт снял трубку.

— Алло, Хейдок! Это вы? Скажите, есть вероятность, что Руби Кин задушена *после* полуночи?

— Я уже говорил: смерть наступила между десятью и двенадцатью часами!

— Да-да, помню. Но разве в вашей практике не было случаев, когда опровергались бесспорные выводы?

— Это просто невозможно. Если я говорю, что это так, значит, это так. Медицину нельзя опровергнуть.

— Разумеется, разумеется... Но не могут ли сыграть роль какие-нибудь особые обстоятельства?

— Опять-таки вы заблуждаетесь. Девушка была абсолютно здорова, никаких аномалий. Я не могу кривить душой, чтобы угодить полиции и помочь ей накинуть петлю на шею какого-нибудь бедняги, которого вы подозреваете. Прошу вас, сэр, не протестуйте. Мне известны некоторые ошибки... Между прочим, девушка была задушена в бессознательном состоянии. Ей сначала ввели сильный наркотик. — Доктор Хейдок повесил трубку.

— Вот видите.

— По правде говоря, я разрабатывал еще один след. Но и он завел в тупик.

— Простите, о чем речь?

— Это вы, сэр, обратили на него мое внимание. Я говорю о Бэзиле Блейке. Он живет рядом с Гос-

сингтоном.

— Ах, этот вертопрах! — Полковник насупился, вспомнив грубости Бэзила.

— Во-первых, он был знаком с Руби Кин. Часто ужинал в отеле. Говорят, танцевал с ней. Помните, что сказала Джози Реймонду Старру, когда они выходили из комнаты Руби? Сказала: «Не с киношником ли она?» Я дознался, что имелся в виду Блейк.

— А что? Многообещающий след!

— Гораздо менее, чем кажется, сэр. В эту ночь Блейк присутствовал на приеме в студии. Вам известно подобное времяпрепровождение? В восемь вечера начинают с коктейлей и веселятся до тех пор, пока сквозь табачный дым уже перестают видеть друг друга. Тогда расходятся. Инспектор Слэк провел расследование, допросил Блейка: он расстался со своими приятелями примерно в полночь. Руби Кин была уже убита.

— Кто подтверждает его алиби?

— Большинство актеров мертвецки напились. Но одна молодая женщина — она, кстати, сейчас здесь — подтверждает показания Блейка.

— Шаткое доказательство.

— Бесспорно.

— Где расположена студия?

— В Лемвилле, сэр. Примерно в пятидесяти километрах к юго-западу от Лондона.

— Гм... почти на том же расстоянии, как отсюда до Лондона?

— Именно, сэр.

Полковник Мельчетт потер нос. Вид у него был недовольный.

— Придется и этого исключить, а?

— Согласен с вами, сэр. Нет доказательств хоть какой-то связи с Руби Кин.

— Вновь перед нами неизвестный убийца. Икс. Настолько скрытный, что и Слэку не напасть на его след. Зять Джефферсона, возможно, и хотел бы убить, да не мог. Аделаида Джефферсон то же самое. У Бартлетта нет алиби, но отсутствует повод. Вот и все... Впрочем, извините. Не поразмыслить ли нам насчет танцора Реймонда Старра?

Харпер медленно произнес:

— Но у него алиби. До полуночи его постоянно видели в танцевальном зале с разными партнершами. Нет, его никак не притянешь к делу.

— Единственный кандидат — Джордж Бартлетт, — решительно сказал Харпер. — Необходимо отыскать ему повод для преступления!

— Вы разузнали его прошлое?

— Да, сэр. Единственный сын, баловень матери.

Унаследовал от нее большое состояние, теперь вовсю транжирит его. Характер слабый. Злодейского в нем мало, признаться.

— Может, он психически неуравновешен? — с надеждой спросил Мельчетт.

Харпер ответил тоже вопросом:

— А вам не приходило в голову, сэр, что таково объяснение всей этой истории?

— Убийца-маньяк?

— Вот именно, сэр.

— Конечно, это вывело бы нас из всех затруднений.

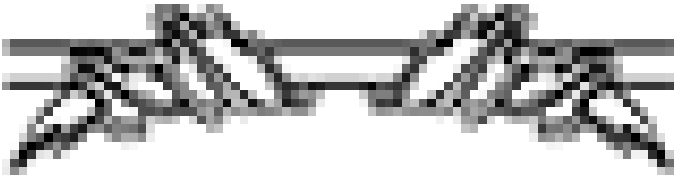
— Не вижу в этом ничего хорошего, — вздохнул Харпер.

— Но почему?

— Слишком банально.

— Гм... пожалуй. Тогда остается тот же вопрос, что и в начале следствия: куда нам двигаться?

— Некуда, сэр, — меланхолически ответил начальник полиции.



ГЛАВА 12

I

Конвей Джефферсон пошевелился во сне и вытянул поверх одеяла мускулистые, крепкие руки. После катастрофы они словно получили добавочную силу. Не открывая глаз, он улыбнулся. После продолжительного сна он всегда просыпался с приливом сил и в отличном настроении. Новый день? Через мгновение он уже нажимал кнопку звонка, вмонтированного в изголовье кровати. И

вдруг все вспомнил.

Эдуард входил в спальню, когда с губ его хозяина сорвался сдавленный стон.

— Не больны ли вы, сэр?

Конвей сдержанно отозвался:

— Нет, Эдуард. Входите. Откройте окно!

Яркий утренний свет заполнил спальню.

Конвей Джефферсон мрачно погрузился в размышления. Перед его мысленным взором мелькнуло маловыразительное для всех личико танцовщицы. Ему оно представлялось иным: накануне вечером он назвал Руби «простосердечным, наивным ребенком». А теперь?.. Огромная усталость охватила Конвея. Он закрыл глаза и прошептал: «Маргарет!»

Это было имя его покойной жены.

II

Миссис Бантри и Аделаида Джефферсон сидели на террасе.

— Мне очень понравилась ваша приятельница, — сказала Аделаида. — Но, видимо, она не слишком высокого мнения о человеческом роде?

— В этом вы правы, милая Адди.

— Когда приходится долго наблюдать расточаемую без толку доброту, тоже приходишь к

подобному выводу. — И пояснила, уловив изумленный взгляд миссис Бантри: — Я имею в виду, когда возносят на пьедестал существо ничтожное, совершенно этого не заслуживающее.

— Вы намекаете на Руби Кин?

— Да. Не хочу казаться безжалостной. Бедная девушка не была такой уж дурной. Просто корыстной и хитрой. Быстро сообразила, что можно извлечь пользу, если растрогать одинокого старика.

— Но Конвей и вправду *ощущал* себя иногда одиноким, — осторожно заметила миссис Бантри.

— Пожалуй. Но лишь этим летом. — Она говорила как бы через силу. — Странная у меня судьба... Майк Кармоди умер так быстро после нашей свадьбы, что это меня как бы оглушило. Вы ведь знаете, что Пит никогда не видел отца? Фрэнк Джефферсон, близкий друг Майка, постоянно бывал у нас. Пит его крестник... согласно последней воле отца. Фрэнк мне нравился... иногда становилось так его жаль.

— Жаль? — заинтересованно переспросила миссис Бантри.

— Вам кажется это странным? Ведь он жил, ни в чем не зная отказа. Родители потакали ему

во всем. А вместе с тем... как это лучше объяснить? Мистер Джефферсон — слишком сильная личность. Даже не желая того, он подавлял всех вокруг. Фрэнк страдал от этого. Когда мы поженились, он был совершенно счастлив. Его отец поступил очень предупредительно: выделил сыну значительную сумму. Как он говорил, для того, чтобы его детям незачем было ожидать его смерти. Но этот великодушный шаг оказался преждевременным. Следовало сначала научить Фрэнка распоряжаться деньгами. Богатство опьянило Фрэнка, он пустился в биржевые спекуляции по примеру отца. Увы, без успеха. Вкладывал деньги в надежные акции, но при невыгодной конъюнктуре. Ужасно видеть, как целое состояние утекает сквозь пальцы! И все из-за неумения... Чем глубже Фрэнк увязал, тем упрямее кидался в новые авантюры, надеясь, что они его спасут.

— Но милая, — взволнованно перебила миссис Бантри, — разве Конвей не мог вмешаться, дать сыну полезный совет?

— Фрэнка обуревала гордость, он хотел добиться успеха собственными силами. Мы скрывали свое бедственное положение. Даже после гибели Фрэнка я не призналась его отцу, что осталась

почти без средств. Вы должны понять... — Она стремительно повернулась к собеседнице. — Я не могла предать моего бедного мужа! Живой Фрэнк никогда не разрешил бы этого. К тому же мистер Джефферсон долго был тяжело болен. До сих пор я не рассеиваю его иллюзию, будто я богатая женщина. Мою экономность он считает просто положительной чертой характера. Со дня гибели Фрэнка мы с Питом живем с ним и... на его счет. Так что мне не приходилось до сих пор ломать голову из-за завтрашнего дня. — Аделаида грустно покачала головой. — Мы жили одной семьей, это так. Но... поймете ли вы это? Я для него и посейчас не вдова, а жена его сына!

Миссис Бантри сочувственно кивнула:

— Иными словами, Конвей не смирился с гибелью своих близких?

— Да. Этот удивительный человек победил свое несчастье тем, что отказался его признать. Марк остается супругом Розамунды, а я женой Фрэнка — хотя их давно нет в живых. Но для отца они как бы существуют!

— Это чудо веры, — прошептала миссис Бантри.

— Мы жили так все эти годы. Но здесь... недавно... что-то сломалось во мне. Или взбунтовалось...

Я не могу, не хочу постоянно думать о мертвом Фрэнке! Моя любовь, мое отчаяние — все померкло, ушло в прошлое. Это ужасно, что я так говорю? Сама себе не могу объяснить, что происходит в моей душе. Мне хотелось бы стереть прошлое, как с грифельной доски, и начать жизнь сызнова. Вернуться к той Адди, жизнерадостной, веселой, которая любила плавать, танцевать, играть в теннис. Короче, снова стать *самой собой.* Хьюго... вы ведь знаете МакЛина? Он прекрасный человек и мечтает на мне жениться. Я долго гнала эту мысль... но *сейчас* задумалась серьезно. — Она слегка пожала плечами. — Возможно, Марк прав: *я мало уделяла внимания Джеффу.* Мои мысли были далеко. Я даже обрадовалась, когда Руби взялась развлекать его. У меня появилось больше свободы. Могло ли мне прийти в голову, что он настолько *увлечется* ею?!

— Как вы это приняли?

— Была чрезмерно поражена. Ну и... рассержена.

— У *меня* такая же реакция, — подхватила миссис Бантри. — Точь-в-точь.

— Я думала о Пите. Будущее моего мальчика целиком зависит от Джеффа. Он относился к нему, как к родному внуку... по крайней мере, я

так надеялась. А вышло иначе. Ведь кровных уз между ними нет. — Ее холеные руки задрожали на коленях. — Пит терял наследство из-за вульгарной дурочки, жадной к деньгам! О, я готова была ее убить...

Адди в ужасе умолкла. Красивые карие глаза с мольбой обратились к миссис Бантри.

– *То, что я говорю, чудовищно?*

Хьюго МакЛин бесшумно подошел сзади и спросил:

— Что именно чудовищное вы говорите, дорогая?

— Садитесь, Хьюго. Вы ведь знакомы?..

— Конечно. Здравствуйте, миссис Бантри!

МакЛин уже имел сегодня случай поздороваться с женой полковника Бантри. Он упрямо повторил:

— Так что же чудовищно?

— То, что я тоже хотела убить Руби Кин, — призналась Аделаида.

Хьюго секунду размышлял.

— На вашем месте я бы так не говорил. Случайно вырвавшиеся слова можно истолковать превратно. — Он неотрывно смотрел на молодую женщину. Его светлые глаза выражали преданность, но в голосе прозвучало предупреждение:

— Будьте осторожны, Адди!

III

Когда мисс Марпл вышла на террасу, ее приятельница еще продолжала сидеть в кресле, а Хьюго и Аделаида спускались по тропинке к пляжу.

Мисс Марпл присела рядом:

— Кажется, он очень влюблен.

— Он ее любит. И давно!

— Подобный тип мужчин мне знаком. Мистер МакЛин напоминает майора Бери. Тот целых десять лет обожал одну вдову, вызывая насмешки приятелей, и в конце концов добился ее согласия. Но, к сожалению, за неделю до свадьбы она сбежала с шофером... гм... Миссис Джефферсон — прелестная и уравновешенная женщина...

— Ах, все способны наделать массу глупостей! — заметила миссис Бантри. — Если бы вы пришли на четверть часа раньше, Джейн, вы бы послушали, что говорит эта уравновешенная женщина! Она рассказала мне все. Как ее муж растранжирил состояние, а свекор до сих пор об этом не догадывается. И лишь этим летом она решилась переменить свою жизнь.

— Да, мне это понятно. Ее тяготит прошлое,

она хочет вырваться на свободу. Нельзя постоянно сидеть в доме с задвинутыми занавесками. Миссис Джефферсон стремится раздвинуть их, забыть о своем вдовстве. К неудовольствию свекра, который сразу ощутил себя покинутым. Он просто не понял тайных причин поведения своей невестки. Точь-в-точь как мистер Баджер, жена которого страстно увлеклась спиритизмом, а он чуть не попал тем временем в западню к одной ловкой девице, которая готова была часами выслушивать его с восторженной улыбкой.

— Вы считаете, что Джози специально подсунула Руби в «Маджестик» и кузины сговорились между собой?

— Нет, я совсем так не считаю. Джози не настолько проницательна, чтобы рассчитать заранее поведение своей родственницы. Да и Руби не заглядывала далеко вперед. Она просто плыла по течению и воспользовалась внезапным поворотом событий.

— Эта история с удочерением поразила всех. Особенно Адди и Марка Гаскелла.

Старая дама улыбнулась:

— Ну, у Марка иные заботы. Этот порывистый молодой человек с дерзким и мечтательным взглядом не из тех, кто проводит жизнь в оди-

ночестве, как бы он ни любил покойную жену. И Марк, и Адди с нетерпением грызут удила в упряжке старого Джефферсона, хотя он пытается навязать им верность умершим. — Мисс Марпл добавила с простонародной откровенностью: — А мужика и вовсе не удержать.

IV

В ту самую минуту Марк Гаскелл в разговоре с сэром Генри Клитерингом блистательно подтверждал догадку деревенской домоседки. Он сказал напрямик с очаровательным цинизмом:

— Наконец-то до меня дошло, что в глазах полиции я являюсь преступником номер один! Уже совали нос в мои финансовые дела; я ведь, знаете, нищий или почти нищий. Если наш милый старина Джефф даст дуба месяца через два, как предполагают эскулапы, и мы с Адди разделим его кубышку, тогда все уладится. Я прямо-таки скован по рукам и ногам долгами, и мое положение может лопнуть с треском. Но если я смогу малость потянуть, то не только удержусь на поверхности, но и хорошо подзаработаю.

Сэр Генри бросил с упреком:

— Не слишком ли вы азартный игрок, Марк?

— А я всегда им был! Мой девиз: или пан, или

пропал. И я в восторге, что кто-то придушил эту бедняжку. Не я, я-то не убийца. На убийство ближнего у меня рука не поднимается. Но ведь полиция не поверит мне на слово? Видимо, следует ждать допроса с пристрастием. Повод к преступлению криминалисты уже пронюхали. А к угрызениям совести, по их мнению, я не способен. Даже удивительно, что меня еще не упрятали в каталажку! Уж больно выразительно поглядывает на меня здешний начальник полиции.

— У вас надежное алиби.

— Алиби пустяки! Как раз у невиновных его и не бывает. Стоит лишь чуть передвинуть время убийства. Если трое врачей заявят, что ее прикончили в полночь, то шестеро других станут с пеной у рта клясться, что это произошло на рассвете. Вот и лопнет мое прекрасное алиби!

— У вас хватает легкомыслия подтрунивать над этим?

— Шутки дурного тона, хотите вы сказать? — невесело усмехаясь, уточнил Марк. — Так вот вам правда: я в панике. А что касается старого Джеффа, то ему лучше сейчас перенести смерть Руби, чем впоследствии раскусить эту маленькую плутовку.

— На что вы намекаете?

Марк хитровато подмигнул:

— А куда она улизнула ночью? Держу пари, на свидание с любовником. Джефф не вынес бы такого разочарования. Узнать, что она смеется за его спиной, что она вовсе не беззащитная невинная девочка... н-да, мой тесть — большой оригинал. Он прекрасно владеет собой, но уж если сорвется — берегись!

Сэр Генри с внезапным любопытством посмотрел на него:

— Так вы что, любите своего тестя?

— Представьте, очень даже. Хотя, конечно, и разобижен на него. Сейчас объясню. Конвей Джефферсон обожает всеми нами распоряжаться и всех подавлять. Поневоле приходится плясать под дудку милейшего деспота! — Марк помолчал и сказал совершенно серьезно: — Я любил свою жену. Ни одна другая женщина не пробудит больше подобных чувств. Розамунда была для меня как смеющийся цветок под солнцем... Когда она погибла, я чувствовал себя боксером, которого безжалостно нокаутировали. Но... судья слишком уж долго отсчитывает секунды! Я нормальный мужчина, меня влекут женщины. Хотя я вовсе не рвусь к новой женитьбе. Разумеется, втихомолку не лишаю себя развлечений. А вот для бедной

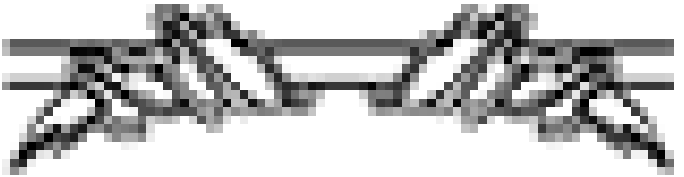
Адди все по-другому. Она чертовски милая женщина! Для многих и многих лакомый кусочек. Стоит ослабить ей узду, и она мгновенно выскочит замуж за какого-нибудь счастливчика. Но старому Джеффу угодно в ней видеть плакальщицу по Фрэнку. Он буквально загипнотизировал ее прошлым! Сам этого не понимая, он держит нас в тюрьме. Я-то мало-помалу выбрался на волю, но Адди взбунтовалась лишь теперь. Старик был этим шокирован, его мир зашатался. В результате возникает Руби Кин!

Он продекламировал с пафосом:

Под гробовой доской она.
А мне – и солнце, и трава!
Уж не плеснет
В стакан вина.
Плутовка милая мертва!

Пошли, Клитеринг, промочим горло?

«Ничего удивительного, что Марка Гаскелла подозревают во всех смертных грехах», — со вздохом подумал сэр Генри.



ГЛАВА 13

I

Доктор Меткалф считался наиболее авторитетным среди врачей в Дейнмуте. У постели больного он не напускал на себя излишней важности, а старался облегчить страдания. Он был среднего роста, с приятным тембром голоса. Внимательно выслушав начальника полиции Харпера, ответил на его вопросы убедительно и точно.

— Значит, можно принять версию миссис

Джефферсон? — сказал Харпер.

— Вполне. Здоровье ее свекра подорвано. Последние годы он безжалостно расточал свою внутреннюю энергию, стремясь жить как все. Полностью лишал себя отдыха. Никакой размеренности режима, на чем настаивали и мои коллеги. В общем, мистера Джефферсона можно сравнить с отработанным мотором. Сердце, легкие, сосуды — все в самом плохом состоянии.

— Он пренебрегал врачебными советами?

— Полностью. Но можно ли его порицать? Конечно, это не для ушей моих пациентов, но я лично предпочитаю сгореть, а не заржаветь. На таких курортах, как наш Дейнмут, встречаешь массу больных, которые впадают в панику от малейшего нарушения режима и как чумы боятся микробов и сквозняков. Короче, до смешного цепляются за свою скучную жизнь! А стоит ли?

— И я такого же мнения, — согласился Харпер. — Что ж, подведем итоги. Конвей Джефферсон на вид кажется крепким...

— Дело в том, что до катастрофы он был хорошо тренирован и сохранил силу в плечах и руках. Кресло на колесах передвигает очень легко. Но от кресла до кровати добирается на костылях.

— А протезы невозможны?

— Нет. Поврежден позвоночник.

— Итак, у Джефферсона крепкие мышцы, и ему кажется, что он здоров. Однако его сердце изношено. Любое чрезмерное напряжение, шок, внезапный испуг могут убить его. Так?

— В основном да, — ответил врач. — Постоянное напряжение истощает нервную систему, усугубляя болезнь сердца. Маловероятно, что физическое усилие убьет его. Но вот душевное потрясение может окончиться для него катастрофой. Поэтому я и предупредил семью.

Харпер спокойно заметил:

— Уголовное дело, которое мы сейчас расследуем, нанесло ему удар, тяжелее которого быть не может. Тем не менее он жив.

Доктор Меткалф пожал плечами:

— Если бы вы обладали моим опытом, мистер Харпер, вы бы поняли, что смерть не докладывает о своем приближении. Тот, кого *должно* было убить волнение, *справляется* с ним. У организма есть неведомые никому резервы. К тому же в моей практике встречались случаи, когда оказывалось, что *душевная* травма менее опасна, чем *физический* испуг. Я хочу сказать, что стук внезапно захлопнувшейся двери может иметь для мистера Джефферсона более печальные последствия,

чем даже известие об ужасной гибели молодой девушки, которой он покровительствовал.

— Чем это объяснить?

— Видите ли, против морального потрясения возникает защитная реакция. Сначала несчастье оглушает, некоторое время человек просто не может его постигнуть. А вот хлопнувшая дверь или шутник, который внезапно появляется из стенного шкафа, вынырнувший навстречу автомобиль — все это действует мгновенно. Есть такое выражение: сердце выпрыгивает из груди...

Начальник полиции Харпер медленно произнес:

— Выходит, что смерть мистера Джефферсона после гибели танцовщицы могла кем-то ожидаться?

— Пожалуй, так. — Врач с любопытством посмотрел на своего собеседника: — Неужели вы хотите сказать?..

— Я пока не знаю, что я мог бы сказать, — в замешательстве ответил Харпер.

II

— Признайтесь, сэр, что смерть Руби Кин и ее благодетеля вполне могли бы последовать друг за другом, — уже через несколько минут убеждал

Харпер сэра Клитеринга. — Возможно, преступник на это и надеялся? Двойная выгода: не успев изменить завещания, мистер Джефферсон умирает, потрясенный гибелью своей любимицы. Неплохая работа?

— Вы думаете, он теперь изменит завещание?

— Вам об этом удобнее узнать, сэр. А каково ваше мнение?

— У меня нет предположений. До появления Руби Кин я знал, что мой друг собирался разделить свое состояние поровну между Марком Гаскеллом и Аделаидой Джефферсон. Не вижу причин менять первоначальное решение. Но... как знать?

— Совершенно верно, — задумчиво согласился Харпер. — Попробуйте догадаться, что происходит в голове человека, если его не связывает с наследниками моральный долг. Ведь у мистера Джефферсона нет ни одного настоящего родственника.

Сэр Генри заметил:

— Он привязан к маленькому Питу.

— Но считает ли его внуком?

— Нет, не думаю.

— Разрешите спросить еще об одной вещи, сэр. Мне невозможно судить об истинном отношении

мистера Джефферсона к мистеру Гаскеллу и миссис Джефферсон. Поскольку они ваши хорошие знакомые, вы могли бы просветить меня. Никто не сомневается в его щедрости и великодушии, но, по-моему, это скорее в память погибших детей. Допустим, кто-нибудь из двоих — Аделаида или Марк — захочет иметь новую семью?

Сэр Генри почувствовал замешательство.

— Вы задали мне трудный вопрос, Харпер. Положительно не знаю, как ответить. Я склонен предполагать... но учтите, что это всего лишь личное мнение... В общем, подобный поворот событий может повлиять на мистера Джефферсона. Я не имею в виду обиду, нет, он наверняка пожелал бы счастья тому, кто это сделает, но... скорее всего, потерял бы к нему дальнейший интерес.

Начальник полиции пожелал уточнить:

— Это относится к обоим?

— Думаю, да. По отношению к Гаскеллу почти уверен. Возможно, то же ждет и миссис Джефферсон. Хотя тут уверенности меньше. Он относится к ней более тепло.

Харпер рассудительно заметил:

— В ней легче видеть дочь, чем считать сыном мистера Гаскелла? Иногда случается наоборот: теща охотно принимает в семью зятя, но редкая

женщина полюбит жену сына... Не хотите ли пройтись этой тропинкой до теннисного корта, сэр? Я вижу там мисс Марпл и хотел бы попросить ее об этом одолжении. По совести, вы оба мне будете нужны.

— Для чего?

— Чтобы допросить человека, с которым мне говорить затруднительно. Буду искренне признателен за помощь, сэр! Я имею в виду камердинера мистера Джефферсона.

— Эдуарда? Но что он может рассказать?

— Многое. Все, что знает об отношениях в семье. Мнение об истории с Руби Кин. Именно его собственное мнение, потому что он знает все. Со *мной* он вряд ли будет откровенен. Но с *вами*, другом его хозяина, возможно, не станет скрытничать.

— Поскольку Конвей срочно вызвал меня, чтобы доискаться до истины... что ж, это одна из возможностей... — пробормотал сэр Генри и добавил: — А мисс Марпл вам зачем?

— Она побеседует со школьницами. Мы пригласили шестерых подруг Памелы Ривз. Может быть, они что-то знают? Если Памела в самом деле заглянула в магазин, она могла позвать с собой кого-то из них. А если покупки были только

предлогом, надо доискаться, куда она шла на самом деле. Думаю, мисс Марпл наиболее пригодна для такого разговора.

— Вы угадали. Мисс Марпл прекрасно распутывает маленькие деревенские тайны. Ее не проведешь.

Начальник полиции улыбнулся:

— Да уж! Старая леди ничего не упустит.

Когда оба приблизились к ней, мисс Марпл подняла глаза и приветливо поздоровалась. На просьбу Харпера отозвалась с готовностью и откровенным удовольствием.

— Охотно *окажу* вам эту услугу, мистер Харпер. Я довольно часто имею дело с молоденькими девушками. Во-первых, у меня есть знакомые в воскресной школе. Потом, я член приютского комитета; видите ли, приют по соседству с моим домом. Ну и служанки у меня тоже обычно очень юные. Будьте спокойны, я прекрасно разбираюсь, когда эти малышки говорят правду, а когда пытаются что-то скрыть.

— Убежден, что в данной области вы крупный специалист, — любезно заметил сэр Генри.

– *Прошу*, сэр Генри, не подтрунивайте надо мной!

— И в мыслях не было! У вас гораздо чаще вы-

падает случай подшутить надо мной.

— Ах, в деревне наталкиваешься иногда на такие безобразия, — проговорила мисс Марпл, задумавшись.

— Кстати, — вспомнил сэр Генри, — я ведь разузнал то, что вас интересовало: в корзинке для мусора у Руби Кин действительно нашли обрезки ногтей.

Старая дама встрепенулась:

— Не может быть! Но ведь тогда...

— Почему вы считаете эту деталь такой важной, мисс Марпл? — тотчас спросил начальник полиции.

— Знаете, что меня заинтересовало больше всего, когда я увидела труп этой несчастной? Руки. Что-то в них было *ненатуральное.* Но что именно? Лишь после я *сообразила:* у девушек, которые следят за своей внешностью, обычно длинные полированные ногти. Правда, у некоторых дурная привычка их грызть, но кокетство обычно пересиливает. Я уж было подумала, что покойная не *сумела* отделаться от этой скверной привычки, как вдруг мальчуган... ну, этот Пит... принес доказательство, что ногти *были* длинные, просто один сломался. Предположив, что пришлось подровнять остальные, я и спросила сэра

Генри об обрезках.

Сэр Генри захотел уточнить:

— Вы только что сказали: «заинтриговало *больше* всего». Значит, было еще что-то, заинтриговавшее вас?

— Платье, — серьезно сказала мисс Марпл. — На убитой было *поношенное,* небрежно выбранное ею платье.

Мужчины удивленно переглянулись.

— Но что из этого?.. — протянул сэр Генри.

— Совсем старое платье. Это сказала Джози. Да я и сама заметила.

— Никак не пойму, к чему вы клоните?

Мисс Марпл слегка покраснела:

— Но ведь Руби Кин переодевалась, чтобы поспешить на свидание с человеком, к которому она, как выражаются мои юные племянницы, «неровно дышит»?

— По крайней мере, так мы предполагаем, — ответил Харпер, мучительно моргая.

— Так почему же она надела старое платье?! — спросила мисс Марпл.

Харпер досадливо почесал затылок:

— Наконец-то уловил вашу мысль! Вы считаете более естественным, если бы она оделась понаряднее?

— Ну разумеется. Лучшее из гардероба, так поступила бы любая на ее месте.

— Логично, мисс Марпл. Но если для встречи с обожателем надо идти по плохой дороге или ехать в открытой машине? — вмешался сэр Генри. — Зачем же ей рисковать? Разумнее поберечь выходное платье.

— Вполне приемлемая мысль, — согласился Харпер.

Мисс Марпл оживленно обернулась к нему:

— Тогда стоило выбрать брюки и свитер. Я не большая модница, но женщина ее стиля оделась бы именно так. Девушка со вкусом, — продолжала мисс Марпл, — инстинктивно выбирает туалет соответственно обстоятельствам. Каким бы жарким ни был день, но поздно вечером она не наденет на свидание платье из белого шелка.

— А каков классический костюм молодой девушки, которая отправляется на свидание? — без иронии спросил сэр Генри.

— Если встреча назначена в отеле или в другом месте, где принят вечерний туалет, она надела бы свое лучшее бальное платье. Но на *улице*, под открытым небом, декольте выглядит нелепо и более уместен спортивный костюм.

— Готов согласиться с вами, милый знаток хо-

рошего тона. Но ведь несчастная Руби... гм...

— Да, пожалуй, — согласилась старая дама. — Руби не была... То есть она *не имела* светского воспитания. Она принадлежит к разряду людей, которые носят одежду, не сообразуясь с правилами. Помню один прошлогодний пикник в Скрэнтор-Рокс. Вы бы ахнули, увидев, во что вырядились тамошние барышни. На пешую прогулку, правда, надевают теперь нечто вроде униформы. Но и тут девушки не понимают, что шорты красят только стройных и худеньких.

Начальник полиции решительно вернулся к началу разговора:

— Значит, вы думаете, что Руби Кин...

— Я думаю, что Руби Кин не снимала бы того розового платья, которое было на ней весь вечер. Она могла сменить его только на более красивое.

— В таком случае, мисс Марпл, как вы объясните, что на ней было белое и отнюдь не лучшее платье? — спросил Харпер.

— Сознаюсь, пока не понимаю. Однако убеждена: это деталь первостепенной важности.

III

Внутри просторного корта, окруженного проволочной сеткой, Реймонд Старр заканчивал

урок тенниса. Полная дама среднего возраста игриво помахала ему на прощание и, подхватив небесно-голубой свитер, направилась к отелю. Реймонд проводил ее дежурным комплиментом. Потом направился к скамье, где расположились трое зрителей. Он выглядел усталым.

Сэр Генри мысленно задал себе вопрос: сколько лет может быть этому человеку? Двадцать пять или под сорок? Угадать невозможно.

— Такие уроки, видимо, порядком надоедают? — участливо спросила мисс Марпл.

— Да, особенно в конце сезона.

Начальник полиции встал с озабоченным видом:

— Если позволите, я зайду через полчаса.

— Отлично. Буду вам благодарна.

Реймонд проводил Харпера взглядом, затем спросил:

— Вы мне разрешите присесть рядом?

— Сделайте одолжение, — отозвался сэр Генри. — Не хотите ли сигарету?

Он протянул портсигар, удивляясь собственному предубеждению по отношению к этому человеку. Может быть, не вызывал уважения род его занятий? Что касается танцев, то, пожалуй, да. Как истый англичанин, сэр Генри относился с

подозрительностью к профессиональным танцорам. В движениях молодого человека был явный излишек грации... Реймонд... Рамон... В самом деле, какое у него настоящее имя? Он напрямик спросил об этом у Старра.

— Когда я начал выступать, меня называли Рамоном. «Рамон и Джози» — нечто испанское. Но я заметил, что к иностранцам завсегдатаи отеля относятся неважно, и взял имя Реймонд, английское.

— Но это ненастоящее ваше имя? — спросила мисс Марпл.

Молодой человек с улыбкой покачал головой:

— Нет, меня действительно зовут Рамон. Моя бабушка родом из Аргентины.

«Вот откуда это покачивание бедрами!» — подумал сэр Генри.

— Но зато второе имя Томас, — добавил танцор. — Что может быть прозаичнее? — Он обернулся к сэру Генри. — Вы ведь из Девоншира? Из Стейна? Мои родители живут по соседству, в Алмонстоуне.

Сэра Генри внезапно осенило:

— Так вы из Старров, что в Алмонстоуне?!

— Именно.

— Вот бы никогда не подумал!

— Неудивительно, — с горечью сказал Реймонд.

Сэр Генри сочувственно пробормотал:

— Видимо, превратности судьбы?..

— Пожалуй что так, — грустно согласился молодой Старр. — Моей семье пришлось продать имение, которое переходило по наследству более трехсот лет. Но наш род не прервался. Старший брат обосновался в Нью-Йорке, у него издательское дело. Остальные тоже разбрелись чуть не по всему земному шару. В наше время университетский диплом — еще не гарантия преуспевания. Я был менее удачлив и устроился продавцом в магазин сантехники. В магазине имелись великолепные залы образчиков. Но я вечно путал цены, забывал дни доставки. Меня, естественно, уволили. Единственное, что я знал и *умел*, — это танцы и теннис. Пришлось предложить свои услуги в одном из отелей Ривьеры, куда съезжаются сливки общества. Я уже прилично зарабатывал, когда вдруг услышал, как один полковник, джентльмен с ног до головы, громогласно вопрошал директора: «Где этот *танцоришка?* Я его ищу. Моя жена и дочь хотят повальсировать. Приволоките его!» — Реймонд помолчал. — Я имел неосторожность обидеться

и тотчас лишился места. В конце концов попал сюда. Здесь менее доходно, но обстановка корректная. Я провожу время в обучении теннису грузных матрон, а вечером танцую с их дочками. Что поделать, такова жизнь. Простите, что обрушил на вас свои глупые излияния.

Сэр Генри сердечно сказал:

— Очень рад, что мы разговорились.

— Вы по поводу Руби? Тут ничем не могу помочь. Мне ее убийца неизвестен. Наше знакомство с ней вообще очень поверхностно. Доверительных разговоров со мной она не вела.

— Вы ей симпатизировали? — благожелательно спросила мисс Марпл.

— Как вам сказать? Она, конечно, умела нравиться, — отозвался Реймонд довольно равнодушно.

— Значит, — продолжал сэр Генри, — подозрений нет?

— Нет. Иначе, поверьте, я сообщил бы в полицию. Видимо, это одно из тех мерзких преступлений, которые совершаются без серьезного повода, но зато с ловкостью, не оставляющей следов.

— У двоих людей повод был, — рассеянно заметила мисс Марпл.

Сэр Генри метнул в нее недовольный взгляд.

— Неужто? — спросил, внезапно заинтересовавшись, Реймонд.

Мисс Марпл с выразительным ожиданием посмотрела на сэра Генри.

— Кажется, смерть Руби Кин принесла пятьдесят тысяч миссис Джефферсон и мистеру Гаскеллу, — нехотя процедил тот.

— Как? — взволнованно вскричал Реймонд. — Но это же абсурд! Миссис Джефферсон... я хочу сказать, они оба не могут иметь касательства к преступлению!

Мисс Марпл, кашлянув, тихо произнесла:

— Боюсь, мистер Старр, что вы идеалист.

— Я идеалист?! Да я прожженный циник, мадам.

— Деньги — очень веский повод, — невозмутимо продолжала старая дама.

— Возможно, — сквозь зубы процедил Реймонд, готовый снова взорваться. — Но вообразить, что они душили эту девушку... — Он затряс головой и вдруг встал. — Простите, вот идет на урок миссис Джефферсон. Она уже опаздывает.

Вместе с Аделаидой шел Хьюго МакЛин. На губах Адди играла виноватая улыбка. Она прошла на корт, Хьюго опустился на скамью. Попросив разрешения у мисс Марпл, он затянулся тру-

бочкой.

— Не пойму, зачем сдались Адди эти обязательные уроки? Другое дело сыграть партию ради удовольствия. Я тоже люблю теннис. Но *уроки...*

— Вероятно, чтобы повысить класс игры, — предположил сэр Генри.

— Она и так прекрасно владеет ракеткой, — возразил Хьюго. — Для любительницы, конечно. Черт побери! — Помолчав несколько минут, ворчливо спросил: — Кто, собственно, *этот* молодчик? Откуда он? Похож на южанина.

— Он из старинной семьи Старров, девоншир-ец, — ответил с достоинством сэр Генри.

— Как? Быть не может! — Эта новость явно испортила настроение мистеру МакЛину. Он нахмурился. — В толк не возьму, зачем Адди *меня* вызвала.

— А когда она попросила вас приехать? — осведомился сэр Генри.

— Э... Э... когда произошло преступление.

— Она сообщила вам телеграммой?

— Телеграммой.

— Хотелось бы уточнить, когда телеграмма отправлена.

— Вот уж не знаю.

— А в котором часу вы ее получили?

— Я ее, собственно, не получал, мне продиктовали текст по телефону.

— Почему? Где же вы находились?

— Накануне я уехал из Лондона в Дейнбери-Хид.

— Так близко отсюда?

— Странное совпадение, не правда ли? Мне позвонили, когда я возвращался с гольфа, и я сразу прикатил в «Маджестик».

Мисс Марпл задумчиво разглядывала Хьюго МакЛина, который все больше чувствовал себя не в своей тарелке. Она спросила беззаботным тоном:

— Меня уверяли, что в Дейнбери-Хид нет такой дороговизны, как здесь.

— Да, это относительно дешевое место. На шикарный отпуск у меня нет средств. — Он поднялся. — Пойду нагуляю аппетит. — И, не оборачиваясь, зашагал прочь.

Походка его казалась деревянной.

Сэр Генри тоже поднялся со скамьи.

— Ну, пора и мне. Вам составит компанию миссис Бантри, вот она.

IV

Запыхавшаяся миссис Бантри уселась рядом с мисс Марпл.

— Я разговаривала с горничными, — объявила она, — но без всякого результата. Как вы думаете, могла малышка бегать на свидания втайне ото всех?

— Не сомневайтесь, дорогая, если у нее был любовник, уж *кто-нибудь* да знает. Хотя ей приходилось быть очень осторожной.

Внимание миссис Бантри переключилось на игроков.

— Адди делает большие успехи.

— После смерти свекра она станет весьма состоятельна, — ввернула мисс Марпл.

— О Джейн, умоляю вас, нельзя видеть во всем меркантильную сторону!.. А тайна так и не раскрыта.

— Но, дорогая, это невозможно сделать сразу, мгновенно. Мне понадобилось некоторое время.

Миссис Бантри недоверчиво взглянула на нее:

— Выходит, вам известно, кто убил Руби Кин?

— Да. Я *знаю* убийцу.

— Так кто же он, Джейн? Не томите!

Мисс Марпл отрицательно затрясла головой и

поджала губы.

— Я не могу сказать.

— Почему?

— Потому что вы не сумеете сохранить это в секрете. Вы или проговоритесь, или не удержитесь от *намеков.*

— Клянусь вам! Ни одной живой душе...

— Обещание легче дать, чем сдержать. К тому же мне самой не все до конца ясно. Разрешите один *совет?* Не стоит *слушать* всех подряд. Когда происходит что-то отвратительное, я просто не верю ни одному слову. Ведь человеческую натуру не переделать!

После минутного размышления миссис Бантри сказала совсем другим тоном:

— Я вам говорила с самого начала, что меня глубоко интересует эта история. Подумать только, мрачное преступление в собственном доме! Больше такое на моем веку не повторится.

— Желаю вам этого от всей души.

— По правде, с меня достаточно одного раза. Но ведь это-то преступление как бы полностью *мое!* Я хочу пройти его шаг за шагом.

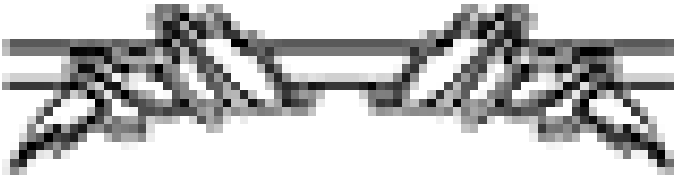
Старая дама взглянула на нее скептически.

— Вы не хотите меня понять! — обидчиво и сердито сказала миссис Бантри.

— Нет, почему же, Долли. Раз вы так ощущаете... я верю вам.

— Но вы только что сказали: не верить никому — ваш принцип. В конечном счете это, возможно, близко к истине. — Миссис Бантри с горечью продолжала: — Я вовсе не наивна и подозреваю, о чем шепчутся в Сент-Мэри-Мид и во всей округе. Мол, нет дыма без огня, труп неспроста найден в библиотеке моего мужа... эта девушка была любовницей Артура... или его побочной дочерью, она шантажировала его... Словом, каждый городит любую чепуху. А мы с вами еще далеки от разгадки. Ах, бедный Артур! Нераскрытая тайна обрекает его на жалкое существование. Но я не допущу этого. Любой ценой! — После молчания она добавила: — Немыслимо видеть, как дорогой тебе человек страдает из-за чужой вины. Вот единственное, что привело меня в Дейнмут. Я даже оставила мужа одного. Мне *нужна* истина, Джейн!

— Знаю, моя дорогая, — ласково сказала мисс Марпл. — Поэтому я согласилась поехать с вами.



ГЛАВА 14

I

В одной из отдаленных комнат «Маджестика» Эдуард почтительно слушал сэра Генри.

— Мне необходимо задать вам несколько вопросов, Эдуард. Но прежде всего я хочу разъяснить свою роль в этом деле. Когда-то я был комиссаром Скотленд-Ярда. Теперь я в отставке и живу как частное лицо. Когда произошла эта драма, ваш хозяин попросил меня срочно приехать и упо-

требить весь накопленный опыт для выяснения истины.

Сэр Генри сделал паузу. Эдуард слегка наклонил голову, не отводя от него умного взгляда.

— Понимаю, сэр Генри.

Клитеринг продолжал:

— При допросах в полиции люди по обыкновению кое о чем умалчивают... по разным причинам. Скажем, чтобы замять семейный скандал. Или им кажется, что какая-нибудь мелочь не имеет касательства к преступлению. Или из боязни причинить вред заинтересованным лицам...

— Понимаю, сэр, — повторил Эдуард.

— Надеюсь, вам известны основные моменты этой истории? Убитая должна была стать приемной дочерью вашего хозяина мистера Джефферсона. Два человека имели веские основания противиться этому плану — мистер Гаскелл и миссис Джефферсон.

В глазах камердинера что-то блеснуло. Он спросил:

— Могу ли я узнать, сэр, они на подозрении?

— Им не угрожает арест, если вы это имеете в виду. Но полиция вынуждена держать их на заметке. И она будет проявлять к ним недоверие до тех пор, *пока не выяснятся все обстоятельства*

убийства.

— Оба оказались в неприятном положении, сэр.

— Да, в весьма неприятном. Мне крайне важно узнать *малейшие* подробности о поведении, словах, даже жестах мистера Джефферсона, его зятя и невестки. Что они чувствовали? О чем говорили? Я спрашиваю о тех тонких нюансах, которые могли подметить только вы, Эдуард.

Он смолк. Эдуард корректно отозвался:

— Понимаю вас, сэр. Вы хотите, чтобы я рассказал вам всю подноготную, не утаив даже тех деталей, о которых я не хотел бы сообщать и которые при других обстоятельствах *вас* ни в коем случае не интересовали бы.

— Вы *правильно* рассудили, Эдуард. Отдаю честь вашему уму.

Эдуард подумал мгновение и начал:

— Разумеется, за долгие годы службы я хорошо узнал мистера Джефферсона. Я вижу его вблизи, в те моменты, когда он перестает за собой следить. Иногда я задаю вопрос: стоит ли так бороться с судьбой, как это делает мой хозяин? Но он ведь слишком горд и предпочитает сломаться в борьбе. Непрерывное напряжение сделало мистера Джефферсона очень нервным. Он может

показаться приветливым, но я-то знаю, какие приступы гнева его сотрясают, он слова не в силах выговорить. Особенно его способен вывести из себя обман.

— В вашем рассказе есть какая-то задняя мысль?

— Да. Вы ведь хотели откровенного разговора?

— Разумеется!

— Я продолжу, сэр? Молодая особа, которая привлекла внимание моего хозяина, вовсе этого не стоила. Маленькая лгунья, она не питала к нему ни малейшей привязанности. Ее наивная болтовня, ее детские выходки — не что иное, как притворство. Не хочу утверждать, будто она была отпетой негодяйкой. Просто ни в коей мере не соответствовала тому идеалу, который хотел видеть в ней мистер Джефферсон. Это тем более странно, что мистер Джефферсон человек принципиальный, его не так легко провести. Однако, когда дело касается молоденькой девушки, суждение мужчины теряет объективность... А в семье происходило вот что... Молодая миссис Джефферсон этим летом резко изменилась, ей почти не было дела до мистера Джефферсона. А он всегда так хорошо к ней относился! Мистер Гаскелл не вызывал в нем подобных чувств.

— И тем не менее он постоянно удерживал его возле себя! — воскликнул сэр Генри.

— Да, сэр. Но лишь ради памяти о миссис Розамунде, жене мистера Марка. Дочь хозяина была как свет его очей. А мистер Марк все-таки ее муж...

— А если бы Марк Гаскелл женился снова?

— Это вызвало бы взрыв ярости у мистера Джефферсона.

Брови у сэра Генри поднялись.

— Вот как?

— Возможно, он не показал бы виду, но внутренне...

— А если бы миссис Джефферсон захотела вступить в брак?

— Реакция была бы та же, сэр.

— Продолжайте, продолжайте, Эдуард!

— Как я уже сказал, сэр, мистер Джефферсон увлекся этой девушкой. Я повидал такое и в других домах, где служил раньше. Прямо будто болезнь: стремятся оберегать, осыпать благодеяниями... А в девяти случаях из десяти эти создания отлично защитят себя сами. Они умеют соблюдать собственные интересы!

— Значит, по-вашему, Руби Кин была опытной интриганкой?

— По правде говоря, она еще слишком молода для этого, но чувствовалось, что далеко пойдет. Лет через пять стала бы умелой в жизненной игре.

— Рад услышать ваше мнение, Эдуард. Я его очень ценю. Не смогли бы вы теперь припомнить, в каких выражениях обсуждалась проблема Руби Кин между всеми тремя?

— Собственно, обсуждения не было, сэр. Мистер Джефферсон объявил свое решение и не позволил себе возражать. Даже мистеру Гаскеллу приходилось помалкивать, хотя он обычно за словом в карман не лезет. Миссис Джефферсон тоже не затевала споров. Она сдержанная леди. Только просила ничего не предпринимать слишком поспешно.

— А как вела себя сама девушка?

Камердинер неохотно произнес:

— Похоже, что она просто ликовала, сэр.

— Как вы сказали? Ликовала? А был ли у вас какой-нибудь повод подозревать, что... — Сэр Генри пытался подобрать выражение, уместное в разговоре со слугой. — Что ее сердце уже... гм... занято?

— Но ведь мистер Джефферсон не предлагал ей выйти за него замуж, сэр. Он собирался ее

удочерить.

— Оставим это в стороне. Мне важен ответ.

Эдуард медленно выговорил:

– *Был* один случай, свидетелем которого я оказался случайно.

— Очень интересно! Продолжайте, пожалуйста.

— Не уверен, что это пригодится вам, сэр. Однажды мисс Кин открыла сумочку, и оттуда выпала фотография. Мистер Джефферсон нагнулся за ней и спросил: «Чей это портрет, дитя мое?» На нем был изображен молодой человек с растрепанными волосами и небрежно завязанным галстуком. Мисс Кин с самым невинным видом отозвалась: «Не имею понятия, Джеффи. Откуда она у меня в сумке? Вот потеха, *я* ее сюда не клала!» Ответ был глупый, сэр, неубедительный. Мистер Джефферсон еле сдержал гнев, брови его сдвинулись. Он принудил себя говорить спокойно, но голос сразу охрип: «Полно, малютка, *вы* прекрасно знаете, кто это». Она струсила и пролепетала: «Ах да, вспомнила. Этот молодой человек приезжал сюда как-то, я с ним танцевала. Но не знаю, как его зовут. Думаю, что он сам засунул в сумочку свою фотокарточку, когда я отвернулась. Такой же кретин, как и все остальные!» Она рассмеялась

и тряхнула головой, показывая, что говорить больше не о чем. Но ведь оба объяснения шиты белыми нитками, правда, сэр? Мистер Джефферсон не мог им поверить. Он строго взглянул на нее, и с тех пор, если она отлучалась, спрашивал, где она была.

— А вы видели человека, изображенного на портрете?

— Нет, сэр. Я ведь не спускаюсь обычно ни в ресторан, ни в танцевальный зал.

Сэр Генри кивнул и задал Эдуарду еще несколько малозначительных вопросов.

II

В полицейском участке Дейнмута Харпер вел допрос Джесси Дэвис, Флоренс Смолл, Беатрис Хенникер, Мэри Прайс и Лилиан Риджвей. Они были очень похожи друг на друга уровнем развития и возрастом. Дочки окрестных фермеров или торговцев. Их показания повторялись слово в слово: «Памела Ривз казалась такой же, как всегда. Она собиралась пойти в магазин и успеть к следующему автобусу».

В углу кабинета сидела старая дама.

Когда последняя школьница покинула кабинет, Харпер отер лоб рукой и обратил в сторону

мисс Марпл безнадежный взгляд.

Мисс Марпл сказала деловым тоном:

— Мне бы хотелось побеседовать отдельно с Флоренс Смолл.

Харпер недоуменно вскинул брови и молча нажал кнопку звонка. Появился констебль.

— Задержите Флоренс Смолл, — приказал начальник полиции.

Школьница вернулась в сопровождении полицейского. Это была дочь зажиточного фермера. Рослая, белокурая, с пухлым ртом и хлопающими от перепуга ресницами. Она то сжимала, то разжимала пальцы.

Харпер вопросительно взглянул на мисс Марпл и, получив в ответ кивок, сказал, поднимаясь:

— Эта дама задаст вам несколько вопросов.

Он вышел и плотно прикрыл дверь.

Флоренс уставилась на незнакомую старушку взглядом испуганного теленка с фермы отца.

— Присядьте, Флоренс, — сказала та.

Девочка послушно села и понемногу успокоилась.

— Флоренс, слушайте меня внимательно. Мне важно знать все до мелочей, что происходило с Памелой в день ее смерти. С вашей стороны будет большой ошибкой, если вы захотите скрыть хоть

что-то. Понимаю, вам не по себе в полиции. Вы боялись, что вас будут здесь ругать. Например, за то, что не сказали никому раньше... Или что не задержали Памелу. Соберитесь с силами и облегчите совесть. Если вы и теперь промолчите о том, что знаете, это будет уже *нарушением закона.* Преступлением, которое грозит тюрьмой. Предупреждаю вас.

— Я... не...

Мисс Марпл настаивала:

— Расскажите все откровенно. Памела пошла не в магазин, так ведь?

Облизав высохшие губы, Флоренс бросила на мисс Марпл взгляд исподлобья, как загнанный зверек.

— Она мечтала сниматься в кино?

Словно освобождаясь от тяжелого груза, девочка шепнула:

– *Да,* мэм.

— Я так и думала! — воскликнула старая дама. — А теперь рассказывайте все по порядку.

— О, если бы вы знали, как я мучилась, мэм! Я поклялась Памеле никому ничего не говорить. И когда ее нашли сгоревшей в машине... это так страшно, я чуть не *умерла* от горя... Мне все казалось, что я тоже виновата. Я должна была

удержать ее вовремя. Но ничего плохого тогда не заметила. Когда меня спросили, как держалась Памела в тот день, я вслед за всеми сказала не подумав, что вполне обыкновенно. А потом уже не смогла говорить ничего другого. Но я и в самом деле мало знаю. Только то, что рассказала Памела.

— Что же она рассказала?

— Когда мы шли к автобусу, чтобы ехать на праздник, она спросила, умею ли я хранить тайны. Я ответила — да. Она взяла с меня клятву, что я никому не проболтаюсь. После пикника скаутов она собиралась остаться в Дейнмуте для кинопробы. Она познакомилась с киношником, который приехал из Голливуда. Внешность Памелы показалась ему подходящей для нового фильма. Но он предупредил, чтобы она не строила заранее иллюзий. «Сначала нужно проверить вашу фотогеничность, — сказал он. — Проба может оказаться отрицательной». В фильме была роль школьницы, которая неожиданно подменяет артистку ревю в шикарном мюзик-холле, и перед ней открывается блестящая карьера. Памела прежде играла в школьных спектаклях, имела успех. Этот господин сказал, что угадывает в ней талант, но придется много работать.

Флоренс Смолл перевела дыхание. Мисс Марпл, похолодев, слушала эту историю, так похожую на фильм ужасов. Наверняка родители запрещали Памеле разговаривать с посторонними. Но ее наивная тяга к дешевому блеску кино заставила позабыть запреты.

— Этот господин держался очень солидно, — продолжала Флоренс. — Он обещал, если проба будет удачной, заключить с Памелой контракт. Но поскольку она молода и неопытна, посоветовал подписать его лишь после совета с хорошим юристом. Он осведомился, не станут ли возражать родители, — Памела созналась, что вполне возможно. Он успокоил ее: это обычно, когда на роли приглашаются девочки ее возраста. Но родителям удается объяснить, какой единственный шанс выпадает их дочери. Он добавил, что, пока пробы не готовы, лучше держать все в секрете. И пусть Памела не огорчается, если первая проба будет неудачна. Можно повторить. Он рассказал ей про знаменитую кинозвезду Вивьен Ли, которая провалилась в Голливуде, но имела сногсшибательный успех в Лондоне. Сам он приехал из Америки поработать на студии «Лемвилль», чтобы оживить английское кинопроизводство.

Мисс Марпл кивнула, и Флоренс продолжала:

— Они договорились, что Памела воспользуется поездкой на праздник скаутов, чтобы встретиться с ним в отеле. Оттуда он отвезет ее прямо на студию. А когда проба кончится, она сядет на последний автобус и скажет родителям, что задержалась в магазине. Через несколько дней этот господин обещал сообщить результат пробы. Если все пройдет хорошо, директор мистер Хармштейтер нанесет визит ее родителям. Все было настолько фантастично! Я умирала от зависти. Памела участвовала в празднике, и никто ни о чем даже не догадывался. Она чуть заметно подмигнула мне, когда громко сказала, что пойдет в Дейнмут в магазин. Я видела, как она свернула на тропинку в дюнах. — Флоренс заплакала. — Еще можно было остановить ее. Ну разве бывают такие чудеса в нормальной жизни? Почему я не догадалась, не позвала на помощь?! О господи, я тоже хочу *умереть*...

— Ну-ну. — Мисс Марпл гладила рыдающую девочку по плечу. — Вы ни в чем не виноваты, Флоренс. Вас нельзя упрекнуть. Вы исполнили свой долг.

Она утешила ее и уже через несколько минут повторила весь рассказ Харперу.

Лицо начальника полиции приняло свирепое

выражение.

— Каков бандит! Он у меня попляшет! Все это проливает на происшедшую трагедию иной свет.

— Несомненно.

Харпер искоса посмотрел на старую даму:

— Вы как будто нимало не удивлены, мисс Марпл?

— Я подозревала историю подобного рода.

— А как вы выделили изо всех эту Флоренс? Девочки держались одинаково пришибленно.

Мисс Марпл застенчиво объяснила:

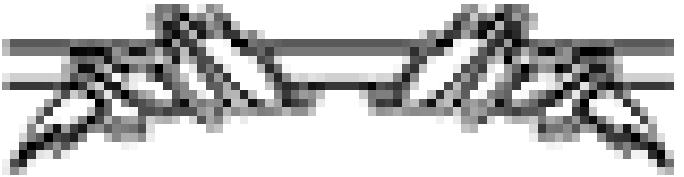
— Наверное, вы не очень привыкли наблюдать молоденьких девушек, когда они лгут? Флоренс старалась смотреть прямо в глаза и поджимала со страху ноги, как все остальные. Но когда ее кончили спрашивать, с облегчением расслабилась. Тогда как другие по-прежнему оставались в напряжении. Я поняла, что она что-то скрыла. Они все одинаковы, мистер Харпер! Когда моя молоденькая служанка Дженет очень убедительно объяснила, что мыши забрались в буфет и сгрызли остаток пирога, ее выдала уже в дверях успокоенная улыбка.

— Огромное вам спасибо, мисс Марпл! — от души сказал начальник полиции.

Старая дама попрощалась.

— Вы возвращаетесь в отель?

— Да, чтобы упаковать вещи. Меня ждут домашние дела в Сент-Мэри-Мид, мистер Харпер.



ГЛАВА 15

I

Мисс Марпл затворила стеклянную дверь своей крошечной гостиной, прошла по аллейке ухоженного сада, пересекла улицу и очутилась в точно таком же саду викария. Она постучала пальцем в похожую стеклянную дверь.

Викарий сидел в кабинете, готовясь к воскресной проповеди, а его молодая жена забавляла их отпрыска, который резво ползал по ковру в

гостиной.

— Разрешите войти, Гризельда?

— Милости просим, мисс Марпл. Вы *взгляните-ка* на Давида! Он сердится, что умеет передвигаться только назад. Ему хочется завладеть игрушкой, а он пятится к ящику с углем.

— Прелестный малыш! — согласилась мисс Марпл. — Я, собственно, пришла спросить, не собираетесь ли вы в ближайшее время устроить какой-нибудь благотворительный сбор?

Жена викария с удивлением посмотрела на соседку.

— Мы всегда заняты сбором пожертвований, дорогая мисс Марпл. Сейчас требует реставрации церковный неф. В следующую среду готовится благотворительный базар в пользу покинутых матерей. Затем будут экскурсия скаутов, выставка рукоделия прихожанок, сбор для моряков по инициативе епископа. Наверняка набежит и еще что-то.

— Мне хочется включиться. Давайте я обойду деревню с подписным листом.

— Вы ведь это неспроста, мисс Марпл? Есть какая-то особая цель? Конечно, мы рады вашей помощи. Может быть, возьмете на себя фонд благотворительного базара? Так секрет свой не

раскроете? — лукаво спросила Гризельда, провожая гостью до дверей.

— Со временем, милочка, со временем, — скороговоркой пообещала мисс Марпл.

II

Мисс Марпл с черной клеенчатой тетрадью в руках, не останавливаясь, скорым шагом прошла всю деревню. На перекрестке свернула влево, к «Голубому кабану», но не зашла и туда. Ее целью была вилла «Чатсворт», называемая в окрестностях «новым домом мистера Букера».

Толкнув незапертую калитку, она приблизилась к входной двери и постучала. Открыла некая блондинка, откликавшаяся на имя Дины Ли. Едва накрашенная, она и одета была по-домашнему небрежно: в серые брючки и изумрудно-зеленый свитер.

— Добрый день, — с широкой улыбкой сказала мисс Марпл. — Вы мне позволите зайти на минутку? — Она поспешно переступила порог, чтобы Дина Ли не успела захлопнуть перед носом дверь. — Чувствительно вам благодарна, — ворковала она, поплотнее усаживаясь в модерновое кресло из бамбука. — Жарковатый день сегодня для осени, не правда ли? — Черты ее лица излу-

чали простодушие.

— Погодка что надо, — согласилась захваченная врасплох Дина Ли. И машинально протянула посетительнице коробку с сигаретами: — Закурим?

— Огромное спасибо, но я не курю. Я к вам зашла, чтобы узнать, могу ли я внести ваше имя в список пожертвователей? У нас, видите ли, затевается благотворительный базар в пользу бедных.

— Благотворительный базар? — Дина Ли произнесла эти слова с таким недоумением, словно они были иностранными.

— Да-да, на площади около церкви. В следующую среду.

— А!

Мисс Ли с минуту усиленно размышляла, прежде чем раскрыть рот.

— Нет уж, увольте. Я ничего не дам.

— Хотя бы самую незначительную сумму... Например, полкроны? — жалобно настаивала мисс Марпл, теребя тетрадь.

— Ну, это куда ни шло. Авось наскребу. — И молодая женщина стала оглядываться в поисках своей сумочки.

Мисс Марпл тем временем зорко оглядывалась.

— Я вижу, у вас перед камином не постелен ковер? — громко сказала она.

Дина Ли оглянулась и впервые заметила, какой цепкий у старушки взгляд: он так и обшаривал ее всю.

Мисс Марпл как ни в чем не бывало добавила:

— И правильно. Эти ковры перед каминами — постоянная опасность. Малейший уголек, и они вспыхнут.

«Старая сорока», — подумала Дина, но вслух постаралась ответить более любезно:

— Он лежал тут. Просто не знаю, куда задевался.

— Наверно, коврик из толстой плетеной шерсти?

— Вовсе нет, обычная овчина. — Дина уже стала думать про себя, в своем ли уме эта старушенция.

Мисс Марпл раскрыла тетрадь:

— Спасибо, мисс. Какую фамилию мне записать?

Лицо Дины внезапно зло исказилось. Голос ее прозвучал звонко и вызывающе:

— Мисс Дина Ли!

— Но, если мне не изменяет память, это дом мистера Бэзила Блейка?

— Представьте. А *я* мисс Дина Ли тем не менее! — И она откинула голову, испепеляя старую провинциалку взглядом.

Мисс Марпл хладнокровно выдержала взгляд.

— Мне хочется дать маленький совет, если он не покажется вам неуместным.

— Он уже *кажется* мне неуместным. Можете оставить его при себе.

— И все-таки я скажу, — невозмутимо продолжала мисс Марпл. — В деревне судят обо всем по старинке, и пока вы живете тут, лучше не употреблять девичью фамилию.

Дина вытаращила глаза:

— Вы, собственно, о чем?

Мисс Марпл продолжала, не моргнув:

— Возможно, симпатия и доброжелательство окружающих вам очень скоро понадобятся. Да и зачем компрометировать мужа в глазах соседей? В такой глуши относятся с предубеждением к парам, если они живут вместе, но не повенчаны.

— Откуда вы знаете, что мы женаты? — озадаченно спросила Дина.

— Ах, это...

— Нет, не увиливайте. Ну прошу вас! Вы что, проникли в архив, листали приходскую книгу в Сомерсет-Хаус?

Живой блеск мелькнул в глазах старой дамы.

— Сомерсет-Хаус? Вовсе нет. *Догадаться* было нетрудно, в деревне ничего не скроешь. Например, ваши вечные ссоры. Так бранятся не любовники, а супруги. Говорят, — и я склонна этому верить, — что только муж и жена не щадят друг друга, выкладывая все начистоту. Люди, не скованные *законными* узами, более осмотрительны. Им приходится *убеждать*ь самих себя, что они вполне счастливы, иначе зачем все это?

— Ну, если вы так... — Дина запнулась и вдруг разразилась смехом. Сунув в рот сигарету, она воскликнула: — Нет, вы старуха что надо! Но зачем вам сдалось, чтобы я на каждом углу подтверждала свою добродетель?

— Потому что *ваш муж с минуты на минуту может быть арестован по обвинению в убийстве.*

III

Несколько секунд Дина ошеломленно смотрела на мисс Марпл. Недоверчиво переспросила:

— Бэзила арестуют за убийство? Вы разыгрываете меня, конечно!

— Ничуть. Разве вы не читаете газеты?

У Дины перехватило дыхание.

— Неужели вы намекаете на убийство молодой танцовщицы из отеля «Маджестик»? И подозревают Бэзила?

— Да.

— Но... это глупость!

За окном зафыркал мотор, калитка громко стукнула. Дверь распахнулась, и на пороге появился Бэзил. В обеих руках он держал бутылки.

— Я приволок джин и вермут. А ты...

Бэзил запнулся, наткнувшись взглядом на гостью, которая чопорно восседала в кресле.

Дина, тяжело дыша, сказала:

— Эта особа спятила! Она уверяет, что тебя вот-вот схватят как убийцу Руби Кин.

— О боже! — прошептал Бэзил Блейк.

Он выронил бутылки, и они покатились.

Дина метнулась к нему, затрясла за плечо:

— Бэзил! Посмотри на меня. Скажи, ведь это неправда?! Ложь, ложь!.. Не верю ни одному ее слову...

— Господи, смилуйся над нами, — выдавил Бэзил, судорожно ухватившись за руку жены.

— Но с какой стати подозревать тебя? Ты ведь не был даже *знаком* с этой девушкой!

— Ошибаетесь. Они были знакомы, — сказала мисс Марпл.

Бэзил стиснул лицо ладонями и закачался, как от боли.

Мисс Марпл строго спросила:

— Куда вы девали ковер, который лежал перед камином?

Бэзил послушно отозвался:

— Выбросил на свалку.

— Глупо и неосторожно. Хорошую вещь не выбрасывают. К нему пристали блестки от ее платья?

— Да. Я не мог их счистить.

Дина вскрикнула:

— Бэзил, что ты мелешь?

Он внезапно огрызнулся:

— Расспрашивай лучше ее. Похоже, что она все знает.

— Ну что же, пожалуй, попробую рассказать, — невозмутимо ответила мисс Марпл. — Если ошибусь в чем-то, поправьте, мистер Блейк. На вечеринке вы изрядно выпили и, рассорившись с женой, вернулись сюда на машине. Не знаю точно, в котором часу?

— В два часа ночи, — проворчал Бэзил. — Когда я повернул выключатель, то здесь в холле на ковре... — Он судорожно сглотнул и умолк.

Мисс Марпл докончила:

— Вы увидели труп молодой девушки в белом бальном платье. Она была задушена. По-видимому, вы ее узнали?

Бэзил лихорадочно закивал:

— Да, с первого взгляда. Ее убили — и вот она лежала в *моем* доме... — Его затрясло от волнения.

Мисс Марпл продолжала, не повышая голоса:

— Вы приехали нетрезвым и уже были возбуждены, а тут и вовсе потеряли голову. Вас охватила паника...

— Я боялся, что вот-вот нагрянет Дина. Тогда меня осенило: а не подкинуть ли беднягу к старику Бантри? Старый злыдень вечно шпынял меня: и такой я, и сякой, грубиян, бабник. Вот и устрою с ним шутку... Представил, какую мину он скорчит, найдя в библиотеке мертвую блондинку. — Бэзил немного оживился. — Я вправду был здорово пьян.

— Именно так, — подтвердила мисс Марпл. — Малышу Томми Бонду пришла в голову похожая мысль. Он был застенчивый, экзальтированный мальчик. Жаловался, что учительница вечно обижает его. Вот и придумал засунуть в стенные часы лягушку, которая выпрыгнула на учительницу. У вас была та же логика. Только ведь труп не лягушка!

Бэзил со вздохом продолжал:

— Наутро, протрезвев окончательно, я полностью осознал, что произошло. А тут еще заявился этот тип из полиции... сущее чудовище! Он до смерти напугал меня. И как раз явилась Дина.

Дина, которая стояла у окна, обернулась:

— К нам подъезжает переполненная машина!

— Наверняка полиция, — пробормотала мисс Марпл.

Бэзил Блейк стал вдруг собранным и спокойным. Он сказал жене:

— Ничего не поделаешь, *придется через это пройти.* Держись, девочка! Будь молодцом. Обратись к старине Симсу, он поверенный нашей семьи. А потом поезжай к моей матери. Скажи, что мы поженились.

Раздался стук в дверь. Бэзил громко сказал:

— Войдите!

Порог комнаты переступили инспектор Слэк и полицейский.

— Мистер Бэзил Блейк?

— Это я.

— Вот ордер на арест по обвинению в убийстве Руби Кин, происшедшем в ночь на двадцатое сентября сего года. Предупреждаю, каждое ваше заявление с этого момента может быть

использовано против вас. Следуйте за нами. Вам предоставят возможность связаться с адвокатом.

Бэзил покорно кивнул. Он обернулся к жене:

— До скорого, Дина!

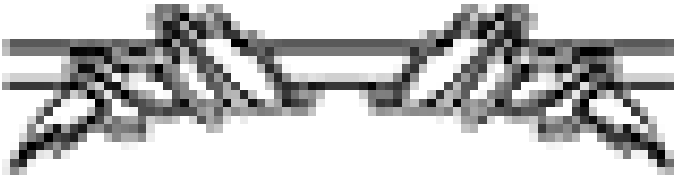
«Занятный клиент попался», — подумал Слэк. Только сейчас заприметив мисс Марпл, он бегло поздоровался с ней. «Старая кошка изготовилась к прыжку, — думал он. — Хорошо, что мы отыскали ковер. Сторож с автостоянки показал, что этот тип уехал из студии не в полночь, а часом раньше. Не думаю, что остальные лжесвидетельствовали. Просто все были в подпитии, а когда Блейк им сказал, что уехал в полночь, они приняли это без возражений. Пожалуй, картина ясна: он убивал в приступе безумия. За это полагается не петля, а пожизненное заключение. Сначала была Памела Ривз. Видимо, он ее задушил, привез в карьер, оставил в машине и вернулся в Дейнмут пешком. Снова сел за руль — его машина стояла где-нибудь за дюнами — и отправился на вечеринку. Потом заехал за Руби Кин, привез ее сюда, задушил и подбросил в библиотеку Бантри. Вспомнив о машине, брошенной в карьере, он испугался, вновь помчался в Дейнмут, поджег автомобиль и вторично вернулся домой. Типичное поведение маньяка и садиста. *Этой* дамочке повезло, что он

не успел ее укокошить!»

Когда женщины остались одни, Дина сказала:

— Не знаю, кто вы. Но умоляю поверить мне! *Бэзил — не убийца!*

— Я и верю, — отозвалась мисс Марпл. — Даже больше: мне *известен* подлинный преступник. Самое сложное — представить доказательства.



ГЛАВА 16

I

— Вот я и вернулась, Артур! — торжественно провозгласила миссис Бантри, широко распахивая дверь рабочего кабинета мужа.

Полковник Бантри тотчас поднялся и поцеловал жену:

— Это великолепно, дорогая!

Он изо всех сил бодрился, но не ввел в заблуждение любящую душу.

— Как ты, Артур?

— В полном порядке, Долли. Что бы могло со мной случиться?

— Ну, — неопределенно протянула она, — вокруг творятся такие странные вещи!

Миссис Бантри нашла перемены во внешности мужа: он как-то сгорбился и заметно похудел. Под глазами набрякли мешки.

Пытаясь сохранить беззаботный тон, он спросил:

— Ну как? Повеселились в Дейнмуте вовсю?

— Разумеется. Жаль, что ты не поехал с нами!

— У меня такая уйма дел, дорогая. Куда уж!

— Что новенького решили на заседании совета графства?

— Э... м-м... видишь ли, я туда не ездил.

— Как так? Ты же должен был председательствовать?!

— Произошла какая-то путаница. Меня попросили уступить очередь Томпсону.

— Ах вот что, — произнесла миссис Бантри, нервно сдирая с руки перчатку и роняя ее в корзину для бумаг.

Полковник наклонился было поднять, но жена раздраженно остановила его:

— Оставь, пожалуйста! Ненавижу эти перчат-

ки.

Он взглянул на нее в растерянности, но промолчал.

— Ты обедал в четверг у Даффов?

— Нет, у них кухарка заболела.

— Какая неприятность... А вчера ездил к Нейлорам?

— Видишь ли, я позвонил им, что неважно себя чувствую. По-моему, они не обиделись.

— Так-так... Они не обиделись? Как мило! Где мы проведем этот вечер, Артур? В библиотеке?

— Туда как-то не тянет... Мы ведь можем и здесь посидеть? Или в маленькой гостиной...

— Нет, не будем изменять привычкам, — твердо сказала миссис Бантри. — Только в библиотеке.

Полковник выпрямился. Его глаза блеснули.

— Ты права, дорогая, — сказал он. — В библиотеке — так в библиотеке.

II

Миссис Бантри в сердцах повесила трубку. Дважды она вызывала номер мисс Марпл, и каждый раз станция отвечала ей, что к телефону не подходят. Упрямство миссис Бантри не позволяло отступать. Она методично обзвонила викария, миссис Прайс Ридли, мисс Хартнелл, мисс Везер-

би и, наконец, велела соединить себя с лавкой продавца рыбы. Местоположение лавки позволяло почтенному хозяину видеть всех и знать обо всем. Он чувствовал себя прямо-таки виноватым, что не засек сегодня утром мисс Марпл. Скорее всего, она не совершала обычного моциона.

– *Куда* же она запропастилась? — с нетерпением произнесла вслух миссис Бантри.

За ее спиной послышался деликатный кашель. Дворецкий Лоример сказал:

— Мадам разыскивает мисс Марпл? Я только что видел: мисс идет сюда.

Миссис Бантри обрадованно поспешила к входной двери:

— Откуда вы, Джейн? Я перетряхнула всю деревню, чтобы вас *найти.*

Она бросила выразительный взгляд через плечо. Лоример поспешно удалился.

— Все *идет* ужасно. Соседи уже начинают избегать нас. Артур постарел на *десять лет.* Надо *что-то* предпринять.

— Долли, — проговорила заговорщическим тоном мисс Марпл. — Тревожиться незачем.

На пороге появился полковник.

— Добрый день, мисс Марпл. Жена с утра оборвала телефон, разыскивая вас.

— А я решила сама сообщить вам новость, — сказала старая дама, проходя вслед за хозяйкой в кабинет.

— Какую именно?

— Бэзил Блейк только что арестован по обвинению в убийстве Руби Кин.

— Бэзил Блейк? — вскричал полковник.

— Но убийца не он, — добавила мисс Марпл.

Полковник словно не слышал этих слов.

— Значит, он задушил танцовщицу и подбросил мертвое тело ко мне в дом? В *мою* библиотеку?

— Он нашел ее, уже мертвую, на собственной вилле.

— Сказки! — отрубил полковник. — Честный человек в подобных обстоятельствах вызывает полицию.

— Не у всех ваша железная выдержка, полковник, — вздохнула мисс Марпл. — Вы человек старой закваски. А у некоторых молодых людей не все легко складывалось в жизни, — примирительно сказала мисс Марпл. — Я, например, узнала, что Бэзил Блейк с ранних лет содержит себя сам. Ему было восемнадцать, когда он вынес из горящего дома одного за другим четверых детей, а потом кинулся в огонь за собакой. Его вытащили из-под тлеющих обломков. Ребра ока-

зались сломаны, три месяца он пролежал в гипсе. Тут и увлекся живописью...

Полковник кашлянул и смущенно высморкался:

— Я... гм... ничего не знал об этом подвиге.

— А он и не козыряет им.

— Очень похвально. Готов изменить свое мнение об этом юноше... Он гораздо лучше, чем кажется. Поделом мне: нельзя судить поспешно! — В голосе полковника явно слышалось раскаяние. — Но какого черта ему вздумалось выдавать за убийцу *меня?*

— Не думаю, что у него был такой жестокий умысел. Скорее, это дурная шутка пьяного человека.

— Так вы не считаете *его* виновным?

— Ни в коем случае.

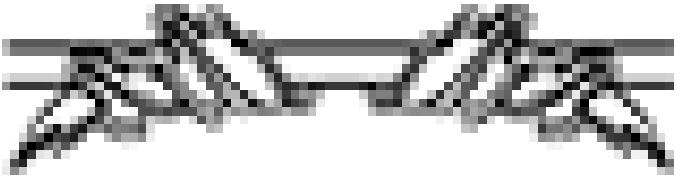
— И знаете, кто настоящий убийца?

Мисс Марпл утвердительно кивнула.

Миссис Бантри, подобно античному хору, обратилась в пространство:

— Она великолепна! Так кто же это?

— Я пришла просить вашего содействия. Просто необходимо отправиться сейчас же в Сомерсет-Хаус.



ГЛАВА 17

I

Сэр Генри сдержанно проговорил:

— Мне это не нравится.

— Вижу, — сказала мисс Марпл. — Моя просьба, безусловно, выходит за рамки обычного. Но необходимо *увериться...* И если мистер Джефферсон поддержит мою точку зрения...

— А Харпер? Куда вы его денете?

— Не надо его посвящать во все подробности.

Достаточно поручить усиленное наблюдение за некоторыми лицами... попросить его буквально не спускать с них глаз.

Сэр Генри нехотя согласился:

— Да, это, конечно, упростит дело.

II

Начальник полиции Харпер посмотрел Генри Клитерингу прямо в глаза:

— Не будем играть в прятки, сэр. Вы что-то от меня скрываете?

— Могу только сообщить о желании моего друга Джефферсона: он намерен проконсультироваться завтра с нотариусом в Дейнмуте о составлении нового завещания.

Начальник полиции усиленно размышлял:

— Поставит ли об этом в известность мистер Джефферсон своих зятя и невестку?

— Он хочет переговорить с ними сегодня вечером.

— Понимаю, — нахмурившись, произнес Харпер, отбивая такт карандашом по столу. — Вернее, догадываюсь.

Его проницательный взгляд еще раз столкнулся с глазами собеседника.

— Арест Бэзила Блейка вас не удовлетворил?

— А вас?

Начальник полиции полувопросительно дернул усами.

— Значит, мисс Марпл не успокаивается?

Они вновь посмотрели друг на друга.

— Доверьтесь мне, — сказал Харпер. — Мои люди не станут вмешиваться, но при надобности будут начеку.

— Тогда взгляните-ка сюда.

Сэр Генри развернул листок бумаги и передвинул его по столу к начальнику полиции. От флегматичности Харпера не осталось и следа. Он изумленно присвистнул:

— Вот оно что! Это меняет все дело.

III

Конвей Джефферсон вскинул быстрый взгляд на входившего друга.

— Я с ними поговорил, — сказал он. — И они приняли новость вполне нормально.

— Что именно вы объявили им, Конвей? — спросил сэр Генри.

— Только то, что в память Руби я решил ранее предназначенные ей пятьдесят тысяч фунтов передать в фонд школы для молодых танцовщиц в Лондоне. Прелестный способ избавиться от состо-

яния! Удивляюсь их доверчивости. — В раздумье он добавил: — По существу, дорогой друг, я вел себя как олух. Руби была милая, смазливая девочка — и только. Вольно же мне было приписывать ей нечто ангельское. Я мечтал в ней найти вторую Розамунду.

IV

Сэр Генри спустился в вестибюль отеля, чтобы задать вопрос швейцару.

— Мистер Гаскелл, сэр? Его машина только что отошла. Он уехал в Лондон, — ответил тот.

— Очень хорошо. А миссис Джефферсон здесь?

— Миссис Джефферсон только что поднялась в свою спальню, сэр.

Сэр Генри заглянул в гостиную и в танцевальный зал. В гостиной Хьюго МакЛин сосредоточенно решал кроссворд. В зале Джози мужественно расточала улыбки толстому джентльмену, вспотевшему от усилий. Легкие туфельки Джози едва успевали увертываться от неуклюжих башмаков партнера, который, видимо, получал от танца истинное удовольствие.

Реймонд, как всегда элегантный, несмотря на поздний час, вежливо кружил анемичную девицу.

Сэр Генри пробормотал сквозь зубы:

– *Пора на покой.* — И пошел вверх по лестнице.

V

Было три часа утра. Ветер стих, луна отражалась в гладком, спокойном море.

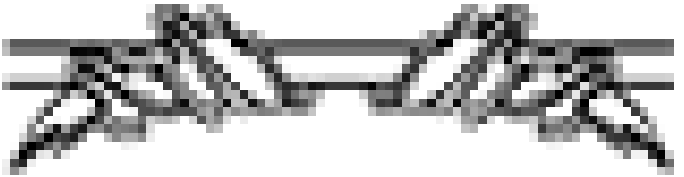
Тишину спальни Джефферсона нарушало только его мерное дыхание.

Но, несмотря на то что порывов ветра снаружи не доносилось, портьера на одном из окон вздрогнула. Затем медленно раздвинулась, и в лунном свете обозначился силуэт. Он тотчас исчез, портьера встала на место, мрак и тишина спальни оставались непотревоженными. Однако в комнате находился кто-то. Он неслышно приближался к кровати. Никаких звуков, кроме тяжелого дыхания спящего... Протянутые пальцы уже готовились оттянуть кожу на теле старика и вонзить шприц.

Внезапно из темноты вынырнула еще одна рука и зажала ту, которая держала шприц.

— Остановитесь! Отдайте мне этот шприц.

Вспыхнул свет. Приподнявшись на подушках, Конвей Джефферсон пристально смотрел на убийцу Руби.



ГЛАВА 18

I

Сэр Генри Клитеринг сказал:

— Поскольку мне досталась роль доктора Ватсона, растолкуйте ваш метод, мисс Марпл!

Мисс Марпл вспыхнула смущенным румянцем и принялась старательно расправлять складки своего парадного шелкового платья.

— Боюсь, сэр Генри, что вы посчитаете мои методы слишком любительскими. Дело в том, —

объяснила она, — что большинство людей, не исключая полицейских, чересчур доверчивы. Они берут на веру все, что им ни скажут. А я — нет. Я жду доказательств.

— Признак научного склада ума, — глубокомысленно изрек сэр Генри.

— В этом деле, — продолжала старая дама, — с самого начала все сосредоточили внимание на кажущемся, вместо того чтобы кропотливо собирать факты. Я, например, увидела, что жертва очень молода, что она грызла ногти и что зубы у нее выступают вперед. Вид убитой вызвал во мне глубокую жалость. Всегда грустно, когда обрывается жизнь столь юного существа. Но как она очутилась в библиотеке полковника Бантри? Совершенно непонятно и слишком похоже на полицейский роман, чтобы быть *натуральным.* То, что Блейк перенес труп в дом Бантри, очень задержало следствие и наделало убийце множество хлопот. По его первоначальному плану мистер Блейк должен был сразу привлечь внимание полиции. В Дейнмуте нетрудно было бы установить его знакомство с танцовщицей, а так как у него появилась другая женщина, то вывод лежит совсем близко: Руби угрожала шантажом, и он задушил ее в приступе гнева.

Однако все разворачивалось *иначе, чем было задумано.* Слишком рано внимание привлекла семья Джефферсонов... к неудовольствию *некоей личности.*

Моя натура такова, что я подхожу к любому событию с точки зрения трезвой и, если хотите, несколько циничной. От смерти танцовщицы выигрывали двое. Об этом нельзя забывать. Пятьдесят тысяч фунтов — целое состояние, особенно если собственных средств почти нет, как в данном случае. Зять и невестка мистера Джефферсона очень приятные, обаятельные люди, подозревать их трудно. И тем не менее. Начнем с миссис Джефферсон. Она у всех вызывает симпатию. Но стало заметно, как эта милая дама переменилась с недавних пор. Ее тяготит денежная зависимость от свекра. Правда, врач предупредил, что дни мистера Джефферсона сочтены и, таким образом, ее будущее (повторяю, мы рассуждаем как циники) вполне благоприятно. Если бы... если бы... если бы не появилась Руби Кин! Миссис Джефферсон обожает своего сына. А на что только не толкнет материнская любовь! Даже на преступление. Я знаю похожие случаи в деревне.

Мистер Марк Гаскелл вызывал во мне еще большие подозрения. Он игрок и не блещет нрав-

ственными правилами. Но по ряду причин мне виделась в данном преступлении *женская* рука.

Однако, установив для этих двоих веский повод, я должна была с некоторым огорчением согласиться, что у обоих безукоризненное алиби на те часы, которые судебная экспертиза определила как время убийства Руби Кин. Вскоре пришло известие о сгоревшей машине и гибели в ней Памелы Ривз. Тут-то упрямая истина обнаружилась: алиби ничего не стоят! У меня в руках были две *половинки* этого дела. Но они не сходились. Между ними не хватало связи. Лицо, которое я *считала* причастным к преступлению, не имело для него повода. Как же я оказалась глупа, — задумчиво проронила мисс Марпл. — Не случись разговора с Диной Ли, я и не додумалась бы... Архивы Сомерсет-Хаус! Акты гражданского состояния. Список бракосочетаний! Почему ограничиваться мистером Гаскеллом и миссис Джефферсон? А если один из них вступил в новый *брак* или собирается это сделать, *то и у третьего человека появляется повод к преступлению!*

Возможно, танцор Реймонд давно искал случая жениться на богатой женщине.

Кроме Реймонда, существовал еще Хьюго МакЛин. Она к нему относилась с доверием и,

видимо, собиралась в конце концов за него замуж. *Он* тоже небогат. В ночь убийства находился поблизости от Дейнмута. Любой из двух мужчин мог быть преступником. Но в глубине души я *знала* и нечто другое. Мне не давали покоя ногти!

— Ногти?! — воскликнул сэр Генри. — Но ведь все проще простого: она обломила один и обрезала остальные.

— Вы ошибаетесь, — возразила мисс Марпл. — Не надо путать *подрезанные* ногти с *обгрызенными.* Достаточно посмотреть на руки школьниц, чтобы разница стала очевидной. Я вечно повторяю девочкам из приюта, как некрасивы обкусанные ногти. Один только вид этих ногтей убедил меня в том, *что труп, обнаруженный в библиотеке полковника Бантри, вовсе не был трупом танцовщицы.* Вот мы и пришли к главному заинтересованному лицу: к *Джози.* Ведь она опознала труп! Не моргнула даже глазом, хотя, конечно, *знала,* что это не ее кузина. И в то же время почти не могла скрыть удивления, что труп нашли именно здесь! Почему? Потому что лучше всех других *знала,* где ему находиться: в доме Бэзила Блейка!.. А кто обратил наше внимание на мистера Блейка? Да та же Джози! Она сказала Реймонду, что Руби, возможно, «уехала с

киношником». Еще раньше она подсунула фотографию этого человека в сумочку своей кузины. Джози! Черствая, практичная, жаждущая *только денег...* Но раз в библиотеке нашли не Руби Кин, то, значит, это Памела Ривз? Зачем понадобилась мистификация? Объяснение одно: чтобы обеспечить алиби определенным лицам. У кого было алиби на час смерти Руби Кин? У Марка Гаскелла, у миссис Джефферсон и у Джози.

Мне показалось очень заманчивым попытаться представить истинный ход событий, чтобы понять, как должен был осуществиться весь план. Запутанный на первый взгляд, он, в сущности, отличался крайней примитивностью. Прежде всего выбор пал на бедняжку Памелу. Чтобы завлечь ее в ловушку, в ход пошла сказка о киностудии. Девочка не устояла перед соблазном, которым ее поманил респектабельный Марк Гаскелл, то есть приглашением на кинопробу. Она пришла в отель, где он ее ждал у заднего входа и затем представил Джози... «гримерше». Несчастная девочка! Я положительно заболеваю, когда думаю о ней... так и вижу ее сидящей в ванной комнате у Джози. А та обесцвечивает ей волосы, гримирует лицо, покрывает ярким лаком ногти на руках и ногах... Во время этой процедуры ей дают нарко-

тик, скорее всего подсыпают в мороженое.

После ужина Марк Гаскелл отправляется в своей машине якобы на берег моря. На самом деле он везет загримированную Памелу, на которой надето старое платье Руби, на виллу Бэзила Блейка и кладет на ковер перед камином. Она в обмороке, но еще жива, и он ее душит пояском от платья. Ах, как это бесчеловечно!

Было около десяти часов вечера. Полный возбуждения, Марк Гаскелл возвращается в отель и появляется в гостиной, а *еще живая* Руби Кин беззаботно исполняет свой первый танец с Реймондом Старром.

Джози, конечно, заранее проинструктировала ее, а Руби была приучена во всем повиноваться своей старшей кузине. Ей велено было подняться наверх, переодеться и ожидать в комнате Джози. Ей тоже дали сильный наркотик, возможно, в чашечке кофе после ужина. Помните, она то и дело зевала, танцуя с молодым Бартлеттом?

Джози поднялась с Реймондом в комнату Руби. Но в ее собственную комнату *никто, кроме нее, не входил.* Там она и убила Руби. Потом спустилась в зал, танцевала с Реймондом, обсуждала с Джефферсонами исчезновение Руби и, пожелав всем спокойной ночи, ушла наверх.

В ранние утренние часы она выносит труп по боковой лестнице, втискивает мертвую Руби в машину Джорджа Бартлетта и проезжает три километра до карьера. Там она обливает сиденья бензином и поджигает автомобиль. Потом возвращается в отель к восьми часам: якобы проснулась так рано потому, что беспокоится из-за пропавшей кузины.

— Какая головоломная инсценировка, — заметил полковник Мельчетт.

— Не сложнее, чем разучить фигуры танца, — возразила мисс Марпл.

— Возможно.

— Она не упустила ни одной мелочи, — продолжала мисс Марпл. — Подумала даже о несхожести ногтей... и постаралась, чтобы Руби зацепилась за ее шаль. Нужно же было объяснить, куда девался обычный маникюр!

Харпер восхитился:

— В самом деле, прекрасно проработаны детали! А у вас было лишь одно-единственное наблюдение: ногти, обкусанные, как у школьницы.

— Нет, была еще одна вещь, — заметила мисс Марпл. — Марк Гаскелл проболтался, он сказал о Руби: редкие, будто вдавленные зубы. А у трупа в

библиотеке зубы чуть выступали *вперед.*

Конвей Джефферсон спросил:

– *Последнюю* сцену придумали вы, мисс Марпл?

— Одно не вызывало сомнения, — продолжала старая дама. — Как только преступники узнают о вашем намерении изменить завещание не в их пользу, они просто вынуждены будут действовать! Ради этого наследства совершено уже *два* убийства, третье становилось необходимым. Чтобы обеспечить себе алиби, Марк отправился в Лондон, поужинал с приятелем и закончил вечер в ночном кабаре, а исполнение взяла на себя Джози. Если за смерть Руби должен был расплачиваться Бэзил Блейк, то кончину мистера Джефферсона приписали бы сердечному приступу. Шприц был наполнен дигиталином. По мнению начальника полиции, принимая во внимание все обстоятельства, любой врач констатирует естественную смерть.

— Дьявольская выдумка!

— Значит, третьей жертвой намечался Конвей? — спросил сэр Генри.

— Да, — ответила мисс Марпл. — А четвертой — Бэзил Блейк. Ведь они подвели его под виселицу.

В комнату легким, быстрым шагом вошла Аде-

лаида Джефферсон в сопровождении Хьюго. Он воскликнул:

— Кажется, мы безнадежно запоздали? Ведь я не знаю ни одной подробности. Собственно, что связывало Гаскелла и эту зловещую Джози?

— Джози была его женой, — просто сказала мисс Марпл. — Они оформили брак год назад, но решили хранить тайну до получения наследства.

Конвей Джефферсон сокрушенно произнес:

— Я всегда подозревал, что Розамунда отдала свою руку мерзавцу.

— Вдохновительницей преступлений была его жена, — сказала мисс Марпл. — Любопытно, что появление Руби спутало их первоначальные планы. Отношение к ней мистера Джефферсона никак не было предусмотрено.

Джефферсон грустно вздохнул:

— Бедная малютка! Несчастная Руби!..

Аделаида сочувственно коснулась рукой его плеча. В этот вечер особое сияние окружало ее. Запинаясь, она сказала:

— Я должна кое-что сообщить вам, Джефф. Хьюго просил моей руки. И я согласилась.

Конвей поднял на нее взгляд.

— Видимо, вам надо было подумать о новом за-

мужестве уже давно, — сказал он. — Поздравляю вас обоих. Кстати, Адди, завтра я оформлю свое новое завещание.

— Да, да, знаю.

— Нет, вы ничего не знаете! Я кладу в банк на ваше имя десять тысяч фунтов, а остальное после моей смерти перейдет к Питу. Вы удовлетворены, дорогая?

— О *Джефф!* Вы так *добры...* — Ее голос предательски задрожал.

— Он славный мальчуган. Я хотел бы его видеть почаще... все то время, которое мне еще отмерено.

— Он будет всегда возле вас!

Взволнованная Аделаида поспешно вышла. Она ждала от свекра упреков, взрыва гнева, а встретила великодушие и истинно родительскую нежность.

II

Когда Хьюго и Аделаида покинули комнату, первый, кто им попался навстречу у дверей танцевального зала, был Реймонд.

Аделаида приостановилась:

— Хочу сообщить вам новость, мистер Старр: я выхожу замуж.

Привычная улыбка появилась на лице Реймонда.

— Надеюсь, — учтиво произнес он, глядя лишь на нее и не оборачиваясь к МакЛину, — надеюсь, что ваше счастье будет полным, мадам.

Он проводил их долгим, унылым взглядом.

«Прелестная женщина, — вздохнул он. — И, кажется, богатая к тому же. А мне так хотелось вновь развернуть по ветру знамя Старров из Девоншира!.. Не повезло... Что ж, принимайся за прежнее, старина!»

И Реймонд вернулся в танцевальный зал.

ПРИМЕЧАНИЯ

